

Свами Вивекананда

ЧЕТЫРЕ ЙОГИ

К РУССКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Находясь между Востоком и Западом и вбирая в себя характерные особенности восточной и европейской культур, Россия самой судьбой избрана для того, чтобы служить своего рода мостом между этими двумя цивилизациями. Вполне естественен поэтому тот значительный интерес, который проявляют в России к индийской культуре. Понять же индийскую культуру — и это отнюдь не преувеличение — можно лучше всего, изучая жизнь и деятельность Свами Вивекананды. Великий индийский поэт Рабиндранат Тагор говорил: «Если вы хотите узнать Индию — читайте Вивекананду».

Свами Вивекананда стремился донести людям свое послание и осуществить свою миссию в жизни. И то, и другое имело национальный и универсальный аспекты. Он видел, что на Западе требуют своего решения проблемы духовной жизни, в то время как в Индии первостепенное значение имеют социально-экономические вопросы. На Западе ему приходилось играть роль посланника или духовного учителя и мыслителя, в то время как в Индии ему нужно было выступать в роли основателя и проповедника новой школы мысли, законодателя и патриота. Этот широкий спектр стоящих перед ним социальных задач предопределил многоплановый характер его миссии. И тем не менее в основе этой многоплановости лежало внутреннее единство и гармония мысли. Как отмечал великий писатель Ромен Роллан, «творческий гений Вивекананды в двух словах заключался в уравниловке и синтезе».

Какое же единство лежало в основе учения Свами Вивекананды? Не что иное, как Истина. Находясь на Западе или на Востоке, имея дело с проблемами духовной жизни или с социально-экономическими вопросами, Вивекананда всегда стремился к Истине. Он постоянно рассеивал иллюзии, срывал покровы, разрушал преграды, скрывающие реальность. «Будьте мужественны и смотрите Истине в лицо» — одно из известных его изречений.

Духовные истины, по мнению Вивекананды, можно использовать для решения как духовных, так и социально-экономических проблем. Это было величайшим открытием Вивекананды. Оно представляет собой суть его послания современному миру.

Теория внутренней неотъемлемой чистоты подлинной души каждого человека служит надежной основой морального поведения. Согласно этой теории, человек должен быть нравственным и добродетельным потому, что непорочность и добродетельность являются его истинной природой. Теория единства всей жизни объясняет, почему человек должен любить своего ближнего как себя самого: так нужно поступать потому, что я и мой собрат по сути едины. Разъясняя смысл этих концепций, Свами Вивекананда заложил основы универсальной этики, не зависящей от авторитета священных текстов и основывающейся не на страхе или принуждении, а на свободе и человеческом достоинстве.

Свами Вивекананда не просто акцентировал внимание на таких характерных особенностях индийской культуры, как терпимость, открытость и гармония, а наглядно показал, что они основываются на ведантистском положении о том, что Истина едина, но идти к ней или выражать ее можно по-разному. Взяв это за основу, он наметил новые принципы Универсальной Религии, согласно которой каждая из существующих религий сохраняет свои особенности, но при этом вбирает в себя все лучшее, что могут представить другие религии.

Хотя Свами Вивекананда думал прежде всего обо всем человечестве в целом, он, конечно, никогда не забывал о своей родине. Свами Вивекананда указывал, что основной причиной ухудшения положения в Индии является забвение интересов масс. Он, конечно, говорил и о других причинах, таких, как ущемление прав женщин, слабые связи с другими странами и т. д. Но при этом он подчеркивал: «Забвение интересов масс я считаю величайшим национальным грехом». Те способы разрешения проблем страны, которые предлагал Свами Вивекананда, отличались от всего того, что предлагали другие реформаторы тех лет. Они основывались на трех уникальных по своей глубине выводах.

Первым выводом Свами Вивекананды было то, что каждая культура имеет своего рода жизненный центр, основной элемент, а применительно к индийской культуре это религия. Возрождение Индии возможно только через религию. Второй вывод заключался в том, что подлинную религию необходимо отделить от социальных институтов (таких, как каста, обычаи и т. д.). Под религией Вивекананда подразумевал духовность, иными словами, комплекс принципов и законов духовной жизни. Третий вывод состоял в том, что в упадке Индии повинна не религия, а то, что фундаментальные духовные принципы религии не получили воплощения в практической жизни.

«Материальная цивилизация, более того, даже роскошь необходимы для того, чтобы дать работу бедным», — говорил он. «Хлеба! Хлеба! Я не верю в Бога, который вместо того, чтобы накормить меня, обещает вечное блаженство в раю».

Свами Вивекананда принадлежал своей культуре, но он не хотел замыкаться в ее рамках. Он был разносторонне одаренной личностью, и универсализм — его главная отличительная черта. Его нельзя назвать просто гуманистом, индусским монахом или еще как-нибудь. Он был всем этим, вместе взятым, и одновременно неизмеримо большим. Его личность не имела границ.

Нас не может не радовать та работа по изучению творческого наследия Свами Вивекананды, которая ведется учеными России. Мы высоко ценим их эрудицию и готовность к восприятию Истины. Учреждение в Москве ведущими исследователями Общества Свами Вивекананды является значительным событием. Наследство Свами Вивекананды, несомненно, окажется особенно привлекательным для молодежи и будет вдохновлять ее на создание новой жизни России.

Свами Гаханананда,
Генеральный секретарь
Матха Рамакришны и
Миссии Рамакришны

СВАМИ ВИВЕКАНАНДА: ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ

Свами Вивекананда — величайший индийский мыслитель Нового времени, человек, имя которого сотни миллионов индийцев знают с детского возраста, как и имя «отца нации» Махатмы Ганди. И его личная судьба, и судьба его идей удивительны. Малоизвестный в самой Индии и совершенно неизвестный за ее пределами в первые тридцать лет своей жизни, в последнее ее десятилетие — после блистательного выступления на Всемирном конгрессе религий (1893) — он становится живым воплощением надежд и чаяний многомиллионного народа, предметом национальной гордости своих соотечественников, их «путеводной звездой».

Его дела — образец для подражания, его слова ценятся на вес золота, его мысли оказывают воздействие на самые разные стороны индийской жизни, да и за пределами Индии находят отклик в умах и сердцах многих представителей мировой культуры. Не будучи профессиональным философом, он, как никто другой, определил судьбы современной индийской философии, главные направления ее развития; не создав специальных трудов по истории индийской культуры, он стал одним из самых полномочных

представителей этой культуры в диалоге Восток — Запад; не являясь профессиональным политиком и даже относясь к политике чаще всего отчужденно и иронически, он оказал громадное влияние на процесс пробуждения национального самосознания в своей стране, что с благодарностью отмечали лидеры национально-освободительного движения в XX в. Быть может, секрет уникальной значимости жизни Вивекананды и его наследия в том, что в этом человеке органически сочетались глубокое знание национальных религиозно-философских традиций, открытость по отношению к традициям иных культур, чувство сопричастности судьбам не только Индии, но и всего человечества и высокая духовность.

При всей нетрадиционности многих своих высказываний (нередко крайне враждебно воспринимавшихся представителями индуистской ортодоксии) Вивекананда вполне традиционен как воплощение лучших качеств столь ценимого в Индии во все времена учителя жизни, гуру, для которого непреложный закон — единство мысли, слова и дела, предельная искренность, бескорыстность и самоотверженность. Главные идеи Вивекананды всегда связаны не только с тем, что продумано, но и с тем, что пережито и прочувствовано им.

* * *

Нарендранатх Датта (получивший впоследствии имя Свами Вивекананда) родился 12 января 1863 г. в семье зажиточного калькутского адвоката Вишванатха Датты.

Юный Нарен — любимый сын Вишванатха Датты, которому отец уделял особое внимание и дома, и во время поездок по стране, получает воспитание, побуждающее его думать, а не слепо следовать тем или иным авторитетам, проявлять терпимость, быть чуждым фанатизму, лицемерию, обскурантизму. Впоследствии представители ортодоксии, обвиняя Вивекананду в «модернизме», будут писать: «Каков отец, таков и сын».¹

В 1879 г. шестнадцатилетний Нарендранатх Датта поступает в колледж. Студенческие годы — годы сомнений, поисков, надежд. Нарендранатх много читает, в особенности по любимым предметам: литературе, истории, философии. Среди прочитанных книг — произведения Канта и Шопенгауэра (впоследствии Вивекананда будет неоднократно ссылаться на них — ему будет импонировать сопоставление идей веданты и Канта, произведенное учеником Шопенгауэра Дейссеном). Но наибольший интерес вызывают у него в этот период работы английских позитивистов (Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера), а также их предшественника Д. Юма (впоследствии его отношение к ним резко изменится — он сделает позитивистские и утилитаристские идеи одной из главных мишеней своей критики).

Но пока — он сомневается в наличии Бога, однако, не будучи в силах ни окончательно отказаться от этой идеи, ни принять ее, ищет убежище в философском агностицизме. Его неприятие индуистской ортодоксии сказывается и в присоединении к религиозно-реформаторскому «брахмоистскому» движению. Впрочем, одобряя программу реформ, предложенную брахмоистами, он мечтает о большем. Как вспоминает один из его друзей этих лет, Бражендранатх Сил, молодой Нарендра считает своим «евангелием» идеалы Великой французской революции. Не случайно любимой книгой Нарендранатха на многие годы становится книга Карлейля, содержащая мастерски написанную хронику этой революции. Таковы были умонастроения молодого индийского студента в столь знаменательном для него 1881 г. — году, когда произошла его встреча с человеком, коренным образом изменившим течение его жизни, — Рамакришной Параммахамсой (1836–1886).

Впервые Вивекананда услышал о нем в колледже. Одним из предметов увлечений Нарендранатха была английская поэзия: Уордсворт, Теннисон, Шелли. Читая написанные в романтическом духе предисловия Уордсворта к сборникам его стихов, Нарендранатх

¹ Datta B. Swami Vivekananda. Patriot-prophet. A Study. Calcutta, 1954, p.100.

наталкивается на места, в которых говорится о таинственной связи всего существующего, о единстве поэта и мира, о возвышенном чувстве слияния с мировым бытием в минуты вдохновения. Он просит преподавателя прокомментировать соответствующие места, тот отвечает, что лучше всего это смог бы сделать такой человек, как Рамакришна.

Ответ звучит удивительно, даже парадоксально, ибо Рамакришна в высшей степени далек от колледжа, ученых диспутов и тем более — от английской литературы. Это всего лишь полуграмотный жрец при храме богини Кали в Дакшинешваре, в окрестностях Калькутты.

Впоследствии ученики Рамакришны сделают его имя известным всему миру, появится множество его биографий, будут расцвечены самыми яркими красками мельчайшие детали его жизни. Напишет о Рамакришне и Вивекананда. В чем же состояло учение этого человека? Оно никогда не было изложено им систематически, в письменном виде, и его можно лишь реконструировать, исходя из тематики его поучений и притч.

Постоянная тема этих притч — единство; един Бог, предстающий перед сторонниками разных вероисповеданий в изменяющихся формах, подобно хамелеону на дереве, едины в сущности своей все виды религиозного поклонения, подобные разным способам приготовления одной и той же рыбы, едины, наконец, и философские основы религий — так, сторонники разных видов веданты, спорящие о соотношении Бога и мира, подобны человеку, который не понимает, что во фрукте равным образом реальны и важны все его составные части, от семечек до кожуры.

Другая тема — бедствия «железного века» (*кали-юга*), вызванные господством в душах людей мировой иллюзии — *майи*. При этом о майе идет речь у Рамакришны отнюдь не для уточнения средневековых различий относительно соотношения бытия и небытия, для него это психологическая реальность, определяемая через такие ее «приманки», как «женщины и деньги», иногда дается и более развернутая формула: «женщины, деньги, земля». И сама эта формула, и примеры, поясняющие ее (прежде всего речь идет о бедствиях многолетних и малоимущих, но постоянно увеличивающихся семей), прямо связаны с тем простирающимся вокруг Рамакришны морем нищеты, бедствий, отчаяния разоряющихся ремесленников и крестьян, которое было столь характерно для Индии XIX в.

И наконец, третья постоянная тема бесед Рамакришны — поиск путей освобождения от бедствий кали-юги. Он отнюдь не считает необходимым для этого уход от мира. С его точки зрения, следует лишь умело сочетать *бхукти* и *мукти* — наслаждение и свободу, жить в мире, но не быть привязанным к нему (излюбленный пример Рамакришны, обычно приводимый в качестве иллюстрации к этому положению, — как живет служанка в доме своих господ, будучи далека от него мысленно), бескорыстно выполнять свои обязанности. И наконец, самое главное, самое необходимое в «железный век» — любовь (*бхакти*), видящая Бога во всех людях, независимо от его положения в обществе. Характерны его высказывания об относительности кастовых различий, о стирании их для достигшего совершенства человека. И это не были лишь слова, это была норма поведения самого Рамакришны; всю Индию облетел рассказ об одном из его самых необычных поступков: ночью, пробравшись в хижину неприкасаемого, он подмел пол хижины своими длинными волосами.

Рамакришна выступает с проповедью единого Бога (в качестве высшей реальности), считает относительными кастовые различия, отстаивает идею упрощения и удешевления обрядов: подобно тому как рыбу удобнее есть, удалив хвост и голову, так и поклоняться Богу лучше, по его словам, в самых простых формах.

И вот этого-то человека встречает Нарен в один из ноябрьских вечеров 1881 г. Нарен, обладавший прекрасным слухом и довольно сильным голосом, исполняет для присутствующих на вечере несколько песен. Пение молодого студента приводит в восторг Рамакришну, тот выводит его на балкон, кланяется ему, называя его Нараяной (одно из имен Вишну), и просит посетить его в Дакшинешваре. «Жестокий! Как ты мог не приходить так долго! Именно тебя я ждал все эти долгие годы!» — восклицает он патетически. Нарен смущен и озадачен, в голове его мелькает мысль, что перед ним — сумасшедший. И все же в

декабре он приходит — главным образом из любопытства — в Дакшинешвар. Во время визита Рамакришна легким прикосновением погружает его в состояние транса (у Нарендранатха это вызывает ужас — ему кажется, что он умирает). Нечто подобное происходит и во время второго визита Нарена в Дакшинешвар (причем на этот раз Рамакришна беседует с погруженным в транс Нареном и узнает от него разные детали его жизни). Впрочем, хотя все это и производит известное впечатление на молодого студента, вначале он далеко не склонен к мистическому объяснению происшедшего: он объясняет его вполне рационалистически — как гипнотическое внушение. Это стремление к естественному объяснению событий, которые расценивались окружающими как сверхъестественные, сохранилось у Нарендранатха и в последующие годы. В этом смысле его продолжавшиеся более 5 лет (1881–1886) посещения Рамакришны наполнены непрерывной внутренней (с самим собой) и внешней (с учителем и его окружением) полемикой. Но Нарендранатх не уходит от Рамакришны, а остается — несмотря на все свои сомнения — возле него и становится в конце концов одним из самых преданных его учеников.

Окончательный поворот Нарендранатха к учению Рамакришны происходит в трагическом для него 1884 г., когда от сердечного приступа умирает его отец и он становится единственным кормильцем большой семьи. Имущественные дела отца оказываются в запущенном состоянии, семью осаждают кредиторы, дом угрожают продать с молотка, а Нарендранатх тщетно пытается что-то исправить и наладить, найти хоть какой-то заработок. Вот как он описывает свое состояние в те дни: «Я умирал с голоду. Босой я ходил из конторы в контору, и повсюду мне отказывали. Я узнал на опыте, что такое человеческое сочувствие. Это было мое первое соприкосновение с действительной жизнью. Я открыл, что в ней нет места слабым, бедным, покинутым... Свет казался мне порождением дьявола. В знойный день, держась с трудом на ногах, я присел на площади под тенью какого-то памятника. Тут же было несколько моих друзей. Один из них пел гимн в честь безграничной милости Божьей. Это был для меня как бы удар дубиной по голове. Я подумал о плачевном состоянии моей матери и моих братьев. Я закричал: „Прекратите эту песнь! Подобные фантазии могут быть приятны только тем, кто родился с серебряной ложкой во рту...“»² Такого рода речи становятся достоянием гласности, Нарендранатх приобретает дурную славу «атеиста», пускаются в обращение слухи о его аморальном поведении, посещениях мест, пользующихся сомнительной репутацией, «разгуле». Когда некоторые из его знакомых пересказывают ему содержание слухов, он в гневе заявляет, что в этом злосчастном мире человек может себе позволить утешаться, как найдет нужным, а ханжи-моралисты просто трусы. Все это подливает масла в огонь. И только у одного человека — Рамакришны — дурные слова о Нарене вызывают гнев. Впоследствии Вивекананда напишет: «Шри Рамакришна был единственным, кто полностью и неизменно сохранял веру в меня, даже мать и братья не сохранили ее. Именно его незыблемое доверие и любовь привязали меня к нему навсегда».³ В этих условиях многое, что раньше представлялось Нарендранатху достойным предметом жизненных устремлений — диплом юриста, карьера, положение в обществе, — становится глубоко чуждым ему. В новом свете предстают перед ним слова Рамакришны о майе, мир кажется жестоким, бесчеловечным, и он ищет убежища возле учителя. Его настроения в этот период ярко выразились в следующем эпизоде: готовясь однажды дома к экзамену в колледже, он вдруг почувствовал такой ужас и отвращение к своему будущему ремеслу, что бросил книги и побежал к Рамакришне, потеряв по дороге сандалии. Нарендранатх принимает решение стать *саньяси* и вскоре после смерти Рамакришны, наступившей 16 августа 1886 г., реализует свое намерение. Вместе с другими учениками Рамакришны он

² Цит. по: Роллан Р. Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Жизнь Рамакришны. Собр. соч., Л., 1936, т.19, с.163–164.

³ The Life of Swami Vivekananda by his Eastern and Western Disciples, Calcutta, 1960, p.97–98.

поселяется в заброшенном полуразрушенном доме в Баранагоре (вблизи Дакшинешвара). В доме почти никогда не бывает вдоволь ни еды, ни одежды, по стенам ползают ящерицы, скорпионы и змеи, но зато есть обширная библиотека, и молодые саньяси проводят дни в бесконечных спорах — речь идет отнюдь не только о религиозных сюжетах, но и о литературе, искусстве, философии и истории.

Вскоре начинаются странствия Нарендранатха по стране, вначале сравнительно непродолжительные, прерываемые возвращениями в Баранагор. Но в июле 1890 г. он уходит из Баранагора навсегда (он вернется к своим верным соученикам лишь после поездки в США, и местом их совместного проживания будет уже не Баранагор). В течение примерно трех лет Нарендранатх, постоянно сменяя имена, проходит, большей частью пешком, всю Индию от Гималаев до мыса Коморин. Это путешествие становится его вторым «университетом», именно здесь он приобретает столь удивлявшие потом его современников своей обширностью познания из области быта различных слоев индийского общества, этнографии, лингвистики, фольклора и т. д. В 1892 г., достигнув самой южной точки Индии — мыса Коморин, он мысленно дает клятву посвятить свою жизнь возрождению Индии посредством улучшения условий жизни и пробуждения национального самосознания индийского народа. В 1893 г. он принимает решение отправиться на открывающийся в Чикаго Всемирный конгресс религий с целью не столько религиозного, сколько светского характера — привлечь внимание мировой общественности к бедствиям миллионов индийцев и побудить ее оказать им действительную помощь.

Через полтора месяца после отплытия из Бомбея он прибывает в Ванкувер. В конце июля Вивекананда уже в Чикаго. Здесь его ждет неприятный сюрприз: открытие конгресса состоится лишь в сентябре. Между тем имеющиеся у него средства уже на исходе, а жизнь в Чикаго дорога. Вивекананда принимает решение отправиться в Бостон (где, по слухам, стоимость жизни дешевле) и пробыть там до открытия конгресса. В поезде он знакомится с богатой американкой, решившей оказать ему покровительство, — некой Кэтрин Эббот Санборн, и отправляется в ее поместье с романтическим названием «Луга, овеянные ветром». Здесь случай сводит его с профессором Гарвардского университета Генри Райтом, который в свою очередь приглашает его погостить.

К началу сентября Вивекананда возвращается в Чикаго. На сей раз у него в руках рекомендательное письмо профессора Райта в адрес оргкомитета конгресса. Письмо составлено в самых восторженных выражениях: Райт характеризует Вивекананду как человека «более ученого, чем все наши профессора, вместе взятые». 11 сентября он выступает на открытии конгресса и вскоре привлекает к себе всеобщее внимание, его выступления и доклады на различных секциях конгресса неизменно становятся «гвоздем программы».

На десятый день работы конгресса Вивекананда выступает со своим знаменитым (и получившим немало откликов в его собственной стране) докладом, озаглавленным «Религия не является насущной нуждой Индии». Он заявляет: «Вы воздвигаете храмы в Индии, но вопиющее зло на Востоке не недостаток религии — религии там достаточно. Хлеб — вот о чем вопиют миллионы страдающих индийцев... они просят хлеба, но им дают камень».⁴

После закрытия конгресса Вивекананда заключает контракт с лекционным бюро и совершает ряд поездок по стране, во время которых выступает с многочисленными лекциями (порой число их доходит до 14 в неделю). Поездки (нередко ночные) изнурительны, публика разношерстна, обстановка, в которой приходится читать лекции, мягко говоря, не вполне академическая — так, на одной из лекций (в небольшом городке на «диком Западе») слушатели «развлекаются» стрельбой, стараясь, чтобы пули пролетали как можно ближе к Вивекананде, дабы можно было «испытать» его восточную невозмутимость (последний, впрочем, с честью выходит из подобного рода испытаний). Все это Вивекананда стоически

⁴ The Complete Works of Swami Vivekananda, v.1–8. Calcutta, 1989, v.1, p.20.

переносит ради того, чтобы собрать деньги в фонд помощи голодающим в Индии.

В течение 1894 г. Вивекананда выступает с лекциями в ряде американских городов, в том числе и самых крупных. Темы его лекций весьма разнообразны; они посвящены не только религиозным и философским вопросам — индуизму и веданте, но и истории, искусству, литературе Индии, обычаям индийцев, их образу жизни. Вивекананде приходится постоянно бороться с двоякого рода искаженными представлениями о своей стране. Во-первых, он сталкивается с мнениями, возникшими под влиянием деятельности теософов и их учения («блаватскофий», как впоследствии иронически будет говорить Вивекананда). Это мнения, согласно которым «индийское» приравнивается к «чудесному», «сверхъестественному», «окултному». Но больше всего хлопот доставляет Вивекананде тот односторонний и во многом искаженный образ Индии, который в течение многих лет создавался усилиями миссионеров. Миссионеры всячески стремились (в целях вящего самовозвеличения) изобразить индийских «язычников» в самых мрачных красках — как людей глубоко аморальных, практикующих преимущественно изуверские обряды и т. д.

Под влиянием миссионерской пропаганды его засыпают после лекций записками с весьма типичными вопросами: правда ли, что в Индии мужа сжигают жен; правда ли, что в Индии детей приносят в жертву крокодилам и хищным птицам и т. д.

Но не все американцы были настроены по отношению к Индии так, как того хотели бы миссионеры. Уже в начале века многие из них с большой симпатией к индийцам, вспоминая о недавно отгремевших в собственной стране сражениях с англичанами, следят за борьбой индийских княжеств с Англией. Популярности индийской философии и индийской культуры в целом в демократически настроенных кругах американской интеллигенции способствовала деятельность так называемых трансценденталистов — философской школы, наиболее видными представителями которой были Ралф Уолдо Эмерсон (1803–1882) и Генри Дэвид Торо (1817–1862). Выступая с романтических позиций против господства принципа «чистогана» в человеческих взаимоотношениях, против иссушающего души утилитаризма и сгибающего их конформизма, трансценденталисты считали ряд важнейших идей индийской философии созвучными собственным идеям. Им импонировали мысли Бхагавад-Гиты о необходимости бескорыстной деятельности (в противовес утилитаризму!), равно как и мысли Упанишад о Брахмане и Атмане (наличие общей духовной основы мира и людей трактовалось как подтверждение тезисов о всеобщем братстве и единении с природой), а также о мировой иллюзии — майе, понимаемой в данном случае как начало, разъединяющее людей, заставляющее их углубляться в собственные, узкие, искусственно созданные «мирки».

К концу 1894 г. Вивекананде окончательно становится ясно, что его попытка создать денежный фонд для помощи индийцам не удалась. У него зреет другой план — «духовно завоевать» западные страны, распространяя в них идеи веданты, и тем самым изменить их отношение к Индии. С этой целью он преподает в 1895–1896 гг. веданту и йогу группе учеников в Нью-Йорке, а также совершает две поездки в Англию и ряд стран Европейского континента. «Британская империя со всеми ее недостатками — самая мощная машина для распространения идей, которая когда-либо существовала. Я собираюсь поместить свои идеи, — говорит он, — в центр этой машины, и они распространятся по всему миру... Духовные идеалы всегда являлись человечеству от тех народов, которые были попраны ногами...».⁵

В декабре 1896 г. Вивекананда отплывает в Индию. Каковы же были итоги его пребывания за океаном? Разумеется, оказалась во многом утопической идея «духовного завоевания» Запада: основанное Вивеканандой «ведантистское общество», хотя и просуществовало до наших дней и включало в свой состав таких людей, как Лютер Бербанк, Иегуди Менухин, Бэтт Дэвис, Кристофер Ишервуд, никогда не было многочисленным

⁵ Цит. по: Роллан Р. Ук. соч., с.266.

(любопытно, что в 1968 г. в США было 100 тысяч буддистов и лишь тысяча ведантистов). И все же деятельность Вивекананды была отнюдь не безрезультатной. Прежде всего именно в этот период он впервые делает достоянием широкой общественности собственные взгляды. Его многочисленные лекции, доклады, выступления появляются в печати — вначале на страницах газет, а впоследствии преимущественно в записи учеников (в особенности Дж. Гудвина) и отдельными изданиями (наибольшую известность получают его лекции о йоге — «Раджа-йога», «Карма-йога», «Бхакти-йога» и «Джняна-йога»). Во многих отношениях его взгляды представляют собой концептуализацию и систематизацию того, что в художественной форме было высказано в притчах Рамакришны (это относится, например, к концепции «универсальной религии» и синтеза различных видов веданты). Но его учение не просто «рамакришнаизм». Во-первых, Вивекананда выступает как ярчайший выразитель основных, наиболее влиятельных прогрессивных тенденций в индийской философии прошлого века. Некоторые из них почти не прослеживаются у Рамакришны, но весьма ярко выражены у его талантливого ученика. Такова просветительская тенденция: борьба Вивекананды с оккультизмом, равно как и с традиционными предрассудками и суевериями, высокая оценка роли наук, светского образования.

Во-вторых, Вивекананда разрабатывает ряд проблем, которыми попросту не мог заниматься Рамакришна, не получивший соответствующего образования. Таково сопоставление ряда аспектов исторического развития культуры в Индии и Европе (постоянно проводимое Вивеканандой с целью критики европоцентризма).

Наконец, в-третьих (и это, пожалуй, самое главное), у Вивекананды произошло весьма характерное изменение акцентов по сравнению с Рамакришной: социальные вопросы все более выдвигаются у него на первый план.

Другим существенным результатом выступлений Вивекананды в Америке было то влияние, которое они оказали на пробуждение национального самосознания в Индии. Десятки индийских газет разнесли слова Вивекананды по всему Индостанскому полуострову, отчеты о его выступлениях читались повсюду жадно, с постоянным интересом, хотя отношение к ним было разным. Деятельность Вивекананды вызвала ожесточение у ряда сторонников индуистского традиционализма. С целью опорочить молодого саньяси о нем распространяют различного рода слухи и измышления, пишут о его действительных (пересечение океана, нарушение традиционных запретов, связанных с питанием) и выдуманных «прегрешениях» против индуизма (бросаются нелепые упреки в употреблении сигар, вина и даже в «приверженности к роскоши»). Но клевета не возымела желанного действия. Популярность Вивекананды растет. По всей Индии прокатывается волна митингов в его поддержку, ему посылают многочисленные приветственные адреса.

И не случайно возвращение Вивекананды в Индию (15 января 1897 г.) стало событием общенационального значения, подлинным триумфом. По словам «Индиан нейшн», он оставил Индию как нищий, а вернулся как принц. И даже это яркое сравнение лишь весьма относительно передает то, что произошло на самом деле. По воспоминаниям одного из очевидцев этого события, «никакой принц, магараджа или даже вице-король Индии никогда не встречали такого сердечного приема и не получали столь искренних свидетельств любви, уважения, благодарности и преклонения...».⁶

Люди ложатся на железнодорожные пути, по которым следует его поезд, чтобы хоть ненадолго задержать его и выслушать от него несколько слов, раджи впрягаются вместо лошадей в колесницу, в которой он едет, на пути его следования воздвигаются десятки триумфальных арок.

По приезде в Индию Вивекананда разворачивает самую активную деятельность: основывает Миссию Рамакришны (1 мая 1897 г.) и «обители» в Белуре (январь 1899 г.) и затем вместе с учениками, супругами Севье, — в Альморе (1899 г.), выпускает ряд газет.

⁶ The Life of Swami Vivekananda by his Eastern and Western Disciples, vol.3. London, 1915, p.114.

Наиболее важное из этих начинаний — Миссия Рамакришны, в уставе которой записаны следующие цели: 1) «приготавливать людей к преподаванию знаний и наук, могущих служить увеличению материального и духовного благосостояния масс»; 2) «поощрять искусства и ремесла и оказывать им поддержку». И наконец, 3) «внедрять и распространять в массах ведантистские и иные религиозные идеи в том виде, как они были разъяснены в жизни Рамакришны».⁷ Миссия открывает ряд школ и больниц, а в 1898–1899 гг. играет активную роль в борьбе с эпидемиями холеры и чумы (что весьма способствовало росту ее популярности).

И все же самым важным, самым весомым в большой исторической перспективе были не организационные начинания Вивекананды (хотя он и говорил порой о своем увлечении «мисс организацией»), а его многочисленные выступления, в которых он резко осуждал систему кастовых привилегий, отстаивал необходимость всеобщего образования, призывал к прекращению религиозной розни, к национальному единству, к широкому участию масс в общественной жизни, к гражданскому мужеству и, если необходимо, самопожертвованию. Вивекананда более чем кто-либо иной в эти годы способствовал тому преобразованию традиционного религиозного идеала, которое так ярко проявилось в начале XX в. в колоритных фигурах ряда радикальных общественных деятелей Индии — мужественных политических борцов, выступавших в то же время со всеми атрибутами религиозных подвижников. Это хорошо уловила одна из популярных индийских газет «Махратта», давшая ему такую характеристику: «Вивекананда — саньяси, но это не аскет старого типа, для которого мир — ничто, а саньяси нового типа, следующий Бхагавад-Гите, для которого мир — все и кому его страна и народ дороже, чем все остальное. Главный, ключевой мотив его философии — духовность не созерцательная, а практическая. „Чтобы наводнить страну социальными и политическими идеями, наводните ее идеями духовными“, — говорит Свами. И это дает нам — в двух словах — суть его философии и его патриотических устремлений».⁸

Здоровье Вивекананды постепенно ухудшается, и 4 июля 1902 г. в возрасте 39 лет (еще в 90-е годы он предсказывал, что не доживет до 40) он умирает. Смерть его овеяна легендами, его ученики не хотели верить в естественность этого события и постарались окружить его ореолом таинственности. Но сам Вивекананда в последние годы своей жизни более чем когда-либо был склонен к реалистическим взглядам. Он заявляет: «Чем старше я становлюсь, тем глубже я понимаю смысл индийской идеи, что самое высшее из существ — это человек!».⁹ Таково было завещание Вивекананды.

* * *

В теоретическом наследии Вивекананды центральное место, несомненно, занимают его четыре работы о йоге. Именно здесь излагается ряд духовных установок, внедрение и распространение которых составляет одну из самых важных задач созданной им Миссии Рамакришны.

Все издания, выпускаемые в свет Миссией Рамакришны, снабжены причудливой эмблемой, идея которой принадлежит Вивекананде: подернутую рябью поверхность озера освещают косые лучи восходящего солнца, в этих лучах ясно видны цветок лотоса и белый лебедь, картину в целом завершают обрамляющие ее контуры гигантского змея. Лебедь в центре — символ «высшего Я».

Все остальные элементы символизируют различные виды йоги: подернутые рябью

⁷ Цит. по: Роллан Р. Ук. соч., с.287.

⁸ Vivekananda in Indian Newspapers, 1893–1902. Calcutta, 1969, p.384.

⁹ Цит. по: Nivedita. The Master as I saw him. London, 1910, p.461.

воды озера — *карма-йогу* (йогу действия), лотос — *бхакти-йогу* (йогу любви), восходящее солнце — *джняна-йогу* (йогу знания) и, наконец, гигантский змей — *раджа-йогу* («царственную йогу» Патанджали, о которой иногда говорят просто как о «йоге», имея в виду ее особую значимость — это и весьма детально разработанная система психофизических упражнений, и одновременно одна из шести ортодоксальных философских школ Древней Индии). То, что Вивекананда придает столь большое значение йогической практике, далеко не случайно. Здесь он опирается на одну из самых важных традиций классической индийской философии. Все главные системы этой философии — и ортодоксальные, и неортодоксальные (за исключением лишь одной, а именно *локаяты*) — строятся так, что центральное место в них занимает учение о соотношении «высшего» и «низшего», «подлинного» и «неподлинного», «свободного» и «зависимого» «Я». Соответственно кардинальное значение приобретает вопрос о путях духовного совершенствования, преодоления «неподлинности», обретения свободы. Эти пути и указывает йога в широком смысле слова (и в этом смысле мы можем говорить о ведантистских видах йоги, «йогической практике» в джайнской или буддийской традициях и т. д.). И тут не так-то просто дать всеобъемлющую классификацию, если учесть, что порою с одной религиозно-философской традицией в ходе ее развития связывалось несколько видов упомянутой «практики» (и наоборот, один вид последней использовался в нескольких традициях). Характерно, что Вивекананда даже пишет иногда о «бесконечном» числе путей йоги. И в самом деле, йога как центральный феномен индийской культуры не менее многообразна, чем сама эта культура.

Почему же Вивекананда избрал именно четыре упомянутые выше йоги? Тут сыграли роль несколько обстоятельств. Во-первых, о трех из них (йогах действия, знания и любви) речь идет в Бхагавад-Гите, этой Библии индуизма, поэме, с которой миллионы индийцев, отнюдь не только из числа принадлежащих к высшим кастам или отличающихся особой ученостью, сверяются как с одним из важнейших жизненных ориентиров. Вивекананда же, равно как и созданная им Миссия, обращается прежде всего именно к массам, а не к элите индийского общества. Да и за пределами Индии легче было популяризировать идеи этой поэмы, нежели идеи более эзотерических памятников (хотя Вивекананда, как сможет убедиться читатель, умел блестяще справляться и с этой последней задачей). Во-вторых, три упомянутые йоги связаны с ведантистской традицией, на которую преимущественно и опирается Вивекананда, четвертая же (*раджа-йога*) развивает ряд идей, которые используются и другими ортодоксальными школами Древней Индии (исключая *пурвимиансу*). В-третьих, Вивекананда постоянно подчеркивает, что основные «йогические пути» соответствуют особенностям главных психологических типов людей, характеризующихся преобладанием познания, эмоций или волевых импульсов в общей динамике их психической жизни. Добавим, что к первому из перечисленных типов обращена не только *джняна-йога*, но и *раджа-йога*, особенность которой состоит в устремленности на познание не только сознательных, но и подсознательных состояний психики (что и сделало ее в нашем веке предметом особого внимания в различных школах психоанализа).

В самом деле, эмоции, воля, разум — важнейшие компоненты психики в традиционной индийской психологии (впрочем, существенно не отличающейся в этом пункте и от психологии европейской). А значит, система воздействий на волевою, эмоциональную и познавательную стороны личностных установок исчерпывает возможные средства переориентации индивидов; сущность же такой переориентации, с точки зрения Вивекананды, должна состоять в достижении «духовного равновесия» (*самата*) и «непричастности страстям» (*вайрагья*). Каждая из йог достигает этой переориентации по-своему, то побуждая волю к отказу от эгоистических и эгоцентрических устремлений (*карма-йога*), то направляя все эмоции на один высший объект (*бхакти-йога*), то показывая разуму незначительность преходящего по сравнению с вечным (*джняна-йога*). Как отмечал впоследствии Ауробиндо Гхош в своих трудах по йоге, можно провести любопытную параллель между данными методами «самоконтроля» и методами достижения «бесстрастия»

в трех основных школах эллинистической философии, также ориентированных на познавательный (скептики), волевой (стоики), эмоциональный (эпикурейцы) компоненты личностных установок. Коренное различие заключается, конечно, в том, что индийские методы самоконтроля прямо связаны с религией.

Но единство основных йог состоит, по Вивекананде, не только в общности их конечной цели (достижение свободы) и одинаковости производимой ими духовной переориентации. Они переплетаются друг с другом, помогают друг другу; совместное действие основных йог сравнивается Вивеканандой с координацией двух крыльев и хвоста при полете птицы — здесь уже намечается, по существу (правда, именно только намечается), идея единой и «полной» йоги — пурна-йоги, которая была развита впоследствии в трудах Ауробиндо Гхоша.

В связи с такого рода «синтетическим» подходом Вивекананде в общем чуждо характерное для средневековых ведантистских комментаторов стремление построить незыблемую «иерархию» йог (в которой обычно отдавалось предпочтение то ли «йоге знания», то ли «йоге любви»). Это, конечно, не означает и полного «уравнивания» значимости йог: в разных плоскостях рассмотрения то одна, то другая из них может иметь определенные преимущества. Так, «йога любви», по Вивекананде, — самый легкий путь, а «йога действия» — путь, наиболее пригодный для настоящего времени. Характерно, что в отличие от иных путей Вивекананда считает его вполне приемлемым также и для атеистов. Характерно также, что свои лекции по йоге перед американской аудиторией он начинает именно с карма-йоги.

Работы Вивекананды, посвященные четырем йогам, дают возможность читателю познакомиться не только с классическими представлениями о главных путях «йогического совершенствования», не только с идеями преимущественно связанных с ними древних систем философии, но и с философскими убеждениями самого автора этих работ. Истоки этих убеждений многообразны. Подобно крупнейшим представителям классической ведантистской традиции — Шанкаре, Раманудже, Мадхве — Вивекананда ассимилирует и взгляды отличных от веданты систем (в особенности санкхьи). Более того, он стремится примирить и согласовать друг с другом главные направления в самой веданте (адвайта, вишишта-адвайта, двайта). К вековым спорам их сторонников, с новой силой вспыхнувшим в XIX в., он нередко относится иронически (в одной из своих работ даже называя такого рода диспуты пандитов «регулярно устраиваемыми боями быков в Бенаресе»). И все же он не скрывает своих симпатий преимущественно к одному из этих направлений. «Я — Шанкара!» — заявляет он с гордостью.¹⁰ И в самом деле, Вивекананда, несомненно, исходит прежде всего из основоположений адвайтистской философии, хотя интерпретация их у него весьма своеобразна и отражает все главные тенденции развития индийской философии в Новое время (не случайно уже современники Вивекананды называли его философию неоведантой). Но чтобы понять специфику этой интерпретации, надо прежде всего обратиться к классическим истокам.

Итак, что же представляла собой философская доктрина адвайты? Предельно сжатым образом суть ее выражена в очень популярном и простом афоризме: «Брахман подлинен, мир — неподлин, Душа — не что иное, как Брахман». Перед нами совершенно последовательный и доведенный до логического предела *абсолютный идеализм*, в рамках которого все многообразие вещей материального мира и индивидуальных психических проявлений сведено к безличному мировому сознанию. Однако при всей ясности и очевидности главной тенденции адвайты простота ее во многом кажущаяся. Адвайта признает подлинную природу Брахмана неопишуемой, лишенной атрибутов, природный мир и «эмпирическое» «Я» человека — не обладающими подлинной реальностью — порождением мировой иллюзии (майи). В качестве же наивысшего «пути освобождения»

¹⁰ Роллан Р. Вселенское евангелие Вивекананды. Собр. соч., Л., 1936, т.20, с.7.

принимается путь «знания», понимаемого как средство обесценивания и снятия указанных иллюзорных дифференциаций. При этом упомянутое «знание» оказывается во многом противопоставленным обычному, «профаническому», поскольку при достижении его исчезает необходимая для осуществления «профанического» познания триада: субъект — средство знания — объект (всякая множественность «неподлинна»!).

Подобные утверждения, несомненно, представлялись в высшей степени парадоксальными не только с точки зрения «обыденного» здравого смысла, но и с точки зрения философии (включая и противников адвайты в рамках ведантистской традиции). В самом деле, вполне очевидный видимый и осязаемый мир представал здесь как нечто эфемерное и «бесплотное», а лишенный плоти дух приобретал статус единственно очевидного; знание мира, достигаемое рациональными средствами, объявлялось «незнанием», а неопишное и невыразимое — достоянием «знания»! Ясно, что обоснование и защита подобного рода парадоксальных утверждений были отнюдь не легким делом, и в этой связи представители адвайты выдвинули целый ряд весьма тщательно и тонко разработанных теорий. Разработка этих теорий связана с именами родоначальника адвайты — Гаудапады (VII–VIII вв.) и ее главного представителя Шанкары (VIII–IX вв.). Особенно важны такие узловые моменты его системы, как учение об особой роли ведийского канона — *шрути* в познании, об *уровнях* познания и существования, о многоаспектной структуре мировой иллюзии — *майя* — и мира, рассматриваемого через призму этой иллюзии.

Согласно первому из этих учений, *шрути* является единственным источником постижения Брахмана, отличающимся к тому же такими свойствами, как вечность и непогрешимость (другие источники познания, включая умозаключение, могут играть лишь вспомогательную роль). Развивая это учение, Шанкара стремился, с одной стороны, подчеркнуть ценность символического познания, «прорывающегося» через многочисленные образы к скрытому за ними и не поддающемуся адекватной концептуализации содержанию, а с другой — жестко закреплял монополию высших каст на духовное знание, поддерживая исторически сложившийся запрет на изучение *шрути* представителями низших каст.

Согласно второму учению, следует различать высший (*парамартхика*) уровень существования и знания, на котором нет никакой множественности, а есть лишь уже упоминавшийся недифференцированный абсолют, от профанического (*вьявахарика*) уровня, к которому относится вся «житейская» (*лаукика*) и ведийская (*вайдика*) практика. Последний отличается от неупорядоченного мира иллюзий и сновидений (или от уровня *пратибхасика*, по терминологии учеников Шанкары) и тем самым имеет некоторый «срединный» статус. Отсюда его пусть и временная и относительная, но все же ценность и значимость, а значит и ценность традиционных ведийских предписаний.

Но наибольшую известность получило третье из упомянутых учений, а именно *майя-вада* — учение о мировой иллюзии (*майя*). Сам термин «майя» зарождается уже в гимнах Ригведы и означает здесь некую чудесную и «ослепляющую» силу богов. Преимущественно в этом же смысле он употребляется и в Упанишадах. В адвайте *майя* — космическая иллюзия, скрывающая единство подлинной реальности и развертывающая мнимое многообразие (посредством своего рода «наложения» — *адхьяса* — неподлинных характеристик на подлинные, наподобие того, как это происходит при иллюзорном восприятии змеи, за которую принимают веревку). По отношению к индивиду *майя* выступает как незнание (*авидья*). По отношению к божественному первоначалу мира — Ишваре *майя* выступает как его сила (*шакти*). Однако само подразделение на души, мир, его создателя является неподлинным, допустимым лишь на упомянутом выше «профаническом» (*вьявахарика*) уровне познания. В конечном же счете *майя* оказывается неопишмой (*анирвачания*) — ни реальной (*сам*), ни нереальной (*асам*). Выявляющуюся здесь иррационалистическую тенденцию адвайты резко критиковали ее противники, в том числе в рамках ведантистской традиции.

Выявить подлинное отношение Вивекананды к традиционной *майя-ваде* нелегко. На первый взгляд может даже показаться, что в этом вопросе у него вообще нет никаких

разногласий с адвайтистской традицией. И в самом деле. Вот один из его любимых образов, образ мира как гигантского театра: «Перед нами занавес, а за ним какая-то прекрасная сцена. В занавесе небольшое отверстие, через которое мы можем лишь мельком увидеть то, что находится за ним. Предположим, что это отверстие начинает увеличиваться, и по мере того, как оно растет, все большая часть сцены становится доступной взору, когда же занавес исчезает, мы видим ее всю. Сцена за занавесом — это душа, а занавес между нами и сценой — это майя, пространство — время — причинность. Существует небольшое отверстие, через которое я могу мельком увидеть душу. Когда она становится больше, моему взору открывается нечто большее, а когда занавес исчезает полностью, я убеждаюсь, что я и есть душа. Итак, изменения во вселенной не есть изменения Абсолюта, они имеют место в природе. Природа разворачивается все более и более, а за ней обнаруживается Абсолют». Другой излюбленный образ Вивекананды — это образ призмы, глядя через которую мы видим однородный, в сущности, Абсолют множественным и разнородным. Эта призма — майя — время, пространство, причинность.¹¹

Подобного рода образы вполне в духе традиционной адвайты. И все же, чтобы понять отношение Вивекананды к традиционной майя-ваде и ее импликациям, надо учесть три обстоятельства.

Во-первых, в некоторых своих сочинениях Вивекананда довольно категорично настаивает на том, что майя не должна переводиться как *иллюзия*, что само по себе ее признание не связано ни с идеализмом, ни с реализмом, что в идеалистической интерпретации майи повинны буддисты и что вообще майя не теория, а констатация определенных фактов, связанных с положением человека. Именно такова его позиция в ряде лекций, вошедших в «Джняна-йогу» («Майя и иллюзия», «Майя и эволюция понятия Бога», «Майя и свобода»). В дальнейшем он поясняет свою мысль, анализируя экзистенциальную ситуацию человека. Эта ситуация представляется ему парадоксальной и связанной с *неадекватностью* устремлений (по отношению к своему же благу), *неосознанностью* противоречий в собственной мотивации, *привязанностью* к тому, что обедняет человеческое существование, а то и прямо губит его, *невывявленностью* своих подлинных интересов, *слепотой* по отношению к незаметным изменениям в привычных жизненных обстоятельствах, в конце концов радикально меняющим последние, *отсутствием* понимания подлинных истоков и подлинных последствий своих и чужих действий в сколько-нибудь отдаленной перспективе, *забвением* самого важного, «глубинного» измерения в жизни и абсолютизацией ее «горизонтالي», *забвением* эфемерности и кратковременности самого человеческого существования.

Все это ярко иллюстрируется соответствующими примерами. Вот одна из таких иллюстраций — индийская легенда (нашедшая свое отражение и в европейской литературе). Согласно легенде, Нарада, ученик Кришны, попросил его показать ему майю. Вскоре он был послан учителем, находящимся в пустынном месте, за водой. Придя в близлежащую деревню, он встретил красивую девушку, забыл об учителе, влюбился, женился, создал семью, потерял ее во время наводнения... И очутился у ног учителя, спрашивающего, где же вода, которую он ждет уже полчаса. «И это — майя!» — вот рефрен, который сопровождает подобного рода иллюстрации в лекциях Вивекананды. Вот это преимущественно экзистенциальное, а не абстрактно-логическое осмысление ведантистских понятий вообще чрезвычайно характерно для него.

Когда же Вивекананда все-таки обращается к теоретическому истолкованию майи, то он трактует ее весьма неоднозначно. В одном из своих интервью (1897) он анализирует четыре возможные трактовки майи: (1) «неистинность» конкретных вещей («оформленного и наименованного») ввиду их непостоянства и изменчивости по сравнению с вечно сущим; (2) «неистинность» космоса по сравнению с тем же вечно сущим ввиду его периодического

¹¹ The Complete works of Swami Vivekananda, v.1. Calcutta, 1989, p.420; v.2, p.130.

созидания и разрушения; (3) «обманчивость» мира, в котором подлинно сущее предстает в форме иного (подобно тому как раковина кажется серебром, а веревка — змеей); (4) полная иллюзорность мира, который подобен «сыну бесплодной женщины» или «рогам зайца». ¹² В другом месте к этим традиционным сравнениям Вивекананда добавляет и такое (вполне в духе Льюиса Кэрролла), как «головная боль без головы». ¹³

Четвертый вариант трактовки майи Вивекананда категорически отрицает, считая его результатом нечеткости мышления. Третий вариант Вивекананда оценивает как адекватное выражение взглядов Шанкары и в общем относится к нему положительно.

Любопытно, однако, что и первый, и второй варианты он считает вполне адвайтистскими. Как подчеркивают индийские исследователи неоведанты, и в частности такой видный историк философии, как С.Чаттерджи, сам Вивекананда в своих работах нередко придерживается трактовки майи именно в смысле признания непостоянства и изменчивости (а не нереальности) мира.

Интересно отметить в этой связи, что вместо традиционного адвайтистского понимания майи как того, что ни реально, ни нереально («невыразимо»), у Вивекананды в более поздний период его творчества все чаще встречается определение майи как сочетания реального и нереального, бытия и небытия (ср. платоновский «мир вещей»).

Но дело не только в этой «расширительной» трактовке майи. Третье — и самое важное — обстоятельство, которое мы должны иметь в виду, говоря об отношении Вивекананды к традиционной адвайтистской майя-ваде, — это его иное по сравнению с Шанкарой понимание значимости действия вообще и карма-йоги в частности. Для Шанкары с его безоговорочным утверждением возможности освобождения лишь с помощью знания (и отрицанием синтеза знания и действия в этих целях) «путь знания» имеет безусловный приоритет на все времена. Но Вивекананда выдвигает карма-йогу как наиболее подходящую для своей эпохи! Хотя Вивекананда постоянно обращается к ведантистским понятиям, говоря о силе незнания (*авидья*), о необходимости освобождения (*мокша*) от власти этой силы, его рассуждения не сводятся лишь к индивидуально-психологической трактовке карма-йоги. Дело в том, что само понятие мокши, равно как и связанное с ним понятие *кармы* глубоко переосмысливаются им.

Он выступает против фаталистической трактовки кармы, в особенности против признания предопределенности бедственного положения индийского народа. О карме Вивекананда пишет прежде всего как о законе связи не столько настоящего с прошлым, сколько настоящего с *будущим*: «Карма — это то, что предполагает способность и силу преобразовать сложившееся». ¹⁴ Подчеркивание значимости человеческих проектов (и притом не только личных, но и *общественных*) — самая характерная черта понимания кармы в неоведантизме Вивекананды. Не менее характерные изменения претерпевает и понятие *мокши*, которое трактуется у Вивекананды не только как индивидуальное, но и как коллективное «освобождение», достигаемое на определенной стадии эволюции общества. Это позволяло Вивекананде поставить вопрос о необходимости не только «внутренних», но и «внешних», не только индивидуальных, но и социальных предпосылок осуществления намеченного им идеала. В число их было включено и создание минимума материальных условий, позволяющих массам избежать голода, нищеты и болезней и тем самым способствующих пробуждению в них духовных интересов. По словам Вивекананды при слишком бедственном положении «нет ни бхоги (удовлетворения потребностей), ни йоги.

¹² The Complete Works of Swami Vivekananda, v.5, p.204–205.

¹³ Ibid, v.2, p.32.

¹⁴ Vivekananda in Indian Newspapers, 1893–1902. Calcutta, 1969, p.137.

Когда кто-то насытится бхогой, тогда он поймет и полюбит практику йоги». ¹⁵

Но не только в своем понимании майя-вады и ее импликаций Вивекананда отходит от позиций жесткой ортодоксии. В ряде других случаев он также выходит за рамки барьеров, поставленных еще в средневековье на пути к возможным неортодоксальным трактовкам адвайтистских идей.

Первым (и главным) из этих барьеров было учение о Ведах как уникальном, вечном, безошибочном источнике познания реальности, право пользования которым жестко закреплено лишь за представителями высших сословий. В сущности, все основные аспекты этого учения оспариваются Вивеканандой.

Начать с того, что Вивекананда дает такое толкование ортодоксальному тезису о вечности шрути, что от первоначального смысла этого тезиса фактически ничего не остается. По его мнению, Веда «вечна» лишь в том смысле, что в той части ее содержания, которая верна, изложены законы, действовавшие и до создания данного памятника — в этом же смысле «вечны», скажем, произведения Ньютона. Отметим, что речь идет лишь о части содержания ведийского канона, а отнюдь не о каноне в целом. Дело в том, что Веда, с точки зрения Вивекананды, отнюдь *не непогрешима*. Он находит ряд представлений, содержащихся в Ведах и их философской части — Упанишадах, «грубыми» и заявляет: «Лично я приемлю в Ведах лишь то, что согласуется с разумом». ¹⁶ Но ведь с точки зрения ортодоксии (в том числе и адвайтистской) ошибочны могут быть лишь интерпретации Вед, а отнюдь не они сами! Но разум играет у Вивекананды принципиально иную роль, чем в построениях ортодоксов. У последних эта роль в полном смысле слова служебная. Для Вивекананды же разум обладает приоритетом по сравнению с верой: «Если религия рушится, когда ее исследуют с помощью разума, то, значит, она всегда была бесполезным, лишенным ценности суеверием и чем скорее она исчезнет, тем лучше. Я полностью убежден в том, что абсолютное уничтожение ее в этом случае — лучшее, что может случиться». ¹⁷

Рассматривая содержание Вед с этих позиций, Вивекананда не только отбрасывает тезисы о их «несотворенности» и безошибочности, но и прямо пишет об эволюции представлений Вед, о постепенной выработке в них учения монистического идеализма.

В свете сказанного ясно, что ортодоксальные представления об *уникальности* шрути как источника знания вступают в глубокий конфликт с идеями Вивекананды.

Но, пожалуй, самый острый конфликт между Вивеканандой и сторонниками адвайтистской ортодоксии возникает в связи с его протестом против *монополии* высших каст на изучение шрути. С негодованием пишет он о предписании, поддерживаемом Шанкарой, относительно заливания ушей шудр, услышавших чтение Вед, раскаленным оловом — «это дьявольское проявление старинного варварства». С сожалением отмечает «узость сердца» Шанкары, выступавшего за традиционные запреты и ограничения в том, что касается изучения ведийского канона. С презрением говорит о «фарисеях индуизма».

И здесь мы сталкиваемся еще с одним «выходом» Вивекананды за пределы барьеров, воздвигнутых Шанкарой на пути к возможному неортодоксальному истолкованию адвайты. Речь идет об учении относительно разных *уровней* познания и существования. Социальные импликации этой доктрины состояли в том, чтобы санкционировать систему кастовых различий и привилегий (включая привилегию на изучение Вед) как *неизбежную и необходимую* для «среднего» уровня. И вот против этих-то социальных импликаций учения об «уровнях» и восстает Вивекананда, усматривая в них проявление фарисейства. С его точки зрения, познание относительности и в конечном счете нереальности кастовых

¹⁵ The Complete Works of Swami Vivekananda, v.5, p.379.

¹⁶ Ibid., p.411.

¹⁷ Ibid., v.1, p.367.

различий между людьми должно неизбежно сказываться и на уровне обыденного, повседневного их поведения, а не быть скрытой, эзотерической истиной.

Критическое размежевание с рядом аспектов традиционной адвайты в неоведантизме Вивекананды было прямо связано с позитивным использованием адвайтистских идей, разумеется, в переосмысленном и приспособленном для задач новой эпохи виде. Это ясно на примере таких выдвинутых Вивеканандой концепций, как концепция *универсальной религии*, ведантистской философии как «научной» основы этой религии и, наконец, *практического ведантизма*. Здесь выявляются те же три мотива, что и в ходе размежевания с наследием Шанкары. Это — мотив *реформации* (включая «очищение» религии от суеверий, предрассудков, фанатической нетерпимости к чужим мнениям), мотив *просвещения* (включая переосмысление традиционного соотношения веры и разума, признание высокого статуса науки и образования, подрывающих косные формы социального бытия) и, наконец, мотив *гуманизма* (включая признание прав людей на свободное развитие их способностей и отрицание средневековой системы привилегий и законов, принижающих человеческое достоинство членов «низших» каст). Упомянутые мотивы, в сущности, характерны для творчества большинства прогрессивных мыслителей Индии Нового времени.

Имея все это в виду, рассмотрим подробнее упомянутые концепции Вивекананды. С первой из этих концепций связано его учение об «универсальной религии». По мнению Вивекананды, все существующие в мире религии состоят из трех частей: *философии*, которая охватывает их основные принципы и характеризует их цели, *мифологии*, которая стремится представить эти принципы в более наглядной и конкретной форме, и, наконец, *ритуала* — части самой конкретной и наглядной и в то же время самой *удаленной* от философского ядра. Именно на «периферии» религий, как полагает Вивекананда, выступают бесчисленные различия, связанные как с особенностями психологического склада людей, так и со спецификой конкретно-исторических условий. Что касается упомянутого выше «философского ядра», то здесь различия оказываются значительно менее многочисленными и сводятся к трем главным — к осмыслению отношения человека к Богу как «внешнего», «внутреннего» и приводящего к идее тождества сущности обоих. Поскольку идея этого тождества выражена в адваите, то она и становится у Вивекананды своего рода воображаемым идеальным «центром» совокупности религий, а другие виды веданты (*двайта*, *вишишта-адвайта*) — ступеньками на пути к нему. По этим ступенькам и располагаются у него существующие религии, в том числе мировые. Представляя все религии «включенными» в упомянутую устремленную к единой конечной цели цепь и в этом смысле выдвигая проект объединения их, Вивекананда в то же время отнюдь не призывает к унификации их мифологии и ритуала. Суть проекта Вивекананды отчетливо выявляется при сопоставлении его учения с реформаторскими идеями Рам Мохан Рая и Даянанды. Если у первого — своего рода «дистилляция» религиозных представлений и отказ от большинства специфических черт индуизма, а у второго «воинствующий индуизм», то у Вивекананды — попытка выделить общую основу религии с сохранением (но одновременно и релятивизацией!) конкретных форм религиозного поклонения. А это соответствовало, с одной стороны, потребностям борьбы с религиозной нетерпимостью и межобщинной рознью, а с другой — стремлением опираться на отечественные, а не «импортированные» религиозные традиции.

Конечно, выдвинутый Вивеканандой проект объединения религий далеко не бесспорен (так, вряд ли с его помощью можно преодолеть типологические различия между мистико-пантеистическими и креационистскими доктринами). И все же он и во время его выдвижения, и в XX веке (материализовавшись в одном из главных направлений деятельности Миссии Рамакришны) немало послужил целям преодоления межрелигиозных (а в Индии и межконфессиональных) конфликтов.

Многие из мыслей Вивекананды были подхвачены крупнейшими ведантистами первой половины XX в., такими, как Ауробиндо Гхош и С.Радхакришнан.

Впрочем, в концепцию Вивекананды были внесены и некоторые коррективы. Так,

характерно, что Радхакришнан отказывается от иерархического расположения религий (сообразно видам веданты). С его точки зрения, осознание невыразимости Абсолюта (достигнутое не только Шанкарой, но и Платином) ведет к своего рода равноправию всех попыток «выразить невыразимое», а значит, и всех религий, ни одна из которых не может претендовать на безусловное преимущество перед другими. Подобно Николаю Кузанскому и флорентийским платоникам, Радхакришнан считает различные религии скорее бесконечными лучами, сходящимися в одной «солнцеобразной» точке, нежели ступенями духовной пирамиды.

С другой, *просветительской* тенденцией в творчестве Вивекананды связана предпринятая им попытка продемонстрировать принципиальное соответствие как выводов, так и методологических принципов *адвайты* и современной науки. При этом уже в самой постановке проблемы четко выявлялась нетрадиционность неоведантистской ориентации. Ведь именно ограничение компетентности разума, подчинение его авторитету, спор со сторонниками самостоятельного значения не основанных на шрути логических построений при истолковании мира в целом были показательны для Шанкары. И это было, по существу, методологическим размежеванием не только со свободным от авторитета исследованием в философии, но и с возможной ориентацией такого исследования на научные образцы. Поэтому знаменитая формула Вивекананды о веданте как «научной религии» при всей ее апологетичности была в то же время глубоко нетрадиционной, генетически связанной с просветительскими установками.

Наконец, третья, *гуманистическая* тенденция также нашла свое яркое (а пожалуй, и ярчайшее) выражение в работах Вивекананды. Как известно, Вивекананда выдвинул концепцию так называемой «*практической веданты*».

Более того, он придавал ей совершенно особое значение, нередко связывая именно с ней специфику своего собственного учения или по крайней мере усматривая в ней его наиболее важный аспект.

Что же конкретно имел в виду Вивекананда, говоря о «практической веданте»? Во-первых, снятие всех *запретов* и ограничений на право ознакомления с адвайтистским учением, равно как и с его истоками (включая Упанишады как часть ведийского канона). Иными словами, открытие свободного доступа к адвайтистскому наследию для членов различных каст, в том числе и самых низших. Во-вторых, *популяризацию* этого наследия, изложение его идей на простом и доступном широком массам языке (как известно, это было сделано в многочисленных выступлениях и лекциях Вивекананды, а затем и в работах его учеников). И наконец, в-третьих, и это пожалуй самое важное, — преодоление «разрыва» между конечными итогами этого учения и поведением его сторонников в обыденной жизни, переосмысление жизненных реалий с точки зрения высших идеалов адвайты.

Эти установки, несомненно, реализованы в работах Вивекананды, и в особенности в работах по йоге. Характерно его постоянное, настойчивое напоминание о внутреннем достоинстве всех людей, о том, что каждый «велик на своем месте» (как называется одна из глав «Карма-йоги»). И в самом деле, любое, даже наиболее «низкое» в социальном отношении место для «практического ведантиста» — лишь отправная точка в духовном совершенствовании, предел которого для всех один! Не менее характерно отношение Вивекананды к всемирным идеалам свободы, равенства и братства. Будучи настроен достаточно иронично к попыткам реализовать эти идеалы посредством социальных нововведений, построить «рай на земле», он в то же время относится вполне серьезно к самим этим идеалам. Для него они находят прочное основание в адвайтистских принципах. Единство духовной природы всех людей для него — опора идеи братства, совпадение глубинной основы любого «Я» с основой мира — опора идеи свободы. Но, пожалуй, особенно показательны его выступления в пользу адвайтистски обоснованной идеи равенства (как равенства возможностей). Отметим, кстати, что абсолютное равенство в смысле «уравнивания» материального положения, статуса, сферы занятий и т. д. Вивекананда считает невозможным, а представления о нем — пародирующими идеал

подлинного равенства. При всем том «никто не может быть ведантистом и в то же время признавать право на привилегии в умственном, физическом или духовном отношении... Откуда эти претензии на привилегии? Все знание скрыто в каждой душе, даже в душе самого невежественного человека. Если же там оно не проявилось, значит, у данного человека не было возможности для этого, окружение этому не благоприятствовало. При благоприятных обстоятельствах знание обнаружится и у него. Идея, состоящая в том, что какой-то человек от рождения выше другого, лишена смысла в веданте».¹⁸

Как полагает Вивекананда, успешное продвижение к высшим человеческим идеалам лучше всего может быть достигнуто лишь при соединении характерного для Запада контроля над «внешней» природой и характерного для Востока контроля над природой «внутренней». Этому и служат все четыре йоги в его истолковании. Показывая узость эгоистических установок (гедонистических и утилитаристских — направленных на достижение удовольствия и пользы для себя либо для «своей» группы людей), они должны вести к расширению горизонтов людей, к их постоянному выходу за рамки своего ограниченного способа существования посредством бескорыстного действия, бесстрашного познания, самозабвенной любви. И это, как полагает Вивекананда, позволяет сохранять оптимизм даже при самых неблагоприятных внешних обстоятельствах.

Впрочем, и к улучшению последних (пусть и относительно, и не являющемуся самоцелью) Вивекананда — и духе своего учения о соединении «йоги» и «бхоги», контроля над «внутренней» и «внешней» природой — относится далеко не безразлично. Улучшение условий жизни людей, ликвидация нищеты, голода и болезней, всеобщее образование, справедливое (не ущемляющее интересов тех, кто создает материальные и духовные блага) распределение — а Вивекананда проявляет, хотя и с оговорками, симпатии к социалистическим идеалам — и, наконец, свободное самоопределение наций, вносящих свой вклад в сокровищницу мировой культуры, — вот его главные социальные ориентиры, неразрывно связанные с уже упомянутыми ориентирами духовными.

* * *

Идеи Вивекананды оказали громадное воздействие на развитие философской и общественной мысли в Индии XX в. Б.Г.Тилак, Ауробиндо Гхош, С.Радхакришнан, М.К.Ганди, Д.Неру — все эти властители индийских (да и не только индийских) дум в той или иной мере испытали его влияние. За пределами Индии его имя и идеи также известны достаточно широко, чему способствовали и упоминавшиеся выше работы Р.Роллана, и деятельность Миссии Рамакришны. Теперь, когда его сочинения впервые выходят в свет на русском языке (кроме четырех йог, будут опубликованы и другие произведения Вивекананды), они остаются актуальными. Так пусть же психологические прозрения, которыми так богаты работы Вивекананды, помогут их русскоязычным читателям в наше столь трудное время обрести более гармонические отношения с другими людьми, окружающим миром и собственным «Я».

*Доктор философских наук
В.С.Костюченко*

Рамакришна (1836–1886)

¹⁸ The Complete Works of Swami Vivekananda, v.1, p.423.

КАРМА-ЙОГА¹⁹

Глава I

КАРМА В ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА

Слово *карма* происходит от санскритского корня *кри* — действовать. Любое действие есть *карма*. Практически значение этого слова включает в себя и последствия действий. В философском отношении под кармой иногда понимаются следствия, которые были вызваны нашими действиями в прошлом. Но в *карма-йоге* нам достаточно рассматривать *карму* просто как работу. Человечество стремится к знанию. Это единственный идеал, утверждаемый восточной философией. Человечество стремится не к удовольствию, но к знанию. И удовольствие, и счастье ограничено, поэтому было бы ошибкой превращать удовольствие в цель. Причиной всех бед мира является глупое желание человека представить удовольствие как цель, к которой следует стремиться. Проходит время, и человек обнаруживает, что движется он не к счастью, но к знанию, что и удовольствие, и страдание — великие учителя, что он познает столько же через зло, сколько и через добро. Удовольствие и страдание, проходя пред его душой, оставляют в ней различные отпечатки, которые все вместе складываются в то, что мы зовем «характером» человека. Что такое характер человека, как не сочетание тенденций, не сумма его склонностей. Нетрудно убедиться, что несчастье и счастье играют равную роль в формировании характера. Добро и зло равно влияют на становление характера, в иных же случаях несчастье учит большему, нежели счастье. Исследуя характеры великих людей, обнаруживаешь, на мой взгляд, что чаще всего они больше почерпнули из бед, чем из счастья, из бедности, чем из благоденствия, что удары судьбы сильнее разожгли в них внутренний огонь, чем хвала.

Но ведь знание изначально присуще человеку. Человек не может получить знание извне, оно в нем самом. Когда мы говорим, что человек «знает», в строго психологическом смысле это означает, что он «открывает», «раскрывает», что он познал, «открыл», снял завесу с собственной души, которая есть кладезь беспредельного знания.

¹⁹ Примечания написаны О.В.Мезенцевой.

«Карма-йога» составлена на основе записей лекций Вивекананды в Америке и Англии в 1893–1896 гг. На русском языке была опубликована в 1912 г. (*Суоми Вивекананда. Карма-йога. М., 1912*); известны также публикации 1914, 1916 гг.

Перевод сделан с издания: *The Complete Works of Swami Vivekananda, v. 1. Calcutta, 1989.*

Слово «карма» (действие) имеет в индийской традиции очень широкое значение. Оно означает любое действие — физическое, физиологическое и пр. Малейшие подсознательные процессы, происходящие в глубинах человеческого «Я», — это тоже действие. Исполнение обязанностей своей касты, слушание священных текстов, ритуальные омовения и пр. — все это есть действия. Труд, работа, производственная деятельность понимаются всего лишь как один аспект жизнедеятельности человека. Слово же «карма» означает абсолютно все проявления включенности человека в мир.

Закон причины и следствия в индийской традиции тоже связывается со словом «карма». Ни одно действие не проходит бесследно: рано или поздно оно принесет свои «плоды». Человек понимается как часть мира, подверженного действию этого всеохватывающего закона. Проблема его рождения и смерти также имеет свою специфику в индийской мысли. Они рассматриваются как равнозначные: человек то приходит в мир, то уходит из мира. Он есть соединение духа и тела, вечного и конечного, внеприродного и природного. «Нынешнее» его рождение есть часть длинной цепи перерождений, и появление человека на свет обусловлено «законом кармы». От того, как действует человек сейчас, зависит его «будущее рождение»: он сам есть сотворенное (своими собственными действиями в «прошлых рождениях»), и он же есть творец самого себя (своими действиями в «нынешнем рождении»).

Задача человека состоит в том, чтобы достигнуть единения с Высшим, прервать цепь перерождений, обрести совершенную свободу при реализации своей подлинной духовной природы. Карма-йога и дает один из возможных вариантов такой реализации.

Ньютон, говорим мы, открыл закон всемирного тяготения. Может быть, этот закон прятался где-то в углу, ожидая Ньютона? Нет, он был в уме Ньютона; пришло время, и он его обнаружил. Все знание, каким располагает мир, — из человеческого ума, вся библиотека вселенной находится в вашем собственном уме. Внешний мир может служить лишь побуждением, указанием, толчком к тому, чтобы вы начали исследовать ваш ум, только он является объектом исследования. Падающее яблоко послужило толчком для Ньютона, побудило его изучить свой собственный ум, заново упорядочить все предшествующие цепи мыслей и обнаружить новую связь, которую мы теперь называем законом всемирного тяготения. Этот закон был не в яблоке и не где-нибудь в центре Земли.

Таким образом, все знание — светское или духовное — в уме человека. Оно зачастую остается скрытым под завесой, а когда завеса понемногу приподнимается, говорится, что «мы познаем», и процесс познания идет все больше по мере того, как все сильнее идет процесс раскрытия себя. Человек, освобождающийся от завес, знает много, человек под плотной завесой невежествен, человек, свободный от завес, знает все, он всеведущ. На свете были всеведущие люди, я уверен, что будут еще, а в грядущих циклах времени таких людей будут мириады. Знание существует в уме, как огонь в кремне, а побуждение есть удар, высекающий искру. Спокойно наблюдая за собой, мы увидим, что все наши чувства и действия — слезы и улыбки, радости и горести, плач и смех, проклятия и благословения, хвала и хула — высечены ударами из нас самих. В результате мы становимся тем, что мы есть. Удары же эти, вместе взятые, и есть *карма* — работа, действие. Каждый умственный или физический удар, наносимый душе, удар, высекающий из нее огонь, который раскрывает силу и знание души, есть, в широком смысле слова, *карма*. Иными словами, мы постоянно творим *карму*. Я обращаюсь к вам — это *карма*. Вы меня слушаете — это *карма*. Мы дышим — это *карма*. Мы ходим — это *карма*. Все, что мы делаем физически или духовно, есть *карма*, оставляющая свои отпечатки в нас.

Есть действия, которые вбирают в себя, суммируют множество действий более мелких. Когда стоишь на морском берегу, о который разбиваются с ревом волны, то ведь знаешь, что каждая из волн состоит из маленьких волн, из миллионов крохотных волн. Самая крохотная волна тоже производит шум, но мы его не улавливаем. Мы слышим их тогда, когда они сливаются в одну большую. Подобным же образом каждый удар нашего сердца есть работа. Существуют действия, которые мы сознаем, и они становятся ощутимы для нас, однако состоят они из множества мелких действий. Если вы хотите реально судить о характере человека, то обращайте внимание не на его большие дела — каждый глупец может случайно стать героем. Понаблюдайте за самыми обыкновенными поступками человека, ибо именно в них проявляется настоящее величие. Великие события способны и самого низкого из людей поднять до своего уровня, но по-настоящему велик лишь тот, чье величие проявляется постоянно, кто всегда остается собой.

Воздействие кармы на человеческий характер есть могущественнейшая из сил, с которой сталкивается человек. Человек представляет собой, так сказать, некий центр, сосредоточивающий вокруг себя все силы вселенной. В этом центре они сливаются воедино и расходятся мощным излучением. Таким центром является *подлинный* человек, всемогущий и всеведущий, и он притягивает к себе всю вселенную. Добро и зло, счастье и несчастье — все стекается и льнет к нему, а он формирует могучую тенденцию, называемую характером, и излучает ее. Он обладает и силой притяжения, и силой излучения.

Все действия, наблюдаемые нами в мире, все общественные движения, все поступки людей — это всего лишь наглядное проявление мысли, проявление человеческой воли. Машины, инструменты, города, корабли и крейсера — проявление человеческой воли; воля же формируется характером, а характер — производное кармы. Какова карма, таково проявление воли. Все люди могучей воли, которых знал мир, были люди великого труда, гигантские души, наделенные волей, достаточной, чтобы перевернуть миры, волей, выработанной неустанным трудом в течение веков. Гигантскую волю Будды или Иисуса невозможно наработать за одну жизнь, а тем более нам известно, кем были их отцы. Их отцы

ни словом не обмолвились о благе человечества. Сколько было таких плотников, как Иосиф, сколько их сейчас? А сколько мелких князьков типа отца Будды? Если бы дело было только в передаче наследственности, чем объяснить, что князек, которого едва ли слушались его же слуги, дал жизнь сыну, почитаемому половиной мира? Чем объяснить пропасть между плотником и его сыном, которому миллионы поклоняются, как Богу? Теория наследственности здесь ничего не объясняет. Откуда взялась колоссальная воля, которую излучили в мир Будда и Иисус? Как образовалась эта концентрация энергии? Она должна была накапливаться веками, постоянно усиливаясь, чтобы потом излиться на человечество в Будде или Иисусе, распространяться все шире, достигнув и наших дней.

Все это было результатом *кармы*, работы. Невозможно обладать тем, что не заработано. Таков вечный закон. Нам может иной раз казаться, будто это не так, но в конечном счете мы убеждаемся в его непреложности. Бывает, что человек всю жизнь стремится разбогатеть, обманывает ради этого тысячи людей, но потом обнаруживает, что богатство он не заслужил, и это начинает отягощать его жизнь. Мы можем обзаводиться вещами, доставляющими нам физическое наслаждение, но по-настоящему принадлежит нам лишь то, что мы заработали. Глупец может скупить все книги на свете и держать их в своей библиотеке, но прочесть он сумеет только те, которых он достоин, а каких он достоин, определяется кармой. Наша карма определяет, чего мы заслуживаем и что мы способны впитать в себя. Мы сами делаем себя такими, какие мы есть, и кем бы мы ни пожелали стать, у нас достаточно сил для этого. Если то, что мы собою представляем, есть результат наших собственных прошлых действий, значит, то, кем мы станем в будущем, зависит от наших нынешних действий, следовательно, нам нужно знать, как действовать. Вы скажете — чего ради учиться тому, как действовать? И без того всякий действует, как умеет! Но ведь существует и опасность распыления энергии. В Бхагавад-Гите²⁰⁽¹¹⁾ сказано, что карма-йога — это умелая работа, наука; зная, как трудиться, можно достичь наивысших результатов. Надо помнить, что смысл труда в том, чтобы использовать энергию, заключенную в уме, для пробуждения души. Эта энергия, как и знание, — внутри нас, и разного рода действия проявляют их, подобно ударам по кремню, высекающим огонь, пробуждают эти могучие силы.

Существуют различные мотивации, побуждающие человека трудиться. Нет труда без мотивации. Иные стремятся к славе и трудятся ради нее. Другие стремятся к деньгам и трудятся из-за денег. Кто-то жаждет власти и трудится, чтобы добиться власти. Кому-то хочется попасть на небеса, и он трудится во имя этого. Еще кому-то хочется, чтобы имя его не было забыто, когда он умрет, как это делается в Китае, где почетные титулы даются только посмертно, что, по сути, лучше, чем то, что происходит у нас. В Китае, если человек составит себе доброе имя, почетный титул дается его покойному отцу или же деду. Некоторые трудятся ради этого. Последователи ряда школ ислама работают всю жизнь ради сооружения пышного надгробия после смерти. Я знаю даже такие секты, где при рождении ребенка ему сразу начинают готовить надгробие, и считается, что это важнейшее дело жизни, причем надгробие тем пышнее и больше, чем богаче был человек. Бывает покаянный труд: сначала человек творит всяческие безобразия, а потом строит храм или откупается, давая деньги священнослужителям, чтобы они выправили ему паспорт в рай. Ему кажется, что благотворительность такого рода очищает его, освобождает от грехов. Таковы некоторые мотивации труда.

Трудитесь ради труда. Есть такие люди в каждой стране — поистине, соль земли,

²⁰ Бхагавад-Гита, или Гита, — «Божественная Песнь», «Песнь Бога», является одним из наиболее авторитетных произведений индуистской литературы. Обычно датируется II в. до н. э. — II в. н. э. Сюжетную линию Бхг. составляет диалог бога Шри Кришны с воителем Арджунной, чей «разум смутился» перед началом битвы, в которой должны принимать участие родственники, волей судьбы оказавшиеся непримиримыми противниками. Разъяснения Шри Кришны истинной природы мира и человека, путей постижения первоосновы мира и пр. и составляют философское содержание поэмы.

которые трудятся ради того, чтобы трудиться, не заботясь ни о добром имени, ни о славе, ни даже о том, чтобы попасть на небеса. Они трудятся потому, что знают — это хорошо. Есть и другие, кто помогает бедным или из самых высоких побуждений творит добро для человечества, потому что верит в добрые дела и любит добро. Стремление к известности, как правило, не приносит плодов немедленно, слава приходит к нам, когда мы стары и готовы проститься с жизнью. Но разве человек ничего не получает от бескорыстного труда? Он получает наивысшую награду. Больше всего получает человек от бескорыстия, но людям недостает терпения следовать ему постоянно. Бескорыстие и для здоровья полезней всего. Любовь, правдивость, бескорыстие — это не просто моральные риторические фигуры, но наивысший идеал, ибо через них проявляется огромная энергия. Человек, способный совершенно бескорыстно трудиться пять дней или хоть пять минут, не думая о будущем, о небесах, о каре и прочих вещах, обладает потенциалом нравственного колосса. Это очень трудно, но в глубине души мы знаем, как это ценно и сколько в этом доброго. Это огромное самообладание; в самоконтроле, умении владеть собой проявляется больше силы, чем в любом внешнем действии. Колесница, запряженная четверкой коней, может безудержно мчаться под гору, но возничий может и сдерживать бег коней. В чем больше проявилось силы: в том, чтобы отпустить вожжи, или в том, чтобы натянуть их? Одно пушечное ядро летит далеко и падает, другое летит недалеко и ударяется в стену, испуская много тепла. Вся внешняя энергия, затрачиваемая на корыстное действие, уходит впустую и уже не возвратится к вам, энергия сдержанная — увеличится, придавая вам сил. Этот самоконтроль вырабатывает могучую волю, характер, которым обладали Будда и Иисус. Глупец не знает эту тайну, но именно глупцы и желают править человечеством. Но и глупец способен править целым миром, если ему достанет трудолюбия и терпения. Пусть подождет он несколько лет, удерживаясь от глупой мысли править, и, когда он полностью освободится от нее, он обретет силу в мире. Как есть животные, которые могут видеть лишь на несколько шагов вперед, так большинство из нас может лишь на несколько лет видеть свое будущее. Маленький кружок — вот и весь наш мир. Нам не хватает терпения взглянуть за его пределы, поэтому мы становимся безнравственными и злыми. В этом наша слабость, наше бессилие.

Даже самую черную работу не следует презирать. Пускай тот, кто не знает ничего лучшего, трудится из корыстных соображений, ради известности и славы, но нужно постоянно стараться приблизиться ко все более высоким целям и стараться понять, в чем они. «Только на труд имеем мы право, но не на плоды его».²¹ Оставим эти плоды. Зачем думать о результатах действий? Если хотите помочь человеку, никогда не думайте о том, как он отнесется к вам. Если хотите творить великое или доброе, не занимайте себя мыслями о результатах.

Однако возникает нелегкий вопрос об идеале труда. Постоянная деятельность нам необходима, мы должны все время что-то делать, нам и минуты не прожить без работы. А что же отдых? Одна сторона жизненной борьбы — труд, который нас захватывает. Но есть и другая ее сторона — спокойствие, уход, отрешение от суеты: все вокруг дышит покоем, шум и грохот почти не слышны, кругом одни лишь животные, цветы, горы... Ни та, ни другая сторона не дает совершенной картины жизни. Привыкший к одиночеству не выдержит жизненной суеты, он надломится, соприкоснувшись с ней: как глубоководная рыба, вытащенная на поверхность, разрывается, лишенная привычной для нее тяжести.

А может ли человек, приученный к суете и шуму жизни, спокойно жить в уединенном уголке? Ему будет очень тяжело, он даже может лишиться ума. Идеальный человек тот, кто интенсивно активен в тиши и одиночестве и кто в разгар напряженной деятельности способен ощутить тишину и одиночество пустыни. Он познал тайну сдержанности, он

²¹ Пересказ Бхг. II, 47. Здесь и далее следует учитывать, что в индийской традиции понятие «карма» шире, чем только «труд».

контролирует себя. Он шагает по улицам большого города, запруженным транспортом, а ум его так спокоен, как если бы его окружало безмолвие горной пещеры, но в то же время он напряженно трудится. Вот идеал карма-йоги, и если вы достигли его, вы действительно познали тайну труда.

Но начинать надо с начала, по мере необходимости совершая поступок за поступком и постепенно, день ото дня делая себя все более бескорыстным. Работая, нужно находить мотивы своих побуждений. В первое время мы почти неизбежно обнаруживаем, что все наши мотивы корыстны, однако настойчивость может понемногу преодолеть корыстность мотиваций, пока не наступит час, когда мы научимся бескорыстному труду. Для всякого есть надежда, что день придет и он начнет трудиться совершенно бескорыстно. В тот миг, когда это происходит, происходит и концентрация всей нашей энергии, тогда обнаруживает себя все знание, которое было скрыто в нас.

Глава II

КАЖДЫЙ ВЕЛИК НА СВОЕМ МЕСТЕ

В соответствии с философией *санкхья*²² природа есть взаимодействие трех сил, которые на санскрите называются *саттва*, *раджас* и *тамас*. Их проявления в физическом мире можно назвать равновесием, действием и инертностью. *Тамас* — темнота и бездействие, *раджас* — действие, выраженное через притяжение или отталкивание, а *саттва* — равновесие между тем и другим.

Три силы взаимодействуют в каждом человеке. По временам тамас берет верх — мы становимся ленивыми, нам не хочется двигаться, мы теряем активность, нас сковывают какие-то мысли или просто вялость. В другое время в нас преобладает активное начало или же мы испытываем состояние равновесия. Обычно в человеке доминирует одна из трех сил: для одного характерна лень и вялость, для другого — активность и энергичность, некоторые же проявляют нежность, мягкость и спокойствие, свидетельствующие о равновесии активного и инертного начала. Это относится ко всему живому — в животных, растениях, человеке более или менее типически сочетаются три силы.

Карма-йога уделяет особое внимание взаимодействию этих трех факторов. Помогая нам учиться использовать их, она помогает нам лучше делать наше дело. Человеческое сообщество — сложная организация. Мы все знаем о морали, мы все знаем о долге, но в различных странах мораль имеет разное значение. Что считается моральным в одной стране, может быть совершенно аморальным в другой. Например, в одной стране разрешены браки между двоюродными братьями и сестрами, в другой — они считаются недопустимыми; в одной стране мужчина может жениться на своей невестке, в другой это невозможно; где-то узаконен только один брак, еще где-то их может быть несколько и так далее. Это относится и к другим моральным нормам — они сильно различаются. Тем не менее мы считаем, что должны быть и какие-то всеобщие моральные нормы.

То же можно сказать и о долге. У разных народов разные представления о том, что такое долг. В одной стране человека могут обвинить в том, что он поступил неправильно, если он не делает определенных вещей, в другой же — его осудят за то, что он именно эти

²² Санкхья — одна из систем классической индийской философии. Зародилась в VII–III в. до н. э. Санкхья в том ее варианте, который утвердился в раннем средневековье, постулирует наличие двух независимых реальностей: *пуруши* (чистого сознания) и *пракрити* (материи). Пуруша находится вне мира объектов, он не затрагивается их действиями и не вовлекается в проявления материального мира. Пракрити не обладает интеллектуальной силой, но наделена неисчерпаемой энергией и способностью к модификациям. Человек как носитель вечного, нематериального начала, как пуруша, ошибочно соотносит себя со своим телом, то есть с невечной, материальной сущностью. Задача его в том и состоит, чтобы преодолеть это ложное смешение «Я» и «не-Я», обманчивое отождествление вечного, бездейственного, сознательного пуруши с проявлениями активного материального мира, лишенного сознания, пракрити.

вещи и делает; и все же мы знаем, что должно существовать всеобщее представление о долге. Аналогичным образом даже в одном обществе какая-то социальная группа считает определенные действия своим долгом, а другая — стоит на противоположной точке зрения и была бы шокирована, если бы эти действия пришлось совершать ей. Перед нами два пути — путь людей невежественных, которые считают, что существует лишь один способ постижения истины, а все остальные ошибочны, и путь людей мудрых, которые признают, что могут существовать различные толкования долга и морали, зависящие от склада нашего ума и образа жизни. Важно понимать, что существуют градации долга и морали; и то, что есть долг в одних обстоятельствах, может не быть таковым в других.

Например, все великие учителя учат: не противься злу, непротивление есть высочайший моральный идеал. Мы прекрасно понимаем, что если бы значительное число людей попыталось полностью осуществить этот завет на практике, то общественная структура распалась бы, дурные люди предъявили бы права на наше имущество и жизни и делали бы с нами все, что захотели бы. Если бы такого рода непротивление практиковалось даже в течение одного дня, он закончился бы катастрофой. И все же интуитивно, в глубине души, мы приемлем истинность завета — не противься злу. Он кажется нам высочайшим идеалом, и в то же время мы понимаем, что проповедь этой доктрины равнозначна приговору для большей части человечества. И не только это, каждый будет постоянно чувствовать себя виноватым, каждый станет без конца проверять всякое свое действие, что приведет к слабости, а вечное недовольство собой породит больше пороков, чем любая другая слабость. Человек, начав ненавидеть себя, распахивает врата к своей гибели, это справедливо и в отношении народов.

Наш первейший долг — не ненавидеть себя, ибо, чтобы идти вперед, нам нужно прежде всего верить в себя, а затем в Бога. Кто не верит в себя, тот не может верить и в Бога. Поэтому нам остается только одно — признать, что долг и мораль могут разниться в зависимости от обстоятельств; не считать, что человек, противящийся злу, всегда и в принципе не прав, а помнить, что возможны обстоятельства, при которых сопротивление злу может быть его долгом.

При чтении Бхагавад-Гиты у западного читателя может вызвать удивление то, что Кришна во второй главе называет Арджуну ханжой и трусом за его отказ сражаться, то есть оказывать сопротивление, на том основании, что армия противника состоит из друзей и родных Арджуны, а непротивление есть высший идеал любви. Это великий урок для всех нас, который показывает нам, что крайности всегда схожи. Крайность в положительном и крайность в отрицательном всегда ходят друг за друга. Если колебания световых волн чересчур медленны, наш глаз не воспринимает свет, как не воспринимает он его и тогда, когда они чересчур быстры. Так же и звук — мы не воспринимаем ни очень низкие, ни очень высокие частоты. Такова же и природа отличия между сопротивлением и непротивлением. Один не противится злу не потому, что считает это правильным, а потому, что он чересчур ленив, слаб и не в силах противиться; другой же знает, что при желании способен нанести сокрушительный удар, однако не наносит его, а благословляет своих врагов. Кто не оказывает сопротивления из слабости, совершает грех, и для него непротивление не будет благотворным, другой же совершил бы грех, если бы оказал сопротивление. Будда отказался от трона и от своего положения, и это был истинный отказ, однако незачем и говорить об отказе нищего, которому не от чего отказываться. Поэтому нам следует проявлять осторожность в отношении того, что мы имеем в виду, когда начинаем говорить о непротивлении и идеальной любви. Прежде всего необходимо быть уверенными, в силах ли мы оказывать сопротивление или нет. Если мы достаточно сильны, но отказываемся от сопротивления и не оказываем его, то в этом случае мы совершаем великий акт любви. Но если мы не в силах противиться, а обманом внушаем себе, что нами движет мысль о высокой любви, тогда наш поступок приобретает противоположный смысл. Увидев могучее войско, Арджуна испугался; предмет его «любви» заставил его забыть о долге перед страной и царем. Вот почему Кришна назвал его ханжой: ты говоришь как мудрый, но действия твои

выдают труса, поэтому иди и сражайся!

Такова главная мысль карма-йоги. Человек, усвоивший ее, понимает, что непротивление есть высочайший идеал, что непротивление есть проявление огромной реальной силы, а также что сопротивление злу есть только шаг к настоящему проявлению силы, то есть к непротивлению. Прежде чем достичь высочайшего идеала, человек должен сопротивляться злу, пусть он работает, борется, бьет сплеча. И лишь после того, как он найдет в себе силы противиться злу, непротивление станет добродетелью.

У себя на родине я знал одного человека, человека очень глупого и скучного, ничего не понимавшего и понимать не желавшего, который жил, как животное. Однажды он спросил меня, что ему нужно делать, чтобы познать Бога и достичь внутренней свободы. «Вы умеете врать?» — задал я ему вопрос. Он ответил, что не умеет. «Тогда вам надо научиться, — сказал я. — Лучше говорить неправду, чем быть скотиной или бревном. Вы — вялый человек, вы, конечно, далеки от возвышенного состояния уравновешенности и покоя, которое находится по ту сторону всех действий, вы настолько ленивы, что неспособны даже на дурной поступок». Это был случай экстремальный, и я, разумеется, пошутил, но я хотел, чтобы он понял — человеку необходимо действовать и только через деятельность может он прийти к состоянию уравновешенности.

Следует всячески избегать бездействия. Деятельность, активность непременно означают сопротивление. Противьтесь всякому злу в помыслах и в поступках, и, когда вы научитесь сопротивляться, тогда наступит состояние равновесия. Очень легко сказать: никого не ненавидьте, не противьтесь никакому злу, но мы же знаем, к чему это приводит на практике. На глазах у людей можно изобразить непротивление злу, но сердце при этом может полниться злобой. Нам недостает спокойствия, необходимого для непротивления, в душе нам хочется сопротивляться. Если вам хочется разбогатеть, но вы знаете, что общественное мнение против погони за богатством, вы, возможно, и не посмеете дать волю своим желаниям, но в душе вы будете день и ночь мечтать о деньгах. В таком случае это ханжество, не более. Окунитесь в мир, мирские заботы, страдайте и наслаждайтесь всем тем, что есть в нем, и со временем вы придете к отказу от всего, и тогда наступит покой. Так утолите ваше желание власти или еще что-то, а после того, как страсть ваша будет утолена, придет время, и вы поймете ничтожность того, что вы желали; но пока не будет утолено ваше желание, пока не сделаете вы все, что хотели, вам не достичь состояния покоя, уравновешенности, самоотречения. Душевный покой и самоотречение проповедуются тысячи лет, каждый с детства слышал о них, но мы видим, что только немногим удалось достичь этого. Я объездил полмира, но не уверен, встретилось ли мне два десятка людей, которые действительно обладали душевным покоем и способностью к непротивлению.

Каждый должен избрать себе собственный идеал и стремиться к его достижению. Это более верный путь прогресса, чем стремиться к идеалу, избранному другими, но для нас недостижимому. Например, если взять маленького ребенка и поставить перед ним задачу — прошагать двадцать миль, то малыш либо не выдержит, либо — один на тысячу — приползет к концу пути полумертвым от усталости. А мы именно это и пытаемся проделать. В любом обществе люди различаются по уму, способностям, энергии, с которой они действуют, поэтому они и будут стремиться к разным идеалам, и мы не вправе насмехаться ни над одним. Пусть каждый приложит все силы к достижению собственного идеала. Несправедливо судить меня по вашей мерке, а вас — по моей. Нельзя от яблони требовать того же, что от дуба, а от дуба — того, что от яблони. О яблоне и судить надо по яблоне мерке, о дубе — по его собственной.

Единство в разнообразии — закон мироздания. Как бы ни отличался один человек от другого, в конечном счете все люди едины в своей основе. Различия в характерах отдельных людей или различия между разными типами людей — это естественные варианты. Значит, и судить мы их не можем по единой мерке, как и ожидать, что все будут стремиться к единому идеалу. Это создало бы противоестественную напряженность, в результате которой человек начинает ненавидеть себя и становится менее религиозным и добрым. Наш долг заключается

в том, чтобы каждого человека поощрять в его борьбе за наибольшее приближение к его собственному идеалу, стараясь в то же время приблизить его идеал к истине.

Индусская система моральных ценностей с древнейших времен строилась как раз на этом — в священных книгах и трактатах по этике излагаются различные правила поведения для различных групп людей:²³ для семьянина, для *саньяси* (человека, отрекшегося от мира), для того, кто познает жизнь.

В соответствии с индусскими священными книгами каждый человек на протяжении своей жизни помимо общечеловеческих обязанностей выполняет и специфические обязанности, долг. Индус начинает жизнь с обучения, приобретения знания, затем он обзаводится семьей, к старости он удаляется от дел и, наконец, отрекается от мира, становится саньяси. Для каждой из этих стадий характерны свои обязанности. По сути, ни одна из стадий не выше остальных. Жизнь в семье столь же благородна, как жизнь того, кто принял обет безбрачия, посвятив себя религиозной деятельности. Мусорщик на улице так же велик и славен, как царь на троне. Пусть последний сойдет со ступеней трона и возьмется за уборку улиц — надо еще посмотреть, как он справится. Возведите мусорщика на трон и посмотрим, как он будет править. Бесполезно говорить, будто человек вне мирской суестьи выше того, кто живет в миру, — гораздо труднее жить в миру и чтить Бога, чем отречься от мира и вести свободный и легкий образ жизни. С течением времени четыре стадии человеческой жизни свелись в Индии к двум — жизни семьянина и жизни монаха. Один женится и выполняет обязанности гражданина, долг другого — посвятить всего себя религии, молиться и почитать Бога. Я приведу вам отрывок из Маха-Нирвана-Тантры²⁴ с тем, чтобы вы получили представление о том, как трудно быть семьянином и в совершенстве выполнять его обязанности:

«Семьянину надлежит быть преданным Богу, познание Бога должно быть целью его жизни. Однако ему надлежит и неустанно трудиться, выполняя все свои обязанности, плоды же его трудов должны принадлежать Богу.

Нет ничего труднее, чем работать, не думая о результатах, помогать людям и никогда не вспоминать, что они должны быть благодарны тебе, совершать добрые дела и не заботиться о том, принесут ли они тебе доброе имя или ничего не дадут. Даже самый большой трус становится храбрецом, когда мир восторгается им. Глупец способен на героизм, когда чувствует одобрение окружающих, но постоянно делать добро, не ожидая ничьего одобрения, — это поистине самая большая жертва, на какую способен человек. Первейшая обязанность семьянина — зарабатывать на жизнь, но он не может при этом лгать, обманывать, грабить других и обязан помнить, что смысл его жизни в служении Богу и бедным.

Зная, что мать и отец есть зримые воплощения Бога, семьянин обязан всегда и всячески

²³ Индийская традиция разработала систему четырех ступеней, ашрамов, соответствующих четырем циклам человеческого существования: *брахмачарья* (ученичество), *гархастхья* (жизнь домохозяина), *ванапрастхья* (жизнь в лесу, в уединении), *саньяса* (отшельничество и сосредоточение мыслей на постижении Высшего). Последние две стадии часто объединяются. В идеале предполагается, что последователь индуизма, принадлежащий к высшим варнам, переходит от одной стадии к другой, приобретая соответственно новые права и обязанности. Вместе с тем не исключался и переход, скажем, от стадии ученичества к стадии отшельничества. Молодыми саньяси были многие видные религиозные мыслители древности и средневековья, саньяси был и Вивекананда.

²⁴ Маха-Нирвана-Тантра — сборник предписаний для последователей индуизма. Точное время написания не установлено; считается, что он был создан в Бенгалии между 1755 и 1785 гг. Маха-Нирвана-Тантра во многом отличается от тех сборников предписаний, что были созданы в эпоху древности и раннего средневековья. В этих сборниках права и обязанности каждого последователя индуизма строго соотносятся с местом человека в иерархически организованном обществе, где брахманы занимают главенствующее положение. Между тем Маха-Нирвана-Тантра выдвигает идеалы поведения верующего, во многом созвучные гуманистическим и демократическим устремлениям Нового времени.

угождать им. Если человеком довольны его мать и его отец, Бог доволен им. Доброе дитя никогда не скажет резкого слова родителям.

В присутствии родителей не должно шутить, выказывать нетерпение, проявлять дурное настроение или характер. При появлении матери или отца следует поклониться и ожидать стоя, пока они не сядут и не попросят сесть.

Семьянин совершит грех, если, имея пищу, питье и одежду, не удостоверится прежде всего, есть ли они у его матери и отца, у его детей и жены, у бедных. Мать и отец дали ему его тело, поэтому семьянин не должен щадить сил, чтобы отплатить им за него.

И он должен помнить о долге по отношению к жене. Муж должен не бранить жену, но относиться к ней так, как если бы она была его матерью. Какие бы беды или трудности ни осаждали его, он никогда не должен сердиться на жену.

В мрачный ад попадет тот, кто думает о другой женщине, кроме своей жены, если даже только в мыслях коснется он ее.

Семьянин никогда не должен употреблять при женщинах бранные слова и никогда не должен хвалиться своей силой. Не должно ему говорить: я сделал то, я сделал другое.

Семьянин должен угождать своей жене деньгами, одеждой, любовью, верой и словами, сладкими, как нектар, никогда не должен делать ничего, что огорчает ее. Семьянин, который добился любви благонравной жены, преуспел и в вере своей, и в добродетели».

Затем следуют обязанности семьянина по отношению к детям:

«Он должен с любовью воспитывать сына до четырех лет; должен обучать его до шестнадцати лет. Когда исполнится сыну двадцать, он должен начать работать, отец же должен тепло относиться к нему, как к равному. Так же должна воспитываться и дочь, обучать которую следует с великим тщанием. Когда же будет она выходить замуж, отец должен одарить ее драгоценностями и богатством.

Семьянин обязан заботиться и о своих братьях и сестрах, а также о детях своих братьев и сестер, если они бедны; он обязан заботиться и о других родственниках, о друзьях и о слугах. Есть у него обязанности и по отношению к односельчанам, к беднякам и к любому, кто попросит у него помощи. Если семьянин зажиточен, но живет, не заботясь о близких и бедных, он не может считаться человеком, ибо живет, как животное.

Следует избегать излишеств в пище, в одежде, в уходе за телом и волосами. Семьянин должен быть чист сердцем, опрятен телесно, постоянно активен и готов к работе.

Он должен быть героем по отношению к своим врагам. Им он обязан оказывать сопротивление — таков долг семьянина. Он не может обливаться слезами, забившись в дальний угол, и болтать глупости о непротivлении. Если он не проявит героизма в борьбе против врагов, он не выполнит свой долг. По отношению же к родственникам и друзьям он обязан быть кротким, как агнец.

Долг семьянина — не склоняться перед дурными людьми, ибо склоняясь перед такими людьми, он споспешествует злу; и будет ошибкой с его стороны, если он не обратит внимания на людей, заслуживающих его уважение, на добрых. Семьянину не следует проявлять неразборчивость в установлении дружеских связей, заводить друзей повсюду; он должен сначала понаблюдать за поступками тех, с кем желал бы подружиться, посмотреть, как они ведут себя с другими, и, только все хорошенько обдумав, вступать с ними в дружбу.

Есть три вещи, о которых семьянин не должен говорить: он не должен прилюдно упоминать свою известность, не должен распространять истории о своей влиятельности и силе, не должен рассказывать о своем богатстве, а также о том, о чем ему сообщили достоверно.

Человек не должен говорить, что он беден, как не должен говорить, что богат, — не нужно хвастаться богатством. Человек должен полагаться на самого себя — в этом его религиозный долг, а не просто житейская мудрость, и если он не следует своему долгу, то может быть сочтен безнравственным.

Семьянин — основа и опора общества. Он главный его кормилец. Бедные, слабые, дети и женщины, которые не работают, — все живут от его трудов, поэтому и есть у него

обязанности. Эти обязанности должны придавать ему силу для их выполнения, чтобы он не думал, будто делает работу, не соответствующую его идеалу. А потому, если проявит он слабость или допустит ошибку, то не должен говорить об этом прилюдно, как не должен он говорить о своих делах, если знает, что не преуспел в них. Такого рода покаяние не только никому не нужно, оно и самого человека лишает уверенности в себе и мешает выполнению им долга. В то же время семьянин обязан прилагать все силы для умножения прежде всего знания жизни, а затем и богатства. Это его долг, и если он его не выполняет — он никто. Семьянин ведет себя безнравственно, если не трудится, а хочет разбогатеть. Он безнравственен, если ленится и стремится к безделью. Ведь сотни других зависят от него, и, если он разбогатеет, они получают необходимую им поддержку.

Не будь в этом городе сотен людей, которые стремились разбогатеть и разбогатели, что стало бы с цивилизацией, с приютами для бедных, с нарядными дворцами?

В этом случае нет ничего плохого в стремлении к богатству, ибо это богатство предназначено для распределения, а семьянин есть центральная фигура жизни и общества. Это его форма служения Богу — зарабатывать деньги и праведно расходовать их, ибо семьянин, старающийся разбогатеть достойными средствами и во имя достойной цели, практически так же освобождает свою душу, как отшельник, который произносит молитвы в своей келье. Мы видим здесь лишь различные стороны одного и того же: самоотречения и жертвенности из любви к Богу и всему, что ему принадлежит.

Конечно, семьянин должен заботиться и о своем добром имени. Он должен не играть в азартные игры, не бывать в обществе дурных людей, не говорить неправду и не причинять неприятностей окружающим.

Нередко бывает, что человек затевает дела, которые не в силах завершить, и, чтобы все-таки добиться своего, прибегает к обману. В любом деле нужно учитывать и фактор времени: то, что заканчивается неудачей в один отрезок времени, вполне может привести к успеху позднее.

Семьянин должен говорить правду и говорить мягко, выбирая слова, которые приятны людям и выражают доброе к ним отношение. И никогда не следует обсуждать дела других.

Семьянин, копая пруды, сажая деревья по обочинам дорог, строя жилища для людей и для животных, прокладывая дороги и возводя мосты, движется к той же цели, что и самый великий Йог».

Это — одна часть доктрины карма-йоги: деятельность и обязанности семьянина. Далее, там говорится еще, что «если семьянин падет на поле боя, защищая свою страну или веру, он достигнет той же цели, какой достигает йог медитацией»,²⁵ иными словами: то, что есть долг для одного, для другого не является долгом, и это не означает, будто один долг может быть выше другого. Всякому долгу свое место, и каждый из нас должен выполнять свой — в зависимости от обстоятельств.

Однако из всего этого вытекает еще одна идея — осуждение всякого рода слабостей. Эта особая идея нашего учения очень дорога мне, будь то в философии, в религии или в работе. Читая Веды,²⁶ вы обнаружите, как часто употребляется в них слово «бесстрашие».

²⁵ Мы не располагаем текстом Маха-Нирвана-Тантры. Этот отрывок частично соотносится и с Бхг. (II, 37), с той лишь разницей, что Бхг. говорит более конкретно: о кшатрии, воителе, а не о семьянине вообще. Кроме того, Бхг. имеет в виду достижение рая, а не осуществление человеком своего предназначения (выхода из круга перерождений).

²⁶ Веды (санскр.: знание) — «Священное писание» индуистов. Состоит из четырех групп текстов: самхит (сборников гимнов и заклинаний); брахман (сборников ритуально-мифологического характера); араньяк («лесных» книг, наставлений для отшельников); Упанишад (сборников текстов умозрительно-философского плана). Четыре Веды (Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа) обычно датируются XII–X вв. до н. э., хотя многие гимны (особенно в Ригведе) отражают более ранние периоды индийской истории. Традиция расценивает авторитет Вед как неоспоримый: так солнце не нуждается в дополнительном источнике света, чтобы его было видно. Они существуют, согласно традиции, вечно. Веды иначе называются «шрути» — «то, что было услышано»: полагают, что риши, создатели гимнов, мгновенным озарением, внутренним взором

Не страшитесь ничего. Страх — признак слабости. Человек обязан выполнять свои обязанности, не обращая внимания на презрение или насмешки мира.

Если человек уходит от мира, чтобы проводить время в молитве, он не должен думать, будто те, кто живет в миру и трудится на благо мира, не заняты той же молитвой. Равным образом живущие в миру с женой и детьми не должны считать удалившихся от мира ничтожными бродягами. Всякий велик на своем месте. Я хотел бы пояснить эту мысль одной историей.

Жил однажды царь, который всем саньяси, прибывавшим в его царство, задавал один и тот же вопрос: «Кто выше — тот, кто отрекся от мира и сделался саньяси, или семьянин, исполняющий свой долг в миру?»

Множество мудрых людей ломало себе голову над этим вопросом. Иные утверждали, что саньяси выше, но тогда царь требовал доказательств, а поскольку доказать они ничего не могли, царь приказывал женить их. Другие говорили — семьянин выше, но доказательств не было и у них, и царь распоряжался, чтобы и они обзавелись семьями.

Наконец, предстал перед царем молодой отшельник, который на царский вопрос ответил: «Каждый велик на своем месте!» «Есть ли у тебя доказательства?» — спросил царь. «Я могу доказать тебе правоту моих слов, — заявил саньяси, — но для этого ты должен хоть несколько дней пожить, как я». Царь согласился и вместе с отшельником покинул свое царство. Они долго бродили по свету, пока не пришли в столицу некоего великого царства, где как раз шла подготовка к большому торжеству. Царь и отшельник слышали грохот барабанов, музыку, крики глашатаев. Люди собрались на улицах в нарядных платьях, чтобы услышать высочайшее объявление. Царь и саньяси приблизились, чтобы посмотреть, что происходит. Глашатай объявил, что принцесса, дочь тамошнего царя, собирается выбрать себе мужа среди собравшихся перед ней.

Был в Индии такой древний обычай — царская дочь имела право выбрать себе супруга на собственный вкус:²⁷ одна выбирала самого красивого, другая — самого ученого, третья — самого богатого и так далее. Все окрестные принцы собрались в тот день в столице. Некоторые приехали со своими глашатаями, и последние громко перечисляли достоинства принцев и причины, в силу которых они надеялись быть избранными принцессой. Разодетую принцессу носили по улицам прямо на троне, чтобы она могла всех видеть и всех слышать. Если ей не нравился жених, она просто приказывала нести себя дальше, не обращая больше внимания на отвергнутого. Тому, кто ей придется по сердцу, принцесса должна была набросить цветочную гирлянду на шею, и он становился ее супругом.

Дочь царя страны, куда пришли наши путники, была самая прекрасная принцесса в мире, а супруг ее должен был унаследовать все царство отца после его кончины. Эта принцесса мечтала о красавце-женихе, но никак не решалась на ком-нибудь остановить свой выбор. Уже несколько раз устраивались смотрины, а принцесса все не находила себе мужа. Нынешнее празднество было самым многолюдным из всех. Принцесса восседала в тронном

постигли приоткрывшуюся им истину. Риши не считаются авторами Вед, они только придали словесную форму тем видениям, что были недоступны другим людям. К Ведам примыкают тексты, называемые «смрити» — «то, что было запомнено»: это своего рода «Священное предание» индуизма. Значимость этих текстов для последователей индуизма хотя и велика, но вторична. Они достоверны для них в той степени, в какой не противоречат литературе «шрути» (то есть вечному и непогрешимому источнику истины), и при разногласиях последнее слово всегда будет за «шрути». Как правило, к литературе «смрити» относят следующие тексты: две эпические поэмы — Махабхарата и Рамаяна; восемнадцать пуран (дословно «старые» истории): они обычно состоят из космогонических мифов, генеалогий царей и др.; дхармашастры — законодательные трактаты, регулирующие политическую, религиозную и общественную жизнь. Сюда же входят смартасутры, то есть тексты, связанные в основном с домашним ритуалом; трактаты по вопросам религии, этики, философии и пр.

²⁷ Имеется в виду так называемая «сваямвара» (санскр.: «свой выбор») — брак, когда невеста сама выбирает себе жениха. Большая часть признаваемых форм браков (всего их насчитывалось восемь) сводилась к браку по инициативе и с ведома родителей невесты, в первую очередь ее отца. Но и брак «сваямвара», очевидно, не был редкостью. Многие известные героини эпоса сами выбирали себе мужей.

паланкине, который носили по всему городу, но она не подавала никакого знака. А тем временем на улице появился молодой отшельник, прекрасный, как солнце, сошедшее на землю, который остановился на углу и стал смотреть на происходящее. Едва только взор принцессы упал на красивого отшельника, как она сразу набросила на его шею цветочную гирлянду. Отшельник же, сорвав с себя цветы, воскликнул: «Да мыслимо ли это! Я отрекся от мира, что мне до женитьбы?» Царь этой страны подумал, что юноша нищ и потому не может и помыслить о том, чтобы взять в жены царскую дочь. «Я отдаю за дочерью полцарства, — сказал он, — когда же я умру, мой зять унаследует все!» С этими словами царь попытался было снова надеть на юношу гирлянду, но тот отпрянул. «Я не намерен жениться!» — повторил он и быстро зашагал прочь.

Принцесса с первого взгляда полюбила молодого отшельника и объявила во всеуслышание, что умрет, если не станет его женой, и последовала за ним. «Последуем и мы за этой парой», — предложил наш отшельник своему царю, которого привел сюда. Держась на расстоянии, они пошли вслед. Юноша удалялся от города в лес. Принцесса не отставала, а за ними в отдалении следовали отшельник и царь. Юноша чувствовал себя в лесу, как дома, он скоро скрылся из виду, а принцесса, поняв, что заблудилась, села под дерево и стала плакать. «Не плачь, — сказали царь с отшельником, приблизившись к ней, — мы выведем тебя из лесу, но сейчас уже поздно и темно. Переночуем под этим деревом и наутро отправимся в путь».

А на дереве свила себе гнездо птичья семья: самец, самка и три птенца. Увидев, что под деревом расположились люди, самец спросил самку: «Как нам быть, дорогая? В нашем доме сегодня гости, ночь холодна, а огонь нечем развести». Слетав в деревню, он принес в клюве головешку, бросил ее под дерево, добавил топлива, и там вскоре запылал жаркий костер. Но маленькую птицу это не удовлетворило. «Как нам быть, дорогая? — спросил он снова у самки. — Наши гости голодны, а нам нечем их угостить. Мы семьянины, и наш долг дать пищу всякому, кто пришел в дом. Раз ничего другого нет, я отдам им собственную плоть». Он слетел с дерева прямо в костер, да так стремительно, что люди не успели перехватить его.

Самка увидела, что сделал самец, и сказала себе: «Гостей трое, и одной маленькой птичкой им не насытятся. Мой долг жены — довести до конца начатое мужем, поэтому я должна отдать им и свою плоть тоже». Маленькая птичка последовала примеру мужа.

Тогда птенцы поняли, что все равно людям мало еды. И сказали они друг другу: «Наши родители сделали все, что было в их силах. Но этого оказалось недостаточно, наш долг — довести до конца начатое родителями». И они один за другим тоже бросились в огонь.

Конечно, потрясенные люди и помыслить не могли съесть этих птиц. Они провели ночь без пищи. А утром царь и саняси указали принцессе путь, и она отправилась домой, к отцу.

И тут отшельник объяснил царю: «Ты сам видел — всякий велик на своем месте. Если человек живет в миру, он должен жить, как эти птицы: быть готовым в любую минуту пожертвовать собою ради других. Если человек желает отречься от мира, пусть живет, как этот юноша, которому дела нет ни до прекрасной принцессы, ни до трона. Если ты решил быть семьянином, жертвуй своей жизнью ради блага других. Если влечет тебя одиночество, забудь о красоте, о деньгах и о власти. Всяк велик на своем месте, но то, что долг для одного, может не быть таковым для другого».

Глава III

ТАЙНА ТРУДА

Великое дело — помочь человеку физическим путем, освобождая его от материальных нужд. Однако помощь изменяется и измеряется в зависимости от объема и величины нужды. Если возможно освободить человека от нужды на час — это, безусловно, значит оказать ему помощь, еще большей помощью будет освобождение его от нужды на год, но самой большой помощью было бы освобождение от нужды навсегда. Освободить нас от невзгод может только духовное знание, любое другое знание способно лишь на время помочь нам. Лишь

духовное познание навсегда уничтожает саму способность испытывать нужду; поэтому оказание человеку духовной поддержки и есть самая большая помощь, которая может быть оказана ему. Дающий духовное знание есть поистине величайший благодетель человечества, именно такие люди всегда обладали наибольшей властью над миром, помогая человечеству в его духовной нужде, ибо духовность составляет настоящую основу всей деятельности человека. Духовно сильный и здоровый человек будет силен во всех отношениях, если он захочет этого. При отсутствии же в человеке духовной силы не поддаются удовлетворению даже его физические потребности. За духовной помощью следует помощь интеллектуальная. Обладание знанием гораздо выше, чем обладание пищей и одеждой; получение знания даже выше, чем рождение человека, потому что подлинная жизнь человека состоит из знания. Невежество — смерть, а знание — жизнь. Невелика ценность жизни, если это существование во тьме, барахтанье в невежестве и страдании. Следующая в порядке очередности идет помощь материальная. Поэтому, размышляя над тем, чем можем мы быть полезны другим, надо всячески избегать ошибочного представления, будто материальная помощь есть единственный вид помощи, на который мы способны. На самом же деле она стоит на последнем месте не только по порядку, но и по значению, ибо эта помощь не может принести постоянного удовлетворения. Когда я голоден, пища утоляет голод, но со временем он снова возвращается; избавление наступит только тогда, когда удовлетворение освободит меня от потребности. Даже испытывая голод, я не буду чувствовать себя несчастным, никакое страдание, никакая печаль не заденут меня. Таким образом, выше всего та помощь, которая укрепляет меня духовно, за ней следует помощь интеллектуальная, а потом уже материальная.

Одной лишь материальной помощью мир не освободить от страданий. Пока не переменится природа человека, будут возникать материальные потребности и никакой материальной помощью их целиком не удовлетворить. Единственный выход из этого положения — сделать человечество чистым. Невежество есть мать всех зол и всех страданий, которые существуют. Пусть человек увидит свет, пусть он будет чистым, духовно сильным и образованным, и тогда мир освободится от страданий, не ранее того. Можно превратить каждый дом в стране в приют милосердия, можно застроить страну больницами, и все же несчастья человека будут существовать, пока не изменится его природа.

Мы снова читаем в Бхагавад-Гите, что следует трудиться не покладая рук. Но работа по своей природе состоит из доброго и дурного. Не существует труда, который не послужил бы чьему-нибудь добру, как не существует труда, который не повредил бы кому-то. Всякий труд есть смешение доброго и дурного, но тем не менее нам предписано трудиться не покладая рук. И добро, и зло будут иметь свои последствия, свою карму. Доброе дело оставит нам хороший результат, дурное — плохой. Однако и добро, и зло — это узы души, поэтому, чтобы освободить душу от порабощения плодами труда, в Бхагавад-Гите речь идет о труде без «привязанности» к нему.

Сейчас мы постараемся понять, что это означает.

Это главная идея Бхагавад-Гиты: непрестанный труд, но без привязанности к нему. Слово *самскара* можно, весьма условно, перевести как «унаследованная склонность». Уподобляя ум озеру, можно сказать, что всякая зыбь, каждая волна, пробегающая в уме, даже успокоившись, не исчезает совершенно, но оставляет след и возможность нового появления. Вот этот след, свидетельствующий о том, что зыбь или волна могут появиться снова, и носит название самскар. Всякий поступок, совершаемый нами, всякое движение тела, всякая мысль, приходящая в голову, оставляют след, и даже если след этот незаметен на поверхности, он всегда бывает достаточно четок, чтобы подсознательно воздействовать на нас. То, что мы собою представляем в каждый отдельно взятый миг, есть сумма всех этих впечатлений, впечатлений ума. То, что я собою представляю сию минуту, есть следствие всех впечатлений от моих прежних существований. Это и есть так называемый характер. Характер каждого человека определяется суммой всего, что в нем оставило следы. Если хороших впечатлений больше, то и характер становится хорошим, если дурных — характер

ухудшается. Если человек постоянно слышит дурные речи, думает о дурных вещах, совершает дурные поступки, он наполняется дурными впечатлениями, которые скажутся на его мыслях и работе незаметно для него. В действительности дурные впечатления постоянно сказываются на человеке и обязательно приводят ко злу, такой человек станет плохим, это неизбежно. Сумма отрицательных впечатлений станет сильным побудительным мотивом к совершению дурных поступков. Человек превратится в машину, управляемую злом и направляемую на зло. Равным образом, думая о добром и совершая добрые дела, человек накапливает в себе добрые впечатления, которые будут подталкивать его к добру даже вопреки его воле. Совершивший множество добрых дел и много размышлявший о добре воспитает в себе непреодолимую склонность к добру, так что, если он даже пожелает сделать дурное, его ум, его склонности уже не допустят этого, остановят его, ибо он уже целиком во власти добра. В этом случае можно сказать, что в человеке выработался хороший характер.

Черепашу, втянувшую лапы и голову в панцирь, вы можете убить и разбить на куски, но она ни за что не высунется из панциря. Так и человек, чей характер тверд и властвует над органами своего тела и над мотивами своих поступков, непоколебим. Он контролирует свои внутренние силы, и ничто не может заставить его действовать против его воли. Добрые мысли стали характерны для него, добрые впечатления являются выражением его ума, склонность к добру у него все крепнет, и в результате мы обладаем способностью контролировать наши *индрии* (органы чувств, нервные центры). Только таким путем вырабатывается характер, только таким путем продвигается человек к истине. Такой человек навечно в безопасности, он уже не способен на дурной поступок. Его можно поместить в любое окружение, ему ничто не опасно. Есть и более высокое состояние, чем развитие в себе склонности к добру, — это желание освободиться. Следует помнить, что свобода духа есть цель всех йог,²⁸ любая из которых в равной мере способствует достижению этой цели. Можно трудом достичь того, что Будда достиг преимущественно путем медитации или Христос — путем молитвы. Будда был *джняни*, Христос — *бхакта*,²⁹ но оба достигли одной и той же цели. Трудность же заключается в следующем: освобождение означает свободу от уз добра, как и от уз зла. Цепи остаются цепями, сделаны ли они из золота или из железа. Если я занозил палец колючкой и взял другую, чтобы выковырять занозу, то я потом выбрасываю обе, мне нет нужды сохранять вторую колючку — она ведь просто колючка, как и моя заноза. Дурные склонности должны преодолеваются при помощи добрых, дурные впечатления должны вытесняться хорошими до тех пор, пока зло почти совсем не исчезнет или не будет загнано в дальний угол и находиться под контролем, но после этого нужно научиться властвовать и над склонностями к добру. Таким образом, «привязанность»

²⁸ «Йога» (санскр.: соединение, связь, средство) в религиозно-философских текстах используется в двух значениях. Во-первых, как название одной из школ классической индийской философии, многие идеи которой возникли в глубокой древности, скорее всего, на рубеже II–I тыс. до н. э. в разных школах и постепенно объединившиеся вокруг того направления, что примерно во II–V вв. н. э. систематизировало теорию и практику учения в сутрах, приписываемых Патанджали. В йоге большое внимание уделяется «практическому» аспекту: этическая подготовка адепта дополняется дисциплиной тела и ума. В теории йога в значительной степени примыкает к другой системе классической индийской философии — санкхье (см. примеч. 22).

Второе значение слова «йога» соотносится со значением слова «марга» (путь). Провозглашаются различные пути постижения Высшего; соответственно «йога» означает тогда только «путь», «способ». В этом значении слово «йога» употреблено в данном случае.

²⁹ Джняни — последователь, приверженец джняна-марги, или джняна-йоги, то есть последователь индуизма, ориентирующийся на интуитивное проникновение в сущность собственного «Я» и его отношения с конечным существованием. Разработанное в Упанишадах понятие «джняна» (знание) не имеет в виду позитивную систему знаний, получаемых на основе умозаключения, опыта или научного эксперимента. Имеется в виду «осенение», мистическое озарение, «схватывание» истинной картины мира в акте интуитивного прозрения. Бхакта — последователь индуизма, приверженец бхакти-марги, или бхакти-йоги. Его постижение истинной сути первоосновы мира мыслится возможным на пути эмоциональной преданности, беззаветной любви к Богу, когда верующий всего себя посвящает Богу.

уступает место свободе. Трудитесь, но так, чтобы работа мысли не оставляла глубоких впечатлений в уме. Пусть зыбь набегает и проходит, пусть мышцы и мозг напряженно действуют, но пусть они не оставляют глубоких впечатлений в душе.

Но как это сделать? Мы же видим, что любое действие, от которого мы ждем результатов, оставляет в нас впечатления. Я могу за день увидеть сотню лиц, но среди них будет только одно любимое, и, ложась спать, вспоминая перед сном всех, кого я повидал, я вспомню только это, пусть даже я увидел его на одну минуту, а все остальные размыты в памяти. Моя привязанность к человеку оставила более глубокое впечатление от встречи с ним, чем все другие лица. Физиологически, для механизмов памяти, все увиденные мной лица одинаковы: каждое запечатлелось на сетчатке, откуда образ поступил в мозг, но последствия процесса оказались разными. Возможно, большинство лиц были чужими, я никогда прежде не думал о них, одно же, увиденное всего на минуту, соединилось с моими прежними внутренними ассоциациями. Может быть, я годами вызывал в памяти этот образ, знал многое об этом человеке, и теперь его вид сразу пробудил дремавшие воспоминания, так что образ как бы повторился в сто раз больше, чем промелькнувшие случайные лица, и оставил более глубокий след в уме.

А потому будьте «независимыми», пускай работают мозговые центры, работают неустанно, но так, чтобы зыбь от работы не подчинила себе ум. Трудитесь, как если бы вы были чужеземцем на этой земле, путником, трудитесь не покладая рук, но не связывайте себя, ибо зависимость, рабство ужасны. Этот мир не есть место нашего обитания, он только одна из фаз, через которые мы проходим. Помните великую мысль *санкхьи*: «Вся природа для духа, а не дух для природы».³⁰ Сама основа существования природы направлена на воспитание духа. Она не имеет иного смысла, ибо душе необходимо знание, а через знание душа освобождается. Если мы будем всегда помнить об этом, мы никогда не будем ощущать зависимость от природы, а будем знать: природа — это книга, которую мы должны читать, когда же книга дала нам достаточно знаний, нам больше нет нужды в ней. Мы же вместо этого отождествляем себя с природой, думаем, что душа существует ради природы, что дух предназначен для плоти, что, как говорится, человек «живет, чтобы есть», а не «ест, чтобы жить». Мы все время совершаем эту ошибку. Мы рассматриваем природу как самих себя и привязываемся к ней, а как только возникает привязанность, она оставляет глубокое впечатление в душе, которое сковывает нас, и мы уже трудимся не свободно, а как рабы.

Суть же этого учения в том, что человек должен трудиться как *хозяин*, а не как *раб*, он должен работать не покладая рук, но не по-рабски. Разве вы не видите, как все работают? Ни у кого ни минуты покоя, девяносто девять процентов человечества трудятся как рабы, и результаты их деятельности жалки, потому что все это себялюбивый и корыстный труд. Трудитесь свободно! Трудитесь с любовью! Слово «любовь» с трудом поддается пониманию, потому что любовь приходит только тогда, когда человек свободен. Раб не может по-настоящему любить. Если вы приобретаете раба, заковываете его в цепи и заставляете работать на вас, он будет работать подобно ослу, но в нем не будет любви. Так же и у нас, если мы работаем ради мирских вещей, как рабы, не может быть любви, а значит, и труд наш не есть настоящий труд. Это справедливо и в отношении работы, которую мы выполняем ради наших близких и друзей, и в отношении того, что делаем для себя. Себялюбивый труд — труд рабский, и тому есть доказательство. Акт любви приносит счастье, нет любви, которая не давала бы счастья. Подлинное существование, подлинное знание и подлинная любовь извечно связаны между собой, образуя триединство, и где есть одно, там также должны быть и два других; это три аспекта Единого: существование — знание — блаженство. Когда существование становится относительным, мы видим это как

³⁰ См., например, Йога сутры Патанджали, 11, 18, 20, 21, 22; Санкхья карика, 56, 57, 58, 59 и др. Согласно учению санкхьи, пракрити во многих отношениях служит пуруше: ее часто сравнивают с танцовщицей, которая чарует смотрящего на нее и тотчас же прекращает свой танец, когда видит, что ее заметили. Она ничего «не приобретает», «не получает» от пуруши: главное, чтобы он заметил свою связанность и освободился от нее.

мир; в свою очередь знание модифицируется в знание вещей мира, и это блаженство образует всю истинную любовь, известную человеческому сердцу. Подлинная любовь не может своими проявлениями причинить боль ни тому, кто любит, ни тому, на кого обращена любовь. Предположим, мужчина любит женщину, он желает обладать ею целиком и чрезвычайно ревниво относится к каждому ее поступку; он хотел бы, чтобы она и сидела рядом с ним, и стояла рядом с ним, и во всем исполняла его волю. Мужчина поработен ею и хотел бы поработить ее. Это — не любовь, а своего рода болезненная привязанность к рабыне, выдающая себя за любовь. Любовью это чувство быть не может, поскольку оно причиняет боль; если женщина не соглашается делать то, чего желает мужчина, он от этого страдает. Любовь не причиняет боли, она дает только блаженство, если появляется боль, то это другое чувство, ошибочно принимаемое за любовь. Когда вы сумели полюбить своего мужа или свою жену, своих детей, весь мир, всю вселенную, не испытывая ни боли, ни ревности, ни себялюбивых чувств, тогда вы готовы к бескорыстию.

Кришна говорит: «Посмотри на меня, Арджуна! Если я хоть на миг перестану трудиться, вселенная погибнет. Я ничего не выигрываю от работы, я единственный властелин мира, зачем же я тружусь? Я тружусь потому, что люблю мир».³¹ Бог свободен, ибо он любит. Подлинная любовь делает нас независимыми. Всякая прикрепленность к мирским вещам имеет характер физического притяжения между рядами частиц материи, это то, что притягивает два тела друг к другу все время и что вызывает боль, если это невозможно сделать. Там же, где существует *подлинная* любовь, нет зависимости от физического притяжения. Любящие могут быть разделены тысячью миль, но их любовь будет той же самой, она не умирает и никогда не причиняет страданий.

Достичь этой независимости можно лишь чуть ли не в течение целой жизни, но достижение этой точки означает, что мы достигли цели любви и стали свободными, мы освобождаемся от господства природы и мы прозреваем природу такой, какова она есть; природа больше не кует нам цепи, мы совершенно свободны и не испытываем привязанности к результатам наших трудов. В таком случае, что нам беспокоиться об этих результатах?

Разве вы чего-то ожидаете от своих детей взамен того, что вы им дали? Трудиться на их благо — ваш долг, и этим все сказано. Что бы вы ни делали ради определенного человека, или города, или государства, делайте это так же, как вы бы это делали для своих детей, ничего не ожидая. Если вы способны неизменно быть дающим, рассматривая свои даяния как добровольное жертвоприношение миру, без помысла о воздаянии за свои дела, тогда ваш труд не будет вас привязывать к себе. Привязанность появляется от ожидания воздаяния.

Рабский труд ведет к корысти и зависимости, труд же человека, владеющего собой, дает ему счастье независимости. Мы часто говорим о праве и справедливости, но мы понимаем, что на деле все это детский лепет. Две вещи руководят поведением людей: сила и милосердие. Применение силы есть неизменно проявление себялюбия. Человек всегда старается извлечь как можно больше из силы и власти, которыми он располагает. Милосердие же само по себе блаженство. Чтобы быть добрыми, мы должны все быть милосердными. Даже право и справедливость должны основываться на милосердии. Помыслы о воздаянии за наш труд мешают нашему духовному развитию и в конечном счете ведут к страданиям. Есть и еще один путь воплотить на практике идеи милосердия и бескорыстного труда — рассматривать труд как «богослужение», если вы веруете в Личного Бога. Богу мы приносим все плоды нашего труда, и, таким образом служа ему, мы не можем ожидать ничего от людей за наш труд. Сам Бог тоже трудится непрестанно, и труд его независим. Как вода не может намочить лепесток лотоса, так труд не может привязать к себе бескорыстного человека. Бескорыстный и независимый человек способен жить в самом

³¹ Примерный пересказ Бхг., III, 22 и 24. Строка «Я тружусь, потому что люблю мир» добавлена Вивеканандой.

сердце густонаселенного и грешного города: грех его не коснется.

Представление о полном самоотречении дает следующая история. После битвы на Курукшетре³² пятеро братьев-пандавов³³ совершили великое жертвоприношение и щедро одарили бедняков. Народ поражался величию и богатству жертвоприношения, говорил, что мир не видывал ничего подобного. Но после церемонии прибежал маленький мангуст, наполовину золотистый, наполовину коричневый, и, катаясь по полу зала жертвоприношения, закричал: «Вы все лжецы! Это совсем не жертвоприношение!» «Как? — изумились люди. — Как же так? Разве ты не знаешь, сколько золота и драгоценностей раздали бедным, разве ты не видишь, что все теперь богаты и счастливы? Это величайшее из жертвоприношений, когда-либо совершавшихся!» Но мангуст сказал: «В одной деревне жил когда-то бедный брахман с женой, сыном и невесткой. Жила семья на то, что могла заработать проповедями и поучениями. Но три года подряд в тех краях был неурожай, и семья брахмана перестала сводить концы с концами. Однажды, когда семье несколько дней нечего было есть, отец раздобыл горсточку ячменной муки и разделил ее на четыре части, каждому понемножку. Только приготовились поесть, как в дверь постучали. Отец отворил дверь — на пороге стоял гость. Гость в Индии священен, его полагается принять, как Бога, почтившего своим приходом дом. „Входите, прошу вас“, — пригласил брахман и поставил перед гостем свою порцию. Гость быстро съел все и воскликнул: „Что вы со мной сделали! Я не ел десять дней, и предложенное вами только распалило мой аппетит“. „Предложи ему и мою долю“, — шепнула жена. „Не могу!“ — сказал брахман, но жена настаивала, говоря: „Он несчастный человек, наш долг накормить его, и, раз тебе больше нечего дать ему, я должна отдать мою долю“. Затем она отдала свою долю еды гостю, он ее съел и сказал, что все еще чувствует голод. Тогда сын сказал: „Возьмите и мою долю пищи. Долг сына — помочь своему отцу выполнить его обязанности“. Гость и это съел, но остался все еще голодным. Тогда и жена сына отдала свою долю еды. Этого оказалось достаточным, и гость ушел, благословляя их. Этой же ночью все четверо умерли от голода. Несколько мучных пылинок остались на полу хижины, и когда я покатался по полу, то, как видите, часть моей шкурки стала золотистой. Я с тех пор путешествую по всему свету в поисках подобного жертвоприношения, но ничего не нашел, и другой бок у меня так и остается коричневым. Вот почему я утверждаю, что ваше жертвоприношение не настоящее».

Эта идея жертвенности покидает Индию, все реже и реже встречаются великие люди. Когда я начал учить английский, я прочитал рассказ о мальчике, который пошел работать, а часть заработанных денег отдал старушке матери. Так вот, на трех или четырех страницах восхвалялся поступок доброго сына. Ну что это такое? Ни один маленький индус не поймет мораль этой истории. Я ее понимаю теперь, когда слышу, что принцип Запада — каждый за себя. Иные считают, что можно все взять себе, не заботясь об отцах, матерях, женах, детях. Нигде и никогда не может это быть идеалом семьянина.

*Карма-йога*³⁴ учит нас: надо помогать нуждающемуся в помощи, даже перед лицом

³² Курукшетра (или Дхармакшетра) (санскр.: поле Куру, поле Дхармы) соотносится с «полем славы и доблести». Считается, что там происходило знаменитое сражение, описанное в Бхг. Само понятие «Курукшетра» осмысливается двояко: во-первых, как реальное место, где якобы происходило историческое событие; оно соотносится с областью неподалеку от современного Дели. Во-вторых, обыгрывается многозначность сочетания слов: «поле» есть «поле жизни», где человек должен проявить свою внеприродную, истинную и наивысшую сущность.

³³ В описанной в Бхг. и других письменных памятниках Индии битве на Курукшетре принимали участие потомки рода Куру и рода Панду, то есть кауравы и пандавы. Одним из пяти братьев-пандавов и был Арджуна.

³⁴ Карма-йога (или карма-марга) означает путь праведного действия, который и должен привести человека к осознанию Наивысшего. Для этого не требуется оставлять мирскую жизнь, становиться отшельником: можно прервать «цепь перерождений» действиями, но действия должны согласовываться с долгом человека. Иными словами, традиция формулирует, что, если человек выполняет правильные, праведные действия, он достигает той же самой цели, что и приверженец джняна-йоги или приверженец бхакти-йоги.

смерти, не задавая никаких вопросов. Пускай вас обманут миллион раз, все равно не задавайте вопросов и не думайте о том, что вы делаете. Никогда не похваляйтесь своими дарами бедным и не ждите их благодарности; скорее вы должны быть благодарны тем, кто дал вам случай проявить милосердие. Отсюда следует, что быть идеальным семьянином труднее, чем быть идеальным саньяси; настоящая трудовая жизнь так же тяжела, если не тяжелее, чем подлинное отречение от мира.

Глава IV

ЧТО ЕСТЬ ДОЛГ?

Изучая карма-йогу, необходимо понять, что такое долг. Если мне предстоит какое-то дело, я должен сначала знать, в чем состоят мои обязанности, а потом я это дело сделаю. Опять-таки у разных народов разное представление о долге. Мусульманин скажет, что его долг — следовать тому, что написано в Коране, индус — что его долг следовать Ведам, христианин — что его долг следовать Библии. Представления о том, что есть долг, различны на разных стадиях жизни человека в различных исторических периодах и у разных народов. Термину «долг», как всякому универсальному абстрактному термину, невозможно дать точное определение, можно только составить себе представление о нем через его практическое функционирование и результаты. Попадая в определенную ситуацию, мы действуем в соответствии с врожденным или выработанным побуждением, которое и подсказывает уму образ действий. В одном случае мы считаем, что в данной ситуации правильно сделать то-то и то-то, в другом — нам кажется, что так поступать нельзя, даже в той же ситуации. Принято считать, что хороший человек выполняет свой долг, когда поступает по велению совести. Но что все-таки превращает поступок в акт выполнения долга? Если христианин отказывается от куска говядины, который мог бы спасти его жизнь, или если он не дает этот кусок другому для спасения жизни того человека, христианин не будет чувствовать, что выполняет свой долг. Однако, если индус осмелится съесть этот кусок говядины³⁵ или предложит его другому индусу, он также будет считать, что нарушил свой долг — ему это подскажет индусский образ мыслей и воспитание. В прошлом веке в Индии получили большую известность банды грабителей, называемые разбойниками-тугами.³⁶ Эти головорезы считали своим долгом убивать и грабить любого попавшегося им человека, и чем больше людей убил разбойник, тем лучше он о себе думал. Если обыкновенный человек совершит убийство, то он, скорее всего, пожалеет о содеянном, считая, что плохо поступил. Однако тот же самый человек, надев военную форму, будет рад, если убьет не одного, а двадцать человек, считая, что он отлично выполнил свой долг. Таким образом, не деянием определяется долг. Совершенно невозможно дать объективное определение тому, что есть долг. Оно определяется с субъективной стороны. Любое действие, приближающее нас к Богу, есть доброе дело, а потому оно — наш долг; действие, влекущее нас вниз, есть дурное

³⁵ Проблеме так называемой «мистики питания» уделялось большое внимание уже в самых ранних текстах, например в Упанишадах. Хотя в Ведах не содержится запрета на забой скота и описывается употребление в пищу говядины, постепенно возобладали та точка зрения, что представители высших каст не должны употреблять в пищу говядину и, более того, прилагать все силы, чтобы предотвращать забой скота. Герой поэмы Калидасы «Рагхувамша» царь Дилипа, например, готовый отдать себя прожорливому льву, чтобы спасти корову, прославлялся как идеал правого индуса.

³⁶ Туги (или тхаги) называли себя почитателями женского божества Бхавани, выступающей в ипостаси кровожадной богини, требующей все новых и новых жертв. Туги имели специальные ритуальные заступы и шнуры и набрасывались на свои жертвы сзади. Хотя упоминание о сектах душителей встречается уже в арабских источниках XIII–XIV вв., где они описываются как члены тайных сообществ, только несколько месяцев в году бродящие по Индии, а остальное время ведущие обычную жизнь, особенно большое распространение их деятельность приобрела на Декане и в Северной Индии в XVII–XVIII вв.

дело, и наш долг — избегать его. Субъективно мы ощущаем, что одни действия делают нас выше и чище, в то время как другие принижают и огрубляют нас, но сказать с уверенностью, что одни и те же действия одинаково воздействуют на разных людей, нельзя. Тем не менее существует одна-единственная идея долга, приемлемая для всех людей, независимо от их веры, независимо от того, где они живут; ее смысл прекрасно выражен санскритским афоризмом: «Не причиняй вреда живому — непричинение вреда живому есть благое дело, причинение вреда живому есть грех».³⁷

В Бхагавад-Гите много говорится о связи обязанностей с происхождением человека и его положением в обществе. Происхождение и место, занимаемое человеком в общественной жизни, в значительной степени определяют его психологию и моральную позицию в отношении очень многого. Поэтому наш долг — делать возвышающие и очищающие нас вещи в соответствии с нравственными нормами общества, в котором мы живем. Но при этом никак нельзя забывать, что не все общества живут по одним и тем же нормам, забвение этого и составляет главную причину ненависти одного народа к другому. Американец считает, что американский образ жизни является наилучшим из возможных, а всякий, кто живет по-другому, должен быть очень плохим человеком. Индус считает, что единственно правилен его образ жизни, его обычаи лучше всех других, поэтому всякий, кто живет не так, должен быть очень плохим человеком. Заблуждение это естественно, и все мы поддаемся ему. Однако оно чрезвычайно вредно, в нем причина половины жестокостей, творимых в мире. Когда я приехал в Америку и шел по Чикагской выставке,³⁸ кто-то сзади дернул меня за тюрбан. Оглянувшись, я увидел вполне достойно выглядевшего, опрятно одетого человека. Я заговорил с ним, и он смутился, обнаружив, что я знаю английский. В другой раз на той же выставке меня толкнули. Когда я спросил толкнувшего, зачем он это сделал, он тоже смутился и извиняющимся тоном пробормотал: «Для чего вы так одеваетесь?» Оба были способны относиться с симпатией только к тем, кто говорил на их языке и был одет на их лад. Предрассудки такого рода есть причина угнетения сильными народами народов более слабых, и это иссушает их человечность. Спросивший меня, почему я одет не так, как он, и готовый плохо отнестись ко мне в силу этого мог быть очень хорошим человеком, отцом и гражданином, однако его природная доброта мгновенно исчезла при виде непривычно одетого иностранца. Во всех странах злоупотребляют неспособностью чужеземцев постоять за себя, в результате чего у них формируется искаженное представление о народах, с которыми столкнулись. Моряки, солдаты, купцы в чужих странах ведут себя совсем не так, как на родине; возможно поэтому китайцы зовут европейцев и американцев «чужеземными дьяволами». Они не могли бы выдумать эту кличку, если бы сталкивались с положительными сторонами западного образа жизни.

Не следует забывать, что мы должны постоянно стараться видеть поведение других их глазами и никогда не судить об обычаях других народов, подходя к ним с собственными мерками. Я не есть мера вселенной. Это я обязан приспособиться к миру, а не мир ко мне. Итак, мы видим, что обстоятельства меняют природу нашего долга, а потому лучшее, что мы можем сделать в мире, — выполнять наш собственный долг в конкретных обстоятельствах. Давайте выполнять долг, связанный с нашим происхождением, а выполнив его, возьмемся за тот, который вытекает из нашего положения в жизни и в обществе. Существует и серьезная опасность, заложенная в самой природе человека, а именно: человек никогда не исследует свои возможности. Человек полагает, что может занять место на троне с тем же успехом, что и царь. Даже если это так, ему нужно сначала доказать, что он выполняет тот долг, который

³⁷ Одно из самых распространенных высказываний; часто встречается в эпической литературе, например в Мбх., Адипарва, XI, 1, 3 и др.

³⁸ Всемирная выставка в Чикаго состоялась в 1893 г. К ее открытию был приурочен Всемирный Парламент (конгресс) религий, участником которого был Вивекананда.

пришелся на его долю, а уж потом думать о более высоком долге. Вступая в мир и начиная серьезно работать, мы справа и слева получаем удары от природы, которая скоро помогает нам уяснить себе наше настоящее место. Никто не может удовлетворительно делать дело, на которое он не способен, и нет смысла спорить с законами природы. Делаящий низкую работу не является низким человеком. О человеке судят не по характеру его обязанностей, но по тому, каким образом он выполняет их.

Позднее мы увидим, что и эта идея долга претерпевает изменения и что труд становится действительно великим, когда побуждением к нему перестают служить себялюбивые мотивы. И все же именно труд во имя долга приводит нас к труду, где отсутствует и идея долга; когда труд станет богослужением, чем-то более возвышенным, тогда он превратится в самоцель. Мы убедимся, что философия долга в форме ли этики или любви одна и та же, что и в каждой йоге: преодоление низкого в человеке, с тем чтобы полнее проявлялось подлинно высокое «Я», меньшая растрата энергии по мелочам на низком уровне существования, с тем чтобы душа могла раскрыться на более высоком уровне. Это достигается постоянным отказом от низменных желаний, чего настойчиво требует долг. Сознательно или неосознанно таким путем и шло развитие общественных структур, связанное со сферами действия и опыта, где, ограничивая эгоизм, мы открываем возможности для неограниченного расширения подлинной природы человека.

Выполнение долга редко бывает приятным. Оно проходит гладко, только если все колесики жизни смазаны любовью, а без этого все время мешает трение. Как без любви смогли бы родители выполнять свой долг по отношению к детям, супруги — по отношению друг к другу? Разве не наблюдаем мы ежечасно примеров трения в нашей жизни? Выполнение долга дает радость лишь тогда, когда есть любовь, а любовь расцветает только на свободе. Но можно ли считать свободой порабощенность чувствами, злостью, ревностью и тысячью других пустых вещей, которые неизбежны в повседневной жизни? Терпимость — вот высшее проявление свободы. Женщины, рабыни собственной раздражительности и ревнивого характера, склонны во всех бедах винить мужей, самоутверждаться в своей собственной «свободе», как им кажется, не подозревая, что они тем самым доказывают только свою несвободу. Это же относится и к мужьям, постоянно выискивающим недостатки у своих жен.

Супружеская верность — главная добродетель и мужчин, и женщин; редко найдешь супруга, сколь бы легкомысленным он ни был, которого не могла бы вернуть на путь истинный нежная, любящая и преданная супруга. Много разговоров о жестокости и непорядочности мужчин, но разве не правда, что на свете не меньше жестоких и непорядочных женщин? Будь все женщины так добры и чисты, как им хотелось бы внушить миру, на свете, я уверен, не осталось бы ни одного вероломного мужчины. Существует ли жестокость, которую нельзя одолеть преданностью и чистотой? Добрая, преданная жена, относящаяся ко всем мужчинам, кроме мужа, как мать относится к детям, обретает своей чистотой такую силу и величие, что едва ли найдется мужчина, сколь жестоким бы он ни был, который не ощутит в ее присутствии атмосферу святости. Таким же образом женатый мужчина должен воспринимать всякую женщину, кроме жены, как собственную мать, дочь или сестру. Как к родной матери должен относиться к женщине и тот, кто намерен избрать для себя путь учителя веры.

На свете нет никого выше матери, ибо материнство учит величайшей жертвенности. Выше материнской любви только любовь божественная, все же другие ее формы стоят ниже. Долг матери — думать о детях, прежде чем подумать о себе. Если родители постоянно думают о себе, их взаимоотношения с детьми становятся такими же, что у птиц, где птенцы, оперившись, не узнают родителей. Поистине благословен мужчина, который видит в женщине-матери проявление божественной любви. Поистине благословенна женщина, которая видит в мужчине-отце бога. И благословенны дети, которые относятся к родителям, как к божествам, живущим земной жизнью.

Есть лишь один способ достичь высокого уровня развития — нужно выполнять свой

непосредственный долг и тем накапливать в себе силы для дальнейшего продвижения.

Молодой отшельник ушел в лес. Он провел много времени в медитации, богослужении и занятиях йогой. Однажды с дерева, под которым он расположился, ему на голову посыпались сухие листья. Он взглянул вверх и, увидев, что в ветвях дерутся ворона и журавль, страшно рассердился. «Как вы смеете осыпать листву мне на голову?» — воскликнул отшельник. Он метнул яростный взгляд на птиц, и так велика была его йогическая сила, что из глаз его ударил огонь и испепелил ворону и журавля. Отшельник обрадовался, он был счастлив от того, что убедился в мощи своего взгляда. Спустя некоторое время он отправился в город просить себе пропитание. Подойдя к двери дома, отшельник позвал: «Матушка, подай пищи отшельнику». «Подожди немного, сынок», — ответил ему голос. «Как смеет заставлять меня ждать эта несчастная женщина! — подумал отшельник. — Ей еще неизвестна моя сила». «Ты слишком высокого мнения о себе, — слышался тот же голос. — Здесь ведь нет ни ворон, ни журавлей». Отшельник был поражен, и, когда наконец из дома вышла женщина, он пал ей в ноги и спросил: «Матушка, как ты могла узнать об этом?». «Мальчик мой, — ответила женщина, — я не знаю ни твою *йогу*, ни твои молитвы. Я женщина простая. Я заставила тебя ждать, потому что мой муж болен и я за ним ухаживала. Я всю жизнь стараюсь выполнять мой долг. До замужества — по отношению к родителям, теперь же — по отношению к мужу, это и есть моя *йога*. Но, выполняя долг, я достигла просветления, поэтому я прочитала твои мысли и узнала, что ты сделал в лесу. Если ты желаешь достичь высокого уровня развития, отправляйся на базарную площадь такого-то и такого-то города к мяснику из низкой касты *вьядха*,³⁹ и он научит тебя тому, что ты будешь счастлив познать». «Почему я должен идти к какому-то вьядхе?» — подумал было отшельник, но теперь его ум уже немного просветлел, и он пошел, куда ему сказали. Придя в город, отшельник отыскал базарную площадь и издалека увидел громадного, толстого мясника, который орудовал огромными ножами и торговался с покупателями. «Боже мой, — подумал отшельник. — И у этого человека я должен учиться? Да он же похож на демона!» Но тут вьядха поднял на него глаза и воскликнул: «О господин, вас прислала ко мне та женщина? Посидите около меня, пока я не закончу свои дела». Отшельник подумал: «Что меня здесь ждет?» Он сел. Вьядха распродал мясо, получил деньги и пригласил отшельника к себе домой. Когда они пришли, мясник усадил отшельника, а сам отправился в комнату престарелых родителей. Он умыл и накормил их, сделал все, что нужно было старикам, и только затем снова вышел к отшельнику и спросил: «Что я могу сделать для вас?» Отшельник задал ему несколько вопросов о душе и Боге, в ответ на которые вьядха прочел целую лекцию, она называется Вьядха-Гита и составляет часть *Махабхараты*.⁴⁰ Она содержит в себе очень тонкий анализ *веданты*.⁴¹ Когда вьядха закончил поучение, отшельник с изумлением спросил: «Как могло получиться, что человек с такими знаниями рожден в столь непривлекательной плотской оболочке и занят такой грязной и мерзкой

³⁹ Каста вьядха — низшая каста охотников, одна из самых презренных, потому что они живут убийством. Как правило, описываются в литературе как грубые, жестокие существа. «Позволяющий убить, разрезающий, убивающий, продающий, покупающий, стряпающий, подносящий, поедающий мясо — все убийцы», — утверждают сборники индуистских предписаний, например ЗМ, обычно датируемые II в. до н. э. — II в. н. э.

⁴⁰ Указанный эпизод описывается в Мбх., книга Лесная; Мбх., III, 197–206.

⁴¹ Веданта — одна из систем классической индийской философии, постулирующая существование Брахмана (или Абсолюта) как Высшей Реальности и Атмана как ее индивидуального аспекта. Материя и ум понимаются не как независимые сущности, а как коренящиеся в Брахмане. Считается, что оформление веданты относится примерно ко II в. до н. э. — II в. н. э., когда были записаны ее сутры (Веданта сутры, или Брахма сутры), приписываемые Бадараяне (или Вьясе). Веданта сутры считается последней частью «тройственной основы» веданты; двумя другими называются Упанишады и Бхагавад-Гита. Веданта теснейшим образом связана с индуизмом, выступая как его философский партнер, примерно так же, как томизм считается философским партнером католицизма.

работой?» «Сын мой, — ответил вьядха, — долг не может быть мерзким, труд не может быть грязным. Я с рождения оказался в таких обстоятельствах. С детства научился своему делу. Я свободен от привязанности и стараюсь хорошо выполнять мой долг. Я стараюсь жить, как подобает хорошему семьянину, стараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы были счастливы мои родители. Я не знаю йогу, которой занимаетесь вы, я не отрекся от мира и не ушел в леса, но тем не менее все то, что вы услышали, дано мне через выполнение моего долга, который предписан мне моим местом в жизни».

Есть в Индии мудрец, великий йог, один из самых удивительных людей, какие мне встречались в жизни. Он человек со странностями, он никого не хочет учить, если задать ему вопрос, он не ответит. Он считает, что роль учителя чересчур высока для него. Если ему все же задать вопрос и подождать несколько дней, он даст ответ в разговоре, и его ответы очень глубоки по смыслу. Так вот, этот человек как-то сказал мне, в чем секрет работы: «Цель и средства должны быть едины в ней». Когда чем-то занимаешься, не нужно больше ни о чем думать. Работать надо, как совершать богослужение, самое высокое богослужение, отдавая работе всего себя. В рассказанной истории и вьядха, и женщина выполняли свой долг радостно, вкладывая всю душу в него, а в результате они достигли высшего прозрения. Отсюда совершенно ясно, что правильное выполнение долга, в чем бы он ни заключался, без привязанности к плодам его, ведет человека к наивысшему совершенству души.⁴²

Кто привязан к результатам своего труда, тот недоволен своим уделом. Для человека, свободного от этой привязанности, все занятия равноценны, каждое есть прекрасное средство избавиться от себялюбия и подчинения страстям и добиться свободы для души. Мы все склонны переоценивать себя, но наши достоинства определяют наш долг в большей степени, чем нам хочется думать. Соперничество вызывает зависть, а зависть уничтожает доброту сердца. Вечно недовольному человеку противен любой долг, он никогда не будет удовлетворен, и его жизнь обречена на то, чтобы быть неудачной. Давайте же трудиться, выполняя долг, который выпал на долю каждого, будем всегда готовы энергично взяться за работу, и мы обязательно увидим Свет!

Глава V

МЫ ПОМОГАЕМ НЕ МИРУ, А САМИМ СЕБЕ

Прежде чем продолжить наши размышления о том, как приверженность долгу способствует духовному развитию, я хотел бы кратко изложить еще один аспект того, что мы в Индии зовем *кармой*. В каждой религии есть три компонента: философия, мифология и ритуал. Философия, конечно, составляет суть любой религии; мифология поясняет и иллюстрирует ее примерами из более или менее легендарных житий великих людей, преданиями и притчами и т. д. Ритуал же придает философии еще более конкретную форму, делая ее доступной пониманию каждого, — собственно говоря, ритуал есть конкретизированная философия. Ритуал есть карма, он необходим для любой религии, поскольку большинство из нас неспособны усвоить духовные абстракции, пока мы не достигнем высокой степени зрелости духа. Человек охотно думает, будто может все понять, однако, когда дело доходит до практического опыта, он обнаруживает часто, как тяжело восприятие абстрактных идей. Здесь очень помогает символика, и мы не можем отказаться от познания с ее помощью. Все религии прибегали к символическим знаменам с незапамятных времен. Можно сказать, что человек вообще способен мыслить только символами — слова тоже являются символами мысли. В более широком смысле можно считать символами все, что существует во вселенной. Сама вселенная есть символ, символ Бога. Символы не являются

⁴² Действия «без привязанности к плодам действия» — один из основных тезисов Бхг. Только такое действие, по Бхг., и в состоянии прервать «цепь перерождений», вывести человека из мира, где все подчинено закону причинно-следственной связи. Действия «без привязанности к их плодам» — это действия, соответствующие долгу человека, то есть предписанные человеку согласно его положению в обществе.

творением человека, нельзя представлять себе, будто какие-то люди — единоверцы — придумывают определенные символы, а потом пускают их в обращение. Религиозные символы возникают естественным путем. Иначе как можно было бы объяснить всеобщую соединенность определенных символов с определенными идеями? Существуют символы универсального значения. Многие, возможно, полагают, будто крест приобрел свое символическое значение вместе с возникновением христианства. На самом деле он существовал до того, как появилось христианство, как родился Моисей,⁴³ как появились Веды,⁴⁴ до начала писаной истории человечества. Может быть, символ креста знали ацтеки и финикияне, по-видимому, он был известен всем народам. И символ Спасителя, распятого на кресте, был почти повсеместно распространен. Великим универсальным символом был и круг. Есть еще один символ, самый универсальный, — свастика.⁴⁵ Одно время считалось, что этот символ распространили по миру буддисты, но впоследствии было установлено: он был известен многим народам за века до возникновения буддизма. Этот символ обнаружен в Древнем Вавилоне и в Египте. О чем это говорит? О том, что все эти символы не могут быть чисто условными. Должна существовать причина их возникновения, какая-то естественная связь между ними и человеческой мыслью. Язык тоже не есть результат общественного договора; дело не обстоит так, что некогда люди, собравшись вместе, договорились обозначать определенными словами определенные идеи; никогда не было идеи без соответствующего ей слова, как нет слова, которому не отвечала бы идея; мысль и слово неразрывны по природе. Символика, через которую выражается мысль, может быть звуковой, может быть цветовой. Глухонемым приходится мыслить вне звуковой символики. Всякой мысли соответствует какая-то форма. В санскритской философии это явление носит название *намарупа*, то есть имя и форма. Невозможно создать систему символов путем общественного договора, как невозможно создать таким путем язык. В мировой ритуальной символике мы находим выражение религиозной мысли человечества. Очень легко заявлять, что в обрядах, храмах и прочем нет никакой нужды, в наши дни это повторяет каждый ребенок. Однако так же легко понять, что люди, собирающиеся на богослужение в храм, во многих отношениях отличаются от тех, кто там не молится. Связь храмов, обрядов и иных конкретных воплощений с определенной религией ведет к тому, что умы верующих

⁴³ Моисей в библейской истории почитается как освободитель израильтян от египетской неволи и их законодатель. Традиция утверждает, что он родился около 1350 г. до н. э. и 80 лет от роду явился в качестве пророка и посланника Бога, чтобы проповедовать народу. Ему приписывается написание так называемого Пятикнижия Моисеева.

⁴⁴ См. примеч. 26.

⁴⁵ Свастика (санскр.: су и астика) обычно переводится как «пожелание всех благ», «всего самого доброго». Свастика — один из почти 400 (точнее 386) видов креста, употребляемых в геральдике и дизайне. На Индостанском субконтиненте свастика известна с глубокой древности: она есть на печатях культуры Мохенджо-даро, существовавшей около пяти тысяч лет тому назад; о ней упоминает грамматик Панини (V–IV вв. до н. э.) как о знаке, которым метили скот. Свастика ставится практически везде как пожелание благополучия, процветания: на дверях домов, на первых и последних страницах книг, на свадебных подарках и пр. В буддийской традиции нередко изображается на груди Будды как символ сердца или как символ правителя мира, а в переносном смысле — как символ закона Будды, которому подвластно все сущее. Значение этого знака было предметом оживленных дискуссий в XIX в.: большинство индологов характеризовало свастику как символ солнца; часто высказывалось мнение, что это — символ огня, точнее, тех священных палочек, которыми древние индийцы добывали огонь; было мнение, что это — символ света, молнии, огня, грозы и т. д., то есть различных атмосферных явлений.

В 20-е годы XX в. свастика была воспринята национал-социалистской партией Германии (и других стран) как символ фашистского движения. Теоретическим обоснованием ее использования в фашистской идеологии послужила так называемая теория «арийской расы», носительницы высшего цивилизационного начала мирового исторического процесса. Ошибочность выдвижения тезиса о делении человеческой общности на неравноценные расы была выявлена почти тотчас же после его выдвижения (в 50 — 60-е годы XIX в.).

наполняются мыслями, символами которых и являются эти конкретные формы. А потому неразумно полностью игнорировать ритуалы и символику. Их изучение и применение, естественно, составляют часть карма-йоги.

У этой науки труда есть множество других аспектов. Один из них — познание взаимосвязи мысли и слова, а также того, что может быть достигнуто силой слова. Силу слова признают все религии, иные из них в такой мере, что даже считают слово началом сотворения мира. Слово есть внешний аспект мысли Бога, а поскольку, прежде чем сотворить мир, Бог думал и имел желание, мир был сотворен словом. Напряжение и суета нашей жизни, ориентированной на материальные ценности, притупляют наши нервы, утрачивающие остроту восприятий. Чем старше мы становимся, чем больше подвергаемся ударам судьбы, тем более черствыми мы делаемся, переставая обращать внимание на явления, происходящие вокруг нас. И все же временами человеческая природа берет свое, заставляет нас вдуматься в эти явления и изумиться им, изумление же становится первым шагом по пути к свету. Помимо своих возвышенных философских и религиозных качеств, слово, звуковой символ, играет огромную роль в драме человеческой жизни. Так, я с вами говорю. Я не дотрагиваюсь до вас, колебания воздуха, вызванные моей речью, достигают ваших ушей, приводят в действие ваши нервы и воздействуют на мозг. А вы не можете этому противиться. Что может быть поразительнее? Один называет другого дураком, тот вскакивает, сжимает кулаки и бьет первого — вот вам и сила слова! Плачет женщина, скорчилась в отчаянии и сотрясается от рыданий, к ней подходит другая, говорит утешающие слова — и вот женщина уже распрямилась, рыдания затихли, на губах готова появиться улыбка. Только подумайте, какой силой обладают слова! Возвышенный философский аспект слова обладает такой же силой, что и его повседневное употребление. Днем и ночью мы прибегаем к этой силе, не задумываясь ни над тем, что мы делаем, ни над ее природой. Познание природы этой силы и обучение ее правильному использованию тоже составляют часть карма-йоги.

Наш долг по отношению к другим заключается в том, чтобы оказывать им помощь, творить добро окружающему миру. А почему мы должны делать добро окружающему миру? Нам кажется, что это делается для того, чтобы помочь другим, на самом же деле — чтобы помочь самим себе. Мы должны стремиться помогать миру, это главный мотив нашей деятельности, однако, хорошенько подумав, мы поймем, что мир не нуждается в нашей помощи. Не так он устроен, что вы или я должны прийти ему на помощь. Я читал однажды проповедь, в которой говорилось: этот прекрасный мир хорош тем, что дает нам время и возможность помогать другим людям. Чувство это кажется весьма благородным, но нет ли богохульства в предположении, будто мир нуждается в нашей помощи? Невозможно отрицать, что в мире много страданий, поэтому помощь страждущим — лучшее из возможных деяний для нас, хотя в конечном счете мы неизменно убеждаемся: помогая другим, мы помогаем самим себе. Когда я был ребенком, у меня была белая мышь. Она жила в небольшом ящике, в котором были маленькие колесики. И когда мышь влезала на колесо, оно крутилось и крутилось, а мышь оставалась на месте. Так же и с миром и нашей помощью ему. Единственная помощь состоит в моральных поступках. Настоящий мир сам по себе ни добр, ни зол; каждый человек сотворяет свой мир для себя. Слепому мир должен представляться либо мягким, либо твердым, либо холодным, либо горячим. Мы либо счастливы, либо несчастливы. И это мы могли наблюдать много раз в жизни. Как правило, молодые бывают оптимистами, старые — пессимистами. Перед молодыми — вся жизнь, старики сетуют на то, что их жизнь прошла, а сотни желаний по-прежнему кипят в их сердцах. И то и другое одинаково глупо. Жизнь прекрасна или ужасна не сама по себе, а в зависимости от того, с каким состоянием души мы подходим к ней. Сам по себе огонь не может быть ни добрым, ни злым. Когда он нас согревает, мы ему радуемся, когда он обжигает нам пальцы, браним, но огонь-то здесь ни при чем. Хорош он или плох, зависит от того, как мы его используем. Так же и мир. Мир совершенен. Он совершенен потому, что совершенно приспособлен для собственного существования. Нам незачем сомневаться в том,

что он останется совершенным и без нас, поэтому нам нет надобности ломать себе головы над тем, как бы помочь ему.

И все же мы должны творить добро, желание творить добро является наивысшим побудительным мотивом наших поступков, при условии что мы ни на миг не забываем, что помогать другим есть привилегия. Не взбирайтесь на пьедестал с пятью центами в руке, чтобы подать их бедному, будьте благодарны бедняку за то, что он, предоставив вам возможность одарить его, позволил вам помочь себе. Благословен не получающий, но дающий. Будьте благодарны за то, что вам дано проявить силу вашего доброжелательства и милосердия, став от этого совершеннее и чище. Ну что мы можем сделать в самом лучшем случае? Построить больницу, проложить дорогу, открыть благотворительный приют. Можем начать сбор средств на благотворительность, собрать два или три миллиона долларов, на один миллион построить больницу, еще миллион истратить на балы с шампанским, дать разворовать половину оставшейся суммы, а уж если что-то еще останется, использовать на бедных. Ну и что? Могучий ураган в пять минут может разрушить все построенное, и что тогда? Вулканическое извержение может уничтожить все наши больницы, дороги и целые города. Прекратим глупые разговоры о помощи миру, он не ждет помощи от вас или от меня, но все равно мы обязаны непрестанно трудиться и творить добро, потому что это благо для нас самих. Это и есть наш путь к совершенству, единственный путь. Ни один нищий, которому мы помогли, не должен нам ни цента, это мы в долгу перед ним, потому что он дал нам возможность проявить милосердие. Совершеннейшая ошибка полагать, будто мы сделали или можем сделать доброе дело миру, равно как и считать, будто мы помогли тому или другому человеку. Это глупая мысль, а все глупые мысли несут страдание. Мы думаем, что кому-то помогли, ожидаем его благодарности и, если нас не благодарят, чувствуем себя несчастными. Зачем ожидать воздаяния за сделанное нами? Будьте благодарны тому, кому вы помогли, думайте о нем как о Боге. Разве это не великая привилегия — иметь возможность почитать Бога, помогая людям? Если мы по-настоящему свободны от привязанности к плодам наших деяний, нам не грозит и страдание от несбывшихся ожиданий и мы можем с прежней радостью продолжать делать добрые дела. Труд, от которого мы ничего не ожидаем для себя, никогда не заставит нас мучиться и страдать. В мире же вечно будет существовать и счастье, и несчастье.

Жил-был однажды бедняк, которому сильно хотелось разбогатеть. Он прослышал, что если поймать привидение, то привидение можно заставить добыть и денег, и чего пожелаешь. Стал бедняк думать, где найти привидение, и вспомнил про мудреца, обладавшего большим могуществом. Пошел он к мудрецу просить о помощи. Мудрец спросил, зачем ему потребовалось привидение. «Хочу, чтоб привидение работало на меня, мне это очень нужно», — упрашивал мудреца бедняк. Но мудрец пожал плечами и велел ему возвращаться домой. На другой день человек явился снова со своей просьбой и наконец добился своего. Мудрец сказал: «Хорошо же, я дам тебе заклинание, и, как только ты произнесешь его, перед тобой встанет привидение и будет исполнять все твои приказы. Но учти, привидение страшное существо, оно должно быть постоянно чем-то занято, и, если ты не займешь его работой, оно тебя убьет!» «Не беспокойтесь, оно будет всегда при деле!» — ответил человек.

Он бросился в лес и повторял заклинание, пока не появилось перед ним громадное привидение. «Ты подчинил меня себе, — сказала привидение, — но у меня все время должна быть работа. Если мне нечего будет делать, я тебя убью». — «Построй мне дворец!» «Готово!» — ответило привидение. «Хочу кучу денег!» — «Вот они!» — «Выруби лес и выстрой здесь город!» — «Готово! Что еще?» Человек струсил — он никак не ожидал, что все его желания будут мгновенно исполняться. А привидение потребовало: «Найди мне дело, или я тебя съем!» Несчастный больше ничего не мог придумать и бросился со всех ног обратно к мудрецу. «Спаси меня!» — взмолился он. «А что случилось?» — «Мне больше нечем занять привидение, и оно грозит съесть меня!» «И съем!» — прорычало привидение, появляясь рядом. «Я спасу тебя, — сказал мудрец. — Видишь, вон там собака, у которой

хвост крючком. Скорее отруби собачий хвост и прикажи привидению распрямить его!» Человек сделал, как было сказано, и приказал привидению: «Расправь собачий хвост!»

Привидение медленно и старательно расправило хвост, но он тут же снова согнулся. День и ночь старалось привидение, но собачий хвост распрямить не могло. Привидение изнемогло и предложило человеку: «Давай договариваться. Ни разу не доставалась мне такая работенка! Отпусти меня на волю, а я оставлю тебе все, что ты у меня попросил». Человек с радостью согласился.

Мир похож на этот собачий хвост крючком;⁴⁶ люди веками старались распрямить его, а он опять сгибался по-своему. Да и могло ли быть иначе? Сначала надо научиться работать, ничего не ожидая взамен, тогда перестанешь быть фанатиком. Зная, что мир похож на собачий изогнутый хвост, который все равно не разогнешь, вы не сделаетесь фанатиком. Если бы в мире не было фанатизма, он бы гораздо дальше прошел по пути прогресса. Ошибочно считать, что фанатизм способствует прогрессу человечества. Напротив, это тормоз, ибо фанатизм порождает ненависть и злобу, сеет раздоры и недружелюбие. Мы начинаем думать, будто то, что мы делаем или имеем, — это лучшее на свете, а что мы не делаем или не имеем, не обладает никакой ценностью. Поэтому, если чувствуешь, что готов занять фанатическую позицию в отношении чего-либо, вспомни о собачьем хвосте крючком. Не нужно тревожиться и не спать ночами из-за мира, он и без нас будет существовать. Надо избегать фанатизма, тогда, и только тогда, вы будете хорошо работать. Хорошо работает и приносит себе пользу человек разумный, спокойный, с трезвыми суждениями и хорошими нервами, исполненный доброжелательства и любви. Фанатик глуп и недоброжелателен, но он и мир не исправит и сам не станет совершенным и чистым.

Итак, возвращаясь к основным положениям сегодняшней лекции, во-первых, мы обязаны помнить, что все являемся должниками мира, мир же нам ничего не задолжал. Возможность что-либо сделать для людей — огромная привилегия. Помогая другим, на самом деле мы помогаем себе. Во-вторых, есть Бог во вселенной. Неправда, будто она предоставлена самой себе и ждет помощи от вас или от меня. Бог постоянно присутствует во вселенной, Он бессмертен, Он вечно активен и беспредельно внимателен. Когда вся вселенная спит, Он бодрствует, Он непрестанно трудится, все перемены во вселенной, все проявления жизни есть плоды Его труда. В-третьих, мы не должны никого ненавидеть. Добро и зло перемешаны в этом мире, и так будет всегда. Наш долг сочувствовать слабому и любить даже того, кто поступает плохо. Мир можно рассматривать как великую школу нравственности, где все мы должны брать уроки духовного самосовершенствования. И в-четвертых, фанатизм недопустим ни в чем, ибо он противоположен любви. Но все слышали хитроумное оправдание фанатиков, когда в оправдание своих действий они говорят: я не грешника ненавижу, а сам грех. Много бы я отдал, чтобы увидеть человека, способного действительно сделать различие между грешником и грехом. Легко так говорить. Умей мы различать качество и субстанцию, мы были бы совершенными людьми, но это не так-то просто. И наконец, чем мы уравновешеннее, чем спокойней наши нервы, тем больше в нас любви и тем лучше мы трудимся.

Глава VI

НЕЗАВИСИМОСТЬ ЕСТЬ ПОЛНОЕ САМООТРЕЧЕНИЕ

Всякое действие, совершаемое нами, возвращается к нам же в виде противодействия; точно таким же образом наши действия сказываются на других людях, а их — на нас. Вы наверняка все замечали, что человек, позволивший себе плохой поступок, постепенно

⁴⁶ Этот образ часто встречается в повествовательной литературе. Существует высказывание: «Двенадцать лет умищивали, растирали, веревками привязывали собачий хвост, но лишь отпустили его, он стал таким же, как прежде».

становится все хуже и хуже, человек же, начавший творить добро, делается все сильнее и привыкает поступать хорошо. Это возрастающее воздействие поступка невозможно объяснить ничем иным, кроме факта нашей подверженности влиянию друг на друга. Возьмем пример из области физических явлений: когда я совершаю определенный поступок, мой ум работает на определенной волне, испускает определенные колебания. Они сказываются на умах других людей, находящихся в сходных обстоятельствах. Если в помещении находится несколько различных, но одинаково настроенных музыкальных инструментов, то звук одного вызовет резонанс остальных. Так и люди, настроенные, так сказать, на одну волну, испытают на себе резонанс близкой им мысли. Конечно, здесь будут играть роль и расстояние, и другие факторы, но важно отметить, что ум всегда восприимчив к воздействиям. Допустим, я делаю что-то плохое, мой ум испускает при этом определенные колебания, тогда все остальные умы во вселенной, пребывающие в подобном состоянии, могут быть затронутыми моими колебаниями, вибрациями. Соответственно, если я делаю доброе дело и ум мой находится в другом состоянии, тогда все, что настроено на близкую мне волну, может испытать мое влияние; сила же воздействия одного ума на другой зависит от силы импульса.

Продолжая сравнение, можно предположить, что как световые волны путешествуют миллионы лет, прежде чем входят в соприкосновение с определенным объектом, так и вибрации мысли могут путешествовать сотни лет, прежде чем достигнут объекта, который завибрирует в унисон. Поэтому можно предположить, что вся земная атмосфера наполнена вибрациями мысли — и добрыми, и дурными. Любая мысль, рожденная любым мозгом, живет в вибрациях, пока не входит в соприкосновение с воспринимающим объектом. Ум, открытый воздействиям тех или иных импульсов, немедленно воспринимает их. Таким образом, когда человек совершает плохой поступок, он настраивается на определенную волну, и все волны, соответствующие его состоянию, которые предположительно оказались раньше в атмосфере, начинают усиленно воздействовать на него. Именно поэтому человек, совершив один дурной поступок, как правило, продолжает в том же духе. Его действия интенсифицируются. Тот же процесс мы увидим при совершении доброго дела. Сделавший добро распахнется навстречу положительным вибрациям в атмосфере, и его добрые дела будут становиться интенсивней. Следовательно, поступая плохо, мы подвергаемся двойной опасности: во-первых, мы открываемся для всех плохих влияний вокруг, а во-вторых, мы сами творим зло, которое повлияет на других, может быть, и через сотни лет. Творя зло, мы причиняем вред себе и другим. Творя добро, мы делаем добрые дела и себе, и другим; как все, что есть в человеке, внутренние силы добра и зла получают поддержку извне.

В соответствии с карма-йогой любое действие человека необратимо продолжается, пока не даст плодов, и никакая сила в природе не может помешать проявиться его результатам. Если я совершаю дурной поступок, я за него поплачусь, нет силы в природе, способной остановить этот процесс. Равно как ничто не мешает доброму делу дать добрые плоды. Причина должна иметь следствие, этот закон непреложен. Здесь перед изучающим карма-йогу встает очень сложный и серьезный вопрос: все человеческие действия, добрые и дурные, тесно связаны между собой. Невозможно провести разграничительную линию и сказать — вот целиком доброе дело, а вот целиком дурное. Нет действия, которое не принесло бы и хорошие, и дурные плоды одновременно. Возьмем такой пример: я с вами говорю, и, наверное, кто-то из вас считает, что я занят добрым делом. Но в то же самое время я, возможно, убиваю тысячи микробов в воздухе, творя таким образом и зло. О происходящем рядом с нами и имеющем положительный эффект на тех, кого мы знаем, мы говорим, что произошло нечто хорошее. Вы можете сказать, что мое выступление перед вами — хорошо, однако микробы так бы «не сказали». Микробов вы не видите, а себя видите. Вам ясно, как мое выступление действует на вас, но менее ясно, как оно действует на микробов. Аналогичным образом, если мы проанализируем свои дурные поступки, мы вполне можем обнаружить, что в них есть и нечто хорошее. Кто в добром поступке способен увидеть и дурное, кто в самом злом деянии может найти и нечто положительное, тот познал

тайну действия.

Что же из этого вытекает? А то, что, сколько бы мы ни старались, мы не отыщем действия, которое было бы совершенно чистым или, наоборот, совсем лишенным чистоты, подразумевая под чистотой или ее отсутствием причинение или непричинение вреда. Мы не можем ни дышать, ни жить, не причиняя кому-то вреда, каждый кусочек, съедаемый нами, отнят у кого-то. Сама наша жизнь теснит другие жизни, животных или микробов, кого-то мы постоянно ущемляем. Но в таком случае, сколько бы мы ни трудились, нам не достигнуть совершенства. Трудись мы хоть целую вечность, все равно мы не выйдем из этого противоречия, ибо не будет конца неизбежной соединенности добра и зла в результатах наших действий.

Но тут нужно задуматься и спросить себя: ради чего трудится человек? Великое множество людей в разных странах верят, что наступит время, когда мир придет к совершенству и не будет в нем ни болезней, ни смерти, ни несчастья, ни злобы. Это очень привлекательная мысль и прекрасный стимул, способный вдохновлять и возвышать невежественных, но стоит нам поглубже вникнуть, и мы сразу поймем, насколько это невозможно. Разве возможно это, если добро и зло суть лишь разные стороны одной медали? Как можно творить добро, не творя вместе с этим и зло? И что такое совершенство? Само выражение «совершенная жизнь» несет в себе терминологическое противоречие: жизнь есть непрекращающееся противоборство между нами и внешним миром. В самом деле, ведь мы каждый миг ведем борьбу с природой вне нас, и, если мы терпим поражение, это означает конец нашей жизни. Мы, например, постоянно боремся за пищу и воздух, если их нет, мы погибаем. Жизнь не просто и плавно протекающий процесс, а сложное борение между тем, что внутри нас, и внешним миром. Ясно одно: прекращение этой борьбы и есть конец жизни.

Идеал счастья есть прекращение борьбы, но тогда мы и жить перестанем, поскольку борьба кончается только вместе с жизнью. Мы убедились, что, помогая миру, мы на самом деле помогаем себе. Главный результат труда на благо других заключен в том, что он очищает нас. Трудясь не покладая рук на благо других, мы стараемся забыть о себе, и это самозабвение есть самый великий урок, который мы должны усвоить в жизни. Человек наивно полагает, будто может сделать себя счастливым, и только после долгих лет борьбы приходит к выводу, что подлинное счастье состоит в том, чтобы избавиться от эгоизма, а этого счастья может добиться только он сам. Каждый милосердный поступок, каждая сочувственная мысль, каждое движение помощи, каждое доброе дело уменьшает наше представление о собственной значимости, приучает нас смотреть на себя как на существа малозначительные, думать о себе в последнюю очередь, и поэтому все это — добро. На этом сходятся и *джняна*, и *бхакти*, и *карма*. Высочайший идеал — это постоянное и полное самопожертвование, при котором «Я» исчезает, уступая место «Ты». К этому идеалу и ведет человека карма-йога, независимо от того, сознает или нет это человек. Религиозного проповедника мысль о безличном Боге может привести в ужас, он может настаивать на существовании личностного Бога и стремиться сохранить свое «Я», свою индивидуальность, что бы он под этим ни имел в виду. Но если он честный человек, его этический идеал не может не зиждиться на высочайшей жертвенности. Жертвенность — основа всей моральности, которая может распространяться на людей, животных или ангелов; это фундаментальный принцип, проходящий через все этические системы.

В мире есть люди разных категорий. Прежде всего, люди Бога, для которых полная жертвенность абсолютна, которые способны только на добро во имя других, даже ценой собственных жизней. Эти люди духовно выше всех других. Если найдется в стране сотня таких людей, этой стране не нужно отчаиваться никогда. Можно лишь пожалеть о том, как мало бывает таких. Затем, есть хорошие люди, которые готовы делать добро другим, если оно не во вред себе. Есть третья категория людей, думающих о собственном благе, но не заботящихся о том, чтобы не повредить другим. И наконец, как сказал санскритский поэт,

есть четвертая, безымянная категория людей,⁴⁷ которые получают удовольствие, причиняя страдания другим. Существуют как бы два полюса: на одном те, кто творит добро ради самого добра, на другом — творящие зло ради самого зла. Они ничего при этом не выигрывают, зло присуще самой их природе.

Есть два санскритских термина: *правритти* и *нивритти*. Первый означает вращение с приближением к объекту, второй — вращение с удалением от него. «Вращение с приближением» и есть то, что мы зовем миром, все это «Я и мое», обогащение «Я» деньгами, властью, славой, стремление стянуть все возможное к единому центру, подразумевая под центром, конечно же, свое «Я». *Правритти* — естественная склонность всякого человека собрать все отовсюду и сосредоточить все вокруг любимого «Я». Когда эта тенденция начинает нарушаться, то есть когда возникает *нивритти*, «вращение с удалением», тогда появляется моральность и религиозность. Труд неизбежно связан с правритти и с нивритти: преобладание первого делает труд злым, а второго — добрым. Нивритти составляет основу всех нравственных установлений и всех религий, ибо в полном своем выражении это и есть совершенная жертвенность, готовность пожертвовать и душой, и телом ради других. Человек, достигший этого состояния, достиг совершенства, о котором говорится в карма-йоге. Это высочайший результат добрых деяний. Пускай он не знаком ни с одной из философских систем, пускай не верит и никогда не верил в Бога, ни единой молитвы в жизни своей не прочитал, но если просто силой добрых деяний он достиг готовности пожертвовать всем ради других, он достиг того же, что верующий своими молитвами, а философ своими знаниями. Человек мысли, человек веры и человек труда приходят к одному и тому же — к самоотречению. Люди могут придерживаться различных философских взглядов и верить в разных богов, но все человечество преклоняется перед тем, кто жертвует собой ради других. Это не вопрос веры или убеждений, даже те, кто настроен против религии как таковой, не могут не преклоняться перед безоговорочным самопожертвованием. Ну разве не попадались вам фанатичные христиане, которые, прочтя «Свет Азии» Эдвина Арнольда,⁴⁸ склоняли головы перед образом Будды, не чтившего Бога, но чтившего самопожертвование? Единственное, чего фанатику не понять, так это то, что он в своей жизни преследует те же цели, что и не признаваемые им иноверцы. Верующий, постоянно помнящий Бога и стремящийся к добру, рано или поздно приходит к тому же и со словами «Да будет воля твоя» отказывается от всего. Это и есть самоотречение. Философ, изучая мир, приходит к выводу о том, что видимое «я» — самообман, и с легкостью отказывается от него. Это и есть самоотрицание. Тут сходятся карма, джняна и бхакти. Это имели в виду законоучители древности, утверждая, что Бог не есть мир. Мир — это одно, а Бог — нечто совсем другое, и различие здесь явно. Мир — это эгоизм, а Бог — это отсутствие эгоизма. Можно жить во дворце, сидеть на троне и быть свободным от эгоизма — тогда человек един с Богом. Можно жить в хижине, одеваться в лохмотья, ничего не иметь, но быть эгоистичным, а значит, быть единым с миром.

Возвратимся к очень важному положению: мы говорим, что невозможно творить добро, не делая в то же время и зла; как невозможно делать зло, не совершая добра. Как

⁴⁷ Этим поэтом мог быть, например, Бхартрихари (первая половина VII в. н. э.), автор нескольких сборников дидактического характера. Схожий текст есть и в ЗМ, IV, 170: («...кто всегда находит удовольствие в причинении вреда»).

⁴⁸ Э.Арнольд (1831–1904) — известный английский поэт и журналист. В 50-е годы XIX в. возглавлял Санскритский колледж в Пуне, затем жил в Японии. Э.Арнольд перевел или пересказал своими словами многие произведения из буддийского и индуистского наследия. Поэма Арнольда «Свет Азии» — жизнеописание Будды — издавалась во второй половине XIX в. в Индии и Англии десятки раз; в 1879 г. впервые была опубликована в Америке, в 1895 г. — в России. «Свет Азии» — одна из самых читаемых книг XIX в.: о ней постоянно упоминают М.К.Ганди, Дж. Неру, ее знал Л.Толстой. За эту книгу Э.Арнольд был награжден сиамским королем Орденом Белого Слона.

можно работать, зная, что это так? В поисках ответа на этот вопрос на свете возникли секты, проповедовавшие в качестве выхода поразительное постепенное самоубийство — человек ведь не может жить, не убивая бедных маленьких животных или растения, совсем не причиняя никому вреда. Следовательно, смерть есть единственный выход. Джайны⁴⁹ провозгласили эту доктрину своим высочайшим идеалом. Их учение на первый взгляд весьма логичное. Однако не оно, а Бхагавад-Гита предлагает настоящий ответ на вопрос. Суть в том, чтобы, делая свое дело, не ожидать воздаяния за него. Надо помнить, что, хотя вы живете в мире, вы совершенно отделены от него и, что бы вы ни делали, вы делаете это не ради себя, а ради других. Любое действие, совершенное вами ради себя, скажется на вас же. Если это доброе дело, вы ощутите воздействие добра, если дурное — оно отразится на вас злом, однако действие, совершенное ради других, каким бы оно ни было, не окажет воздействия на вас. В древних книгах есть очень емкое объяснение: «Если он даже погубит всю вселенную, не будет он ни погубителем, ни погубленным, коли знает, что действовал отнюдь не ради себя».⁵⁰

Потому и учит карма-йога: «Не отрекайся от мира, живи в миру, впитывая его влияние, сколько возможно, но если делаешь что-то ради собственного удовольствия, лучше не делай этого совсем». Не собственное удовлетворение должно быть целью. Сначала отрешитесь от своего «Я» и научитесь воспринимать весь мир как часть себя. Ранние христиане говорили,⁵¹ что «старый человек должен умереть»: старый человек — это эгоистическое представление о том, что мир сотворен для нашего удовольствия. Неумные родители учат детей молиться: «О Боже, ты создал это солнце для меня и эту луну для меня». Будто Богу больше нечего было делать, как создавать и солнце, и луну для малышей! Не учите детей этим глупостям. Так же неумно утверждать, что животные созданы для того, чтобы мы их убивали и питались их мясом, и что мир предназначен для наших удовольствий. С таким же успехом тигр может утверждать, что человек создан для него, и молиться: «Боже, как порочны люди, которые не приходят и не отдаются мне на съедение, нарушая твой закон».

Если мир сотворен для нас, то и мы сотворены для мира. Представление, будто мир существует ради нашего удовольствия, есть порочнейшая мысль, которая мешает нашему развитию. Мир существует не для нас. Миллионы из нас покидают его каждый год, но мир этого не замечает, их заменяют другие миллионы. Как мир существует ради нас, так и мы существуем ради мира.

Поэтому, чтобы научиться настоящему труду, нужно, во-первых, освободиться от идеи зависимости. Во-вторых, не вмешивайтесь в «драку», будьте наблюдателями и продолжайте делать свое дело. Мой учитель обычно говорил:⁵² относитесь к собственным детям, как

⁴⁹ Джайнизм — религиозное учение, сложившееся примерно в VI–V вв. до н. э. как «еретическое», то есть не признающее авторитет Вед. Связывается с его основателем Махавирой Вардхаманой, современником Будды. В джайнизме много общего с санкхьей, одно из различий состоит в толковании «спасения»: джайны понимают спасение души как освобождение от кармы, то есть особой, необычайно тонкой материи, похожей на липкую грязь. Праведная жизнь как необходимое условие освобождения означает для джайнов неукоснительное соблюдение этических правил, среди которых огромное место занимает принцип «непричинения вреда». Он и лежит в основе тех многих требований, которые должны соблюдать последователи джайнизма (не заниматься землешествием, избегать неосторожных вдохов и выдохов и пр.).

⁵⁰ В таком виде текст не соотносится ни с одним из известных нам памятников. Общая мысль подробно представлена в Бхг., II, 19, но добавлено «коли знает, что действовал отнюдь не ради себя».

⁵¹ Соотносится с Рим, 6; 7; 8.

⁵² Вивекананда имеет в виду своего духовного учителя Рамакришну Парамахамсу (1836–1886). Рамакришна не оставил рукописного наследия. На сегодняшний день признанными источниками его учения считаются записи учеников: так называемое Евангелие Рамакришны, составленное Махендранатхом Гуптой, и биография, написанная Свами Сараданандой. На русском языке есть следующие работы: Провозвестие Рамакришны. С предисловием и введением Суоми Абедананда. СПб., 1914; *Мюллер М.* Шри Рамакришна Парамагамза. Его

относится к ним няня. Няня и ухаживает за вашим ребенком, и ласкает его, и играет с ним так нежно, как если бы это был ее ребенок, но как только вы решите рассчитать няню, она соберется и оставит ваш дом. Она уйдет к другим детям, безболезненно расставшись с вашим ребенком. Вот так же и вы должны относиться ко всему, что считаете своим. Если вы человек верующий, то считайте, что все, принадлежащее вам, на самом деле принадлежит Богу. Самые большие наши слабости часто маскируются под сильные и добрые стороны нашего характера. Думать, будто кто-то зависит от меня, а я могу сделать ему добро, — это слабость. Именно такие мысли лежат в основе наших привязанностей, а привязанности и есть источник всех наших страданий. Нужно научиться понимать, что во всей вселенной никто от нас не зависит, что ни один нищий не зависит от нашего подаяния, никакая живая душа не зависит от нашей доброты, ни одно живое существо — от нашей помощи. Всем вам помогает природа и будет помогать всегда, пусть даже миллионы покинут этот мир. Природа вещей для таких, как вы и я, не изменится. Мы уже говорили о том, что наша с вами священная привилегия — совершенствоваться, помогая друг другу. Это великий урок жизни, усвоив который мы никогда не будем несчастливы, мы получим возможность свободно общаться со всеми безо всякого вреда. Вы, возможно, имеете мужей и жен, у вас могут быть множество слуг или целые царства, но, если вы действуете по принципу, что мир существует не для вас и может обойтись без вас, вы не причините никому вреда. Может быть, в этом году умер кто-то из ваших друзей. Разве мир остановился из-за того, что его не стало? Разве застыло течение жизни? Нет, все продолжается. А потому выбросьте из головы мысль о том, что вы обязаны что-то делать ради мира, мир не нуждается в вашей помощи. Чистейшая глупость полагать, будто кто-то из нас родился помогать миру; это просто гордыня, эгоизм, маскирующийся под добродетель. Если вы приучите свой ум и свой характер к мысли о том, что мир ни от вас, ни от кого другого не зависит, то ваш труд никогда не принесет вам боли. Если вы даете другому, ничего не ожидая взамен, даже простой благодарности, неблагодарность не заставит вас страдать, раз вы ничего и не ожидали, раз вам и мысль в голову не пришла, будто вы имеете право на воздаяние. Вы дали человеку то, что он заслужил, это его собственная карма помогла ему, а ваша карма сделала вас подающим. Чем же тут гордиться? Вы посланец, вручивший деньги или другой дар, который мир заслужил своей кармой. Гордиться совершенно нечем. Нет ничего особенного в том, что вы вручили миру. Когда вы проникнетесь духом отрешенности, не станет для вас ни добра, ни зла. Разницу между добром и злом вносит ваш эгоизм. Это очень трудно уяснить себе, но со временем вы поймете, что ничто во всей вселенной не имеет власти над вами, пока вы сами не допустите власти над собой. Ничто не властно над человеческим «Я», пока «Я» не сделает глупость и не утратит независимость. Освободившись от привязанностей, вы освободитесь и от власти чего бы то ни было над собой. Очень легко сказать, что ничего не имеет власти над нами, пока мы сами не допустим этого. Но что является истинным признаком человека, который действительно не позволяет воздействовать на себя, который ни счастлив, ни несчастлив от воздействий внешнего мира? Таким признаком является то, что удача или неудача не влияют на него: в любой ситуации он остается одним и тем же.

В Индии жил великий мудрец по имени Вьяса.⁵³ Он, известный как автор многих афоризмов веданты, был святым человеком. Отец Вьясы стремился достичь совершенства, но не сумел, как и дед его, а еще раньше и прадед. Сам Вьяса тоже не во всем преуспел, но

жизнь и учение. М., 1913; Рамакришна. Биографический очерк. М., 1915. *Роллан Р.* Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Жизнь Рамакришны. — Собр. соч., т. 19. Л., 1936.

⁵³ Вьяса (родной дед кауравов и пандавов) считается составителем Вед, эпических произведений, сутр веданты (хотя чаще всего они называются Брахма сутры Бадараяны). Ученые склоняются к мнению, что имя Вьяса не соотносится с каким-то отдельным человеком и используется как имя собирательное.

Сын Вьясы по имени Шукра описывается в эпосе как праведник, занимавшийся аскезой с самого раннего возраста. Он достиг такой степени святости, что был вознесен на небо.

зато сын его Шука был совершенен от рождения. Вьяса научил своего сына мудрости, а после того, как он обучил познанию самой истины, отправил его ко двору великого царя Джанаки. Царя называли Джанака Видеха⁵⁴ («видеха» означает «бестелесный»). Хотя он и был царем, но забыл о плоти и жил чистым духом. Юный Шука отправился к царю учиться. Царь знал, что к нему едет сын Вьясы учиться мудрости, и заранее приготовился. Когда юноша явился к дворцовым вратам, стража не обратила на него никакого внимания. Ему только предложили сесть, он просидел в ожидании три дня и три ночи, и с ним никто так и не заговорил, не спросил, кто он такой и откуда. А Шука был сыном великого мудреца, чтимого всем народом, да и сам был человеком уважаемым, но грубые, невоспитанные стражи даже не смотрели в его сторону. По истечении трех дней вдруг вышли к воротам царские придворные и приняли Шуку с большим почетом. Его провели во дворец, поместили в великолепных покоях, омыли водой с благовониями, одели в дорогие одежды и восемь дней всячески ублажали юношу. Но спокойное лицо Шуки не изменилось от перемены в обращении, в роскошных покоях он вел себя так же, как на скамеечке у ворот. Тогда привели Шуку к царю. Тот восседал на троне, играла музыка, танцевали прекрасные танцовщицы. Царь протянул Шукe чашу, до самых краев наполненную молоком, и велел ему семь раз обойти зал, но не пролить ни капли. Юноша взял чашу и, не обращая внимания на музыку и танцы, семь раз обошел зал, не пролив ни капли, — ничто на свете не могло отвлечь его ум, если только он сам не желал этого. Когда он вернул чашу царю Джанаке, царь сказал: «Чему научил тебя отец и чему ты научился сам, я могу только повторить. Ты познал Истину, отправляйся обратно домой».

Человек, владеющий собой, не испытывает воздействий извне, он более не раб. Его ум свободен. Только такой человек способен хорошо жить в мире. Обычно же люди держатся двух разных подходов к миру. Одни пессимисты и говорят: как ужасен этот мир, как он порочен! Другие оптимисты и утверждают, что мир прекрасен и удивителен. Кто не научился властвовать над своим умом, для того мир либо полон зла, либо в лучшем случае представляет собой смешение добра и зла. Этот же мир станет для нас таким, каким его видит оптимист, если мы научимся владеть своим умом. Ничто нам не покажется ни хорошим, ни дурным, мы увидим гармонию во всем. Те же люди, которым мир казался адом, называли его раем, научившись контролировать себя. Если мы подлинные карма-йоги и стремимся к достижению самоконтроля, с чего бы мы ни начинали, мы все равно придем к полному самоотречению, и, как только исчезнет наше иллюзорное «я», мир, казавшийся нам таким порочным, покажется нам благословенным раем и мы увидим Бога в лице каждого человека. Такова цель и назначение карма-йоги, таково ее завершение на практике.

Различные йоги не противоречат друг другу, они все ведут нас к одной и той же цели и делают нас совершенными. Весь секрет в постоянной практике, упражнении. Сначала надо слушать, потом думать, затем практиковаться. Это справедливо в отношении любой йоги. Сначала нужно услышать о йоге и понять, что это такое; многие вещи, которые сперва покажутся непонятными, прояснятся от постоянного их выслушивания и обдумывания. Трудно понять все сразу. В конечном счете объяснение заключается в вас самих. Никого нельзя научить, каждый познает сам. Внешний учитель может только навести нас на мысль и побудить внутреннего учителя начать работу по пониманию вещей. Мы сами посредством восприятий и мыслей начнем понимать вещи яснее, потом проникнем в это душой, а душа поможет превратить понятое в волю. Сначала чувство, потом оно делается волей, и из этой воли рождается огромная сила и желание трудиться, охватывающее наши нервы и мышцы, пока все тело не станет мощным орудием йоги бескорыстного труда, что и приведет нас к желанному результату — полному самоотречению и бескорыстию. Достижение этого никак

⁵⁴ Царь Джанака был известен своей праведностью и ученостью. Его имя часто встречается в поздневедийской литературе. Традиция связывает с ним государство Видеху, расположенное в северной части современного Бихара. В его царстве, согласно традиции, жили великие мудрецы, в том числе и мудрец Яджнявалкья, о котором говорится в Брих. уп. и Кауш. уп.

не связано ни с догматами, ни с доктринами, ни с верованиями. Христианин ли, иудей или еще кто, это не имеет значения. А вы бескорыстны? В этом заключается вопрос. Если да, то вы достигли совершенства, даже не прочтя ни одной религиозной книги, никогда не побывав в церкви или в храме. Каждая из наших *йог* предназначена для того, чтобы сделать человека совершенным, даже без помощи других, ибо все они ведут к единой цели. Каждая *йога* — труда, мудрости или любви — может служить прямым и самостоятельным средством для достижения *мокиши*. «Одни глупцы утверждают, что труд и философия вещи разные, просвещенный человек так не считает».⁵⁵ Просвещенный человек знает, что при всех внешних различиях и то и другое в конечном счете ведет к одной и той же цели — к совершенствованию человека.

Глава VII **СВОБОДА**

Мы уже установили, что слово *карма*, кроме труда, психологически означает также причинность. Всякий труд, всякое действие, всякая мысль, имеющая последствия, называется *кармой*. Таким образом, закон кармы — это закон причинно-следственной связи. Где есть причина, там должно быть следствие, эта связь непреложна; в соответствии с нашей философией этот закон кармы действует во всей вселенной. Все, что мы видим, ощущаем, делаем, любое действие во вселенной, являясь, с одной стороны, следствием, с другой — выступает причиной, которая имеет свое следствие. Здесь необходимо установить, что имеется в виду под словом «закон». Закон есть тенденция явлений к повторяемости. Наблюдая, как одно явление следует за другим или как явления происходят одновременно, мы ожидаем повторения этой последовательности. Логика Древней Индии и философы школы *ньяя* называли этот закон *вьяпти*.⁵⁶ Они считали, что наши представления о законе построены на ассоциациях. Ряд явлений ассоциируется в нашем уме между собой в неизменном порядке, и все наши восприятия соотносятся с установившейся системой. Любая мысль или в соответствии с нашим психологическим подходом любая вибрация, возникающая в *читте*, в мозгу, сразу же продуцирует другие, подобные себе. Такова психологическая основа ассоциативности; причинно-следственная связь же составляет лишь часть этого общего принципа. Всеобщий ассоциативный принцип и носит санскритское название *вьяпти*. Идея закона во внешнем мире та же, что и в нашем внутреннем: ожидание того, что за определенным явлением последует другое, и ожидание повторяемости этого порядка. Таким образом, по сути, законы не существуют в природе. Утверждение, что закон тяготения существует в земле, ошибочно, равно как и утверждение, что законы объективно существуют где бы то ни было в природе. Закон — это метод, это способ восприятия умом серии явлений, и этот процесс происходит в нашем уме. Определенные явления, которые

⁵⁵ Текст соотносится с Бхг., V, 4. Однако надо иметь в виду, что понятие «йога» (здесь оно означает карма-йогу) употреблено в оригинале шире, чем «труд», поскольку обнимает все виды деятельности (производственную, игровую, познавательную и пр.). Точно так же и слово «санкхья» (здесь оно означает размышление над вечными основами сущего, то есть медитацию) в Бхг. не совпадает с европейским понятием «философия».

⁵⁶ Ньяя — одна из классических систем индийской философии, оформившаяся примерно к I–III в. н. э. в Ньяя сутрах, приписываемых Готаме. Ньяя особенно успешно исследовала условия правильного мышления и средства познания видимого мира. Многие ее теоретические достижения (например, методология ведения дискуссий по выяснению истины) были восприняты и другими философскими школами. Учение о выводе является одним из самых известных теоретических разработок ньяи. Рассуждение строилось так: допустим, из-за холма виден дым, но не видно огня — холм огнен, потому что он дымится; все, что дымится, огненно, а то, что не огненно, не дымится; холм дымится, следовательно, холм огнен. «Вьяпти» и означает «взаимопроникновение», связь того, что наблюдается (дым), с тем, что не наблюдается (огонь), но что доступно познанию при правильном логическом рассуждении.

происходят последовательно или в одно и то же время и дают нам уверенность в регулярности своего проявления, что в свою очередь дает нам возможность уяснить себе структуру всей серии явлений, — вот это и называется законом.

Следующий вопрос, в котором нам предстоит разобраться, — что мы имеем в виду, говоря об универсальности закона? Наша вселенная есть та часть бытия, которую санскритские психологи характеризуют как *деша-кала-нимитта*, а европейские психологи — как пространство, время, причинность. Эта вселенная составляет лишь часть бесконечного бытия, проявляющегося через пространство, время и причинность. Из этого с необходимостью вытекает, что любой закон, который мы зовем универсальным, действует только в пределах обусловленного универсума, за его пределами не может быть никаких законов. Говоря об универсуме, мы имеем в виду часть бытия, ограниченную нашим умом, доступную нашему чувственному восприятию, то, что мы способны увидеть, почувствовать, осязать, слышать, думать, воображать. Эта часть подчинена законам, а вне этого бытие не может быть подчинено закону, ибо закон причинно-следственной связи не простирается за пределы, охватываемые нашим умом. Все, что за пределами радиуса действия нашего ума и наших восприятий, уже не подчинено причинно-следственной связи, ибо там уже нет ассоциативности, а без ассоциативности идей нет и причинности. Лишь принимая имя и форму, «бытие», или существование, подпадает под действие причинности, начинает существовать по закону, ибо причинность лежит в основе всех законов. Отсюда явствует, что свободная воля не существует, что сам этот термин внутренне противоречив, поскольку воля есть то, что мы знаем, а все, что мы знаем, входит в наш универсум, все же, что входит в наш универсум, обусловлено пространством, временем и причинностью. Все, что мы знаем или способны познать, должно быть подчинено причинно-следственной связи, а подчиненное закону причинности свободным быть не может: оно имело свою причину и в свою очередь станет причиной для следствий. Однако то, что было превращено в волю, не будучи волей прежде, но ставшее человеческой волей в условиях пространства, времени и причинности, сохраняет свободу. И снова будет свободным, выйдя из условий пространства, времени и причинности. Из свободы явившееся, попавшее в рабство, от рабства освободившись, станет свободным опять.

Был поднят вопрос: откуда эта вселенная, на чем держится и куда она движется. И ответ состоит в том, что она произошла из свободы, держится на рабстве и движется обратно в эту свободу. Поэтому, когда мы говорим, что человек есть не что иное, как проявление бесконечного существа, мы имеем в виду, что человек составляет тут лишь ничтожную часть; это тело и этот ум, которые мы видим, — лишь часть целого, крохотная частица, пылинка бесконечного существа. И вся эта вселенная — пылинка бесконечного бытия; все наши законы, наше рабство, наши радости и страдания, наше счастье и наши ожидания — все это существует только в рамках тесной вселенной, в ней умещаются и наши обретения, и наши ошибки. Итак, вы видите, как наивно было бы рассчитывать на продолжение этого универсума, который в конечном счете есть порождение нашего ума, и на попадание в рай, что, по сути дела, было бы повторением известного нам мира. Вы видите, насколько и неисполнимо, и наивно это желание подчинить бесконечность бытия тем ограниченным и условным рамкам, которые мы знаем. Когда человек заявляет, что он снова и снова получит то же, что у него есть сейчас, или, как я иногда это называю, просит себе *удобную* религию, можно не сомневаться, что этот человек опустился до такой степени, что перестал стремиться к чему-либо более высокому: он стал частью своей маленькой нынешней среды, и все. Он позабыл о том, что по природе он бесконечен, и всеми помыслами привязался к маленьким радостям и печалям, к сиюминутным страстишкам. Ему кажется, будто его конечное существование и есть бесконечность, более того, он не желает расставаться со своими глупыми представлениями. Он отчаянно цепляется за *тришну*, он испытывает жажду жизни, то, что буддисты зовут *танха* и *тисса*. А между тем за пределами маленькой вселенной, известной нам, могут существовать миллионы видов радостей, форм жизни, законов, прогресса, причинности, ведь мы живем только в малой части нашей бесконечной

природы.

Желая добиться свободы, мы должны выйти за пределы этой вселенной — в ее границах свободы нет. Совершенство равновесия, или то, что христиане зовут неизъяснимым покоем, недостижимо ни в нашем универсуме, ни на небесах, ни в каком-то ином месте, доступном нашему уму, нашим мыслям, нашим чувствам или воображению. Там мы не добьемся свободы, ибо все это входит в нашу вселенную, а она ограничена пространством, временем и причинностью. Возможно, есть места более воздушные, чем наша Земля, где удовольствия будут острее, но ведь все они будут во вселенной, а следовательно, подчинены закону, значит, мы должны двигаться дальше, и настоящая религия начинается там, где кончается наша вселенная. Там перестают существовать все эти маленькие радости и печали, там кончается наше знание, и там начинается настоящая реальность. Пока мы не отрешимся от жажды жизни, от сильной связанности с нашим бренным, ограниченным существованием, у нас нет никакой надежды хоть краешком глаза увидеть ту безграничную свободу. В таком случае резонно предположить, что к этой свободе, идеалу высочайших помыслов человечества, ведет лишь один путь — отказ от этой жалкой жизни, от этой маленькой вселенной, от земли и от небес, от тела и от ума, от всего ограниченного и условного. Если мы откажемся от связанности маленькой вселенной наших чувств и ума, то сразу обретем свободу. Ведь единственный способ вырваться из рабства — это выход за пределы закона, за пределы причинности.

Но это самое трудное — отрешиться от прикованности к этой вселенной; лишь очень немногим удавалось это. В индийских книгах описаны два способа: один называется *нетти*, *нетти*⁵⁷ — не то, не то; второй называется *итти*⁵⁸ — это. Первый способ — путь негативный, второй — путь позитивный. Труднее всего идти путем отрицания, негативности. Он доступен лишь людям исключительного ума и гигантской воли, способным заявить: «Нет, я отказываюсь от этого», — и тело, и ум повинуются их воле. Но таких людей мало. Большая часть человечества избирает позитивный путь, путь к миру, на котором рабство используется для освобождения от рабства. По-своему это путь отказа, но отказа постепенного, через познание, наслаждение, приобретение опыта, проникновения в природу вещей, пока наконец не пресытится ум и не освободится от привязанностей. Первый путь ведет к отрешенности через логические построения, второй — через труд и опыт. Первый — это путь *джняна-йоги* и отказа от всякого действия, второй — *карма-йоги* и непрерывного труда. В этой вселенной каждый должен трудиться. Не трудятся лишь те, кто полностью удовлетворен Духом, чьи желания устремлены только к Духу, чьи помыслы целиком сосредоточены на Духе, для кого Дух составляет единственный смысл, только они не работают. Остальные должны работать. Поток, текущий по своей воле, катится к низине, низвергаясь, образует водоворот и устремляется дальше. Человеческая жизнь похожа на этот поток: она образует водовороты, кружит в мире пространства, времени и причинности, вызывает: «мой отец, мой брат, мое имя, моя слава» и прочее, — но в конце концов возвращается к своей первозданной свободе. Так происходит со всем во вселенной. Зная или нет, созная или нет, но все мы трудимся над тем, чтобы стряхнуть с себя сон этого мира. Опыт, который накапливает человек в мире, нужен, чтобы выбраться из водоворота.

Что такое *карма-йога*? Познание тайны труда. Мы видим, что вся вселенная трудится. Во имя чего? Во имя освобождения, во имя свободы; все, от атома до высочайших созданий,

⁵⁷ Имеется в виду Высшая Реальность; она одна, а потому недоступна для мысли и невыразима словами. Нет ничего вне самой этой Реальности, поэтому невозможно объяснить одно через другое (и говорящий о Реальности будет частью той же самой Реальности; и у него нет предмета, с которым он мог бы сравнивать эту Реальность).

⁵⁸ Речь идет о тех, кто понимает Высшее начало иначе: оно мыслится как наделенное качествами и всеохватывающее начало. Тогда Высшая Реальность «порождает, поддерживает и поглощает» мир. Такая позиция сопоставима с воззрениями сторонников «позитивной теологии» в средневековой Европе.

трудится во имя единственной цели: свободы ума, тела, духа. Все стремится к свободе, все бежит от рабства. Солнце, Луна, Земля, планеты — все стремится к освобождению. Для нашей вселенной типичны центробежные и центростремительные силы. Вместо того чтобы наугад нащупывать свой путь в жизни и лишь после многих мытарств понять вселенную как она есть, мы можем понять через карма-йогу тайну труда, метод труда и организующую силу труда. Масса энергии может быть растрчена впустую, если не знать, как ее использовать. Карма-йога превращает труд в науку, она учит, как наилучшим образом использовать устройство этого мира. Труд неизбежен, так и должно быть, но его нужно направить на достижение высочайшей цели. Карма-йога заставляет нас признать, что мир наш недолговечен, что мы должны пройти через него, что в нем нет свободы, а есть она за его пределами. Желая освободиться от разнообразных несвобод мира, мы должны пройти через него медленно и уверенно. Бывают личности исключительные, о которых я только что говорил, способные отойти в сторону и отрешиться от мира, как поступают змеи, сбрасывая кожу и более не обращая на нее внимания. Такие личности существуют, но они исключение, обычные же люди должны шаг за шагом продвигаться в мире труда. Карма-йога учит, как это делать, в чем тайна труда и как его использовать наилучшим образом.

Чему же учит карма-йога? «Трудись непрестанно, но не давай труду поработить тебя».⁵⁹ Отделяй себя от всего, что делаешь. Храни свободу ума. Все, что мы видим вокруг себя, все муки и страдания, составляющие неотъемлемые условия нашего мира, нищета, богатство и счастье — мимолетны, они не имеют отношения к нашей подлинной природе. Мы по своей природе больше, чем несчастье и счастье, больше всего, что воспринимаем чувствами, больше того, что способны вообразить, но мы должны неустанно трудиться. «Страдание не от труда, а от порабощенности им».⁶⁰ Стоит нам перестать отделять себя от того, что мы делаем, и мы начинаем чувствовать себя несчастными, отделив же себя, мы не испытываем страданий. Если сгорела прекрасная, но чужая картина, мы, как правило, от этого не страдаем, но если сгорела наша! Почему? Прекрасны были обе картины, может быть, это были копии с одного оригинала, но воспринимаем мы их гибель по-разному: в первом случае мы отделяем себя от картины, во втором же — нет. «Я и мое» — вот что причиняет боль. С чувством собственности приходит эгоизм, а эгоизм ведет к страданию. Всякое проявление эгоизма, даже эгоистические помыслы подчиняют нас, и мы превращаемся в рабов. Всякая вибрация читты на тему «я и мое» набрасывает цепь на человека, делая его рабом. Чем чаще мы твердим «я и мое», тем больше на нас цепей, тем сильнее мы страдаем. Поэтому карма-йога учит нас любоваться красотой всех картин на свете, но не терять своей отделенности от любой. Никогда не говорите «мое», в противном случае к вам придет страдание. Даже в мыслях не называйте ребенка своим. Ребенок ваш, но не говорите «мое дитя», ибо, если вы начнете так думать, вы будете страдать. Не говорите «мой дом», «мое тело», как это ни трудно. Это тело не ваше, не мое, ни чье-нибудь еще. Тело рождается и распадается по законам природы, мы же свободны, мы — сторонние наблюдатели. Тело обладает свободой не большей, чем картина на стене. Что же мы так держимся за тело? Художник написал картину и живет дальше. Не выпускайте щупальца эгоизма: «это должно принадлежать мне», ибо, как только вы их выпустите, вы начнете страдать.

Карма-йога учит прежде всего избавляться от привычки выпускать щупальца эгоизма. Когда же вы научитесь этому, крепко держите щупальца и не позволяйте себе эгоистические мысли. После этого вы можете идти в мир и трудиться во всю силу. Общайтесь с кем угодно, отправляйтесь, куда желаете, — зло никогда не коснется вас. Посмотрите, как плавают на

⁵⁹ Соотносится с Бхг. («совершай действия без привязанности к их плодам»), Бхг., II, 48.

⁶⁰ Соотносится с Бхг. («кто оставляет действия из-за боязни страдания... не приобретает плодов...»), Бхг., XVIII, 8.

воде лист лотоса: вода не может намочить его. Таким будете и вы в миру. Называется это *вайрагья* — бесстрастие или отрешенность. Я уже говорил, что ни одна из йог невозможна без отрешенности, отрешенность лежит в основе всех йог. Но человек, покидающий свое жилище, отказывающийся от дорогой одежды, от вкусной еды, ушедший отшельником в пустыню, может не быть отрешенным. Он, возможно, поглощен заботой о собственном теле, единственном достоянии, которое он себе оставил. При всех тяготах своей жизни он может просто-напросто заботиться о том, чтобы выжить. Подлинная отрешенность не имеет отношения к тому, что мы делаем со своей внешней оболочкой, — все это внутри нас. Связь «я, мое» — в человеческом уме. Если бы не эти пути, связывающие нас с нашим телом, с чувственными восприятиями, мы были бы не скованы, где бы мы ни находились. Совершенно отрешенным можно быть и находясь на троне; с другой же стороны, даже одетый в отрепья может не знать отрешенности. Итак, прежде всего необходимо достичь состояния отрешенности, а потом браться за работу и трудиться не покладая рук. Карма-йога предлагает нам способ отрешения от всего, что нас связывает, хотя способ этот очень труден.

Существуют два способа отрешенности. Один предназначен для тех, кто не верит в Бога, не верит в какую бы то ни было помощь извне. Эти люди должны полагаться на собственные силы, на свою волю, на свой ум и разборчивость, на то, что они сами скажут себе: я должен быть свободен. Тем, кто верит в Бога, легче, намного легче. Они посвящают Богу плоды своих трудов, они трудятся, не претендуя на полученные результаты. Все, что они видят, чувствуют, слышат или делают, — все ради Него. Если удастся совершить доброе дело, нельзя претендовать ни на пользу от него, ни на славу. Все принадлежит Богу, плоды всех трудов — Его. Мы можем лишь отойти в сторонку, памятуя, что мы — не более чем слуги, исполняющие волю нашего Господа, от которого и исходят начала всех трудов. Все, чему ты поклоняешься, все, что чувствуешь, все, что делаешь, — все поручи воле Бога и живи с миром. Будем жить в согласии, в полном согласии с собой и поручим воле Божьей и наши тела, и наш ум, и все остальное. Пусть это будет нашим вечным жертвоприношением Богу. Вместо сжигания в жертвенниках наших даров и приношений будем день и ночь возносить эту великую жертву — жертвоприношение нашей маленькой души. «В поисках богатства в этом мире лишь одно сокровище нашел я — это Ты; Тебе приношу я себя в жертву. В поисках любви в этом мире лишь одну любовь я нашел — это Ты; Тебе приношу я себя в жертву».⁶¹ День и ночь будем твердить эти слова и говорить себе: «Мне ничего не надо, ни хорошего, ни плохого, ничего я не хочу, я все приношу в жертву Тебе».⁶² Будем день и ночь отвергать наше кажущееся «я», пока не войдет это в привычку, пока не станет это частью нашей крови, нервов, мозга, всего тела и не станет все тело послушно идее самоотречения. А тогда можно выйти на поле битвы под рев орудий и грохот боя и чувствовать себя свободным и спокойным.

Карма-йога учит нас, что обычное представление о долге относится к низкому уровню существования. Тем не менее каждый из нас обязан выполнять свой долг, хотя все мы видим, как часто чувство долга становится источником мук и страданий. Долг становится чем-то вроде болезни, он вечно подгоняет нас, он не дает нам покоя и превращает жизнь в сплошное мучение. Это проклятие человеческой жизни! Долг, чувство долга, как полуденное солнце, выжигает из человечества всю душу. Вы только посмотрите на несчастных рабов долга — долг не оставляет им времени помолиться, не оставляет им времени помыться. Они вечно что-то должны. Они идут на работу — долг! Возвращаются домой и сразу начинают обдумывать завтрашнюю работу — долг! Они живут рабской жизнью и умирают в упряжке, как лошади. Вот что такое чувство долга, как оно обыкновенно понимается. Но наш

⁶¹ Источник не установлен. Текст выражает мироощущение бхакти.

⁶² Источник не установлен. Возможно, Вивекананда обращается здесь к одному из последних санскритских поэтов Бенгалии — Джаядеве, воспевавшем любовь Кришны и Радхи.

подлинный долг заключается в том, чтобы сохранять свободу, свободно трудиться, посвящая труд свой Богу. Это наш единственный долг. По благословению Бога очутились мы в этом мире, мы отбываем здесь положенное нам время, а хорошо мы его используем или плохо, кто знает? Если хорошо, мы все равно не видим плодов, если плохо, не наша это забота. Поэтому будьте свободны, делайте свое дело, живите в мире с собой. Но эта свобода трудно дается человеку. Насколько легче истолковать рабство как долг, истолковать как долг болезненную привязанность плоти к плоти! Люди выходят в мир и бьются ради денег или иного предмета своих желаний. Спросите у них, зачем они это делают. Они скажут — из чувства долга. Но тут перед нами не что иное, как глупая жадность к золоту и стремление к выгоде, которые человек старается прикрыть цветочками.

Так что же такое долг в конце концов? Это стремление плоти, это наши желания, которые, став общепризнанными, получают название долга. Например, у народов, где нет института брака, нет и долга между супругами, они живут вместе по привязанности. Когда возникают брачные формы, привязанность между мужчиной и женщиной принимает форму долга. Это своего рода хроническое заболевание. Когда оно в острой форме, мы называем его болезнью, когда оно в хронической форме, говорим, что человек так устроен. Это болезнь. Когда наши желания носят постоянный характер, мы их облагораживаем высоким именем долга. Теперь мы уже имеем право осыпать их цветами, приветствовать их звуками фанфар, воспевать их в священных текстах, после чего люди идут на бой, убивают и грабят во имя вот этого долга. Долг благороден, когда он помогает нам обуздать животные инстинкты в себе. Для людей, стоящих на низком уровне развития и неспособных следовать иным идеалам, долг по-своему полезен, но кто желает стать карма-йогом, тот должен отречься от чувства долга. Для нас с вами долга не существует. Отдайте людям все, что можете отдать, но не из чувства долга. Откажитесь от всякой мысли о долге. Но не заставляйте себя. Зачем вам заставлять себя? *Все, что вы делаете вынужденно, усиливает вашу привязанность.* Зачем вам долг? Пусть Бог руководит вами. В пылающем горниле, где пламя долга всех сжигает, пейте из чаши нектар и будьте счастливы. Мы просто исполняем волю Бога, и это никак не связано ни с воздаянием, ни с наказанием. Если вы стремитесь к воздаянию, вы должны быть готовы и к каре, и единственный способ избежать ее есть отказ и от награды. Единственный способ избежать несчастья есть отречение от идеи счастья, ибо они взаимосвязаны. На одной стороне счастье, на другой — несчастье. На одной стороне жизнь, на другой — смерть. Единственный способ выйти за пределы смерти — отречься от жажды жизни. Жизнь и смерть — одно и то же явление, увиденное с разных точек. Мечта о счастье без несчастья, о жизни без смерти хороша для маленьких детей и школьников, мыслитель же улавливает тут терминологическое противоречие и отрекается и от того, и от другого. Не ищите ни похвалы, ни воздаяния за сделанное вами. Не успеем мы сделать доброе дело, как начинаем жаждать признания наших заслуг. Не успеем мы дать деньги на благотворительные цели, как уже ищем свое имя в газетах. Это не может не привести к страданию. Величайшие люди умирали непризнанными. И Будда, и Иисус — второстепенные герои по сравнению с теми великими людьми, о которых мир ничего не знает. Сотни безвестных героев жили в разных странах, тихо делая свое дело. Они тихо живут и тихо умирают, а со временем их помыслы находят свое выражение в таких личностях, как Будда или Иисус, которых мы чтим. Самые возвышенные люди не стремятся получить известность за то, что открылось им, что они познали. Они оставляют свои помыслы миру, самим же им ничего не нужно, они не создают ни школ, ни философских учений. Их природа противится этому — они чистые *саттвики*,⁶³ которые не вмешиваются в ход вещей, а тают в любви. Я видел в Индии одного такого йога, живущего в пещере. Это самый поразительный человек, какого привелось мне видеть. Он до такой степени утратил чувство индивидуальности, что можно сказать, будто в нем исчез человек, осталось лишь

⁶³ Саттвики — то есть те, чье телесное естество насыщено гуной саттвы.

божественное всепонимание. Если животное укусит его за руку, он готов подставить вторую, говоря, что такова воля Бога. Все, что приходит к нему, — все от Бога. Он не показывается людям, но он подлинное вместилище любви, истинных и нежных помыслов.

За такими людьми следуют по порядку те, в характере которых преобладает *раджас*, действительность, дух борьбы. Они воспринимают идеи совершенных людей и проповедуют их миру. Возвышеннейшие люди тихо накапливают в себе идеи истины и благородства, другие же, Будды и Иисусы, странствуют по миру, проповедуя эти идеи и трудясь ради них. Из жизнеописания Гаутамы Будды мы знаем, как он постоянно повторял, что является двадцать пятым Буддой. Двадцать четыре живших до него не известны истории, хотя тот, о ком мы говорим, строил на фундаменте, заложенном ими. Величайшие из людей спокойны, молчаливы и неизвестны, им действительно открылась сила мысли, они убеждены, что если даже укроются в пещере, не показываясь людям, и там им в головы придут пять истинных мыслей, то после того, как они умрут, эти пять мыслей будут жить вечно. Такие мысли способны проникать сквозь горные породы, пересекать океаны и распространяться по миру. Они оказывают могучее воздействие на сердца и умы людей, пробуждают к действию мужчин и женщин, которые находят им практическое выражение в житейских делах. Саттвики слишком близки к Богу, чтобы действовать и бороться, чтобы трудиться, сражаться, проповедовать или, как говорится, нести добро человечеству здесь, на земле. Те же, кто обладает активностью, как бы возвышенны они ни были, все-таки не избегают до конца невежество. Человек способен к труду только при условии, что он не обладает совершенной чистотой, ибо сама природа труда предполагает мотивацию и вовлеченность. Перед ликом вечно динамичного Провидения, пекущегося даже о падении воробышка, как может человек придавать какое бы то ни было значение тому, что он делает? Разве не святотатство это, раз нам известно, что Бог заботится обо всем сущем? Нам остается лишь благоговейно склониться перед Ним со словами: «Да свершится воля Твоя». Наиболее возвышенные души не способны трудиться, ибо в них нет привязанности. Не существует труд для тех, чья душа растворилась в самой себе, чьи желания поглощены Абсолютом, кто постоянно ощущает Абсолют. Они выше всех людей, остальные же обязаны трудиться. Но, трудясь, мы не должны и допускать мысли о том, будто способны помочь даже самой малой из форм земной жизни. Нет, не способны. Мы просто помогаем самим себе пройти школу жизни. И это — единственно правильное отношение к работе. Приняв его и ни на миг не забывая, что возможность трудиться есть великий дар, нам данный, мы не испытаем привязанности к тому, что делаем. Миллионы таких, как мы с вами, размышляют о своей большой значимости, но все мы умрем, и через пять минут мир забудет нас. А жизнь Бога не знает пределов. «Кто может хоть миг прожить, хоть раз вздохнуть, если не будет на то воли Всемогущего?»⁶⁴ Речь о вечно динамичном Провидении, всесильном и всемогущем. По его воле веют ветры и сияет солнце, живет земля и шествует смерть по земле. Он — все во всем, Он — все и во всем. Мы можем только поклоняться Ему. Отдадим Ему плоды всех наших трудов, а добро будем творить ради самого добра, и лишь тогда наступит полная отрешенность. Распадутся цепи, сковывающие сердце, и мы познаем совершенную свободу. Эта свобода и составляет цель карма-йоги.

Глава VIII **ИДЕАЛ КАРМА-ЙОГИ**

Величайшая мысль в религии *веданты* заключается в том, что различные пути могут привести к одной и той же цели. Я уже говорил, что существует четыре основных пути: пути труда, любви, психологии и знания.⁶⁵ Следует, однако, помнить, что это разделение условно

⁶⁴ Пересказ Таит, уп., II, 7, 1.

⁶⁵ Так Вивекананда называет четыре пути соединения с Наивысшим, разработанные в индийской традиции;

и пути никак не исключают друг друга, скорее, каждый сливается со всеми другими. Мы говорим о четырех путях, имея в виду их преимущественные особенности. Не в том дело, что существуют люди, способные только трудиться, как нельзя отыскать людей, для которых нет иного пути, кроме любви, или тех, кто живет одним знанием. Подразумеваются здесь различные наклонности разных типов людей. В конце же все пути сливаются, становясь одним. Все религии, все способы трудиться и почитать Бога ведут к одной и той же цели.

Я уже пытался обрисовать эту цель. Она состоит в свободе, как я понимаю ее. Все вокруг нас стремится к свободе, от атома до человека, от пылинки, лишенной восприятий в жизни, до высочайшего, что есть на свете, — человеческой души. Можно сказать, что вся вселенная есть результат стремления к свободе. В любой комбинации частиц каждая частица стремится вырваться на свободу, но другие удерживают ее. Наша Земля стремится улететь от Солнца, а Луна от Земли. У всего сущего есть стремление к бесконечному рассеянию. Все на свете имеет своей основой стремление вырваться на свободу.

Под воздействием этого импульса возносит молитвы святой и грабит на большой дороге разбойник. Когда эта сила толкает нас на несправедные поступки, мы называем ее злом, когда она проявляется в благородных и возвышенных деяниях — добром. Но импульс один и тот же — стремление к свободе. Святого подавляет сознание своей порабощенности, и, стремясь вырваться на волю, он обращается к Богу. Грабителя мучает мысль о том, что он не имеет доступа к достоянию других, и, желая освободиться от этого чувства, он выходит на большую дорогу. Свобода есть цель, к которой устремлена вся природа, живая и неживая, поэтому сознательно или неосознанно, но все тянется к ней. Для святого свобода означает совсем не то, что для разбойника. Свобода, любимая святым, обещает ему нескончаемое и невыразимое блаженство, разбойник жаждет выполнить свое желание, забывая, что душа его так и останется несвободной.

К освобождению зовут все религии, стремление к свободе составляет основу всей морали, суть самоотречения, для достижения которого необходимо усвоить, что человек есть нечто значительно большее, нежели его маленькое тело. Когда мы видим, что человек занят добрыми делами, помогает другим, это означает невозможность для него замкнуться в ограниченном пространстве «я и мое». Самоотречение беспредельно. Все великие этические нормы требуют от человека полного бескорыстия. Но представим себе, что человек научился отказываться от всякой корысти, — что будет с ним? Он перестанет быть незначительным г-ном Имярек, он утратит свою ограниченность, он больше никогда не поместится в рамки своей маленькой индивидуальности. Теперь он вместил в себя все, и именно к этой цели ведут все религии, вся мораль и философские учения. Персоналист пугается,⁶⁶ столкнувшись с философским выражением этой идеи, но если он учит нравственности, то, по сути, он именно эту идею и исповедует, ибо он не выставляет ограничений человеческому бескорыстию. Допустим, что человек стоит на позициях персонализма, но ведет себя при этом совершенно бескорыстно. Чем он отличается от совершенного человека, придерживающегося иных взглядов? Он ведь отождествляет себя со всей вселенной, а все направлено как раз к этой цели, так что бедному персоналисту просто недостает отваги сделать конечный вывод из своих логических построений. Карма-йога есть достижение свободы через труд без корысти, свободы, к которой от природы стремится человек. Поэтому любой корыстный поступок замедляет наше продвижение к цели, и поэтому существует

соответственно: карма-йога, бхакти-йога, раджа-йога и джняна-йога.

⁶⁶ Здесь: тот человек, который выше всего ставит свою индивидуальность и свободу человеческой самостоятельности. Персонализм — направление философии, особенно популярное в Европе и Америке со второй половины XIX в. Основные его характеристики: признание человеческой индивидуальности как наивысшей, сопричастной Абсолюту (или Богу), сущности; обоснование права личности на полную свободу выбора поведения (как благого, так и дурного), за которое несет ответственность только сам человек (Бог не несет никакой ответственности).

только одно определение того, что такое нравственность: *все корыстное — безнравственно, все бескорыстное — нравственно.*

Эта формулировка утрачивает простоту, если вникнуть в детали. Прежде всего, как я уже говорил, многое зависит от конкретных условий. Действие, бескорыстное в одних условиях, может оказаться небескорыстным в других. Поэтому дать можно только общее определение, а конкретные детали должны быть приведены в соответствии с различиями времени, места и обстоятельств. Нормы поведения различаются в разных странах: то, что в одной из них считается нравственным, может считаться безнравственным в другой. Свобода есть цель всей природы, но достигаться эта цель может только совершенно бескорыстными методами; любая бескорыстная мысль, слово или дело приближают нас к цели, а потому являются нравственными. Очень легко убедиться в том, что это общее определение не противоречит ни одной религии, ни одной этической системе. Некоторые из этих систем делают мораль производной от высшего существа, от Бога. Если спросить, почему человек должен поступать так, а не по-иному, то ответом будет: потому что такова заповедь Бога. Но на что бы они ни опирались, в их этическом кодексе центральное место займет все тот же завет — не думать о себе, а отказаться от себя. Тем не менее есть люди, которых, несмотря на приверженность нравственным идеям, смущает мысль о необходимости отречения от своего маленького «я». Такого человека можно попросить подумать о том, что происходит с «я» того, кто совершенно бескорыстен, кто совсем не думает о себе, не вымолвит и слова о себе, ничего для себя не станет делать, — где его «я»? Оно же существует, только пока он говорит, думает и хлопочет о себе. Если человек отдает все свои помыслы другим, миру и всему сущему, то где тут его «я»? Оно навеки растворилось.

Таким образом, карма-йога есть религиозно-этическая система, направленная на достижение свободы через самоотречение и добрые дела. Карма-йогу нет нужды ни в какой доктрине. Он может и не верить в Бога, не задаваться вопросом о сущности души, не интересоваться никакими метафизическими спекуляциями. Перед ним стоит определенная цель — стать бескорыстным, а сделать это может только он сам. Этому должен быть посвящен каждый миг его жизни, ибо одним трудом, не опираясь ни на доктрины, ни на теории, предстоит ему разрешить проблемы, которые джняна-йоги решают при помощи логики и вдохновения, а бхакта — при помощи возвышенной любви.

Тогда возникает следующий вопрос: а в чем состоит этот труд? Что означает делать добрые дела? Можем ли мы нести миру добро? В абсолютном смысле — нет, но в относительном — да. Невозможно творить долговечные добрые дела. Будь это возможно, мир был бы иным. Можно накормить голодного, но очень скоро он вновь почувствует голод. Какую бы радость мы ни доставили ближнему, она мимолетна. Никто не в силах излечить перемежающуюся лихорадку удовольствия и страдания. Разве можно дать миру вечное счастье? Разве может океан поднять волну, чтобы за ней не образовалась впадина? Во все времена добро одинаково соотносилось с человеческими потребностями и человеческой жадностью. Добра не стало ни больше, ни меньше. Возьмите историю рода человеческого, как мы ее сегодня знаем. Всегда те же горести и радости, те же страдания и наслаждения, те же различия между людьми. Кто богат, кто беден, кто знатен, кто нет, кто здоров, кто хвор. Так было у древних египтян, у греков и римлян, так и в сегодняшней Америке. Сколько бы мы ни углублялись в историю, мы найдем в ней то же самое, но и все время будем видеть борьбу за облегчение человека от неизлечимых зол. В каждый исторический период появлялись тысячи личностей, неустанно трудившихся ради облегчения жизни других. Чего же удалось им достичь? Перед нами — игра, в которой мячик перегоняется с места на место. Избавляем человека от физических страданий, а он испытывает душевные муки. Это походит на картину дантовского ада, где скряги вкатывают ком золота на гору. Они все стараются, а ком все скатывается назад. История прошедших тысячелетий хороша для школьников, не более того. Все народы, мечтающие о счастливой жизни, надеются, что все счастье достанется именно им. Какое уж тут бескорыстие!

Мы не в силах добавить миру счастья. С другой стороны, добавить ему страданий тоже

не в наших силах. Сумма энергий удовольствия и страдания, проявляющихся в мире, остается неизменной. Мы можем перераспределять ее, но она останется все той же, ибо такова природа вещей. Приливы и отливы, подъемы и спады — в природе нашего мира, и утверждать обратное было бы столь же логично, как предполагать возможность жизни без смерти. Это полная бессмыслица, так как сама идея жизни предполагает смерть, а сама идея удовольствия предполагает страдание. Светильник постепенно выгорает, и в этом его жизнь. Желая жить, мы должны ежеминутно умирать. Жизнь и смерть — всего лишь разные выражения одного явления или одно явление, увиденное в разных ракурсах, подъем и спад одной волны, две ипостаси единого целого. Просто один наблюдает спад и становится пессимистом, другой — подъем и становится оптимистом. Ребенок ходит в школу, отец с матерью заботятся о нем, и жизнь кажется малышу прекрасной, его потребности просты, и он — великий оптимист. Старик же, повидавший в жизни разное, относится к ней прохладней, и пыл его остыл. Так и древние народы, живущие в окружении руин, меньше бывают склонны к оптимизму, чем юные нации. В Индии есть пословица: тысячу лет город и тысячу лет джунгли. Это превращение города в джунгли и наоборот происходит повсюду, а люди, в них живущие, проявляют оптимизм или пессимизм в зависимости от того, какая фаза пришлась на них.

Теперь нам нужно рассмотреть идею равенства. Эта концепция в течение тысячелетий обладала огромной побудительной силой, и многие религии включают ее в себя: Бог снизойдет на землю, и тогда все люди будут равны. Те, кто верит в эти вещи, — просто фанатики, но фанатики составляют искреннейшую часть человечества. Этот фанатизм способствовал распространению христианства, религии, очень привлекательной для рабов Греции и Рима. Им хотелось верить, что не станет рабства, у всех будет еда и питье в достатке, и они стекались под знамена христианства. Конечно же, они были невежественны и фанатичны, но вера их была искренней. В наши дни мечта о грядущем счастье — это мечта о равенстве, мечта о свободе, равенстве, братстве. Это тоже фанатизм. Настоящего равенства на земле никогда не было и быть не может. Как мы можем все быть равными друг другу здесь? Этот вид равенства немыслим — он означал бы тотальную смерть. Что делает наш мир таким, каков он есть? Утрата равновесия. Совершенное равновесие существовало в начальной форме мироздания, которая именуется хаосом. Какие же силы сформировали вселенную? Борьба, состязание, конфликт. Представьте себе, что все частицы материи удерживаются в полном равновесии. Разве начался бы процесс сотворения мира? Ученые знают, что это невозможно. Стоит потревожить водную гладь, чтобы увидеть, что каждая частица стремится возвратиться к состоянию покоя, сталкиваясь с другими частицами. Точно таким же образом все в том, что мы зовем вселенной, все, что составляет ее, стремится вернуться в состояние полного покоя и равновесия. Новое возмущение — и новое перераспределение, и творение. Неравенство есть основа всякого творения. Но в то же время силы стремления к равенству так же необходимы в этом процессе, как и силы противоположного действия.

Полное равенство, которое означало бы полное равновесие всех противоборствующих сил, невозможно в нашем мире. Оно недостижимо, ибо мир станет непригодным для любой формы жизни, и жизни в нем не останется. Иными словами, все эти тысячелетние идеи об абсолютном равенстве не только неосуществимы, но и попытка их осуществления должна неизбежно вести нас к гибели. Что составляет разницу между одним человеком и другим? В основном это различие в мозговом аппарате. Только сумасшедший может утверждать, будто люди рождаются с одинаковыми мозгами. Мы приходим в этот мир, одаренные в разной степени — одни сильнее, другие слабее, и от этой разницы, предопределенной еще до нашего рождения, никуда не деться. Американские индейцы тысячелетиями жили в вашей стране, пока сюда не переселилась горстка ваших предков. Но как изменили они облик страны! Если все равны, то почему индейцы не освоили эту землю, не настроили на ней города? Ваши предки привезли сюда мозговую энергию другого типа, другие впечатления прошлых жизней, которые и проявили себя здесь. Абсолютное отсутствие различий означает

смерть. Пока существует этот мир, будут и должны быть различия, и царство полного равенства наступит лишь тогда, когда придет к концу цикл сотворения. До того момента равенство неосуществимо. Однако стремление к равенству есть великая побудительная сила. Как необходимо для процесса сотворения неравенство, так необходима для него и сила, устремленная к равенству. Если бы не было борьбы за освобождение и за возвращение к Богу, то не было бы и сотворения. Различие между этими противоборствующими силами и определяет природу человеческой мотивации: одних она направляет в сторону порабощения, других — к освобождению.

Колеса внутри колес — вот ужасный механизм нашего мира. Стоит ему зацепить нас, и мы оказываемся вовлеченными. Все мы думаем, что, выполнив определенную работу, мы отдохнем, но как только мы эту работу успеваем сделать, как нас уже ждут новые дела. Всех нас затягивает могучий, сложный механизм мира. Есть лишь два способа избавиться от него. Один состоит в том, что можно перестать заботиться об этом механизме, позволить ему действовать и стать в сторонке, оставив желания. Сказать это легко, а сделать почти невозможно. Не уверен, под силу ли это одному на двадцать миллионов человек. Есть и другой способ — вступить в мир и овладеть тайной труда, это путь карма-йоги. Не избегайте механизма мироздания, но, оставаясь внутри него, учитесь работать. Можно освободиться из колес, правильно трудясь внутри механизма, найти выход через сам механизм.

Вот мы рассмотрели вопрос о том, что такое труд. Он лежит в самой основе природы и продолжается вечно. Верующие лучше понимают это, поскольку им ясно, что Бог не настолько беспомощен, чтобы нуждаться в нашей поддержке. Хотя вселенная будет существовать вечно, наша цель — освобождение, наша цель — самоотречение, а карма-йога учит нас идти к этой цели через труд. Мечта сделать этот мир счастливым местом пребывания для всех может быть прекрасна, как побудительная сила для фанатиков, но следует помнить — фанатизм приносит столько же зла, сколько и добра. Карма-йог спросит: зачем нужно побуждение к труду иное, чем наша природная любовь к свободе? Поднимитесь над повседневными побуждениями. «На труд имеете вы право, но не на плоды его».⁶⁷ Человек может научиться понимать этот завет и следовать ему, скажет вам карма-йог. Когда мысль о правильном труде станет частью его естества, он перестанет нуждаться в других побудительных мотивах. Давайте делать добро, потому что это доброе дело — делать добро, а кто делает добро с целью, даже с целью попасть в рай, связывает себя по рукам и ногам, скажет вам карма-йог. Поступок, совершенный с мало-мальски корыстным мотивом, вместо того чтобы освободить нас, опутывает человека новыми цепями.

Итак, единственный путь — отказаться от всех плодов труда, отстранить себя от них. Помните, что этот мир — не мы, мы не есть этот мир, помните, что мы не просто наши тела и что на самом деле мы не трудимся. Мы — частицы Целого, пребывающего в вечном покое. Почему же мы должны быть несвободны? Скованными чем бы то ни было? Конечно, это очень хорошо говорить, что мы должны быть ни к чему не привязаны, но как это осуществить? Всякий поступок, который мы совершаем без задней мысли, не только не опутывает нас новыми цепями, но разбивает звено уже существующих. Всякая добрая мысль, которую мы преподносим миру, не рассчитывая на вознаграждение, останется в мире, разомкнет цепь, сделает нас чище, а потом еще чище, пока не станем мы чистейшими из смертных. Однако все это может показаться донкихотством, философским умствованием, скорее теорией, чем практическим советом. Я знаком со множеством аргументов, направленных против Бхагавад-Гиты, многие утверждают, что труд без мотивации невозможен. Утверждающие это никогда не сталкивались с проявлениями бескорыстия, свободного от воздействия фанатизма, поэтому они так говорят.

В заключение позвольте рассказать вам о человеке, который воплотил на практике учение карма-йоги. Его звали Будда, и он единственный, кто воплотил это учение

⁶⁷ См.: Бхг., III, 19; IV, 20; XVIII, 6–7.

полностью. Другие пророки и провидцы действовали самоотреченно, под влиянием внешних побудительных сил. За этим единственным исключением, мировых пророков можно разделить на две категории: одни считали себя воплощениями Бога, снизошедшего на землю, другие — только посланцами Бога. И те и другие трудились, направляемые побуждениями извне, и ожидали награды извне, сколь бы возвышенно-духовным ни был язык их посланий. Будда был единственным, кто сказал: меня не волнуют различные теории относительно Бога. Что толку вести ученые споры о душе? Надо творить добро и быть добрым. Это даст вам и свободу, и познание той истины, к которой вы стремитесь. По тому, как прожил он свою жизнь, видно, что он был свободен от всех личных мотивов. А есть ли на свете человек, который трудился бы больше, чем он? Укажите мне другого во всей истории человечества, кто воспарил бы выше, чем Будда. Род человеческий произвел на свет лишь одного такого, чья философия была столь возвышенна, а сострадание столь велико. Этот величайший философ, проповедовавший высочайшую философию, испытывал глубочайшее сочувствие ко всему живому и ничего не требовал для себя. Будда — идеал карма-йоги, действовавший безо всякой мотивации, и история человечества не знает равных ему: он обладал несравненным по величию сочетанием сердца и ума, величайшей духовной энергией, проявлявшейся когда-либо. Он был первым великим реформатором, явившимся миру, первым, кому достало смелости сказать: «Верьте не потому, что это записано в древних книгах, не потому, что весь ваш народ в это верит, не потому, что вы с детства приучены верить во что-то; все поверяйте разумом, а после того, как вы это проанализировали, если убедитесь, что это хорошо для всех и каждого, тогда верьте, живите этой истиной сами и помогайте жить другим». Лучше всех трудится тот, кто трудится без всякой корысти, не ради денег, не ради славы или чего-то еще. Кто сумеет это сделать, станет Буддой, и будет исходить из него энергия, способная преобразить мир. Такой человек и есть наивысший идеал карма-йоги.

Храм Вивекананды на территории Белурского монастыря вблизи Калькутты

Храм Рамакришны на территории Белурского монастыря вблизи Калькутты

Молитвенный дом Института морального и духовного развития в Майсуре

РАДЖА-ЙОГА⁶⁸

⁶⁸ «Раджа-йога» — курс лекций, прочитанный Вивеканандой в Нью-Йорке зимой 1895/96 г. с добавлением комментированного перевода Йога сутр Патанджали и отрывков из некоторых других памятников индийской философии древности. «Раджа-йога» сразу же приобрела широкую известность, ее изучали с большим интересом многие замечательные деятели мировой культуры. «Раджа-йога» — первая книга Вивекананды, с которой ознакомился Л.Толстой (сентябрь 1896), получивший ее в подарок от индийского ученого Анендры Кришна Датты. Л.Толстой в ответном письме отмечал, что книга понравилась ему как рассуждение о том, что есть истинное «Я» человека.

На русском языке «Раджа-йога» издавалась в 1906 г. (Философия йога: лекции, читанные... Суоми Вивекананда о раджа-йоге, или подчинении внутренней природы, и афоризмы Патанджали, с комм. Пер. Я.Попова, Сосница, 1906), в 1911 г.

Перевод сделан с издания: The Complete Works of Swami Vivekananda, v.1, Calcutta, 1989.

Раджа-йоге (или «царственной йоге») посвящены Йога сутры Патанджали. Раджа-йога близка джняна-йоге: заблуждение человека относительно своей собственной природы, отличной от всех проявлений материального

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже на заре истории человек начал отмечать различные необычные явления. В наше время тоже нет недостатка в свидетелях, готовых подтвердить их существование, даже в странах, где расцветает современная наука. Большая часть таких свидетельств недостоверна, поскольку исходит от людей невежественных, суеверных или попросту лживых. Во многих случаях так называемые чудеса — это подделки. Но подделки подо что? Честный научный разум не может отвергнуть факты, не разобравшись в них. Поверхностные ученые, сталкиваясь с необычными ментальными явлениями, которые они не в силах объяснить, стараются закрыть на них глаза. Они даже заслуживают большего осуждения, чем те, кто думает, будто их молитвы находят отклик у некоего существа или существ, находящихся над облаками, и рассчитывает, что их мольбы заставят эти существа изменить ход вселенной. Взгляды этих людей можно оправдать их невежеством или характером образования, которое они получили и которое привело их к зависимости от таких существ, ставшей со временем частью их ослабленной натуры. А у ученого таких оправданий нет.

На протяжении тысячелетий такие явления изучались, классифицировались и обобщались, а также анализировались религиозные способности человека; практическим результатом всего этого стала наука *раджа-йоги*. В отличие от того, что делают иные современные ученые, раджа-йога не отрицает факты только потому, что их трудно объяснить. С другой стороны, раджа-йога мягко, но довольно определенно показывает суеверным, что чудеса, реакция на молитвы, сила веры — при всей их бесспорности — не могут быть объяснены наличием существа (или существ) над облаками. Раджа-йога учит: человек есть капелька в бесконечном океане знания и силы, который находится вне человечества. Человек во многом нуждается и многого желает, но обладает и средствами для удовлетворения своих нужд, поэтому всякий раз, как исполняется желание, как приходит отклик на молитву, они осуществляются из этой неисчерпаемой сокровищницы, а не с помощью некоего сверхъестественного существа. Мысль о сверхъестественных существах способна подстегнуть человека к действию, но она же ведет и к духовному застою, к зависимости, страху, суеверию и вырождается в ужасающее убеждение, что человек по природе своей слаб. Нет ничего сверхъестественного, говорит последователь раджа-йоги, в природе есть лишь грубые явления и есть тонкие. Тонкие явления — это причины, грубые — следствия. Грубые явления легко воспринимаются органами чувств, тонкие — нет. Практика раджа-йоги помогает человеку усовершенствовать свои восприятия.

Все ортодоксальные системы индийской философии⁶⁹ имеют одну цель — освобождение души через ее совершенствование. Этот метод совершенствования есть йога, понятие чрезвычайно емкое, однако в той или иной форме составляющее неперенную часть как *санкхьи*, так и *веданты*.

Темой настоящей работы является йога в форме, известной как *раджа-йога*. Наивысшим авторитетом в раджа-йоге был Патанджали,⁷⁰ и его афоризмы образуют ее

мира, преодолевается при помощи самого же ума. В раджа-йоге выход человека из земного мира достигается путем прекращения функций ума. Специальными упражнениями йог прерывает направленность ума на внешний мир, ум «успокаивается»; прерывается деятельность, порождающая последующие действия, «семена действий» сожжены. Вся цепь нескончаемого ряда причин и следствий разрывается: «жареное семя не прорастает», нет ни действий, нет ни следствий действий, что приводят к новым действиям. Разорвана вся цепь причинно-следственного ряда — человек прервал «цепь перерождений» и достиг Наивысшего.

⁶⁹ Шесть систем индийской философии (вайшешика, ньяя, санкхья, йога, миманса и веданта) считаются ортодоксальными, то есть признающими авторитет Вед. Система чарваков (или локаята), джайнизм и буддизм называются неортодоксальными, еретическими, поскольку авторитет Вед ими отрицается.

⁷⁰ Вопрос об авторе сутр Патанджали (III–V вв.) был предметом многолетних дискуссий. Сейчас распространено мнение, что Йога сутры являют собой своего рода конспект, компиляцию уже существовавших

учебники. Все другие философы хоть и расходятся иногда с Патанджали в некоторых тонкостях, тем не менее, как правило, признают его практические методики. Первая часть настоящей книги составлена из лекций, прочитанных автором в Нью-Йорке. Часть вторая есть достаточно свободный перевод афоризмов (*супт*) Патанджали с моим комментарием. При этом было сделано все возможное для избежания излишней специальной терминологии и сохранения легкого и непринужденного разговорного стиля. Первая часть содержит в себе ряд простых указаний для желающих практиковать раджа-йогу, однако я считаю необходимым *специально и серьезно предупредить таковых, что, за редчайшими исключениями, йогой можно без риска заниматься только в непосредственном контакте с учителем.* Если чтение сумеет в ком-то пробудить желание узнать побольше, то учитель непременно найдется.

Система Патанджали построена на *санкхье*,⁷¹ отличия от нее здесь минимальны. Двумя самыми важными отличиями являются, во-первых, вера Патанджали в Личностного Бога в облике первоучителя, в то время как санкхья допускает существование Бога только как почти совершенного существа, временно творящего циклы мироздания; во-вторых, рассмотрение йогой ума как чего-то столь же всепроникающего, что и душа, или *пуруша*, последователи же санкхьи с этим не согласны.

* * *

Всякая душа потенциально божественна.

Цель в том, чтобы сделать явной внутреннюю Божественность контролем внутренней и внешней природы.

Добейтесь этого трудом, молитвой, психическим контролем или философией — одним из них, несколькими или всеми вместе. И будьте свободны.

Вот и вся религия. Доктрины, догмы, ритуалы, книги, храмы и т. п. — все это вторично.

Глава I ВВЕДЕНИЕ

Все наше знание основано на опыте. То, что называется выводным знанием, где мы идем от частного к общему или от более общего к особенному, тоже основано на опыте. В науках, называемых точными, легко найти истину, поскольку она приложима к частному опыту любого человека. Ученый не призывает во что-то верить, но располагает результатами, добытыми из его опыта, так что, когда, основываясь на своих заключениях, он предлагает поверить этим результатам, он обращается к некоему всеобщему опыту человечества. В каждой точной науке есть основа, общая для всего человечества, что позволяет сразу распознать истинность или ложность выводов, делаемых из нее. Вопрос заключается в следующем: располагает или нет религия подобной основой? Я должен ответить на этот вопрос как утвердительно, так и отрицательно.

Во всем мире принято считать, что религия основывается на вере и веровании и по большей части состоит только из различных теорий, в силу чего различные религии не находят согласия одна с другой. Эти теории в свою очередь основаны на вере. Некто

учений; это своеобразное кодирование и сведение воедино положений ряда школ, разрабатывавших идеи, известные уже по Упанишадям.

⁷¹ Йога и санкхья тесно связаны между собой. Йога принимает многие принципиальные положения, обстоятельно разработанные в санкхье (постулирование наличия двух самостоятельных сущностей, пуруши и пракрити; трехгунное строение природного мира; порядок миропроявления и пр.). Основное отличие йоги Патанджали от классической санкхьи состоит в том, что йога постулирует существование бога Ишвары, свободного от действий кармической связанности.

утверждает наличие великого Существа, сидящего над облаками и управляющего оттуда вселенной, и требует, чтобы я поверил исключительно на основании его утверждения. Совершенно таким же образом я могу иметь собственные идеи и требовать, чтобы другие поверили в них, но, если меня спросят, почему мне должны верить, мне будет нечего сказать. По этой причине религия и метафизическая философия пользуются сегодня дурной славой. Образованный человек склонен думать, что все эти религии просто набор теорий без критерия для их проверки, так что всякий проповедует свои излюбленные идеи. Тем не менее основа для всеобщей веры в религию существует, и ей подчинено все многообразие теорий и все многообразие идей различных идейных течений разных народов. Исследуя эту общую основу, мы приходим к выводу о том, что и она представляет собой всеобщий опыт.

Начнем с того, что, как показывает исследование религий мира, они делятся на две категории: одни обладают Священным писанием, у других Книги нет.⁷² Религии, обладающие Книгой, наиболее сильны и имеют наибольшее число последователей. Религии без Книги, как правило, прекратили свое существование, а немногие из них, возникшие недавно, исповедуются группкой верующих. Общее же у всех религий то, что истины, которые они проповедуют, есть результаты опыта отдельных личностей. Христианин предлагает принять его веру, поверить в Христа, поверить в него как в воплощение Бога, поверить в Бога, в существование души, в ее способность к совершенствованию. Если спросить христианина, на каком основании в это должен поверить я, он ответит — потому что он верует в это. Однако, исследуя истоки христианства, вы придете к выводу, что эта религия основана на опыте. Христос говорил, что видел Бога, его последователи — что чувствуют Бога и так далее. Аналогичным образом буддизм основывается на опыте Будды. Будда познал определенные истины, увидел их, вошел в соприкосновение с ними и поведал о них миру. Это же относится и к индуизму. Авторы Священных книг, называемые *риши*, или мудрецами, объявляют, что они узнали из опыта определенные истины и теперь проповедуют их. Из сказанного явствует, что все религии мира строятся на универсальном и непреложном принципе всего нашего знания — на непосредственном опыте. Вероучители видели Бога, они видели собственные души, они видели свое будущее, они видели вечность, и что они видели, то и проповедуют. Однако есть и отличие: большинство религий, особенно в современный период, выдвигает странное утверждение о том, что этот опыт невозможен в наши дни, что он был доступен лишь немногим, лишь основоположникам соответствующих религий, которые и носят их имена. В наши дни их опыт устарел, поэтому мы должны принимать религию на веру. Я с этим категорически не согласен. Если в мире, неважно, в какой области знания, был зафиксирован какой-то опыт, то отсюда явно следует, что этот опыт был возможен миллионы раз до этого и будет повторяться до бесконечности. Единообразие — непреложный закон природы, что произошло однажды, может происходить всегда.

Именно поэтому учителя йоги утверждают не только что религия основывается на опыте древних времен, но что человек не способен быть религиозным, если он сам не обладает теми же самыми восприятиями. Йога и есть наука, обучающая нас развивать эти восприятия. Нет смысла рассуждать о религии, пока человек не почувствует, о чем идет речь. Почему на свете столько напряженности, столько драк и ссор во имя Бога? Во имя Бога пролилось больше крови, чем по любой другой причине, и все потому, что люди не обращаются к первоисточнику, а удовлетворяются соблюдением обычаев праотцев и желают, чтобы и другие поступали, как они. Какое право имеет человек заявлять, что у него есть душа, если он ее не ощущает, или что Бог есть, если он Его не видит? Если Бог есть, мы

⁷² Существуют различные классификации религий. Христианская традиция делит религии на богооткровенные (христианство, ислам) и небогооткровенные (индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм и пр.). Согласно мусульманскому учению, религии делятся на «религии книги» (христианство, иудаизм) и «религии без книги» (язычники, идолопоклонники); последователи индуизма подпадают под последнюю категорию.

должны Его видеть, если душа есть, мы должны как-то чувствовать ее, иначе лучше не верить. Лучше быть откровенным атеистом, чем ханжой. С другой стороны, современный подход «образованных» людей заключается в том, что религия, метафизика и все поиски Высшего Существа тщетны. Люди же полуобразованные полагают, что у всего этого нет основы и их единственная ценность состоит в том, чтобы служить мотивацией для добродетельной жизни. Когда человек верует, он становится лучше, моральнее, становится хорошим гражданином. За этот подход никого нельзя винить, поскольку людей учат верить просто в пустые слова, не таящие под собой сути. От них требуется жить словами, ну как это можно сделать? Если бы человек мог жить словами, я не испытывал бы ни малейшего уважения к человеческой природе. Человек ищет истину, хочет познать ее с помощью личного опыта, и только если он уловил истину, понял ее, пережил самой глубиной своего существа, только тогда, как сказано в Ведах, исчезнут все сомнения, рассеется тьма и ясным станет то, что казалось запутанным. «О, дети бессмертия, даже те, кто живет в высшей из сфер, путь найден, есть выход из всей этой тьмы, надо воспринять Того, кто превыше всякой тьмы, ибо нет иного пути».⁷³

Наука раджа-йоги предлагает человечеству практический, научно разработанный метод постижения этой истины. Каждая наука должна прежде всего иметь свой метод исследования. Если вы намерены стать астрономом, то, сколько бы вы ни сидели и ни произносили «Астрономия! Астрономия!», это ни к чему не приведет. То же самое относится и к химии. Необходим метод. Надо пойти в лабораторию, взять нужные вещества, смешивать их, экспериментировать с ними — так дается знание химии. Желая быть астрономом, человек идет в обсерваторию, обучается пользоваться телескопом, наблюдает звезды и планеты — так он может стать астрономом. Каждая наука пользуется своими приемами. Я могу прочитать вам тысячу проповедей, но они не сделают вас религиозными, пока вы не усвоите метод. Все это истины, познанные мудрецами всех народов, всех времен, людей чистых и бескорыстных, не имевших иной цели, кроме добра для всех. Они все утверждают, что открыли истину более высокую, нежели та, что дается нам через чувственные восприятия. Все это они приглашали проверить. Они просят нас использовать их методы и честно применять их, а если выяснится, что мы не обнаружим эти высшие истины, значит, они не существуют. Однако, прежде чем мы это сделаем, нерационально отвергать утверждения мудрецов. Итак, мы должны честно трудиться, следуя предписанному методу, и мы увидим свет.

Приобретая знание, мы пользуемся обобщениями, а обобщения строятся на наблюдении. Сначала наблюдаются факты, затем они обобщаются, потом из них выводятся заключения или устанавливаются принципы. Невозможно познать ум, внутреннюю природу человека, мысль, если у нас нет способа вести наблюдение за происходящим внутри нас. Сравнительно легко вести наблюдения во внешнем мире, тем более что для этой цели существует множество инструментов, но нет инструментов, с помощью которых мы могли бы наблюдать за собой. Однако подлинная наука строится на наблюдениях. Без анализа наука превращается в чистое теоретизирование. Вот почему с самого начала так ссорятся между собой психологи, за исключением тех, кто нашел метод наблюдения.

Наука раджа-йоги прежде всего дает нам способ наблюдать за нашими внутренними состояниями. Инструментом здесь служит сам ум. Сила внимания, соответственно направленная вовнутрь, помогает изучать ум и проливает свет на факты. Сила ума похожа на рассеянный свет, но собранный в луч, этот свет многое освещает. Это и есть наш единственный инструмент познания. Мы все им пользуемся для изучения внешнего и внутреннего мира, но психологу необходимо детальное исследование мира внутреннего, он тут поступает так же, как ученый при исследовании внешнего мира. Это требует навыка. Нас с самого детства приучают обращать внимание на мир вне нас, не на внутренний мир, и в

⁷³ Пересказ Мунд. уп., I, 2, 13.

результате многие из нас почти утрачивают способность наблюдать свой внутренний механизм. Повернуть ум вовнутрь, не давая ему непрестанно обращаться во внешний мир, заставить его напрячь все силы, сосредоточить их на нем самом, с тем чтобы он познал себя, — очень трудное дело. Но это единственный способ научного исследования.

А какая польза от такого рода знания? Прежде всего знание есть само по себе высочайшая награда за усилия, но есть и конкретная польза — избавление человека от страдания. Когда, анализируя собственный внутренний мир, человек как бы лицом к лицу сталкивается с тем, что неуничтожимо, что по природе вечно чистое и совершенное, он больше не может испытывать ни боли, ни страдания. Все страдания — от страха, от неудовлетворенных желаний. Обнаружив, что он никогда не умирает, человек освобождается от страха смерти. Увидев собственное совершенство, он перестает испытывать тщеславные желания. Эти две причины его страдания исчезают — и наступает блаженство, несмотря на то что человек продолжает оставаться в своей телесной оболочке.

Единственный метод, которым достигается это знание, именуется сосредоточением. Химик в лаборатории сосредоточивает всю энергию своего ума, фокусирует ее и направляет на вещества, секреты которого пытается понять. Астроном сосредоточивает всю силу своего ума на звездном небе, и звезды, Солнце и Луна открывают ему свои тайны. Чем сильнее я сосредоточусь на предмете моего разговора с вами, тем лучше я сумею объяснить вам его. И чем сосредоточеннее вы меня слушаете, тем лучше вы меня поймете.

Как было собрано все знание мира, если не через концентрацию мыслительной энергии? Мир готов открыть нам свои тайны, если мы знаем, как постучаться в дверь. Сила ума в его способности сосредоточиваться. Сила человеческого ума не имеет пределов. Секрет в том, что, чем сильнее сосредоточенность, тем острее ум.

Сосредоточиваться на вещах вне нас легче — наш ум, естественно, обращен вовне; но религия, психология или метафизика, где субъект и объект едины, требуют иного. Объект находится внутри нас, сам ум и является объектом, то есть ум исследуется при помощи ума же. Вам известно, что у ума есть свойство, которое называется рефлексией. Вот я сейчас говорю с вами. В это самое время я будто стою в сторонке, как если бы я был собственным двойником, который знает и слышит все, что я говорю. Человек работает и думает в одно и то же время, а частица его ума будто бы со стороны наблюдает за этими размышлениями. Сила ума должна быть сфокусирована и обращена на сам ум, тогда как яркий солнечный луч освещает то, что таится в самых темных уголках. Так и луч ума открывает самые потаенные его секреты. Таким образом, мы приближаемся к основе веры, к подлинной сути религии. Мы сами увидим, есть ли у нас душа, длится ли наша жизнь пять минут или вечность, есть ли Бог во вселенной или за ее пределами. Все откроется нам. Этому и учит раджа-йога. Ее цель — научить, как сосредоточивать силу ума, чтобы затем проникнуть в его самые глубокие слои, как обобщить то, что мы узнаем, и сделать из этого выводы. Не нужен поэтому вопрос о том, что представляет собой наша религия, деисты⁷⁴ мы или атеисты, христиане, иудеи или буддисты. Мы все — люди, и этого достаточно. Каждый человек имеет право и обладает силой стремиться к религии. Каждый человек имеет право спрашивать, в чем причина, и сам отвечать на этот вопрос, нужно только захотеть.

Из того, что мы с вами узнали о раджа-йоге, явствует, что не требуется веры или доверия для ее изучения. Не верьте ни во что, пока не убедитесь, — вот принцип раджа-йоги. Истине не нужна подпорка, чтобы устоять. Может быть, вам кажется, будто факты, полученные в пробужденном состоянии, требуют сновидений или выдумок для своего подтверждения? Конечно же, нет. Изучение раджа-йоги требует времени и постоянной практики, отчасти физической, но главным образом психической. В процессе исследования мы увидим, насколько тесно связаны ум и тело. Если считать ум наиболее сложной частью

⁷⁴ Деисты понимают Бога как первичную безличную причину мира. С деистической точки зрения мир, будучи однажды сотворенным, далее развивается по своим собственным законам, вмешательство Бога исключается.

организма, то логично предположить, что организм неизбежно воздействует на ум. В больном организме ум не может быть здоров. В здоровом теле ум здоров и силен. Когда человек сердится, его ум теряет равновесие. Таким же образом, когда теряет равновесие ум, то это сказывается на всей работе организма.

У большинства людей ум столь слабо развит, что он, как правило, находится под контролем тела. Значительная часть человечества недалеко ушла от животных. Более того, во многих случаях способность человека к самоконтролю ненамного превышает эту способность у низших представителей животного мира. Мы плохо умеем управлять своим умом. Требуется определенная физическая помощь в осуществлении контроля своего тела и ума. Когда же мы научаемся в достаточной степени контролировать свое тело, мы можем попробовать взять и ум под контроль, научиться управлять им. Управляя умом, держа его под контролем, понуждая его работать в нужном нам направлении, мы овладеваем способностью концентрировать его силу.

В соответствии с учением раджа-йоги внешний мир есть не что иное, как грубая форма более тонкого, внутреннего мира. Тонкий мир всегда причина; грубый, внешний мир — следствие, а причина — внутренний мир. Точно так же силы, действующие во внешнем мире, есть огрубленный вариант более тонких сил внутреннего мира. Человек, который раскрыл свои внутренние силы и научился ими управлять, способен контролировать всю природу. Йог ставит перед собой задачу быть властелином вселенной, управлять силами природы, ни больше и ни меньше. Он хочет достичь той точки, где то, что мы называем «законами природы», утратит власть над ним выйти за пределы их действия. Он хочет быть властелином всей природы — той, что вовне нас, и той, что внутри. Прогресс и цивилизация рода человеческого по сути означают управление природой.

Различные народы шли разными путями к контролю над природой. Как в обществе один человек стремится преодолеть природу внешнюю, а другой — внутреннюю, так и народы — кто двигался к покорению природы внешней, кто — внутренней. Иные считают, что контроль над внутренней природой обеспечивает контроль надо всем. Обе точки зрения верны в своем крайнем выражении, поскольку в действительности природа на внешнюю и внутреннюю не делится. Это деление условное и в природе не существует. Сторонники обеих точек зрения обязательно сойдутся в одной точке, пройдя весь свой путь. Как физик, продвигаясь к границам своей науки, обнаруживает, что физика растворяется в метафизике, так и метафизик неизбежно увидит, что ум и материя, обладая внешними различиями, по сути составляют Единое.

Цель и задача всех наук заключается в отыскании единства, Единого, из которого производится многообразие, того Единого, что существует в виде множеств. Раджа-йога берет своим началом внутренний мир, исследование внутренней природы, через которую возможен контроль над целым — как внутренним, так и внешним. Это очень древний подход. Он получил особое развитие в Индии, но и другие народы тоже пробовали его. На Западе этот подход считался мистическим, и тех, кто пытался воспользоваться им, сжигали на кострах или убивали как колдунов и ведьм. В Индии в силу различных причин это знание попало в руки людей, которые уничтожили девяносто процентов познанного и постарались сделать большой секрет из оставшихся десяти. В последнее время на Западе появилось множество так называемых «учителей», которые еще хуже, чем индийские, те хоть что-то знали, а нынешние не знают ничего.

Все тайное и мистическое, что связывают с системами йоги, нужно сразу же отринуть. Лучший проводник по жизни — это сила. В религии, как и во всем другом, старайтесь отбросить то, что ослабляет вас, держитесь от этого подальше. Игра в тайны ослабляет человеческий мозг, она почти погубила йогу — величайшую из наук. Со времени своего открытия, почти четыре тысячи лет назад, йога была ясно очерчена, сформулирована и практиковалась в Индии. Поразительное явление: чем более современен комментатор йоги, тем больше нелепостей в его интерпретации, а чем древнее автор — тем он рациональней. Современные истолкователи йоги обожают таинственность. Йога оказывается монополией

группки людей, окутывающих ее тайной вместо того, чтобы открыть учение дневному свету и логике. Но группа заинтересована в сохранении своей монополии.

Что касается меня, то в том, чему я учу, нет никакой тайны. Я открою перед вами все то немного, что известно мне самому. Что можно, я буду подтверждать доказательствами, о том же, чего не знаю, прямо скажу вам, что написано об этом в книгах. Слепая вера не нужна.

Вы должны полагаться на собственный ум и суждение, приобретать навыки и потом смотреть, получится у вас или нет. Ведите себя совершенно так же, как при изучении любой другой науки. В йоге нет ни тайны, ни опасности, в своем чистом виде она может предлагаться на улице, среди бела дня. Привнесение таинственности в йогу — вот что чревато серьезными опасностями.

Прежде чем продолжить, я расскажу в общих чертах о философии *санкхьи*, на которой основывается вся раджа-йога. В соответствии с этой философией процесс восприятия идет следующим образом: свойства объектов, находящихся вне нас, улавливаются внешними инструментами и передаются в соответствующие центры мозга или органы, оттуда они передаются уму, который как бы сортирует их, затем их получает *пуруша* — душа, и таким образом возникает восприятие. После этого пуруша отдает нечто вроде приказа моторным центрам, которые выполняют требуемое действие. Все перечисленное — материально, кроме пуруши, однако материя ума значительно тоньше, чем материя внешних инструментов. Из того же, что и ум, состоит и другое тонкое материальное начало, которое называется *танматра*. Огрубляясь, оно становится внешней материей.

Вот как рассматривает этот вопрос санкхья. Из этого следует, что интеллект отличается только утонченностью от более грубой материи внешнего мира. Пуруша есть единственное, что является нематериальным. Ум играет роль, так сказать, инструмента души, при помощи которого она улавливает внешние объекты. Ум пребывает в состоянии постоянной изменчивости и колебаний, будучи натренирован, он может обслуживать или один орган, или несколько, или ничего. Например, если я внимательно вслушиваюсь в тиканье часов, я могу ничего не видеть, хотя глаза мои открыты, а это значит, что ум не был связан в это время с органом зрения, а только с органом слуха. Ум усовершенствованный способен быть одновременно связанным со всеми органами чувств. Он обладает и рефлексивной силой, может заглянуть в собственные глубины. Йог стремится усовершенствовать это последнее качество ума: сосредоточивая всю силу ума и обращая его на себя самого, он стремится понять, что происходит внутри. Вопрос о вере здесь просто не возникает, речь идет о методе исследования, разработанном некоторыми философами.

Современная физиология установила, что глаз не является органом зрения, что подлинный орган зрения — один из нервных центров нашего мозга, что справедливо и для остальных органов чувств. Нам говорят, что нервные центры состоят из того же материала, что и сам мозг. То же утверждают философы санкхьи. Физиология постулирует это на физическом уровне, санкхья — на психологическом; вывод один и тот же. Но наша область исследования лежит за пределами обоих.

Йог стремится достичь такого состояния, при котором он сумеет следить за всеми ступенями восприятия: как передается ощущение, как принимает его ум, как оно достигнет способности суждения, как передается пуруше. Занятия любой наукой требуют подготовки и освоения методик этой науки, без подготовки ее нельзя понять. Это относится и к раджа-йоге.

Необходимо соблюдать определенные правила питания, надо употреблять в пищу лишь то, что способствует чистоте ума. Сходите в зоопарк, и вы сразу поймете, в чем тут дело. Вы увидите слонов, животных огромных, но спокойных и уравновешенных, и увидите, как мечутся по своим клеткам тигры и львы, — вот что значит разница в пище. Мы черпаем из пищи все наши жизненные силы, это нам известно из повседневного опыта. Когда человек начинает поститься, сначала он ослабевает телесно, ему недостает физических сил, а через несколько дней снижаются и его психические возможности. Вначале слабеет память. Затем

наступает момент, когда становится трудно думать, особенно довести мысль до конца. Приступая к практическим занятиям, нужно очень тщательно следить за питанием, позднее, когда приобретаются необходимые навыки и появляется уверенность, можно обращать на пищу меньше внимания. Молодой саженец обносят загородкой, оберегая его, когда он вырастает в дерево, загородка ему больше не нужна.

Йогу следует избегать крайностей: как излишнего комфорта, так и ненужной строгости жизни. Он не должен ни морить себя голодом, ни умерщвлять свою плоть, ибо в таком случае он не может быть йогом. Как сказано в Бхагавад-Гите: «Кто постится, кто лишает себя сна, кто слишком много спит, кто изнуряет себя трудом, кто не трудится — тот не может быть йогом» (VI, 16).

Глава II **ПЕРВЫЕ ШАГИ**

Раджа-йога делится на восемь ступеней. Первая из них *яма* — неубийство, правдивость, непосягательство на чужое, воздержанность, непринятие подарков. Затем идет *нияма* — чистота, удовлетворенность, аскетизм, прилежание в обучении и предание себя воле Бога. Потом *асана* — позы, *пранаяма* — контроль *праны*, *пратьяхара* — обуздание чувств, *дхарана* — сосредоточенность, *дхьяна* — медитация, *самадхи* — сверхсознание. Мы видим, что *яма* и *нияма* есть развитие в человеке моральных навыков, составляющих ту основу, без которой невозможно изучение йоги. Укрепив в себе эти моральные навыки, йог получает первые плоды своих усилий, без них он ничего не достигнет. Йог не может даже подумать о том, чтобы нанести кому бы то ни было урон мыслью, словом или действием. Речь идет не только о людях, милосердие йога должно охватывать весь мир.

Следующая ступень — это *асана*. Для достижения более высокого уровня развития необходимо ежедневно проделывать ряд физических и психических упражнений. Очень важно поэтому найти позу, в которой человек мог бы оставаться подолгу. Лучше всего остановиться на той, которая представляется наиболее удобной для каждого. Скажем, поза для размышления, устраивающая одного, другому может показаться неловкой. Мы позднее увидим, что во время исследования психологических проблем наше тело весьма активно работает. Меняется перемещение сигналов по нервам, и им требуются новые каналы. Возникают новые вибрации, и идет, так сказать, перестройка всей конституции. Однако основная работа происходит вдоль позвоночника, поэтому чрезвычайно важно занять позу, освобождающую позвоночник, грудная клетка, шея и голова должны составлять прямую линию. Вся тяжесть тела должна переместиться на ребра, тогда спина распрямится, а поза станет естественной. Легко убедиться в том, что при сжатой грудной клетке высокие мысли не приходят в голову. Эта ступень йоги достаточно схожа с *хатха-йогой*,⁷⁵ предметом которой является только физическое тело, сильно укрепляющееся в результате упражнений. В данном случае нас это не интересует, поскольку эти упражнения бывают весьма трудными, в один день их не освоить, к тому же они не приводят к существенному духовному росту. Нет мышцы в человеческом теле, которая не поддавалась бы контролю. Даже сердце может быть по желанию остановлено и снова запущено, и это относится ко всем органам человеческого тела.

Цель *хатха-йоги* — дать человеку долгую жизнь, поэтому в центре всего здесь находится физическое здоровье. Йог, избравший этот путь, полон решимости не болеть, и он действительно никогда не болеет. Он долго живет, столетний возраст — пустяк для него, он и к ста пятидесяти свеж, молод, без единого седого волоска. Но этим все и исчерпывается.

⁷⁵ Хатха-йога (ее другое название «мощная йога», «йога с самоистязанием») во многом схожа с раджа-йогой, поскольку в обеих речь идет о контроле дыхания и йогических позах. Есть между тем и разница: основная цель раджа-йоги — достижение ее адептом конечной духовной цели — «освобождения», тогда как хатха-йога — это своего рода подготовительный этап.

Баньяновое дерево живет пять тысяч лет, но оно — баньяновое дерево, и ничего более. Человек, ставящий своей целью долгожительство, — просто здоровое животное. Несколько первичных уроков хатха-йоги очень полезны. Например, кто из вас страдает головными болями, может легко излечиться — нужно пить по утрам холодную воду через нос. Ваш мозг весь день будет испытывать приятную прохладу, вы избавитесь и от простуд. Процедура проста: опустите нос в воду, втяните ее ноздрями и сделайте засасывающее движение гортанью.

Но вернемся к позам. После того как человек научился сидеть, распрямив спину, в соответствии с установкой некоторых школ следует проделать упражнение, именуемое очищением нервов. Иные не признают его, утверждая, что оно не имеет отношения к раджа-йоге, но поскольку его рекомендует такой авторитет, как великий комментатор философии Шанкарачарья,⁷⁶ то я считаю необходимым упомянуть об этом упражнении. Я процитирую его рекомендации по комментарию к Шветашватаре упанишаде: «Ум, очищенный *пранаямой*,⁷⁷ сосредоточивается на *Брахмане*, поэтому *пранаяма* предписана. Вначале нервы должны быть очищены, тогда в них появляется сила, необходимая для *пранаямы*. Зажав правую ноздрю большим пальцем, вдохните воздух левой ноздрей, насколько возможно, и без задержки выдохните через правую ноздрю, зажимая пальцем левую. Вдохните через правую ноздрю и выдохните через левую, насколько возможно. Прделайте это три-пять раз по четыре раза в сутки: перед рассветом, в полдень, вечером и в полночь. Через пятнадцать дней или через месяц нервы очистятся, тогда начинается *пранаяма*».

Постоянная практика совершенно необходима. Вы можете каждый день часами слушать меня, но, если вы не будете практиковаться, вы не продвинетесь ни на шаг. Все зависит от практики. Те вещи, о которых я говорю, нельзя понять, не испытав их. Каждый должен сам увидеть и почувствовать, а одни объяснения и теории не помогут. Есть ряд препятствий, которые мешают практике. Во-первых, это нездоровье, поэтому надо следить за своим здоровьем, за тем, что мы едим и пьем, за тем, что мы делаем.

Всегда совершайте умственное усилие типа того, что обыкновенно называют «христианской наукой», чтобы тело было сильным. Впрочем, дальше тела все это не простирается. Мы не должны забывать, что здоровье — только средство, подчиненное цели. Если бы целью было здоровье, мы были бы подобны животным: животные редко хворают.

Во-вторых, сомнение: то, что мы не видим, всегда вызывает у нас сомнение, мы начинаем сомневаться, есть ли истина во всем этом. Даже лучшие из нас порою сомневаются. Но постоянно практикуясь, вы уже через несколько дней увидите первый лучик, достаточный для того, чтобы подбодрить вас и внушить вам надежду. Как говорил один из комментаторов йоги,⁷⁸ «если появляется хоть одно доказательство, сколь бы малым оно ни было, оно внушает нам веру во все учение йоги». После первых месяцев практики вы обнаружите, что можете читать чужие мысли: они предстанут перед вами в виде картин.

⁷⁶ Шанкара (Шанкарачарья) — крупнейший индийский философ-ведантист, с именем которого связывается разработка адвайта-веданты, одного из трех направлений веданты. Период его жизни 788–820 гг. н. э., хотя единства мнений в этом вопросе нет. Традиция приписывает ему более трехсот сочинений. Принято считать доказанным его авторство комментариев к Брахма сутрам Бадараяны, к Бхг., к некоторым Упанишадам. Широко известна его работа «Сокровище различения» (Вивекачудамани), построенная как наставление учителя юному искателю истинного знания.

«Адвайта» переводится как «чистый монизм»: кроме безличного Абсолюта, Брахмана, Единого, который пронизывает собой все сущее, не существует более ничего. Как нить проходит через ожерелье, как из костра сыплются искры, как волны вспениваются в океане и растекаются каплями, так и это Единое пронизывает, обнимает собой все сущее. Но такое видение мира доступно только знающему, озаренному, который смотрит на все окружающее и видит во всем одну только кажимость.

⁷⁷ Шанкара, комментарий к Швет. уп., II, 9.

⁷⁸ Имеется в виду рассуждение о достижении йогических совершенств (сиддхи).

Возможно, вы начнете слышать на большом расстоянии, сосредоточив свой ум на желании услышать. Это будут вначале отдельные проблески, но их будет достаточно, чтобы внушить вам веру, силы и надежду. Например, если сосредоточиться на кончике носа, то через несколько дней практики можно почувствовать восхитительный запах, что докажет вам существование психологических восприятий без контакта с физическими объектами. Однако нельзя забывать, что все это только средства для достижения цели, задача же, сама цель — освобождение души. Цель заключается в полном и абсолютном контроле над природой. Мы должны быть властелинами природы, а не ее рабами, ни тело, ни ум не должны властвовать над нами, и надо всегда помнить: мое тело принадлежит мне, а не я — моему телу.

Однажды бог и демон отправились к великому мудрецу, чтобы узнать, что такое «Я».⁷⁹ Они долго учились у мудреца. Наконец он им сказал: вы сами и есть то Существо, которое вы ищете. Оба решили, что мудрец имел в виду их физические тела, и очень довольные возвратились к своим подданным, всем объявив: «Мы узнали все, что хотели знать! Ешьте, пейте и веселитесь, мы и есть „Я“, ничего иного нет». Демон был по натуре невежествен, мыслил туманно, а потому, не задавая больше вопросов, с радостью удовлетворился мыслью, что он и есть бог, а под «Я» имеется в виду его плоть. Бог по натуре был существом более утонченным. И он вначале допустил ошибку, подумав было: «Я, вот эта плоть, и есть Брахман, а потому тело должно быть сильным и здоровым и хорошо одетым и испытывать всевозможные радости!» Однако через несколько дней он усомнился в том, что мудрец, их учитель, именно это хотел сказать, скорее, он говорил о более высоких материях. Бог возвратился к мудрецу с вопросом: «Действительно ли плоть есть „Я“? Как это может быть? Мы же видим, что вся плоть смертна, „Я“ же не умирает никогда!» «Найди ответ сам, — отвечал мудрец, — ты есть То». Тогда бог решил, что мудрец хотел обратить его внимание на жизненные силы, которые одушевляют плоть, однако вскоре обнаружил: силы эти сохраняются, пока он их питает, но если он не ест — силы слабеют.

И снова возвратившись к мудрецу, бог спросил: «Уж не жизненные ли силы есть „Я“?». «Найди ответ сам, — сказал мудрец, — ты есть То».

И снова бог отправился восвояси, размышляя над тем, не ум ли в таком случае есть «Я». Но в мыслях не было порядка, то добрые мысли посещали его, то дурные, разум был так непостоянен, что никак не мог быть его «Я».

Пришлось ему опять идти к мудрецу с вопросом: «Не может быть, чтобы ум был тем, что вы назвали „Я“, так ведь?» «Нет, — ответил мудрец. — Ты есть То и найди ответ сам».

Прошло немало времени, прежде чем бог понял, что он и есть «Я», выходящее за пределы мысли, не знающее ни рождения, ни смерти, то, что меч не пронзит, огонь не спалит, ветер не иссушит, не размочит вода, не знающее ни начала, ни конца, неподвижное, чувствами не воспринимаемое, всеведущее и всемогущее Бытие — не тело и не ум, превосходящее обоих. Поняв, бог был удовлетворен, а бедный демон, так любивший свою плоть, из-за этой любви не смог постичь истину.

На свете много людей, похожих на этого демона, но есть среди нас и боги. Если предложить обучаться науке, которая прибавит чувственных радостей в жизни, от желающих не будет отбоя. Но немногие соберутся слушать того, кто указывает на высший смысл бытия. Очень немногие обладают способностью понять высший смысл, еще меньше тех, кому достает терпения достичь цели. Есть, однако, и такие, кто осознает, что, если даже можно заставить тело прожить тысячу лет, все равно это ни к чему не приведет. Когда жизненная сила покидает тело, оно распадается. Не родился человек, который мог бы хоть на миг остановить изменения в своем теле. Тело — название серии изменений. «Как вода в реке все время меняется на ваших глазах, новая вода занимает место той, что утекла, но река сохраняет неизменную форму, так же и тело человека». Но тело должно быть крепким и

⁷⁹ Пересказ Чхан. уп., VIII, 7-15. Возможно, что демоны (асуры) — это последователи материалистической системы локаяты.

здоровым. Это — наилучший инструмент, какой у нас есть.

Человеческое тело — самое великое из тел, существующих во всей вселенной, а человек — величайшее из созданий. Человек выше всех животных, выше всех ангелов, никто с ним несравним. Даже *дэвы* (боги) вынуждены снова спускаться вниз, с тем чтобы достигнуть освобождения через человеческое тело, даже боги не могут достичь совершенства, только человек. Иудеи и мусульмане верят, что Бог сотворил человека уже после того, как были сотворены ангелы и иные существа, а сотворив человека, повелел ангелам поклониться ему. Один лишь Иблис не подчинился, за что был проклят Богом и стал Сатаной.⁸⁰ Есть большая правда в этой аллегории — человек есть наивысшее из воплощений, которые существуют в мире. Творения более низкие, животные, тупы и преимущественно состоят из *тамаса*. У животных не может быть возвышенных мыслей, ангелы же и боги не могут достичь освобождения, минуя воплощение в человека. Если говорить об обществе, то и здесь большое богатство или большая нужда служат серьезной помехой для развития души. Великие мира сего появляются из среды людей умеренного достатка, где противоположные силы уравнивают друг друга.

Но возвращаясь к предмету нашего разговора, мы должны теперь коснуться *пранаямы* — контроля над дыханием. Какое отношение имеет это к способности разума сосредоточиться? Дыхание играет роль маховика в машине, в данном случае в теле. Сначала должен раскрутиться маховик, потом его движение передается на более тонкие колесики, пока не придет в действие самая тонкая часть механизма. Дыхание и есть этот маховик, дающий и регулирующий энергию всего тела.

Жил-был когда-то царь, и был у него министр. Однажды министр прогневил царя, и тот в наказание приказал запереть его на самом верху высокой башни. Царский приказ был исполнен, и министр был обречен на гибель. Но была у него верная жена, которая, прокрадываясь ночью к башне, стала спрашивать мужа, как помочь ему. Муж велел ей прийти следующей ночью и принести с собой длинную веревку, прочную бечевку, грубую нитку и шелковую нить, а также жука и немного меда. Жена изумилась, но все требуемое принесла. Муж сказал, чтобы она покрепче привязала шелковую нить к жуку, смазала ему усики медом и направила его вверх по башенной стене. Жена повиновалась, и жук отправился в путь. Чую запах меда перед собой, он медленно полз и полз вперед, пока не поднялся на верх башни. Министр схватил его, отвязал шелковинку, велел жене привязать к ее другому концу грубую нитку, за грубой ниткой последовала бечевка, а затем и веревка. Дальше все было просто: министр спустился по веревке с башни и бежал. В нашем теле дыхательное движение играет роль вот этой «шелковинки», ухватившись за нее и научившись управлять движением, мы подтягиваем к себе нитку поглубже — наши нервные импульсы, затем прочную бечевку мыслей и, наконец, веревку *праны*, при помощи которой мы вырываемся на свободу.

Мы ничего не знаем о собственном теле и не можем знать. Мы способны только взять мертвое тело и изрезать его на куски; находятся люди, способные изрезать на куски и живое животное, чтобы увидеть, что внутри. И все же к нашему собственному телу это не имеет отношения, о нем мы знаем крайне мало. Почему? Потому что мы не способны уловить едва заметные движения, происходящие внутри нас, уловить же их сможем только тогда, когда отточим свой ум до такой степени, чтобы он как бы проникал в глубины нашего естества. Но оттачивать свои восприятия мы начинаем с восприятий самых простых. Сначала мы беремся за то, что приводит в действие весь механизм, — за прану, наиболее явное выражение которой есть дыхание. Затем вместе с дыханием мы осторожно вступим в наше тело, чтобы отыскать в нем иные, менее заметные силы, нервные импульсы, пробегающие по всему организму. Научившись распознавать и ощущать их, мы начнем брать под контроль и все наше тело. А поскольку наш ум тоже приводится в действие различными нервными

⁸⁰ Иблис — дьявол, Сатана, согласно мусульманскому вероучению. В Коране о падении Иблиса говорится так: когда Бог повелел ангелам поклоняться Адаму, все послушались его, кроме Иблиса. Иблис сам отошел от Бога и склонил к тому же некоторых других духов (VII, 11–12).

импульсами, мы можем постепенно добиться полного контроля и над телом, и над умом, подчинив обоих себе. Знание — сила. Нам нужно добиться этой силы, но начнем мы с самого начала — с *пранаямы*, со сдерживания *праны*. Разговор о пранаяме будет долгим, нам потребуется несколько занятий, чтобы хорошенько понять предмет. Разбираться мы в нем будем по частям.

Мы постепенно поймем смысл каждого упражнения и увидим, на какие силы в организме каждое из них воздействует. Мы все поймем, но это потребует постоянных упражнений, и упражнения же послужат нам доказательствами. Что бы я ни говорил вам, это останется недоказанным до той поры, пока вы не убедитесь в моей правоте на собственном опыте. Ваши сомнения рассеются, как только вы ощутите движения нервов во всем организме, но для этого необходима ежедневная настойчивая практика. Упражняться нужно по меньшей мере два раза в сутки, и лучше всего делать это по утрам и вечерам. В часы, когда день сменяет ночь и когда ночь сменяет день, организм находится в состоянии относительного равновесия, поэтому и рекомендуется делать упражнения рано утром и рано вечером. Поскольку организм в это время суток, естественно, склонен к равновесию, можно использовать это обстоятельство, чтобы приступить к упражнениям. Возьмите себе за правило не есть, пока вы не проделаете упражнения, чувство голода поможет вам преодолеть лень. В Индии детей приучают не есть до упражнений или до молитвы, и это скоро входит у них в привычку, ребенок и не хочет есть, пока не совершит омовение и утренний ритуал.

Если у вас есть возможность, то лучше отведите для упражнений отдельную комнату. В ней не надо спать, она должна хранить в себе атмосферу святости. Туда даже не надо входить, прежде чем вы не совершите омовение и не почувствуете, что чисты и телом, и духом. Старайтесь всегда держать в этой комнате свежие цветы, они способствуют занятиям йогой, повесьте там картины, которые вам нравятся. По утрам и вечерам зажигайте курительные палочки и не ссорьтесь, не сердитесь, не допускайте дурных мыслей там. Пусть в той комнате бывают только люди, разделяющие ваш образ мыслей. Постепенно возникнет атмосфера святости, и если вы испытаете чувства печали, огорчения или сомнения или ваш ум будет беспокоен, то, просто войдя в эту комнату, вы начнете приходить в себя. Собственно говоря, в этом состоит смысл храмов и церквей, многие из которых хранят в себе эту атмосферу, хотя по большей части сам смысл уже забыт. Смысл же в том, что место, хранящее чистые вибрации, очищается тоже. Однако те, кто не имеет возможности отвести отдельную комнату для упражнений, могут заниматься где угодно. Сядьте прямо и прежде всего настройте свои мысли на все сущее. Повторяйте в уме: пусть все живое будет счастливо, пусть все живое пребудет в мире, пусть все живое испытает блаженство.⁸¹ Обратите эти мысли на восток, на юг, на север и на запад. И чем больше вы станете это делать, тем лучше почувствуете себя и, наконец, поймете, что наилучший способ быть здоровым — помогать другим быть здоровыми, а самый простой способ быть счастливым — помогать счастьем другим. Кто верует, должен потом произнести молитву, но молиться не о деньгах, не о здоровье, не о царстве небесном, а о знании и свете, ибо все остальные молитвы корыстны. После этого нужно обратить мысли на собственное тело, подумать о том, что ваш организм крепок и силен и вы располагаете прекрасным инструментом. Думайте о том, что ваше тело исполнено сил и что с его помощью вы пересечете океан жизни. Слабым никогда не достичь свободы. Отбросьте слабость. Скажите своему телу, что оно сильно, скажите своему уму, что он силен, внушите себе безграничную веру в себя и надежду.

Глава III ПРАНА

Многие полагают, что *пранаяма* есть нечто имеющее касательство к дыханию; в

⁸¹ Пересказ одной из самых известных мантр РВ, I, 90, 9.

действительности же дыхание имеет мало общего с ней, если вообще имеет. Дыхание является лишь одним из способов достижения подлинной пранаямы. *Пранаяма* — это метод контролирования *праны*. С точки зрения индийских философов, вселенная составлена из двух веществ, одно из которых они называют *акаша*. Это то, что присутствует всюду и все пронизывает. Все, имеющее форму, все, что представляет собой комбинацию элементов, развилось из *акаши*. Именно акаша становится воздухом, становится жидкостями, становится твердыми телами, и акаша же становится Солнцем, Землей, Луной, звездами и кометами, акаша становится человеческим телом, животными и растениями, акаша становится всем, что зримо, что может быть воспринято, что существует. Сама по себе акаша настолько тонка, что человеческие органы чувств ее не воспринимают, но, когда она огрубляется и принимает форму, она делается видимой. В начале сотворения мира существовала только эта субстанция; по завершении цикла все твердые тела, все жидкости и газы снова обратятся в акашу, и новый цикл творения опять начнется с нее.

Какая же энергия производит акашу во вселенной? Прана. Точно так же, как акаша есть бесконечное, вездесущее вещество вселенной, прана есть бесконечная, вездесущая энергия, проявляемая вселенной. В начале и в конце каждого цикла все сущее становится акашей, а все формы энергии обращаются в прану, с тем чтобы в следующем цикле стать всем, что мы называем энергией, всем, что мы называем силами. Прана проявляет себя через движение, она проявляет себя через гравитацию, через магнетизм. Прана проявляет себя через жизнь организма, через нервные импульсы, через психическую энергию. Начиная с психической энергии и кончая самой примитивной силой, все есть не что иное, как проявления праны. Вся суммарная энергия вселенной, как духовная, так и физическая, возвращенная в свое первичное состояние, называется праной. «Когда не существовало ни нечего, ни ничто, когда мрак был покрыт мраком, что существовало тогда? Существовала акаша без движения».⁸² Физическое движение праны прекратилось, но не ее существование.

В конце каждого цикла все формы энергии, действующие во вселенной, замирают, превращаясь в потенциальные. В начале следующего цикла они приходят в движение, приводят в движение акашу, акаша начинает принимать различные формы, по мере того как видоизменяется акаша, видоизменяется и прана, проявляясь в виде различных сил. Понимание того, что собой представляет прана, и умение контролировать ее и есть пранаяма.

Следовательно, нам открывается доступ к почти неограниченной власти. Представим себе человека, который досконально понял природу праны и научился владеть праной, будет ли предел его возможностям? Он мог бы передвигать по своей воле Солнце и звезды, он получил бы власть над всей вселенной — от атома до самых больших солнц, — потому что он управлял бы праной. В этом и заключается конечная цель пранаямы.

Нет в природе предела власти йога, достигшего совершенства. Если он призовет к себе богов или души умерших, они явятся по его велению. Все силы природы будут повиноваться ему, как рабы. Невежды, видя проявления возможностей йога, называют их чудесами. Есть интересная особенность в индусском подходе к познанию: постоянное стремление к максимальной обобщенности, оставляя проработку деталей напоследок. В Ведах содержится вопрос: «Что есть то, познав что, мы будем знать все?»⁸³ Смысл всех философских концепций, записанных в книгах, заключался в одном: доказать то, знание чего есть знание всего. Если человек задался целью познать вселенную шаг за шагом, он должен познать каждую песчинку, для чего ему потребовалась бы вечность. Человек не в силах все познать. Но как тогда возможно знание? Может ли человек познать общее через частность? Йоги

⁸² Примерный пересказ одного из самых известных гимнов РВ, так называемого «Гимна Творения», РВ, X, 129, 1–3.

⁸³ Один из самых известных «философских вопросов» Упанишад. Встречается во многих Упанишадах, например в Мунд. уп., I, 1, 3.

говорят, что за всяким частным проявлением стоит нечто общее, абстрактный принцип, познав его, человек познал все. Как Веды обобщают все многообразие вселенной в Единое Абсолютное Существование и познавший это Единство познает всю вселенную, так все проявления энергии обобщены в пране и познавший прану познал все силы вселенной, духовные и физические. Человек, способный контролировать прану, контролирует свой ум, а значит, и ум как таковой. Человек, способный контролировать прану, контролирует свое тело, а значит, и всякое тело вообще, поскольку прана есть обобщенное проявление энергии.

Как контролировать прану — вот единственный смысл пранаямы, достижению этой цели подчинены все методики и упражнения. Каждый должен начать с умения управлять тем, что ближе ему. Ближе всего — наше тело, это самое близкое из всего внешнего мира, а ближайшее — это наш ум. Соответственно прана, приводящая в действие наше тело и ум, тоже ближе нам, чем вся остальная прана вселенной. Крохотная волна праны, наша собственная духовная и физическая энергия нам ближе, чем весь ее безбрежный океан. Если мы сумеем ею управлять, этой маленькой волной, то тогда мы можем надеяться, что будем управлять и всей праной. Научившийся этому йог достигает совершенства, он больше не подвластен ничему, он становится почти всемогущим, почти всезнающим. Попытки овладеть праной делаются повсюду, в Америке тоже есть представители различных школ: целители, которые лечат внушением, духовные целители, спиритуалисты,⁸⁴ христианские врачеватели, гипнотизеры, проповедники христианской науки и т. д. Но если мы разберемся во всех этих доктринах, то увидим, что суть любой из них составляет управление праной, вне зависимости от того, понимают ли это сами люди или нет. Все они воздействуют на организм через все ту же единственную энергию, зачастую не подозревая этого. Они эту энергию открыли случайно и используют ее, не зная, что это такое, хотя в принципе делают то же, что йоги.

Прана — это жизненная сила всего живого. Мысль — самое высокое и утонченное проявление праны, но мысль, как нам известно, — это еще не все, существуют инстинкты, через которые прана проявляется в менее высоком плане. Когда нас кусает комар, мы автоматически, инстинктивно пытаемся прихлопнуть его. Есть другой уровень, уровень сознательного мышления. Я рассуждаю, выношу суждение, я думаю, я выступаю за и против определенных фактов. Но и это не все. Мы знаем ограниченность своего рассудка. Пределы, в которых рассудок действует, очень невелики, но и в эти пределы попадают факты, которые могли попасть только извне, то есть оттуда, куда рассудок проникнуть не в состоянии. Ум способен действовать на более высоком уровне, на уровне сверхсознания. Когда ум достигает этого состояния, которое называется *самадхи* — совершенной сосредоточенности или сверхсознания, — он выходит в сферы, недоступные рассудку, и познает то, что ни инстинктам, ни рассудку просто не дано знать. Воздействием на тонкие силы, на различные проявления праны можно при умелом подходе поднять ум на более высокий уровень, привести его к состоянию сверхсознания, где он действует уже по-иному.

Во вселенной есть одна субстанция, охватывающая все уровни существования. В физическом смысле вселенная едина, и нет разницы между солнцем и вами. Любой ученый подтвердит, что нам только кажется, будто это не так. На самом деле нет разницы между столом и мною: стол — одна точка в массе вещества, я — другая. Всякая форма представляет собой как бы водоворот в бесконечном океане вещества, где все изменчиво. Как в проточной

⁸⁴ Здесь: приверженцы учения, обосновывавшего посмертное существование душ и возможность общения с ними живых людей. Возникло в Америке в середине XIX в.; было распространено в России в последней трети XIX — начале XX в. Теософское общество организовано в Нью-Йорке в 1875 г. Е.П.Блаватской и полковником Г.С.Олкоттом. Спиритуалистическое учение теософов соединяло в себе элементы разных учений, в основном буддизма, индуизма, раннехристианской морали. Вивекананда крайне отрицательно относился к теософам, поскольку существенным компонентом их учения была ориентация на «чудесное», противостоящее познанным законам природы, нормам логического знания и пр., тогда как Вивекананда стремился обосновать наличие строгого закона, непреложной закономерности во всех проявлениях природной действительности.

воде может быть миллион водоворотов, вода которых ни на миг не остается прежней, но покружившись несколько мгновений, убегает, сменяясь новой, так и вселенная представляет собой постоянно изменяющуюся массу вещества, в котором формы жизни — нечто подобное водоворотам. Масса вещества вливается в один водоворот, например человеческое тело, пробыв в нем некоторое время, изменяется и вливается в другой, допустим в животный организм, по прошествии нескольких лет переливается в минерал. Идут непрерывные перемены, ни одна форма не является постоянной. Не существует моего тела или вашего тела, это только слова. Одна точка в колоссальной массе вещества называется Солнце, другая — Луна, третья — человек, следующая — Земля, еще какая-то — растение или минерал. Ничто не является постоянным, все изменчиво, вещество то сгущается, то распадается, и так без конца. Это относится и к уму. Вещество представлено эфиром, когда прана действует самым трудноразличимым образом, этот же эфир, в состоянии тончайших колебаний, представляет уже ум, но это все та же масса вещества. Если человек способен просто ощутить эти тончайшие колебания, то он видит и чувствует, что из них состоит вся вселенная. Существуют препараты, под воздействием которых человек, оставаясь в чувствах, может испытать это. Многие из вас, наверное, помнят знаменитый эксперимент сэра Хэмфри Дэви,⁸⁵ когда под воздействием веселящего газа он прервал лекцию, застыл в некотором подобии транса, а затем провозгласил, что вселенная состоит из идей. Что с ним произошло? Прекратилось действие низких колебаний, и он ощущал одни тонкие колебания, которые назвал «идеями». Дэви воспринимал одни тонкие колебания, все приняло форму мысли, вселенная предстала в виде океана мысли, в котором и он сам, и все остальные выглядели мыслительными водоворотами.

Таким образом, мы обнаруживаем единство и в универсуме мысли, и наконец, придя к «Я», мы убеждаемся, что это «Я» может быть только Единым. За колебаниями вещества в его воспринимаемых и невоспринимаемых аспектах, за движением существует только Единство. Единство существует и в явленных формах движения. Это неопровержимые факты. Современная физика тоже доказала, что энергия равномерно распределена по всей вселенной. Доказано, что энергия существует в двух формах. Она становится потенциальной, затухает, успокаивается, затем проявляется в виде различных сил, потом возвращается к состоянию покоя и проявляется опять. Она вечно проходит фазы эволюции и инволюции. Так вот, как уже говорилось ранее, контроль над этой *праной* и есть то, что называется *пранаямой*.

В человеческом теле прана проявляет себя наиболее наглядным образом в движении легких. Если это движение прекращается, то, как правило, немедленно прекращается и действие всех остальных сил. Есть, однако, люди, способные обучиться тому, чтобы их тело продолжало жить и по прекращении движения легких. Есть люди, которые могут жить без дыхания по нескольку дней, будучи зарытыми в землю. Достичь высокого мы можем лишь с помощью примитивного, постепенно поднимаясь все выше и выше, пока не придем к цели. Практически пранаяма означает контроль над движением легких, над движением, связанным с дыханием. Не дыхание производит прану, это она вызывает дыхание. Движением легких втягивается воздух. Прана движет легкими, движение легких втягивает воздух. Следовательно, пранаяма — это не дыхание, а контроль над усилиями мышц, которые приводят в движение легкие. Сила мускулов, идущая от нервов к мышцам, а от них к легким, заставляя их двигаться определенным образом, есть прана. Ее-то мы и должны контролировать методом пранаямы. Стоит пране оказаться под контролем, как мы обнаруживаем, что постепенно попадают под контроль все ее действия в нашем теле. Я своими глазами видел людей, которые умели управлять чуть ли не каждой мышцей тела, а почему бы и нет? Если я могу управлять определенными мышцами, то почему не всеми мышцами и нервами? Что тут невозможного? В обычном состоянии контроль над ними

⁸⁵ Х.Дэви (1778–1829), английский химик. Много занимался исследованиями электрических явлений.

утрачен, и они действуют автоматически. Мы не умеем шевелить ушами, но знаем, что животные делают это. Мы не управляем движением ушей, потому что не упражняем в себе эту способность. Это и есть то, что называется атавизмом.

Нам известно и другое, что способность, ставшая латентной, может быть восстановлена. Любая дремлющая способность нашего тела может быть активизирована путем настойчивых упражнений. Рассуждая таким образом, мы видим, что нет ничего невозможного, напротив, весьма вероятно возможность подчинить своей воле собственный организм. Йог добивается этого методами пранаямы. Наверное, многие из вас читали, что, делая упражнения пранаямы, при вдохе вы должны наполнить тело праной. Слово «прана» на английский часто переводят как «дыхание», в результате чего начинают спрашивать, а как это делается. Беда тут в переводе. Праной, жизненной энергией, можно наполнить каждую частицу тела, и, научившись делать это, вы сможете управлять этой частицей. Вы можете подчинить себе любую болезнь, любое неприятное ощущение; более того, вы сможете контролировать не только собственное тело. В этом мире все передается — и хорошее, и дурное. Если ваше тело напряжено, то напряженность может передаваться и другим. Если же вы сильны и здоровы, то и окружающие вас станут сильнее и здоровее, но если вы больны и слабы, то это может затронуть других. Когда один пытается вылечить другого, то прежде всего делается попытка поделиться собственным здоровьем. Но это самый примитивный способ лечения. Здоровье действительно можно передать другому, сознательно или неосознанно. Человек очень сильный, живя бок о бок со слабым, сделает последнего чуточку сильнее, независимо от того, понимает он это или нет. Когда это делается сознательно, процесс идет быстрее и лучше. Процесс таков: более сильный лучше владеет своей праной и способен как бы усилить ее колебания, с тем чтобы их воспринял другой.

Известны случаи, когда этот процесс происходил и на расстоянии, хотя на самом деле расстояния — в смысле разрыва — не существует. Какое расстояние дает разрыв? Есть ли разрыв между вами и Солнцем? Ведь речь идет о единой массе вещества, в котором Солнце — одна точка, вы — другая. Можно найти разрыв между одной точкой в течении реки и другой? В таком случае, что мешает энергии передаваться? Бессмысленное предположение. Случаи исцеления на расстоянии вполне правдивы. Прана может передаваться на огромном расстоянии, беда лишь в том, что на каждый подлинный случай приходится сотни выдумок. Процесс целительства не так легок, как принято думать. Во многих случаях оказывается, что целители попросту используют способность организма к самоисцелению. Приходит аллопат к холерному больному и дает ему свои лекарства. Приходит гомеопат и дает свои, которые, возможно, действуют успешней, потому что гомеопат меньше вторгается в организм больного и не мешает природе делать свое дело. Еще лучше получается у целителя, применяющего внушение или молитву (faith-healer), поскольку он использует энергию своего ума и, внушая больному веру, пробуждает его дремлющую прану.

Духовные целители постоянно совершают одну и ту же ошибку: им все кажется, будто больного непосредственно исцеляет вера. Но вера сама по себе не в состоянии все исцелить. Существуют болезни, самым страшным симптомом которых является то, что больной не думает, будто он болен вообще. Сильная вера такого больного есть симптом болезни, который, как правило, указывает на его скорую смерть. В этих случаях принцип «вера исцеляет» несостоятелен. Если бы вера могла исцелять сама по себе, то выздоравливали бы и такие больные. На самом деле больного излечивает прана. Человек чистый, который научился управлять своей праной, может вызвать колебания праны, а те, передаваясь другим, вызовут у них резонансные колебания. Это происходит буквально на каждом шагу в повседневной жизни. Например, я с вами говорю. Что я стараюсь сделать? Можно сказать, что я создаю определенные колебания своего ума, и чем лучше я это делаю, тем сильнее воздействуют на вас мои слова. Вы все знаете, что в те дни, когда я испытываю большой энтузиазм, вас больше увлекают мои лекции, когда я не в форме, то вы теряете к ним интерес.

Люди, которые вели за собой мир, люди, являющиеся очагами громадной энергии, —

это те, кто умеет вызывать сильные колебания своей праны. Колебания такой мощи мгновенно захватывают других, и тысячи людей увлечены или полмира думает так же, как и они. Все великие пророки мира были людьми, умевшими поразительным образом контролировать свою прану, что дало им огромную силу воли. Такие люди приводят прану в состояние сильнейшего движения, что и дает им власть над душами людей. Вся их сила проистекает из этого, хотя они могут и не знать об этом, но только такое возможно объяснение. Бывает так, что прана в вашем теле в большей или меньшей степени сосредоточивается в каком-то одном органе, происходит нарушение равновесия, а нарушенное равновесие праны и есть то, что мы называем болезнью. Исцеление состоит в том, чтобы либо удалить избыточную прану, либо добавить недостающую. Опять-таки методиками пранаямы можно уточнить, в какой части организма слишком много или слишком мало праны. Со временем чувства могут обостриться настолько, что мозг будет улавливать нехватку праны в пальце ноги или руки и сумеет исправить положение дел. Это одна из многочисленных функций пранаямы. Овладевать ими надо не спеша и постепенно. Как видите, весь смысл раджа-йоги заключается в том, чтобы научиться управлять праной на ее различных уровнях. Сконцентрировав всю свою энергию, человек подчиняет себе прану своего тела. Погружаясь в медитацию, человек тоже концентрирует прану.

В океане разные волны — громадные, как горы, небольшие, совсем крохотные, едва различимые, но все они составляют безбрежный океан. Еле заметная рябь — одно проявление океана, гороподобный вал — другое. Так и люди — один громаден, другой совсем мал, но оба соединены с океаном энергии, которая питает собой все живое. За всякой формой жизни скрывается неисчерпаемый запас энергии. Жизнь может вначале проявиться как грибок, как крохотный, микроскопический всплеск, но, постоянно питаясь от этого неисчерпаемого источника энергии, она будет изменять свою форму, медленно, но неуклонно, пока с течением времени не проявится в виде растения, потом животного, потом человека и, наконец, йога. На это уйдут миллиарды миллиардов лет, но что такое время? Увеличение скорости, усиление борьбы может преодолеть пропасть времен. Йог скажет вам, что процесс, нормально требующий очень много времени, может быть ускорен усилением действия. Человек может жить, неспешно черпая энергию из бесконечной массы, существующей во вселенной, и у него уйдут сотни тысяч лет на то, чтобы стать дэвом,⁸⁶ потом еще сотни тысяч лет, чтобы подняться выше этого, и, может быть, миллионы лет, чтобы достичь совершенства. Но при быстром развитии время может и сократиться. Разве нельзя — при достаточном усилии — достичь такого же совершенства в шесть месяцев или в шесть лет? Здравый смысл показывает, что тут нет ограничений. Если паровоз на определенном количестве угля проходит две мили в час, он способен двигаться и быстрее при увеличении сжигания угля. Таким же образом отчего не может душа напряженным трудом достичь совершенства в течение жизни? Нам ведь известно, что все живое в конечном счете придет к этой цели, но обязательно ли ждать миллионы лет? Отчего не достичь совершенства сразу, в этой плотской оболочке, в человеческом облике? Что мешает мне получить немедленно и беспредельное знание, и беспредельные силы?

Это и есть идеал, к которому стремится йог, идеал всей йоги как науки — научить человека усилением его восприятий сокращать время, необходимое для совершенствования, вместо того чтобы медленно, шаг за шагом брести к нему, ожидая, пока достигнет совершенства весь род человеческий. Великие пророки, святые, провидцы всего мира, что они делали? Они за одну жизнь проживали всю историю человечества, все то время, которое обыкновенно требуется для достижения совершенства. За одну жизнь они становились совершенными, они больше ни о чем не думали, ни одну минуту не жили ради другой цели, и, таким образом, их путь оказался короче. Вот что имеется в виду под сосредоточением,

⁸⁶ Дэвами (санскр.: бог) в индийской традиции называются боги, тогда как асуры считаются демонами, или, точнее, титанами. Вивекананда нередко оставляет такие слова без перевода.

развитием силы восприятия, сокращением времени. Раджа-йога учит нас, как добиться силы сосредоточения.

Как соотносится пранаяма со спиритизмом? Спиритизм — это тоже проявление пранаямы. Если это правда, будто духи существуют, только мы не можем их увидеть, то, по всей вероятности, вокруг нас сотни и миллионы духов умерших, но мы их не видим, не чувствуем, не можем коснуться их. Возможно, мы постоянно проходим сквозь их тела, а они нас не видят и не чувствуют. Это — окружность в окружности, вселенная во вселенной. Мы обладаем пятью органами чувств, и мы представляем собой прану в определенном диапазоне колебаний. Все существа того же диапазона видят друг друга, но, если существуют иные, представляющие собой прану в колебаниях более тонких, они будут невидимы для нас. Можно так усилить интенсивность освещения, что мы перестанем видеть свет, но могут быть существа с глазами более сильными, и те его будут видеть. Или наоборот, при низких световых колебаниях мы не видим, а кошки и совы видят, наше зрение действует только на одном уровне колебаний праны. Или возьмите атмосферу: она состоит из слоев, слои плотные расположены ближе к земле, а чем выше, тем более разреженной становится атмосфера. Или океан: на глубине давление воды больше, и глубоководные рыбы не могут подняться на поверхность, их разорвет.

Представьте себе вселенную в виде эфирного океана, который состоит из слоев, различного колеблющихся под воздействием праны. Чем дальше от центра, тем слабее колебания, с приближением к центру колебания делаются все чаще и чаще, а каждый слой — это один диапазон колебаний. Теперь представьте себе, что слои отделены один от другого: столько-то миллионов миль — одни колебания, столько-то миллионов миль — другие и так далее. Тогда вполне можно предположить, что все, живущее в слое одних колебаний, воспринимает свое окружение, но не обитателей других слоев. Но точно так же, как при помощи телескопа и микроскопа человек расширяет поле своего зрения, при помощи йоги мы можем вызвать у себя колебания другого диапазона и таким образом увидеть происходящее там. Предположим, эта комната полна невидимых существ. Они — частые колебания, а мы с вами — медленные, но и они, и мы — это прана. И все мы — частицы единого океана праны, отличные только по своим колебаниям. Если я сумею вызвать у себя частые колебания, я немедленно окажусь в ином слое существования, вас я перестану видеть, вы исчезнете, а те, другие, появятся. Кое-кто из вас, возможно, знает, что это так. Весь процесс перехода ума в слой более тонких колебаний в йоге называется одним словом — *самадхи*. Это слово означает все уровни высоких колебаний, сверхсознательное состояние ума. Более низкие состояния самадхи позволяют нам увидеть эти существа. Наивысшая же степень самадхи позволяет увидеть подлинную вещь, материал, из которого состоит все, включая и различные формы жизни. Познав комок глины, мы познаем всю глину во вселенной.

Таким образом, пранаяма имеет касательство даже к тому истинному, что есть в спиритизме. Нетрудно убедиться в том, что любая секта или вообще любая группа людей, занятая поисками оккультного или мистического, по сути дела, использует методы йоги — попытки управлять все той же праной. Всякое неординарное проявление силы есть свидетельство существования праны. Прана объемлет собой даже физические явления. Что движет паровоз? Прана, действующая через пар. Что такое электричество и прочие силы, если не прана? Что такое физика как наука? Та же пранаяма, изучаемая во внешних проявлениях. Но праной, проявляющейся как духовная сила, можно управлять только духовными средствами. Часть пранаямы, направленная на управление ее физических проявлений с помощью физических средств, называется физикой, часть же, направленная на управление праной как ментальной силой с помощью психических средств, называется *раджа-йогой*.

Глава IV

ПСИХИЧЕСКАЯ ПРАНА

Йоги считают, что по позвоночному столбу проходят два нервных течения: *питала* и *ида*, а вдоль спинного мозга идет полый канал под названием *сушумна*, который заканчивается тем, что йоги именуют «лотосом Кундалини». По описанию он выглядит как треугольник, в который уложена, выражаясь символическим языком йогов, сила Кундалини. Когда Кундалини пробуждается, она пытается проложить себе путь через канал, и, по мере того как она поднимается все выше и выше, как бы слой за слоем очищается от помех, йог получает доступ к различным видениям и удивительным возможностям. В тот миг, как Кундалини касается мозга, йог полностью освобождается от ума и тела — его душа совершенно свободна.

Мы знаем, что спинной мозг имеет специфическую структуру. Если мы представим себе число восемь, расположенное горизонтально (§8734;), то там будут две части, связанные в середине. Допустим, что вы добавляете восьмерку за восьмеркой, укладывая их друг на друга, это и даст вам представления о спинном мозге. Слева расположена ида, справа — пингала, а полый канал, проходящий через середину спинного мозга, — это сушумна. Там, где спинной мозг заканчивается, есть тонкая ткань, идущая вниз, и канал проходит через эту ткань, становясь, правда, значительно тоньше. Канал закрыт снизу, вблизи так называемого *Sacral plexus* (имеющего треугольную форму, как свидетельствует современная физиология). Различные нервные узлы, центры которых расположены в спинном мозгу, могут быть достаточно хорошо соотнесены с «лотосами» йогов.

Йоги также считают, что вдоль спинного мозга расположен ряд центров, начиная с базового — *муладхары* и кончая *сахасрарой*, тысячелепестковым лотосом, раскрывающимся в мозгу. Если принять нервные узлы спинного мозга за лотосы, о которых говорят йоги, то представления йогов легко поддадутся переводу на язык современной физиологии. Нам известно, что нервы способны на афферентные и эфферентные действия, что есть чувствительные и двигательные импульсы, равно как импульсы центробежные и центростремительные, но все импульсы в конечном счете связаны с мозгом. Для дальнейших истолкований нам нужно вспомнить еще ряд фактов. В головном мозгу спинной мозг заканчивается медуллой, которая свободно плавает в жидкости, так что при ударе по голове она имеет шанс остаться в целости. Нам важно помнить об этом. Затем нам следует помнить, что из всех нервных центров, или лотосов, особенно значительную роль играют три: *муладхара*, *сахасрара* — тысячелепестковый лотос в мозгу, и *манипура* — лотос в области пупка.

Перейдем теперь к фактам, известным нам из физики. Никто не знает, что такое электричество, но можно сказать, что это — одна из форм движения. Но форм движения во вселенной много, чем же отличается электричество от других? Молекулы, составляющие этот стол, движутся хаотически, если бы удалось двинуть их в одном направлении, то это движение стало бы электричеством, электричество заставляет молекулы тела двигаться в одном направлении. Если бы молекулы воздуха в комнате получили направленное движение, комната превратилась бы в гигантскую батарею. Из физиологии известно, что центр, регулирующий респираторную систему, отчасти контролирует и систему нервных импульсов.

Теперь мы видим, зачем нам нужны дыхательные упражнения. Прежде всего ритмическое дыхание вызывает в молекулах тела тенденцию к направленному движению. Когда ум превращается в волю, нервные импульсы приобретают характер электрического тока. Доказано, что нервы под действием электрического тока обнаруживают полярность. Иными словами, когда воля преобразуется в нервные импульсы, она становится подобной электричеству. Когда же все движения тела приходят в состояние полной ритмичности, тело становится чем-то вроде огромной батареи воли. Как раз к этому и стремится йог, а изложенное мною есть физиологическое объяснение смысла дыхательных упражнений. Ритмическое дыхание ритмизирует все движения тела и помогает нам, через респираторный центр, управлять и другими центрами. В этом случае цель пранаямы заключается в том,

чтобы привести в движение силу Кундалини, уложенную в свернутом виде в муладхаре.

Все, что мы видим наяву или во сне, все, что мы воображаем, воспринимается нами пространственно. Речь идет об обычном пространстве, о первичном пространстве, которое носит название *махакаша*. Когда йог читает мысли других людей или воспринимает сверхчувственные объекты, он их видит в ином пространстве, в пространстве психическом, или *читтакаше*. А когда из восприятия исчезают объекты и душа сияет в своем природном виде, то ее пространство — это уже *чидакаша* — пространство знания. При пробуждении Кундалини и ее начальном продвижении по каналу *сушумны* все восприятия находятся в психическом пространстве, а по достижении ею мозга и исчезновении объектов восприятие переходит в пространство знания. По аналогии с электричеством можно сказать, что человек способен передавать энергию только по проводам, природе же для передачи ее колоссальных энергий не требуются провода, мы пользуемся проводами только из-за нашего неумения обойтись без них.

Таким же образом все чувствительные и двигательные импульсы посылаются в мозг и исходят из него по нервным волокнам. Стволы чувствительных и двигательных нервов в спинном мозгу и есть то, что йоги зовут *пингала* и *ида* — главные каналы для передачи афферентных и эфферентных импульсов. А не может ли мозг рассылать свои команды без волокон и реагировать на их исполнение тоже без помощи волокон? Мы видим, что в природе это происходит. Йог говорит, что, если вы этому научились, вы больше не раб материи. Как же это делается? Если вы сумеете направить импульсы через сушумну, канал посередине спинного мозга, то проблема решена. Мозг, создавший систему нервных волокон, теперь должен отказаться от нее и действовать без них. Только тогда к нам придет истинное знание, освобожденное от плотского порабощения, вот почему так важно научиться управлять сушумной. Йоги утверждают, что все дело в том, чтобы посылать психические импульсы через узкий канал, минуя нервную ткань, действующую как провода, и уверяют, что это возможно. И тогда проблема решена.

У обычного человека сушумна закрыта в своем нижнем конце и потому бездействует. Йоги предлагают способ открыть ее и пропускать через сушумну нервные импульсы. Когда ощущение достигает центра, центр реагирует. Если эта реакция автоматическая, то она сопровождается движением. Если она осознанна, то она сначала сопровождается восприятием, а затем движением. Всякое восприятие есть реакция на внешний раздражитель. Как же в таком случае возникает оно во снах? Во снах ведь внешние раздражители не действуют, значит, чувственные восприятия таятся где-то в нас самих. Например, я вижу город, я его воспринимаю через реакции на раздражения от внешних объектов, составляющих этот город. Внешние объекты воздействовали на мои нервы, а те в свою очередь привели в движение молекулы мозга. Я могу вспомнить этот город даже через длительный промежуток времени: память есть повторение того же процесса, но в более мягкой форме. Однако колебания в моем мозгу уже не вызваны первоначальными раздражениями. Значит, эти восприятия таились где-то во мне, и это они вызвали ту смягченную реакцию, которую мы называем сновидением.

Центр, где хранятся все эти остаточные восприятия, и называется муладхара, основное хранилище, а свернутая в кольца энергия действия есть Кундалини. Вполне вероятно, что в этом же центре хранится и запасная двигательная энергия, поскольку после периода глубокой сосредоточенности, или медитации, на внешних объектах часть тела, где расположена муладхара, разогревается.

Если можно возбудить и активизировать эту свернутую в кольца энергию, сознательным усилием заставить ее подниматься по сушумне, то, по мере того как, проходя через различные нервные узлы, она будет приводить и их в действие, наступит реакция огромной силы. При прохождении крохотной частицы энергии по нервным волокнам и раздражении узлов возникающие восприятия — это либо сновидения, либо мечты. Когда же путем долгой внутренней медитации возбуждается огромная масса энергии и она поднимается по сушумне, сильно активизируя центры, тогда реакция значительно

превосходит сновидения или мечтания, становится куда более интенсивной, чем ощущения и восприятия. Это уже сверхчувственное восприятие. Достигнув же метрополии всех ощущений, мозга, она заставляет его реагировать целиком, и в результате мы видим ничем не затемненный свет, мы воспринимаем «Я». По мере того как Кундалини поднимается от одного центра к другому, ум раскрывается, слой за слоем, и йог воспринимает вселенную в ее чистой, причинной форме. Только тогда познаются причины вселенной, и как ощущения, и как реакции на них, и приходит полнота знания. Если же познаны причины, то за этим, естественно, следует познание следствий.

Таким образом, пробуждение Кундалини есть единственный способ постижения Божественной Мудрости, восприятие сверхсознанием, реализация духа. К пробуждению можно идти разными путями — через любовь к Богу, через благодать мудрецов, достигших совершенства, или через мощь аналитической воли философов. Но любое проявление того, что обыкновенно зовется сверхъестественными силами, или мудростью, есть свидетельство прохода Кундалини через сушумну. Правда, в большинстве случаев человек в своем невежестве нечаянно нашел способ высвободить малую часть энергии свернутой в кольца Кундалини. Сознательно или неосознанно, но любое поклонение божеству ведет именно к этому. Кто думает, что получил ответ на свои молитвы, не знает, что обрел удовлетворение от собственной своей природы, что состояние, в которое он привел себя молитвой, способствовало частичному пробуждению той огромной энергии, что есть в нем самом. То, чему люди невежественно поклоняются под разными именами, страшась и страдая, йог объявляет реальной силой, находящейся во всем живом, — матерью вечного блаженства, к которой нужно только знать, как обратиться. И *раджа-йога* — это религиозная наука, разумное объяснение всех культов, молитв, форм почитания, церемониалов и чудес.

Глава V

УПРАВЛЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ПРАНОЙ

Теперь пора перейти к упражнениям пранаямы. Мы уже знаем, что первым шагом йоги считают управление дыхательной системой. От нас требуется ощутить неприметнейшие движения, происходящие в нашем теле: мы приучили свой ум наблюдать происходящее вовне нас, не замечая того, что происходит внутри. Чтобы управлять этими неприметными движениями, нужно прежде всего заметить их. Нервные импульсы идут через весь организм, наполняя жизнью и активностью каждую мышцу, но мы ничего не чувствуем. Йоги же утверждают, что можно научиться следить за ними. Каким образом? Контролируя движения легких. Если достаточно долго делать это, то можно начать контролировать и менее заметные движения.

Что нужно для упражнений пранаямы: сядьте прямо, тело должно быть распрямлено. Хотя спинной мозг не прикреплен к позвонкам, он все же находится внутри них. Не распрямившись, вы не дадите распрямиться и освободиться и спинному мозгу. Всякий раз, когда вы пытаетесь медитировать, не выпрямив позвоночника, вы наносите себе вред. Три части тела — грудь, шея и голова — должны постоянно составлять прямую линию, и вы скоро обнаружите, что научиться держаться прямо не труднее, чем дышать. Затем нужно взять под контроль нервы. Мы уже говорили, что нервный узел, управляющий дыханием, в известной степени оказывает воздействие на нервную систему в целом, поэтому так важно приучить себя дышать ритмично. Наше обычное дыхание вообще не имеет права именоваться так, оно чрезвычайно неравномерно, не говоря уже о естественных различиях в том, как дышат мужчины и женщины.

Итак, первое упражнение заключается в том, чтобы просто-напросто размеренно вдыхать и выдыхать. Это гармонизирует организм. Через некоторое время полезно будет прибавить к этому повторение священных слов, таких, как «Ом» или других.⁸⁷ В Индии

⁸⁷ Ом — священный, или «вечный слог», употребляемый в индуизме и буддизме во время религиозных

вместо счета раз-два-три-четыре употребляются символические слова, поэтому я и советую повторять в уме «Ом» или другое священное слово. Пусть слово «Ом» входит в вас или выходит из вас вместе с дыханием, ритмично, гармонично, и вы скоро почувствуете, как ритм охватывает все ваше тело. Только тогда вы поймете, что такое настоящий отдых. По сравнению с этим ощущением даже сон не дает такого отдыха. Успокоятся самые истрепанные нервы, и вы почувствуете, что никогда раньше не отдыхали так хорошо.

Первые результаты упражнений скажутся на выражении лица — исчезнут резкие складки и, по мере того как успокаиваются мысли, спокойствие проступит и на лице. Затем изменится голос, он станет красивее. Мне не приходилось встречаться с йогом, чей голос не был бы приятен. Но до этих изменений должно пройти несколько месяцев, однако, после того как в течение нескольких дней вы проделывали простые дыхательные упражнения, вам нужно перейти к более сложным. Медленно наполните легкие через ноздри, левую ноздрю, сосредоточенно следя за сопутствующими нервными импульсами. Следите за тем, как вы направляете нервный импульс вниз по позвоночному столбу, где импульс сильно и резко раздражает последний нервный узел, основной лотос, треугольный по форме, в котором и находится Кундалини. Задержите там импульс. Представьте себе, что вместе с медленным выдохом вы направляете этот нервный импульс вправо и через пингалу выводите его сквозь правую ноздрю. Это упражнение покажется вам немного трудней; для облегчения лучше всего закрыть правую ноздрю большим пальцем и медленно втягивать воздух через левую, затем, зажав обе ноздри большим и указательным пальцами, представить себе, как вы направляете нервный импульс вниз по сушумне и он ударяет по ее основе, а потом отнять палец от правой ноздри и выдохнуть воздух. Теперь медленно вдохните через эту ноздрю, держа левую закрытой указательным пальцем, и снова закройте обе ноздри. Людям, выросшим не в Индии, где к этим упражнениям приучают с детства и у детей разрабатываются легкие, такое дыхание дается с трудом, поэтому лучше начинать с четырех секунд, постепенно увеличивая время: четыре секунды на вдох, шестнадцать — на задержку дыхания и восемь — на медленный выдох. Это и составляет пранаяму. Одновременно нужно думать о базовом лотосе, треугольном по форме, сосредоточить внимание на этом нервном центре. Воображение может оказать здесь большую помощь. Следующий вдох делается медленно, но за ним сразу следует выдох, также медленно, затем идет задержка дыхания на тот самый счет, что и раньше. Разница в том, что в первом случае дыхание задерживается на вдохе, во втором — на выдохе. Второй вариант легче. Упражнение с задержкой дыхания на вдохе нельзя делать больше чем четыре раза утром и четыре раза вечером. Со временем можно наращивать и число упражнений, и время задержки дыхания. Вы сами почувствуете, когда у вас появятся силы для этого, кроме того, упражнения должны доставлять вам удовольствие. Постепенно и осторожно наращивайте счет от четырех до шести, если чувствуете, что в силах сделать это, но помните, что нерегулярные упражнения могут принести вред здоровью.

Из трех вышеперечисленных процессов очищения нервов первый и последний не составляют ни труда, ни опасности. Чем дольше вы делаете первое упражнение, тем спокойнее вы становитесь, пока наконец вы не сможете просто произнести слово «Ом», даже во время работы, и оно успокоит вас. Если серьезно заниматься упражнениями, то наступит день, когда пробудится Кундалини. Кто просто делает упражнения дважды в день, скоро испытает некоторое успокоение тела и духа, а также обретет приятный голос, но лишь те, кто пойдет дальше этого и испытает пробуждение Кундалини, те начнут преображаться, и книга знания откроется перед ними. Собственно говоря, вам больше не потребуется обращаться к книгам за знанием, ваш ум станет книгой, содержащей в себе все знание. Я уже рассказывал

церемоний, при чтении молитв, в начале текстов религиозного содержания. Он называется символом высшей святости; составляющие этот слог звуки («а», «у», «м») ассоциируются с индуистской триадой богов (а соотносится с хранителем мира Вишну, у — с разрушителем мира Шивой, м — с богом-творцом Брахмой). Во многих Упанишадах «вечный слог» Ом осмысливается с большой подробностью.

о токах ида и пингала, струящихся по обе стороны позвоночного столба, и о сушумне, расположенной внутри него. Они есть у каждого животного, у всех позвоночных, но йоги считают, что даже у обычного человека сушумна закрыта и, в то время как ида и пингала распределяют энергию по организму, ее действие не ощущается.

Сушумна открыта только у йогов. Когда она открывается и энергия поднимается по ней, мы выходим за пределы чувственных восприятий, обретаем сверхчувственные, сверхсознательные качества, выходим из границ интеллекта в пределы, недостижимые для логических построений. Главная цель йоги — открытие сушумны, вдоль которой расположены нервные центры, или, выражаясь метафорически, лотосы. Ниже всех помещается *муладхара*, ею заканчивается спинной мозг, затем выше идет *свадхистхана*, третий лотос — *манипура*, четвертый — *анахата*, пятый — *вишудха*, шестой — *аджна*, и седьмой, тысячелепестковый лотос *сахасрара*, помещается в головном мозгу. Пока что нас будут интересовать только два лотоса, нижний и верхний — муладхара и сахасрара, потому что энергия должна быть высвобождена из муладхары и доставлена в сахасрару. Йоги утверждают, что из всех видов энергии человеческого организма наивысшей является та, которую они называют *оджас*. Оджас находится в мозгу, и чем его больше, тем сильнее, умнее и духовно крепче человек. Вот два человека: один излагает прекрасным языком прекрасные мысли, но они не волнуют сердца, у другого — ни мыслей, ни слов, но он заворачивает людей, и каждое его движение исполнено силы. Это и есть проявление оджаса.

Оджас присутствует в каждом человеке, но в разной степени. В принципе все силы организма становятся оджасом в своем наивысшем проявлении. Надо помнить, что это только вопрос трансформации. Энергия, действующая вне нас в виде электричества или магнетизма, преобразуется во внутреннюю энергию организма, точно таким же образом мускульная сила может преобразовываться в оджас. Йоги считают, что та часть человеческой энергии, которая выражается через сексуальную деятельность или сексуальные помыслы, легко преобразуется в оджас, при условии что ею управляют. Поскольку же преобразование происходит через муладхару, то йоги уделяют особое внимание именно этому центру. Йог старается собрать всю свою сексуальную энергию и обратить ее в оджас. Поднять оджас и накопить его в мозгу может только воздержанный мужчина или женщина, поэтому воздержание и считается высшей добродетелью. Человек и сам чувствует, что от невоздержания сникает его духовность, он утрачивает и силу ума, и моральную стойкость. Вот почему все мировые религии, давшие человечеству гигантов духа, утверждают принцип строгого воздержания, вот почему существуют монашеские ордена, для вступления в которые необходим обет безбрачия. Необходимо соблюдать строгую чистоту мысли, слова и дела, без этого раджа-йога становится весьма опасной и может привести к безумию. Как может человек надеяться стать йогом, если, выполняя предписания, он все же ведет недостаточно чистый образ жизни?

Глава VI **ПРАТЬЯХАРА И ДХАРАНА**

Следующий шаг носит название *пратьяхара*. Что это такое? Вам известен процесс возникновения восприятий: в нем прежде всего участвуют внешние средства, а затем внутренние органы, действующие по команде мозговых центров, и уже потом ум. В результате их совместного действия мы воспринимаем объект, находящийся вне нас. Однако уму бывает очень трудно сосредоточиться на действии одного какого-то органа, наш ум раб.

Весь мир учит человека: будь добрым, добрым, добрым. Едва ли существует на свете ребенок, которому не говорили бы: не воруй, не говори неправду, — но никто никогда не объясняет ребенку, что ему делать, чтобы удержаться от этого. Разговорами тут делу не поможешь. Ну почему бы ребенку не воровать? Мы же его не учим, как не воровать, просто говорим — не надо! Ребенку можно помочь, если его научить управлять своими помыслами. Все действия, внутренние и внешние, происходят, когда ум вступает в связь с различными

центрами, которые мы называем органами. Вольно или невольно ум влечет к центрам, поэтому и совершают люди нелепые поступки и чувствуют себя несчастными, чего не произошло бы, умей они управлять собственным умом. Что было бы, если бы человек управлял собой? Ум не влекло бы к центрам восприятий, и, естественно, ощущения и желания оказались бы под контролем. Это ясно. Но возможно ли? Вполне возможно. И в этом можно убедиться даже в наше время: целители посредством внушения учат своих больных отрицать страдание, боль и зло. Их философские объяснения бывают достаточно путанными, но их действия — часть йоги, которую они случайно для себя открыли. Когда же они облегчают страдания больного, заставляя его отрицать боль, они прибегают к пратяхаре: делают ум больного настолько сильным, что он игнорирует чувственные восприятия. Нечто похожее делают и гипнотизеры, которые своими внушениями вызывают у больного на время нездоровую пратяхару. Но так называемое гипнотическое внушение воздействует только на слабый ум, кроме того, внушение вообще не оказывает воздействия, если гипнотизер не приведет ум больного в состояние нездоровой пассивности.

Временный контроль над центрами, который устанавливает гипнотизер или целитель внушением, должен быть осужден, ибо в конечном счете он губителен. В этом случае не больной силой собственной воли начинает управлять мозговыми центрами, а, наоборот, чужая воля оглушает мозг больного неожиданными ударами. Не поведя, натягиваемые сильной рукой, останавливают бешеный бег огневой упряжки, а посторонняя рука бьет коней, заставляя их смириться на время. Если сеансы лечения повторяются, то человек начинает утрачивать внутреннюю энергию; его ум, вместо того чтобы набраться сил для управления собой, превращается в обессиленную бесформенную массу, а больного ждет одна только психиатрическая клиника.

Любая попытка управлять человеком, которая не исходит добровольно от самого человека, губительна для человека, более того, она опровергает самое себя. Каждая душа устремлена к свободе — к свободе от порабощения материей и мыслью, к овладению внешней и внутренней природой. Посторонняя воля в любой форме — или непосредственно воздействующая на органы чувств, или подчиняющая их себе через подавленное состояние мозга — лишь добавляет звено к и без того тяжелой цепи, приковывающей человека к прошлым мыслям, к прошлым предрассудкам. Будьте осторожны, когда позволяете подчинять себя, и будьте осторожны, навязывая свое влияние, — вы рискуете погубить другого человека. Правда, иным удастся сделать на какое-то время добро множеству людей, помогая развиться их собственным качествам. Но и в этом случае они губят миллионы других своими внушениями, подсознательными внушениями, вызывающими у миллионов то нездоровое, пассивное, гипнотическое состояние, которое в конечном счете почти лишает их души. А потому любой, кто требует слепой веры в себя или увлекает своей могущественной волей, причиняет человечеству вред, желает он того или нет.

Полагайтесь на собственный ум, сами управляйте и телом, и душой, помните, пока вы не выздоровеете, ничья чужая воля не поможет вам, избегайте всякого, как бы он ни был добр или велик, кто потребует от вас слепой веры. По всему миру рассеяны секты пляшущих, прыгающих и завывающих, их влияние распространяется со скоростью инфекции, ибо и это есть форма гипноза. Они с удивительной легкостью подчиняют себе на время чувствительных людей, но увы! Иной раз в результате этого подчинения вырождаются целые народы. Лучше человеку или народу погрязнуть в пороках, чем прийти к поверхностной добродетели под болезненным воздействием чужой воли. Сердце щемит от мысли о том, сколько вреда причинили человечеству религиозные фанатики, исходящие из лучших побуждений, но безответственные. Не знают они, что ум, испытавший внезапный духовный взлет под воздействием внушения, подкрепленного музыкой и молитвой, обрекает себя на пассивность, болезненность и бессилие, открывает себя иным внушениям, даже самым злым. Не знают эти невежественные, заблудшие люди, когда поздравляют себя с чудодейственной силой, помогающей им преображать сердца, с силой, по их предположениям изливающейся с небес от некоего заоблачного Существа, что сеют они

семена грядущего упадка, преступлений, безумия и смерти. Остерегайтесь всего, что лишает вас свободы, помните — это опасно, и избегайте этого, как только можете.

Человек, умеющий соединять свой ум с органами чувств или отъединить его по собственной воле, овладел пратяхарой (что означает «собираение вместе»), взял под контроль импульсы ума, высвободив его из суеты чувствований. Сделавший этот шаг действительно обретает характер и уже может совершить следующее движение в направлении свободы, ибо без этого все мы не более чем машины.

Но как же трудно управлять умом! Правильно сравнивают это занятие с ловлей разбушевавшейся обезьяны. Жила-была обезьяна, непоседливая, как все ее племя. А тут еще угостили обезьяну вином, от которого она совсем пришла в неистовство. Мало того, ее ужалил скорпион. Человек от скорпионьего укуса целый день места себе не находит, а уж обезьяна! Металась она, металась, и вошел в нее бес. Где найти слова, чтобы описать состояние обезьяны? Она подобна человеческому уму, который и по природе своей не знает покоя, когда же опьяняет его вино желаний, он неистовствует. Тут и жалит его скорпион ревности к успехам других, и бес гордыни входит в него, нашептывает ему, будто нет ничего важнее на свете, чем он. Как же трудно держать такой ум в узде!

Поэтому прежде всего нужно спокойно сесть и позволить уму нестись в любом направлении, пусть ведет себя как обезьяна, прыгающая с ветки на ветку. Пускай себе скачет, а вы просто сидите и наблюдайте. «Знание — сила», — гласит пословица, и это действительно так. Пока вы не поймете, что происходит с умом, вам не овладеть им. Отпустите поводья: чудовищные мысли могут прийти в голову, вы поразитесь тому, что способны на такие мысли. Но скоро вы убедитесь, что с каждым днем затихают метания ума, что с каждым днем он становится все спокойнее. В первые месяцы вас будет удивлять количество мыслей, проносящихся в голове, постепенно их будет меньше, потом еще меньше, пока наконец ум не окажется под контролем, но для этого нужно терпеливо работать изо дня в день. Стоит включить машину, и она приходит в действие; попадая в окружение объектов, мы их сразу начинаем воспринимать, а потому, если человек желает доказать свое отличие от машины, он должен утвердить свою независимость от внешних воздействий. Управление умом, способность отделить его от чувственных восприятий и есть пратяхара. Как научиться ей? Это огромный труд, в котором можно преуспеть только в течение многолетней терпеливой, непрерывной борьбы.

После того как в течение некоторого времени вы занимались пратяхарой, вы можете сделать следующий шаг, перейти к *дхаране*, способности удерживать ум в определенной точке. Что под этим имеется в виду? Заставьте ум воспринимать определенные части тела, и только их. Например, попробуйте сосредоточиться на ощущении только руки, больше ничего не чувствуя. Дхарана наступает, когда *умчитта* сконцентрирован в одной точке. Здесь возможны различные упражнения и нужна игра воображения. Например, если вы пожелаете сосредоточиться на точке в вашем сердце, вы убедитесь, что сделать это трудно, гораздо легче представить себе маленький лотос в этой точке. Это светящийся лотос, полный трепетного света. Пусть ваш ум пребывает там. Или думайте о светоносном лотосе в мозгу или о том, что происходит в сушумне.

Йог должен постоянно упражняться, поэтому предпочтительно, чтобы он жил в одиночестве: общение с людьми разного рода отвлекает его от мыслей; он не должен много говорить, потому что речь тоже отвлекает, он не должен много работать, потому что работа также отвлекает от мыслей, а после целого дня тяжелого труда невозможно контролировать ум. Йогом и называется человек, соблюдающий эти правила. Но столь велика сила йоги, что даже частичное соблюдение ее правил приносит большую пользу. Йога никому не вредна, но полезна всем.

Желающие овладеть йогой и готовые регулярно выполнять упражнения должны начать с диеты. Люди, намеренные продолжать прежний образ жизни, к которому они добавляют некоторые упражнения, могут есть что хотят, но должны уменьшить свой рацион. Те же, кто стремится к быстрому продвижению и совершенствованию, должны соблюдать строгие

диетические ограничения. Им лучше несколько месяцев питаться исключительно молоком и крупами. Вначале, когда организм только начнет перестраиваться, они обнаружат, что болезненно переносят любое отклонение от диеты. Буквально один глоток чужеродной пищи расстроит всю систему. Но так будет продолжаться лишь до того, как человек научится управлять системой, после этого он может есть что пожелает.

В начале упражнений на концентрацию внимания упавшая булавка может показаться ударом грома. По мере же совершенствования органов и восприятия делаются тоньше. Это фазы, через которые необходимо пройти, но все, кто проявит настойчивость, непременно добьются успеха. Оставьте на это время споры и все другое, что отвлекает вас. Что толку в сухой интеллектуальной эквилибристике? Она лишь выводит ум из равновесия и тревожит его. Вам же предстоит осознать более возвышенные вещи. Помогут ли этому разговоры? Лучше оставьте их. Читайте только то, что написано людьми, уже достигшими высших уровней сознания.

Ведите себя как раковина-жемчужница. Существует прелестная индийская притча: если идет дождь в то время, как восходит звезда Свати, дождевая капелька, упавшая в раковину, превращается в жемчужину.⁸⁸ Раковины знают это и потому всплывают на поверхность, когда засияет звезда, и ждут бесценную капельку. Как только капелька упадет, раковина закрывает створки, опускается на дно морское и терпеливо растит в себе жемчужину.

Так и мы должны вести себя. Услышать, понять, а затем, отрешаясь от всего отвлекающего, закрыть ум от внешних воздействий и целиком отдаться возвращению истины в себе. Всегда существует опасность впустую растратить энергию на идею, которая кажется привлекательной только своей новизной, но потом может появиться и другая, еще новее. Возьмитесь за что-то одно и доведите это до конца, а пока не доведете до конца, не отвлекайтесь ни на что другое. Только тот увидит свет, кто поглощен одной мыслью, а не тот, кого влечет множество разных мыслей, ибо он так и останется рабом природы и никогда не выйдет за пределы чувственных восприятий.

Кто действительно желает стать йогом, тот должен раз и навсегда отказаться от верхоглядства. Сосредоточьтесь на одной идее. Пусть она станет вашей жизнью — думайте о ней, мечтайте о ней, живите ею. Отрешитесь от всего другого, и пусть одна эта идея заполнит собой ваш мозг, мышцы, нервы, все клетки вашего тела. Это — путь к успеху, и этим путем шли все великаны духа. Остальные — не более чем говорящие машины. Если мы хотим быть благословенны и дать благословение другим, нам следует проникнуть в глубь вещей. И первый шаг на этом пути заключается в том, чтобы не тревожить ум и не общаться с теми, чьи мысли тревожат. Каждый испытал это, есть люди, места или пища, которые вызывают у нас неприятные ощущения. Так вот, избегайте их. Тем же, кто решился достичь высших пределов, следует избегать общения вообще — и хорошего, и дурного. Трудитесь упорно: не имеет значения, живы вы или умрете. Вы должны с головой уйти в работу, не задумываясь о ее плодах. Если хватит у вас мужества, вы можете стать йогом через полгода. У тех же, кому хочется взять чуточку отсюда, а чуточку откуда-то еще, понемногу ото всего, никогда ничего не выйдет. Дело ведь не в том, чтобы просто пройти курс обучения. Для тех, кто исполнен *тамаса*, для людей невежественных и вялых, чей ум не в силах сосредоточиться на чем-то одном и вечно тянется к забавам, для них религия и философия тоже развлечение. Они не могут быть настойчивыми: прослушав беседу, они думают, что узнали что-то любопытное, придя же домой, забывают ее. Нужна негибкая настойчивость, огромная сила воли, чтобы достичь результатов. Настойчивость говорит: я

⁸⁸ Звезда Свати считается в индийской астрономии пятнадцатым зодиакальным созвездием, которое традиция рассматривает особенно благоприятным. Есть поверье, что люди, родившиеся под звездой Свати, всегда счастливы, красивы и любимы. Образ раковины-жемчужницы, ждущей капли дождя, когда на небе горит звезда Свати, постоянно приводил духовный учитель Вивекананды Рамакришна как идеал человека, готовящего себя к соединению с Высшим.

выпью океан и горы обрушатся по моей воле. Найдите в себе такую энергию, такую волю, трудитесь неустанно, и вы достигнете цели.

Глава VII **ДХЬЯНА И САМАДХИ**

Мы уже составили себе общее представление о различных разделах раджа-йоги, но еще не коснулись наиважнейших и сложнейших — обучения сосредоточению, которое является целью и смыслом раджа-йоги. Мы знаем, что все человеческое знание, называемое рациональным, относится к области сознания. Мое сознательное восприятие вот этого стола и вашего присутствия дает мне знание того, что вы и стол находитесь здесь. В то же время я не осознаю значительную часть моего бытия. Я имею в виду внутренние органы моего тела, разные области мозга, человек не сознает их присутствия.

Я принимаю пищу сознательно, но я перевариваю пищу неосознанно, как неосознанно проходит и процесс превращения пищи, скажем, в кровь. Когда кровь питает собой различные части моего тела, я это не осознаю. И все же все это проделываю я, не двадцать же человек живут в моем теле. А как я могу знать, что все это проделываю я, а не кто-то еще? Разве нельзя предположить, что моя функция заключается в принятии пищи и ее переваривании, а питает мое тело усвоенной пищей кто-то другой? Нельзя, так как почти всякое неосознанное действие организма можно вывести на уровень сознания. Мы видим, что сердце бьется без вмешательства с нашей стороны, мы не можем управлять им, оно делает свое дело. Однако человек способен научиться регулировать его ритм, замедлять, ускорять, почти останавливать. Управлять можно почти всеми органами тела. О чем это говорит? О том, что и действия, совершаемые неосознанно, все равно совершаются нами, только безотчетно. Итак, есть два уровня, на которых действует человеческий ум: уровень сознательный, где любое действие связано с чувством эгоизма, и уровень неосознанный, где отсутствует это чувство. У низших существ, животных, это называется инстинктом. У высших существ, включая наивысшее — человека, преобладают осознанные действия.

Но это еще не все. Существует и более высокий уровень, на котором способен действовать ум, — сверхсознание. В то время как неосознанность находится на уровне ниже сознания, эта деятельность ума находится над сознанием, и она свободна от чувства эгоизма. Эгоизм есть чувство, присущее только среднему уровню. Когда ум поднимается над ним или опускается ниже него, чувство «Я» исчезает, однако ум продолжает действовать. Состояние, при котором ум выходит за линию самосознания, называется *самадхи*, или сверхсознание. Например, как определить, соскользнул ли человек, находящийся в самадхи, на более низкий уровень или поднялся выше? Ведь в обоих случаях исчезает чувство «Я». Ответ состоит в том, что по результату можно судить о том, был ли ум погружен в низший слой или поднимался ввысь. Когда человек спит, он все равно управляет телом, он дышит, он совершает движения во сне, хотя себя не ощущает, возвращается же в бодрствование таким же, как заснул. Это тот же человек, с прежней суммой знания, которая не выросла за время сна. Человек не испытал никакого прозрения. Иное дело самадхи: человек входит в это состояние глупцом, а выходит мудрецом. Откуда эта разница? Если последствия различны, то различны и причины. Поскольку прозрение, полученное через самадхи, гораздо выше того, что могло бы дать подсознание, гораздо выше того, что он мог бы получить путем логических умозаключений, то следует признать, что это — сверхсознание, что самадхи есть состояние сверхсознания.

Вот что такое самадхи вкратце. А для чего стремиться к нему? Сфера действия разума, осознанной работы ума, узка и ограничена, она похожа на небольшую окружность, в пределах которой вынужден оставаться разум. Он не может выйти наружу, сколько бы ни пытался. Но как раз за пределами круга и находится все то, что дорого человечеству. Разум не в состоянии ответить на вопросы о том, существует ли бессмертие души, есть ли Бог, управляет ли вселенной некий высший разум и т. д. Наш разум говорит: я агностик и не могу

ответить утвердительно или отрицательно. Но эти вопросы так важны для нас! Без ответов на них обесмысливается человеческая жизнь. Если жизнь просто коротенькая пьеска, если вселенная просто «случайная комбинация атомов»,⁸⁹ то почему я должен делать добро другому? Какой тогда смысл в милосердии, справедливости, чувстве близости к людям? Все наши этические доктрины, все моральные установки, все, что величественно и прекрасно в человеческой природе, строится на ответах на эти вопросы.

Не лучше ли каждому ковать железо, пока горячо, не оглядываясь на окружающих? Раз нет никакой надежды, почему я должен любить брата моего, а не перерезать ему глотку? Если ничего другого нет, значит, нет и свободы, есть только жесткие мертвые законы, и я могу только наслаждаться жизнью, пока жив. Многие сейчас утверждают, будто существуют утилитарные основы моральности.⁹⁰ Что это за основы? Дать наибольшее возможное счастье наиболее возможному числу людей. А зачем мне это? Почему бы мне не делать людей несчастными, если это отвечает моим намерениям? Какой ответ дадут сторонники утилитарного подхода? Откуда известно, что хорошо, а что плохо? Меня побуждает страсть к наслаждению, я ее удовлетворяю, такова моя природа, и я больше ничего не знаю. У меня есть желания, я их удовлетворяю, должен удовлетворять, какие могут быть ко мне претензии? И при чем тут все эти проповеди о смысле жизни, о нравственности, о бессмертной душе, о Боге, о любви и сострадании, о том, что нужно быть добрым и, более того, бескорыстно добрым?

Все этические нормы, все человеческие действия и помыслы покоятся на идее бескорыстия. Бескорыстие — это слово вбирает в себя весь смысл жизни человека. Но почему нужно быть бескорыстным? В чем необходимость, в чем побудительная сила моего стремления быть бескорыстным? Вы за утилитарный подход к жизни, вы зовете себя рациональным человеком, но, если вы не обоснуете эту утилитарность, я заподозрю вас в иррациональности. В таком случае объясните мне, почему я не должен быть эгоистом? Бескорыстие может быть весьма поэтическим качеством, но поэзия — не основание. А мне нужно обоснование, в силу которого я буду бескорыстен и добр. Потому что так говорит Имярек? Это меня не убеждает. Какая мне польза от бескорыстия? Гораздо полезнее быть эгоистом, если под пользой имеется в виду удовлетворение желаний. Где же ответ? Его нет у сторонников утилитарной моральности. А ответ в том, что наш мир — капля в безбрежном океане, звено бесконечной цепи. Откуда об этом узнали те, кто поднялся над эгоизмом и призывал человечество следовать их примеру? Не инстинктивно, ибо животные, наделенные инстинктами, этого не знают. Не логически, ибо разуму неизвестны эти вещи. Так откуда же?

Изучая историю, мы обнаруживаем нечто общее во всех религиях мира. Их учителя утверждают, что истины, проповедуемые ими, явились откуда-то извне, и многие не могут объяснить, откуда именно. Одни рассказывали, что им явился ангел в образе крылатого человека и провозгласил послание истины, другой описывает дэва, светоносное существо, третий — прародителя, который явился ему во сне и поведал различные вещи. Общее здесь то, что все говорят об истине, явившейся им, никто не говорит, будто пришел к ней путем

⁸⁹ Вивекананда имеет в виду материалистическое учение локаятиков, не признававших существование Бога как творца мира, поскольку вся природная реальность осмысливалась ими как случайная, механическая комбинация элементов (но не атомов). Атомистическое учение разрабатывалось в вайшешике, где Бог признавался творцом мира и сравнивался с ремесленником: Бог «делает» мир, как горшечник изготавливает горшок из имеющейся глины.

⁹⁰ Имеется в виду утилитаризм, направление в европейской и американской философии, обосновывающее положение о полезности действия как критерия его нравственности. Основы утилитаристской этики, разработанные И.Бентамом (1748–1832), были хорошо известны в Индии в XIX в. Утилитаристы провозглашают принцип наибольшего блага наибольшему числу людей через удовлетворение их личных интересов.

логических умозаключений. Чему учит йога? Тому, что они справедливо полагали, что знание пришло к ним из-за пределов разума, но находилось оно в них.

Йога учит, что у ума есть более высокий уровень действия, что он способен переходить в сверхсознательное состояние, что истины, находящиеся за пределами разума, открываются человеку, когда ум переходит в это состояние. Перед человеком открывается путь к метафизическому и трансцендентальному знанию. Бывает, что человек выходит за пределы разума, за пределы обычной человеческой природы совершенно случайно, даже не понимая происходящего с ним, он как бы наталкивается на это знание. Случайно натолкнувшись на знание, человек, как правило, истолковывает его как знание, пришедшее извне. Этим и объясняется, почему его смысл всегда един, но в одной стране его носителем предстает ангел, в другой — дэв, в третьей — Бог. О чем это говорит? О том, что ум собственными силами открыл это знание, человек же, которому оно открылось, истолковал его в соответствии со своей верой и образованностью. На самом деле все эти люди случайно побывали в сверхсознательном состоянии.

Йоги утверждают, что случайность такого рода чревата опасностью. Известно много примеров, когда неожиданный переход в состояние сверхсознания повреждал мозг и люди, не понимая, что с ними происходит, и как бы спотыкаясь во тьме, вместе со знанием приобретали страннейшие суеверия и становились жертвами галлюцинаций. Мухаммед говорил, что однажды к нему в пещеру явился архангел Джабраил и увез его в рай на небесном коне Хараке.⁹¹ Но наряду с этим Мухаммед изрекал поразительные истины. Читая Коран, вы обнаружите поразительные прозрения вперемежку с суевериями. Как это можно объяснить? Мухаммед, без сомнения, пережил озарение, но озарение случайное. Он не был йогом, не знал причин того, что сам же делал. Подумать только о том, сколько доброго сделал он человечеству, и подумать только, как много зла он причинил своим фанатизмом! Вспомните о миллионах людей, убитых из-за его учения, о матерях, потерявших детей, об осиротевших детях, о разоренных странах!⁹²

Изучая жизнеописания великих учителей, подобных Мухаммеду, мы видим эту опасность. Но мы видим и другое — вдохновенность учителей. И все же всякий раз, когда один из пророков благодаря своей эмоциональности достигал состояния сверхсознания, он выносил из него не только понимание истины, но и фанатизм и суеверия, причинявшие миру столько же вреда, сколько приносили добра их великие учения. Чтобы дойти до сути массы несуразностей, которую мы зовем человеческой жизнью, необходимо подняться над разумом, но это надо делать методично, постепенно, постоянно упражняясь и отбрасывая все предрассудки. Сверхсознательное состояние требует такого же научного изучения, как все остальное. Нашей основой должен быть разум, мы должны следовать разуму до предела, далее которого он неспособен действовать, а там он сам подскажет нам путь к высшему уровню. Если случится вам встретить человека, утверждающего, будто он испытал прозрение, но рассуждающего иррационально, отвернитесь от него. Почему? Да потому, что все три состояния — инстинкт, разум и сверхсознание, или: бессознательное, сознательное, сверхсознательное, — это разные состояния одного и того же ума. Не три ума одного

⁹¹ В Коране говорится, что Бог «перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую» (XVII, 1). Позднейшее предание связывает это путешествие с конем по кличке Бурак: он не позволил Мухаммеду сесть на себя, пока архангел Гавриил не принудил его к покорности. Комментаторы Корана, как правило, соотносят архангела Гавриила (в арабской транслитерации — Джабраил) с неоднократно упоминаемым в Коране посланником (Бога), имя которого не называется.

⁹² Согласно мусульманскому государственному праву немусульманское население завоеванных стран делится на две части. Приверженцы монотеистических религий «христиане и иудаисты», или «люди книги», обязаны уплачивать подушный налог. Они могут исповедовать свою веру. Те же, кого нельзя назвать «людьми книги», то есть язычники и идолопоклонники, должны либо принять ислам, либо быть готовыми к тому, что дозволяется убивать их или обращать в рабство.

человека, а один, в котором одно состояние, развиваясь, становится другим. Инстинкт развивается в сознание, а сознание выходит за собственные пределы, поэтому ни одно из состояний не противоречит остальным. Подлинное озарение не входит в противоречие с разумом, но реализует его. Как великий пророк провозглашает: не разрушать пришел я, а исполнить,⁹³ так и озарение всегда реализует собой разум и находится в гармонии с ним.

Цель всех стадий йоги есть научно обоснованное приближение к самадхи, к переходу в сверхсознание. Более того, и это очень важно, сверхсознание является природным свойством всякого человека в такой же степени, в какой оно было присуще пророкам древности. Пророки не были людьми уникальными, они были такими же, как мы с вами. Они были великими йогами, они привели себя к состоянию сверхсознания, и мы с вами тоже можем сделать это. Сам факт достижения сверхсознания одним человеком говорит о том, что это возможно и для других. Не просто возможно, каждый должен в конечном счете достичь этого состояния — оно и есть религия. Наш единственный учитель — опыт. Можно всю жизнь говорить и рассуждать, но так и не произнести ни слова истины, ее нужно пережить. Нельзя выучить хирурга, просто дав ему в руки стопку книг. Нельзя удовлетворить мою тягу к чужой стране, показав ее на карте, мне необходимо подлинное восприятие. Карты могут лишь вызвать любознательность, но в этом их единственная ценность. Цепляние за книги только разлагает ум человека. Можно ли вообразить богохульство более ужасное, чем заявление, будто в той или иной книге содержится познание Бога? Как смеет человек провозглашать бесконечность Бога и пытаться втиснуть Его между обложек тощей книжонки! Миллионы людей погибли, потому что не верили написанному в книгах, потому что отказывались видеть Бога на книжных страницах. Конечно, сейчас из-за этого уже не убивают, но мир и по сей день прикован к книжной вере.

Итак, чтобы перейти в состояние сверхсознания при помощи научных методик, необходимо пройти все стадии раджа-йоги, которую я старался вам объяснить. После *пратьяхары* и *дхараны* мы приходим к *дхьяне*, к медитации. Ум, приученный к сосредоточению на определенной точке вне или внутри нас, постепенно обретает силу, позволяющую ему как бы непрерывно течь к этой точке. Это состояние называется *дхьяна*. Когда сосредоточенность, сила дхьяны, возрастает до такой степени, что внешние восприятия становятся незаметными и остается только внутренний смысл, тогда и наступает самадхи. Три состояния, вместе взятые, — *дхарана*, *дхьяна* и *самадхи* — называются *самьяма*. Иными словами: если ум способен сначала сосредоточиться на объекте, сохранять сосредоточенность в течение некоторого периода времени, а затем, не теряя сосредоточенности, обратиться только на внутренние восприятия, следствием которых был объект, такой ум способен управлять всем.

Пребывание в медитации есть высочайшее состояние бытия. Подлинное счастье недоступно до тех пор, пока существует желание. Только отстраненное наблюдение за объектами дает нам подлинное блаженство и счастье. Счастье животного в его восприятиях, человека — в интеллекте, божественное счастье — в погружении в духовность. Лишь душе, научившейся этому, раскрывает мир свою красоту. Для того, кто свободен от желаний, многообразные перемены в природе есть единая панорама красоты и возвышенности.

Понять все это можно через дхьяну, или медитацию. Мы слышим звук. Вначале это внешние колебания, затем нервный импульс доносит их до ума, ум реагирует на импульс, и тут появляется проблеск знания того объекта, который послужил внешней причиной цепи перемен — от колебаний эфира до реакции мозга. Йоги назовут их *шабда* — звук, *артха* — смысл и *джняна* — знание. На языке физики и физиологии это колебания эфира, передача нервного импульса и реакция мозга. И хотя процесс состоит из трех отдельных фаз, человек не в состоянии различить их. Мы воспринимаем только общий результат — то, что мы называем внешним объектом. Однако, поскольку каждый акт восприятия включает в себя все

⁹³ Соотносится с текстом Мф: «...не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф, 5, 17).

три фазы, нет причины, которая помешала бы нам научиться распознавать их.

Приступать к медитации можно, когда ум подготовлен к ней упражнениями, полон сил и способен управлять собой, когда он умеет улавливать тончайшие ощущения. Медитация должна начинаться с сосредоточения на грубых материальных объектах и, постепенно переходя к объектам все более тонким, стать наконец беспредметной. Ум должен вначале воспринимать внешние причины восприятий, затем процесс их передачи в мозг, а затем — собственную реакцию. Обучившись воспринимать внешние причины ощущений отдельно от всего остального, ум приобретает способность воспринимать чрезвычайно тонкие материальные образования и формы. Обучившись выделять движение нервных импульсов, он приобретает способность управлять всеми психическими колебаниями, как в себе, так и в других, прежде чем они перейдут в физическую энергию. Когда же йог обретает способность воспринимать одну только реакцию ума, он получает доступ ко всему знанию, ибо все это есть результат реакции. Йог дошел до самой основы своего ума и отныне может полностью управлять им. Этот человек сможет подчинить себе все, что пожелает, однако, поддавшись соблазну, он тут же утратит способность к дальнейшему развитию. Потворство желаниям есть великое зло. Но если он найдет в себе силы отрешиться и от этих поразительных возможностей, он достигнет цели йоги, успокоит волны в океане ума. И здесь величие души, не тревожимой долее ни умом, ни телом, засияет ярчайшим светом, здесь йог познает, что он есть и вечно был средоточием бессмертного, всеобъемлющего знания.

Самадхи — природное свойство каждого человека, да и каждого животного тоже. Все живое, от неприметнейшей твари до прекраснейшего ангела, рано или поздно должно испытать самадхи, ибо лишь тогда раскрывается перед нами истинная религия. Все, что этому предшествует, — не более, чем трудное продвижение к этому состоянию. Пока мы не пришли к нему, нет разницы между верующим и неверующим. Зачем упражнять себя в сосредоточении, если не ради вот этого познания, с обретением которого исчезают все скорби, отлетают все страдания, сами семена понуждения к поступкам сгорают и душа пребывает свободной навеки.

Глава VIII

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ РАДЖА-ЙОГИ

Излагаемое ниже есть вольный пересказ учения раджа-йоги из Курма-Пураны.

Человек обитает в клетке греха, огонь же йоги сжигает ее. Знание становится чистым, и открывается прямой путь к *нирване*. Йога дает знание, а знание помогает йогу. Тот радуется Богу, кто сочетает в себе йогу и знание. Люди, совершающие *махайогу* каждый день или на дню дважды, трижды или неоднократно, знают, что вы боги. Две ступени есть в йоге — *абхава* и *махайога*. Когда проводят медитацию на собственной душе начиная с нуля, без всякого качества, — это *абхава*. Когда некто способен видеть свою душу исполненной блаженства и ничем не загрязненной, единой с Богом, это *махайога*. Йог идет многими путями к пониманию Единства, но множество йог, о которых мы слышим и читаем, не могут сравниться с великой махайогой, когда йог прозревает и себя, и вселенную как Бога. Это есть наивысшее постижение.

Яма, нияма, асана, пранаяма, пратьяхара, дхарана, дхьяна и *самадхи* — ступени *раджа-йоги*, где *яма* означает непричинение никому вреда, правдивость, бескорыстие, воздержание, отказ от любых даров. Соблюдение этих обетов очищает *ум-читту*. Непричинение страдания ничему и никому, ни помыслом, ни словом, ни делом, называется *ахимса*, ненасилие. Нет добродетели выше ненасилия, как нет счастья, более великого, нежели то, что испытывает человек, не совершающий насилия ни над чем живым. Правдивость — вот плод наших трудов, и правдивостью может человек добиться всего. *Астея* — это освобождение от жадности, от желания силой или хитростью присвоить себе принадлежащее другим. Чистота помыслов, слов и дел, чистота всегда и при всех обстоятельствах — это *брахмачарья*. *Апариграха* — это отказ от принятия даров, какой бы

острой ни была в них нужда. Смысл апариграхи в том, что, принимая дары, человек рискует загрязнить свою душу, он утрачивает свободу, попадает в кабалу привязанностей.

Затем следует перечень навыков, которые должен вырабатывать в себе желающий постижения йоги. Постоянное соблюдение этих правил жизни называется *нияма*. *Тапас* — аскетизм, *свадхья* — прилежание, *сантоша* — удовлетворенность, *шауча* — чистота, *ишвара-пранидхана* — почитание Бога. Посты и иные способы ограничения телесных потребностей — это физический *тапас*. Под *свадхьей* имеется в виду повторение стихов из Вед или других мантр, которые помогают накоплению *саттва-гуны* и тем очищают тело. Существуют три способа повторения мантр:⁹⁴ их можно читать вслух, проговаривать про себя или просто сосредоточиваться на них помыслами. Чтение вслух — самый примитивный способ, сосредоточение помыслами на их сути — наивысший.

Мудрые люди утверждают, что есть два способа очищения: внешний и внутренний. Очищение тела водой, землей или иными вещами есть внешнее очищение. Очищение ума истиной и иными добродетелями есть очищение внутреннее. Однако человеку необходимы оба способа, ибо недостаточно быть внутренне чистым, но грязным телесно. При невозможности соблюдения чистоты обоих родов следует отдать предпочтение внутреннему очищению, но стать йогом возможно, только очищая себя и внутренне, и наружно.

Почитать Бога можно восхвалением, помыслом и любовью.

Мы говорили о том, что такое яма и нияма, теперь мы перейдем к *асанам* — позам. Их легко выполнять, нужно только расслабить тело, распрямив спину и плечи и держа шею прямо. Затем — упражнения пранаямы. *Прана* — это жизненная сила, *аяма* означает управление ею. Дыхательные упражнения состоят из трех частей: вдоха, задержки дыхания и выдоха. Простейшая пранаяма делается на счет двенадцать, упражнение средней трудности — на счет двадцать четыре, но лучше всего делать дыхательные упражнения на счет тридцать шесть. Первый способ вызывает потение, второй — подрагивания всего тела, третий же дает ощущение невесомости тела и невыразимого блаженства. Существует мантра, называемая *гаятри-мантра*.⁹⁵ Это одна из самых святых в Ведах: мы погружаемся в величие Того, кто сотворил вселенную, да осветит Он собою наш ум. В начале и в конце мантры произносится звук «Ом». Попробуйте трижды прочесть эту мантру за время одного упражнения, включающего в себя *речаку* — выдох, *пураку* — вдох, *кумбхаку* — задержку дыхания.

Действия органов чувств, которые называются *индрии*, направлены вовне, устремлены к контакту с внешними объектами. Управление органами чувств с тем, чтобы обратить их действие вовнутрь, называется *пратьяхара*, что означает «собираение вместе, вбирание». Сосредоточение сил ума на лотосе сердца или на лотосе, расположенном в голове, — это *дхарана*. Когда ум сосредоточен на одной точке, эта точка начинает испускать психические

⁹⁴ Мантра означает примерно «священное изречение», отдельная формула из Вед, в более широком смысле — магическое заклинание вообще. Мантрами издавна сопровождалось ведические жертвоприношения, повторение мантр — признак благочестия. Слово изначально в ведийской культуре понималось как средство воздействовать на ум человека при помощи звука. Считалось, что слова обладают магической силой, если они должным образом организованы и произнесены. Записанное слово казалось «нереальным» в сравнении с теми звуками, из которых оно было составлено. Поэтому при исполнении ритуалов обращалось огромное внимание на то, чтобы все слоги мантр были произнесены с соблюдением всех должных правил, поскольку даже незначительное их нарушение (допустим, неверно поставленное ударение) в состоянии привести говорящего к гибели.

⁹⁵ *Гаятри* называется стихотворный размер. Кроме того, Гаятри-мантрой называется один из самых известных стихов РВ, написанный этим размером. «Да поразмыслим мы о желанном блеске бога Савитара: пусть он укрепит наши мысли» (РВ, III, 62, 10). Считается, что этот стих благочестивые индусы должны произносить трижды в день: на рассвете, в полдень и в вечерние часы. Та же мантра произносится и во время важных церемоний, например во время обряда посвящения ребенка, так называемой церемонии «наложения священного шнура», после которой мальчик становится полноправным членом общины и др.

колебания особого типа, которые не поглощаются другими колебаниями, а постепенно усиливаются, в то время как другие волны ослабевают, пока не исчезнут полностью. Множественность колебаний уступает место единству, ум подчинен единому ритму. Это — медитация, или *дхьяна*. Когда же отпадает необходимость в каком-либо основании, ум становится одной волной, — это самадхи. Остается лишь суть мысли, больше не нуждающейся в опоре на точки и центры. Если ум может сосредоточиться на точке в течение двенадцати секунд, то это дхарана, двенадцать дхаран составят дхьяну, двенадцать дхьян — это уже самадхи.

Йогой нельзя заниматься там, где горит огонь, нельзя заниматься в воде или на земле, усыпанной сухой листвой, нельзя заниматься там, где много муравейников, где есть дикие животные или иная опасность, на перекрестке четырех улиц, в местах, где очень шумно, в окружении недобрых людей. Не делайте упражнений, когда вы ощущаете вялость или нездоровье, когда ваш ум подавлен или угнетен. Отправьтесь в уединенное место, где вас никто не потревожит, но только не в такое, где грязно. Лучше всего упражняться в красивом природном окружении, если же вы дома, то в красиво убранной комнате. Прежде чем приступить, воздайте почтение всем йогам древности, вашему гуру, Богу — и начинайте.

Говоря о дхьяне, можно дать несколько советов, как это лучше делать. Сядьте прямо и посмотрите на кончик собственного носа. Позднее мы рассмотрим причины, в силу которых это помогает концентрации сознания, каким образом управление двумя оптическими нервами приближает нас к способности регулировать дугу реакции и таким образом достигать направленного волевого усилия.

Есть много способов медитации. Можно представлять себе лотос над собственной головой, сердцевина которого — добродетель, а стебель — знание. Восемь лепестков лотоса — это восемь качеств йога, тычинки и пестики — это отрешенность, ведь йог придет к совершенству, только если отрешится от приобретенных им качеств. А внутри лотоса представим себе Златоцветного, Всемогущего, Формы не имеющего, Того, чье имя Ом, Того, чье сияние невыразимо. Пусть Он будет объектом медитации.

Или — представьте себе пространство в вашем сердце, пространство, где горит огонь. Этот огонь — ваша душа, а сияние, которое он излучает, — это Душа вашей души, Бог. Пусть Он будет объектом медитации в вашем сердце.

Воздержание, ненасилие, способность простить даже злейшего врага, правдивость, вера в Бога — все это различные *вритти*. Не нужно тревожиться из-за того, что они не сразу дадутся вам, трудитесь, и все будет хорошо. Кто освободился от всех привязанностей, всех страхов, от ярости, кто всей душой предан Богу, кто в Нем ищет защиты, чье сердце исполнилось чистоты, тот будет всегда услышан, с какой бы просьбой он ни обратился к Богу. А потому чтите Бога через знание, любовь или отрешение.

«Кто свободен от ненависти, кто каждому друг, кто милосерден ко всему, кто ничем не владеет, кто не знает своекорыстия, кто ровен в радости и в горе, кто не помнит зла, кто всегда доволен, кто постоянно стремится познать йогу, кто справлялся с собой, чья воля тверда, чей ум и интеллект отдан Мне — он Мой возлюбленный *бхакта*. Кто пребывает всегда в равновесии, кого не могут растревожить, кто свободен от радости, злобы, страха и тревог — он Мой возлюбленный. Кто не знает зависимости, кто чист и деятелен, кто не задумывается над тем, добро или зло станет плодом его поступка, кто не бывает несчастлив, кто ничего не желает для себя, кто безразличен к хвале и к хуле, чей разум глубок и несуетен, кто доволен малым, кто бездомен, ибо весь мир его жилище, кто тверд в добродетели — он Мой возлюбленный *бхакта*».⁹⁶ Только тот становится йогом.

* * *

⁹⁶ Примерный пересказ Бхг., XII, 13–20.

Был некогда великий бог-мудрец по имени Нарада. Как среди людей встречаются мудрецы, великие йоги, так встречаются великие йоги и среди богов. Нарада был величайшим йогом. Он много путешествовал и однажды в лесу увидел человека, столь долго и глубоко погруженного в медитацию, что белым муравьям достало времени построить муравейник на его теле.

«Куда путь держишь?» — обратился он к Нараде. «На небеса», — ответил Нарада. «Спроси у Бога, когда проявит Он милость ко мне, когда достигну я освобождения?»

Вскорости Нарада увидел еще одного человека, который приплясывал и припевал без остановки. «Куда путь держишь?» — спросил он Нараду. И голос его, и движения поражали дикостью.

«На небеса», — ответил мудрец. — «Узнай там, когда же я освобожусь?»

Прошло время, и Нарада двинулся в обратный путь через тот же лес. При виде его человек, на теле которого вырос муравейник, спросил: «О Нарада, спрашивал ли ты Бога обо мне?» — «Спрашивал». — «Что же сказал Он?» — «Он сказал, что тебе нужно прожить еще четыре жизни, прежде чем достигнешь ты освобождения».

«Еще четыре жизни? — возопил отшельник. — Но я так долго пробыл в медитации, что муравьи успели выстроить на мне свое жилище!»

Нарада пошел дальше и вскоре встретил другого человека. «Узнал у Бога?» — «Видишь ли ты тамариндовое дерево? Мне было сказано передать тебе, что сколько листьев на дереве, столько жизней должен ты прожить, прежде чем достигнешь освобождения». Человек заплясал от счастья: «Как близко мое освобождение!»

И тут раздался голос: «Дитя мое, ты уже свободен».

Таково было вознаграждение за настойчивость: ведь человек готов был трудиться из жизни в жизнь, невзирая ни на что. Другому же казалось, что и четыре жизни — срок слишком долгий.

Только настойчивость приносит плоды.

АФОРИЗМЫ ПАТАНДЖАЛИ

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего я хотел бы коснуться великого вопроса, на котором покоится вся теория религии йоги. Великие умы человечества сходятся на мысли, получившей подкрепление и со стороны современных научных исследований: человек есть плод и проявление некоего абсолютного состояния, которое предшествовало нашему нынешнему относительному состоянию, и наше движение вперед является возвращением к Абсолюту. Если это так, то неизбежно возникает вопрос: что лучше, Абсолют или состояние относительности? Многие стоят на позиции утверждения того, что наше наличное состояние и есть высшее состояние человека. Крупнейшие мыслители придерживаются мнения, что личность есть проявление нерасчлененного бытия и что индивидуальное существование выше Абсолюта. В их представлении Абсолют лишен всяких качеств, это — нечто бесчувственное, монотонное, безжизненное; испытывать счастье человек может только в этой жизни, а потому должен дорожить ею.

Сначала давайте рассмотрим другие представления. Существует древнее убеждение, что человек и после смерти остается неизменным, но его добрые качества сохраняются во веки веков, а дурные исчезают. Логически это означает, что окружающий мир и является целью для человека: перенесенный на более высокий уровень и освобожденный от зла, этот мир получает наименование рая. Абсурдность и инфантильность этой теории самоочевидны, равно как и ее полная несостоятельность. Не может быть добра без зла, как не может быть зла без добра.

Ряд философских школ нашего времени выдвинули другую теорию: человеку суждено

постоянно совершенствоваться, постоянно стремиться вперед, никогда не достигая конечной цели. Абсурдна и эта теория вопреки ее кажущейся стройности: не существует движения по прямой, движение всегда циклично. Если вы бросите камень в пространство, где он не встретит никаких препятствий, то — при условии, что вы достаточно долго проживете, — камень возвратится прямо к вам в руки. Прямая, проложенная в бесконечность, должна превратиться в окружность. Вот почему абсурдна идея о том, что человек будет вечно идти все вперед и вперед и никогда не остановится.

Отступая от темы, хочу заметить, что теория циркулярности лежит в основе этического постулата, согласно которому человек не должен ненавидеть, но должен любить. Подобно тому как, согласно современной теории электричества, энергия, выходя из динамо-машины, в ней же завершает свой цикл, так же циклично действуют любовь и ненависть: неизменно возвращаются к источнику. А потому воздержитесь от ненависти, ибо ненависть, исходящая от вас, в конечном счете должна к вам же и возвратиться. Если же вы излучаете любовь, то любовь вернется к вам, завершив свой круг. Действие это непреложно: вся ненависть, зародившаяся в сердце человека, рано или поздно обязательно возвращается к нему, как и всякий импульс любви.

Можно доказать несостоятельность теории вечного прогресса и на более практических примерах, ибо все земное в конце концов приходит к разрушению. К чему приводят все наши старания и надежды, наши страхи и радости? Ведь все заканчивается смертью. Нет ничего более непреложного, чем смерть. Что означает в таком случае вечное движение по прямой, нескончаемый прогресс? Лишь на определенное расстояние можно продвинуться, потом же начинается возвращение к исходной точке. Из небесных туманностей рождаются солнца, луны и звезды и снова обращаются в небесные туманности. Растение тянет соки из земли, чтобы потом возвратить их земле. Все сущее в этом мире возникает из атомов и в атомы превращается опять. Закон един, в этом нет сомнения, и нельзя предположить, что закон природы неприменим к мыслительной деятельности человека. Мысль тает и возвращается к своим истокам. Желаем мы того или нет, нам предстоит возвращение к началу, а оно именуется Богом, или Абсолютом. Мы все вышли из Бога, и мы должны возвратиться к Богу, и не имеет значения, как мы называем его: Бог, Абсолют или Природа. «Из кого вышла вся вселенная, в ком все рожденное живет, к Нему все возвращается».⁹⁷ Это — непреложный факт. Природа действует по единым законам: происходящее в одной сфере повторяется в миллионах сфер. Что происходит с планетами, то же произойдет с Землей, с людьми, со всем живым. Огромная волна есть могучее сочетание малых волн, возможно миллионов малых волн; жизнь вселенной — сочетание миллионов крохотных жизней, а смерть вселенной — сочетание множества смертей миллионов крохотных существ.

Но все же, следует ли считать возвращение к Богу более высокой ступенью или нет? Философия йоги твердо дает утвердительный ответ на этот вопрос. Йоги утверждают, что земная жизнь человека — это ухудшение. Не существует на свете религии, которая бы рассматривала земную жизнь как улучшение, все говорят, что вначале человек был совершенен и чист, затем он становится все хуже и хуже, и так будет продолжаться до тех пор, пока ухудшение не достигнет предела, после чего человек, завершая круг, снова устремится к совершенству. Как бы низко ни пал человек, он должен в конечном счете опять возвыситься и возвратиться к исходной точке, которая есть Бог. Вначале человек вышел из Бога, на промежуточной стадии он был человеком, в конце он опять возвращается к Богу. Таково дуалистическое объяснение цикла.⁹⁸ С монистической точки зрения человек есть Бог

⁹⁷ Общее место во многих Упанишадах. См., например, Тайт, уп., III, 1, 1.

⁹⁸ Под дуализмом Вивекананда понимает вероучения, обосновывающие такое отношение верующего к Богу, когда Бог является чем-то внешним по отношению к человеку. Он мыслится как «Высшее» в сравнении с человеком существо, как моральный управитель вселенной. Под такое понимание подпадает отчасти иудаизм, христианство (если иметь в виду его ветхозаветные истоки), ислам.

и к Богу он движется. Если наша земная жизнь лучше, то почему в ней столько бед и ужасов и почему она конечна? Если земная жизнь — возвышенная форма существования, почему она кончается? Как может быть высшим состоянием состояние разложения и вырождения? Почему состояние должно быть столь дьявольским, столь неудовлетворительным? Его можно оправдать, если рассматривать как промежуточное, как ступень к более высокому уровню существования, как неизбежный путь к возрождению. Заройте в землю семя, оно в ней распадется, чтобы из распада родилось прекрасное дерево. Душа должна пройти через распад, чтобы стать Богом. Из этого следует, что чем скорее завершится состояние, которое мы зовем «человеческим», тем лучше. Почему же не сократить его самоубийством? О нет, это лишь испортит дело. Терзая себя и проклиная мир, мы не найдем выхода. Мы не можем миновать болото отчаяния, но чем скорее мы его пройдем, тем лучше. Надо постоянно помнить, что земная жизнь человека не является его высшим состоянием.

Труднее всего понять, что высшее состояние, Абсолют, не есть, вопреки опасениям многих, существование, подобное жизни простейших или минералов. Иные полагают, будто существуют лишь два состояния жизни: минеральное и мыслительное. Но с чего они взяли, что бытие ограничено двумя состояниями? Нет ли чего-то еще, намного превосходящего мысль? Мы не можем видеть световые волны низких колебаний, но с увеличением интенсивности они делаются видимыми для нас. Когда эта интенсивность еще более возрастает, они опять исчезают для нас, и мы воспринимаем тьму. Но равнозначны ли они — тьма вначале и тьма в конце? Конечно, нет, они так же различны, как два полюса. Равнозначно ли безмыслие камня безмыслию Бога? Конечно, нет. Бог не мыслит; Он не рассуждает. Зачем? Разве есть нечто не известное Ему, о чем Он должен бы рассуждать? Камень не может мыслить, Бог не мыслит. В этом разница. Философы, ужасающиеся перед лицом перспективы выхода за пределы мысли, не видят ничего за этими пределами.

Существуют состояния бытия за пределами мысли, намного превосходящие ее. Начатки религиозной жизни появляются за пределами интеллекта. Оставив позади и мысль, и интеллект, вы делаете первый шаг к Богу, а это — начало жизни. То, что мы обычно называем жизнью, является ее эмбриональной стадией.

Но тут возникает следующий вопрос: где доказательства, что состояние за пределами мысли и разума превосходит их? Во-первых, все великие люди мира, куда более великие, чем те, кто знаменит своим красноречием, люди, изменявшие мир и никогда не помышлявшие о корысти, — все они утверждают, что земная жизнь есть лишь маленький отрезок пути к Бесконечности вне ее. Во-вторых, великие люди не просто рассказали миру об этом, но и указали путь, так что каждый может последовать за ними. В-третьих, иного пути просто нет. Нет иных объяснений. Само собой разумеется, что не существует более высоких состояний, поэтому зачем мы бесконечно ходим по кругу? Как объяснить мир? Наше знание в таком случае будет ограничено чувственным миром, если мы не можем двигаться дальше, если нам не о чем больше спрашивать. Именно это называется агностицизмом. Но какие у нас основания доверять свидетельству наших чувств? Я бы счел настоящим агностиком человека, который остановился бы посреди улицы и умер. Если разум — единственное, что существует, то почему не быть нигилистом? Человек, объявляющий себя агностиком во всем, кроме денег и славы, — не настоящий человек. Кант убедительнейшим образом доказал, что мы не в силах заглянуть за мощную стену, именуемую разумом. Однако индийская философская мысль начинается именно с этой точки, отваживается на поиск и отыскивает нечто, превосходящее разум, в чем содержится и единственное объяснение смысла земной жизни. Вот в чем ценность изучения того, что выведет нас за границу нашего мира.

«Ты Отец наш, и ты перенесешь нас через океан невежества».⁹⁹ Вот это — и ничто иное — есть наука религии.

⁹⁹ Пересказ Прашна уп., VI, 8.

Глава I

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ

1. Здесь дано объяснение сосредоточения.

2. Йога есть управление умом, или субстратом мысли [*читта*], стремящимся принять многообразные формы [*вритти*].

Нам придется прежде всего постараться понять, что такое *читта* и что такое *вритти*. У меня есть глаза. Глаза не видят. Если удалить мозговой центр, то глаза не будут видеть, хотя они остаются на своем месте, радужная оболочка цела и даже отражает объект. Значит, глаза являются не органом зрения, а вторичным инструментом. Подлинный орган зрения — это нервный центр в мозгу, а простого наличия двух глаз недостаточно, чтобы видеть. Иной раз человек спит с открытыми глазами. Есть освещение, есть отражение предмета, но нужен еще третий компонент — орган должен быть соединен с умом. Глаз — это внешний инструмент, к нему требуется нервный центр и посредничество ума. На улице грохочут экипажи, а вы их не слышите. Почему? Потому что ум не соединился с органом слуха. Итак, существует, во-первых, инструмент, во-вторых, орган чувств и, в-третьих, ум. Ум фиксирует впечатление, которое передается определяющей способности — *буддхи*, а затем следует реакция, которая несет в себе оттенок эгоизма. Действие и реакция вместе предстают перед *пурушей*, истинной душой, таким образом воспринимающей объект. Органы чувств (*индрии*), ум (*манас*), определяющая способность (*буддхи*) и эгоизм (*ахамкара*) все вместе образуют группу, которая называется внутренним инструментом (*антахкарана*). Все эти процессы происходят в уме, или субстрате мысли, — *читте*.

Психические волны сознания носят название *вритти*, что в дословном переводе означает «водоворот». Что такое мысль? Сила — как притяжение или отталкивание. Инструмент под названием «читта» черпает из неиссякаемых природных запасов толику энергии, вбирает ее в себя и излучает в виде мысли. Энергию дает нам пища, благодаря ей организм способен совершать движения и прочее. Более сложную энергию он выделяет в виде того, что мы называем мыслью. Мы видим, что наш ум не умен, тем не менее он кажется умным. Почему? Потому что за ним стоит умная душа. Единственное мыслящее существо — это вы, ум же просто инструмент, с помощью которого вы воспринимаете внешний мир. Возьмите эту книгу: как книга она не существует вне нас — существующее вне нас непознанно и непознаваемо. Непознаваемое вызывает раздражение, которое приводит в действие ум, ум возвращает его в виде реакции в форме книги, как камень, брошенный в воду, вызывает реакцию в форме волн. Нечто в форме книги, слона, человека помещается не вне нас; единственное, что мы знаем, — это наша психическая реакция на сигнал извне. Вне нас помещается один лишь сигнал. Джон Стюарт Милль¹⁰⁰ говорил: «Материя есть постоянная возможность ощущений». Возьмем для примера раковину-жемчужницу: все знают, откуда берется жемчуг — в раковину попадает паразит, вызывающий раздражение, в ответ на которое та выделяет особую жидкость, образующую жемчуг. Вселенная опыта — это та же жидкость в применении к нам, а подлинная вселенная — тот паразит, который служит ядром. Обыкновенный человек не в силах это понять, так как попытка понять является процессом выделения жидкости, и потом человек уже видит только ее. Теперь нам легче подойти к смыслу *вритти*. Подлинная суть человека — за пределами ума, и сам ум — инструмент, фильтрующий его мыслительный процесс. Только когда вы скрыты за умом, он становится мыслящим. Когда вы оставляете его, он распадается и обращается в ничто. Вот что такое читта — субстрат наших мыслей, а вритти — волны или рябь, возникающая от соприкосновения с сигналами извне. Вритти и составляют нашу вселенную.

¹⁰⁰ Джон Стюарт Милль (1806–1873), английский философ и экономист.

Мы не можем различить озерное дно из-за ряби на водной поверхности. Только если успокоится поверхность, мы можем заглянуть вглубь, но не до тех пор, пока вода замутнена или вспенена волнами. Дно озера и есть наше подлинное озеро — это *читта*, а волны на ее поверхности — *вритти*. Давайте вспомним, что существует три состояния ума: *тамас* — темное начало, преобладающее у животных и идиотов; действие его всегда вредоносно; *раджас* — активное состояние, нацеленное на самоутверждение и удовлетворение желаний: «я добьюсь могущества и буду властвовать над людьми»; *саттва* — покой и равновесие, от которого успокаиваются волны и проступает озерная глубь. Саттва не есть пассивность, напротив, это состояние повышенной активности. Спокойствие — величайшее проявление силы. Легче проявлять активность. Отпустите поводья, и кони понесут вас. Это может каждый, но докажет свою силу тот, кто остановит разгорячившихся коней. Что требует большей силы, потворство или сдержанность? Но человек, владеющий собой, не может быть туп. Не надо путать саттву с душевной вялостью или ленью. Владеет собой тот, кто способен заставить улеться волны на поверхности ума. Активность — проявление силы низшего порядка, самообладание — сила высшего порядка.

Читта постоянно стремится вернуться к своей природной чистоте, но органы чувств будоражат ее. Первый шаг йоги — стремление сдерживать тягу органов чувств к внешнему миру, повернуть обратно к сути мышления, ибо только это — надлежащий путь для читты.

Хотя читтой обладают все животные, от самых примитивных до высокоорганизованных, только в человеке проявляет она себя в виде интеллекта. Пока она не примет форму интеллекта, читта не может вернуться к своим началам и освободить душу. Ни корова, ни собака не могут достичь освобождения, хоть и обладают умом, поскольку, их читта еще не созрела до формы, которую мы зовем интеллектом.

Читта проявляет себя в следующих формах: она рассеивает, затемняет, собирает воедино, направляет в одну точку, сосредоточивает. Ее рассеивающая форма — это активность, имеющая тенденцию проявиться в форме удовольствия или страдания. Затемняющая форма — это вредоносная тупость. Комментатор указывает, что третья форма читты естественна для дэвов, ангелов, в то время как две первые естественны для демонов. Форма собирания воедино свидетельствует о стремлении читты обратиться вовнутрь себя, а ее сосредоточенная форма дает нам самадхи.

3. В это время [в период сосредоточения] наблюдатель (*пuruша*) пребывает в собственном [неизменном] состоянии.

Как только улеглись волны, сквозь озерную гладь нам видно дно. То же и с умом, когда он спокоен, мы понимаем нашу собственную суть, мы не отождествляем себя с чем-либо, а остаемся собой.

4. В другое время [вне периода сосредоточения] наблюдатель отождествляется с модификациями ума.

Например: меня выбрали, в моем уме возникает вритти, я отождествляю себя с возникшим состоянием, и в результате я несчастен.

5. Существует пять разновидностей модификаций ума, некоторые из них причиняют страдание, другие — нет.

6. Эти разновидности: правильное знание, неразличение, словесные иллюзии, сон и память.

7. Доказательствами являются: непосредственное восприятие, умозаключение и надежное свидетельство.

Когда два наших восприятия не противоречат друг другу, мы называем их доказательными. Я слышу звук, но, если это противоречит ранее полученным восприятиям, я подвергаю свой слух сомнению, я не доверяю ему. Доказательства бывают трех видов: *пратьякша* — непосредственное восприятие; увиденное или услышанное есть доказательство, при условии что наши чувства не были обмануты. Я вижу мир, и это достаточное доказательство его существования. Затем *анумана* — умозаключение; я вижу знак и от него перехожу к тому, что знак это знаменует. И *аптавакья* — прямое

свидетельство йогов, тех, кто познал истину. Мы все стремимся к познанию, но нам с вами приходится идти к познанию трудным, долгим и скучным путем умозаключений, в то время как йог, чистый духом, перешагивает через все преграды. Для его ума нет разницы между прошлым, настоящим и будущим — они для него как одна книга, которую он читает, и все потому, что он достигает знания внутри самого себя. Такими были те, кто написал священные книги, поэтому написанное ими есть доказательство. Если такой человек или люди живут в наше время, их слова доказательны. Есть философы, которые многословно обсуждают аптавакью, спрашивая, а где доказательство истинности этих слов? Доказательство — в непосредственном восприятии истины их авторами. Ибо то, что вижу я, есть доказательство, и то, что видите вы, есть доказательство, если видимое нами не противоречит уже накопленному знанию. Существует знание, недоступное органам наших чувств, и в тех случаях, когда оно не противоречит здравому смыслу и собранному человеческому опыту, оно есть доказательство. В эту комнату может войти безумец и сказать, что видит ангелов вокруг, но его слова не будут доказательством. Во-первых, знание должно быть подлинным, во-вторых, оно не должно противоречить знанию, накопленному ранее, а в-третьих, здесь важен и характер человека, от которого поступает знание. Говорят, что характер человека не так важен, как то, что он говорит, сначала надо его выслушать! Возможно, это справедливо в других областях: человек может быть дурным, но совершить открытие в астрономии. В религии это не так: тот, чья душа не чиста, никогда не сможет воспринять религиозную истину. Поэтому нам следует, во-первых, удостовериться в том, что объявляющий себя *аптой* действительно совершенно бескорыстен и свят, во-вторых, что ему доступно лежащее за пределами чувств и, в-третьих, что его слова не противоречат прошлому знанию человечества. Любое новое открытие не противоречит истинам, открытым ранее, и находится в соответствии с ними. В-четвертых, истина должна быть доступна проверке. Если человек заявляет, что у него было видение, но я не имею права увидеть его, то этому человеку я не верю. Всякий должен быть в состоянии сам увидеть это. Человек, торгующий своим знанием, — не апта. Итак, должны быть соблюдены все условия: во-первых, надо иметь уверенность, что человек чист душой, что он не руководствуется никаким корыстным побуждением, не жаждет ни выгоды, ни славы. Во-вторых, он должен проявить свое сверхсознание, показать нам нечто, недоступное нашим органам чувств и благотворное для мира. В-третьих, надо убедиться, что его истина не противоречит другим истинам; если она не согласуется с другими научными истинами, то должна быть сразу отвергнута. В-четвертых, этот человек не может представлять собой единичный случай, он должен быть носителем того, что доступно всем. Таким образом, существует три вида доказательств: это непосредственное восприятие, умозаключение и слова апты. Я затрудняюсь перевести слово «апта» на английский. «Вдохновенный» здесь не подходит, поскольку предполагается, что вдохновение приходит извне, здесь же речь о знании, раскрывающемся в самом человеке. Дословное значение — «достигший».

8. Неразличение — это ложное знание, которое не соответствует действительности.

Следующая разновидность вритти — это принятие одного за другое, как перламутр можно принять за серебро.

9. Словесная иллюзия возникает, когда слова лишены [соответствующей им] реальности.

Существует разновидность вритти, именуемая *викальпа*: произносится слово — и мы немедленно делаем вывод из сказанного, не давая себе труда вдуматься в его смысл. Это явление свидетельствует о слабости читты. На нем же легко проследить теорию самообладания: чем слабее человек, тем меньше он способен владеть собой. Старайтесь постоянно следить за собой в этом отношении. Если вы чувствуете, что к вам подступает раздражение или огорчение, постарайтесь проанализировать, что именно заставило ваш ум закружиться в водовороте вритти.

10. Сон — это вритти, связанное с ощущением пустоты.

Сон и сновидения являются разновидностями вритти. Мы знаем, что спали, только

когда пробуждаемся, у нас остается память восприятий во сне. Невоспринятое мы не можем помнить. Каждая реакция образует волну на озерной глади. Если во сне ничто не возмутило гладь, если не было ни положительных, ни отрицательных восприятий, нам нечего помнить. Мы помним, что спали, потому что во сне испытывали определенные колебания в уме. Разновидностью вритти является и память, она носит название *смрити*.

11. Память — это, когда не исчезают [вритти] воспринятых объектов [и через впечатления возвращаются в сознание].

Источниками воспоминаний могут быть непосредственные восприятия, ложное знание, словесные иллюзии и сон. Допустим, вы слышите слово, оно, как камень, падает в озеро читты, и по воде расходятся круги. Круги могут вызвать рябь на поверхности, это и есть память. Происходить это может и во сне. Когда рябь, называемая сном, вызывает на поверхности читты рябь, называемую памятью, возникает сновидение. Сновидение — это разновидность ряби, которая наяву была бы воспоминанием.

12. Ими управляют при помощи упражнения и освобождения от привязанностей.

Ум способен освободиться от привязанностей, только став чистым, добрым и рациональным. Зачем нужны упражнения? Потому что всякое действие подобно ряби, пробегающей по поверхности озера. Что останется на поверхности после того, как уляжется рябь? *Самскара*, впечатление, след. Когда ум накапливает в себе большое количество самскар, соединяясь, они образуют привычку. Говорят, будто привычка — вторая натура, но она может быть и первой натурой, да и всей натурой человека. Все, что мы есть, — это плод привычек. Нас утешает мысль об этом, поскольку раз речь идет всего-навсего о привычке, то можно в любую минуту избавиться от одной и приобрести другую. Самскары остаются в уме от волн, пробежавших по нему, и всякая волна оставляет свой след. Наш характер — слагаемое всех следов, и формируется он в зависимости от того, какие следы преобладают. Хорошие — человек добр, дурные — он зол, веселые — он радостен. Избавиться от дурных привычек можно только приобретением хороших. Постоянно творите добро, постоянно думайте о возвышенном — вот единственный способ преодолеть дурные навыки. Никогда не считайте, будто человек безнадежен, ибо в лице его перед нами предстает характер, сумма навыков, которые можно изменить под воздействием других, добрых. Характер — это повторение привычных действий, значит, повторением иных действий его можно изменить.

13. Упражнение есть постоянная борьба за полное обуздание вритти.

Что такое упражнение? Стремление удержать ум в форме читты, не давая ему разбежаться кругами.

14. Устойчивых результатов можно добиться долгими непрерывными стараниями и великой любовью.

Самообладание не приходит сразу, к нему нужно долго и настойчиво стремиться.

15. Достижением того, кто отрешился от стремления к обладанию объектами, которые увидены или известны из услышанного, кто решил подчинить их своей воле, будет освобождение от привязанностей.

Побудительными силами наших действий являются: 1. Увиденное собственными глазами; 2. Испытанное другими. Эти побуждения и поднимают волны на озерной глади ума. Отказ от них и есть та сила, которая помогает успокоить волнение ума. Я иду по улице, на меня нападает человек и отнимает у меня часы. Я рассказываю о случае, который действительно имел место. Во мне поднимается мощная волна ярости. Этого нельзя допускать. Если человек не может обуздать себя, он ничто, если может, то он обладает качеством *вайрагьи*. Опыт любителей хорошей жизни заключается в том, что удовлетворение желаний и есть высшая цель всего, и в этом утверждении содержится большой соблазн. Опровергнуть эти утверждения, не допустить волнений ума — вот в чем смысл отказа от желаний; обуздать соблазн, проистекающий из моего собственного опыта и из того, что я знаю от других, предотвратить читту от возбуждения соблазнами — это вайрагья. Я должен управлять желаниями, а не они мной. Эта душевная сила и носит название отрешения, вайрагья — единственный путь к свободе.

16. Полное освобождение от привязанностей связано с отрешенностью даже от определенных свойств и исходит из знания истинной природы *пуруши*.

Наивысшее проявление силы вайрагьи — это отрешенность даже от привязанности к определенным свойствам. Но прежде всего, нам нужно разобраться в том, что есть пуруша, Душа, и о каких свойствах идет речь. Философия йоги учит: вся природа состоит из трех сил, или свойств. Это *тамас*, *раджас* и *самтва*. В физическом мире они проявляются как темнота или бездеятельность, притяжение или отталкивание и равновесие. Вся природа, во всех ее проявлениях, состоит из различных сочетаний этих трех сил. Философы санкхьи делят природу на различные категории, но Душа человека вне категорий, ибо она вне природы. Она светоносна, чиста и совершенна. Сознание, которое мы наблюдаем в природе, есть не более чем отражение «Я» в природе. Сама по себе природа внечувственна. Следует помнить, что, говоря о природе, мы включаем сюда и ум — ум природен, природна и мысль. Природа есть все, начиная от мысли и кончая самыми примитивными проявлениями жизни. Природа обволакивает и Душу, а когда природа совлекает свою оболочку с Души, Душа предстает во всем своем величии. Освобождение от привязанностей более всего способствует выявлению Души.

Следующий афоризм определяет суть *самадхи* — совершенного сосредоточения, которое есть цель йоги.

17. Сосредоточение, называемое истинным знанием, есть то, что сопровождается рассуждением, различением, блаженством, неопределенностью личного начала.

Существуют две разновидности *самадхи*: *сампраджнята* и *асампраджнята*. В сампраджнята самадхи проявляются все силы, управляющие природой. Есть четыре вида такого сосредоточения. Первый именуется *савитарка*: тут ум снова и снова сосредоточивается на объекте, отделяя его от всех остальных. В соответствии с категоризацией санкхьи существует два рода объектов для сосредоточения: (1) двадцать четыре вида природы, лишенной чувствования; (2) один пуруша, обладающий чувствованием. Этот раздел йоги целиком основан на философии санкхьи, о которой я вам уже рассказывал. Вы помните, что личное начало, воля и ум обладают единой основой — это читта, или их общий субстрат. Читта вбирает в себя силы природы и возвращает их в виде мыслей. Должно быть также нечто, где энергия и материя становятся одним. Это нечто имеет название — *авьякта*, природа в непроявившемся состоянии, какой она бывает до сотворения и чем она опять становится по окончании цикла, с тем чтобы опять затем проявиться. Кроме этого, пуруша — духовное начало интеллекта. Знание есть сила, и, познавая, мы обретаем власть над познанным, поэтому ум, сосредоточиваясь на различных элементах, приобретает власть над ними. *Савитарка* и есть тот вид медитации, в котором объектами являются внешние элементы мироздания в их грубой форме. *Витарка* означает вопрос; савитарка — сопровождаемое вопросом, то есть в данном случае мы как бы вопрошаем элементы, чтобы вместе со знанием о себе они дали человеку, медитирующему о них, и власть над собой. Однако обладание властью не приводит к освобождению: власть — это все то же стремление к удовлетворению желаний, а в этой жизни нет удовлетворения, и бесполезно искать его. Старый, старый урок, который так плохо дается человеку; усвоив этот урок, человек выходит из пределов этой вселенной, и он свободен. Обладание же свойствами, которые обычно называют оккультными, еще сильнее привязывает к миру и в конечном счете лишь усиливает страдания человека. Хотя как ученый Патанджали указывает на эти возможности, он не упускает случая предостеречь людей от них.

Есть и другой вариант той же самой медитации, когда человек старается выделить элементы из времени и пространства и думать о них, как они есть. Этот вариант называется *нирвитарка*, без вопроса. При медитации более высокого уровня, объектом которой являются *танматры*, тонкие элементы, рассматриваемые во времени и в пространстве, возможна медитация *савичара* — с различением, и *нирвичара* — без различения, когда пять элементов берутся как они есть, вне времени и вне пространства. На следующем уровне объектом медитации являются уже не элементы, грубые или тонкие, а внутренний орган,

орган мышления. Если он рассматривается вне качеств активности или пассивности, тогда медитация носит название *сананда*, самадхи блаженства. Когда объектом медитации становится сам ум, когда медитация набирает зрелость и глубину, когда перестают замечаться грубые и тонкие элементы и остается только саттвическое состояние «эго», выделенное из всего остального, тогда это *сасмита* самадхи. Человек, достигший его, «освобождается от тела»; по ведическому определению, он может считать себя освобожденным от грубой плотской оболочки, хотя тонкая оболочка все равно, конечно, остается. Заветной цели этот человек не достигает, но, сливаясь с природой, он получает название *праkritила*; не удовлетворяясь этой ступенью и идя далее, он стремится к цели — к свободе.

18. Существует еще одна разновидность самадхи, достигаемая постоянным упражнением в прекращении всей мыслительной деятельности, в которой читта сохраняет в себе только непроявившиеся впечатления.

Это и есть совершенное, сверхсознательное состояние, дающее свободу, — *асампраджнята* самадхи. Ранее описанные состояния свободы не дают, не освобождают душу: человек может добиться власти над всеми силами природы и снова пасть. Ни в чем нельзя быть уверенным, пока душа остается в пределах природы.

Хотя методика выглядит легкой, на самом деле она очень трудна: человек сосредоточивается на собственном уме, превращая ум в подобие вакуума и не допуская появления мыслей. В тот самый миг, как человек добился этого, он свободен. Однако, когда остановить мысль пробуют люди неумелые и неподготовленные, они, как правило, погружаются в тамас, в тупое невежество, и вялость ума принимают за остановку мыслительной деятельности. Истинное прекращение мыслительной деятельности требует огромной силы и огромной способности к самоконтролю. При достижении *асампраджняты*, этого состояния сверхсознания, самадхи становится бессемянным. Что имеется в виду? При концентрации с сохранением сознания ум может только успокоить волны читты, обуздать их, но волны в форме тенденции все равно остаются. Придет время, и эти тенденции (или семена) сделаются новыми волнами. Когда же стерты и тенденции, чуть ли не сам ум стерт, тогда самадхи делается бессемянным, в уме больше нет семян, из которых он может вырастить новые ростки жизни, таящие в себе нескончаемую смену рождений и смертей.

Тут возможен вопрос: что это за состояние, в котором исчез ум, исчезло все знание? То, что мы зовем знанием, есть знание более низшего порядка, чем то, что идет за пределами знания. Нельзя забывать, что полярные противоположности схожи. Эфир при низких колебаниях выглядит как тьма, затем следует промежуток света, но колебания очень высокие опять дадут тьму. Подобным образом можно сказать, что невежество — низший уровень знания, за ним следует промежуток знания, после которого идет высший уровень, иное знание. Однако полюса обнаруживают внешнее сходство. Знание не есть сама действительность, это нечто составленное, комбинированное.

Что же дают постоянные упражнения в высшей сосредоточенности? Стираются укоренившиеся навыки непоседливости или вялости вместе со стремлением к добру. Процесс похож на использование химических препаратов, отделяющих золото от грязи и примесей. Примеси сгорают вместе с препаратами. Постоянные упражнения сотрут дурные склонности, но в конечном счете и добрые тоже. Добро и зло уничтожат друг друга, и останется Душа в величии, не омраченном ни добром, ни злом, вездесущая, всемогущая, всеведающая. Тут человеку откроется, что не был он рожден и не умрет, что нет ему нужды ни в небе, ни в земле. Ему откроется, что он не пришел и не уйдет, что движется не он, а природа, движение которой отразилось в его душе. Солнечный зайчик, отброшенный на стену, бежит по ней, а невежественной стене кажется, будто движется она. Так и мы: читта беспрестанно движется, изменяя формы, а нам кажется, будто эти формы — мы. Исчезнут все эти заблуждения. И когда освобожденная Душа прикажет, не станет просить или вымаливать, все свершится по ее воле. Все будет по воле ее. Согласно философии санкхьи, Бога нет, его не может быть в этой вселенной, ибо если бы Он был, Он был бы Душой, Душа

же может быть либо скована, либо свободна. Как может творить Душа, которая либо связана природой, либо управляется природой? Она ведь рабыня. С другой стороны, зачем свободной Душе творить и созидать все эти вещи? У нее нет желаний, поэтому не может быть и потребности в творчестве.

Далее философия санкхьи полагает, что теория Бога является избыточной, поскольку все можно объяснить одной природой. Зачем в таком случае нужен Бог? Однако Капила¹⁰¹ утверждает, что существует множество душ, которые, вплотную приблизившись к освобождению, тем не менее не достигли его, так как не сумели отказаться от приобретенных качеств. Их ум на время сливается с природой, чтобы снова выделиться в роли ее повелителей. Такие боги существуют. Такими богами станем мы все, и, по санкхье, Бог, о котором идет речь в Ведах, представляет собою одну из этих освободившихся душ. Но над ними нет Творца, вечно свободного и вечно блаженного. Йоги стоят на иной точке зрения: это не так, Бог есть Душа, существующая отдельно от всех других душ, есть вечный Повелитель всего сущего, извечно свободный, Учитель всех учителей. Йоги признают и существование тех, кого философы санкхьи называют «слившимися с природой». Это те йоги, кто не достиг совершенства, кто на какое-то время остановился перед целью, тем не менее управляя частью вселенной.

19. [Когда самадхи не сопровождается полным отказом от всех привязанностей], оно становится причиной нового проявления богов и тех, кто слился с природой.

В индуcской иерархии боги располагаются на различных высоких ступенях, занимаемых поочередно различными душами. Однако ни один из богов не совершенен.

20. Иные достигают этого самадхи верой, прилежанием, памятью, сосредоточением и способностью отличать истинное.

Речь идет о тех, кто не стремится стать богами или даже повелителями мировых циклов. Они достигают освобождения.

21. Быстрого успеха достигает тот, кто очень энергично устремлен к нему.

22. Йоги добиваются различных успехов, характер которых зависит от того, использовались ли средства слабые, средние или сильные.

23. А также благодаря любви к *Ишваре*.

24. *Ишвара* (Высшее существо) есть пуруша особого рода, свободный от страдания, действий, их результатов и желаний.

Нам следует опять напомнить себе, что философия йоги основывается на философии санкхьи, с той лишь разницей, что в санкхье нет места Богу, а в йоге есть. Однако йога не касается таких аспектов Бога, как сотворение мира. Ишвара йоги не является творцом вселенной, каким он предстает в Ведах, где сказано, что мир, будучи гармоничен, должен быть проявлением одной воли. Йоги не отказываются от Бога, но идут к нему своим собственным путем. Они говорят:

25. В Нем обретает бесконечность всезнание, которое в других является [только] зародышем.

Ум вечно движется между двумя полюсами. Можно думать об ограниченном пространстве, но сама идея несет в себе зародыш пространства безграничного. Закройте глаза и подумайте о крохотном пространстве: в тот самый миг, как вы вообразите крохотную окружность, вы увидите вокруг нее окружность беспредельную. То же относится и ко времени. Попробуйте думать о секунде, и этот же акт восприятия даст вам представление о вечности. То же относится и к знанию. В человеке знание есть лишь как зародыш, но поскольку вы вынуждены думать о беспредельности всего знания вокруг этого зародыша, то само устройство ума показывает, что оно существует. Йога называет беспредельное знание

¹⁰¹ Индийская традиция связывает санкхью с именем мудреца Капилы, о котором много говорится в эпосе (в Мбх., к примеру, он так и назван: «возвеститель санкхьи», Мбх., XI, 67). Однако в последнее время индологи склоняются к тому, что суждение о санкхье как учении, восходящем к одному учителю, ошибочно. Более вероятно, что санкхья всегда представляла собой многие параллельно развивающиеся школы.

Богом.

26. Не будучи ограничен временем, Он есть Учитель самых древних учителей.

Справедливо, что все знание находится внутри нас, однако проявиться оно может только при помощи другого знания. Хотя способность знать — в нас, она должна быть выявлена, и это выявление, как полагают йоги, возможно лишь с помощью другого знания. Мертвое, лишённое сознания вещество никогда не выявляет знания, которое в нем содержится, требуется действие знания, чтобы выявить знание.

Знающие существа должны быть с нами, чтобы пробудить знание, находящееся внутри нас, и потому так необходимы всегда учителя. Мир никогда не оставался без них, знание не может проявиться без них. Учитель же всех учителей есть Бог, ибо, сколь великими бы они ни были — богами или ангелами, — их все равно сковывает и ограничивает время, от уз которого свободен Бог.

Философия йоги использует две любопытные дедукции. Первая: размышляя об ограниченном, ум должен думать о неограниченном; и если истинна часть воспринятого, то истинно и целое, поскольку обе равноценны в качестве восприятий. Тот факт, что знание человека так ограничено, служит доказательством неограниченности божественного знания. Если я соглашаюсь с первой частью постулата, отчего же не со второй? Логика подсказывает мне либо согласиться с обеими, либо обе отвергнуть. Если я полагаю, что существует человек, обладающий небольшим знанием, то я должен предположить, что существует некто, чье знание огромно, неограниченно. Вторая: нет знания, которое можно было бы приобрести без помощи учителя. Справедливо, как отмечают современные философы, что человек несет в себе какое-то знание, которое впоследствии развивается; все знание — в человеке, однако требуются определенные условия для его проявления. Мы не можем обрести знание без учителей. Но все учителя, будь они людьми, богами или ангелами, ограничены по своей природе. Кто же был учителем до них? Мы вынуждены признать, что есть один учитель, свободный от ограничений времени, и этот учитель, обладающий беспредельным знанием, безначальным и бесконечным, есть Бог.

27. Он проявляется через слово «Ом».

Всякая мысль, приходящая нам в голову, имеет словесное соответствие, слово и мысль неразделимы. Слово есть внешний аспект того, внутренний аспект чего — мысль. Как бы ни старался человек, невозможно отделить мысль от слова. Теория о том, что язык выдумали люди — собралась группка и стала решать, какое слово что будет означать, — давно отвергнута. Слово и язык существовали столько времени, сколько существует человек. Но как они соединены, мысль и слово? Хотя мы знаем, что мысль всегда сопровождается словом, одна и та же мысль не всегда выражается тем же словом. Люди двадцати разных стран могут думать об одном и том же, однако выражают свои мысли на разных языках. Нам нужно слово, чтобы выразить мысль, но звучание слов может быть различным. Как говорит один комментатор: «Хотя отношение мысли и слова совершенно естественно, это не означает строгого соответствия определенного звука определенной мысли».¹⁰² Звучание меняется, а взаимосвязь остается, она естественна. Соотношение мысли и звука хорошо тогда, когда существует настоящая связь между значением и его символом, без этого символ и не получит широкого распространения. Символ есть проявление обозначаемого, и если обозначаемое символом существует давно, и если по опыту мы знаем, что символ много раз передавал именно это значение, тогда мы не сомневаемся в наличии подлинной связи между

¹⁰² Имеется в виду миманса, в которой большое внимание уделялось доказательству того, что Веды не являются творением какой-либо одной личности (все равно, божественной или человеческой). Мимансаки доказывали, что Веды являются вечными. Один из их аргументов был таким: произнесенные звуки являются всего лишь выразителями слов, слова же представлены буквами, которые не имеют частей и не обусловлены никакой причиной. Как бы они ни произносились разными людьми, они всегда означают одни и те же буквы. Получается, что буквы выходят за пределы пространства и времени и, следовательно, составленные из них слова являются вечными, то есть существующими, но причинно не обусловленными.

ними. Предметы могут и не присутствовать — тысячи людей опознают их по символам. Должна быть естественная связь между символом и символизируемым: при произнесении звукового символа должен возникать образ символизируемого.

Комментатор говорит, что символ Бога — это Ом. Отчего же он подчеркивает именно Ом, когда есть сотни слов, обозначающих Бога. Одна мысль связана с тысячью слов, идея Бога передается сотнями слов, каждое из которых является и символом Бога. Все это прекрасно. Но ведь должно быть и нечто обобщающее все эти слова, некий субстрат для всех символов, обобщение, которое, по сути, представит все символы. Производя звук, человек использует гортань и нёбо. Существует ли звук, который был бы квинтэссенцией всех звуков, наиболее естественный звук речи? Таков Ом (аум), основа всех звуков. Первая его буква «А», ключевой звук, произносится без участия языка или нёба; заключающий звук «М» произносится сомкнутыми губами, а «У» прокатывается от корня языка по всей его длине. Таким образом, Ом включает в себя весь процесс продуцирования звука, следовательно, Ом можно считать естественным символом, основой различных других звуков речи. Помимо этих рассуждений, мы видим, что Ом постоянно оказывается в центре различных религиозных течений Индии: многообразные религиозные идеи Вед группируются вокруг звука Ом. Ну а какое это может иметь отношение к Америке, Англии, любой другой стране? Только то, что Ом сохранял свое значение во все периоды религиозного развития Индии, постоянно символизируя Бога. Ом используют монасты, дуалисты, монодуалисты, сепаратисты и даже атеисты. Ом сделался единым символом для устремленности к Богу огромного большинства людей. Возьмите, например, английское слово «God» (Бог). Оно имеет только ограниченную функцию. Идя дальше этого, вы вынуждены прибегать к прилагательным, когда хотите подчеркнуть, что речь идет о Боге личностном, внеличностном или об Абсолюте. То же относится к слову «Бог» в любом языке, и только Ом несет в себе все оттенки смысла. В этом качестве Ом и должен быть принят всеми.

28. Повторение этого [Ома] и сосредоточение на его смысле [и есть путь].

Зачем требуется повторение? Мы не забыли теорию *самскар*, совокупности впечатлений, сохраняющихся в нашем уме. С течением времени самскары становятся все более латентными, но они есть и при соответствующем побуждении обнаруживают себя. Молекулярные колебания никогда не прекращаются. Когда приходит конец этой вселенной, исчезают большие волны, Солнце, Луна, звезды, Земля — все тает, но в атомах сохраняются колебания. Каждый атом выполняет ту же функцию, что и целые миры. Равным образом, когда затихают колебания в читте, молекулярные колебания продолжают и под воздействием соответствующего импульса проявляются снова. Из этого становится понятным, что дает повторение, самый действенный импульс для проявления духовных самскар. «Миг, проведенный в общении со святостью, помогает кораблю пересечь океан жизни».¹⁰³ Так велика сила ассоциаций. Повторяя Ом и размышляя над тем, что значит Ом, вы соединяете свой ум с возвышенным. Изучайте, а затем медитируйте об изученном. Свет придет к вам, и Душа проявит себя.

Но для этого требуется размышлять об Оме и его смысле. Избегайте плохого общества, ибо вы несете в себе шрамы от старых ран, и общение с дурными людьми как раз и способствует тому, чтобы они опять открылись. И точно так же общение с добрыми людьми пробудит добрые впечатления, которые в нас тоже есть, но они дремлют. Нет в мире ничего святее, чем общение с возвышенным, ибо оно помогает проявиться всему доброму, что вы накопили в себе.

29. Из этого приобретается [знание] обращения внутрь себя и разрушение препятствий.

Первым же результатом повторения Ом и размышления над его смыслом станет усиление способности заглянуть вовнутрь себя, а по мере ее усиления начнут разрушаться

¹⁰³ Источник цитирования не выявлен.

психические и физические препятствия. Что же может быть препятствием для йога?

30. Болезнь, умственная леность, сомнение, недостаток рвения, апатия, привязанность к чувственным радостям, ложные восприятия, неспособность сосредоточиться, падение с уже достигнутой высоты — вот препятствия для йога.

Болезнь. Наше тело есть лодка, которая должна перевезти нас через океан жизни. О лодке следует заботиться. Нездоровый человек не может стать йогом. *Умственная леность* отнимает у нас живой интерес к делу, а без него не может быть у человека достаточно энергии для упражнений. *Сомнение* по поводу истинности науки возникает независимо от доводов интеллекта и может возникать до тех пор, пока человек не испытает определенные психические явления, скажем, не начнет видеть или слышать на больших расстояниях. Даже блики сверхчувственного укрепляют ум, внушают настойчивость. *Падение с уже достигнутой высоты.* По прошествии дней или недель, проведенных в постоянных упражнениях, ум успокаивается и возрастает его способность к сосредоточению. Человек обнаруживает, что быстро продвигается к цели. Но неожиданно продвижение прекращается, и человек чувствует себя потерянным. Проявляйте настойчивость. Нет прогресса без взлетов и падений.

31. Неспособность удержать ум в состоянии сосредоточенности сопряжена с тоской, подавленностью, дрожью в теле, неровным дыханием.

Сосредоточение дает полный покой уму и телу всякий раз, как вы в нем упражняетесь. Сложности возникают либо от того, что упражнения неправильно выполняются, либо от того, что человек еще недостаточно владеет собой. Повторение Ома и предание себя воле Бога укрепят ум и придадут новые силы. Что же касается нервной дрожи, то через это проходят все. Пусть она вас не тревожит, продолжайте упражняться.

32. Чтобы преодолеть это, [следует избрать] сосредоточение на одном объекте.

Разрушить эти препятствия помогает придание уму формы одного объекта на некоторое время. Но это совет общего порядка, который далее будет разъясняться в частностях. Поскольку один метод не может подойти всем, их будет предложено несколько, с тем чтобы каждый мог избрать тот, который в наибольшей степени отвечает его потребностям.

33. Дружелюбие, сострадание, радость и безразличие по отношению к счастливым, несчастным, добрым и злым соответственно успокаивает чितту.

Нам следует усвоить четыре разновидности отношения ко всему. Мы должны быть всегда дружелюбны, мы должны испытывать сострадание к тем, кто в беде, когда люди радуются, должны радоваться и мы; по отношению к дурным людям мы должны проявлять безразличие. Это относится ко всему на свете. Встречаясь с добрым, мы должны быть дружелюбны, с несчастным — испытывать сострадание. Надо радоваться доброму и проявлять безразличие к злему. Такое отношение умиротворяет ум. Все наши повседневные неприятности проистекают от неспособности держать ум умиротворенным. Если с нами плохо обходятся, мы сразу же хотим ответить тем же, значит, мы не в силах управлять читтой, она поднимается волной в направлении объекта, а мы теряем силу контроля. Всякий раз, как мы поддаемся ненависти или злобе, мы причиняем огромный вред уму. Любая злая мысль или поступок, от которых мы сумели удержаться, идет на пользу нам. Сдерживаясь, мы ничего не теряем, мы обретаем, и гораздо больше, чем нам кажется. Подавляя в себе ненависть или злобу, мы накапливаем положительную энергию, которая впоследствии превратится в силу высшего порядка.

34. Выдох и сдерживание дыхания.

Собственно говоря, в этом тексте было употреблено слово «*прана*», а прана — это не совсем дыхание. Так называется энергия вселенной. Вся вселенная, все живое есть проявление праны, так что праной следует называть сумму энергии, проявленной во вселенной. До начала мирового цикла прана пребывает в почти неподвижном состоянии, проявляясь по мере его разворачивания. Прана проявляется как движение, включая и действие нервов в человеке и животных, она проявляет себя в виде мысли и т. д. Вселенная

представляет собой сочетание праны и акаши, человеческий организм тоже. *Акаша* дает материю, *прана* — энергию. Так вот, упомянутые выдыхание и сдерживание праны называются *пранаямой*. Патанджали, отец философии йоги, не оставил нам особо подробных указаний о пранаяме, но позднее другие йоги совершили много открытий в этой области, превратив пранаяму в настоящую науку. Для Патанджали пранаяма была одним из нескольких путей, который он не выделял особенно. Он считал, что равномерное вдыхание и выдыхание воздуха с некоторой паузой есть просто средство для приведения ума в равновесие. Впоследствии же из этого выросла целая наука, о которой мы сейчас скажем. Кое-что я уже рассказывал, но повторение только закрепит это в вашем уме.

Начнем с того, что прана — не дыхание, а то, что вызывает дыхательные движения, прана — это, скорее, жизненная сила. Опять-таки словом «прана» можно обозначать все органы чувств, они все — праны, как, например, ум. Но прана — это энергия, это сила, хотя, с другой стороны, и это не совсем так, ибо энергия, сила есть проявление праны, а не она сама. Прана есть то, что проявляет себя как сила и как любая форма движения. Читта действует как машина, втягивающая прану и преобразующая ее в различные силы, необходимые для поддержания жизнедеятельности организма, включая мысль, волю и прочее. Через процесс дыхания мы можем управлять и всеми другими движениями в организме, так же как и нервными импульсами, регулирующими движение. Но прежде чем учиться управлять ими, нужно понять, что они собой представляют.

Так вот, более поздние, чем Патанджали, йоги признали существование трех основных течений праны в организме. Они были названы: ида, пингала и сушумна. *Пингала* расположена в правой части позвоночного столба, *ида* — в левой, а внутри самого позвоночника есть полый канал, который и называется *сушумна*. Ида и пингала действуют в каждом человеке, сушумна же, которая тоже есть у каждого, действует только у йогов. Вспомните: йога изменяет тело, оно меняется по мере того, как подвергается упражнениям, так что к завершению занятий ваше тело уже не то, каким оно было раньше. Это вполне рациональное предположение, ибо всякая новая мысль должна по идее как бы проложить себе канал в мозгу, чем и объясняется поразительный консерватизм человеческой природы. Человеку легче пользоваться уже существующими каналами, вот он и предпочитает их. Если сравнить человеческий ум с иглой, а вещество мозга с мягким комком, то каждая мысль как бы прошивает комок; игольный след закрылся бы, но его сохраняет серое вещество. Без серого вещества не было бы памяти, ибо память и есть движение по следам иглы. Возможно, вы замечали, как легко бывает варьировать привычные мысли в беседе — мозговые каналы проложены, достаточно пройти по ним снова. Однако новая мысль требует нового канала — отсюда трудности в ее освоении. Поэтому мозг, а это делает мозг, а не вы сами, склонен отбрасывать новые идеи. Мозг противится. Прана старается пробить новые каналы, а мозг сопротивляется. Вот в чем секрет консерватизма. Чем меньше каналов открыто в мозгу, чем меньше трудилась там игла праны, тем консервативнее мозг, тем сильнее он борется с новыми идеями. И чем интенсивнее мыслительная деятельность, чем больше каналов в его мозгу, тем легче принимает он новое, тем лучше понимает его. Каждая новая мысль оставляет новый след в мозгу, прокладывает в нем новые каналы, поэтому мы обнаруживаем такое сильное физическое противодействие йоге в начале занятий, йога является совершенно новым набором представлений и мотиваций. И поэтому легче воспринимается тот аспект любой религии, который касается внешней стороны дела, а глубинный аспект, затрагивающий внутренний мир человека, аспект философский или психологический, часто не берется в расчет.

Нам следует помнить, что представляет собой этот наш мир: он не более чем проекция на сознание Бесконечного Бытия. Капля Бесконечности спроецирована в нашем сознании, и это мы зовем миром. За пределами нашего мира — Бесконечность, а религия затрагивает и то, и другое — и крохотный комочек, который мы называем нашим миром, и Бесконечное за его пределами. Религия, ограничивающая себя одной из частей, несовершенна, она обязана сочетать в себе обе части. Та сторона религии, которая обращена к Бесконечному в его

проекции на уровне сознания, как бы к Бесконечному, загнанному в клетку времени, пространства и причинности, — эта сторона религии нам отлично знакома, и ее представления об этом мире внушались человечеству с незапамятных времен. Нова для нас другая сторона, касающаяся Бесконечного вне этого мира, и, соприкасаясь с новизной этих идей, которые должны прокладывать себе путь в наших умах, мы переживаем ломку всего организма. Вот почему люди заурядные, начав заниматься йогой, на первых порах чувствуют себя выбитыми из колеи. Для облегчения этого периода и предназначены методы, разработанные Патанджали, из числа которых каждый выбирает то, что ему подходит.

35. Способы сосредоточения, которые вызывают необычные чувственные восприятия, помогают и прилежанию ума.

Необычные чувственные восприятия естественным образом следуют за *дхараной*, упражнениями в концентрации внимания. Йога учит, что когда ум сосредоточивается на кончике носа, то через несколько дней человек начинает чувствовать удивительное благоухание. При сосредоточении на корне языка появляются слуховые ощущения, при сосредоточении на кончике языка — вкусовые, при сосредоточении на средней части языка возникает чувство прикосновения к чему-то. Сосредоточив все внимание на нёбе, человек начинает видеть поразительные вещи. Когда человек с неуспокоенным умом желает заняться упражнениями йоги, но сомневается в их действенности, ему следует прибегнуть к этим способам, ибо по истечении некоторого времени у него появляются необычные чувственные восприятия, которые рассеивают сомнения и помогают обрести настойчивость.

36. Медитация о Сияющем Свете, свободном от всех скорбей.

Это — другой способ сосредоточения. Представьте себе лотос сердца лепестками вниз и сушумну, проходящую сквозь него. Вдохните, а на медленном выдохе представьте, что лотос обращается лепестками вверх, а внутри него сияет Свет. Медитируйте о Свете.

37. Медитация о сердце, которое отрешилось от привязанности к миру чувств.

Изберите человека святой жизни, человека, перед которым вы преклоняетесь, святого, отрекшегося от всех привязанностей, и подумайте о сердце этого человека. Его сердце освободилось от привязанностей, сосредоточьтесь на нем, и это успокоит ваш ум. Если не сможете сделать это, попробуйте следующий способ:

38. Медитация о знании, которое приходит во сне.

Иногда в сновидениях человек видит себя в окружении ангелов, беседующих с ним, он приходит в экстаз, он слышит далекую музыку. Человек счастлив во сне и, пробудившись, долго вспоминает его. Представьте себе, что это было не сновидение, а явь, и сосредоточьтесь на ней. Если вам не удастся, можете сосредоточиться на любом проявлении святости, которое вам по душе.

39. Медитация о чем угодно, что представляется добрым.

Здесь исключается только зло. Можете сосредоточиться, на чем вам нравится — на полюбившемся пейзаже, на месте, где вам хорошо, на мысли, которая вам по душе, на чем угодно, что поможет вам сосредоточиться.

40. Ум йога в состоянии медитации освобождается от всех помех и движется свободно от атома до бесконечности.

Ум, упражнясь, привыкает проникать как в самое малое, так и в самое большое, а это успокаивает волны ума.

41. Йог, вритти которого сделались бессильными (контролируемыми), достигает концентрированности воспринимающего («Я»), инструмента восприятия (ум) и воспринимаемого (внешних объектов), а сам йог в то же время подобен кристаллу, [через который проходят лучи от цветных объектов].

Что дает постоянная медитация? Вспомним, как в предшествующих афоризмах Патанджали рассматривает различные ступени медитации, начиная с грубых объектов и переходя к более тонким, а затем и к еще более тонким. В результате вырабатывается способность с одинаковой легкостью медитировать об объектах тонких и грубых. Здесь речь о том, что йог видит три вещи: воспринимающего, воспринимаемое и орган восприятия, что

соответствует Душе, внешним объектам и уму. Перед нами три объекта медитации: грубые объекты — тела, или материальные предметы; тонкие объекты — читта, или ум; и самые тонкие — пуруша, не пуруша сам по себе, а то, что ограничено ахамкарой. Путем упражнений йог обучается всем трем медитациям и во время медитаций способен исключать все посторонние мысли, ибо он отождествляет себя с объектом, на котором сосредоточивается. Йог становится подобен кристаллу: если кристалл расположить перед цветами, он почти сливается с ними. На фоне красного цветка кристалл выглядит красным, на фоне голубого — голубым.

42. Звук, смысл и исходящее из них знание, вместе взятые, [именуются] «вопрошающим» самадхи.

Здесь звук — это колебания и нервные импульсы, передающие их, а знание — ответная реакция. Все разновидности медитации, которые мы рассматривали до сих пор, Патанджали называет *савитарка* — вопрошающими, содержащими в себе вопрос. Затем он переходит ко все более высоким формам *дхьяны*. В тех из них, которые именуются вопрошающими, сохраняется дуализм субъекта и объекта, вытекающий из соединения слова, его смысла, а также знания. Сначала — внешние колебания, слово. Воспринятое и переданное мозгу, оно раскрывает свой смысл, после чего читта поднимает ответную волну — знание, однако настоящему знанию состоит из соединения всех трех компонентов. Во всех разновидностях медитации, которые рассматривались до сих пор, объектом служило именно это соединение. Теперь мы перейдем к самадхи более высокого порядка.

43. *Самадхи*, именуемое «не вопрошающее», [наступает], когда память очищена, а внимание сосредоточено только на смысле объекта, а не на его качествах.

Упражняясь в сосредоточении на трех компонентах, мы приходим к состоянию, где они перестают смешиваться. Мы можем избавиться от них. Но прежде необходимо разобраться в том, что они собою представляют. Вспомним сравнение читты с озером, на поверхности которого слово, колебание, звук вызывают рябь. Внутри вас — спокойное озеро, но вот я произношу слово «корова». Как только оно достигает ваших ушей, по читте пробегает волна. Волна — это идея коровы, форма или смысл, как мы говорим. Корова, о которой вы имеете представление, — это на самом деле волна в читте, реакция на внутренние и внешние звуковые колебания. Волна стихает вместе со звуком, без слова она не может существовать. Вы, возможно, спросите, как же так, мы ничего не слышим, мы просто думаем о корове. Но вы сами производите звук, неслышно произнося в уме «корова», и вместе с этим поднимается волна. Волны не может быть без звукового импульса, если импульс не поступает извне, он поступает изнутри, когда же затихает звук, затихает и волна. Что остается? Последствия реакции — знание. Три компонента так плотно соединены в нашем уме, что мы не в силах различить их. Раздается звук, вибрируют чувства, в ответ поднимается волна, и все так быстро, что за процессом невозможно уследить. Но если долго упражняться в такого рода медитации, то память, хранилище всех впечатлений, очищается и мы ясно видим последовательность событий. Это называется *нирвитарка*, сосредоточение без вопроса.

44. Этим же характеризуется медитация с различением и без различения, объекты которой весьма тонки.

Здесь снова рассматривается процесс, схожий с описанным ранее, но в предыдущих медитациях объекты были грубыми, в этой они весьма тонки.

45. Тонкие объекты заканчиваются на *прадхане*.

Грубыми объектами называются только элементы мироздания и все, что состоит из них. Тонкие объекты начинаются с *танматр*, тончайших частиц. Органы тела, ум,¹⁰⁴ эгоизм (личное начало), читта (причина всех проявлений), равновесие саттвы, раджаса и тамаса, именуемое *прадхана* — главное, *пракрити* — природа или *авьякта* —

¹⁰⁴ Ум (или общий сенсорный орган) является агрегатом всех чувств.

непроявленное, — все это входит в ряд тонких объектов. Не входит сюда только *пuruша* — душа.

46. Эти разновидности сосредоточения сохраняют в себе семя.

Они не уничтожают семена прошлых поступков, следовательно, не ведут к освобождению; о том, что они дают йогу, говорится в следующем афоризме.

47. Сосредоточение «без различения», достигая чистоты, укрепляет читту.

48. Знание, здесь содержащееся, называется «исполненным истины».

Смысл этого разъяснен в следующем афоризме.

49. Знание, полученное посредством свидетельств и умозаклучений, касается обыденных вещей. Знание, полученное в вышеупомянутом самадхи, есть знание высшего порядка, ибо раскрывает то, что не раскрывается через свидетельства или умозаклучения.

Знание обыденных вещей мы получаем либо через непосредственное восприятие, либо через умозаклучения, основанные на непосредственных восприятиях, либо через свидетельства знающих людей. Под такими людьми йоги всегда подразумевают *риши*, провидцев, чьи мысли записаны в священных книгах — Ведах. Йоги считают единственным доказательством истинности Вед то, что они являются свидетельствами знающих людей, однако священные книги не могут привести человека к освобождению. Можно прочитать все Веды и ничего не достичь, но, осуществляя на практике это учение, человек восходит к тому состоянию, которое является осуществлением сказанного в священных книгах. К нему невозможно прийти ни логическим путем, ни восприятиями, ни умозаклучениями, а свидетельства других тут бесполезны. Вот в чем смысл этого афоризма.

Осуществление — вот настоящая религия, все остальное лишь подготовка к нему: слушание лекций, чтение книг или рассуждения. Это подготовка, но не религия. Интеллектуальное приятие или неприятие — тоже не религия. Основная идея йоги заключается в том, что, подобно тому как человек вступает в непосредственное соприкосновение с чувственными объектами, точно так же, лишь с большей степенью интенсивности, он может воспринять религию. Религиозные истины, такие, как Бог или Душа, не могут быть восприняты органами чувств извне. Я не могу увидеть Бога глазами, не могу дотронуться до него рукой, известно также, что наша мыслительная деятельность ограничена нашими чувствами. Разум оставляет нас в неуверенности, рассуждать можно всю жизнь, а человечество рассуждает тысячелетиями, но так и не может с уверенностью ни принять, ни опровергнуть религиозные факты. Мы всегда берем за основу непосредственное восприятие и строим свои рассуждения на этой основе, из чего явствует, что мыслительная деятельность ограничена рамками наших восприятий. Из этих пределов она не может выйти. Значит, осуществление возможно только за рамками чувственных восприятий. Йоги же утверждают, что человек способен выйти за пределы непосредственных восприятий и разума. Человек наделен способностью и силой выхода за пределы собственного интеллекта, способностью, которой обладает все живое. Упражнения йоги пробуждают в нем эту способность, человек выходит за обычные рамки разума и непосредственно воспринимает то, что за пределами всякого разума.

50. Впечатление от такого рода самадхи противостоит всем другим впечатлениям.

Мы уже знаем, что сверхсознания можно достичь только сосредоточением, и знаем, что сосредоточению ума мешают впечатления, или следы прошлого, самсары. Вы все, конечно, отмечали, что стоит вам попытаться сосредоточиться, как ваши мысли начинают разбредаться. Вы стараетесь думать о Боге, но именно в это время дают о себе знать самсары. Они могут обычно сказываться меньше, но как раз тогда, когда вы хотите, чтобы они вам не мешали, они заполняют ваш ум. Почему так? Почему самсары сильнее ощущаются во время сосредоточения? Да потому, что вы стараетесь подавить их, они противодействуют с полной силой, сильнее обычного. Они бесчисленны, эти впечатления, следы прошлого, скрывающиеся где-то в глубине читты, готовые выпрыгнуть, как тигры! Их необходимо подавить, чтобы дать простор той единственной идее, которую мы желаем осмыслить, исключив другие. Вместо этого они все стремятся возникнуть одновременно,

самыми разными способами не давая нам сосредоточиться. Тем и хороша эта разновидность самадхи, что лучше всего помогает подавить самсары; это сосредоточение оставляет столь глубокий отпечаток, что другие отпечатки перестают воздействовать на нас.

51. Сдержав воздействие даже этого [впечатления, подавляющего все другие], подчинив себе все, можно достичь самадхи «без семени».

Вы помните, что наша конечная цель — непосредственное восприятие самой Души. Мы не воспринимаем ее, поскольку она соединена с природой, с умом, с плотью. Невежда полагает, будто его тело и есть Душа. Книжечей полагает, что Душа — это его ум. Оба заблуждаются. Но почему же в наших восприятиях Душа соединена со всем этим? Волны читты, поднимаясь, закрывают от нас Душу, и мы воспринимаем лишь ее блики на волнах. Когда мы охвачены волной гнева, мы видим и Душу разгневанной. «Я в гнев», — говорит человек. Погружаясь в волну любви, мы воспринимаем собственное отражение в ней и говорим, что мы любим. Если это волна слабости и Душа отражается на ней, мы говорим, что слабы. Но эти представления порождены впечатлениями, самсарами, скрывающими Душу. Невозможно воспринять подлинную природу Души, пока гладь читты возмущена хоть единой волной; невозможно познать истину, пока не улягутся все волны. Вот почему Патанджали начинает с разъяснения того, что такое эти волны, затем рассказывает, как их лучше успокоить, как поднять волну столь могучую, что она смывает все остальное. Когда останется одна волна, ее будет легче успокоить, и эта разновидность сосредоточения уже не будет сохранять в себе семя волнения. Не остается ничего, и Душа проявляется как Она есть, во всем своем величии. Только тогда мы видим, что Она — едина, что лишь Она — вечно простое во вселенной, что Она не может ни родиться, ни умереть: это бессмертная, неразрушимая, вечно живая суть сознания.

Глава II

ПРАКТИКА СОСРЕДОТОЧЕНИЯ

1. Аскетизм, прилежание и посвящение Богу плодов труда есть *крिया-йога*.

Разновидности *сосредоточения*, рассмотренные нами в предыдущей главе, чрезвычайно трудны, поэтому к ним нужно приближаться постепенно. Первый, подготовительный шаг называется *крिया-йога*. Буквально это означает работу, йогически ориентированную работу. Наши органы чувств — кони, ум — поводья, интеллект — возничий, душа — седок, а тело — колесница. Сидит в колеснице глава дома, царь, сама Душа человека. Если кони горячи и узда не сдерживает их, если интеллект-возничий не умеет править — колесница в опасности. Однако если кони-органы чувств бегут ровно, если возничий крепко держит в руках поводья-ум — колесница придет к цели. Что же имеется в виду под аскетизмом? Способность крепко держать поводья, управляя и телом, и органами чувств, не позволяя им делать того, что они хотят, держа их под контролем.

А под *прилежанием*? Речь идет не о прилежном чтении романов или сказок, но об изучении тех трудов, которые учат освобождению Души. Но речь идет об изучении не смысла споров и дискуссий: предполагается, что йог уже прошел период споров. Он достаточно спорил в свое время, и теперь с него хватит. Он читает для того, чтобы укрепиться в своих убеждениях. Существует два вида знаний в священных текстах: *вада* и *сиддханта*, *вада* — это аргументация, а *сиддханта* — вывод. Начиная учиться, мы беремся за аргументацию, за сопоставление всяческих «за» и «против», пройдя этот этап, переходим к сиддханте, к выводу. Начинать с выводов бесполезно, они должны быть чем-то подкреплены. На свете бесчисленное множество книг, а жизнь коротка, так что секрет учебы в том, чтобы выбрать существенное. Выберите и постарайтесь вести себя соответственно тому, чему вы научились. В Индии есть поверье, что, если поставить перед лебедем чашу воды и молока, лебедь все молоко выпьет, а воду оставит.¹⁰⁵ Мы должны следовать этому

¹⁰⁵ Лебедь, точнее, гусь (санскр.: хамса) в индийской традиции символизирует мудрость и чистоту. Лебедь

примеру, когда учимся, — выбирать существенное, оставляя воду. На первых порах интеллектуальная гимнастика необходима, не нужно двигаться вслепую. Но йог — это человек, который уже прошел этап аргументации, сделал выводы, и они неколебимы, как скала. Единственное, к чему он стремится, — это усиление убежденности. Не вступайте в споры, говорит он, если вас втягивают в них, отмалчивайтесь. Не доказывайте свою правоту, уйдите спокойно, ибо споры тревожат ум. Интеллект необходимо упражнять, а что толку зря возбуждать его? Интеллект — инструмент хрупкий, пригодный лишь для знания, ограниченного рамками наших чувственных восприятий. Йог устремлен дальше, за эти пределы, где интеллект ему не нужен. Будучи уверен в этом, он избегает споров и предпочитает молчать. Споры нарушают равновесие, вызывают рябь на читте, что мешает йогу. Аргументация и поиск логических решений — на обочине пути, йог же движется к более высоким ценностям. Жизнь не предназначена для школьных ссор, ее нельзя прожить в дискуссионных клубах. Плоды труда должны быть отданы Богу, нам не причитается ни хвала, ни хула за содеянное, все принадлежит Богу, и, отдав Ему все, мы должны жить в покое.

2. Это нужно для упражнений в сосредоточенности и для того, чтобы свести к минимуму болезненные препятствия.

Большинство из нас приучает ум вести себя подобно избалованному ребенку, который что хочет, то и делает. Потому так важны постоянные упражнения в крия-йоге, воспитание в себе способности управлять умом и подчинять его своей воле. Препятствия йоге возникают от нашего неумения управлять собой, они причиняют нам немалые страдания. Преодолеть их можно, только ограничивая причуды ума способами крия-йоги.

3. Болезненные препятствия — это невежество, эгоизм, привязанность, отвращение и цепляние за жизнь.

Это пять видов страдания, пять цепей, нас сковывающих. Первопричина всех страданий — невежество, все прочее отсюда вытекает. Невежество, по сути, единственная причина всех людских бед. Больше ничего не может сделать нас несчастными. Природа Души — вечное блаженство. Что лишает блаженства нас, если не невежество, иллюзии, заблуждения? Для Души любое страдание есть только заблуждение.

4. Невежество порождает все препятствия, которые могут быть дремлющими, ослабленными, подавленными или распространенными.

Невежество есть причина эгоизма, привязанности, отвращения и цепляния за жизнь. Соответствующие впечатления существуют в различных состояниях. Иногда они как бы дремлют в нас. Часто можно слышать выражение «младенческая невинность», но младенец может нести в себе начатки демона или бога, которые лишь постепенно станут проявляться в нем. Йог несет в себе эти впечатления, самскар, оставленные его прошлыми деяниями, в ослабленном состоянии, когда он может держать их под своим контролем, не дать им выразить себя. Под «подавленными» же впечатлениями имеются в виду те, которые оказались на время перекрыты другими, более сильными, но готовы дать о себе знать, как только те ослабеют. «Распространенными» самскар могут стать в подходящей обстановке, когда их ничто не сдерживает, независимо от того, добрые ли это впечатления или злые.

5. Невежество — это принятие невечного, нечистого, болезненного, не являющегося Душой, за вечное, чистое, счастливое, за Атман, за Душу [соответственно].

Какими бы ни были отпечатки, у них один корень — невежество. Прежде всего нужно понять, что такое невежество. Каждый из нас думает: я есть моя плоть, но не Душа, чистая,

может отличать вечное от невечного, чистое от нечистого, истинное от неистинного: то есть он обладает знанием истинной картины мира. Хамса — это аскет, близкий к такому состоянию, а парамахамса — это тот подвижник, который ближе всех живых существ стоит к Наивысшему и обладает всей полнотой просветления. Таким считался Рамакришна, духовный учитель Вивекананды, получивший имя Парамахамсы. Одна из строк очень известной Хамсы упанишады содержит «великое речение», состоящее из двух слогов «сохам». Если эту мантру повторять много раз непрерывно, она будет звучать как «хамса» (Хамса уп., 2). На эмблеме Миссии Рамакришны изображен белый лебедь как символ чистоты и святости.

светоносная, вечно блаженная, — и это невежество. Мы и думаем о человеке, и видим человека как его плотскую оболочку. Это величайшее заблуждение.

6. Эгоизм — это отождествление видящего с инструментом видения.

В действительности видит Душа, чистая, святая, бесконечная, бессмертная. Такова Душа каждого человека. А какими инструментами она пользуется? Это *читта* — субстрат мысли, *буддхи* — наша способность определять, *манас* — ум, *индрии* — органы чувств. Все это — инструменты, при помощи которых человек воспринимает внешний мир, а отождествление Души с инструментами есть невежество и эгоизм. Мы говорим: я — это мой ум, или: я — это моя мысль. Мы говорим: я сердит, я счастлив. Как мы можем быть сердитыми или, скажем, ненавидеть? Мы же должны отождествлять себя с Душой, которая всегда неизменна. А раз Она неизменна, то как можем мы испытывать то счастье, то несчастье? Душа бесформенна, беспредельна, вездесуща. Что может изменить Ее? Она вне законов природы. Что может воздействовать на Нее? Ничего во всей вселенной. И все же мы в своем невежестве отождествляем себя с нашим собственным умом, или субстратом мысли, и думаем, будто испытываем наслаждение или страдание.

7. Привязанность есть то, что сопровождает удовольствие.

Есть вещи, которые доставляют нам удовольствие, и наш ум испытывает тягу к ним. Тяготение ума к центру удовольствия и называется привязанностью. Мы никогда не привязываемся к тому, что не доставляет нам удовольствия. Другое дело, что подчас мы находим удовольствие в вещах, достаточно странных, но тем не менее сохраняется все тот же принцип: что дает нам удовольствие, к тому мы и привязываемся.

8. Отвращение есть то, что сопровождает страдание.

Мы стараемся немедленно отдалиться от того, что причиняет нам страдание.

9. Цепляние за жизнь естественно для всех, и даже у ученых сильно это чувство.

Каждое животное цепляется за жизнь. На стремлении жить не умирая построена теория загробной жизни, ибо так сильно любит жизнь человек, что готов продлить ее и после смерти. Незачем и говорить, как мало смысла в этой теории, здесь любопытно другое: в западных странах предполагается, что жизнь после смерти возможна для человека, а для животных — невозможна. В Индии стремление к продлению жизни стало одним из доказательств в пользу множественности рождений, существования прошлых жизней и прошлого опыта. Например, если верно, что все наше знание основывается на опыте, и это очевидно, то, значит, мы не можем знать или воображать то, чего не испытали. Но вот цыплята, едва вылупившись, начинают клевать зерно. А утята, высиженные наседкой, едва вылупившись, бегут к воде, причем наседке кажется, что они сейчас утонут. Если опыт — единственный источник знания, откуда цыплята научились клевать зерно, откуда утята узнали, что вода их естественная стихия? Можно сказать — это инстинкт, но это ничего не означает, это просто слово, а не объяснение. Что такое инстинкт? У людей тоже множество инстинктов. Например, многие дамы играют на пианино и, конечно, помнят, как осторожно касались они пальцами черных и белых клавиш вначале, теперь же, после многолетней практики, они могут болтать с друзьями, в то время как пальцы автоматически делают свое дело. Пальцы уже двигаются инстинктивно. Любая работа от многократных повторений делается инстинктивно, делается автоматически. Насколько нам известно, все то, что мы рассматриваем как автоматизм, было некогда осознанным действием. На языке йоги инстинкт есть свернутый разум. Разграничение оказывается свернуто и становится автоматически действующей самсарой. В таком случае логично предположить, что все, что мы называем инстинктом, просто свернутый разум. А поскольку разумное действие должно основываться на опыте, то инстинкт — это результат давнего опыта. Цыплята боятся ястреба, утята любят воду — и то и другое результаты прошлого опыта. Тогда возникает вопрос: где накапливается опыт, в отдельной душе или просто в организме? Чей опыт использует утенок — своих предков или свой собственный? Современная наука утверждает, что опыт накоплен организмом, йоги же считают, что ум накапливает опыт, передавая его через организм. Это и называется теорией перевоплощения, реинкарнации.

Мы уже видели, что все наше знание, зовем ли мы его восприятием, разумом или инстинктом, должно пройти через единый канал, через опыт; то же, что мы сейчас называем инстинктом, есть результат прошлого опыта, выродившегося в инстинкт, который в свою очередь может возродиться как разум. Этот процесс происходит во всей вселенной, и на нем зиждется одно из основных доказательств в пользу теории перевоплощения. Повторяющийся опыт разного рода страхов с течением времени становится инстинктом самосохранения. Ребенок испытывает инстинктивные страхи, потому что в нем живет прошлый опыт страдания. Даже у наиболее просвещенных людей, знающих, что плоть тленна, твердящих, что у них уже было много тел, а душа не умирает, — даже у них вопреки интеллектуальной убежденности живет нежелание умирать. Откуда это цепляние за жизнь? Мы уже убедились в том, что оно превратилось в инстинкт. А на языке психологии йоги — образовалась самскара. Самскар, тонкие и скрытые, дремлют в читте. Весь опыт наших прошлых смертей, все то, что мы относим к инстинктам, — это опыт, ушедший в подсознание. Он живет в читте, он не бездействует, но действие его неприметно.

Читта-вритти, волны ума, заметны, и мы можем их уловить, поэтому ими и управлять легче, но как быть с неприметным действием инстинктов? Как их взять под контроль? Когда я злюсь, весь мой ум становится огромной волной злости. Я ее чувствую, вижу, я могу сдерживать ее, могу с ней бороться, хотя все равно не одолею ее окончательно, пока не разберусь в причинах, ее вызвавших. Кто-то нагрубил мне, я чувствую, как вскипаю, а он все продолжает, пока я не прихожу в полную ярость и не забываюсь, отождествляя себя с яростью. Когда он только начал говорить мне грубости, я подумал, что сейчас разозлюсь. Злость была сама по себе, я — сам по себе, но потом я разозлился, я слился со злостью. Я стал злостью. Такого рода чувства должны контролироваться в зародыше, в самом начале, в их едва заметной форме, еще до того, как человек осознал, что с ним происходит. Большая часть людей даже не улавливает начальные состояния этих страстей, когда они только проявятся из подсознательного. Мы не замечаем пузырек, когда он начинает подниматься со дна озера, мы и тогда его не видим, когда он уже у самой поверхности, он делается заметен только после того, как лопнет и по воде разбегутся круги. Волны внутри себя мы можем усмирить, лишь научившись распознавать их зарождение, прежде чем они станут могучими валами, без этого нет надежды на преодоление страстей. Преодолевать страсти нужно у самых их истоков, у корней, только тогда можно сжечь и семена, из которых страсти произрастают. Обожженное семя не прорастет в почве — страсти больше не проявятся.

10. Неприметные самскар, нужно преодолевать, отыскивая их причины.

Самскар — неприметные впечатления, или отпечатки, со временем проявляющие себя в явственных формах. Что делать с этими едва заметными впечатлениями? Нужно возратить следствие к его причине. Когда читта, которая сама есть следствие, возвращается к своей причине, к *асмите*, к эгоизму, только тогда вместе с ней исчезают и тонкие отпечатки. Путем медитации этого достичь не удастся.

11. Путем медитации могут быть отвергнуты их [явственно] проявляющиеся модификации.

Медитация — один из величайших способов удерживания поднимающихся волн. Сосредоточившись, можно успокоить волнение ума, если же упражняться в сосредоточении изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, то это станет привычкой. Вы и сами не будете замечать, как сдерживаете и унимаете раздражение и злость.

12. «Хранилище поступков» имеет своей основой болезненные препятствия и опыт жизни, зримой и незримой.

Под «хранилищем поступков» имеется в виду совокупность самскар. Всякий наш поступок вызывает волну в уме, нам кажется, будто после совершения поступка волна исчезает. Это не так. Она не исчезает, а просто делается незаметной, и, когда мы вспоминаем о поступке, она поднимается опять. Значит, она никуда не делась, в противном случае не было бы воспоминания. Таким образом, каждое действие и каждая мысль, как добрая, так и злая, продолжают неприметно существовать в нас. И радостные и безрадостные мысли

называются болезненными препятствиями, ибо, согласно философии йоги, рано или поздно, но они причинят боль. Все радости, дарованные нам чувствами, в конечном счете причиняют боль. Наслаждения вызывают в нас жажду новых наслаждений, а результатом становится страдание. Человеческим желаниям нет конца, человек будет желать все большего, пока не дойдет до невыполнимого желания, и будет страдать. Вот почему йоги рассматривают совокупность впечатлений, как хороших, так и плохих, как болезненные препятствия, препятствуют же они освобождению Души.

Это относится к самскарам, еле заметным корням всех наших деяний, они — причины, которые снова приведут к последствиям либо в этой жизни, либо в последующих жизнях. В исключительных случаях, когда самскарны очень прочны, они вызывают незамедлительные последствия: акт страшной жестокости или проявление редкостной добродетели могут принести плоды в этой же жизни. Йоги утверждают, что те, кто накопил в себе огромные силы от добрых самскар, могут не умирать: они просто сменяют человеческое тело на божественное. Йоги упоминают несколько примеров в своих книгах: в них описаны люди, которые меняли ткани своих тел, перестраивали молекулы таким образом, что для них переставали существовать болезни, равно как и то, что мы называем смертью. А почему бы и нет? В физиологическом смысле прием пищи есть усвоение солнечной энергии. Энергия накопилась в растении, растение было съедено животным, животное было съедено человеком. Мы берем энергию солнца и преобразуем ее в часть себя. Ну, а если это не единственный способ усвоения энергии? Растения усваивают энергию не так, как мы, земля усваивает энергию не так, как мы. Тем не менее усвоение энергии происходит. Йоги утверждают, что могут усваивать энергию одной силой ума, брать столько энергии, сколько им нужно, не прибегая к обычным способам. Как паук тклет паутину из собственного организма, а потом не может покинуть ее и передвигается только по ней, так и мы соткали из самих себя паутину, именуемую нервной системой, и можем действовать только посредством нервов. Йоги же говорят, что в этом нет никакой нужды.

Мы передаем электроэнергию по проводам, а природа передвигает громадные массы энергии, не нуждаясь в проводах. Почему же мы не можем? Мы можем посылать психическое электричество, разве наш ум не то же самое, что электричество? И наши нервные волокна действуют как проводники, в них происходит поляризация по законам электричества. Но свое электричество мы посылаем только по этим проводникам. А почему нельзя посылать психическое электричество без них? Йоги говорят, что это вполне возможно и выполнимо, что научившись тому, как это делать, можно действовать во всей вселенной. Можно воздействовать на любое тело, где бы оно ни находилось, без помощи нервной системы. Пока душа действует через нервные проводники, мы говорим, что человек жив, когда действие прекращается, он мертв. Для человека же, способного и использовать проводники, и обходиться без них, жизнь и смерть утрачивают свой привычный смысл. Все тела во вселенной состоят из *танматр*, разница лишь в том, как танматры сочетаются между собой. Если вы умеете менять сочетания, вы можете что угодно делать со своим телом. Что такое тело, как не вы сами? Кто поглощает пищу? Вы недолго проживете, если за вас это будет делать другой. Кто производит из пищи кровь? Конечно, вы. Кто очищает кровь, кто гонит ее по жилам? Вы. Мы хозяева наших тел, мы в них живем. Мы просто разучились омолаживать наши тела, мы выродились, стали жить автоматически, забыли процесс перегруппировки молекул и автоматически делаем то, что делать надо осознанно. Мы — хозяева и должны всем управлять, как только мы этому обучимся, мы будем по своей воле омолаживать себя, и больше для нас не будет ни рождения, ни болезней, ни смерти.

13. При наличии в нас корня появляются плоды в виде разнообразия форм, жизни и ощущений удовольствия и боли.

В нас существуют корни, причины, самскарны, поэтому появляются и последствия. Причина, исчезая, становится следствием, следствие, стираясь, становится причиной очередного следствия. Дерево рождает семя, которое становится причиной следующего дерева, и так далее. Все наши нынешние деяния есть следствия былых самскар, эти деяния

оставят свои самсары, которые станут причинами грядущих деяний, и так будет продолжаться. Смысл данного текста в том, что при наличии причины следствия неизбежно наступят в виде разнообразия форм: кто примет облик человека, кто — ангела, кто — животного или демона. Помимо этого, существует и воздействие кармы на жизнь: один проживет пятьдесят лет, другой — сто, а кто-то умрет в двухлетнем возрасте, так и не достигнув зрелости; эти различия определяются прошлой кармой. Один рождается для удовольствий, и если он даже уйдет в глухой лес, удовольствия последуют туда за ним. Другого преследует страдание, ему все причиняет боль. Это — плоды его собственного прошлого. Согласно философии йоги, все добрые дела дают радость, все злые деяния — страдание. Человек, совершающий дурное дело, неизбежно навлекает на себя страдание.

14. Они дают плоды в виде удовольствия или страдания, порожденных добродетелью или пороком.

15. Для обладающего способностью различения все есть страдание, ибо все причиняет боль либо как следствие поступка, либо как ожидание утраты счастья, либо как новое желание, пробужденное воспоминанием о счастье, либо как противопоставление качеств.

Йоги говорят, что обладающий силой различения здравомыслящий человек видит суть того, что зовется и удовольствием, и страданием, знает, что они — удел каждого, что одно следует за другим, что одно переходит в другое, наблюдает, как люди тратят жизнь на погоню за блуждающим огоньком, но так и не достигают удовлетворения желаний. Великий царь Юдхиштхира сказал однажды: самое поразительное в жизни то, что мы на каждом шагу сталкиваемся со смертью, но думаем, что сами не умрем.¹⁰⁶ Нас со всех сторон окружают дураки, а мы думаем, будто мы — единственные исключения, будто только мы что-то понимаем. Видим, как непостоянно все вокруг, но думаем, будто наша любовь прочна и постоянна. Разве так может быть? Даже любовь своекорыстна, и йоги говорят, что в конечном счете понемногу иссыхает любовь и супругов, и детей, и друзей. Все в этом мире обречено на разложение. И лишь когда все, включая и любовь, оказывается тленом, человек в миг озарения понимает, что мир этот призрачен, подобно сновидению. Тогда улавливает он отсвет *вайрагьи*, отречения от мира, и отсвет того, что вне. То, иное, приходит только через отказ от этого мира, но никогда не через привязанность к нему. Не было еще великой души, которой не пришлось бы отрешиться от чувственных радостей и удовольствий во имя иного и тем обрести величие. Причина страдания — вечное противоборство между разнонаправленными силами природы, влекущими человека и делающими невозможным постоянное счастье.

16. Следует избегать страдания, которого еще нет.

Частично наша карма уже оказала свое действие, она действует и сейчас, а кое-что из ее плодов ждет нас в грядущем. Что было в прошлом, то прошло, происходящее сейчас от нас не зависит. Мы способны повлиять лишь на то, что должно принести свои плоды в грядущем, и к этой цели должны быть направлены все наши силы. Именно это имеет в виду Патанджали, говоря, что самсарами нужно управлять через их возвращение к первопричине (II, 10).

17. Причина того, чего следует избегать, — это соединение видящего с видимым.

Кто видит? Душа человека, *пуруша*. Что есть видимое? Вся природа, от ума до самой грубой материи. Все удовольствие и все страдание возникает от соединения пуруши с умом. Пуруша, как мы помним из философии, чист, но при соединении его с природой начинает казаться, будто и пуруша чувствует удовольствие или страдание в силу отражения.

¹⁰⁶ Имеется в виду эпизод из Мбх., который Вивекананда трактует как изложение реальных исторических событий, имевших место в Индии примерно пять тысяч лет тому назад, и соответственно называет героя эпоса Юдхиштхиру некогда реально жившим царем.

Юдхиштхира, отвечая на вопрос «что есть чудо?», говорит, что «диво дивное» состоит в том, что, хотя люди изо дня в день уходят в обитель смерти, «оставшиеся все же ищут нерушимости» (или какой-либо «прочной основы», «недвижимости») (Мбх., III, 312).

18. Познанное через опыт включает в себя элементы и органы восприятия, является по природе просветлением, действием и инертностью, существует же для того, чтобы познающий, накопив опыт, достиг освобождения.

Под познанным через опыт имеется в виду природа, которая включает в себя элементы и органы: тонкие и грубые элементы — в совокупности они и есть природа; а также органы чувств, включая ум; это есть природа, включающая просветление (*саттва*), действие (*раджас*) и инерцию (*тамас*). Для чего существует природа? Чтобы шло накопление опыта пурушей. Пуруша будто не помнит свое могучее, божественное естество. Есть такая притча об Индре,¹⁰⁷ царе богов, который обратился в борова, валяющегося в грязи в обществе свиньи с поросятами и совершенно счастливого. Увидев эту картину, боги воззвали к Индре: ты, царь богов, ты властвуешь над всеми, что ты тут делаешь? Но Индра отвечал им: не ваше дело, мне здесь хорошо, и знать я не желаю небес, пока со мной моя свинья и поросята. Поразмыслив, боги решили, что единственный выход — перебить всех свиней. Индра рыдал при виде этого, но когда боги вспороли его тело и он вышел наружу, он расхохотался, ибо очень уж нелеп был его сон: он, царь богов, стал боровом и думал, будто свинская жизнь и есть вся жизнь! Более того, ему же хотелось, чтобы вселенная зажила этой свинской жизнью.

Пуруша, отождествляя себя с природой, забывает свою чистоту и беспредельность. Пуруша не любит, это сама любовь. И не существует, это само существование. Душа не знает, она и есть знание. Заблуждение считать, что Душа любит, существует или знает; любовь, существование или знание — не свойства пуруши, но сама суть. Свойствами следует считать их отражение в чем-то; в этом случае они свойства данного объекта. Это не свойства, а суть пуруши, Атмана, Беспредельного Существа, не ведающего ни рождения, ни смерти, великого собственным величием. Но Душа может так сильно перерождаться, что если ей сказать: «Ты не свинья!», — она начнет верещать и кусаться.

Это можно отнести ко всему, живущему в *майе*, в призрачном мире, в мире слез, стенаний и бед, где люди толкуются вокруг мишуры. Вы же никогда не были подвластны законам, природа не может диктовать вам — так говорит йог. Наберитесь же терпения и поймите это. И йог вам показывает, каким образом, соединяясь с природой и отождествляя себя с умом и чувственным миром, пуруша испытывает воображаемое страдание. Далее йог объясняет, что выход можно найти только через приобретение опыта. Опыт необходим, но лучше поскорей приобрести его, чтобы выпутаться из сетей, в которые мы попали. Мы сами запутали себя в сети, а потому сами должны и выбираться на свободу. Приобретайте опыт мужей, жен, друзей, временных возлюбленных, и вы благополучно выберетесь на свободу, если будете все время помнить, что вы на самом деле представляете собой. Ни на миг не забывайте, что все вокруг — временное, а вам нужно поскорее пройти через это. Опыт — великий учитель, и приятный опыт, и тягостный, но это всего лишь опыт, не более того. С его накоплением вы шаг за шагом приближаетесь к состоянию, при котором все становится мелким, а пуруша столь величествен, что в сравнении с ним и вселенная — капля в океане.

Человек должен накапливать многообразный опыт, но при этом не забывать об идеале.

19. Качества могут находиться в состояниях определенных, неопределенных, только обозначенных или совсем не имеющих признаков.

Я уже говорил о том, что система йоги целиком построена на философии санкхьи, теперь же я хочу напомнить вам космологию санкхьи. Согласно санкхье, природа есть и материальная, и действующая причина вселенной. В природе существуют три разновидности материалов: саттва, раджас и тамас. *Тамас* — все то, что темно, невежественно и малоподвижно, *раджас* — это действие, а *саттва* — уравновешенность и свет. До акта творения природа пребывала в состоянии *авьякта* — нерасчлененности, неопределенности, где все три материала были равномерно перемешаны. Затем их равновесие нарушается, три материала начинают смешиваться в различных конфигурациях, в результате чего возникает

¹⁰⁷ Источник нам неизвестен.

вселенная. Три материала наличествуют и в каждом из нас. Когда верх берет саттва, появляется знание, когда раджас — доминирует активность, тамас же несет с собой мрак, распушенность, леность и невежество. Согласно теории санкхьи, наивысшим проявлением природы, состоящей из всех трех материалов, является *махат* — вселенский интеллект, частицей которого является интеллект отдельного человека. Философы санкхьи проводят четкое различие между функцией *манаса* — ума и *буддхи* — интеллекта: задача ума — простой сбор и доставка информации буддхи, интеллекту, личному махату, определяющему ее. *Махат* — источник эгоизма, который в свою очередь есть источник всех тонких материалов. Тонкие материалы, соединяясь, составляют грубые материалы во внешнем мире. Философия санкхьи утверждает, что все — от интеллекта до обломка камня — является продуктом единой материи, и различия только в тонкости или грубости состояния материи. Тонкие материалы — это причина, грубые — следствие. Вне природы существует один пуруша, который нематериален. Пуруша несхож ни с чем иным: ни с буддхи, ни с умом, ни с тонкими частицами, *танматрами*, ни с грубыми материалами. Он полностью отделен, полностью отличен по своей натуре и, не являясь результатом сочетаний, должен быть бессмертен. Что не составилось из частей, не может умереть. Число пуруш, или душ, не имеет предела.

Теперь нам легче понять текст, гласящий, что качества могут быть определенными, неопределенными, едва обозначенными или совсем не иметь признаков. Под «определенными» имеются в виду грубые элементы, воспринимаемые нами. Под «неопределенными» — очень тонкие материалы, танматры, которые обычный человек воспринять не может. Однако, говорит Патанджали, человек, упражняясь в йоге, развивает свои восприятия, и через некоторое время они делаются настолько тонкими, что может видеть танматры. Например, все вы слышали, что каждый человек испускает свечение, его испускают и другие живые существа, йог же видит это свечение. Мы с вами не видим, хотя постоянно излучаем тончайшие танматры, как цветок — частицы, позволяющие нам уловить его запах. Мы постоянно излучаем в атмосферу массу добра и зла, и, куда бы мы ни пошли, они присутствуют в атмосфере. Вот почему человек неосознанно пришел к мысли о необходимости храмов и церквей. Зачем для поклонения Богу нужны церкви? Разве Ему нельзя поклоняться где угодно? Человек обнаружил, хотя мог и не понимать причин этого, что те места, где люди молятся, наполняются добрыми танматрами. Люди приходят в такие места каждый день, и чем больше они ходят, тем святее делаются и они, и это место. Даже если является человек, в котором мало саттвы, он находится под воздействием места, и в нем добавляется саттвы. В этом значение храмов, церквей и иных святых мест, однако надо помнить, что святость их — от святости людей, их посещающих. Беда человека в том, что он склонен ставить телегу перед лошадью: человек сам наполняет храм святостью, а потом причина превращается в следствие, и человек, пришедший в храм, черпает оттуда святость. Если бы ходили в храм одни плохие люди, храм скоро стал бы не лучше других мест. Храм — не здание, а люди в нем, о чем мы часто забываем. Вот почему мудрецы и люди святой жизни, исполненные саттвы, могут излучать ее и оказывать огромное влияние на все, что окружает их. Человек способен достигнуть такой чистоты, что она станет почти осязаемой, и всякий, кто приблизится к такому человеку, тоже очистится.

Под «только обозначенным» имеется в виду интеллект, буддхи, как первое проявление природы, за которым следуют все остальные. И, наконец, «не имеющее признаков». По этому поводу существует большое расхождение между современной наукой и всеми религиями. Все религии утверждают, что вселенную рождает дух. Теория Бога, в ее психологическом смысле, оставляя в стороне различные представления о нем, заключается в том, что начало сотворения есть дух, а затем уже идет материя; современные философы стоят на другой точке зрения и считают, что дух появляется в последнюю очередь. Существа, не наделенные разумом, постепенно эволюционируют до животных, животные эволюционируют до человека. Иными словами, не вселенский ум порождает все, а, напротив, ум появляется в последнюю очередь. Хотя положения науки и религии кажутся

полярно противоположными, на самом деле оба верны. Возьмите бесконечную серию: А — В — А — В — А — В и т. д. Возникает вопрос, что здесь первое, А или В? Если серию расположить, как А — В, то на первом месте окажется А, но при расположении В — А на первое место выходит В. Все зависит от подхода. Ум модифицируется и переходит в материю, материя вновь становится умом, и этот процесс продолжается. Философия санкхьи, как и все религии, ставит на первое место ум, наука — материю, но речь все равно идет об одном и том же. Однако индийская философия идет дальше, за пределы и ума, и материи, находя Пурушу — Душу, по отношению к которой ум наделен всего лишь отраженным светом.

20. Только сознание способно видеть, оно чисто, но его видение окрашено интеллектом.

Это опять философия санкхьи. Мы уже знаем из этой философии, что природа включает в себя все — от самых примитивных форм жизни до интеллекта, вне природы существуют только души, не имеющие природных качеств. В таком случае как может душа радоваться или тосковать? Посредством отражения природы. Если поставить перед чистым кристаллом красный цветок, кристалл окрасится его цветом. Так и душа — радость или тоска отражаются в ней. Сама душа не имеет цвета. Она существует вне природы, природа — одно, а душа — нечто совсем другое. Философы санкхьи считают, что интеллект — это составная часть организма, которая проходит свои подъемы и спады, меняется вместе с организмом и по характеру мало чем отличается от остального организма. Интеллект соотносится с телом как тело с ногтем, ноготь тоже часть тела, но его можно сто раз остричь, а тело будет продолжать жить. К тому же интеллект живет долго, и «отстриженное» тело не прекращает его жизнь. Но бессмертным интеллект не может быть. Не может быть бессмертным то, что подвержено переменам. Интеллект есть производное, что само по себе говорит о существовании чего-то еще. Интеллект не может быть свободен, все, связанное с материей, ограничено рамками природы, а следовательно, подчинено ей. Кто свободен? Свобода возможна только вне причинно-следственных связей. Если вы мне скажете, что идея свободы есть заблуждение, я на это отвечу, что идея подчиненности есть также заблуждение. Обе идеи проникают в наше сознание, они либо вместе живут в нем, либо вместе исчезают, ибо они есть наши представления о подчиненности и свободе. Если нам приходит в голову пройти сквозь стену и мы набиваем себе шишку на лбу, мы видим, что ограничены стеной. Но мы также знаем, что обладаем волей и что воля способна сокрушить любую стену. Иными словами, мы на каждом шагу сталкиваемся с представлениями, противоречащими друг другу. Нам нужно верить, что мы свободны, но каждый наш шаг доказывает противное. Если неверно одно, то и другое должно быть заблуждением, если справедливо одно, то это должно относиться и к другому, поскольку основа и того, и другого — наше сознание.

Йог утверждает, что справедливо и то, и другое; мы подчинены в пределах интеллекта, мы свободны в беспредельности души. Подлинная натура человека — душа, пуруша, и существует душа вне всех законов причинности. Свобода души просачивается сквозь все слои материи в ее многообразных формах, таких, как интеллект, ум и т. д. Сквозь все пробивается ее свет. У интеллекта нет собственного света. Каждому органу восприятия соответствует свой центр в мозгу, свой центр на каждый орган. Каким же образом гармонизируются восприятия? Каким образом они сходятся в единство? Если бы это делал мозг, видимо, необходим был бы единый центр для глаз, носа, ушей и прочего, но мы знаем, что центров много. Ведь человек способен и видеть, и одновременно слышать, значит, интеллект должен обладать способностью соединять восприятия. Интеллект связан с мозгом, но за самим интеллектом стоит пуруша, и именно там соединяются различные ощущения и восприятия, становясь единым целым. Сама душа и есть тот центр, который все сводит вместе. Душа свободна, и ее свобода подсказывает нам на каждом шагу, что и мы свободны. Мы же ошибочно приписываем эту свободу интеллекту и уму. Стараемся приписать свободу интеллекту, но тут же убеждаемся, что интеллект не свободен, стараемся приписать ее телу,

но природа тут же опровергает нас. Отсюда и возникает у нас одновременно чувство свободы и несвободы. Йог исследует и то, что свободно, и то, что подчинено, и его невежество исчезает. Он приходит к пониманию, что душа свободна, что она есть суть всего знания, которое, преломляясь через буддхи, становится интеллектуальным и в этом качестве утрачивает свободу.

21. Природа познаваемого в опыте существует для него [пуруши].

У природы нет собственного света. Она может казаться наполненной светом, пока в ней присутствует пуруша, но это заимствованный свет, как отраженный свет луны. Согласно йоге, все проявления природы вызываются самой природой с одной-единственной целью: для освобождения пуруши.

22. Исчезнувшая для того, кто достиг цели, она не исчезает для других.

Вся деятельность природы предназначена для того, чтобы душа познала свою отъединенность от природы. Природа утрачивает притягательность для души, познавшей это. Однако природа исчезает полностью лишь для человека, достигшего свободы. Для несчетного множества других природа действует, как прежде.

23. Соединение — причина реализации обеих сил, природы и ее Господина.

Здесь говорится о том, что силы природы и души проявляются, когда они соединены. После этого все проявления отбрасываются. Причиной соединения является невежество. Мы изо дня в день видим, что причина страданий и радости в отождествлении себя с телом. Если я совершенно уверен, что я не тождествен моему телу, я не должен обращать внимания на жару, холод и прочее. Мое тело — сочетание многих вещей. Нам только кажется, будто у меня — одно тело, у вас — другое, у солнца — третье. Вселенная — это океан вещества, в котором вы — название одной частички, я — другой, солнце — еще одной. Мы знаем, что вещество непрестанно изменяется и то, что сегодня входит в состав солнца, может завтра стать частицей наших тел.

24. Причина этого есть невежество.

По невежеству мы отождествили себя с определенным телом, тем самым открыв себя для страдания. Представление о том, что человек тождествен своему телу, есть просто предрассудок, но этот предрассудок делает нас и счастливыми, и несчастными. Предрассудок, порожденный невежеством, заставляет нас испытывать тепло, холод, удовольствие или боль. Мы должны стать выше этого, и йога учит нас тому, как это сделать. Известно, что человек в определенном психическом состоянии может гореть, не ощущая боли. Трудность заключается в том, что наш ум то вздымается волной, то затихает. Если же при помощи йоги мы научаемся управлять собой, мы можем постоянно отделять душу от тела.

25. При отсутствии этого [невежества] отсутствует и соединение, которого следует избегать, в этом независимость видящего.

Согласно философии йоги, душа соединяется с природой из-за невежества. Наша цель — избавиться от подчинения природе, это конечная цель любой религии. Всякая душа потенциально божественна, задача заключается в том, чтобы проявить в себе божественность, подчинив своей воле природу внутри и вне человека. Добейтесь этого трудом, молитвой, психическим контролем, философскими умозаключениями, — одним из этих способов или сразу несколькими — и вы освободитесь. В этом единственный смысл религии. Все остальное вторично: доктрины, догмы, обряды, книги, храмы. Йог пытается достичь этой цели, используя психический контроль. Пока мы не освободимся от природы, мы рабы, мы идем, куда она прикажет. Йог же говорит, что управляющий своим умом управляет и природой. Внутренняя природа человека куда выше, чем природа, окружающая его, с ней куда труднее справиться, куда труднее взять под контроль. Именно поэтому тот, кто покорил внутреннюю природу, правит всей вселенной, а она служит ему. Раджа-йога предлагает методы для достижения этой власти. Для этого требуется овладеть силами более высокими, нежели те, что известны нам в физической природе. Тело есть просто внешняя оболочка ума, но они не столь уж отличны друг от друга, их можно сравнить с устрицей и

ракушкой. Это два аспекта одного и того же: устрица впитывает вещество извне и производит из него свою ракушку. Таким же образом тонкие внутренние силы, составляющие в целом ум, впитывают извне грубую материю и создают из нее внешнюю оболочку — тело. Если человек умеет управлять своим внутренним миром, ему очень легко подчинить себе и мир внешний. Да и сами силы в принципе не отличаются друг от друга, не то, что какие-то из них физические, а какие-то психические. Физические силы являются грубой формой тонких сил, также и сам физический мир есть не что иное, как грубое проявление мира тонкого.

26. Способом избавления от невежества является постоянное упражнение в различении.

Вот это и есть настоящая цель упражнений — научиться различать подлинное и мнимое, зная, что пуруша существует вне природы, что душа не есть ни материя, ни ум, что, будучи внеприродной, она не подвержена изменениям. Изменяется только природа, составляясь и пересоставляясь в различные сочетания, непрестанно распадающиеся. Научившись путем постоянных упражнений отличать истинное от неистинного, мы избавляемся от невежества, и пуруша проявляет свою настоящую светоносную суть — всезнание, всемогущество, вездесущность.

27. Его знание — семеричная вершина.

Когда приходит такого рода знание, оно приходит как бы семью ступенями — одна за другой. Первая ступень — мы знаем, что начинаем получать знание. Ум перестает испытывать неудовлетворенность, ведь, ощущая потребность в знании, мы начинаем метаться в поисках его, не обнаружив же, мучаемся от неудовлетворенности и принимаемся за новые поиски. Поиски ничего не дают, пока мы не догадываемся, что знание — внутри нас и никто, кроме нас самих, не поможет нам найти его. Учась различать подлинное и мнимое, мы приходим к состоянию, когда неудовлетворенность исчезает, что является первым признаком нашего приближения к истине. Возникает уверенность в том, что мы нашли истину, что ничем иным, как истиной, найденное нами быть не может. Тут мы можем сказать себе, что встает солнце, что брезжит утро, и, набравшись отваги, мы должны настойчиво продвигаться к цели. Вторая ступень — отсутствие всякого страдания. Ничто во вселенной, ни в нашем внутреннем мире, ни в том, что окружает нас, не может причинить нам страдание. Третья ступень — постижение полноты знания. Мы становимся всеведущи. Четвертая ступень — через различение истинного и неистинного мы приходим к освобождению от чувства долга. Затем наступает то, что называется освобождением читты. Мы осознаем, что все трудности и борения, все смятение ума — все упало, как скатывается с горной вершины вниз камень, чтобы больше никогда не подняться наверх. После этого сама читта осознает, что по нашей воле она возвращается назад к первопричине. И наконец, мы обнаруживаем свое тождество с Душой, обнаруживаем, что всегда были одни во всей вселенной, что ни тело, ни ум не имели к нам отношения и, уж конечно, не были с нами соединены. Они действовали сами по себе, а мы, по невежеству, соединили себя с ними. На самом деле мы были и всемогущи, и вездесущи, и вечно благословенны, наше собственное «Я» было так чисто и совершенно, что иного нам и не требовалось. Нам ничего не требовалось для счастья, ибо мы сами и есть счастье. Мы обнаружим, что это знание не зависит ни от чего, нет ничего во всей вселенной, не освещенного нашим знанием. И это будет последняя ступень, йог обретет мир и равновесие, он больше никогда не испытает боль, больше никогда не обманется, больше никогда страдание не коснется его. Он узнает, что навеки благословен, совершенен, всемогущ.

28. Когда происходит очищение благодаря упражнению в различных видах йогической практики, знание освещает различие между истинным и неистинным.

Теперь мы говорим о практическом знании, поскольку то, о чем шла речь до сих пор, настолько возвышенно, что нам до этого далеко. Тем не менее это идеал. Прежде всего необходимо научиться физическому и психическому контролю над собой, укрепиться в стремлении к идеалу. Когда идеал известен, остается только упражняться в методе его достижения.

29. *Яма, нияма, асана, пранаяма, пратьяхара, дхарана, дхьяна и самадхи* — вот восемь ступеней йоги.

30. *Яма* — это неубиение, правдивость, непосягательство на чужое, воздержание и отказ от даров.

Человек, желающий стать совершенным йогом, должен отказаться от половой жизни. Душа бесполо, зачем же унижать ее мыслями о половой жизни? Позднее мы лучше поймем, почему необходимо отказаться от этого. На ум человека, принимающего дары, воздействует ум дарителя, а это подвергает опасности принимающего. Принятие даров способно повлиять на независимость мышления, привести к порабощению. Поэтому не принимайте даров.

31. Эти великие обеты не зависят от времени, места, цели и кастовых правил.

Каждый — мужчина, женщина, ребенок, — где бы он ни жил, кем бы ни был, должен следовать этим правилам: не убивать, говорить правду, не воровать, сохранять чистоту, не принимать дары.

32. *Нияма* — это очищение себя внутри и снаружи, удовлетворенность, аскетизм, прилежание и почитание Бога.

Тело должно быть чистым, неряшливый человек никогда не станет йогом. Но необходимо и внутреннее очищение, которое достигается соблюдением добродетелей, названных далее. Конечно, внутренняя чистота важнее внешней, но нужно очищать себя и внутренне, и наружно, хотя наружная чистота без внутренней ничего не дает.

33. Отринуть мысли, чуждые йоге, можно при помощи мыслей иного направления.

Так человек укрепляет себя в добродетелях, перечисленных выше. Например, если вас окатывает волной ярости, как подавить в себе это чувство? Направив против него другую волну. Думайте о любви. Бывает, жена поссорится с мужем и злится на него, а тут вбегает ребенок, женщина целует его, и волна любви к ребенку перекрывает злость на мужа. Новая волна накрывает собой старую, любовь против злости. Подобным же образом, если возникает соблазн пожить чужим, думайте об обратном, если захочется принять дар, думайте о чем-то другом.

34. Несовместимыми с йогой являются убийство, лживость и прочее, независимо от того, свершилось ли само деяние, поощрялось или одобрялось из корыстолюбия, злобы или невежества. Мало ли деяние, не очень значительно или велико, оно все равно ведет к беспредельному страданию и невежеству. Таков способ подавлять дурные помыслы мыслями о другом.

Говорю ли я неправду, заставляю говорить неправду другого или одобряю чужую ложь — все это в равной степени дурно. Сколь невинной ни была бы ложь, она все же остается ложью. Всякий дурной помысел получит воздаяние, каждая злобная мысль, если даже она пришла вам в голову в пещере, закрытой со всех сторон, уже не исчезнет, и настанет день, когда она с огромной силой вернется к вам же в форме страдания. Если вы несете ненависть и ревность, они тысячекратно скажутся на вас же, и нет силы, способной помешать этому. Что вы привели в действие, то возвратится к вам. Постоянная мысль об этом остановит вас от совершения злых дел.

35. Перед тем, кто блюдет обет не убивать, другие укрощают свою враждебность.

Если человек действительно проникся стремлением никому не причинять вреда, то даже хищные животные смиряются перед ним. Тигр может спокойно играть с ягненком в присутствии йога. Это есть лучшее доказательство того, что идея ненасилия прочно укоренилась в вас.

36. Укрепившись в правдивости, йог обретает силу получать для себя и других плоды труда без труда.

Укрепившись в правдивости, человек уже не может сказать неправду, даже во сне. Он правдив в помысле, слове, деянии, и все, что он изречет, будет правдой. Он может сказать: «Будь благословен», и тот, кому это сказано, будет благословен. Он может велеть больному: «Выздоровей», и тот сразу поправится.

37. Соблюдая обет «не укради», йог получает все богатства.

Чем больше старается человек убежать от природы, тем упорнее она следует за ним. Когда же человек перестает обращать на нее внимание, она делается его работой.

38. Соблюдение обета воздержания наделяет энергией.

Чистый мозг обладает гигантской энергией и огромной силой воли. Без воздержания не может быть духовной силы. Воздержание дает человеку силы оказывать воздействие на других. Духовные учителя человечества всегда были весьма воздержанны, это давало им силы. Вот почему йог обязан соблюдать обет воздержания.

39. Укрепившийся в неприятии даров вспоминает свои прошедшие жизни.

Когда человек не принимает даров, он не попадает в зависимость от других, он сохраняет самостоятельность и свободу. Ум его очищается. С каждым же принятым даром человек рискует получить и зло из ума дарителя. Отказом от даров человек достигает большой чистоты, и первое, что она дает ему, — это способность вспомнить прошлые жизни. Только после этого йог по-настоящему укрепляется в стремлении к идеалу. Теперь, вспомнив, сколько раз рождался и умирал, он решает, что на сей раз должен освободиться, что он не будет просто существовать и быть рабом природы.

40. Привычка к поддержанию внутренней и наружной чистоты вызывает отвращение к собственному телу и нежелание соприкасаться с другими.

После достижения подлинной чистоты тела, как изнутри, так и снаружи, возникает пренебрежение к нему и у человека пропадает желание заботиться о теле. Лицо, которое другие считают прекрасным, йогу покажется грубым, если оно не освещено духом. Напротив, ему кажется божественным обыкновеннейший облик, когда он осиян духовностью. Привязанность к телесному есть величайшее проклятие человеческой жизни, поэтому первый признак того, что человек очистился, проявляется в его нежелании рассматривать людей как их тела. Одна только чистота помогает нам избавиться от идеи тела.

41. Потом наступает очищение *саттвы*, бодрость ума, способность к сосредоточению, подчинение себе органов тела и готовность к познанию Души.

Постоянное самоочищение наполняет человека саттвой, ум делается сосредоточенным и бодрым. Веселость и бодрость — первые признаки того, что человек становится религиозным. Если человек мрачен, то мрачность может быть вызвана и расстройством желудка, но все равно он не религиозен. Приятные ощущения — это сама природа саттвы. Человеку, наполненному саттвой, все приятно, так что, испытав это чувство, знайте — вы продвинулись по пути йоги. Все страдание связано с *тамасом*, а потому нужно стараться освободиться от него, мрачность — один из результатов тамаса. Йогом может быть только тот, кто силен, крепок, молод, здоров и отважен. Для йога все блаженство, его радует каждое человеческое лицо. Это признак добродетельного человека. Страдание причиняет только грех и ничто иное. Какое право вы имеете ходить с мрачным лицом? Это ведь ужасно. Если вы проснулись в дурном настроении, не выходите из дому в этот день, не показывайтесь на люди. Какое право вы имеете нести в мир болезнь? Возьмите верх над своим умом, это даст вам власть над всем телом, и не вы будете рабом этой машины, а она подчинится вам. И тогда машина не только перестанет тянуть душу вниз, но станет ее лучшей помощницей.

42. Удовлетворенность дает величайшее счастье.

43. Аскетизм укрепляет силы органов чувств и тела путем их очищения.

Плоды аскетизма появляются сразу, иногда улучшается зрение, иногда появляется способность слышать на большом расстоянии и многое другое.

44. Повторением *мантры* реализуется избранное божество.

Чем выше существо, к которому вы устремлены, тем труднее упражнения.

45. Полным преданием себя воле Ишвары достигается состояние самадхи.

Самадхи достигает совершенства, когда человек отрешен от всего, кроме Бога.

46. Поза должна быть прочной и приятной.

Теперь поговорим о позе, об *асане*. Не научившись принимать правильную позу, нельзя заниматься ни дыхательными, ни другими упражнениями. Прочность позы означает,

что, приняв ее, человек должен полностью перестать ощущать собственное тело. Обычно стоит присесть на несколько минут, как что-то начинает мешать телу, преодолев же ощущения конкретного, своего тела, человек утрачивает чувство тела вообще. Тогда уже нет ни приятных, ни неприятных ощущений. Вернувшись в прежнее положение, человек чувствует себя хорошо отдохнувшим. Это единственный способ дать телу полный отдых. Научившись держаться в прочной позе, можно правильно выполнять упражнения, потому что, пока тело испытывает неудобства, нервы тоже не могут успокоиться, а это мешает сосредоточенности ума.

47. Поза делается прочной и приятной ограничением естественной склонности [к подвижности] и сосредоточением на мысли о безграничном.

Можно сделать позу более устойчивой, размышляя о бесконечности. Мы не в силах представить себе абсолютную бесконечность, но можем думать о бескрайнем небе.

48. Принятие правильной позы устраняет помехи двойственностей.

Двойственности, пары противоположностей, такие, как добро и зло, тепло и холод и т. д., не будут вам мешать.

49. За этим следует регулирование вдохов и выдохов.

Научившись принимать правильную позу, можно перейти к прерыванию и контролированию движения *праны*. Таким образом, мы приступаем к *пранаяме*, к управлению жизненными силами тела. Хотя слово «прана» обычно переводится как «дыхание», это не дыхание. Праной называется вся космическая энергия, а значит, и та энергия, которая есть в каждом живом организме. Наглядней всего ее присутствие проявляется в дыхательных движениях. Эти движения вызваны праной, заставляющей легкие втягивать воздух, и именно их призваны контролировать упражнения пранаямы. Легче всего начинать управлять праной через дыхательный контроль.

50. Упражнения могут быть или внешними, или внутренними, или неподвижными, различными по месту, времени и числу, долгими или краткими.

Движения пранаямы бывают трех видов: вдох, выдох и задержка воздуха либо в легких, либо вне их. Движения могут меняться в зависимости от места и времени, то есть от того, в какой части организма задерживается прана и на какое время. Мы должны знать, сколько секунд необходимо тратить на одно движение, сколько на другое. Результатом пранаямы будет *удгхата*, пробуждение Кундалини.

51. И четвертое — сдерживание праны путем сосредоточения на объекте внутри или снаружи.

Это четвертое движение пранаямы, при котором *кумбхака* — остановка дыхания — путем долгой практики сочетается с сосредоточением. В других трех движениях сосредоточение не предусмотрено.

52. Этим путем уменьшается сокрытие света читты.

Читта по своей природе содержит в себе все знание. Его несут частички саттвы, но их закрывают раджас и тамас. Упражнения пранаямы способствуют их удалению.

53. Теперь ум готов к дхаране.

После удаления того, что скрывало собой знание, мы готовы сосредоточить свой ум.

54. Органы восприятия обращаются вовнутрь, когда привлечены не к объектам, а к формам читты.

Органы суть различные состояния ума как субстрата мысли. Я вижу книгу, форму, но она связана не с книгой, а с умом. Нечто вне меня вызывает образ во мне. Настоящий образ рождается в *читте*. Органы восприятия отождествляют себя и принимают образ любого объекта. Если удержать ум как субстрат мысли от создания образов, он будет спокоен. Это и называется *пратьяхара*.

55. Так достигается полное подчинение органов.

Когда йог мешает органам восприятия принимать формы внешних объектов и заставляет их соединиться с умом как субстратом мысли, он полностью подчиняет себе эти органы. Если подчинены органы восприятия, то в подчинении оказывается и каждый нерв, и

каждая мышца, поскольку органы являются центрами ощущений, а также действий. Таким образом, йог управляет и своими ощущениями, и движениями своего тела. Только тогда он испытывает радость от того, что рожден, только тогда он имеет право сказать: я благословен тем, что родился на свет. Ибо, управляя своим телом, мы начинаем понимать, как оно прекрасно.

Глава III СИЛЫ

Мы переходим к главе, в которой описываются различные силы йоги.

1. *Дхарана* — сосредоточение ума на определенном объекте.

Дхарана (сосредоточенность) — это когда ум концентрируется на определенном объекте либо внутри нас, либо вне нас.

2. Установление непрерывного потока знания об этом объекте — это уже *дхьяна*.

Внимание ума направляется на один определенный объект, сосредоточивается на одной точке, скажем на макушке, на сердце и т. д. Состояние, при котором ум воспринимает ощущения только через избранную точку, и только через нее, — *дхарана*; если же это состояние удастся сохранять в течение некоторого времени, тогда это *дхьяна*, или медитация.

3. Когда разум, отрешаясь от форм, сосредоточен только на сути, наступает состояние *самадхи*.

Самадхи наступает, когда сосредоточенный ум перестает воспринимать оболочки, внешние формы объектов. Представим себе, что я сосредоточиваюсь на книге и постепенно углубляюсь настолько, что, перестав замечать внешнюю форму, воспринимаю только суть, не выраженную через форму. Это состояние сосредоточенности, *дхьяны*, уже называется *самадхи*.

4. Три разновидности сосредоточения, пройденные одна за другой, называются *самьяма*.

Когда человек может направить все внимание на определенный объект и задержаться на нем, а затем отделить суть объекта от его формы, то весь этот процесс в целом носит название *самьямы*. *Дхарана*, *дхьяна* и *самадхи* следуют друг за другом так, что составляют один процесс. В результате исчезает форма объекта и ум запечатлевает только его суть.

5. Благодаря овладению *самьямой* приходит свет знания.

Человек, освоивший *самьяму*, получает власть над всеми силами, а это — великий инструмент йога. Объекты познания конечны и могут быть разделены на менее грубые, более грубые и совсем грубые, равно как на менее тонкие, более тонкие, совсем тонкие и т. д. Следует сначала практиковать *самьяму* на объектах грубых, с тем чтобы по мере накопления опыта и знания о грубой материи переходить ко все более тонким вещам.

6. Это следует делать постепенно.

В этом состоит предупреждение: не нужно пытаться ускорять процесс.

7. Три стадии данного процесса больше обращены внутрь, нежели предшествовавшие им.

Предшествовали им *пратьяхара*, *пранаяма*, *асана*, *яма* и *нияма*, которые являются как бы внешними опорами, помогающими войти в состояния сосредоточения: *дхарану*, *дхьяну* и *самадхи*. Освоив их, человек может достичь всезнания и всемогущества, однако это еще не освобождение. Три состояния сосредоточенности не могут сделать ум *нирвикальпа* — неизменяемым, ибо в нем все равно сохраняются семена новых жизней и обретения новых тел. Лишь когда семена «сожжены», как говорят йоги, они утрачивают способность давать жизнь новым росткам, а сил, о которых идет речь, недостаточно для их «сожжения».

8. Но даже они внешни по сравнению с *самадхи* «без семени».

Значит, даже эти силы являются только приближением к *самадхи*, где нет и семени. Освоив их, человек еще не достиг подлинности *самадхи*, он все еще на подступах, и для него

еще существует видимая вселенная, в которой продолжают действовать эти силы.

9. При подавлении возбужденных впечатлений ума и при включении впечатлений контроля ум, настойчивый в этот момент, достигает модификаций, характеризующихся контролем.

Можно сказать, что на низшей ступени самадхи изменчивость ума берется под контроль, однако далеко не полностью, ибо он сохраняет склонность к изменчивости. Если в уме возникают волны, побуждающие его тяготеть к внешнему миру через органы чувств, а йог старается контролировать это, то ведь контроль тоже изменяет ум. Одна волна гасится другой, это не подлинное погружение в самадхи, при котором утихает все волнение. Но тем не менее это состояние гораздо ближе к самадхи, чем к неукротимому бурлению ума.

10. Привычка делает состояние прочным.

Если изо дня в день постоянно упражняться в самоконтроле, то ум легче поддается ему и обретает способность к постоянной сосредоточенности.

11. Воспринимая множество объектов и сосредоточиваясь только на одном, что происходит попеременно, чितта изменяется и достигает самадхи.

Ум вбирает в себя разнообразнейшие объекты, отождествляет себя со множеством вещей — это низший уровень его действия. Существует и более высокий уровень, когда ум воспринимает один-единственный объект, исключая все прочие, результатом чего становится самадхи.

12. *Читта* устремляется в одну точку, когда прошлые отпечатки сливаются с настоящими.

Каким образом нам становится известно, что ум вошел в состояние сосредоточения? Исчезает чувство времени. Чем больше времени проходит незамеченным нами, тем глубже сосредоточенность. Мы ведь знаем, как незаметно пролетает время, когда мы зачитываемся хорошей книгой, мы только удивляемся потом. В самадхи течение времени замирает в настоящем. Отсюда и определение: когда прошлое и настоящее сливаются и застывают, тогда ум действительно сосредоточен.

13. Это объясняет троичную трансформацию: формы, времени и состояния в материи грубой и тонкой, а также в органах тела.

Преобразованием формы, времени и состояния в уме объясняется и соответствующее преобразование грубой и тонкой материи, а также органов. Представьте себе слиток золота. Его можно преобразовать в браслет. Потом в пару серег. Это — преобразование формы. На это преобразование можно смотреть и под временным углом, как на преобразование во времени. Браслет или серьги могут быть яркими или тусклыми, массивными или тоненькими и т. д. Это и есть преобразование состояния. Ум, вздымаясь волнами (ср. афоризмы 9, 11, 12), преобразуется по форме. Его способность обращаться к прошлому, настоящему или будущему есть преобразование во времени. Впечатления могут с различной силой отпечатываться на нем даже в одно и то же время — это и есть преобразования в состоянии. Методы сосредоточения, о которых шла речь выше, дают йогу возможность преобразовывать ум по своей воле, и только таким путем он достигает состояния *самьямы*.

14. Обладает свойствами то, на что воздействуют преобразования прошлые, настоящие и будущие.

Иными словами, свойствами обладает вещество, подверженное влиянию времени и самскар, находящееся в процессе постоянных изменений.

15. Последовательность изменений есть причина многообразной эволюции.

16. Практикуя *самьяму* на трех типах преобразований, человек получает знание прошлого и будущего.

Нельзя упускать из внимания первое определение *самьямы*. Что такое *самьяма*? Ум должен войти в состояние, при котором он воспринимает суть объектов, не замечая оболочек, научиться путем долгой практики удерживать в себе эти впечатления, а затем привыкнуть входить вот в это состояние мгновенно. Все это вместе взятое и есть *самьяма*. Тогда, если человек желает знать прошлое и будущее, ему нужно проникнуть с помощью

самьямы в перемены в самскарах, иные из которых действуют сейчас, а другие уже прекратили действие или еще ждут своего времени.

17. Сосредоточившись методом самьямы на слове, смысле и знании, которые обычно перемешаны, можно научиться понимать язык животных.

Слово есть внешний сигнал, его смысл — внутренние колебания, идущие в мозг по каналам *индрий*, из мозга же поступает ответная реакция, знание. Все вместе образует восприятие, чувственное восприятие, в котором слово, смысл и знание перемешаны. Я слышу слово: сначала это внешние колебания, потом внутренние, передаваемые уму органом слуха, потом ответ мозга — и я знаю слово. Слово, которое я теперь знаю, состоит из колебаний, ощущения и реакции мозга, воспринятых вместе, однако йог умеет разделять их. Научившись этому и сосредоточившись на любом звуке, человек понимает смысл, ради которого звук был произведен, вне зависимости от того, человек это был или животное.

18. Сосредоточение на впечатлениях дает знание прошлой жизни.

Все, что мы переживаем в жизни, возбуждает волны в сознании. Волны постепенно утихают, становясь все менее заметными, но никогда не исчезают совсем. Они остаются в уме почти неприметными, но если мы вызываем новую волну из них, то это уже память. Когда йогу удастся сосредоточиться на отпечатках прошлого в уме, он припоминает свои прошлые жизни.

19. Сосредоточение на знаках чужого тела дает знание ума другого человека.

Особые отличия есть на теле каждого, но, когда йог сосредоточивается на них, они раскрывают ему природу ума того человека.

20. Но не содержание его, ибо оно не есть в данном случае объект самьямы.

Сосредоточившись по методу самьямы на теле другого, йог не узнает содержания его мыслей; для этого потребуется двойное сосредоточение: сначала на телесных знаках, затем на самом уме — тогда перед йогом откроется все, что в том происходит.

21. Сосредоточением на форме тела, созданием препятствий восприимчивости для формы и отделения его силы обнаружения по отношению к глазу тело йога становится невидимым.

Йог способен как бы исчезать по собственной воле. Конечно, он не исчезает, а просто перестает быть видимым. Форма тела и тело — не одно и то же. Понятно, что такое можно сделать, только развив в себе силу сосредоточения, способную отделить форму от того, что в ней. Йог сосредоточивается на сути, что уменьшает возможность восприятия формы, поскольку формы воспринимаются из-за их соединения с сутью.

22. Подобным образом объясняется и исчезновение произнесенных слов и иные явления.

23. *Карма* бывает двух видов: приносящая плоды скоро и приносящая плоды не скоро. Сосредоточением на этом или на знаках-предвестниках, именуемых *аришта*, йоги узнают, когда они оставят свои тела.

Когда йог сосредоточивается на собственной карме, на отпечатках в уме, действующих в настоящее время, равно как и на тех, которым еще предстоит действовать, он узнает по вторым, сколько ему осталось существовать в этом теле. Ему становится известен и день, и час, и минута его смерти. Индусы придают большое значение этому знанию, сознанию приближения смерти, ибо Гита учит, что мысли в момент расставания с телом в большой степени определяют собой следующую жизнь.

24. Сосредоточением на чувствах дружелюбия, милосердия и т. д. (I, 33) йог преуспевает в развитии в себе этих качеств.

25. Сосредоточением на силе слона и других сильных существ йог и сам обретает большую силу.

Когда йогу, овладевшему самьямой, хочется быть сильным, ему достаточно сосредоточиться на силе слона, чтобы достичь такой же. В распоряжении каждого есть неограниченная энергия, нужно только уметь воспользоваться ею. Йог же владеет этой наукой.

26. Сосредоточение на Сияющем Свете (I, 36) дает знание тонкого, отдаленного, загроможденного препятствиями.

Сосредоточившись на Свете в собственном сердце, йог начинает видеть отдаленное, скажем нечто, происходящее очень далеко или за высокими горами, а также и весьма тонкие объекты.

27. Сосредоточение на Солнце дает знание мира.

28. Сосредоточение на Луне дает знание звезд.

29. Сосредоточение на Полярной звезде дает знание о звездном движении.

30. Сосредоточение на окружности пупка дает знание тела.

31. Сосредоточение на ямке под горлом прекращает ощущение голода.

Как бы ни был голоден человек, если он освоил самамю, при сосредоточении на ямке под горлом чувство голода пропадет.

32. Сосредоточение на нерве, именуемом *курма*, способствует устойчивости тела.

Когда оно практикуется, тело не испытывает никакого беспокойства.

33. Сосредоточение на свечении, излучаемом макушкой, позволяет увидеть *сиддхов*.

Сиддхи — это существа, которые иерархически располагаются чуть повыше призраков. Йог может увидеть их, сосредоточившись на собственной макушке. В данном случае слово «сиддха» не означает людей, достигших освобождения, хотя оно часто употребляется в этом значении.

34. Сила же *пратибхи* дает всеведение.

Человеку, обладающему силой *пратибхи*, — чистотой, приводящей к мгновенному просветлению, — не нужно никакое сосредоточение. Восхождение к высокому уровню пратибхи дает ему просветление. Он видит все и понимает все.

Ему незачем упражняться в сосредоточении, ему все дается естественным путем.

35. В сердце — знание ума многих людей.

36. Наслаждение исходит из неразличения души и *саттвы*, которые полностью отличны друг от друга, ибо действия саттвы предназначены для души. Сосредоточение на душе открывает знание пуруши.

Все действие саттвы, светящегося и счастливого проявления *пракрити*, природы, предназначено для души. Саттва, свободная от эгоизма и сияющая чистым сознанием пуруши, именуется «сосредоточенной в себе», ибо в этом состоянии она не зависит ни от каких связей.

37. Отсюда возникает сила пратибхи и необыкновенные слух, осязание, зрение, вкус и обоняние.

38. Это — препятствия для самадхи, но в земном состоянии они являются силами.

Йог познает земные наслаждения, соединяя пурушу и ум. Если он желает сосредоточиться на их различии, на различии природы и души, он достигает знания пуруши. Это знание включает в себя различение, а оно дает ему просветление, пратибху. Однако эти силы становятся помехой на пути к высочайшей цели, к познанию души во всей ее чистоте и к ее освобождению. Эти силы как бы находятся на полдороге, отрешившись от них, йог достигает наибольшего. Если же он поддается соблазну обрести эти силы, дальше ему не продвинуться.

39. Когда ослабевают подчинение читты, йог своим знанием каналов действия [нервов] может вступить в чужое тело.

Йог может войти в мертвое тело, заставить его встать и двигаться, даже если сам остается в своем. Он может войти и в живое чужое тело, управлять его умом и органами и в течение некоторого времени действовать через чужое тело. Так поступает йог, приближающийся к различению пуруши и природы. Желая войти в чужое тело, он сосредоточивается по методу самамьи, ибо, согласно философии йоги, вездесуща не только его душа, но и его ум — частичка ума универсального. Однако он способен действовать только через нервные каналы этого тела, но, ослабив их пути, он может действовать и через весь организм.

40. Подчинив себе нервное течение, именуемое удана, йог не утонет ни в воде, ни в болоте, он может ступать по колючкам и многое другое, он может умереть по собственной воле.

Удана — название нервного течения, которое управляет легкими и верхней частью тела. Подчинив его себе, человек становится очень легким по весу. Он не тонет в воде, он может ходить по колючкам или лезвиям мечей, он не горит в огне и может расстаться со своим телом, когда пожелает.

41. Подчинивший себе нервное течение *самана* окружает себя сиянием.

Его тело испускает свет всякий раз, как он того пожелает.

42. Сосредоточение на связи между ухом и акашей дает божественный слух.

Есть *акаша* — эфир, и есть ухо — инструмент. Сосредоточившись на связи между ними, йог обретает необыкновенный слух, он начинает слышать все, он слышит любой звук, раздавшийся за много миль.

43. Сосредоточение на связи между *акашей* и телом, когда тело представляется легким как пух, дает йогу возможность подниматься в небо.

Акаша — это материал человеческого тела; тело просто одна из разновидностей акаши. Сосредоточившись на эфирном материале собственного тела и придав ему легкость акаши, йог может летать по воздуху.

44. Сосредоточение на «подлинных изменениях» ума вне тела, на том, что называется великой бестелесностью, помогает снять покровы со света.

Наш ум по глупости считает, будто действует внутри тела. Но если ум вездесущ, то почему я должен быть скован только одной нервной системой и ограничивать мое «Я» одним моим телом? Мне в этом нет нужды. Йог желает везде ощущать свое «Я». Те психические волны, которые при отсутствии эгоизма возникают в теле, называются «подлинными изменениями» или «великой бестелесностью». Сумев сосредоточиться на этих изменениях, он видит, как спадают покровы со света и исчезают мрак и невежество. Теперь все представляется йогу исполненным знания.

45. Сосредоточение на грубых и тонких формах элементов, на их основных свойствах, на взаимодействии в них разных *гун*, на их влиянии на опыт, накапливаемый душой, дает власть над элементами.

Йог сосредоточивается методом *самьямы* на элементах, сначала на их грубом, затем на их тонком состоянии. Чаще всего такого рода *самьяма* практикуется буддистами. Взяв комочек глины, они сосредоточиваются на нем и постепенно начинают различать тонкие элементы, из которых состоит глина. Познав все тонкие элементы, они получают власть над ними.

46. Отсюда возникает способность уменьшаться в размерах и прочие способности, «прославление тела» и неразрушимость его качеств.

Это означает, что йог овладел восемью силами. По желанию он способен уменьшаться до размеров частицы или стать громадным, как гора, тяжелым, как земля, или легким, как воздух. Он может сделать все, что захочет, может владычествовать надо всем, может завоевать все на свете и так далее. Лев прильнет, как ягненок, к его ногам, любое его желание сразу исполнится.

47. «Прославление тела» есть красота, правильное телосложение, сила и прочность.

Тело становится неразрушимым, ему ничто не может повредить, оно будет жить столько, сколько пожелает йог. «Сломав стержень времени, он живет во вселенной со своим телом».¹⁰⁸ В Ведах сказано, что такой человек уже не знает болезней, боли, смерти.

48. Сосредоточение на объективности и просветляющей силе органов чувств, на эгоизме, на взаимодействии трех *гун* и их значении для накопления душой опыта дает власть над органами тела.

Воспринимая объекты, находящиеся вне нас, органы чувств как бы покидают свое

¹⁰⁸ Пересказ Швет. уп., II, 12.

место в уме и устремляются к объектам. Результатом этого становится знание. Эгоизм также играет роль в этом процессе. Сосредоточившись на действиях органов чувств, йог постепенно подчиняет их себе. Возьмите любое, что вы видите или ощущаете, например книгу. Сначала сосредоточьтесь на ней, затем на знании того, что объект имеет форму книги, затем на «Я», видящем книгу, и так далее. Упражняясь таким образом, можно подчинить себе органы чувств, все органы тела.

49. Тогда тело приобретает способность двигаться со скоростью мысли, использовать органы чувств вне себя и подчинять себе природу.

Как власть над элементами создает «прославленное тело», так власть над органами тела открывает все эти возможности.

50. Сосредоточение на различии между саттвой и пурушей дает всемогущество и всеведение.

После подчинения себе природы, когда осознано различие между пурушей и природой, установлено, что пуруша не подвержен тлению, чист и совершенен, тогда человек обретает всеведение и всемогущество.

51. Отрешение даже от этих возможностей уничтожает само семя зла, что открывает путь к *кайвалье*.

Теперь человек один, он независим и свободен. Если он откажется даже от всемогущества и всеведения, для него больше нет соблазнов. Йог, достигший этих невероятных сил и способностей и отказавшийся от них, стоит уже у цели. Что такое в конце концов эти способности? Просто проявления. Они ничем не отличаются от сновидений, даже всемогущество — сон. Он зависит от ума. И понять его можно только в пределах ума, цель же находится за этими пределами.

52. Йог не должен поддаваться соблазну и лести небожителей, опасаясь нового зла.

Есть и другие опасности: боги и небожители могут попытаться соблазнить йога, они не желают, чтобы кто-то добился абсолютной свободы. Они так же ревнивы, как мы с вами, а иногда и хуже, поскольку очень боятся потерять свои места. Йоги, не достигшие полного совершенства, становятся богами после смерти: вместо того чтобы идти прямым путем, они устремились в переулки, где получили эти силы. Но это значит, что их ожидают новые рождения. Лишь тот, кто достаточно тверд, кто не поддается соблазнам и движется прямо к цели, только он достигает освобождения.

53. Сосредоточение на частице времени, выделенной из времени до и после нее, усиливает способность различать.

Как же нам избежать всего этого — небожителей, небес, удивительных возможностей? Развитием в себе умения различать добро и зло. Для этого и предназначена сама́яма, которая способствует их различению посредством сосредоточения на частице времени, выделенной из его течения.

54. Это сама́яма открывает путь к различению и того, что не дифференцировано видом, признаком или местом.

Все наше страдание — от невежества, от неумения отличить истинное от мнимого. Мы все принимаем зло за добро, сон за действительность. Единственная реальность — это душа, а мы забыли ее. Неумение различать и есть причина страдания. Все из-за невежества. Научившись различению, мы обретаем силу, и тогда мы избавляемся от путаных представлений о теле, небесах, богах. Невежество наше из-за того, что мы стремимся проводить различия по видам, признакам, месту. Возьмем корову. Корова отличается от собаки по виду. А чем отличается одна корова от другой? По признакам. Если два предмета совершенно одинаковы, то их различают по месту в пространстве. В случаях же, когда объекты перемешаны настолько, что различение их перестает быть возможным, на помощь приходит сама́яма. Вершины философии йоги основываются на том, что Пуруша есть чистота, совершенство и единственно простая «цельность» во вселенной. Тело и ум составлены из множества компонентов, хотя мы себя постоянно отождествляем именно с ними. В это заблуждение мы впадаем из-за того, что не умеем различать. Когда же

появляется способность различения, человек убеждается, что все в мире составлено из многих компонентов, а следовательно, не может быть пурушей.

55. Спасительное знание есть знание различий, одновременно охватывающее все объекты в их многообразии.

Спасительное, ибо оно дает возможность йогу пересечь океан рождений и смертей. Это знание охватывает собой всю природу во всех ее состояниях: и грубых, и тонких. При этом знании последовательность восприятий исчезает, все познается одновременно и сразу.

56. Из сходства чистоты саттвы и пуруши возникает *кайвалья*.

Когда душа осознает, что не зависит ни от чего во всей вселенной, от богов до атомов, тогда наступает состояние кайвальи — отъединенности и совершенства. Наступает оно после того, как то, что именовали саттва (интеллект), где было смешано и чистое, и нечистое, очищается до совершенства пуруши и отражает в себе одну лишь суть чистоты, которая и есть пуруша.

Глава IV

НЕЗАВИСИМОСТЬ

1. *Сиддхи* — силы, способности, достигаемые рождением, химическими средствами, силой слова, аскетизмом или сосредоточением.

Бывает иной раз, что человек рождается, обладая сиддхи, способностями, приобретенными, разумеется, в минувшие жизни, но плодами их он пользуется в этой жизни. Говорят, что Капила, основоположник философии санкхья, родился сиддхой, что в дословном переводе значит: «возвысившийся до успеха».

Йоги утверждают, что эти способности могут быть и результатом использования химических средств. Как известно, химия начиналась с алхимии, с поисков философского камня, эликсира бессмертия и прочего. В Индии была секта *расаяна*,¹⁰⁹ члены которой считали, что познание, духовность и религия — все это прекрасно, но человеческое тело является единственным инструментом, через который можно получить к ним доступ. Однако поскольку тело недолговечно, то на достижение цели уходит очень много времени. Допустим, человек желает стать йогом или просто стремится к духовности, но едва он успеет приобрести необходимые навыки, как его телу приходит конец. Он берет себе другое тело, начинает снова, тело опять умирает и так далее. На рождения и смерти уходит много времени. Однако, если есть возможность сделать тело прочным и совершенным и избавить его от рождений и смертей, у человека будет гораздо больше времени на духовную жизнь. Итак, члены секты расаяна полагали, что начинать надо с укрепления тела, и считали, что его можно сделать бессмертным. Рассуждали они так: если тело производится умом, если верно, что ум — один из каналов бесконечной и неисчерпаемой энергии, то не должно быть предела количеству энергии, которое каждый отдельный ум способен получить извне. Почему нельзя сохранить одно тело на все времена? Сколько бы тел ни использовал каждый человек, он все свои тела производит сам. Как только разрушится это тело, мы должны будем построить следующее. Раз мы это делаем, почему не делать это, оставаясь в нынешнем теле? Теория не содержит в себе противоречий: если для нас возможна жизнь после смерти и создание новых тел, почему невозможно создавать их сразу, не проходя через распад старого тела, а непрерывно заменяя его на новое? Члены секты утверждали, что ртуть и сера таят в себе поразительные силы и препараты, составленные из них, позволяют человеку сохранять свое тело, сколько он пожелает. Другие говорили о средствах, благодаря которым человек может летать по воздуху. Мы обязаны расаянам многими из тех лекарств,

¹⁰⁹ Под «расаяной» обычно понимается один из разделов Аюрведы (санскр.: наука о долголетию), традиционной индийской медицины. Видимо, секта расаяна могла состоять из тех, кто применял это знание на практике, то есть индийских лекарей, причисляемых, согласно традиции, к «нечистым» кастам.

которыми пользуемся сегодня, в частности использованием металлов в терапевтических целях. Есть и йоги, которые говорят, что многие из учителей древности по сей день живут в своих старых телах. Величайший авторитет йоги Патанджали не отрицает этого.

Сила слов. Сочетания священных слов, именуемые мантрами, повторяемые при соблюдении определенных условий, обладают силой, которая дает человеку необыкновенные способности. Нас день и ночь окружают чудеса в таком количестве, что мы перестали обращать на них внимание. Нет предела человеческим возможностям, силе слова и силе ума.

Аскетизм. Все религии на свете практикуют воздержание и аскетический образ жизни, однако индусы неизменно доводят до крайности эти религиозные концепции. Можно найти людей, которые всю жизнь держат руки поднятыми, пока руки не отсыхают. Или таких, которые стоят день и ночь, пока не начинают отекают ноги. Если они остаются в живых, то ноги закаменевают в этой позиции и они уже просто не могут ни согнуть их, ни сесть. Я видел однажды человека, давшего обет не опускать рук, и спросил у него, как он себя чувствовал на первых порах. Он сказал, что это была подлинная пытка, он испытывал такую боль, что вынужден был отправиться к реке, где холодная вода принесла ему некоторое облегчение. Через месяц этот человек уже ничего не ощущал.

Такими упражнениями можно развить в себе сиддхи.

Сосредоточение. Сосредоточение, или самадхи, — это и есть йога, основное направление этой науки и ее высочайшее средство. Все, что предшествует сосредоточению, вторично и доступа к самому высокому не открывает. *Самадхи* — это средство, с помощью которого человек способен овладеть всем в области психики, морали или духа.

2. Преобразование в иной вид достигается заполнением природы.

Патанджали выдвинул предположение, что необыкновенные способности могут даваться рождением, химическими средствами, аскетизмом. Он признает также, что человеческое тело способно жить сколь угодно долго. Затем Патанджали переходит к следующему: к причинам, по которым человеческое тело может преобразоваться в другую форму жизни. Патанджали говорит, что это происходит путем заполнения природы, что он объясняет далее следующим текстом.

3. Добрые и злые деяния не являются непосредственными причинами превращений в природе, но они действуют как устранители помех ее эволюции — как крестьянин разбивает запруды на пути потока, который после этого устремляется в естественное русло.

Вода для полива уже находится в канале, однако ее удерживает запруда. Когда крестьянин открывает проток, вода течет по законам гравитации. Таким же образом и потенциал движения, и сила находятся в человеке; совершенство — в самой природе человека, но на пути его естественного проявления есть помехи и преграды. Если преграду устранить, природа хлынет по своему руслу и человек получит силы, которые в нем потенциально были изначально заложены. Те, кого мы зовем плохими, обратятся в святых, как только исчезнут преграды и природа возьмет свое. Природа направляет нас к совершенству, и в конечном счете все приводит к нему. Все упражнения, все старания приобщиться к религиозности являются, по сути, разрушительными действиями, направленными на устранение препятствий на пути к совершенству, которое есть природное право человека, его естество.

Эволюционную теорию древних йогов легче понять сегодня, в свете новейших научных открытий, но концепция йогов все же превосходит современную науку. Называемые последней две причины эволюции — половой отбор и выживание сильнейших — недостаточны. Ведь если представить себе развитие человеческого сообщества до уровня, на котором исчезает соперничество, как за обеспечение средств выживания, так и за обеспечение полового партнера, то, следуя выводам современной науки, можно заключить, что на этом завершится прогресс человечества и род человеческий вымрет. К тому же эта теория вооружает всякого угнетателя доводами для самооправдания. Нет недостатка в людях, даже изображающих из себя философов, готовых уничтожить всех, кто плох или

некомпетентен, во имя сохранения человечества, а право судить о людских качествах они, конечно, присваивают себе. Но великий древний философ эволюции Патанджали утверждает, что настоящий секрет развития есть проявление того совершенства, которое изначально заложено в каждом, которое стремится к самовыражению, к уничтожению преград на этом пути. Борьба за выживание и соперничество — не более чем плоды нашего невежества: человек не умеет открыть в себе плотину и дать водам свободно течь. Но напор воды ищет выхода, отсюда вечная тяга к совершенству. Соперничество за жизненные блага или за половое удовлетворение является последствием невежества: сиюминутными, ненужными, избыточными порывами. Пусть не будет больше поводов для соперничества, наше изначально совершенное заставит нас двигаться все дальше, пока совершенным не станет все. Нет резона поэтому верить, будто соперничество — необходимое условие прогресса. Вначале человек был заключен в животное, но вырвался из него, едва только приоткрылась дверь. В человеке заключен бог, закованный в цепи невежества. Бог проявляется в человеке, когда познание сокрушает цепи и решетки.

4. Эгоизм — единственная причина для «сотворенных умов».

Согласно теории кармы, мы расплачиваемся за наши добрые и дурные дела, смысл же философии в том, чтобы раскрыть величие человека. Все священные книги воспевают величие человека, величие его души, но тут же напоминают о его карме: плодом доброго деяния будет одно, плодом дурного — другое. Возникает вопрос: если хороший или плохой поступок может воздействовать на человеческую душу, то в чем величие души? Дурные дела воздвигают преграду проявлению природы пуруши, добрые — устраняют преграды, и величие пуруши обнаруживается. Сам же пуруша неизменен. Что бы вы ни делали, вы не в силах умалить свое величие, свое собственное естество, ибо душа не поддается воздействиям, воздействовать можно только на покрывало, скрывающее ее совершенство.

Желая побыстрее исчерпать свою карму, йог создает *кайя-вьюхи*, гроздя тел, через каждое из которых идет эта работа. Эгоизм йога наделяет каждое тело «сотворенным умом», в отличие от изначального ума.

5. Хотя каждый из «сотворенных умов» действует на свой лад, они все управляются изначальным умом.

Кайя-вьюха — это гроздь «сотворенных тел», в которых действуют «сотворенные умы». Дело в том, что вещество и ум похожи на кладовые с неисчерпаемым содержимым. Став йогом, человек получает доступ к ним. Собственно говоря, человек просто забыл, как пользоваться кладовыми, став же йогом, вспомнил. После этого человек может делать, что ему угодно. Материалом для «сотворенных умов» служит то же, из чего состоит макрокосм. Материя и ум есть два разных аспекта одного и того же явления. Материал, из которого йог творит умы и тела, — это *асмита*, эгоизм, бытие в тонком состоянии. Получив доступ к природной энергии, йог из вещества, известного как эгоизм, может сотворить любое количество тел и умов.

6. Лишь та чितта свободна от желаний, которая достигла самадхи.

У разных людей и умы разные, но выше всех тот, который испытал самадхи — совершенное сосредоточение. Человек, развивший в себе определенные способности при помощи медицинских препаратов, или слов, или воздержания, не свободен от желаний. Свободен от всех желаний только тот, кто сосредоточением достиг самадхи.

7. У йога поступки не могут быть ни белыми, ни черными, у других же они черные, или белые, или смешанные.

Йог, достигший совершенства, не связан более ни своими действиями, ни кармой, порождаемой ими, ибо за действиями не было желания. Йог просто трудится, он трудится во благо и творит благо, не заботясь о плодах, так что плоды не достанутся ему. Поступки же обыкновенного человека, не достигшего совершенства, делятся на три вида: черные, или плохие, белые, или добрые, и те, в которых смешано добро и зло.

8. Три вида поступков порождают лишь те желания, которые могут проявиться в данных условиях. [Все иные желания отступают на время.]

Представим себе, что я совершал поступки трех видов и нес в себе соответствующую карму. Я умер, а после смерти возродился богом на небесах. Желания божественного тела отличаются от человеческих, боги не едят и не пьют. Что же станет с моими еще не изжитыми кармами, которые как следствие будут вызывать желание есть и пить? А я — бог. Ответ заключается в следующем: желания могут давать о себе знать только в соответствующих условиях. Проявятся желания, соответствующие данным условиям, остальные отступят, но не исчезнут. Живя земной жизнью, человек испытывает множество желаний: божественных, людских, животных. Живя в божественном теле, я буду испытывать только хорошие желания, поскольку они соответствуют этим условиям. Живя в животном теле, я и желания буду испытывать животные, а все иные будут ждать. О чем это говорит? О том, что изменением условий можно сдерживать желания. Будет давать о себе знать только та карма, которая соответствует данным условиям, условия существования в значительной степени управляют даже кармой.

9. Одни желания влекут за собой другие, даже будучи разделены типом, пространством и временем, они оставляют впечатления и воспоминания.

Опыт превращается в тонкую структуру впечатлений, последние же, возродившись, становятся памятью. Здесь слово «память» означает координацию прошлых действий, превратившихся во впечатления, и сознательного действия в настоящем. В каждом теле группа впечатлений, приобретенных в сходном теле, делается причиной действий данного тела. Впечатления тела непохожего сохраняются, но не дают о себе знать. Тело действует так, как если бы оно наследовало впечатления серии похожих тел; таким образом, не прерывается преемственность желаний.

10. Жажда счастья вечна, поэтому желания не имеют начала.

Всякому действию предшествует стремление к счастью. Перводействия не может быть, ибо каждое действие строится на тенденции, созданной прошлым опытом, а потому у желаний нет начала.

11. Желания обусловлены причиной, следствием, поддержкой, объектами; при их отсутствии нет и желаний.

Желания обусловлены причинами и следствиями: если желание родилось, оно не умрет без последствий. К тому же их поддерживает ум, склад былых желаний, превратившихся в самсары, которые тоже не умрут, пока не исчерпают себя. Более того, будут возникать все новые желания, пробуждаемые восприятиями внешних объектов. Желания исчезли бы только в том случае, если бы не стало причин, следствий, поддержки и объектов.

12. Прошлые и будущее существуют в собственной природе, различаясь свойствами.

Здесь речь идет о том, что небытие никогда не порождает бытия. Прошлые и будущее, даже не проявляясь, существуют в тонких состояниях.

13. То, что они проявляются или существуют в тонких состояниях, зависит от природы гун.

Гуны — это три субстанции: *саттва*, *раджас* и *тамас*. В своем грубом состоянии они и есть чувственно воспринимаемая вселенная. Прошлые и будущее зависят от различных проявлений гун.

14. Единство всего сущего проистекает из единства изменений.

Хотя существуют три субстанции, координированность их изменений дает единство всему сущему.

15. Один и тот же объект может быть по-разному воспринят и вызвать разные желания, из чего следует, что природа ума и природа объекта различны между собой.

Иными словами, существует объективный мир, не зависящий от нашего ума. Это — опровержение буддийского идеализма. Разные люди по-разному видят один объект, следовательно, объект не может быть плодом воображения человека.

16. Ум узнает или не узнает объекты, в зависимости от того, как они воздействуют на него.

17. Состояния ума всегда известны, ибо повелитель ума, *пуруша*, не подвластен

переменам.

Суть этой теории в том, что вселенная и материальна, и ментальна, причем в обоих своих аспектах она пребывает в состоянии непрестанных перемен. Что представляет собой вот эта книга? Комбинацию молекул в постоянных изменениях. Одни молекулы выходят, их замещают другие, все как в водовороте, но что же придает единство? Что делает молекулы единой книгой? Перемены ритмичны и в гармоническом порядке посылают впечатления в мой ум, где те складываются в единый образ, несмотря на то что части этого образа без конца меняются. Без конца меняется и ум. Ум и тело можно сравнить с двумя слоями одного и того же вещества, движущимися с различными скоростями. Поскольку один движется медленнее относительно другого, мы способны различать скорости их движения. Например, движется поезд, рядом с которым едет экипаж, в определенной степени их движение поддается оценке, однако для этого требуется и неподвижный предмет. Когда же несколько предметов движутся относительно друг друга, мы сначала воспринимаем наиболее быстро движущийся, а потом остальные. Как же происходит восприятие в уме, который сам находится в постоянном движении? Нужно нечто, движущееся более медленно, затем еще нечто, движущееся еще более медленно, и так до бесконечности. Логика требует на чем-то остановиться, отыскать то, что неподвижно и неизменно. За бесконечным движением находится пуруша, неизменный, без окраски, чистый. Впечатления просто отражаются в пуруше, как тени волшебного фонаря на экране, оставляя поверхность экрана незатронутой.

18. Будучи объектом, ум не имеет собственного света.

Во всех формах природы проявляется огромная энергия, однако она не обладает собственным светом или сознанием. Свет несет только пуруша, и он сообщает свет всему. Сила пуруши пронизывает собою и материю, и энергию.

19. Ум не способен познать в одно и то же время оба аспекта.

Если бы ум обладал собственным светом, он был бы способен одновременно познать себя и воспринимаемые им объекты, чего он сделать не может. Познавая объекты, он не познает себя. Пуруша светоносен, ум — нет.

20. Предположение о наличии другого познающего ума приведет к цепочке предположений, результатом чего будет сумбур в памяти.

Давайте все-таки предположим существование иного ума, способного познавать обычный. В этом случае нам потребуется еще один, который познавал бы тот, и так до бесконечности. Это приведет к сумбуру в памяти, ибо кладовая памяти исчезнет.

21. Суть знания [пуруша] неизменна, и ум, принимая соответствующую форму, приобщается к знанию.

Патанджали упоминает об этом, чтобы подчеркнуть, что знание не является просто свойством пуруши. Приближаясь к пуруше, ум как бы ловит его отражение на себе, приобщается к знанию, так что может показаться, будто ум и есть пуруша.

22. Отражая в себе видящего и видимое, ум способен все понять.

С одной стороны, ум отражает в себе внешний мир, то есть видимое, с другой — видящего. Таким образом, он обретает силу знания.

23. Бесчисленные желания разнообразят ум, который есть комбинация многого, но он действует для другого [пуруши].

Ум составлен из множества компонентов, а потому не может действовать для себя. Все в этом мире, что составлено из компонентов, имеет некий объект, к которому оно направлено и для которого оно существует. Ум, составленный из компонентов, существует для пуруши.

24. Научившийся различать более не воспринимает ум как Атман.

Через различение йог познает, что пуруша не есть ум.

25. Дальнейшим различением ум приходит к первоначальному состоянию кайвальи, отъединенности.

Упражнения йоги развивают способность различать, дают ясность видения. С глаз спадает завеса, и мы видим мир, какой он есть. Мы видим многосоставность природы, видим, что она есть панорама, а пуруша — зритель, начинаем понимать, что природа — не

Бог, что все комбинации природы предназначены для пуруши, восседающего на троне внутри нее. Различение, достигнутое длительными упражнениями, разгоняет страхи, и ум ощущает свою отъединенность.

26. Мысли, мешающие этому осознанию, порождаются впечатлениями.

Все мысли о том, что мы непременно нуждаемся для счастья в чем-то вне нас, являются преградами на пути к совершенству. Пуруша есть по природе и счастье, и блаженство, однако осознание этого затемнено прошлыми впечатлениями. Последние должны изжить себя.

27. Преодолеть впечатления можно теми способами, которые используются для освобождения от невежества, эгоизма и прочего.

28. Кто, даже научившись различать самую суть вещей, отказывается от плодов знания, тому достается плод совершенного различения — самадхи, именуемого облаком добродетели.

Достигший умения различать получает доступ ко всем необыкновенным силам, о которых говорилось в последней главе, но подлинный йог отказывается от них. На него нисходит особое знание, особый свет, называемый *дхарма-мегха*, облако добродетели. Оно облекало собой всех великих пророков, которых знала история. Они нашли в себе родник мудрости. Истина стала реальной для них. Мир и покой, совершенная чистота сделали их природой после того, как они отвергли тщету власти.

29. На этом кончаются боль и трудности.

Когда наплывает облако добродетели, исчезает страх падения. Больше ничто не может низвергнуть йога с этой высоты. Для него зла больше не существует. Нет для него боли.

30. Знание, очищенное и освобожденное от завес, становится бесконечным, познаваемое же мало.

Это — само знание, освобожденное от завес. В одной из священных книг буддизма содержится определение того, что есть *буддха* как состояние: беспредельное знание, беспредельное как небеса. Иисус достиг этого и стал Христом. Вы все достигнете этого состояния. Когда знание беспредельно, познаваемое очень мало. Вся вселенная, со всеми познаваемыми объектами, становится ничтожной перед пурушей. Обыкновенный человек ощущает себя ничтожным, потому что познаваемое для него очень велико.

31. Завершается последовательное превращение качеств, ибо все закончено.

Навеки прекращается превращение качеств, переход из вида в вид.

32. Изменения, которые существуют по отношению к моментам времени и воспринимаются с другого конца [конца серии], суть последовательность.

Здесь Патанджали дает определение последовательности тех изменений, которые существуют по отношению к моментам времени. Когда я мыслю, мысль постоянно преобразуется, но я отдаю себе отчет в этом лишь в конце размышления. Это и имеется в виду под последовательностью: ее нет для всеведущего ума. Для него все сиюминутно, а прошлое и будущее перестали существовать. Время остановлено, все знание сиюминутно, все познается озарением.

33. *Кайвалья* — это производимое в обратном порядке свертывание деятельности качеств, не имеющих для пуруши цели действия, или установление силы знания в собственной природе.

Природа выполнила свою задачу, бескорыстную задачу, которую она, наша заботливая нянька, взяла на себя. Она осторожно повела за собой все позабывшую душу, показала ей всю вселенную, все многообразие ее проявлений, поднимая душу все выше переселением из одного тела в другое, пока не возвратилось к душе ее утраченное величие и не вспомнила она о своем естестве. Тогда добрая мать отправилась назад, за другими, заблудившимися в пустыне жизни. Так трудится она без начала и без конца. И так через радость и страдание, через добро и зло течет нескончаемая река душ, вливаясь в океан совершенства и самореализации.

Слава им, познавшим свою природу. Да будет на нас их благословение!

ДЖНЯНА-ЙОГА¹¹⁰

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕЛИГИИ

Среди факторов, которые повлияли и продолжают влиять на формирование судеб рода человеческого, наиболее сильным является тот, чье воздействие мы зовем религией. Религиозный фактор лежит в основе всех социальных институтов, и он же — сильнейший импульс, объединяющий людей. В очень многих случаях узы религии оказываются прочнее расовых, территориальных или даже семейных. Известно, что люди, почитающие одного Бога, исповедующие одну веру, настойчивее и крепче держатся друг за друга, чем члены одной семьи, даже родные братья. Делалось много попыток раскрыть происхождение религии. Древние религии, существующие и поныне, утверждают свое сверхъестественное начало, ведут свой генезис не из человеческого мозга, а откуда-то извне.

В современной науке получили распространение две теории: теория духов и теория эволюции идеи Бесконечного.¹¹¹ Одни ученые считают началом религиозной идеологии поклонение предкам, другие берут за начало персонификацию сил природы. Человек желает сохранить память о предках и верит, что они продолжают жить после физической смерти, он заботится о пище для них, и, в известном смысле, он им молится. Понемногу эти верования выросли в религию.

Изучая религии Египта, Вавилона, Китая, народов Америки и других, мы ясно видим, что начало им было положено культом предков. В основе верований древних египтян было представление о душе как двойнике: в теле каждого человека жил другой, очень на него похожий, когда человек умирал, двойник покидал тело, но продолжал жить. Однако жил двойник лишь до тех пор, пока оставалось сохранным мертвое тело, почему египтяне и проявляли такую заботу о трупах. Для их сбережения возводились гигантские пирамиды, ибо любое повреждение тела немедленно сказывалось и на двойнике. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с поклонением предкам. Идею двойника мы обнаруживаем и в Вавилоне, с некоторым, однако, отличием: двойник полностью утрачивает чувство любви, он пугает живых, заставляя давать ему пищу и всячески помогать ему. Двойник даже собственных детей и жену больше не любит. Следы культа предков есть и в религии Древней Индии, что же касается Китая, то там поклонение предкам есть не только основа религии, но и ее нынешнее содержание во всей этой огромной стране. Собственно говоря, культ предков

¹¹⁰ «Джняна-йога» составлена из записей лекций Вивекананды в Нью-Йорке зимой 1895/96 г. На русском языке была издана в 1914 г. (Вивекананда. Джняна-йога. Лекции. Пер. Я.Попова, СПб., 1914).

Перевод сделан с издания: The Complete Works of Swami Vivekananda, v.2. Calcutta, 1989.

В джняна-йоге путь выхода человека из мира соотносится с его же собственным «правильным мышлением». Джняна-йога исходит из положения о тождестве индивидуальной души человека с Высшей Реальностью. Человеку свойственно заблуждаться: он не понимает своей собственной природы и соотносит себя со своим телом. Он полагает, что он действует в этом мире и наслаждается плодами деяний. Истина же состоит в том, что с точки зрения Высшей Реальности в мире все «иллюзорно», в том числе и человеческая деятельность. Высшая Реальность существует сама по себе, она не затронута действием. Так ветер колеблет воду в кувшинах, где отражается солнце, но колыхание многих отражений солнца не затрагивает настоящее солнце. Задача человека в том и состоит, чтобы так подготовить свой ум, чтобы преодолеть эту «завесу заблуждения», осознать в акте интуитивного прозрения, что он един с Высшим, что нет ни «самости», ни «желания» — причин действий. Соответственно, это «озарение» означает, что он познал Наивысшее и больше уже никогда не возродится в человеческом мире.

¹¹¹ В европейском обществознании XIX в. существовало много теорий происхождения религии. Вивекананда излагает точки зрения позитивистов — Г.Спенсера, О.Конта, Дж. С.Милля, а также Макса Мюллера, с трудами которых он был хорошо знаком.

и является единственной религией, распространенной в Китае. Все это как будто подтверждает точку зрения сторонников теории культа предков как начальной стадии религии.

С другой стороны, есть ученые,¹¹² которые доказывают примерами из древнеарийской литературы, что религия произошла от поклонения силам природы.¹¹³ Хотя Индия изобилует свидетельствами существования культа предков, в древнейших источниках о нем нет упоминаний, и современные исследователи склоняются к теории обожествления природы. Кажется, что человеческий ум так и старается заглянуть за завесу. Восход солнца, вечер, наступление ночи, ураган, ошеломляющие, гигантские силы природы, ее красота — все это притягивает ум, который стремится понять их. Стремясь проникнуть в их суть, человек наделяет явления природы человеческими качествами, наделяет их душами и телами, иногда прекрасными, иногда трансцендентными. И все это приводит к тому, что явления природы превращаются в абстракции, персонифицированные или неперсонифицированные. То же самое происходило и с древними греками: вся их мифология — это абстракция обожествленных сил природы; и то же самое можно сказать о древних германцах, о скандинавах, обо всех других арийских народах. Иными словами, как будто подтверждается и точка зрения сторонников теории происхождения религии от персонифицированных сил природы.

Обе точки зрения, несмотря на их кажущуюся противоречивость, могут быть соединены на основе того, что мне представляется подлинным зародышем религии и что я назвал бы стремлением преодолеть ограниченность чувственных восприятий. Либо человек отправляется на поиски духов своих предков, духов умерших, желая понять, что происходит после смерти тела, либо стремится проникнуть мыслью в механизм действия

¹¹² Имеется в виду Макс Мюллер (1823–1900), немецкий ученый, всю жизнь проработавший в Англии. Он рассматривал древнеиндийскую религию как самый начальный этап религиозного сознания вообще и называл Веды памятником «детства человечества». По его мысли, религиозные представления растут, эволюционируют, развиваясь от самой простой «клеточки» религии в сложные системы, завершающиеся в христианстве — высшем, как он считал, «богопознании теизма».

¹¹³ В XIX в. мысль о родстве ряда европейских и некоторых восточных языков, высказанная в XVIII в., получила дальнейшую научную разработку в трудах многих ориенталистов Европы. Было определено близкое родство языков народов Индии, Ирана (языки индийские, иранские) с языками отдельных регионов Западной и Восточной Европы (языки греческий, латинский, кельтский, немецкий, славянские и др.). Была выдвинута гипотеза о единой для многих народов прародине. Поскольку письменные памятники Древней Индии и Древнего Ирана были самыми ранними в хронологическом отношении, а говорили они об «арьях», было высказано мнение, что «арья» — это название для всей общности народов, некогда живших вместе «под единой крышей», позднее расселившихся по всей Европе, а примерно в 1500–1200 гг. до н. э. «завоевавших» Индию. Предполагаемых носителей общего «праязыка» называли «арийцами». Появились и такие работы, в которых эта общность, говорившая на некоем общем праязыке, представала как воплощение лучших черт «цивилизованного» мира. Несостоятельность вводимых в научный оборот понятий «арийская раса», «арийские нации», «индоевропейская раса» и др. была обнаружена достаточно быстро. Ошибка состояла в смешении языковой и расовой классификации, и, разумеется, не было оснований говорить об «арийцах» как о представителях «высшей расы».

В XX в. чисто мифическая теория «арийской расы», научная несостоятельность которой была ясна уже в 60-е годы XIX в., привлекалась идеологами нацизма с самых прагматических позиций. На ее основе делалась попытка создать иллюзию достоверного прочтения историко-культурного материала и использовать его как одно из обоснований всей внешней и внутренней политики фашистской Германии.

В Индии в XIX в. теория «арийской общности» не была подвергнута серьезному теоретическому осмыслению. Она была замечена, о ней упоминают индийские историки. Тем не менее чаще всего индийские общественные и политические деятели пользовались понятиями «арий», «арийский» и пр., как не несущими особой смысловой нагрузки и, безусловно, не означающими превосходства, основанного на расовом принципе. Примерно так употребляет слово «арий» и образованные от него слова и Вивекананда. Он пользуется им, скорее, для обозначения неких общих признаков цивилизационного плана, обусловленных общими историческими судьбами, едиными элементами веками складывавшейся культуры. Время создания первых гимнов РВ он, как и многие его соотечественники, отодвигает в глубокую древность, в V тыс. до н. э.

могущественных сил природы. В любом случае он пытается преодолеть границы мира чувственных восприятий. Они не удовлетворяют его, он хочет узнать, что за ними. В этом нет ничего таинственного. Мне кажется вполне естественным, что началом религии могли стать сны: во сне и через сон человек мог прийти к идее бессмертия. Разве сон не прекрасное состояние? Как нам известно, дети и люди неискушенные не делают большой разницы между сновидениями и явью. Что может быть естественнее, чем в силу естественной же логики задуматься над тем, что во время сна, когда тело выглядит мертвым, ум продолжает действовать? А коли это так, то не просто ли прийти к заключению, что, когда тело погружается в смертный сон, все равно что-то продолжает действовать? Мне это представляется более естественным объяснением сверхъестественного; отталкиваясь же от идеи сна и смерти, человеческий ум продвигается ко все более высоким концепциям. Конечно, со временем большая часть человечества осознала, что сновидения не подтверждаются явью, что во сне человек не получает новую жизнь, а просто воспроизводит опыт бодрствования.

Но поиск уже начат, и этот поиск обращен вовнутрь человека. По мере все углубляющегося исследования различных состояний ума человек обнаружил состояния и более высокие, чем сон или бодрствование. Речь идет о таком признаваемом всеми организованными религиями мира состоянии, как экстаз или прозрение. Основатели этих религий, пророки или посланники Бога, испытывали состояния, которые нельзя назвать ни сном, ни бодрствованием и которые открывали им доступ к новой категории явлений, относящихся к тому, что именуется царством духа. Восприятия в этом состоянии обретали интенсивность, неизвестную нам в повседневной жизни. Взять, например, *брахманизм*.¹¹⁴ Считается, что Веды были написаны *риши* — мудрыми людьми, осознавшими определенные факты. В дословном переводе санскритское слово «риши»¹¹⁵ означает «увидевший *мантры*» — мысли, изложенные в ведических гимнах. То были люди, которые заявили, что осознали — или прочувствовали, если позволительно сказать так о сверхчувственном явлении, — определенные факты, затем изложенные ими. Примерно то же заявляют зачинатели иудаизма и христианства.

Исключение составляют разве что буддисты некоторых сект,¹¹⁶ получивших распространение на юге. Возникает вопрос: если буддисты не верят ни в Бога, ни в душу, как могла эта религия произойти от сверхчувственного восприятия? Дело в том, что и буддисты

¹¹⁴ Индуизм формировался в течение тысячелетий, проходя через различные стадии, которые ученые сейчас называют так: ведизм, брахманизм, собственно индуизм. Ведизм соотносится с верованиями, отразившимися в гимнах Вед, особенно в самом раннем ведическом сборнике РВ; с брахманизмом связывается тот комплекс религиозных представлений, взглядов, правил и социальных установлений, который сложился к концу ведийской эпохи, примерно в I тыс. до н. э. Он отразил во многом новые взгляды на пантеон богов, религиозную практику, эсхатологические концепции древних индийцев. Наконец, позднее, ближе к VII в. н. э., сформировался тот комплекс идей и практических предписаний, который принял название индуизма.

¹¹⁵ См. примеч. 26 к «Карма-йоге».

¹¹⁶ Имеется в виду неприятие в раннем буддизме идеи Бога в принципе и идеи души человека. Хотя в раннем буддизме и сохранялись многие из ведических богов (Индра, Яма и др.), буддисты считали их могущественными только в мирских делах: они не в силах помочь верующему в достижении нирваны, главной цели буддистов, так как и сами боги находятся под действием закона кармы. Место Бога в раннем буддизме занимал всеобщий нравственный закон кармы, и соответственно путь достижения высокой цели не увязывался ни с божественным милосердием, ни с посторонней помощью. По-новому сравнительно с ранневедийскими и общиндийскими представлениями решался в буддизме и вопрос о душе человека. В отличие от ведийских-брахманистских-индуистских теорий, в основе которых лежит представление о душе как вечном, чистом, внеприродном компоненте человека, буддисты разработали так называемую теорию «анатма» («отсутствие души»). Согласно их воззрениям, само формулирование идеи души было бы противоречиво по определению, поскольку душа в таком случае должна бы пониматься как неизменная, субстанциальная сущность, а это, согласно общим основаниям буддизма, утверждающим вечность «потока сознания», невозможно в принципе.

утверждают существование извечного морального закона, который нельзя объяснить в рамках нашего мира. Будда обнаружил его, открыл, находясь в сверхсознательном состоянии. Те из вас, кто знаком с жизнеописаниями Будды, хотя бы с таким кратким, как в прекрасной книге «Свет Азии»,¹¹⁷ помнят, что Будда изображается сидящим под священным деревом *бодхи*,¹¹⁸ в сверхсознательном состоянии. Именно таким путем, а не интеллектуальными умозаключениями пришел он к своему учению.

Иными словами, все религии утверждают факт огромной значимости: человеческий ум в определенные моменты способен подниматься не только выше чувственных восприятий, но и выше логических построений. Выйдя на этот уровень, он сталкивается с фактами, которые не могли быть восприняты чувствами и не могли быть осознаны логическим путем. Эти факты и лежат в основе всех религий мира. Мы, без сомнения, вправе подвергнуть их проверке разумом. Тем не менее все религии на свете приписывают уму удивительную способность преодолевать ограниченность чувственных восприятий, равно как и ограниченность разума. Религии выдвигают на первый план эту способность как факт.

Помимо вопроса о том, в какой степени справедливы утверждения религий, мы обнаруживаем черту, общую для них всех: речь идет о чем-то абстрактном, скажем, по сравнению с конкретностью физических открытий. В религиях высокоорганизованных эти абстракции приобретают чистейшую форму Единой Абстракции — либо в виде Абстрактного Присутствия, либо Вездесущего Существа, либо Абстрактной Личности, называемой Богом, либо Морального Закона, либо, наконец, Абстрактной Сути, пронизывающей собою все.

В последнее время наблюдаются попытки создания религии, которая обошлась бы без сверхчувственных открытий, но дело кончается тем, что все новые религии обращаются ко все тем же древним абстракциям, но под новыми именами: «Моральный Закон», «Идеальное Единство» и т. д. Это может лишь служить подтверждением тому, что абстракции имеют вневещную природу. Никому из нас не доводилось видеть Идеального Человека, однако нас призывают верить в него. Никому не доводилось видеть и совершенного человека, однако без идеала невозможно двигаться вперед. Тем не менее факт налицо: сколь бы ни были различны религии, они все содержат в себе Идеальную Абстракцию, будь то персонифицированный идеал или неперсонифицированное существо, закон, присутствие или суть. Мы постоянно стремимся возвыситься до этого идеала. Человек, кем бы он ни был, где бы ни жил, имеет некий идеал безграничной силы. Каждый человек имеет некий идеал беспредельного наслаждения. Большая часть деятельности, наблюдаемая нами, как раз и направлена или на достижение безграничной власти, или на достижение беспредельных наслаждений. Есть немногие, кто достаточно быстро начинает понимать, что, как бы они ни рвались к безграничной власти, она недостижима в мире чувств. И так же быстро начинают понимать, что в мире чувств невозможно беспредельное наслаждение. Иными словами: чувства слишком ограничены, тело слишком ограничено, чтобы выразить Бесконечное. Бесконечное не может выявиться через конечное, человек рано или поздно осознает это и отказывается от таких попыток. Вот этот отказ, отречение от попыток и есть начало всякой этики. Отречение составляет фундамент этики. На свете нет этического кодекса, который не был бы построен на отречении.

Этика всегда учит: не я, но ты. Ее девиз: не «я», а «не-я». Закон этики гласит: необходимо отречься от тщеты индивидуализма, за который цепляется человек в попытке достичь через чувства бесконечной силы или бесконечного наслаждения. Надо себя ставить

¹¹⁷ См. примеч. 48 к «Карма-йоге».

¹¹⁸ Согласно преданию, Будда получил просветление, сидя в Бодх-Гае под деревом бодхи. Оно почитается как священное дерево; буддисты утверждают, что при всех природных катаклизмах оно гибнет последним, а возрождается первым.

на последнее место, а других — перед собой. Чувства требуют: сначала я! Этика диктует: удержаться и быть последним. Таким образом, все этические кодексы основаны на самоотречении, их цель не конструкция индивида, но его деструкция на уровне материального существования. Бесконечное никогда не выразит себя в материальном мире, это невозможно и немыслимо.

В поисках более глубокого выражения Бесконечного человек поэтому должен выйти за пределы материального и подняться в иные сферы. В этом смысл всех этических законов, центром которых при всем их разнообразии является принцип самоотрицания. Идеал этического поведения — полное освобождение от эгоизма. Обычно люди настораживаются, когда им говорят, что они должны отказаться от своей индивидуальности, их это пугает. Одновременно те же люди поддержат высочайшие идеалы этики, не задумываясь над тем, что их воплощение предполагает не укрепление индивидуализма, а его разрушение.

Принципами полезности¹¹⁹ объяснить этические взаимоотношения между людьми невозможно уже потому, что ни один этический закон не вытекает из соображений пользы. Не может быть этики, не освященной, как говорится, свыше или, как предпочитают говорить я, не воспринятой сверхчувственным путем. Не может быть идеала без стремления к Бесконечному. Ни одна система, нацеленная на ограничение людей законами одного общества, неспособна дать объяснение этическим законам человечества. Сторонник полезности желает, чтобы мы отказались от тяги к Бесконечному, от поисков доступа к Сверхчувственному как от непрактичных и абсурдных затей, но в то же самое время требует, чтобы мы вели себя по законам этики и трудились на благо общества. С какой стати мы должны трудиться на благо? Творить добро — это вторичное соображение. Нам нужен идеал, этическое поведение не самоцель, но средство для достижения цели. Если же цели нет, то зачем нам этическое поведение? Почему я должен делать добро для другого, почему не причинить ему зло? Если цель человечества — счастливая жизнь, почему бы мне не позаботиться о собственном счастье за счет несчастья других? Что мне мешает? Кроме того, утилитарность — понятие слишком узкое. Современные социальные формы почерпнуты из нынешнего состояния общества, но что дает стороннику утилитаризма право утверждать, будто общество в будущем не изменится? Многие века назад общество не существовало в таком виде, возможно, через столетия оно станет совсем другим. Вероятнее всего, мы живем в переходный период, эволюционные процессы развиваются, ни один закон, принятый только на основе социальной практики, не может быть вечным законом и не может соответствовать всему, что есть в природе человека. Теории сторонников утилитаризма способны в лучшем случае действовать в современных социальных условиях. За пределами этого они бессмысленны. Что же касается морали, этического поведения, основанного на религии и духовности, то это соответствует всей природе бесконечного человека. Такая мораль включает в себя индивидуальность, но в соотношении с Бесконечным, включает в себя общество, ибо что есть общество, если не совокупность сгруппированных индивидуальностей. Раз индивид рассматривается в связи с Бесконечным, то это же относится и ко всему обществу. Таким образом, мы видим, что религия всегда будет нужна человечеству. Духовность необходима, человек не может жить только материальным, как бы приятно это ему ни было.

Часто говорят, что преувеличенное внимание к духовности нарушает практические взаимоотношения людей. Еще во времена китайского мудреца Конфуция было заявлено: давайте заботиться об этом мире, а когда мы с ним покончим, тогда и позаботимся о мире ином.¹²⁰ Совершенно правильно, об этом мире заботиться необходимо, но если чрезмерное

¹¹⁹ Вивекананда имеет в виду этику утилитаристов, к которой относился резко отрицательно. См. примеч. 90 к «Раджа-йог».

¹²⁰ Пересказ: Конфуций, Лунь Юй, XI, «Сянь цзинь», II. Конфуций (551–479 гг. до н. э.) — древнекитайский мыслитель, педагог, заложивший основы этико-политического учения, названного его именем

внимание к духовности вредит в какой-то мере практическим делам, то сосредоточение на одних практических делах мешает нам и в этом мире, и в мире ином. Мы ограничиваемся материальным. А человек должен рассматривать как свою цель не природу, а нечто более высокое.

Человек остается человеком до тех пор, пока стремится подняться над природой, как над природой собственной, так и над окружающей его. Это включает в себя не только законы, по которым действуют частицы материи вне и внутри нас, но и куда более тонкую субстанцию в нас, которая по сути является той силой, что воздействует на природу вне нас. Это великолепно — покорение природы вне нас, но еще лучше подчинить себе себя. Это прекрасно — знать законы движения звезд и планет, но еще лучше знать законы, управляющие страстями, чувствами, волей человечества. Завоевание внутреннего мира человека, исследование тайн работы его ума и познание его удивительных секретов — дело одной только религии. Обыкновенный человек устроен так, что ему хочется ориентироваться на грубо материальные факты. Обыкновенный человек не в силах понять тонкого. Правильно замечено, что толпа восхищается львом, убившим стадо овец, ничуть не задумываясь над тем, что сиюминутная победа льва означает гибель овец. Толпу восхищает лишь проявление физической силы. Неискушенный человек воспринимает только внешнюю сторону явлений и радуется этому. Но в любом обществе находятся люди, которым не чувства доставляют радость, а то, что за их пределами, этим людям изредка удается уловить проблеск чего-то более высокого, чем материя, и они устремляются к этому. Если читать историю между строк, мы убедимся, что взлет нации всегда связан с увеличением числа таких людей, а спад наступает, когда тяга к Бесконечному, сколь ненужной ни находили бы ее ее сторонники утилитаризма, прекращается. Иными словами, духовность есть источник силы нации, нация начинает умирать, когда духовность приходит в упадок, а материализм переходит в наступление.

Итак, помимо фактов и истин, которые нам преподносит религия, помимо утешения, которое мы можем в ней найти, религия как наука, как исследование является лучшим и самым здоровым упражнением для человеческого ума. Это стремление к Бесконечному, эта борьба за познание Бесконечного, старания выйти из ограниченности чувственных восприятий, как бы вырваться из материи и пробудить в себе духовного человека, эти непрекращающиеся усилия слиться с Бесконечным — все это само по себе есть самое великое, на что способен человек. Есть люди, которые самое большое удовольствие получают от еды, никто не вправе укорять их. Другие получают удовольствие от накопительства — и тоже не заслуживают укора. Со своей стороны и они не имеют права осуждать тех, для кого наибольшая радость — стремление к духовности. Чем ниже организован человек, тем больше удовольствия получает он через органы чувств. Но не много отыщется людей, которые поглощали бы мясо с таким наслаждением, как волк или собака. Однако у собаки или волка и нет других радостей, кроме чувственных. Люди, примитивно устроенные, в любой стране предпочитают чувственные удовольствия, в то время как люди культурные и образованные тяготеют к философии, искусствам и науке. Духовность представляет собой еще более высокий уровень, самый высокий, поскольку духовность неисчерпаема и доставляет человеку, способному оценить ее, наивысшее наслаждение. Таким образом, следует культивировать в себе склонность к религиозным размышлениям, даже с чисто утилитарной точки зрения, ибо именно они дают наибольшую радость. Я лично считаю, что размышления о религии совершенно необходимы.

Можно судить о степени этой необходимости по результатам. Нет более сильной мотивации для человеческого ума, чем религия, и только духовный идеал способен вдохнуть в человека столько энергии. Весь исторический путь, пройденный человечеством, убеждает нас в этом, как и в том, что идеал не утратил свою привлекательность и сегодня. Я не отрицаю того, что люди могут быть и добрыми, и высокоморальными из чисто утилитарных

побуждений, можно привести немало примеров этого. Но те, кто движет миром, кто как бы дает миру огромный заряд магнетизма, чей дух воспламеняет духовным огнем сотни и тысячи других, — эти люди неизменно бывают движимы духовностью. Их побудительная сила — религия, которая есть величайшая мотивация для освоения той беспредельной энергии, которой от природы наделен человек. Религия несет в себе громадную побудительную силу самовоспитания, обращения к добру и величию, труду на благо для других и для собственной души, и именно под этим углом зрения она должна рассматриваться. Религия должна быть свободна от узости, ограниченности и воинственности. В наше время религия требует более широкого подхода, чем прежде.

Сейчас нужно отказаться от сектантства и национализма в вопросах религии. Представление о том, что всякое племя или страна должны иметь собственного Бога и отрицать иные веры, — суеверие, которое надо оставить в прошлом.

По мере расширения круга наших знаний должен расширяться и наш взгляд на духовность. Уже сейчас человек не может высказать мысль, которая не облетела бы весь мир, уже сейчас физические средства позволяют нам соприкоснуться со всем миром, поэтому религия будущего мира должна быть столь же универсальной, столь же широкой.

Религиозные идеалы будущего должны включать в себя все великое и прекрасное, что существует в мире, открывая в то же время неограниченные возможности для дальнейшего развития. Должно сохраниться все лучшее из прошлого, и врата должны быть широко распахнуты, чтобы добавлялось к этой сокровищнице в будущем. Религии должны быть всеобъемлющими; в них не может быть места для пренебрежительного отношения к иной вере, проповедующей иной божественный идеал. За свою жизнь я повидал немало людей большой духовности, немало людей большой разумности, которые вообще не верили в Бога в общепринятом смысле. Возможно, они поняли Бога гораздо лучше, чем когда-либо сумеем понять мы с вами. Идея Бога как Личности, Бога как Безличного, как Бесконечности, как Морального Закона или как Идеального Человека — все равно все это входит в понятие религии. При широком подходе к религии ее способность творить добро тысячекратно возрастет. Религии, обладающие такой огромной силой, часто приносили миру больше бед, чем блага, лишь по причине узкого и ограниченного взгляда на них.

Даже в наши дни существует множество сект и обществ, идеалы которых созвучны, но, поскольку одни не желают представлять их точно таким образом, как другие, между ними происходят распри. Нужен более широкий подход, религиозным идеям предстоит стать универсальными, свободными, беспредельными, и только тогда человечество познает все их возможности, ибо сила религии едва-едва начинает проявлять себя в нашем мире. Иной раз говорят, будто религии отмирают, будто религиозные идеи утратили свою привлекательность. Мне кажется, что они только начали развиваться. Сила религии, освобожденной от узости и предрассудков, начнет сказываться на всех сторонах человеческой жизни. Пока религия была прерогативой немногих избранных, корпуса священнослужителей, ее местом были храмы, церкви, книги, догмы, церемониалы, формы и ритуалы. Когда же мы придем к универсальной, подлинной, духовной концепции, тогда, и только тогда, религия наполнится жизнью и реальностью, а это и есть ее настоящая природа. Она будет жить в каждом нашем движении, проникнет во все поры нашего общества и станет источником большего добра, чем когда бы то ни было ранее.

Нужно только одно — братство различных религий, ибо они все живут и угасают вместе, братство, построенное на взаимном почтении и уважении, а отнюдь не снисходительное, покровительственное, скупое изъяснение доброй воли, к сожалению весьма распространенное в наши дни.

В первую очередь нужно братство между направлениями религиозной мысли, основанной на исследовании ментальных явлений, к прискорбию и по сей день предъявляющих претензии на исключительное право именоваться религиями, и теми направлениями, которые, фигурально говоря, головой уходят в небесные тайны, но неспособны оторвать ноги от земли: я имею в виду так называемую материалистическую

науку.

Чтобы достичь гармонии, и тем и другим придется идти на уступки, подчас довольно серьезные и, прямо скажем, весьма болезненные, но в результате этих жертв обе стороны выиграют и приблизятся к истине. В конечном счете знание, ограниченное временем и пространством, соединится со знанием, ничем не ограниченным, недоступным ни уму, ни чувствам, — с Абсолютом, с Бесконечным, с Единым.

ПОДЛИННАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА

Велика настойчивость, с которой человек цепляется за чувственные восприятия. Но сколь бы вещественным ни казался ему мир, в котором он живет, наступает час для человека или целого народа задать вопрос: реально ли все это? Даже к тому, кто не находит и минутки, чтобы задуматься, насколько достоверны его восприятия, кто всецело поглощен удовольствием от восприятий, и к нему приходит смерть, и он принужден спросить: реально ли все это? Религия начинается этим вопросом и заканчивается ответом на него. В самой глубине времен, куда не может провести нас писаная история, в таинственном свете мифов, на рассвете цивилизации, звучит все тот же вопрос: куда все девается? Реально ли было оно?

Катха упанишада, одна из поэтичнейших Упанишад, открывается вопросом: когда умирает человек, начинается спор; одни говорят, что человек умирает навсегда, другие утверждают, что он продолжает жить.¹²¹ Кто прав? На этот вопрос есть много ответов. Метафизика, философия и религия, по сути, дают различные ответы на этот вопрос. Но делались и попытки отбросить этот вопрос, сдержать беспокойство ума, который вопрошает: а что за пределами? Что реально? Но пока есть смерть, невозможно помешать человеку задаваться этим вопросом. Мы, конечно, можем напоминать себе, что «там» ничего не видно, связывать все наши надежды и чаяния с настоящим, изо всех сил стараться не думать ни о чем за пределами чувственного мира, и повседневная практика помогает нам утвердиться в этой ограниченности; все происходящее в мире склоняет нас к тому, чтобы не заглядывать за горизонт. Но пока есть смерть, снова и снова будет возникать вопрос: является ли смерть концом всего, за что мы так цепляемся, будто это реальнейшая из реальностей, материальнейшая из материй? Мир исчезает в мгновение, и больше его нет. Замерев на краю зияющей пропасти, самый закоснелый ум не может не отпрянуть и не спросить: реально ли это? Надежды всей жизни, плоды трудов великого ума исчезают в мгновение. Реальны ли они? На вопрос следует ответить. Время не притупляет его остроты, напротив, все настойчивее ставит его.

Но человеком движет и стремление к счастью. Мы гонимся за чем угодно, что обещает счастье, мы безумствуем, ища счастье в окружающем нас мире. Если спросить молодого удачливого человека, реален ли этот мир, он ответит, что реален, и ему действительно так кажется. Возможно, он же, уже состарившись и убедившись в непостоянстве удачи, заявит, что все дело рук судьбы. Он уже понял, что желания его не могут найти себе удовлетворения, он со всех сторон замкнут колебимой стеной, которую ему не проломить. Всякое действие вызывает противодействие. Все мимолетно — наслаждения, страдания, роскошь, богатство, власть и нищета, даже сама жизнь.

У человечества есть два подхода. Верить вместе с нигилистами, что все пустое, что мы ничего не знаем и никогда не сможем познать ни будущего, ни прошлого, ни даже настоящего.¹²² Ибо следует помнить, что только безумец может стремиться жить в

¹²¹ Пересказ Катха уп., I, 1, 20.

¹²² Имеются в виду материалисты и буддисты-шуньявадины. Материалисты в Индии (чарваки, или локайтики) отрицали веру в посмертное существование души и утверждали, что не существует никаких доказательств продолжения жизни человека в какой бы то ни было форме после его смерти. Чарваки не принимали и положение о Боге и мире как его творении. Нагарджуна (II–III вв. н. э.), последователь учения мадхьямика, доказывал, что любые реалии мира «иллюзорны» и единственное, что допустимо говорить о мире,

настоящем, отвергая прошлое и будущее; с таким же успехом можно отвергать существование родителей у ребенка. Отвергая прошлое и будущее, человек отказывается и от настоящего. Это и есть нигилизм. Но я ни разу не видел человека, который хоть на миг стал бы нигилистом, об этом легко только болтать.

И есть иной подход. Искать объяснения, искать реальности, найти реальность в нашем непрестанно меняющемся и непостоянном мире. Если мое тело есть просто сочетание молекул вещества, то существует ли нечто реальное? Вся история человеческой мысли — поиск ответа на этот вопрос. И с древнейших времен мысль улавливала проблески света. Уже в глубокой древности человек пытался преодолеть ограниченность своего тела, находя нечто, что не являлось его телесной оболочкой, хоть и очень походило на нее, нечто более завершенное, более совершенное, не разлагающееся с разложением тела. Мы читаем гимны Ригведы, обращенные к Богу огня, пожирающему мертвое тело: «Прими его в свои нежные объятия, о Огонь, дай ему совершенное тело, светлое тело, унеси его туда, где находятся его праотцы, где более нет ни скорби, ни смерти». ¹²³

Эту мысль содержит в себе каждая религия. И еще одна мысль. Чрезвычайно знаменательно, что все без исключения религии утверждают, что человек есть выродившаяся форма его подлинной сути. Неважно, облечена ли эта мысль в мифологические образы, в четкий язык философии или в прекрасную поэзию. Это факт, который преподносят нам все священные книги и все мифы мира: человек есть выродившаяся форма того, чем он некогда был. В этом и смысл иудейской истории о грехопадении Адама, эта же идея снова и снова возникает в священных книгах индусов, это мечта о Золотом веке, который индусы называют Веком истины, ¹²⁴ когда человек не умирал, пока сам того не пожелает, когда он мог не расставаться со своим телом сколько хотел, когда ум его был чист и силен. Не было в тот век ни зла, ни страдания, нынешние же времена являются извращением былого совершенства. И наряду с этим во всех мифах мира мы обнаруживаем рассказ о всемирном потопе, что является еще одним свидетельством того, что с религиозной точки зрения наше время порочно по сравнению с былым. Человечество все больше погрязало в пороках и грехах, пока потоп не смыл большую его часть и не началось новое восхождение, очень медлительное, но направленное к возвращению к изначальной чистоте. Ветхозаветная история вселенского потопа повторяется в мифах древнего Вавилона, Египта, Китая и

так это только то, что он «пуст». «Пустота» означает всеобщую относительность, и признание «иллюзорности» отдельных вещей понимается как путь к постижению высшей, независимой, не обусловленной ничем Реальности, тождественной космическому телу Будды.

¹²³ В точно таком виде нам неизвестен отдельно взятый гимн РВ, где содержались бы эти строки. Но из предыдущих слов Вивекананды можно понять, что он не цитирует, а пересказывает содержание ряда гимнов. В таком случае приведенные им строки можно соотнести с некоторыми гимнами РВ (X, 16 или X, 107) в самом общем виде.

¹²⁴ Индийская традиция постулирует циклическое развитие вселенной, не имеющей ни начала, ни конца. Мир понимается как чередование творений и разрушений (так высохшее русло реки наполняется после дождя, а потом опять пересыхает). Для объяснения череды творений и разрушений мира в индийской культуре разработаны такие понятия, как «день» и «ночь Брахмы».

«День Брахмы» — это творение и поддержание мира, он длится 4 320 000 000 человеческих лет. Затем наступает «ночь Брахмы», «Брахма отдыхает», мир рушится, воцаряется хаос. Затем опять наступает «день Брахмы», творец создает мир, в котором будет снова «то же солнце и та же луна», на земле снова появятся люди.

«День Брахмы» соотносится со «ста годами жизни Брахмы»: это тот временной отрезок в вечно сменяющемся потоке проявлений-разрушений мира, что составляет 311 040 000 000 000 человеческих лет от начала творения (сришти) до его разрушения (пралайя). Потом мир рушится, но затем вновь наступает жизнь — рождается «новый Брахма».

Вивекананда неоднократно соотносил представление о «золотом веке» европейского мира с индуистскими представлениями о «золотом веке» индийской истории, когда человек живет более четырех тысяч лет, дети появляются на свет одним желанием родителей и т. д.

Индии. Ману, великий мудрец древности, молился на берегу Ганга, когда подплыл к нему пескарь в поисках спасения.¹²⁵ Мудрец опустил пескаря в горшок с водой, который у него был. «Что тебе нужно?» — спросил он пескаря, и тот ответил, что нужна только защита от крупной рыбы, преследующей его. Ману отнес пескаря домой, а наутро, заглянув в горшок, увидел, что тот успел вырасти и едва уместается в горшке. «Мне здесь тесно!» — пожаловался пескарь. Ману выпустил его в пруд, но на другое утро пескарь занял собой весь пруд и заявил, что не может больше жить в нем. Ману пришлось нести его к реке, но наутро и река оказалась мала для рыбы. Тогда Ману погрузил рыбу в океан и услышал слова: «Ману, перед тобой творец вселенной. Я принял эту форму, чтобы предупредить тебя, что я затоплю весь мир. Отправляйся, строй ковчег, собери в него по паре от всех животных, возьми свою семью и привяжи ковчег к моему плавнику, когда спадет вода, вы населите землю». И мир был затоплен, и Ману спас свою семью, и по паре от всякой живности, и по семени от всякого растения. После потопа они и населили землю.

Человеческий язык — попытка выразить истину, внутри нас находящуюся. Я вполне убежден, что младенец своим лепетом пытается выразить высочайшие философские истины, но у младенца нет для этого ни подходящих органов, ни способов. Мысли величайших философов отличаются от детского лепета по уровню выражения, суть же одна. Только по уровню выражения различаются корректнейший, систематизированный математический язык современности и туманные, мифологические, мистические языки древних. Все они таят в себе великую идею, которая как бы стремится выразить себя, и часто древние мифы несут в себе самородки истины, к сожалению, чаще, чем гладкие, отточенные фразы современников. Так что не нужно выбрасывать за борт вещи только за то, что их мифологическая оболочка не отвечает концепциям современности, выработанным мистером Имярек или миссис Имярек. Если человек посмеивается над религией, поскольку большинство религий прокламирует необходимость веры в миф, изложенный тем или иным пророком, то еще ироничнее он должен бы отнестись как раз к нашим современникам. В наше время человек, цитирующий Моисея,¹²⁶ или Будду, или Иисуса, смешон, но стоит ему сослаться при этом на какого-нибудь Хаксли, или Тиндаля, или Дарвина, как цитата тут же проглатывается без соли!¹²⁷ Это слова Хаксли! Для многих этого более чем достаточно. То были религиозные предрассудки, а это — предрассудки научные, разница лишь в том, что через религиозные предрассудки пробивалась жизнотворная духовность, а через научные — похоть и жадность. Те предрассудки были поклонением Богу, эти — поклонение мамоне, тщеславию, власти.

Но возвратимся к мифологии. За всеми мифами — одна и та же обобщающая мысль о падении человека с былых высот. Наука нашего времени категорически отвергает этот постулат. Теория эволюции ни в чем не согласуется с ним: с точки зрения этой теории, человек есть результат эволюции моллюска, а потому не может быть справедливо то, о чем говорится в мифах. Однако в Индии есть мифы, способные примирить обе точки зрения. Индийская мифология предлагает теорию цикличности, согласно которой все развитие происходит волнообразно: подъемы чередуются со спадами.¹²⁸ Даже на основе выводов

¹²⁵ Излагается миф о потопе, отраженный в индийских памятниках письменности в разных источниках (Агни пуране; Шат. брахмане, I, 1.; Мбх., III, 185, 2-54 и др.).

¹²⁶ См. примеч. 43 к «Карма-йоге».

¹²⁷ Т.Г.Хаксли (1825–1895), английский материалист-естествоиспытатель, друг Ч.Дарвина и популяризатор его учения. Дж. Тиндаль (1820–1893), английский физик, близкий Ч.Дарвину; Ч.Дарвин (1809–1882), английский ученый. Эволюционная теория Ч.Дарвина в последней трети XIX в. активно пропагандировалась в Америке, причем большую роль сыграли посещения Америки Дж. Тиндалем (1872–1873) и Т.Г.Хаксли (1876). Многие индийцы, в том числе и Вивекананда, в прошлом веке крайне отрицательно восприняли эволюционистские идеи Ч.Дарвина.

¹²⁸ См. примеч. 124 к «Джняна-йоге».

современной науки совершенно очевидно, что человек не может быть продуктом одной только эволюции. Эволюция неизбежно предполагает и инволюцию. Современная наука говорит нам, что от механизма можно получить отдачу, не превышающую первоначально вложенной энергии. Невозможно произвести нечто из ничего. Если человек эволюционировал от моллюска, значит, совершенный человек, прообраз Христа или прообраз Будды, был заложен в моллюске. Если это не так, откуда в этом случае берутся столь великие личности? Из ничего ничто и получится. И тут мы можем прийти к объединению священных книг древности с современной наукой: энергия, которая медленно проявляет себя на различных стадиях развития, пока не проявится через совершенного человека, не возникает из ничего. Она существовала где-то, и если моллюск или протоплазма являются ближайшими точками, на которые можно указать, значит, каким-то образом эта энергия содержалась в них.

Идут большие споры по поводу того, является ли сочетание материалов, именуемое телом, причиной проявления энергии, именуемой духом, мыслью и прочим, или же, напротив, мысль делает явным тело. Естественно, все религии доказывают, что энергия мысли проявляется в теле, а не наоборот. Некоторые школы современной науки утверждают, что мысль есть просто результат взаимодействия частей машины, именуемой телом. Приняв эту точку зрения, а именно, что дух или мысль, или как это еще назвать, является производным от машины, производным от химических и физических процессов вещества, составляющего тело и мозг, мы ответа на вопрос так и не получаем. Откуда берется тело? Какая сила соединяет молекулы, придавая им форму тела? Что это за сила, которая берет материал из массы вещества и лепит мое тело таким образом, а другое — другим? Откуда это бесконечное многообразие отличий? Говорить, будто сила, именуемая душой, есть производная от сочетания молекул тела, значит ставить телегу перед лошадью. А сами сочетания откуда взялись, какая сила сочетала их? Говорить, что другая сила была причиной сочетания, а душа — их производная, что эта душа, сочетавшая определенным образом некую часть вещества, сама была результатом сочетаний, — это не ответ. Требуется создать теорию, которая включала бы в себя и объясняла бы если не все факты, то хоть большую их часть, не противореча другим существующим теориям. Куда более логично предположить, что сила, которая творит тело из массы вещества, есть та же сила, которая проявляет себя через тело. В таком случае утверждение, что мыслительная сила, проявляемая через тело, есть производная сочетания молекул и не может существовать независимо от них, лишено смысла. И не может сила эволюционировать из материи. Скорее, можно доказать несуществование того, что мы называем материей: это всего лишь одно из состояний энергии. Можно доказать, что твердость, прочность или любое иное качество материи есть результат движения. Ускорение кругообразного движения жидкости сделает ее твердым телом. Масса воздуха в кругообразном движении — торнадо — приобретает свойства твердого тела, способного при соприкосновении разрушать другие твердые тела. Паутинка, если ей придать очень большую скорость, приобретет крепость железной цепи и разрежет дуб. Таким образом, доказать, что материя не существует, нетрудно. Однако доказать обратное невозможно.

Что представляет собой энергия, проявляющаяся через тело? Чем бы она ни была, нам ясно, что она как бы составляет формы из частиц, например наше тело. Никто иной не производит тела для нас с вами. Я никогда не видел, чтобы кто-то ел за меня. Я сам должен усвоить пищу, превратить ее в кровь, в кости и во все прочее. Так что это за таинственная сила? Идея будущего и прошлого многих пугает. Другие воспринимают эту идею чисто умозрительно.

Давайте ограничимся настоящим временем. Что это за сила, которая проявляется в нассию минуту? Мы знаем, что в древности во всех старинных священных книгах эта сила и ее проявление описывались в виде светоносной субстанции, имеющей форму тела и

сохраняющей ее и после телесного распада. Позднее, однако, была выдвинута более высокая идея: светоносное тело не представляет собой эту силу, ибо все, имеющее форму, есть результат сочетания частиц, которые что-то должно было собрать вместе. Если тело создано чем-то, что само не является телом, следовательно, и светоносное тело должно быть создано чем-то, что им не является. Это нечто на санскрите получило имя Атман. Атман через светоносное тело созидает грубую оболочку, наше физическое тело. Светоносное тело считается носителем ума, Атман же находится за пределами его. Атман не есть ум: он действует через ум, созидая тело. У вас свой Атман, у меня — свой; у каждого собственный Атман, собственное светоносное, или тонкое, тело, через которые мы воздействуем на грубую внешнюю оболочку. Но тогда возникает вопрос о природе Атмана. Что собой представляет Атман, душа человека, который не есть ни тело, ни ум? На этот счет велись большие споры, выдвигались различные предположения, создавались философские концепции. Я постараюсь изложить вам некоторые заключения об Атмане и его природе.

Представители различных философских школ сходятся на том, что, чем бы ни был Атман, он не обладает формой или очертаниями, а то, что не обладает формой, должно быть вездесущим. Идея времени начинается с ума, равно как и идея пространства. Без времени не может существовать причинность, ибо причинность предполагает последовательность событий. Следовательно, время, пространство и причинность — в уме, Атман же, находящийся вне ума и не имеющий формы, должен быть вне времени, пространства и причинности. Если он вне времени, пространства и причинности, то он должен быть бесконечен. Тут мы подходим к высшей точке философии: двух бесконечностей быть не может. Если душа бесконечна, то может существовать только единая душа, а тогда все рассуждения о том, что у вас — своя душа, у меня — своя и прочее, не являются реальностью. Значит, Реальный Человек — это единый, бесконечный и вездесущий Дух. А тот человек, которого мы видим, есть лишь ограниченный вариант Реального Человека. В этом смысле мифологическое представление о том, что сколь бы ни был велик человек, он — лишь тусклое отражение Реального Человека вне этого мира, истинно. Он — Дух, находящийся вне причинно-следственных связей, не скованный ни временем, ни пространством, и должен быть свободен. Дух всегда свободен и иным быть не может. Человек же, его отражение, скован временем, пространством и причинностью, а следовательно, лишен свободы. Или, по словам некоторых наших философов, он представляется несвободным, хотя свободен по сути. Это и есть реальность наших душ — вездесущность, духовность, бесконечность. Всякая душа бесконечна, а потому не может возникать вопрос о ее рождении или смерти.

Был опрошен ряд детей. Им задавали трудные вопросы, среди которых был и такой: почему не падает Земля? Предполагалось, что дети скажут о законах гравитации. Большая часть детей вообще не могла ответить, некоторые знали что-то о земном тяготении, а одна маленькая умненькая девочка ответила вопросом на вопрос: а куда ей падать? Действительно, вопрос нелеп. Куда ей падать? Земля не может ни упасть, ни подняться, в бесконечности нет ни верха, ни низа, все относительно. А может ли быть в бесконечности приход или уход? Откуда приход и куда уход?

Когда человек перестает думать о прошлом и о будущем, когда он отбрасывает мысли о теле, поскольку оно приходит, уходит и тем ограничено, он восходит к более высокому идеалу. Реальный Человек — это не тело и это не ум, ибо у ума есть свои приливы и отливы. Это Дух вне всего, который единственный может жить вечно. И тело, и ум беспрестанно изменяются, строго говоря, эти слова означают серию сменяющих друг друга состояний — как реки, чье течение кажется неизменным, но изменяется каждый миг. Каждая частица нашего тела непрестанно меняется, никто не может сказать, что у него то же тело, как и несколько минут назад, но все-таки мы воспринимаем наше тело как нечто постоянное. То же и ум: то счастлив, то несчастен, то могуч, то слаб — вечно меняющийся водоворот. Следовательно, наш ум — это не дух, ибо Дух бесконечен, а все изменчивое конечно. Абсурдно предполагать, будто бесконечное подвержено переменам. Какие перемены? Мы с

вами, в наших ограниченных телах, можем двигаться, каждая частичка во вселенной находится в постоянном движении, но если взять вселенную в целом, то как единое целое она не может двигаться, она не может изменяться. Движение всегда относительно. Я двигаюсь относительно чего-то. Каждая частица во вселенной может меняться относительно другой, любой другой. Относительно чего может двигаться вся вселенная? Ведь ничего помимо нее нет. Итак, это бесконечное Единство неизменно, недвижимо, абсолютно, и это — Реальный Человек. Следовательно, наша реальность в Универсальном, не в ограниченном. Это давнее заблуждение, весьма уютное, — думать, что мы есть маленькие, постоянно меняющиеся существа. Человека пугает мысль о том, что он, по сути, есть Универсальное существо, вездесущее — каждым поступком, каждым шагом, каждым словом, каждым ударом сердца.

Люди пугаются, когда с ними говоришь об этом, и начинают спрашивать, что же будет с их индивидуальностью. А что такое индивидуальность? Я бы очень хотел ее увидеть. У малыша нет усов, став взрослым мужчиной, он может отпустить и усы, и бороду тоже. Если бы дело было только в его теле, то это означало бы утрату его былой индивидуальности. Будь это так, я бы утратил индивидуальность, лишившись глаза или руки. Пьяница не должен бы отказываться от выпивки, потому что он потеряет свою индивидуальность. Вор не должен бы становиться честным человеком, так как потеряет свою индивидуальность. И вообще каждый должен бы держаться за свои привычки и образ жизни. Единственная индивидуальность — в Бесконечном, ибо только оно не подвластно переменам. Все остальное находится в постоянном течении. Память тоже не может быть залогом индивидуальности. Допустим, меня ударят по голове и я забуду свое прошлое, мне — конец, я утратил индивидуальность. Я не помню первые два-три года младенчества, а если память и существование — одно, то, что забыто, утрачено навек. Забытая часть моей жизни — непрожитая часть. Мне это кажется чрезмерно узким подходом к индивидуальности.

Никто из нас пока еще не индивидуальность. Мы все стремимся к индивидуальности, которая есть Бесконечное, которая есть подлинная природа человека. Лишь тот живет, кто соотносит свою жизнь со всей вселенной, а чем больше мы связываем себя с конечными вещами, тем быстрее мы движемся к смерти. Мы по-настоящему живы только в те минуты, когда наши жизни соединены со вселенной, с другими жизнями. Замкнуться в крохотном существовании — смерть, настоящая смерть, поэтому и возникает такой страх перед ней. Страх смерти можно преодолеть, лишь когда человек понимает, что он жив, пока есть хоть искра жизни во вселенной. Он ведь может сказать: я — во всем, я — во всех, я — вся жизнь, я — вселенная. После этого он уже ничего не боится. Это абсурд — рассуждать о бессмертии того, что непрерывно изменяется. Как сказал древнеиндийский философ, индивидуален только Дух, ибо он бесконечен. Бесконечность нельзя разделить на отрезки, она всегда едина, всегда та же, она и есть индивидуальность Реального Человека. Обычный человек — лишь олицетворенная попытка выразить, проявить ту индивидуальность, что вне всего; и эволюция не имеет отношения к Духу. Перемены идут своим чередом: негодяй становится добрым человеком, животное достигает людского уровня, но с какой точки зрения вы ни смотрели бы на них, они не имеют отношения к Духу. Это эволюция природы и проявление Духа. Представьте, что между вами и мной — завеса, а в ней дырка, сквозь которую я могу рассмотреть только несколько лиц, всего несколько. Теперь представьте, что дыра эта все расширяется, я вижу все больше и больше, пока наконец завеса не исчезнет и я не увижу вас всех. Вы же не изменились — дырка увеличивалась и росла, а вы постепенно проявляли себя перед моими глазами. Так же и Дух. Здесь нет движения к совершенству. Вы все и без того свободны и совершенны. Что такое идеи Бога, религии, поиск иного мира? Почему человек ищет Бога? Почему человек, где бы он ни жил, кем бы ни был, жаждет совершенного идеала, ищет его в человеке, в Боге, в чем-то еще? Да потому, что эта идея внутри вас. Это стучало ваше собственное сердце, а вы не знали и прислушивались к звукам извне. Это Бог внутри вас самих побуждает вас найти Его и самореализоваться. После долгих поисков в храмах и церквях, на земле и на небе, вы возвращаетесь, завершив круг, к тому, с чего начинали, — к

собственной душе. Там вы обнаруживаете Бога, которого искали по всему свету, плача и молясь в церквах и храмах. Тот, кого вы считали тайной из тайн, окутанной облаками, окажется ближе близкого — в вашем «Я», в реальности вашего тела и души. Он и есть ваша природа, утвердитесь в ней, проявите ее в себе. Не ради того, чтобы очиститься, вы и без того чисты. Вам и к совершенству не надо стремиться, вы совершенны. Природа, как завеса, скрывала от вас реальность по ту сторону. Всякое ваше доброе дело или добрый помысел как бы разрывают эту завесу, и чистота, Бесконечное, Бог все отчетливее проявляются перед вашими глазами.

Такова вся история человечества. Завеса делается все тоньше и тоньше, свет сияет все ярче и ярче, потому что природа света в том, чтобы сиять. Это нельзя познать, наши старания тщетны. Будь это познаваемо, оно не было бы тем, что есть, — вечным субъектом. Знание объективизирует и тем самым ограничивает. А ваше собственное «Я» есть вечный субъект всего, вечный свидетель вселенной. Сравнительно с этим знание — шаг вниз, к ухудшению. Вы сами и есть вечный субъект, как нам познавать его? Это настоящая суть каждого человека, которую он все пытается выразить различными способами, а иначе — откуда столько этических кодексов? Где объяснение всей этике? Суть всех этических систем, выражаемая в разных формах, одна — делай добро другим. Побудительной силой человечества должно быть милосердие по отношению к человеку, милосердие ко всем животным. Но ведь это и есть выражение вечной истины: «Я» есть вселенная, единая вселенная. А какой еще может быть резон? С чего я должен делать добрые дела для ближнего, для людей вообще? Что меня заставляет? Симпатия, ощущение нашей общей одинаковости. Самые жесткие сердца подчас испытывают жалость. Даже человек, пугающийся мысли о том, что его воображаемая индивидуальность — просто заблуждение и что неприлично так цепляться за придуманную индивидуальность, даже он согласится, что сутью морали является полное самоотрицание. А что такое полное самоотрицание? Отказ от воображаемого «Я», отказ от себялюбия.

Представление обо «мне» и «моем», *ахамкара* и *мамата*, — это предрассудки, унаследованные от прошлого, и чем дальше отесняется нынешнее «Я», тем более явным становится настоящее «Я». Вот в чем смысл подлинного самоотречения, центр, основа, суть всех моральных учений, и, понимает это человек или нет, человечество медленно движется в эту сторону. Правда, большая часть человечества делает это неосознанно. Пусть она осознает, что делает. Надо идти на жертвы, надо понять, что все эти «я» и «мое» ограничивают подлинную природу человека. Но проблеск той бесконечной реальности, что позади, — искра бесконечного огня, который есть Все, представляет нынешнего человека, Бесконечное — его природа.

Какую пользу дает это знание, какой результат? В наш век все приходится измерять пользой — сколько это представляет фунтов стерлингов, шиллингов и пенсов. А какое право имеет человек требовать, чтобы истина измерялась пользой или деньгами? Ну, а если нет пользы, станет она менее истинной от этого? Польза не доказательство истины. Тем не менее истина содержит в себе высочайшую пользу. Мы видим, что все ищут счастья, но большая часть людей ищет его в мимолетном и ненастоящем. Никогда не было человека, который нашел бы счастье в разуме. К тому же невежество есть источник всех страданий, а самое большое невежество заключается в предположении, будто Бог конечен. Мы, бессмертные, извечно чистые, совершенные в духе, принимаем себя за куцые умы и жалкие тела и оттого проявляем эгоизм — вот основа всего невежества. Стоит мне поверить, будто я и есть вот это маленькое тело, как мне начинает хотеться сохранить его, защитить, украсить за счет других тел, и тут я и вы, мы становимся разделенными. А едва лишь мы воспримем себя по отдельности, сразу начинаются страдания и беды. Полезность знания в том, что, даже если незначительная часть ныне живущих людей сумеет отказаться от эгоизма, узости и мелочности, земля уже завтра превратится в рай. Однако этому не бывать, если совершенствоваться будут только машины и знание материи — это только подольет масла в пожар страданий и бед. Без духовного знания материальное знание лишь подливает масла в

огонь, вкладывая в руки эгоистичного человека дополнительное средство для того, чтобы обогащаться за счет других, жить за счет других жизней, вместо того чтобы собственную отдавать за них.

Задают и еще один вопрос: практично ли это? И применимо ли это в современном обществе? *Истина не склоняется перед обществом, древним или современным. Общество должно склониться перед Истиной или погибнуть.* Общественные устройства должны иметь своей основой Истину, а не приспособлять Истину к своим идеям. Если истина столь благородная, как бескорыстие, неприемлема для общества, человеку лучше покинуть такое общество и уйти в леса. Так поступит отважный. Существует два вида отваги: отвага не устрашиться пушек и отвага духовной убежденности. Один император, войско которого вторглось в Индию,¹²⁹ получил совет от своего учителя — повидать индийских мудрецов. Император долго искал мудреца и наконец нашел глубокого старика, сидевшего на камне. Поговорив немного с ним, император восхитился его мудростью и позвал его в свою страну. «Нет, — отвечал мудрец. — Я доволен жизнью в этом лесу». «Но я повелитель мира! Я щедро награжу тебя». «Нет, — повторил мудрец, — я не нуждаюсь в богатстве». «Тогда я прикажу убить тебя!» — пригрозил император. «Это самое глупое из всего, что ты сказал, император, — спокойно улыбнулся старик. — Не можешь ты убить меня. Меня не может сжечь солнце, не может опалить огонь, не может погубить меч, ибо я свободен от рождения и смерти, я вечно живой, всемогущий, вездесущий Дух».

Это — отвага духа, другая же есть отвага тигра или льва.

Во время Восстания 1857 года¹³⁰ индусского йога, человека великой души, ударил ножом мусульманин-повстанец. Индусские повстанцы поймали его, привели к йогу и хотели убить. «Брат мой, — сказал йог, — ты есть Он, ты ведь есть Он!» С этими словами он испустил дух.

Что толку бахвалиться силой мускулов, рассуждать о превосходстве западных институтов, если вы не можете сделать Истину приемлемой для вашего общества, если вы не можете построить общество, приемлемое для высочайшей Истины? Что толку хвастаться величием и великолепиями, если вы встаете и заявляете: такого рода отвага непрактична. Не является практичным ничто, кроме фунтов, шиллингов, пенсов? А раз так, что вы гордитесь своим обществом? *Самое великое общественное устройство — то, в котором великие истины становятся практичными.* Это мое убеждение, а если общество непригодно для великих истин, сделайте его пригодным, и чем скорее, тем лучше. Поднимитесь, мужчины и женщины, наберитесь храбрости поверить в Истину, наберитесь храбрости жить ею! Миру нужно хоть несколько сотен смелых людей. Наберитесь храбрости, которая решается познать Истину, продемонстрировать Истину в жизни, не дрогнуть перед смертью, более того, готова призвать смерть, ибо человек, который понял, что он есть Дух, знает, что его нельзя убить. Тогда вы будете свободны. Тогда вы познаете свое подлинное «Я». «Сначала надо услышать об Атмане, потом думать о нем, потом сосредоточиться на нем всеми помыслами».¹³¹

¹²⁹ В индийской традиции пока что не выявлено прямых свидетельств вторжения войска Александра Македонского в Индию (IV в. до н. э.). Сочинения же многих сподвижников Александра (Неарха, Онесикрита и др.) положили начало целой серии во многом достоверных свидетельств об Индии в западном мире. Изложенный сюжет является одним из самых популярных в античной традиции, он восходит к свидетельству Мегасфена, посла селевкидского царя при дворе Чандрагупты, зафиксированному в труде Мегасфена «Индики».

Беседа Александра с мудрецом (греки называли мудрецов «гимнософистами», то есть «нагими мудрецами») воспроизводится у Страбона (Страбон, XI, 1, 61–65). Существуют версии того сюжета и на славянских языках.

¹³⁰ Восстание 1857–1859 гг. было первым серьезным выступлением индийского народа против британского господства.

¹³¹ Пересказ Брх. уп., II, 4, 5.

В наше время появилась тенденция придавать больше значения работе, чем размышлению. Очень хорошо совершать поступки, но к поступкам приводит мысль. Работа — незначительное проявление энергии через мускулатуру. Но где нет мысли, там нет и работы. А потому наполните ваш мозг мыслями о высоком, о высочайших идеалах, пусть они будут перед вами день и ночь, и плодом этого станет великий труд. Говорите не о грязи, а о том, что мы чисты. Мы загипнотизировали себя мыслями о собственной незначительности, о том, что, родившись, мы должны умереть, и мы живем в постоянном страхе.

Есть легенда о львице, которая, нося маленького, отправилась на охоту.¹³² Увидев стадо овец, она прыгнула на добычу и умерла в прыжке. Но льенок все-таки родился. Его подобрали овцы, он рос в стаде, щипал себе травку и блеял по-овечьи. Со временем он превратился в большого льва, однако продолжал считать себя овцой. И вот однажды к стаду подобрался другой лев и с изумлением увидел, что вместе с овцами от него убегает лев. Он попытался поймать его, чтобы сказать, что они одной породы, но бедный лев удрал во все лапки... И все же однажды лев наткнулся на овцу-льва, отдыхавшего под деревом, и сказал ему: ты лев! Нет, возразил тот, я овца! Тогда лев потащил его к озеру и велел: смотри, вот твоё отражение, а вот — моё! Сходство мгновенно преобразило овцу во льва, он больше не блеял, он зарычал. Вы — львы, вы чистые души, бесконечные и совершенные. Вы несете в себе всю мощь вселенной. «О чем ты плачешь, мой друг? Для тебя нет ни рождения, ни смерти. Отчего же ты плачешь? Для тебя нет ни болезни, ни страдания, ты подобен бескрайнему небу, по которому проносятся облака, окрашенные в разные тона. Облака проносятся и тают, а небо сохраняет извечную синеву».¹³³

Почему мы всюду видим зло? Воришка споткнулся в темноте о пень и вскрикнул: полицейский! А юноше, ожидавшему возлюбленную, показалось, что это она. Малыш, наслушавшись страшных сказок, принял пень за призрак и испугался. Пень же все равно оставался собой. Мы видим мир таким, каковы мы сами. Представьте себе, что в комнате ребенок, а на столе мешок золота, пришел вор и украл золото. Поймет ребенок, что украли? Что в нас внутри, то мы видим и снаружи. Ребенок не знает, что такое воровство, и вора он не распознал. Это относится ко всему знанию. Не нужно говорить, что мир порочен, что все погрязло в грехах. Горюйте оттого, что вы пока еще не можете не видеть пороки, горюйте оттого, что вы повсюду видите грехи, и, если вы желаете помочь миру, не осуждайте их. Не делайте мир еще слабее. Ибо что такое грех и что такое страдание и все прочее, как не результат слабости? Проповедники, проклинаящие зло, делают мир все слабее с каждым днем. Людей с детства приучают к мысли о том, что они слабы, что они грешны. Учите их понимать, что они прекрасные дети бессмертия, даже те, кто слишком слаб, чтобы явить свою силу. Пусть с самого детства в их мозгу запечатлеваются позитивные, сильные, помогающие жить мысли. Откройтесь этим мыслям, а не тем, что ослабляют и парализуют вас. Повторяйте в уме: «Я есть Он, я есть Он».¹³⁴ Пусть эти слова, как песня, звучат день и ночь в ваших умах. Это Истина: вам принадлежит беспредельная мощь вселенной. Освободитесь от суеверий, запленивших ваши мозги. Будем отважны. Познаем Истину и будем жить ею. Что из того, что цель далека, пробуждайтесь, поднимайтесь и не

¹³² С этой, очень часто используемой Вивеканандой притчей о львице соотносится так называемая «легенда о Шабаре» из сутр санкхьи. Некий принц был украден из дома и воспитан в бедности в хижине лесного дикаря Шабары. Когда же министр разыскал принца и открыл ему его происхождение, его истинную природу, юноша стал вести себя истинно по-царски (Санкхья сутры, IV, 1).

¹³³ Источник цитирования не выявлен.

¹³⁴ Одно из самых известных «великих речений» («махавакья») Упанишад на санскрите звучит как «сохам»; включено в Хамса уп. (2) и в Иша уп. (5).

останавливайтесь, пока не достигнете цели.

МАЙЯ И ИЛЛЮЗИЯ

Вы почти все слышали слово «*майя*». Обычно оно толкуется, неверно толкуется, как иллюзия, как заблуждение или что-то в этом же роде. Но теория *майи* является одной из опор *веданты*, поэтому чрезвычайно важно правильно понимать его смысл. Я прошу вас быть терпеливыми, поскольку это не очень просто понять. Первое, наиболее древнее значение слова «*майя*», в каком оно употребляется в ведической литературе, как раз и есть заблуждение, но в те времена настоящей теории еще не было. Мы находим там выражения типа: «Индра через свою майю принимал различные образы».¹³⁵ Действительно, в этом случае майя означает нечто вроде магии, как и во многих других случаях. Затем слово «*майя*» вышло из употребления, но идея продолжала развиваться. Позднее возник вопрос: почему мы не можем познать тайну вселенной? Ответ весьма знаменателен: потому что мы говорим впустую, потому что нас удовлетворяет данное через чувства и потому что мы следуем нашим желаниям — этим мы как бы покрываем Реальность туманом. Слово «*майя*» здесь отсутствует, но есть мысль о том, что причиной нашего невежества является некий туман, клубящийся между нами и Истиной. Значительно позднее, в одной из Упанишад, снова встречается слово «*майя*», однако в преображенном виде, вобравшем в себя массу новых значений. Множество теорий выдвигалось и рушилось, пока наконец не была сформулирована идея майи. Мы читаем в Шветашватаре упанишаде: знай, что природа есть майя, а правит майей сам Бог.¹³⁶ Различные философы по-разному толковали слово «*майя*», пока его толкование не предложил великий Шанкарачарья.¹³⁷ Теорией майи занимались в известной степени и буддисты, но у них это скоро превратилось в то, что называется идеализмом, и этот смысл обычно придается майе.¹³⁸ Когда индус говорит, что мир есть майя, то это понимается в том смысле, что мир есть иллюзия. В этом есть резон, поскольку одна из буддийских философских школ отрицала реальность мира. Однако в веданте, в ее наиболее развитой форме, майя — это не идеализм, и не реализм, и не теория тоже. Не теория, но простое утверждение фактов — что мы есть и что видим вокруг себя.

Как я уже сказал, люди, создавшие Веды, стремились следовать принципам, открывать принципы. Им не хватало времени разрабатывать детали или ждать их: они стремились проникнуть в суть вещей. Что-то запредельное настойчиво призывало их, и они не могли ждать. Мы обнаруживаем, что разбросанные по Упанишадам детали дисциплин, которые сегодня мы назвали бы точными науками, ошибочны, однако общий принцип верен. Например, теория мирового эфира — одна из новейших научных гипотез сегодня — в нашей древней литературе разработана даже лучше, чем нынешняя, но лишь в принципе.¹³⁹

¹³⁵ Пересказ Брих. уп., II, 5, 19.

¹³⁶ Пересказ Швет. уп., IV, 10.

¹³⁷ См. примеч. 76 к «Раджа-йоге».

¹³⁸ Имеются в виду виджнянавадины, последователи учения, согласно которому реальны лишь идеи, представления, но не существуют подлинные предметы и явления, которые им соответствуют. Шанкару часто называли «скрытым буддистом»: многое в его учении сопоставимо с буддийскими представлениями.

¹³⁹ Вивекананда пытается соотнести концепцию эфира, разрабатываемую европейскими физиками конца XIX в., с представлениями об «акаше», пространстве, известными уже по Упанишадам. Однако ошибочны сами исходные основания соотнесения: в Упанишадах речь идет о психофизическом источнике бытия, тогда как европейская наука ориентируется на познание мира путем выявления закономерностей развития материального мира.

Пытаясь доказать теоретические принципы, древние делали множество ошибок. Теория единого, всеобъемлющего принципа жизни, проявлениями которого надо считать все формы существования вселенной, была выдвинута уже в ведические времена, упоминания о ней содержат в себе *брахманы*. В *самхитах* есть длинный гимн, воспевающий *прану*,¹⁴⁰ проявлением которой становятся все формы жизни. Кстати, вас может заинтересовать и то, что в ведической философии содержатся и теории возникновения жизни на Земле, чрезвычайно близкие к гипотезам современной европейской науки. Вам, без сомнения, известна гипотеза о том, что жизнь на Землю занесена с других планет. Одна из школ ведической философии утверждает, что жизнь была занесена с Луны.¹⁴¹

Возвращаясь к принципам, мы обнаруживаем поразительную смелость мысли ведических философов, формулировавших весьма обобщенные теории. Их решение загадки вселенной через чувственный мир было предельно удовлетворительным. Подробнейшие разработки современной науки ни на шаг не приблизились к этому решению, ибо строились не на том принципе. Если в древние времена теория эфира не смогла предложить разгадку тайны вселенной, то, сколько бы ни разрабатывались детали этой теории, они не могут приблизить нас к истине. Если теория всеобъемлющей жизненной субстанции оказалась несостоятельной как теория вселенной, то никакие детальныe разработки не изменят положения вещей, поскольку детали не изменяют фундаментальный принцип. Я хочу сказать, что, вырабатывая фундаментальные принципы, индусские мыслители проявили не меньшую, а подчас даже большую смелость, чем современные ученые. Мыслители древности пришли к столь грандиозным обобщениям, что иные из них по сей день остаются гипотезами, другие же современная наука даже не возвела еще в ранг гипотез. Например, не ограничиваясь теорией мирового эфира, индусские мыслители сделали шаг вперед и причислили к мировому эфиру ум как наиболее разреженную его разновидность.¹⁴² Но и это не было решением проблемы. Никакое знание о мире вне нас эту проблему не решало. Минутку, возражает ученый, мы пока еще мало знаем, мы предложим решение через пару тысячелетий. Отнюдь, отвечает ведантист, для которого уже несомненно, что ум человека ограничен рамками времени, пространства и причинности. Как не может человек выскочить из себя, так не может его ум выйти за пределы, установленные временем и пространством. Любая попытка найти выход из законов причинности, времени и пространства обречена на

¹⁴⁰ Имеется в виду, скорее всего, гимн-загадка из РВ, I, 164, где с праной как основой сущего связывается строка 33. Оснований сближать древнеиндийские представления о «жизненном принципе» с европейскими теориями XIX в. (как это делает Вивекананда) нет: в Упанишадах «жизненный принцип» не относится лишь к физической или физиологической сферам, он понимается как космический принцип, включающий в себя и физический мир, и человека как психофизическую реальность.

¹⁴¹ Имеются в виду ведантистские теории о двух путях, по которым идут умершие (путь богов и путь предков).

В Упанишадах предлагается такое решение, которому следовали и ведантисты: путь богов, деваяна (северный путь), таков: погребальный костер — пламя — день — светлая половина месяца — полугодие растущего солнца — мир богов — солнце — луна — молнии — миры Брахмана (брахмалока) — умерший выходит из круга перерождений (Чхан. уп., IV, 15, 5 и др.). Другой путь есть путь предков, питрияна (южный путь), он соответствует перерожденческому циклу: человек через дым идет к Луне, пребывая там до тех пор, пока не истощится его карма, затем он опять возвращается в земной мир (Чхан. уп., V, 10; Брхх. уп., IV, 4, 23 и др.). Наконец, есть и третий путь: он соотносится с теми, кто идет в царство Ямы, то есть теми, кто не обладает знанием, не соблюдает ритуалы, ведет неблагочестивую жизнь, а потому возрождается как насекомые, животные и пр. Вивекананда, говоря о жизни, занесенной с Луны, имеет в виду этот процесс, объясняющий, с его точки зрения, появление человека на земле.

¹⁴² Имеется в виду понимание интеллекта как продукта эволюции материи. Санкхья разрабатывает теорию эволюции вселенной (позднее с определенными оговорками воспринятую и адвайтой), согласно которой интеллект является самым первым продуктом эволюции материи, пракрити. Он ближе всех стоит к пуруше, чистому сознанию: сам он становится сознательным и разумным как раз потому, что отражает пурушу.

неуспех, ибо саму попытку придется делать, исходя из реальности существования этих трех законов. В таком случае что означает утверждение о существовании мира? «Этот мир не существует».¹⁴³ А что это значит? Это значит, что мир не существует в абсолютном смысле. Он существует только в отношении к моему уму, вашему уму, уму всех прочих. Мы воспринимаем мир через пять органов чувств, но, будь у нас шестое, мы бы воспринимали нечто дополнительное. И мир, воспринятый шестью органами чувств, выглядел бы несколько иным. Таким образом, реально мир не существует — не обладает такими качествами существования, как неизменность, неподвижность, бесконечность. Но нельзя говорить и о несуществовании мира, который, как мы видим, существует, и нам надо действовать в нем и через него. Получается некая смесь существования и несуществования.

Переходя от абстракций к конкретным повседневным подробностям нашего бытия, мы обнаруживаем, что вся наша жизнь есть сплошное противоречие, смешение существования и несуществования. Мы видим противоречивость нашего знания: с одной стороны, кажется, что человек способен познать все, что он желает знать, а с другой, сделав всего несколько шагов, он упирается в глухую стену. Его труды водят его по замкнутому кругу, из которого человек не может вырваться. Его непосредственные проблемы понуждают его двигаться вперед и настойчиво требуют решения, но решить их человек не может, поскольку не может пойти дальше рамок своего интеллекта. Желание познания, однако, прочно укоренено в нем, хотя он и знает, что лучше всего удержаться от удовлетворения этого желания. Каждый наш вдох, каждый удар нашего сердца требует от нас эгоизма, но в то же самое время что-то нам беспрестанно подсказывает, что добро для нас только в преодолении эгоизма. Ребенок рождается оптимистом, он видит золотые сны. В юности его оптимизм еще больше укрепляется: юноше трудно поверить в то, что на свете есть смерть, есть поражение или унижение. Но потом приходит старость, и жизнь оказывается грудой обломков, золотые сны улечиваются и человек испытывает один только пессимизм. Так мечемся мы между крайностями, швыряемые природой, не понимая, куда идем. Мне это напоминает знаменитую песнь из «Лалита Вистары»,¹⁴⁴ биографии Будды. Там говорится, что Будда, рожденный быть спасителем мира, забылся в роскоши царского дворца. К нему слетелись ангелы, чтобы пробудить его своей песнью. Ангелы пели о том, что человека несет по течению реки жизни, воды которой неутомимо и непрестанно изменяются. Так же и жизни наши, которые текут и текут, не зная покоя. Что же нам делать? Человек, у которого всего в достатке, старается не вспоминать о бедах, ибо мысли эти страшат его. Не говори с ним о скорбях и страданиях мира, говори с ним о том, что все прекрасно. «О да, — ответит он. — Я благоденствую. Я живу в отличном доме, я не страдаю от голода и холода, а потому не рисуйте мне картины ужасов».

Но есть и другие, кто умирает от голода и холода. Если прийти к ним с проповедью о том, что мир прекрасен, они не станут и слушать. Как могут они желать счастья другим, когда сами несчастны? Так мечемся мы между оптимизмом и пессимизмом.

И существует нечто громадное — смерть. Весь мир движется к смерти, все умирает. Весь наш прогресс, наше тщеславие, наши реформы, наш комфорт, наше богатство, наше знание — все кончится смертью. Это единственное, в чем мы уверены. Строятся и разрушаются города, возникают и распадаются империи, планеты крошатся и рассыпаются пылью, разносимой потом по атмосферам других планет. Так было с безначальных времен. Смертью кончается все: жизнь, красота, богатство, власть и добродетель тоже. Умирает святой и грешник, король и побирюшка. Все движется к смерти, но не прекращает цепляться

¹⁴³ Пересказ БрСБ Шанкары (II, 1, 14): «Истинным бытием обладает один лишь Брахман, а этот мир не существует».

¹⁴⁴ «Лалита вистара» — «Подробное описание (игр) Будды» — жизнеописание Будды. Написана на смеси санскрита и пракритов; предположительное время написания — V в. н. э. Считается одним из самых авторитетных текстов северного буддизма, содержит много упоминаний о философской жизни Древней Индии.

за жизнь. Мы и сами не знаем, отчего мы так льнем к ней, но тяга к жизни неодолима. И это *майя*.

Мать с нежностью нянчит младенца, в нем вся ее душа, вся ее жизнь. Вот ребенок вырос, стал мужчиной, и может случиться, что вырос он негодяем и мерзавцем, который избивает собственную мать, но мать все равно льнет к сыну, а когда разум требует от нее иного, она набрасывает на разум завесу любви. Ей и в голову не приходит, что это вовсе не любовь, что это какие-то другие нервные импульсы, которые она не в силах усмирить. Сколько бы ни старалась она, ей не вырваться из оков рабства. И это *майя*.

Мы все стремимся за золотым руном, и каждый надеется, что оно достанется именно ему. Всякий разумный человек отдает себе отчет в том, что его шанс один на миллион, но все рвутся к этому единственному шансу. И это *майя*.

Смерть днем и ночью бродит по свету, но мы все равно считаем, что будем жить вечно. Однажды царя Юдхиштхиру спросили:¹⁴⁵ что самое удивительное на этом свете? Царь ответил: мы каждый день видим, как умирают люди вокруг, но каждый думает, что он не умрет. И это *майя*.

Мы повсюду наталкиваемся на противоречия: в нашем интеллекте, в нашем знании, во всех проявлениях жизни. Реформатор горит желанием исцелить общество от пороков, но прежде, чем успеет он исцелить одно, тысячи других зол возникают рядом. Это подобно старому дому, который вот-вот рухнет: его починили в одном месте, он стал обваливаться в другом. Индийские реформаторы негодуют по поводу обычая, запрещающего вдове вторичное замужество.¹⁴⁶ На Западе бедою общества считаются одинокие женщины. Помогите одиночкам, они страдают. Помогите вдовам, они страдают. Это как хронический ревматизм: отпустило шею, перешло на поясницу, а оттуда в ноги. Реформаторы требуют, чтобы образование, богатство и культура перестали быть привилегией немногих, стараются изо всех сил, чтобы доступ к ним открыть для всех. Возможно, кого-то они сделают счастливым, а может быть, доступ к культуре лишает человека физического счастья. Знание того, что есть счастье, дает и знание того, что есть несчастье. Так в какую сторону идти нам? Даже незначительный уровень благосостояния одних другим стоит стольких же бед, таков закон. Молодые могут этого не понимать, но человеку, который долго жил и знает жизнь, все ясно. И это *майя*. Такой порядок продолжается и продолжается, а выхода нет. Почему жизнь так устроена? Невозможно дать ответ, поскольку невозможно логически поставить вопрос. Для фактов не существует ни «как», ни «почему», факты — это просто факты, и ничего тут не поделаешь. Мы даже не в силах понять это, создать верный образ в уме, где уж нам решить проблему жизни.

Майя — это признание факта вселенной, ее устройства. Людей пугают эти факты, выраженные словами, но человек должен быть отважен. Бегство от реальности — не способ найти решение. Говорят, заяц, преследуемый собаками, прячет голову в лапы и считает, что спасен; стараясь быть оптимистами, мы ведем себя, как зайцы, но это не выход. Иные с этим спорят, но, как правило, спорят те, кто владеет благами жизни. Живя в Англии, трудно быть пессимистом. Здесь все, мне рассказывают, так прекрасно устроено, так прогрессивно. Но каждый видит устройство мира в зависимости от того, как устроен сам. Идут все те же старые разговоры: христианство является самой подлинной религией мира, поскольку христианские страны процветают! Однако это утверждение содержит в себе внутреннее

¹⁴⁵ См. примеч. 106 к «Раджа-йоге».

¹⁴⁶ С первой трети XIX в. в Индии начался процесс преобразования индуизма, приспособления его теории и практики к новым общественным потребностям. Один из зачинателей реформации Р.М.Рай (1772–1833) был широко известен своей борьбой против практики самосожжения вдов. Широко известны также имена К.Ч.Сена (1838–1883), Даянанды Сарасвати (1823–1883) и др. Их деятельность была многоплановой, и одним из наиболее заметных ее направлений была борьба за улучшение образования для женщин, за изменение их зависимого положения и пр.

противоречие, так как процветание христианских стран построено на истощении стран нехристианских, превращенных в жертвы чужого благоденствия. А если представить себе, что весь мир станет христианским и больше не будет нехристианских стран, за счет которых могут процветать другие, то христианские страны обнищают. Следовательно, утверждение обращается против себя. Животные живут за счет растений, человек — за счет животных, самое же ужасное, что у людей сильный живет за счет слабого. Это происходит повсюду. И это *майя*.

Какой же выход здесь может быть? Каждый объясняет проблему по-своему, и все сходятся на том, что в конечном счете все будет хорошо. Если принять на веру, что все будет хорошо, то хочется спросить: почему к хорошему нужно идти этим дьявольским путем? Почему нельзя достигнуть добра добром? Наши потомки будут жить счастливо. Почему же сейчас в мире столько страдания? Нет выхода. И это *майя*.

Нам часто говорят, что одно из свойств процесса эволюции — это исключение зла, а поскольку эволюция продолжается, то зла становится все меньше и в конце концов в мире останется только добро. Это очень приятно слышать, это успокаивает совесть тех, кто располагает достаточными благами, чтобы не вести жестокую повседневную борьбу за выживание, чтобы не попасть под колеса так называемой эволюции. Это очень милая и утешительная теория для счастливицков. Если страдает быдло, их это не касается: кому нужно быдло, пусть себе вымирает. Прекрасно, но линия рассуждения порочна от начала до конца. Прежде всего делается допущение, что добро и зло, существующие в мире, являются абсолютными реальностями. Затем делается еще худшее допущение: добро увеличивается количественно, зло количественно уменьшается. Таким образом, поскольку количество зла уменьшается в процессе того, что называется эволюцией, то должно наступить время, когда зло полностью исчезнет, а то, что останется, будет чистым добром. Легко сказать, но есть ли доказательства количественного уменьшения зла? Возьмем для примера человека, который живет в лесу, не знает, как развить свой интеллект, не может прочесть книгу, никогда не слышал о существовании письменности. Если он серьезно поранит себя, он скоро поправится, мы же можем умереть от царапины. Машины производят дешевую продукцию, обеспечивают прогресс и эволюцию, но при этом миллионы надрываются, чтобы сделать богатым одного. Один богатеет, но тем временем тысячи нищают, а массы людей превращаются в рабов. Лесной обитатель живет своими ощущениями, он чувствует себя несчастным, если ему не хватает пищи, если что-то случается с его телом. И счастье его, и несчастье определяются органами его чувств. По мере того как человек прогрессирует, горизонты его счастья расширяются, но пропорционально расширяются и горизонты его несчастья. Пока он жил в лесу, он не знал, что такое ревность, он не знал, что такое судиться, платить налоги, подвергаться общественному осуждению, день и ночь подчиняться самому жесткому диктату, какой только способна изобрести дьявольская хитрость человека. Он не знал, что человек может быть в тысячу раз коварней любого животного, тщеславиться своим знанием и превосходством. Покидая мир простых чувствований, мы развиваем в себе дополнительные способности наслаждаться, которые означают и новые возможности страдать. Наша нервная система развивается, и мы испытываем больше боли. Бесхитростный человек обращает мало внимания на обиды, если его побить, он понимает что к чему. Джентльмену же не вынести и одного обидного слова, так тонка его нервная организация. Он научился разнообразить свои удовольствия, и вместе с этим возросла его способность страдать. Этот довод не в пользу сторонников теории эволюции. Возрастает способность быть счастливым, и возрастает способность страдать. Я иногда думаю, что если наша способность наслаждаться возрастает в арифметической прогрессии, то способность страдать растет в прогрессии геометрической. Говоря о прогрессирующем человечестве, мы знаем, что прогресс открывает перед нами все больше возможностей и мучиться, и радоваться. И это *майя*.

Таким образом, *майя* — это не теория, объясняющая мир, а простое утверждение факта: противоречива сама основа нашего существования, следовательно, противоречиво

все, что происходит с нами: где есть добро, там непременно есть и зло, а где есть зло, там должно найтись и добро; за всякой жизнью смерть следует, как тень, за каждой улыбкой следуют слезы, и наоборот. И это непреложно. Мы можем мечтать найти такое место, где будет существовать одно добро, без зла, где будет только смех, где неизвестны слезы. Но это невозможно в силу самой природы вещей.

Мы видим, что философия веданты не оптимистична и не пессимистична, она приемлет все, как оно есть. Согласно этой философии, в мире смешаны добро и зло, радость и страдание, так что если прибавится одно, то неизбежно прибавится и другое. Невозможен ни мир совершенного добра, ни мир совершенного зла, это терминологическое противоречие. Великая тайна, раскрытая этой философией, заключается в том, что между добром и злом нет четкой разделительной линии, они не отделены друг от друга. В этом мире нет ничего, что можно было бы назвать абсолютным добром, как нет ничего, что можно счесть абсолютным злом. Явление, которое сегодня кажется хорошим, может завтра показаться плохим. Что делает несчастным одного, может послужить для счастья другого. Огонь, который вызывает озноб у ребенка, может послужить для приготовления пищи голодному. Одни и те же нервные волокна передают нам ощущения удовольствия и боли. Следовательно, уничтожить зло можно, только уничтожив и добро, иного пути нет. Если мы хотим остановить смерть, нам придется остановить и жизнь. Жизнь без смерти и радость без страдания — противоречия, одно не существует без другого, поскольку оба есть разные проявления того же. То, что мне казалось добром вчера, сегодня я добром больше не считаю. Мне стоит лишь оглянуться на прожитые годы и вспомнить, какими идеями я руководствовался в разные времена, чтобы убедиться в этом. Было время, когда мне хотелось научиться управлять упряжкой сильных коней, потом я думал, что, если только я сумею готовить сладости, я буду счастлив, еще позднее начал думать, что полное удовлетворение получу от жены, детей и уймы денег. Сегодня мне смешны все эти полудетские мечтания.

Философы веданты учат: непременно наступает час, когда, оглядывая прошлое, мы находим смешным страх утратить индивидуальность. Каждому из нас хотелось бы никогда не расставаться со своим телом, но наступает час, когда это желание нас смешит.

Но если так, то нам никогда не выбраться из противоречия — не существование и не его прекращение, не страдание и не счастье, но вечное смешение всего. Зачем в таком случае нужна веданта, да и другие философии и религии? А главное, зачем в таком случае нужно творить добро? Этот вопрос неизбежно приходит на ум. Если верно, что невозможно делать добро, не творя при этом и зло, если всякая попытка познать счастье оборачивается и несчастьем, то к чему стремление к добру? В ответ можно сказать, что прежде всего необходимо облегчать участь страдающих, ибо это единственный способ стать счастливым. Каждый из нас рано или поздно приходит к этому пониманию: более смысленные — раньше, менее — позднее, и им приходится дорогой ценой расплачиваться за позднее открытие. Затем мы обязаны делать свое дело, поскольку нет иного пути избавиться от полной противоречий жизни. Вселенная жива для нас как силами добра, так и силами зла, и это будет продолжаться до тех пор, пока мы не пробудимся ото сна и не перестанем строить замки из песка. Нам придется усвоить этот урок, но на это уйдет очень, очень много времени.

В Германии делались попытки создания философской системы на основе Бесконечного, становящегося конечным.¹⁴⁷ Подобные попытки делаются и в Англии. Анализ позиции этих философов показывает, что, по их мысли, Бесконечное, стремящееся выразить себя через вселенную, со временем преуспеет в этом. Все это прекрасно, и мы тоже пользовались терминами «Бесконечное», «проявление», «выражение» и прочими, но дело в том, что философы требуют логического фундаментального обоснования постулата:

¹⁴⁷ Имеется в виду объективный идеализм крупнейшего немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля (1770–1831), построившего всеобъемлющую систему развития Абсолютной Идеи путем ее развертывания.

конечное способно в полной мере выразить Бесконечное. Абсолют и Бесконечное могут стать этой вселенной, лишь ограничив себя. Все, что проходит через наши органы чувств, или через ум, или через интеллект, не может не быть ограниченным, конечным, а конечное не может быть Бесконечным, это чистейший абсурд, этого не бывает.

Философы веданты утверждают, что, хотя Абсолют, или Бесконечное, и стремится выразить себя через конечное, наступит время, когда станет ясна невозможность этого, придется отступить, отступление же означает отрешение, которое является подлинным началом религии. Сейчас об отрешении трудно даже говорить. В Америке обо мне писали, что вот приехал человек из страны, которая умерла и захоронена уже пять тысячелетий назад, и толкует об отрешении. Возможно, такой же точки зрения придерживаются и английские философы. Однако отрешение составляет только часть религии. Что говорил Христос? «Кто отдаст жизнь за меня, тот обретет ее».¹⁴⁸ Он снова и снова обращался к проповеди отрешения, видя в нем единственный путь к совершенствованию. Приходит час, когда ум пробуждается от долгого и тяжелого сна, ребенок бросает игру и снова тянется к матери. Раскрывается истина постулата: желание никогда не удовлетворяется исполнением желаний, оно лишь сильнее разгорается, как огонь, в который подливают масло.

Это справедливо и в отношении чувственных желаний, и в отношении интеллектуальных страстей, и в отношении всего иного, на что способен ум человеческий. Желания ничто, все они заключены в майе, в сети, из которой нам не выпутаться. В ней можно барахтаться бесконечно, не находя выхода, и всякий раз, когда мы стараемся урвать толику наслаждения, на нас обрушивается лавина страдания. Как ужасно все это! Задумываясь над этим, я не могу не прийти к заключению, что теория майи, утверждающая, что все есть майя, наилучшим образом объясняет жизнь. В мире столько горя; разъезжая по свету, видишь, что один народ пытается найти выход в одном, другой — в другом. Зло одно, но предлагаются различные пути для его преодоления, хотя никому еще не удалось добиться успеха. Если зла стало меньше в одной точке, его прибавилось в другой. И так без конца. Индусы в стремлении к сохранению чистоты нравов среди представителей расы прибегали к бракам между детьми, что в конечном счете привело к расовой деградации.¹⁴⁹ И в то же время я не могу отрицать и того, что детские браки способствуют чистоте нравов расы. Так что же выбрать? Желая чистоты народной жизни, позволить мужчинам и женщинам ослабеть в результате очень ранних браков? С другой стороны, в Англии нет детских браков, но можно ли сказать, что англичанам лучше? Нет, потому что сама жизнь народа зависит от чистоты. Разве не свидетельствует история о том, что утрата чистоты есть первый симптом умирания народа? Так где же выход? Зло не так страшно, когда родители выбирают брачных партнеров своим детям. Дочери Индии скорее практичны, чем сентиментальны, но в их жизни остается мало места поэзии. Однако опять-таки непохоже, что самостоятельный выбор брачного партнера приносит много радости. Как правило, индийские женщины счастливы, в семейной жизни Индии довольно редки случаи ссор между супругами. В Соединенных Штатах же, где существует наибольшая свобода выбора, очень высок процент несчастливых семей и разводов. Иными словами, и так плохо, и так нехорошо. О чем это

¹⁴⁸ Соотносится с Мф, 10, 39. В XX в. вместо слова «жизнь» обычно употребляется слово «душа». В XIX в., когда был жив Вивекананда, употреблялось только слово «жизнь».

¹⁴⁹ Считается, что детские браки вошли в практику сравнительно поздно. Согласно гимнам Вед, возраст невесты далеко не детский; эпос дает много примеров сваямвары (выбора жениха самой невестой). Но уже в дхармашастрах чаще всего утверждается, что предпочтительный возраст при вступлении девушки в брак — до наступления зрелости. Позиция ЗМ двойственная: есть примеры предписаний ранних браков (8-12 лет) (ЗМ, IX, 4, 94), есть и указания на необходимость совершения браков в зрелом возрасте (ЗМ, IX, 90). Поздние смрити настаивали на очень ранних браках, называя желательным даже четырехлетний возраст невесты. Как правило, детские браки — это сговор родителей. Многие общественные деятели XIX в. вели активную борьбу за право девушки самой выбирать себе супруга, выступали с резкой критикой так называемого «детского вдовства» (смерть нареченного делала вдовой девочку и в том случае, если брак фактически еще не состоялся).

говорит? О том, что счастья не дает следование разным идеалам. К счастью стремится каждый, но стоит добиться хоть малой его толики, как рядом нагромождаются беды.

Так, может быть, незачем стремиться к тому, чтобы делать добро? Обязательно нужно, и с большим рвением, но без фанатичности. Англичанин не должен быть фанатиком и проклинать индуса. Он должен научиться уважать обычаи разных народов. Нужно поменьше фанатизма и побольше реальных дел. Фанатики не могут работать, ибо растрачивают впустую три четверти своей энергии. По-настоящему работает уравновешенный, спокойный, практичный человек. Если работа основана на этом принципе, то коэффициент ее полезного действия возрастает. Если мы отдаем себе отчет в том, каким образом устроен мир, то мы приобретаем большее терпение. Зрелище страданий или зла не сможет выбить нас из колеи и заставить гоняться за призраками. Понимая, что мир останется таким, какой он есть, мы научимся ко многому относиться терпимее. Если бы, например, все люди стали хорошими, то в людей начали бы превращаться животные, которым тоже пришлось бы пойти медленным путем совершенствования, впрочем, как и растениям. Очевидно только одно: могучая река мчит свои воды к океану и каждая капелька воды в ней рано или поздно вольется в безбрежный океан. Так и в земной жизни, со всеми ее бедами и страданиями, с радостями, смехом и слезами, ясно только одно — все в ней движется к цели, это просто вопрос времени, когда вы и я, растения и животные, каждая частичка сущего обязательно достигнут безбрежного океана Совершенства, достигнут свободы и Бога.

Позвольте мне еще раз подчеркнуть: философия веданты не пессимистична и не оптимистична. Она не утверждает, что все в мире прекрасно или что все в мире ужасно, но указывает на то, что наше зло имеет не меньшую ценность, чем наше добро, а наше добро не более ценно, чем наше зло. Они неразделимы. Таков мир, и, понимая это, человек трудится терпеливо. Чего ради? Зачем нам вообще трудиться? Раз мир таков, какой он есть, мы ничего не можем сделать. Почему бы нам не стать агностиками? Современные агностики тоже признают, что проблема жизни не имеет решения, или, как сказали бы мы на нашем языке, нет избавления от майи, а потому давайте довольствоваться тем, что есть, и радоваться жизни. Но здесь скрывается ошибка, огромная ошибка, серьезнейшая логическая погрешность. Она заключается в следующем. Что называть жизнью? Только то, что человек воспринимает своими органами чувств? Но в этом мы мало отличаемся от животных. Я убежден в том, что ни один из здесь присутствующих не живет только своими чувствами. В таком случае наша земная жизнь включает в себя что-то еще, нечто большее. Наши чувства, мысли и стремления составляют часть нашей жизни, и не является ли устремленность к великому идеалу, к совершенству, одним из наиболее важных компонентов того, что мы называем жизнью. Агностики считают, что надо радоваться такой жизни, какая есть. Но эта жизнь есть прежде всего поиск идеала, стремление к совершенству, это сама суть жизни. Нам необходимо совершенство, и уже поэтому мы не можем согласиться с агностиками и воспринять жизнь такой, какой она кажется. Агностики исключают из жизни ее идеальный компонент. Поскольку идеал недосыгаем, говорят они, следует отказаться от его поиска. Вот это и есть *майя* — эта природа, эта вселенная.

Все религии являются в той или иной степени попытками выйти за пределы этой природы. От самых примитивных до наиболее развитых, все религии через мифы и символы, через истории о богах, ангелах и демонах, через жизнеописания святых и провидцев, великих людей или пророков либо через философские абстракции пытаются вырваться из ограниченности. Иными словами, все они устремлены к свободе. Сознательно ли или неосознанно, человек ощущает свою несвободу и тяготеет к ней. Человеку с самого начала внушается ощущение несвободы, но в тот самый миг, когда он приходит к пониманию этой несвободы, в нем пробуждается нечто, требующее выхода, нечто, не примиренное с рабством, тянущее его за пределы, запретные для его тела. Даже самые незамысловатые религиозные идеи, построенные на поклонении духам предков, как правило жестоким и яростным, затаившимся в домах своих близких, жаждущим крови и крепких напитков, — даже такие идеи содержат в себе тягу к свободе. Человек, поклоняясь богам, прежде всего

видит в них большую свободу, чем та, что дана ему самому. Если дверь заперта, он думает, что для богов это не помеха, как и стены, которые не могут ограничить их. Идея свободы разрастается, пока не достигает представления о Личностном Боге, где важнее всего то, что Он есть Сущность, неподвластная ограничениям природы, или майи. Я точно вижу лесные обитатели, где обсуждают эту проблему мудрецы Древней Индии, а когда перед ее трудностью пасуют даже самые умудренные жизнью и святостью, поднимается на ноги юноша и провозглашает: «Внемлите, дети бессмертия, внемлите и те, кто живет высоко, мне открылся путь. Познав Того, кто вне мрака, мы можем выйти за пределы смерти!»

Майя повсюду, и это ужасно. Но мы должны трудом высвободиться из нее. Кто говорит, что будет трудиться, когда в мире останется одно добро и блаженство, похож на человека на берегу Ганга, ожидающего, когда же все его воды вольются в океан, чтобы переправиться на другой берег. Мы должны действовать не с майей, но против нее, — это урок, который необходимо усвоить. Мы рождены не помощниками природы, а ее соперниками. Мы — создатели оков природы, но сковываем ими самих себя. Откуда взялся этот дом? Он выстроен не природой. Природа говорит нам: живите в лесах. Человек ей отвечает: я построю дом и восстану против природы. Человек это делает. Вся история человечества есть непрекращающаяся борьба против так называемых законов природы, в которой побеждает человек. Та же борьба идет и в нашем внутреннем мире, борьба между животным человеком и духовным человеком, между светом и тьмой, человек побеждает и в этой борьбе. Он как бы пролагает себе путь из природы в свободу.

Итак, мы видим, что философы веданты за пределами майи прозревают нечто, законам майи неподвластное; выйдя за эти пределы, освобождаемся от майи и мы. В той или иной форме эта мысль составляет общую сущность всех религий. Однако для веданты это еще не сама религия, а только подступы к ней. Идея Личностного Бога, владыки и творца вселенной, как его называют, повелителя майи, или природы, составляет только начало ведантистского взгляда на мир. Эта идея разрастается и развивается до тех пор, пока философ веданты не обнаруживает, что Тот, кто казался ему стоящим на отдалении, на самом деле находится внутри него, что он сам и есть Тот. Это он сам свободен, но в силу своей ограниченности раньше этого не понимал.

МАЙЯ И ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ БОГА

Мы уже убедились, что идея майи, которая, можно сказать, является одной из основ адвайты веданты — недуалистического взгляда на мир, — в своем зародыше может быть обнаружена уже в *самхитах*;¹⁵⁰ собственно говоря, все основные идеи, получившие свое развитие в Упанишадах, в той или иной форме присутствуют и в самхитах. Вы познакомились в общих чертах с идеей майи и знаете, что подчас это слово ошибочно переводится как «иллюзия», из чего возникает представление, будто когда говорят, что наша вселенная есть майя, то имеется в виду ее иллюзорность. Майя — не иллюзия, перевод неудачен, неправилен. Майя и не теория, она описание вселенной как она есть, и, чтобы понять, что есть майя, необходимо возвратиться к самхитам и рассмотреть ее первоначальную концепцию.

Мы уже говорили о происхождении идеи дэвов¹⁵¹ и знаем, что вначале эти дэвы были не более чем могущественные существа. Многие из вас ужасаются деяниям древних богов, описанным в старинных книгах греков, евреев, персов и других, кажущихся нам отвратительными. Но, читая старинные книги, мы совершенно забываем, что живем в XIX веке, а боги и иные существа жили тысячелетия назад. Мы забываем, что люди,

¹⁵⁰ См. примеч. 26 к «Карма-йоге».

¹⁵¹ См. примеч. 86 к «Раджа-йоге».

поклонявшиеся этим богам, были и сами на них похожи, а потому не находили в них ничего дурного или пугающего. Я хотел бы заметить, что это великий урок, который нам преподносит жизнь. Судить других всегда нужно по их собственным меркам, а мы судим по своим собственным, что неправильно. Мы постоянно совершаем эту ошибку в наших взаимоотношениях с окружающими; мне все время кажется, что большая часть наших раздоров возникает попросту оттого, что мы стараемся судить о других богах по нашим собственным, о других идеалах — по нашим идеалам, о чужих мотивах — по тому, что движет нами. Я в определенных условиях могу совершить определенный поступок. Увидев же, как то же самое делает другой, я могу предположить, будто и он движим тем же побуждением, не принимая в расчет никаких других причин. Вынося суждение о древних религиях, мы должны занимать не привычную нам позицию, а стараться представить себе образ мыслей и жизнь тех далеких времен.

Многих пугает жестокий, беспощадный Иегова Ветхого Завета,¹⁵² а почему? Что нам дает основания предполагать, будто древнееврейский Иегова должен воплощать собою современную идею Бога? В то же время не следует забывать, что после нас будут жить люди, которым наши представления о религии и о Боге покажутся так же смешны, как нам сегодня представления древних. Однако через все многообразие концепций Бога проходит золотая нить единства и цель веданты — обнаружить эту нить. Бог Кришна говорит: я — нить, которая пронизывает многообразные идеи, а каждая идея есть жемчужина на ней. Суть веданты в том, чтобы найти связующую нить между идеями, сколь бы несообразными или отталкивающими ни казались они нам сегодня. В обрамлении прошлых веков эти идеи были гармоничны, не более несообразны, чем те, которыми мы живем сейчас. Нелепыми они начинают выглядеть лишь тогда, когда мы, вырвав их из временного обрамления, соизмеряем с современностью, ибо времена их создания прошли. Точно так же, как еврей древности превратился в ходе развития в нынешний тип проворного и ловкого человека, как арий древности — в интеллектуального индуса, вырос и Иегова, выросли и дэвы.

Весьма ошибочно, признавая факт эволюции верующих, не признавать того, что эволюционировали и их верования, и объекты их веры. Однако объекту веры мы отказываем в развитии, которое прошли верующие. Иными словами, мы с вами как носители определенных идей выросли, выросли и боги как выразители идей. Вам может показаться непривычной мысль о том, что Бог способен расти. Он не растет. Он неизменен. Но постоянно изменяются и расширяются наши представления о Нем. Мы позднее увидим, что подлинный Человек, стоящий за каждым человеческим проявлением, вечен, неизменен, чист и постоянно совершенен. Таким же образом наше представление о Боге есть только проявление нас самих, оно сотворено нами. За Ним же стоит подлинный Бог — вечный, чистый, неизменный. Представление о Нем, однако, постоянно изменяется, все больше и больше раскрывая реальность. Мы называем прогрессом приближение наших представлений к реальности и регрессом — удаление от нее. Следовательно, боги растут по мере того, как растем мы сами. С обычной точки зрения как мы, развиваясь, раскрываем себя, так раскрывают себя и боги.

Теперь мы уже можем подойти и к теории майи. Все религии мира стремятся дать ответ на один и тот же вопрос: почему есть во вселенной дисгармония? Почему есть во вселенной зло? Первобытному человеку мир не казался дисгармоничным, поэтому на заре примитивных религий этого вопроса не возникает. Для первобытного человека в мире не было противоречий, не было столкновения различных точек зрения, не было антагонизма между добром и злом. Возможно, он испытывал некоторую раздвоенность, когда что-то в его душе говорило «да!» А что-то возражало «нет!». Первобытный человек жил импульсами, он делал то, что приходило ему на ум, пытаясь перевести любую мысль в мышечное усилие, он

¹⁵² Иегова (Яхве) сначала был верховным богом древнееврейских племен, почитаемый наряду с другими богами (II тыс. до н. э.). Позднее он стал считаться единым Богом всех евреев, и на него были перенесены атрибуты других богов.

не старался давать оценки и редко сдерживал свои импульсы. Импульсивны были и его боги. Индра является и разбивает силы демонов. Иегове нравится один и не нравится другой, а по какой причине, никто не знает и никто не спрашивает. Навык к исследованию еще не возник, поэтому считалось правильным все то, что бог ни делал. Не существовало еще и представлений о добре и зле. Дэвы совершали множество поступков, дурных в нашем понимании: Индра и другие боги творили немало дурного, однако верующие не ставили это под вопрос, ибо не обладали представлением о зле.

Борьба началась с развитием этических идей, когда у человека возникло новое чувство, по-разному называемое на разных языках. Глас ли это божий, или результат прошлого образования, или что-то еще, но что бы это ни было, речь идет о сдерживании естественных импульсов. В человеческом уме вспыхивает импульс, который говорит ему: «Давай!» Однако тут же раздается голос, одергивающий его: «Не смей!» В нас живет побуждение, ищущее себе выход через чувства, но в нас звучит и голос, сколь бы тихим и слабым он ни был, запрещающий этот выход. Есть два очень красивых санскритских слова для выражения этого феномена: *правритти* и *нивритти*, которые можно перевести как «кружение вовне» и «кружение внутри». Наши поступки обычно диктуются нам «кружением вовне». Религия начинается с «кружения внутри». Религия начинается с этого «не смей». Духовность начинается с этого «не смей». Если нет сдерживающих факторов, религия еще не началась. С появлением «не смей» началось развитие идей у человека вопреки драчливости богов, которым он поклонялся.

В сердце человечества зажегся огонек любви. Он едва мерцал, да и сейчас еще не очень разгорелся. Вначале он горел для племени, боги в те времена любили каждый свое племя, ибо каждый был племенным богом, защитником своих. Иногда люди племени объявляли себя потомками своего бога, как в наше время разные кланы считают себя потомками какого-то единого родоначальника. И в древности, и сейчас есть народы, ведущие свою родословную даже не от богов, а непосредственно от Солнца и Луны. В старинных санскритских книгах можно прочесть о солнечных и лунных династиях;¹⁵³ сначала великие правители из этих династий поклонялись Солнцу и Луне, потом постепенно стали смотреть на себя как на их потомков. С развитием племенной организации появились любовь, чувство долга по отношению к ближнему, зачатки социальных структур. Естественным образом зародилась и еще одна идея: как можно жить вместе без терпимости и прощения? Как может жить человек среди людей без сдерживания импульсов, без правил поведения, без воздержания от поступков, которые, возможно, и хотелось бы совершить? Это просто было бы невыносимо. Так рождалась идея самоограничения. На ней основана вся социальная организация, и всякому известно, как несчастны те, кто не способен усвоить великий урок воздержания.

Когда появились религиозные идеи, в разуме человека забрезжил свет чего-то более возвышенного, более этического. Старые боги перестали соответствовать новым представлениям, они были шумливые, драчливые, пьющие, прожорливые боги предков, радующиеся запаху жареного мяса и возлияниям спиртного. Индра иной раз допивался до того, что падал на землю и нес чепуху.¹⁵⁴ Такие боги становились невыносимы. Зародилась потребность в исследовании мотивов поступков, и часть вопросов была обращена и к богам. От них потребовали отчета в поступках, а отчета они дать не могли. Тут человек и отказался от этих богов, а точнее, составил себе более возвышенное представление о божественности.

¹⁵³ Согласно индийскому эпосу и пуранам правители государств в долине Ганга принадлежали к двум династиям: солнечной и лунной. Легендарный герой Рама считается членом солнечной династии. Самая известная ветвь лунной династии — бхараты, герои Махабхараты. С царями лунной династии связывается и имя всей страны — Бхаратварша.

¹⁵⁴ Гимн RV, X, 119 подробно описывает поведение Индры, любителя пьянящего напитка сомы, почти утратившего контроль над собой.

Человек как бы заново оценил деяния и качества богов, отказался от тех, которые перестали соответствовать изменившимся представлениям, тех же, что остались, поскольку были понятны, сочетал воедино и дал новое имя: Дэва-дэва — Бог богов. Теперь Бог не мог быть простым символом мощи, от него требовалось нечто большее: он должен был быть Богом этическим, любить человечество и делать для него добро. Однако идея Бога сохранилась, человек только усилил его этическое значение и добавил ему власти. Бог превратился в самое этическое существо во вселенной и сделался почти всемогущим.

Но переделки мало помогали. Чем больше появлялось объяснений, тем больше трудностей требовали своего объяснения. Если свойства богов возрастали в арифметической прогрессии, то трудности и сомнения — в прогрессии геометрической. Трудности Иеговы оказались пустяками по сравнению с трудностями Бога вселенной, и проблема эта не преодолена и по сей день. Почему всемогущий Бог, который есть сама любовь, допускает чудовищные несправедливости во вселенной? Почему на свете страдания больше, чем счастья, а зла больше, чем добра? Сколько ни закрывай глаза на жизнь, факт остается фактом — наш мир ужасен. Он в лучшем случае танталов ад. Человека разрывают на части мощные импульсы, еще более мощные чувственные желания, удовлетворить которые он не в силах. Волна несет нас вперед вопреки нашей воле, но стоит нам чуть продвинуться, и нас настигает сильнейший удар. Мы все обречены на муки Тантала. Нам в голову приходят мысли, ведущие далеко за пределы наших чувственных идеалов, но мы оказываемся не в состоянии их выразить. С другой стороны, нас давит масса людей вокруг. Если я откажусь от мыслей об идеальном и буду просто вести борьбу за выживание, моя жизнь превратится в животное существование, унижающее меня. Ни тот, ни другой путь не ведет к счастью. Несчастье — удел того, кто примиряется с миром. Но тысячекратно несчастье человека, который решится отстаивать Истину и возвышенные идеалы, который отвергнет животное существование. Это реальность, но ей нет объяснения — и не может быть объяснения. Однако веданта указывает нам выход.

Прежде чем продолжить, я хочу обратить ваше внимание на то, что иные факты, которые я буду излагать, могут подчас пугать вас, но, если вы запомните мои слова, думайте о них, усвойте их, пусть они станут частью вашей души, и тогда вы сумеете подняться выше, сумеете научиться понимать и жить в Истине.

Итак, это реальность, что наш мир подобен танталову аду, мы ничего не знаем о нашей вселенной, хотя и не можем сказать, будто не знаем совсем уж ничего. Я не могу утверждать, что эта цепочка существует, когда вспоминаю, что мне ничего о ней не известно. А вдруг это мое больное воображение? А вдруг я непрестанно вижу сны? Может быть, мне снится, будто я беседую с вами, а вы меня слушаете. Никто не может доказать, что это не сон. Сном может оказаться и мой мозг, тем более что никто собственного мозга никогда не видел. Мы просто верим на слово, что он существует, а это можно сказать и обо всем прочем тоже. Мое тело, например. Я верю в него, но наверняка сказать не могу, поскольку не знаю. Мы все находимся между знанием и невежеством, в мистических сумерках, где истина неотличима от неистины, и никому не известно, где они смыкаются. Мы бродим во сне, полуспим, полубодствуем, проводим жизнь точно в тумане — и это доля каждого из нас. Такова судьба всего знания, получаемого через органы чувств. Такова судьба всей философии, всей хваленой науки, всего хваленого человеческого знания. Это все наша вселенная.

То, что вы называете материей, или духом, или умом, или любым другим именем, по сути, отвечает все тому же описанию: мы не можем утверждать, будто это существует, и мы не можем утверждать, будто это не существует. Мы не можем сказать, что они составляют единство, и мы не можем сказать, что они составляют множество. Постоянная игра света и теней — неразличимых, нераспознаваемых, неразделимых. Факт — который фактом не является, явь — которая есть сон. Это реальность, и это и есть то, что зовется *майей*. Мы рождаемся в майе, мы в ней живем, в ней мыслим, в ней мечтаем. Мы философы в майе, мы люди духа в майе, да нет, мы черти в майе, но мы и боги — тоже в майе. Сколь бы далеко ни простиралась ваша мысль, сколь бы высоко она ни взлетала, покажется ли она вам

бесконечной или какой-то еще, все равно вашим мыслям не выйти из майи. Иного не дано, и все человеческое знание есть обобщение майи, есть попытка понять ее такой, какой она кажется. Все это *нама-рупа*, имя и форма. Все, что имеет форму, что создает образ в нашем мозгу, — все находится внутри майи, ибо внутри майи находится все, что подчинено законам времени, пространства и причинности.

Теперь вернемся к ранним представлениям человека о божественном и посмотрим, что случилось с ними. Мы сразу же обнаружим неудовлетворительность представления о некоем Существо, которое нас вечно любит, о Существо извечно бескорыстном и всемогущем, которое управляет вселенной.

Где Он, справедливый и всемилостивый Бог? — вопрошает философ. Он что, не видит, как погибают миллионы детей Его, в обличье людей и животных, ибо никто не может и мига прожить, не убивая? Можно ли сделать вдох, не погубив при этом тысячи жизней? Мы живем благодаря тому, что миллионы погибают. Каждый миг нашей жизни, каждый глоток воздуха — это смерть для сотен тысяч жизней, каждое движение убивает миллионы, каждый проглоченный кусок есть чья-то гибель. Почему же должны погибать другие существа? Есть старая уловка: низкоорганизованные формы жизни погибают ради высокоорганизованных. Допустим, что это так, хоть это и сомнительно, кто знает, не стоит ли муравей выше человека, кто может это доказать или опровергнуть? Но даже если признать человека вершиной жизни, все равно, почему должны погибать другие формы жизни? Если они примитивно организованы, то у них тем больше оснований жить, они ведь живут только чувствами, ощущениями и испытывают наслаждение или страдание в тысячу раз острее нас с вами. Кто из нас ест с таким аппетитом, как собака или волк? Никто, у нас энергия уходит не столько в ощущения, сколько в интеллект и дух. У животных вся душа в их ощущениях, им известны наслаждения, человеку недоступные, но и страдания их соизмеримы с силой их наслаждений. Значит, страдания у умирающих животных в тысячи раз сильнее, чем у человека, но мы их убиваем глазом не моргнув, не задумываясь над тем, как мучительна их боль. Это — *майя*. А если предположить, что существует Бог, подобный человеку, и Он сотворил мир, то прахом идут все так называемые объяснения и теории о том, что добро рождается из зла. Пусть есть на свете двадцать тысяч добрых вещей, почему их должно было породить зло? Исходя из этой теории, я могу перерезать глотки другим во имя полного удовлетворения моих пяти чувств. Почему, почему добро должно являться через зло? На этот вопрос так и не нашлось ответа. И ответ не может быть найден. Индийская философия была принуждена признать это.

Веданта была и есть самая бесстрашная из религиозных систем. Она ни перед чем не останавливается, и она обладает важным преимуществом: здесь нет корпуса священнослужителей, которые пытались бы помешать поиску Истины. В Индии всегда существовала абсолютная религиозная свобода. Предрассудки сковывают социальную жизнь Индии, в отличие от Запада, где общество пользуется большой свободой. В Индии весьма жестки социальные табу, религиозная же мысль свободна. В Англии человек может одеваться как вздумает, есть что хочет, никому нет до этого дела, но, если он пропустит церковную службу, соседка, миссис Гранди, этого не простит. Здесь человек должен прежде всего соблюдать социальные нормы религии, а уж потом он может думать об Истине. В Индии, наоборот, если человек разделит трапезу с кем-то из другой касты, общество сотрет его в порошок. Если его одежда будет хоть чуточку отличаться от платья, которое носили его предки, он обречен. Я слышал историю о человеке, которого общество отвергло только за то, что он отправился за несколько миль взглянуть на первый поезд. Ну, допустим, что этого даже не было. Дело в другом: у нас в религиозной сфере сосуществуют атеисты, материалисты, буддисты, люди различных вер, точек зрения, взглядов на мир, поражающих своим разнообразием, причем иные из них весьма необычны. Проповедники разных сект бродят по стране, собирая верующих буквально на пороге храма, можно найти даже материалистов, излагающих желающим свои взгляды, и брахманы — к их чести будет сказано — отнюдь не препятствуют этому.

Будда скончался в весьма зрелом возрасте. Был у меня приятель, видный американский ученый, который любил читать жизнеописание Будды. Ему нравилось все, кроме смерти Будды, из-за того, что тот не был распят. Что за дикая мысль! Почему человек такого величия должен погибнуть насильственной смертью? В Индии такая мысль не могла бы и появиться. Великий Будда исходил всю Индию вдоль и поперек, отрицая индусских богов и даже Бога вселенной, но спокойно дожил до глубокой старости. Будда прожил восемьдесят лет и успел полстраны обратить в свою веру.

Были в Индии и чарваки, проповедовавшие ужасные вещи, материализм такой вульгарности, который никто не решается открыто провозглашать даже в XIX веке.¹⁵⁵ Чарвакам никто не мешал распространять свои взгляды и в храмах, и в городах, где они проповедовали, что вся религия чушь, что Бога выдумали жрецы, что нет ни Бога, ни бессмертной души, а Веды написали жулики, дураки и демоны. Если душа бессмертна, говорили чарваки, то почему она не возвращается после смерти к покинутой жене и детям? Им казалось, будто душа и после смерти тела способна любить, желать вкусную еду и нарядную одежду. Однако никто не препятствовал чарвакам распространять эти мысли.

Индия всегда хранила великую идею религиозной свободы, а свобода есть неперемное условие развития. Что не свободно, то не будет развиваться. Мысль о том, будто вы можете заставить развиваться других и помогать их развитию, вести и направлять их, оставляя за собой право на поучение, — чушь, вреднейшая ложь, которая задержала развитие миллионов людей на свете. Дайте людям свет свободы — единственную предпосылку для развития.

Индия допускала свободу в вопросах религии, поэтому даже сегодня мы обладаем громадной духовной силой. Вы пользуетесь такой свободой в общественных делах, поэтому ваше общество так превосходно организовано. Индия не распространила свободу на общественное развитие, и в результате наши социальные структуры очень стеснены. Запад не только лишил религиозную мысль свободы, он распространял свою веру огнем и мечом, и теперь религия занимает подчиненное положение в европейском мышлении. Нам, индийцам, необходимо разбить социальные оковы, вам — снять кандалы с религиозного прогресса. Тогда мы станем свидетелями блестящего развития человечества. Осознав, что развитие едино в духовном, моральном и социальном аспектах, мы обнаружим, что религия — в наиболее полном смысле этого слова — должна занять свое место и в общественной, и в повседневной жизни. Веданта помогает понять, что все науки есть различные проявления религиозности, как и все остальное, что существует на свете.

Мы видим, что предпосылкой для развития наук является свобода, но есть два научных течения: одно — материалистическое и отрицающее, а другое — позитивное и конструктивное. Интересно следить за тем, как два этих течения проявляют себя в жизни всех обществ. Стоит обнаружиться отрицательному явлению в обществе, как сразу находится группа людей, которые мстительно, а подчас и фанатично, осуждают его. Фанатики находятся в любом обществе, очень часто среди них бывает много женщин, женщины более импульсивны по природе. А любой фанатик, выступающий с осуждением чего-либо, непременно отыщет себе последователей. Ломать легко, всякий маньяк способен

¹⁵⁵ Чарваки (локаятики) отвергали основы индуизма и традиционных школ философии. Сознание они сводили к простой функции органов чувств. Источником познания называли только чувственное восприятие, отвергая выводное знание и достоверность авторитета. Из трех целей жизни (дхарма — артха — кама) признавали только две (артху и каму), то есть практическую выгоду и чувственные наслаждения. Впрочем, все сказанное относится к так называемым «грубым» чарвакам (дхурта). Есть свидетельства и о том, что последователи другого направления локаяты, так называемые «хорошо обученные» (сушикшита), не разделяли эти взгляды в полной мере. На сегодняшний день не обнаружены достоверные тексты, принадлежащие самим чарвакам; сведения об их философии можно получить только из компендиумов, составленных их теоретическими противниками. В них чарваки изображены как крайне грубые, примитивные гедонисты, предающиеся исключительно чувственным удовольствиям и отказывающиеся воспринимать возвышенные, благородные мысли. Эпос содержит много примеров резко негативного и пренебрежительного отношения правоверных индуистов к образу мыслей и жизни чарваков.

разрушить что угодно, вопрос в том, сумеет ли он строить потом. Иной раз фанатики могут принести и пользу, но, как правило, вреда от них бывает больше. Социальные институты возникают не в один день, и перестраивать их нужно, изменяя первопричины. Допустим, проявилась в обществе отрицательная тенденция, но ее осуждением делу не помочь, нужно найти ее причину. Прежде всего отыскать причину, поработать над ней, а следствием станет изменение явления. Криками ничего не сделаешь, они могут лишь привести к еще большей беде.

Однако всегда находились и другие — люди с сочувствием в сердцах, с пониманием необходимости заглянуть в глубь явлений, люди, которых мы называем великими святыми. Надо помнить, что все великие учителя приходили в этот мир с призывами не разрушать, а созидать. Их нередко встречали непониманием, принимая их терпимость за недостойный поиск компромисса с общественным мнением тех времен. Даже сейчас можно иногда услышать мнение, что великие учителя были трусоваты и не осмеливались говорить и делать то, что считали правильным. Это не так. Фанатикам не понять беспредельную силу любви в сердцах великих мудрецов, рассматривавших как собственных детей всех живущих на свете. Они и были подлинными отцами, подлинными богами, исполненными сострадания и терпимости ко всем, они были готовы терпеть и прощать. Они знали, как должно развиваться человеческое сообщество, и терпеливо, медленно и уверенно лечили его пороки, не осуждая и не запугивая, но осторожно ведя людей шаг за шагом вперед. Такими были те, кто писал Упанишады. Им было отлично известно, насколько прежние представления о Боге не соответствуют сформировавшимся этическим идеям новых времен, им было отлично известно, что есть немалая доля истины в том, что говорят атеисты, целые самородки истины, но было им отлично известно и другое, что неудача постигнет всякого, кто попытается порвать связующую нить, кто попытается построить новое без фундамента.

Мы ничего не строим заново, мы только меняем местоположение, мы не можем получить ничего нового, мы только меняем угол зрения. Семя медленно и осторожно вырастает в дерево, нам нужно направлять энергию в сторону Истины, не создавать новые истины, но реализовать ту, что существует. Мудрецы древности не стали осуждать былые представления о божественном как не соответствующие изменившимся временам, но занялись выявлением реальности, которая содержалась в этих представлениях. Результатом их трудов сделалась философия веданты, а в древних богах, в монотеистическом владыке вселенной они отыскивали идею более высокую, идею Безличного Абсолюта, они обнаружили единство в многообразии вселенной.

Кто видит в этом мире множеств Единство, кто в мире смерти находит Бесконечную жизнь, кто в мире бесчувственности и невежества открывает Единый светоч знания — тому дается вечное блаженство. Ему, и никому другому. Ему, и никому другому.

МАЙЯ И СВОБОДА

«Мы следуем за облаками славы», — сказал поэт. Но не все мы следуем за облаками славы, иные из нас идут за черными туманами, и в этом нет сомнения. Но каждый вступает в этот мир, как на поле битвы, где каждого ждет борьба. Мы вступаем в этот мир с плачем, как умеем, пробиваем себе путь в жизнь, пролагаем путь через жизненный океан и движемся вперед, оставив позади долгие века и громадные пространства. Вперед, все вперед, пока смерть не уносит нас с поля битвы, победителями или побежденными, мы не знаем. И все это — *майя*.

В детском сердце торжествует надежда. Для раскрывающихся детских глаз мир предстает в золотом сиянии, и ребенок уверен в исполнении своих желаний. Но как только он начинает продвигаться по жизни, природа на каждом шагу выставляет перед ним неодолимые барьеры. Идеалы юности отступают все дальше, и так продолжается до самой смерти, которую, возможно, он встретит с облегчением. И все это — *майя*.

Делает успехи человек науки, снedaемый жаждой знания, во имя которого он готов на

любые жертвы и на любые труды. Одну за другой раскрывает он тайны природы, добираясь и до тех, что скрыты в самом ее сердце, а чего ради? Зачем он старается? И почему мы прославляем его? Из-за чего он делается знаменит? Разве деяния природы не бесконечно велики в сравнении с тем, что может человек? Но у природы нет ни ума, ни чувства. Почему же прославляем мы копирование того, в чем нет ни ума, ни чувства? Природа может произвести грозовой разряд любой мощи и на любом расстоянии, когда же человеку удастся воспроизвести малую долю этого, мы начинаем превозносить его до небес. В чем дело? Что хорошего в том, чтобы воспроизвести природу, воспроизвести смерть, воспроизвести тупость и бесчувственность? Земное тяготение способно на куски разорвать огромную массу вещества, но тяготение бесчувственно. Что за радость воспроизводить бесчувственное? Но мы все стремимся к этому. И это — *майя*.

Чувства манят человеческую душу. Человек тянется к удовольствию, к счастью, но они недостижимы. Нас веками учат тому, что все это тщета и суета, что нет в этом счастья. Но урок пропадает втуне, усвоить этот урок мы можем только на собственном опыте. Мы набираемся опыта, но тут нас настигает удар судьбы. Может он послужить нам уроком? Не всегда. Как мотыльки, летящие на пламя, мы снова и снова рвемся к чувственным радостям, надеясь удовлетворить свои желания. Мы обжигаемся, набираемся новых сил, и все это повторяется до тех пор, пока мы не умрем, искалеченные и обманутые. И все это — *майя*.

Нас предает и интеллект. Желая проникнуть в тайны вселенной, мы задаем ей все новые вопросы, мы жаждем знания и не можем поверить, что знание недоступно. Несколько шагов — и мы упираемся в стену времени без начала и без конца, стену, которую нам не преодолеть. Несколько шагов — и перед нами стена безграничного пространства, неодолимая для нас, и вся наша жизнь замкнута в стены непреложных причинно-следственных связей. Нам из них не выйти. Но мы стараемся, мы продолжаем стараться. И все это — *майя*.

При каждом вдохе, каждом ударе сердца, каждом движении мы думаем, будто свободны, но в тот же миг обнаруживаем, что это не так. Мы рождены рабами, мы — рабы природы, подчиняющей себе наши тела, наш ум, все наши мысли и чувства. И все это — *майя*.

Нет на свете матери, которая бы не считала своего ребенка гением, самым удивительным из чудес природы. Она отдает ребенку всю душу. Ребенок, выросши, может стать пьяницей, мерзавцем, который будет плохо относиться к собственной матери, но ее любовь к нему от этого лишь возрастет. Весь свет воспеваает бескорыстие материнской любви, не задумываясь над тем, что это форма рабства, от которого мать не в силах освободиться. Она бы и рада сбросить бремя, но не может, а поэтому украшает свою ношу цветами и зовет ее высокой любовью. И все это — *майя*.

Мы все такие в этом мире. Есть легенда о том, как мудрец Нарада попросил однажды Кришну показать ему майю.¹⁵⁶ Прошло несколько дней, и Кришна позвал Нараду с собой в пустыню. Они долго шагали под палящим солнцем, и Кришна сказал: «Пить хочется, не принесешь ли воды, Нарада?» «Сию минуту», — отозвался тот.

Нарада отправился в ближайшую деревню, где постучался в первую же дверь. Дверь отворила прекрасная юная девушка. Увидев ее, Нарада позабыл о Кришне, изнемогающем от жажды, может быть, умирающем без воды. Он позабыл обо всем на свете, он влюбился с первого взгляда. В тот день он так и не вернулся к своему господину. И наутро, чуть свет, Нарада уже был у дома девушки. На другой день он попросил ее руки, они поженились, пошли дети. Прошло двенадцать лет. Тесть умер, Нарада унаследовал имущество и землю. Ему казалось, что он совершенно счастлив с женой, с детьми, с хозяйством. Но тут произошло наводнение, река вышла из берегов и затопила деревню. Рушились дома, тонули люди и скотина. Нарада одной рукой обхватил жену, другой — двоих детей, третьего

¹⁵⁶ Пересказ эпизода из Матсья пураны.

посадил себе на плечи и попытался одолеть поток. Но течение было слишком сильным. Упал ребенок с плеч, и вода унесла его. У Нарады вырвался крик отчаяния. Желая спасти малыша, он упустил двоих других, страшный удар волны захлестнул его жену, а самого Нараду выбросил на песчаный берег. И тут раздался голос: «Дитя мое, где же вода? Ты обещал принести мне попить, и я жду тебя уже не меньше получаса!» «Получаса!» — воскликнул Нарада.

Целых двенадцать лет пронеслись в его уме, а все это случилось за полчаса! И все это — *майя*.

Мы все в майе, так или иначе. Это состояние вещей, которое трудней всего понять. Его признавали разные народы, о нем написаны книги, но лишь немногие верят в него, ибо поверить можно только на основании собственного опыта. О чем свидетельствует это состояние вещей? О страшном, о том, что все бrenно. Время, за все отмщающее время наступает и не оставляет ничего. Время уносит святого и грешника, царя и крестьянина, красоту и уродство, оно не оставляет ничего. Вся жизнь движется к единой цели — к концу. Все наше знание, наше искусство, наша наука, все. Никто не в силах сдержать движение времени, приостановить его хоть на миг. Можно постараться забыть о нем, как жители пораженного чумой города пьют и пляшут, чтобы не думать о смерти. Мы все стараемся забыться в чувственных радостях. И все это — *майя*.

Известно, что существует два пути. Один, знакомый всем, весьма прост — все это, может быть, и так, но лучше не думать о таких вещах. Все верно, но зачем об этом думать? Живи в свое удовольствие, насколько сможешь, старайся не видеть мрачную сторону жизни, ведь есть в ней и светлые минуты. Есть во всем этом доля истины, но есть и опасность. Истина в том, что сосредоточенность на светлом — отличная побудительная сила. Надежды, позитивные идеалы составляют побудительную силу нашей жизни, но есть и определенная опасность. Она заключается в том, что, отчаявшись, мы перестаем бороться. Так и происходит с теми, кто призывает принимать мир таким, каков он есть. Живи спокойно и примиренно. Если на тебя сыплются удары, скажи себе, что это не удары, а цветы, если тобой помыкают, как рабом, скажи себе, что ты свободен. День и ночь говори всем неправду, и окружающим, и самому себе, потому что это единственный способ прожить жизнь счастливо. Это и есть так называемая практическая мудрость, и никогда она не получала такого распространения, как в XIX веке, поскольку никогда раньше человек не получал таких ударов, никогда раньше конкуренция не была столь острой, никогда раньше не были люди так жестоки друг к другу. Человек нуждается в утешении такого рода. Но оно никому не помогает и помочь не может. Невозможно скрыть падаль под розами, розы быстро увянут, а падаль покажется еще отвратительней, чем прежде. Конечно, можно прикрыть язвы дорогой парчой, но рано или поздно парчу придется снять, и язвы откроются взгляду.

Означает ли это, что надежды нет? Ведь мы все рабы майи, рожденные в майе и в майе живущие. Значит, нет для нас ни выхода, ни надежды? Веками знает человек, что обречен на страдание, что мир — тюрьма, что даже наша тяга к прекрасному ведет в темницу, что темница и наш ум, и наш интеллект. Что бы мы ни говорили, нет на свете человека, который хоть раз в жизни не почувствовал себя узником. Особенно хорошо известно это чувство старикам, ибо им, накопившим опыт целой жизни, нелегко принять за чистую монету ложные уловки природы. Значит, выхода нет? Мы обнаруживаем, что при всем том, перед лицом страшной реальности, скорби и страдания, в мире, где жизнь и смерть синонимы, даже в этом мире не перестает звучать тихий и спокойный голос, который из века в век твердит всем и каждому: «Я сотворил майю, она божественна, она состоит из качеств, и из нее трудно выпутаться. Но те, кто приходит ко Мне, переправляются через реку жизни». «Придите ко Мне, согбенные трудами и ношей, Я дарую вам покой». Этот голос ведет нас вперед. Человек давно услышал его и с тех пор все продолжает слышать. Он звучит в сердцах людей, когда начинает казаться, будто все потеряно, будто утрачены все надежды, когда человека оставляет вера в собственные силы, когда он видит, что жизнь безнадежно погублена и все, что осталось, утекает сквозь пальцы. Тут человек и слышит этот голос. Имя

ему — религия.

Итак, с одной стороны, бесстрашное признание, что все вокруг бренно, что все это майя, а наряду с этим полная надежды уверенность в том, что за пределами майи есть выход. С другой стороны, практичный человек уговаривает нас: не забивайте себе головы всей этой религиозной и метафизической чепухой. Живите, ни о чем не думая, мир — скверное место, так постарайтесь получше прожить жизнь. В переводе на язык нормальных людей это означает — живите ложью и фальшью, живите постоянным обманом, стараясь получше прикрыть зияющие язвы. Кладите заплату на заплату, пока вам не останется ничего, кроме заплат. Вот в чем смысл так называемой практичности. Люди, которых удовлетворяют заплаты, никогда не обращаются к религии. Религия начинается с мучительной неудовлетворенности существующим положением вещей, с неудовлетворенности жизнью и с ненависти, с острой ненависти к заплатам, с беспредельного отвращения к обману и лжи. Религиозным человеком становится лишь тот, кому достает отваги сказать, что сказал, сидя под священным деревом *бодхи*, могучий Будда, когда развернулась перед ним картина практичной жизни и он увидел ее ничтожество, но не увидел выхода. Когда явился ему соблазн отказа от поиска Истины и возвращения к жизни, исполненной обмана и лжи, которую предстояло ему готовить и себе, и окружающим, Будда, гигант среди людей, отверг искушение и заявил: лучше смерть, чем прозябание в тупом невежестве, лучше погибнуть на поле битвы, чем жить побежденным. В этом — основа религии. Когда человек говорит себе эти слова, он начинает поиск Истины, он ступает на путь к Богу. Такая решимость должна быть первым импульсом к религиозности. Я проложу себе путь. Либо я познаю Истину, либо сложу голову на пути к ее познанию. Мне нечего терять, ибо у меня ничего нет, а что было — исчезает с каждым днем. Прекрасный юноша, полный надежд, — завтрашний старик; надежды, радости и удовольствия увянут, как цветы в предутренние заморозки. Но это только одна сторона дела, есть и другая, есть великое очарование победы, победы над пороками жизни, победы над самой жизнью, победы над вселенной. Эта сторона дела дает опору человеку. Поэтому те, кто отваживается вступить в борьбу за религию, за Истину, идут по правильному пути, делают то, о чем сказано в Ведах: не поддавайся отчаянию, твой путь опасен, как если бы шел ты по лезвию бритвы, но не поддавайся отчаянию, восстань, пробудись и отыщи свою цель.

На свете существует множество форм религии, но все они объединены одной и той же основой, все они проповедуют свободу, выход из этого мира. Ни одна религия не ищет примирения с миром, но все они стремятся разрубить гордые узел и, не идя на компромиссы, утвердить в мире собственный идеал. К этому устремлены все религии, веданта же ставит своей целью достичь гармонии устремлений, выявить общую основу всех религий мира, от самых примитивных до наиболее развитых. И то, что мы зовем дичайшим суеверием, и возвышенная философия имеют, по сути дела, одну и ту же цель: они стремятся указать выход из той же трудности, как правило, через кого-то, кто сам не подчинен законам природы, иными словами, через того, кто свободен. Фундаментальная идея здесь едина, несмотря на множество трудностей и разногласий в определении того, кто воплощает собою свободу: является ли это существо Личностным Богом, или совершенным человеком, мужское ли это начало, или женское, или нейтральное, о чем идут нескончаемые споры. Несмотря на почти непримиримые противоречия между различными воззрениями на этот счет, все они связаны золотой нитью единства. Веданта прослеживает эту связующую нить, шаг за шагом открывает ее нашему взгляду, и первый шаг заключается в установлении того, что все религии устремлены к свободе.

Любопытный факт: мы, поглощенные нашими радостями и бедами, трудностями и борьбой, все равно движемся по направлению к свободе. Можно задать вопрос: что такое наша вселенная? Откуда она взялась? Куда она идет? Ответ будет: она возникла из свободы, она покоится на свободе и, распадаясь, становится свободной.

Нам никуда не деться от концепции свободы. Наши действия, сама наша жизнь без свободы утрачивают смысл. Природа ежеминутно доказывает нам, что мы ее рабы, что мы

не свободны, но наряду с этим возникает ощущение свободы. Нас на каждом шагу сбивает с ног майя, мы несвободны ей противостоять, но вместе с ударом приходит и чувство свободы. Внутренний голос твердит нам о свободе, но стоит нам попытаться реализовать эту свободу, проявить ее, как мы наталкиваемся на неодолимые препятствия. А голос вопреки всему продолжает напоминать нам: я свободен, свободен. Изучая различные религии мира, мы убеждаемся, что во всех заключена именно эта идея. И не только в религии, это слово не следует понимать в его узком смысле, вся жизнь человеческого сообщества есть утверждение принципа свободы. Его утверждают все движения. Каждый слышал этот голос, отдавая ли себе в том отчет или нет, голос, который заявляет: придите ко Мне, все трудящиеся и обремененные. Не имеет значения, на каком языке и в каких словах было это сказано, но голос, зовущий к свободе, всегда с нами. Мы рождаемся на свет ради этого голоса, и все, что мы делаем, мы делаем во имя его. Понимая или не понимая, мы все следуем этому зову, мы все стремимся к свободе: как деревенские ребятишки сбегаются на звуки музыки, так и мы откликаемся на музыку этого голоса, даже не зная, что это так.

Следуя этому голосу, мы ведем себя этически. Речь не только о человеке, все твари, от не приметнейших до самых высоких, слышат голос и идут на его звуки. Стремясь приблизиться к нему, они либо объединяются, либо сминают друг друга. Отсюда состязательность, радости, борьба, жизнь, удовольствия и смерть, и вся вселенная не что иное, как плод яростной борьбы за то, чтобы прийти туда, куда зовет голос. Так проявляет себя природа.

А что потом? Потом наступают перемены. Они наступают, когда человек услышал зов и понял, что он означает. Тот самый мир, что был кровавым полем битвы майи, преобразается в обитель красоты и добра. Человек больше не проклинает природу, не заявляет, что мир ужасен и все в жизни тщетно, человек больше не стонет и не плачет. Как только он понял, что говорит ему голос, он понял и причины борьбы, состязательности, жестокости, ничтожности радостей и удовольствий. Теперь мы видим, что все это в природе вещей, потому что без этого нас не потянуло бы к голосу, мы не двинулись бы к тому, что нам принадлежит по праву, известны ли или нет нам наши права. Вся человеческая жизнь и вся природа есть устремление к свободе. Солнце движется к цели, движется к цели и Земля, вращаясь вокруг Солнца, и Луна, вращаясь вокруг Земли. И планеты движутся к этой цели, и ветер дует к ней. Святой следует зову голоса не потому, что ищет славы, а потому, что иначе не может. Так же и грешник. Милосердный человек идет на зов прямоком и неостановимо, но к той же цели идет и скупец. Посвятивший себя добрым делам слышит голос в сердце своем и не может не откликнуться на зов, но это же относится и к самому отъявленному бездельнику. Один спотыкается сильнее другого, того, кто спотыкается сильнее, мы называем плохим, кто спотыкается меньше — тот хорош. Добро и зло не есть разные вещи, это одно и то же, и разница между ними не в сути, а в степени.

Но если вселенной управляет тяга к свободе, то, применяя этот принцип к религии как предмету нашего рассмотрения, мы обнаруживаем, что именно он и утверждался повсеместно. Возьмите самые простые религиозные представления, основанные на поклонении духам предков или могущественным и жестоким богам. Что главное в этих богах или духах? То, что они стоят выше природы и не подчинены ее ограничениям. Конечно, и представление о природе у иного верующего было самое ограниченное. Они не могли пройти сквозь стену или взлететь в небеса, поэтому они наделяли этими качествами своих богов. Но каков философский смысл этого? Человек наделяет богов свободой. Боги, которым он поклоняется, превосходят известную ему природу. Таким же образом поступают и те, кто исповедует более сложные религии. По мере расширения представлений о природе расширяется и представление о душе, которая выше природы, пока человек не приходит к концепции монотеизма: к утверждению существования майи как природы и некоего Существа, управляющего этой майей.

Здесь начинается *веданта*, в которой впервые формулируются монотеистические идеи. Однако философия веданты ищет дальнейших объяснений. Философы веданты говорят:

мысль о том, что за проявлениями майи стоит высшее Существо, майе неподвластное, влекущее нас к себе, а все мы послушны его зову, — все это прекрасно, но несколько туманно и расплывчато, хотя и не противоречит здравому смыслу. Христианский гимн, в котором поется: «Ближе, мой Бог, я к Тебе», — подошел бы и философу веданты; он изменил бы в нем одно только слово: «Ближе мой Бог ко мне». Он имел бы в виду представление о цели очень далекой, находящейся вне природы, влекущей нас к себе, о цели, которую необходимо постепенно приближать, не искажая и не принижая ее сути. Бог небес превращается в Бога в природе, а Бог в природе становится Богом, который есть природа, Бог, который есть природа, делается Богом в храме тела и, наконец, становится самим храмом, делается душой и человеком, — это последнее слово учения. Тот, кого мудрые искали повсюду, Он в наших сердцах, и голос, услышанный вами, говорил правду, но направление поиска было неверным. Идеал свободы верен, ошибочным было искать его вне человека. Приближайте этот идеал до тех пор, пока вы не обнаружите, что он все время находился в вас самих как Душа вашей собственной души. Свобода присуща вам, вашей натуре, и майя вас никогда не сковывала. У природы нет власти над вами. Вы, как напуганные дети, видели сны, будто природа душит вас. Цель в том, чтобы освободиться от страха: не только осмыслить его интеллектуально, но осознать страх, актуализировать его, осознать его с гораздо большей определенностью, чем мы осознаем мир. Тогда мы будем знать, что свободны. И тогда, только тогда, исчезнут все трудности, все недоумения сердца, станет ясным все, что было запутанным, развеются заблуждения, вызванные многообразием и природой, а майя из страшного безысходного сна, которым она сейчас кажется, превратится в нечто прекрасное. Эта земля перестанет быть тюрьмой, обоготворены будут и опасности, и трудности, и даже страдание, ибо мы увидим и их подлинную природу, мы увидим, что за ними, как и за всем остальным, таится Он, суть всего сущего, Он — единственная реальность.

АБСОЛЮТ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

Один из наиболее трудных для понимания вопросов недуалистической философии, вопрос, который снова и снова поднимается и будет вечно задаваться, заключается в следующем: каким образом Бесконечное, Абсолют, становится конечным?

Абсолют стал вселенной. Под вселенной имеется в виду не только материальный мир, но также и мир психический, и мир духовный, небеса и земли — все сущее. Вселенная находится в состоянии непрерывных изменений, одно из этих изменений носит название ума, другое — тела и так далее. Абсолют стал вселенной, пройдя через время, пространство и причинность. Это центральное положение адвайты, недуализма. Время, пространство и причинность подобны стеклу, сквозь которое виден Абсолют; увиденный сквозь нижнюю часть стекла, он предстает в виде вселенной. Нетрудно понять, что сам Абсолют вне времени, пространства, причинности. В отсутствие ума, мысли не может быть и представления о времени. Отсутствие внешних изменений исключает идею пространства. То, что мы называем движением и причинностью, не может наличествовать в условиях Единства. Эти положения следует твердо усвоить, ибо причинность появляется позднее, после, если можно так выразиться, деградации Абсолюта в феноменальный мир — до этого причинности нет. Наша воля, наши желания и прочее всегда появляются после этого. Я полагаю, что философия Шопенгауэра ошибочно толкует веданту, отводя в ней главенствующую роль воле.¹⁵⁷ Шопенгауэр волей подменяет сам Абсолют. Но Абсолют не

¹⁵⁷ А.Шопенгауэр (1788–1860), немецкий философ-идеалист. В идеалистической линии Упанишад А.Шопенгауэр находил подтверждение и параллели своему основному философскому принципу — мир являет собой представление. При этом он не считал эту теорию своим собственным открытием, называя ее «коренным положением философии Вед», хотя понимание Абсолюта у Шопенгауэра (воля) и в Упанишадах (чистое сознание) было различным. Слова А.Шопенгауэра — «во всем мире нет занятия столь возвышающего и столь благотворного, как изучение Оупнекхат (переводы Упанишад на латинский, с которыми он работал. — О.М.),

может быть представлен как воля, поскольку воля относится к явлениям изменчивым и феноменальным, а выше черты, проведенной над временем, пространством и причинностью, нет ни перемен, ни движения; и внешнее движение, и движение внутреннее, то есть мысль, начинаются под этой линией. По другую сторону линии воли быть не может, следовательно, воля не может быть причиной появления вселенной. Обращаясь к вещам, более близким нам, мы видим, что не все движения наших собственных тел являются выражением воли. Я переставил стул — это волевое движение, и воля проявила себя в мускульном усилии. Однако та же сила, при помощи которой я переставил стул, заставляет действовать мое сердце, легкие и т. д. без участия воли. Если здесь действует одна и та же сила, то волей она становится, только поднявшись на уровень сознания, именовать ее волей до того — ошибочно. Эта ошибка вносит много путаницы в философию Шопенгауэра.

Падает камень. Почему? — спрашиваем мы. Этот вопрос возникает из предположения, что без причины ничего не происходит. Я прошу вас уяснить это себе, ибо всякий раз, задавая вопрос о том, почему что-то происходит, мы исходим из уверенности, что всему должна быть причина или что было некое предшествовавшее событие, служившее причиной. Это — закон причинно-следственных связей. Он означает, что все во вселенной попеременно играет роль причины и следствия: причины определенных событий, которые последуют, есть следствия определенных событий, которые предшествовали. Закон причинности является необходимым условием нашего мышления. Мы считаем, что каждая частица во вселенной соотносится со всеми другими частицами. Велось много споров о том, как возникло это представление. В Европе существовала школа интуитивной философии, которая утверждала, что это представление естественно присуще человеку, другие философы утверждают, что в его основе лежит человеческий опыт, но окончательно вопрос так и не решен. Позднее мы узнаем точку зрения философов веданты на него. Но пока что нужно усвоить следующее: сам вопрос «почему?» предполагает, что все окружающее было предварено определенными явлениями и что определенные явления последуют в будущем. Второе предположение заключается в том, что во вселенной нет ничего независимого, что все подвержено воздействиям извне. Взаимозависимость есть закон всей вселенной. Но какую ошибку мы допускаем, задаваясь вопросом о причине Абсолюта! Ставя этот вопрос, мы должны предположить, что и Абсолют чем-то связан, что он от чего-то зависит, а это предположение низводит Абсолют до уровня вселенной.

Для Абсолюта нет ни времени, ни пространства, ни причинности, в нем все Едино. То, что свободно, не может иметь причины, иначе оно не будет свободно. Относительное не может быть свободным. Таким образом, мы приходим к выводу, что невозможна сама постановка вопроса о том, почему Бесконечное становится конечным, ибо вопрос содержит в себе внутреннее противоречие. Переходя от этих тонкостей к логике обыденной жизни, мы можем взглянуть на проблему с другой стороны, желая понять, каким образом Абсолютное стало относительным. Останется ли Абсолют Абсолютом, если мы найдем ответ на этот вопрос? Он должен будет стать относительным. Что такое знание в обычном нашем представлении? Мы знаем только то, что прошло через ограничения нашего ума, а что осталось за пределами ума, то не знание. Абсолют, ограниченный умом, уже не Абсолют, он стал конечным. Становится конечным все, что испытывает на себе ограничивающее воздействие ума. Отсюда следует, что и в самом понятии познания Абсолюта заложено внутреннее противоречие. Этот вопрос остается без ответа, поскольку, если бы ответ был дан, Абсолют перестал бы быть Абсолютом. Познанный Бог уже более не Бог, он обрел конечность, присущую каждому из нас. Он не может быть познан. Он вечно Непознаваемое.

Однако адвайта утверждает, что Бог нечто большее, чем познаваемое. Это положение чрезвычайно важно. Вы не должны разойтись по домам, унося с собой впечатление, будто Бог непознаваем в том смысле, как это понимают агностики. Вот, например, здесь стул, и

нам известно, что он собой представляет. Вопрос же о том, что находится за пределами мирового эфира, живут ли там люди или нет, возможно, и недоступен нашему знанию. В этом смысле Бог ни познаваем, ни непознаваем. Он нечто более высокое, чем познанное, поэтому мы и говорим, что Он ни познаваем, ни непознаваем. Мы не имеем в виду, что Он относится к числу явлений не познанных и непознаваемых. Бог нечто большее, чем познанное. Этот стул тоже познан, но Бог познан с куда большей интенсивностью, ибо и стул мы должны познать в Нем и через Него. Он является вечным Свидетелем всего познания. Мы познаем только в Нем и через Него. Он есть Суть нашего «Я», а мы с вами способны познавать только через наше «Я» и в нем. Следовательно, процесс познания возможен только в Брахмане и через Него. Стул можно познать только в Боге и через Бога. Значит, Бог значительно ближе к нам, чем этот стул, но в то же время Он неизмеримо выше. Он ни познаваем, ни непознаваем, но Он неизмеримо выше как знания, так и незнания. Он ваше «Я». «Кто жил бы хоть миг, кто дышал бы хоть миг в этой вселенной, не будь она наполнена Благословенным?». ¹⁵⁸ Ибо мы дышим в Нем и через Него, мы существуем в Нем и через Него. Речь не о том, что Он стоит неподалеку и заставляет бежать по жилам мою кровь. Речь о том, что Он Суть всего, Душа моей души. Нет никакой возможности сказать, будто вы Его знаете, это означало бы Его принижение до вашего уровня. Вы не можете выйти из собственного «Я» и потому не можете познать Его. Знание есть объективация. Например, мы проецируем множество вещей на нашу память, которая объективирует их. Моя память, все, что я видел и знаю, составляет часть моего ума. В моем уме хранятся образы и впечатления всего этого, и при моей попытке подумать о них, познать их первым шагом познания становится их проекция вовне. Но в отношении Бога это невозможно, Он есть Суть нашей души, и Его проецировать вовне мы не в состоянии.

Я хочу процитировать одну из самых глубоких мыслей веданты: «Он Суть твоей души, Он есть Истина, Он есть „Я“, а ты есть То, о Шветакету!». ¹⁵⁹ Иными словами — ты и есть Бог. Его невозможно описать по-другому, все попытки подобрать Ему определение, именуя Его отцом, братом или самым дорогим другом, являются попытками объективизации Бога, что исключается. Он есть вечный Субъект всего сущего. Субъект этого стула — я, я вижу стул; Бог же есть вечный Субъект моей души. Как можно объективировать Его, Суть наших душ, Реальность всего сущего? Поэтому я хочу повторить: Бог ни познаваем, ни непознаваем, Он неизмеримо выше и знания, и незнания. Он един с нами, а что едино с нами самими, не есть ни познаваемое, ни непознаваемое — как наше собственное «Я». Вы ведь не можете познать свое «Я», не можете вынести его во вне себя и хорошенько рассмотреть, сделать объектом исследования, поскольку вы есть и не можете отделить себя от себя. Нельзя говорить и о непознаваемости нашего собственного «Я», ибо самих себя мы знаем лучше всего. Это же центральная точка нашего познания. Вот в этом самом смысле Бог ни познаваем, ни непознаваем, Он неизмеримо выше и знания, и незнания, так как Он и представляет собой наше подлинное «Я».

Итак, вначале мы убедились в том, что постановка вопроса о причине, породившей Абсолют, является терминологическим противоречием. Затем мы обнаружили, что философия адвайты излагает идею Бога как Единства всего сущего, из чего вытекает, что объективация Бога невозможна, поскольку мы постоянно живем и действуем в Нем, независимо от того, знаем мы это или нет. Теперь перед нами встает вопрос: что такое время, пространство и причинность? Адвайта в переводе означает «недуализм»: двойственность не существует, все есть единство. Однако мы видим, что есть точка зрения, согласно которой Абсолют проявляет себя через множество, через завесу времени, пространства и причинности. В таком случае возникает все же нечто вроде двойственности: Абсолют и майя

¹⁵⁸ Пересказ Тайт, уп., II, 7, 1.

¹⁵⁹ Пересказ Чхан. уп., VI, 8-16.

— как время, пространство и причинность, взятые вместе. На первый взгляд эта двойственность выглядит весьма убедительной, но сторонник адвайты возражает — здесь нет двойственности. Для двойственности необходимо наличие двух совершенно независимых сущностей, которые не являются причинами друг друга. Прежде всего время, пространство и причинность нельзя назвать независимыми сущностями. Время есть сущность вполне зависимая, оно изменяется с изменениями в нашем уме: человеку может присниться, будто он прожил несколько лет, а в других случаях целые месяцы могут пролететь как одно мгновение. Время полностью зависимо от состояния человеческого ума. Кстати, иногда представление о времени исчезает вообще. Это же относится и к пространству, мы не можем знать, что такое пространство. Однако в том, что оно есть, невозможно сомневаться, оно есть, но не в отдельности от всего остального. И к причинности это тоже относится.

Характерной чертой времени, пространства и причинности является их неспособность к отдельному существованию. Попробуйте думать о пространстве вне цвета, границ или иных связей, просто об абстрактном пространстве. Вам это не удастся: пространство должно быть связано либо с двумя пределами, либо с тремя объектами. Оно должно быть связано с объектом, чтобы существовать. Точно так же невозможно представить себе абстрактное время, придется взять два события и соединить их в последовательном порядке. Время находится в зависимости от двух событий, как пространство — от внешних объектов. Причинность же неотделима от времени и от пространства. Итак, время, пространство и причинность характеризуются отсутствием самостоятельного существования. Это их типическая черта — существовать, как стул или стена, они не могут. У них нет подлинного существования, но нельзя и утверждать, будто они не существуют, ибо именно через них проявляет себя все сущее во вселенной. Таким образом, мы приходим к выводу, что, во-первых, сочетание времени, пространства и причинности не является ни существующим, ни несуществующим. Во-вторых, оно иногда вообще исчезает. Возьмем в качестве примера океанскую волну, которая, конечно же, состоит из той же воды, что и весь океан, но мы все же воспринимаем ее как волну, отличную от океана. В чем же отличие? В имени и форме, то есть в представлении и в форме. Но можем ли мы думать о волне-форме как о чем-то отдельном от океана? Понятно, нет. Она постоянно связана с идеей океана. Если волна уляжется, идея тут же исчезнет, но форма не была плодом фантазии. Пока существовала волна, существовала и ее форма, вы обязательно должны были ее видеть. Это — *майя*.

Но в таком случае можно сказать, что и вся вселенная есть своего рода форма; Абсолют — это океан, где мы с вами, все солнца и звезды и все прочее есть разного вида волны. А в чем различие между волнами? Только в форме, то есть во времени, пространстве и причинности, которые целиком зависят от волны. Они исчезают с исчезновением волны. Как только человек отбрасывает майю, они исчезают и для него. Он делается свободен. Борения идут ради того, чтобы избавиться от привязанности ко времени, пространству и причинности — вечным препятствиям на нашем пути. Что такое теория эволюции? Что есть два ее основных фактора? Мощный потенциал, стремящийся к выражению, и обстоятельства, которые его сдерживают, окружающая среда, не дающая ему выразиться. В борьбе с окружающей средой эта сила принимает все новые и новые формы для своего выражения. Амеба приобретает новую форму, которая помогает ей преодолеть часть препятствий, для преодоления вновь возникающих препятствий ей требуется еще новая форма, и так продолжается, пока она не станет человеком. Если довести эту идею до ее логического конца, следует предположить, что настанет время, когда сила, понудившая амебу стать человеком, преодолеет все природные препятствия и, таким образом, выйдет за пределы природы. Метафизически выраженная, эта идея будет выглядеть так: во всяком действии участвуют два компонента, субъект и объект, смысл же жизни в том, что субъект должен подчинить себе объект. Например, мне неприятно, что меня обругал какой-то человек. Я буду стремиться занять сильную позицию, которая позволит мне взять верх над обстоятельствами, чтобы брань больше не задевала меня. Мы все стремимся взять верх. Что

такое мораль? Старание усилить субъект, настроив его на Абсолют, чтобы конечная природа утратила власть над субъектом. Наша философия подводит нас к логическому выводу: поскольку природа конечна, должно настать время, когда человек возьмет верх над всей окружающей средой.

Но здесь необходимо уточнить еще одно обстоятельство. Откуда мы знаем, что природа конечна? Это можно установить только метафизическим путем. Природа есть бесконечное, введенное в границы. Ставшее, следовательно, конечным. А значит, должно настать время, когда мы сумеем целиком подчинить ее себе. Как же мы собираемся сделать это? Мы же явно не в силах подчинить себе *всю* объективную реальность. Это невозможно. Рыбка готова взлететь в воздух, спасаясь от врагов, преследующих ее в воде. Как она может это сделать? Отрастив крылья и превратившись в птицу. Рыба не изменяет ни воду, ни воздух, изменения в ней самой. Изменения всегда субъективны. Проследивая весь процесс эволюции, можно убедиться в том, что природа преодолевается путем изменений субъекта. Перенесите этот принцип на религию и на мораль, и вы обнаружите, что преодолеть зло можно только изменениями субъекта. Именно поэтому философия адвайты построена преимущественно на субъективной стороне человеческой натуры. Бессмысленно говорить о зле и о страданиях, ибо они не существуют вне нас. Если я недосыгаю для злости, я никогда не злюсь. Если я свободен от ненависти, я никогда не испытываю это чувство.

Таким образом, победа над природой достигается через субъективное, через процесс совершенствования субъекта. Я беру на себя смелость утверждать, что адвайта — единственная религия, которая в научном и моральном плане не только согласуется с результатами современных исследований, но даже опережает их, чем и привлекает к себе такое внимание ученых. Ученых больше не удовлетворяют старые дуалистические теории, они больше не отвечают запросам современной науки. Человек нуждается не только в вере, но и в интеллектуальной вере тоже. Сейчас, во второй половине XIX века, пора отказаться от представлений о том, что религия должна быть унаследована, что другая религия обязательно должна быть ересью, ибо это свидетельствует только о нашей слабости. Я не хочу сказать, что так относятся к другим религиям только в Индии, — это общее положение, и нигде оно не проявляется так явно, как на моей родине. В Индии адвайту не допускали в массы, ее называли «лесная философия», потому что первоначально проповедовавшие ее монахи часто удалялись в леса. Слава Богу, появился Будда, который понес эту религию в народ, и вся страна стала буддийской. А много позднее, когда атеисты и агностики снова погубили народ, выяснилось, что адвайта есть единственный путь, спасающий Индию от материализма.

Подобным образом адвайта дважды спасала Индию от материализма. До Будды материализм приобрел ужасающий размах,¹⁶⁰ причем это был не наш нынешний материализм, а чрезвычайно грубая форма его. В известном смысле я тоже материалист, поскольку верю в Единство сущего. Именно этот принцип провозглашают и материалисты, только они считают, что все объединено материей, а я считаю, что Богом. Материалисты признают, что материя есть основа и надежды, и религий. Я же утверждаю, что их основа — Брахман. Однако материализм, распространившийся в Индии до Будды, был куда более примитивен. Те материалисты учили: ешь, пей и радуйся жизни; нет ни Бога, ни души, ни небесного блаженства, религию выдумали жулики-жрецы. Их мораль была проста: живи, пока живется, ешь досыта, нет денег — бери в долг, не заплатишь — не надо. И вот такого рода материалистическая философия получила столь широкую популярность, что у нас ее и сегодня зовут «философией народа». Будда вынес веданту на свет, он приобщил к ней массы и спас Индию. Но через тысячу лет после его смерти ситуация повторилась. Дело в том, что в буддизм были обращены огромные массы людей, разные народы и племена, и с течением времени учение Будды выродилось, ибо новообращенные были в большинстве своем

¹⁶⁰ См. примеч. 155 к «Джняна-йоге».

людьми непросвещенными, невежественными. Буддизм не признает Бога, владыку вселенной, и массы понемногу стали возвращаться к своим богам, к своим чертям и призракам. Буддизм в Индии превратился в кашу, и снова взял верх материализм, который в высших слоях общества принял характер вседозволенности, а в народе выродился в набор суеверий. Но тут на сцену выступил Шанкарачарья, возродивший философию веданты. Он придал ей облик рационалистической философии. Если Упанишады часто туманны, если Будда подчеркивал моральный аспект веданты, то Шанкарачарья сделал упор на ее интеллектуальную сторону. Именно он разработал поразительно последовательную систему адвайты.

В Европе сегодня доминирует материализм. Можно только молиться о спасении души современных скептиков, которые не приемлют ничего, кроме рассудка. Спасение Европы — в рационалистической религии, а адвайта — недуализм. Единство, идея безличного Бога — единственная религия, способная привлечь людей интеллектуального склада. Когда религия оказывается на грани исчезновения, уступая место внерелигиозным взглядам, адвайта обнаруживает свою притягательную силу, и именно поэтому она распространяется сейчас в Европе и Америке.

Хочу добавить еще одно. Древние Упанишады — это высокая поэзия, они были написаны поэтами. Платон говорит, что через поэзию приходит к человеку вдохновение, и кажется, что древние *риши*, те, кому открылась Истина, могли рассказать о ней людям только стихами. Они не проповедовали, не философствовали, не сочиняли — музыка изливалась из их сердец. Будда был человеком великого, всем открытого сердца и беспредельного терпения, он сделал религию практичной и общедоступной. В Шанкарачарье мы видим интеллектуальную мощь, все высвечивающую ослепительным светом разума. Сегодня же нам всем нужно сочетание яркого солнца интеллекта с любовью и милосердием Будды. Это сочетание даст нам высочайшую философию. Наука и религия сойдутся вместе и пожмут друг другу руки. Поэзия и философия станут друзьями. Это будет религия будущего, и, если мы сумеем создать ее, можно не сомневаться, что она будет служить всем народам во все времена. Такая религия будет приемлема и для современной науки, ибо между ними много общего. Когда ученый говорит нам, что все в природе есть проявление единой энергии, не напоминает ли это Бога Упанишад: как огонь во вселенной проявляет себя в различных формах, так и Единая Душа проявляет себя в каждой душе, оставаясь в то же время чем-то неизмеримо большим? Разве вы не видите, в каком направлении идет наука? Индия шла от исследования ума, через метафизику и логику. Европа шла от исследования внешнего мира, но теперь приходит к тем же выводам, хотя и с другой стороны. Исследуя собственный ум, мы в конечном счете приходим к этому Единству, к Универсальному, к Внутренней душе сущего, к подлинной Сути и Реальности, к Вечно свободному, Вечно блаженному, Вечно живому. К этому же выводу приходит и наука, исследующая материальный мир, обнаруживая в нем то же Единство. Нынешняя наука утверждает, что все есть многообразие проявлений единой энергии, что она есть основа всего, что человечество развивается в направлении свободы. Зачем нужно человеку быть моральным? Да затем, что путь к свободе ведет через моральность, аморальность же ведет человека к подчинению.

Очень важной характеристикой адвайты является отсутствие исключительности. В этом ее величие, отвага, с которой адвайта проповедует: «Не тревожьте ничьей веры, даже веры тех, кто по невежеству своему обретает самую простую веру». Не тревожьте их веру, но помогайте всякому возвышаться в вере, всякому, всем людям. Это философия веры в Бога, который есть суть всего. Если речь идет о поиске универсальной религии, то такая религия не может быть составлена из разных компонентов, она должна быть сутью всех религий и допускать различные уровни религиозного развития.

Ясно, что ни одна другая религия не содержит в себе эту мысль, все они — части, равно устремленные к достижению целого. Адвайта на протяжении всей своей истории никогда не вступала в противоречия ни с одной другой индийской религиозной сектой. В мире достаточно дуалистических верований, и больше всего их, пожалуй, в Индии, поскольку

дуализм, естественно, привлекает к себе неразвитый ум, представляя собой убедительное, наглядное, обыденное истолкование вселенной. Но последователи адвайты не ссорятся с последователями дуалистических верований. Одни считают, что Бог находится вне вселенной, где-то на небесах, другие — что Он в душе человеческой и было бы кощунством искать Его вдалеке. Сама мысль об отторжении Бога от человека неприемлема для них, ибо Он нам ближе всего. Нет в человеческом языке слова для выражения этой близости, за исключением слова «единство». Последователя адвайты не удовлетворит ничто иное, точно так же, как последователь дуализма будет шокирован концепцией адвайты. Однако последователь адвайты знает, что не могут не существовать другие концепции, помимо его собственной, и он не ссорится с дуалистом, стоящим на верном пути. Тот может далеко пройти по нему, раз он испытывает потребность в таком объяснении мира, пусть, ибо все пути все равно ведут к одной и той же цели, известной последователю адвайты. В этом его отличие от дуалиста, который в силу своих убеждений обязан считать ошибочными все точки зрения, кроме своей. Дуалисты во всем мире, естественно, веруют в Личностного Бога, существо чисто атропоморфное, напоминающее могущественного властителя, которому нравятся одни и не нравятся другие. Он на собственный вкус выбирает людей или народы, которых осыпает благодеяниями, из-за чего дуалист приходит к выводу, что у Бога есть любимчики, и надеется попасть в их число. Эту идею можно обнаружить чуть ли не в каждой религии: мы народ, возлюбленный нашим Богом, и, только приобщившись к нашей вере, вы тоже можете рассчитывать на Его благоволение. Подчас узость мышления достигает утверждения о том, что на спасение души могут надеяться лишь люди, особо избранные для Божьей милости, остальным же не спастись, сколько бы они ни старались. Назовите мне дуалистическую религию, которая не была бы исключительной в той или иной мере. Следовательно, в силу самой своей природы дуалистические религии не могут не вступать в противоречия одна с другой, что мы и наблюдаем на всем протяжении истории. Дуалистические религии обеспечивают себе поддержку, вызывая к тщеславию невежественных людей, которых радует ощущение собственного избранничества. Дуалист полагает, что человек не способен на моральное поведение, если над ним не стоит Бог с розгой в руке, готовый покарать его. Массовое сознание бывает обычно дуалистическим, несчастные невежественные люди тысячелетиями преследовались в каждой стране, так что для них спасение души — это освобождение от страха перед карой. В Америке меня как-то спросил священник: «В вашей религии нет дьявола. Как это может быть?»

Однако величайшие люди мира были движимы этой высокой имперсональной концепцией.

Великий Человек заявил: «Я и Отец мой едины»,¹⁶¹ — и сила его духа увлекла за собой миллионы. Тысячи лет эта мысль рождает добро. Мы знаем, как был милосерден к людям этот Человек, свободный от дуалистических взглядов. Тем, кто был не в силах подняться выше концепции Личностного Бога, Он говорил: «Молитесь Отцу вашему на небесах». Другим, кто мог понять более сложные вещи, он говорил: «Я — лоза, а вы мои отростки». Своим же ученикам, перед которыми он мог раскрыться, он объявил наивысшую истину: «Я и Отец мой едины».

Не кто иной, как великий Будда, которого никогда не прельщали дуалистические боги, которого обзывали и атеистом, и материалистом, был готов расстаться со своим телом ради несчастной козы. Этот Человек заставил действовать самые высокие моральные принципы, известные человечеству. Любая моральная идея несет на себе отблеск света этого Человека. Нельзя загонять великие сердца в жесткие границы и удерживать их в этих границах, особенно когда наступает время в истории человечества, озаглавленное ранее небывалым интеллектуальным развитием, немислимимым даже сто лет назад, огромным подъемом научного знания, невозможным даже пятьдесят лет назад. Удерживая людей силой в жестких

¹⁶¹ Соотносится с Ин, 10, 30 («Я и Отец — одно»).

границах, мы принижаем их до животного уровня, превращаем в неразмышляющую массу. Мы убиваем их моральную жизнь. Сегодня нам необходимо сопряжение величайших сердец с высочайшей интеллектуальностью, безграничной любви с безграничным знанием. Последователь веданты не наделяет Бога иными качествами, кроме следующих трех — Он есть Бесконечное существование, Бесконечное знание и Бесконечное блаженство, которые в нем составляют Единство. Нет существования без знания и любви, не может быть знания без любви и любви без знания. Нам нужна гармония жизни, знания и счастья навеки. Вот в чем наша цель. Не одностороннее развитие, но гармоничность развития. А сочетание интеллекта Шанкарачарьи и сердца Будды возможно. Я надеюсь, мы все будем стремиться достичь этого благословенного сочетания.

БОГ ВО ВСЕМ

Мы знаем, что большая часть нашей жизни проходит во зле, сколько бы мы ни противились ему, и что масса зла практически безмерна. С начала времен человек старается изменить положение дел, но все остается, как было. Чем больше способов противодействия злу мы находим, тем глубже увязаем во все более изощренном зле. Мы знаем также, что все религии провозглашают Бога как единственное спасение. Все они учат, что если принимать мир таким, каков он есть, а это нам советует нынче большинство практичных людей, то ничего мы не увидим, кроме зла. Они учат, что есть иной мир, за пределами мира земного, что жизнь в материальном мире, воспринимаемом нашими чувствами, — это далеко не все, собственно говоря, это малая и несущественная часть жизни. А дальше — Бесконечное, где уже нет зла. Одни зовут его Богом, другие Аллахом, Иеговой, Юпитером и другими именами. Последователи веданты зовут его Брахманом.

Религиозные поучения сразу же наводят на мысль о том, что человеку лучше поскорее пройти свой жизненный путь: на вопрос, как же справиться со злом, ответ самоочевиден — перестать жить. Все это напоминает старую историю об услужливом друге, который, увидев комара на голове приятеля, так треснул его дубиной по голове, что тот упал замертво вместе с комаром. Очень похоже на то, как мы пытаемся одолеть зло. Жизнь полна бед, мир полон зла, этого не может отрицать ни один зрелый человек.

Но какой же выход предлагают религии? Они учат: этот мир — ничто, настоящий мир лежит за его пределами. Вот тут и возникает трудность. Исцеление предполагает полное уничтожение. Но возможно, выхода попросту нет? Философия веданты утверждает, что все религии указывают правильный путь, но указания эти должны быть правильно поняты. Их зачастую неверно трактуют из-за того, что в самих религиях не содержится четких высказываний об этом. По сути дела, нам нужно сопряжение ума с сердцем. Сердце — великая вещь, и сердцу мы обязаны многими вдохновениями. Я в тысячу раз охотней согласился бы иметь маленькое сердце и вовсе не иметь мозга, чем состоять из одного мозга без сердца. Жизнь и прогресс возможны лишь для человека с сердцем, мозг же без сердца иссыхает.

Но с другой стороны, хорошо известно, какие опасности подстерегают того, кто живет только сердцем. Нам нужно сопряжение сердца с умом. Я не хочу сказать, что нужно сдерживать веления сердца во имя ума или наоборот, нет, пусть каждый обладает большим чувством, но в то же время сильным рассудком. Да есть ли вообще предел нашим желаниям в этом мире? Разве не беспределен этот мир? Значит, найдется в нем место и большим чувствам, и сильной культуре, и уму. Их нет нужды ограничивать, они могут развиваться параллельно.

Большая часть религий согласна с этим положением, но, похоже, все они совершают одну и ту же ошибку — позволяют сердцу, чувствам взять верх. Мир полон зла — откажись от мира. Нет сомнения, великие слова. И единственно справедливые тоже — откажись от мира. Двух мнений быть не может: чтобы познать Истину, необходимо отказаться от ошибки. Каждый из нас должен отказаться от зла, чтобы творить добро, как каждый из нас

должен отказаться от того, что означает смерть, чтобы продолжать жизнь.

Но в таком случае — если мы откажемся от жизни чувств, единственно известной нам, то что же останется? А что другое можем мы называть жизнью? Что же останется, если мы откажемся от жизни?

Мы поймем эту проблему лучше, когда перейдем к философским разделам веданты. Пока же я хочу заявить, что только веданта предлагает рациональное решение. Я просто расскажу вам то, что веданта доказывает, а именно: божественность мира. По сути, в веданте нет отказа от мира. Хотя идеал отрешения в учении веданты предстает в наивысшей своей форме, он не предполагает сухого совета покончить счеты с жизнью: речь идет об обожествлении мира, об отказе от мира, каким он нам видится, и о познании его подлинной сущности. Обожествляйте мир, ибо он есть только Бог. В начале одной из древнейших Упанишад говорится: что ни есть в этой вселенной, все должно быть покрыто Богом.¹⁶²

Мы должны все покрыть не кем иным, как самим Богом, не ложным оптимизмом, не закрыванием глаз на зло, мы должны действительно во всем видеть Бога. Мы отказываемся от мира, и что же остается? Бог. Что это значит? Если у вас есть жена, то это не значит, что вы должны ее бросить, но вы должны научиться видеть Бога в собственной жене. Отказаться от детей — что это значит? Не выгнать их на улицу, как делают мерзавцы во всех странах, но прозреть Бога в ваших детях. Бог равным образом присутствует в жизни, и в смерти, и в счастье, и в страдании. Мир исполнен Бога. Откройте глаза, и вы Его увидите. Этому учит веданта. Откажитесь от мира, который вы себе вообразили, ибо все это построено на вашей пристрастности, на вашем скудном разумении, на ваших слабостях. Откажитесь от мира, о котором вы столько размышляли, от мира, за который вы так долго цеплялись, откажитесь, вы его сами выдумали. Откройте глаза, мир никогда не существовал в этом виде, вам все привиделось, это — *майя*. По-настоящему существовал только Бог. Он и в ребенке, и в жене, и в муже. Он и в хорошем, Он и в дурном, Он грех, и Он грешник, Он в жизни, и Он же в смерти.

Утверждение громадное, по сути! Но именно оно составляет смысл веданты, который она доказывает и проповедует. С этого утверждения начинается веданта.

Таким образом, мы избегаем опасностей жизни и существующего в ней зла. Не желайте ничего. Что делает нас несчастными? В желаниях корень всех наших страданий. Вы желаете чего-то, что вам не дается, и вы от этого страдаете. Если нет желания, нет и страдания. Существует, однако, опасность того, что я буду неверно понят вами, поэтому мне лучше объяснить, что я имею в виду, когда говорю об отказе от желаний и об освобождении от несчастий. Стены тоже ничего не желают, и страданий они не испытывают. Верно, но стены и не развиваются. Нет желаний и у стула, и он тоже никогда не страдает, но он так и останется стулом. Есть величие в счастье, но и в страдании есть величие. Если мне будет позволено, то я даже скажу, что и у зла есть своя польза. Мы все знаем, какие великие уроки преподносит страдание. Каждый из нас совершил в жизни множество поступков, которых лучше бы не совершать, но ведь мы и многому на них научились. Что касается лично меня, то я рад, что сделал кое-что доброе и много плохого, я рад, что иногда поступал правильно, и рад, что наделал много ошибок, ибо каждая была мне большим уроком. Я сегодняшний являю собой результат всего, что делал, всего, о чем думал. Всякий поступок и всякая мысль имели свое последствие, а сумма этих последствий и есть мое развитие.

Мы все понимаем, что желания плохи, но что это значит — отказаться от желаний? Как же тогда жить? Не самоубийствен ли этот путь — убить желания, а вместе с ними и человека? Нет, не в этом дело. Не в том, чтобы не обладать собственностью, не иметь того, что вам необходимо, или даже предметов роскоши. Владейте всем, чего желаете, и даже сверх того, но помните все время истину и живите ею. Богатство никому не принадлежит. Не поддавайтесь чувству собственности. Вы — никто, так же как я, как всякий другой. Всем

¹⁶² Пересказ Иша уп., 1.

владеет Бог, потому что в первом же стихе было сказано: придайте всему Бога. Бог и есть то богатство, которое радует вас, Он в нем. Бог и в тех желаниях, которые поднимаются в вас. Он в тех вещах, которые вы покупаете, удовлетворяя свои желания, он в вашей нарядной одежде, в ваших красивых украшениях. Таким должен быть образ ваших мыслей. И как только вы начнете все видеть в этом свете, все преобразится. Если Бог будет в каждом вашем движении, в ваших разговорах, в вашем облике, буквально во всем, сразу все изменится, и мир, который казался исполненным стенаний и страдания, сделается раем для вас.

Царство Божие внутри вас,¹⁶³ утверждал Иисус, и так же говорили все великие наставники, и то же сказано в веданте. Имеющий глаза да увидит, имеющий уши да услышит.¹⁶⁴ Веданта доказывает, что Истина, которую все время мы искали, все это время была в нас самих. Мы по невежеству полагали, будто утратили ее, пытались вновь обрести, ища, стенав и плача, но она хранилась в наших собственных сердцах. Только там она и может быть.

Если мы представим себе отказ от мира в его старом, упрощенном понимании, то неизбежно придем к заключению, что работать незачем, лучше сидеть сложа руки, ни о чем не думая, ничего не делая, а фаталистически подчиняясь воле судьбы, с покорностью следуя законам природы, плыть по воле волн. Но это совершенно не так. Необходимо трудиться. Что знает о сути труда обычный человек, гонящийся за удовлетворением выдуманных желаний? Что знает о сути труда тот, чья жизнь направляется восприятием чувственного мира? Знает труд лишь тот, кто отдается ему не ради удовлетворения желаний, не ради какой бы то ни было корысти. Тот знает труд, кто трудится без задней мысли, не рассчитывая попользоваться плодами своего труда.

Кто наслаждается произведением живописи — продавец или зритель? Продавец поглощен своими расчетами, прикидывает, что получит от продажи картины, какую прибыль извлечет. Он следит за молотком аукциониста, боясь упустить минуту, он вслушивается в называемые цены. Но человек, который пришел на аукцион без намерения покупать или продавать, по-настоящему наслаждается картиной. Он смотрит только на нее, в эту минуту она — вся его вселенная. Когда же человек начинает смотреть на вселенную как на картину, свободный от желаний и от намерений купить или продать, не тревожимый собственническими побуждениями, он наслаждается миром. Нет больше ростовщика, нет покупателя, нет продавца, есть только мир — прекрасная картина. Я никогда не сталкивался с концепцией Бога более прекрасной, чем эта: «Он есть великий Поэт, Поэт с древнейших времен, а вселенная — Его поэма, рифмы и ритмы которой передают блаженство Создавшего ее».¹⁶⁵ Лишь отказавшись от желаний, можем мы прочесть поэму и восхититься ею. Лишь тогда все становится божественным, даже те щели и углы, переходы и подземелья, которые казались нам мрачными и зловещими. Даже они обнаруживают свою подлинную природу, и мы с улыбкой взираем на себя, понимая, что детскостью были все наши жалобы и слезы, — теперь просто наблюдаем все со стороны.

Трудись, учит веданта и с самого начала поясняет, как нужно трудиться — через отрешение: через отрешение от видимого иллюзорного мира. Что это значит? Это значит, что трудиться нужно, во всем видя Бога. Трудитесь так. Стремитесь прожить сто лет, удовлетворяйте любые свои желания, но только вкладывая Бога в них, устремляя их к небу. Стремитесь прожить долгую жизнь, заполненную помощью другим, блаженством и активностью. Это и есть выход, который вам откроется. Другого выхода нет. Если человек

¹⁶³ Соотносится с Лк, 17, 21. В индуистской традиции Вивекананда усматривает параллели этой установке в теизме веданты.

¹⁶⁴ Соотносится с Мф, 11, 15 («Кто имеет уши слышать, да слышит!»).

¹⁶⁵ Источник цитирования не выявлен.

упивается радостями жизни, не понимая их истинной сути, он сбивается с пути, он не достигнет цели. Если человек проклинает мир, удаляется в леса, умерщвляет свою плоть, медленно убивает себя непрестанными постами, превращает свое сердце в иссушенную пустыню, становясь жестким, сухим и непреклонным, он тоже сбивается с пути. Обе крайности ошибочны, и любой из этих двух путей ведет мимо цели.

Трудитесь, учит веданта, во всем видя Бога, памятуя, что Он есть во всем. Трудитесь не покладая рук, относясь к жизни как к божеству, как к самому Богу, в уверенности, что это единственное, что требуется, и единственное, на что человек может надеяться. Бог во всем, куда нам идти в поисках Его? Он и без того в каждом нашем поступке, в каждой мысли, в каждом чувстве. Раз мы это знаем, мы должны трудиться, ничего иного нам не дано. Раз мы это знаем, мы не станем слепо тянуться за плодами труда. Мы уже поняли, что ложные желания становятся причиной всех страданий, которые нам приходится переживать, но желания обожествленные, очищенные, вобравшие в себя Бога не приносят ни зла, ни страданий. Кто этого не осознал, тому так и остается жить в демоническом мире до тех пор, пока не наступит прозрение. Многие не знают, какой неисчерпаемый источник блаженства находится в них самих, вокруг них и повсюду, они еще не обнаружили его. Откуда же демонический мир? Веданта дает ответ: из невежества.

Мы умираем от жажды на берегу полноводнейшей из рек. Мы умираем с голоду рядом с изобилием пищи. Вот она, вселенная, исполненная блаженства, но мы не можем найти ее. Мы в ней, мы все время в ней, но продолжаем искать ее. Религия должна бы открыть нам эту вселенную, стремление к которой вечно живет в наших сердцах. Она была целью поиска всех народов, единственной целью всех религий, идеалом, который нашел себе выражение на разных языках, в разных религиозных терминах. Только языковые различия заставляют нас думать, будто речь идет не об одном и том же идеале. Люди говорят на разных языках, но вкладывают, возможно, один и тот же смысл в различные слова.

Однако в этой связи возникает множество вопросов. На словах все проще. Меня с детства приучили к мысли о том, что Бог повсюду и во всем, что, осознав это, я буду по-настоящему счастлив в мире, но стоит мне столкнуться с этим миром и получить несколько затрещин от него, как мысль эта оставляет меня. Вот иду я по улице, размышляя о том, что в каждом прохожем — Бог, а тут меня кто-то сильно толкает, и я растягиваюсь во весь рост. Мысли о высоком немедленно покидают меня, я вскакиваю, сжимаю кулаки, кровь моя кипит, я безумен, все позабыто, я не вижу Бога, я столкнулся с дьяволом. Нас с рождения приучают видеть Бога во всем. Этому учит каждая религия, вы же помните, как говорит об этом Христос в Новом Завете. Мы все знаем, что это так, но стоит нам попытаться воплотить наше знание в практику, как начинаются трудности. Вы, конечно, помните басню Эзопа: олень любит свое отражение в воде и говорит другому: смотри, как я силен и прекрасен, какие у меня рога, какие мускулистые ноги, которые умеют так быстро бегать! Но, услышав собачий лай в отдалении, олень бросается бежать. Когда он возвращается запыхавшийся, другой олень спрашивает: ты ведь хвастался силой, так отчего же ты бросился бежать при звуках собачьего лая? В том-то и дело, сын мой, отвечал олень, что эти звуки лишают меня уверенности.

Так происходит и с каждым из нас, мы чувствуем в себе силу и отвагу, мы принимаем большие решения, но, как только залают псы испытаний и соблазнов, мы ведем себя, как олень из басни. Но в таком случае какая польза от того, что мы пытаемся все понять? Польза в том, что настойчивость в конечном счете приведет к победе. Ничего нельзя достичь в один день.

«Сначала о Душе нужно слышать, потом нужно думать о ней, потом сосредоточиться на ней всеми помыслами».¹⁶⁶ Небо всем видно, каждый червяк, ползающий по земле, видит его синеву, но как оно отдалено! Это же можно сказать об идеале. Он очень отдален, без

¹⁶⁶ Пересказ Брх. уп., II, 4, 6.

сомнения, но мы должны к нему стремиться. Мы должны стремиться даже к высочайшему идеалу. К прискорбию, большая часть людей бредет вслепую через мрак жизни, не имея никакого идеала. Если человек, имеющий идеал, совершает тысячу ошибок, то я уверен, что тот, кто его не имеет, совершает их пятьдесят тысяч, так что лучше иметь идеал перед собой. Мы должны слышать зов идеала как можно чаще, пока идеал не станет частью нашего сердца, нашего мозга, не войдет в наш кровоток, не просочится во все поры нашего тела. Мы должны сделать его объектом медитации. «От полноты сердца глаголет язык»,¹⁶⁷ и от полноты же сердца трудится рука.

Нами движет сила нашей мысли. Заполните ум мыслями о высоком, день из дня прислушивайтесь к этим мыслям, думайте о высоком месяц за месяцем. Не обращайтесь внимания на срывы, они естественны, в наших срывах прелесть жизни. Чем был бы мир без человеческих слабостей? Не стоило бы жить на свете, если бы в жизни не было борений. Откуда взялась бы поэзия жизни без них? Не огорчайтесь из-за борений, из-за ошибок. Я никогда не слышал, чтобы корова врала, но на то она корова, а не человек. Не обращайтесь внимания на срывы, на возвраты к прошлому, тысячу раз снова устремляйтесь к идеалу и, если вы тысячу раз сорветесь, устремляйтесь к нему в тысячу первый раз. Идеал заключается в умении видеть Бога во всем. Не можете увидеть Его во всем, увидьте в чем-то одном, в том, что вам дороже всего, а потом постарайтесь увидеть Его в чем-то еще. Жизнь духа бесконечна. Не спешите, и вы достигнете цели.

«Он, кто движется быстрее ума, кого не догнать мысли, кто и для богов недостижим, и для мысли неуловим, Его движением движется все сущее. Все — в Нем. Он — движение. И неподвижность тоже Он. Он близок, и Он далек. Он во всем. Он вне всего, все соединяя в себе. Тот, кто видит во всем живом Атман и все в Атмане, никогда не удален от Атмана. Когда вся жизнь и вся вселенная увидены в Атмане, только тогда человеку открылась тайна. Нет для него более заблуждений. И где теперь страдание для того, кто увидел Единство во вселенной?»¹⁶⁸

Это еще одна великая тема веданты — Единство жизни и Единство во всем. Сейчас мы убедимся в том, что невежество есть причина всех наших страданий, что из невежества вытекает наше представление о многообразии мира, об отдельности людей, народов, Земли и Луны, Луны и Солнца. Из представления об отдельности каждого атома все наши беды. Но веданта учит, что не существует этой разделенности, она нереальна. Она нам только кажется существующей, она только на поверхности вещей, сердцевина же их — Соединенность. Углубившись, вы обнаружите Соединенность людей, рас, высоких и низких, богатых и бедных, богов и людей, людей и животных. При достаточном углублении все предстает, как вариации Единства, и понявший это освобождается от заблуждений. Что может ввести его в заблуждение? Он знает реальность всего, он знает тайну всего. Что может заставить его страдать? Что он может желать? Он исследовал реальность всего сущего, пока не пришел к Богу, к Центру, к Единству, а это — Вечная жизнь, Вечное знание, Вечное блаженство. Нет здесь ни смерти, ни болезней, ни скорби, ни страдания, ни неудовлетворенности. Здесь все — Совершенное единство и Совершенное блаженство. Кого же оплакивать познавшему это человеку? В Реальности нет смерти, нет страдания, в Реальности некого оплакивать, не о ком сожалеть. Он во всем, Чистый, Формы не имеющий, Телом не обладающий, Незапятанный. Он владеет Знанием, Он великий Поэт, Он Самосуший, Тот, кто каждому воздает по заслугам. Бродят во тьме те, кто поклоняется невежественному миру, невежеством же порожденному, считая его Жизнью, равно как и другие, чья тьма еще непроглядней, ибо, живя в этом мире, так и не находят они ничего лучшего или более возвышенного, чем Он. Человек, познавший тайну природы, прозревший при помощи природы то, что за ее

¹⁶⁷ Соотносится с Мф, 12, 34 («...от избытка сердца говорят уста»).

¹⁶⁸ Пересказ Иша уп., 4–6.

пределами, минует смерть и достигает Вечного блаженства. «О солнце, золотым своим диском закрывающее Истину, удали помеху, дай мне увидеть Истину, таящуюся в тебе. Я познал Истину, таящуюся в тебе, я понял подлинный смысл твоих лучей и твоего сияния, я увидел То, чем ты сияешь, — Истину в тебе я вижу, То, что в тебе, есть и во мне, я есмь То».¹⁶⁹

ОСОЗНАНИЕ

Я буду читать вам одну из Упанишад, она называется Катха упанишада. Возможно, некоторые знакомы с ее английским переводом, выполненным сэром Эдвином Арнольдом под названием «Тайна смерти». В предыдущей лекции речь шла о том, как попытки понять происхождение вселенной потерпели неудачу при опоре на факты внешнего мира и внимание было перенесено на мир внутренний. Книга психологически исходит из этого предположения и рассматривает внутреннюю природу человека. Сначала возник вопрос: кто создал внешний мир, откуда он взялся? Теперь возникает вопрос: что в человеке заставляет его жить и действовать и куда это девается, когда человек умирает? Философы, искавшие ответ на первый вопрос, изучали материальный мир, пытались через него выйти к первооснове. В лучшем случае они приходили к выводу о существовании личности, управлявшей вселенной; по сути дела, о человеке, хотя и безмерно увеличенном. Однако этот вывод может быть частичным приближением к Истине, всей Истиной он быть не может. Мы воспринимаем вселенную с человеческой точки зрения, поэтому наш Бог есть человеческое истолкование мира.

Вообразим, что у коров есть религия и они способны к философскому осмыслению мира; в этом случае, они создадут коровью концепцию вселенной, а нашего Бога воспринять не смогут. Кот, ставший философом, представит себе вселенную по-кошачьи, во главе которой поставит кота же. Отсюда явствует, что наше объяснение вселенной не является абсолютным. Наша концепция всю вселенную не охватывает. Хотя человек склонен считать именно так, было бы колоссальной ошибкой занимать эту крайне эгоцентрическую позицию. Концепция вселенной, построенная на фактах внешнего мира, не может избавиться от существенной погрешности, это картина нашего представления о вселенной, наш собственный взгляд на Реальность. Реальность не может быть воспринята нашими органами чувств, мы не в силах понять ее. Нам известна только вселенная, доступная восприятию существ с пятью органами чувств. Если предположить, что у нас может развиться шестое чувство, то вся вселенная должна предстать перед нами иной. Допустим, что у нас разовьется чувство магнетизма; возможно, тогда мы обнаружим миллионы и миллионы взаимодействий, о которых и не подозреваем сейчас и которые сейчас неощутимы. Наши восприятия ограничены, весьма ограничены; то, что мы именуем вселенной, существует в рамках этих ограничений; наш Бог — способ объяснить вселенную, но едва ли это объяснение можно считать полным. И человек не в состоянии остановиться на нем. Человек есть мыслящее существо, поэтому он стремится к отысканию объяснения для всех вселенных. Он стремится увидеть мир, который одновременно является миром людей, богов, прочих существ, и создать концепцию, которая включала бы в себя все явления.

Прежде всего требуется найти вселенную, которая включала бы в себя все вселенные, тот материал, который соединяет различные уровни существования, неважно, воспринимаются ли они органами чувств или нет. Если окажется возможным обнаружить нечто, являющееся общим качеством как самых низких, так и самых высоких уровней существования, то наша проблема будет решена. Проблема будет близка к разрешению, даже если мы в силу чистой логики придем к заключению о неизбежности наличия единой основы всех форм жизни; однако к этому заключению нельзя прийти только через факты видимого и

¹⁶⁹ Пересказ Иша уп., 15–16.

знаемого нами мира, поскольку они есть лишь часть целого.

Мы можем рассчитывать лишь на более глубинное проникновение в суть вещей. Мыслители древности уже замечали, что с отдалением от центра все заметней становятся различия, с приближением же к центру заметней единство сущего. Чем ближе мы стоим к центру окружности, тем ближе мы к месту сопряжения всех радиусов, а чем дальше, тем больше расстояние между радиальными линиями. Внешний мир весьма отдален от центра, здесь места соприкосновения различных уровней существования отсутствуют. Внешний мир в лучшем случае является частью целого, наряду с другими частями — ментальной, моральной, интеллектуальной, которые представляют собой различные уровни существования. Понятно, что невозможно найти решение для целого, используя лишь одну часть. Следовательно, нам предстоит в первую очередь отыскать тот центр, из которого как бы исходят все уровни существования, и, находясь в центре, строить общую концепцию всего. Такова идея. Но где же центр? Он внутри нас. Мудрецы древности шли все глубже и глубже, пока не обнаружили центр всей вселенной в самой глубине человеческой души. Все уровни существования стягиваются к этой точке, к точке соприкосновения, находясь в которой единственно только и можно найти общее для всего. Значит, вопрос о том, кто создал этот мир, не слишком философичен, а концепция мирозидания ничего особенного собой не представляет.

В Катха упанишаде это изложено чрезвычайно метафорическим языком.¹⁷⁰ Жил-был в старину очень богатый человек, который однажды затеял жертвоприношение, требовавшее всего его достояния. Человек этот не был искренен в своих помыслах, ему хотелось приобрести репутацию, но жертвовать он собирался лишь тем, в чем не было ему нужды, — старыми, бесплодными, хромыми коровами. И был у него мальчик по имени Начикета. Сын скоро понял, что отец кривит душой, что, по сути, отец не соблюдает обет, но как сказать об этом отцу, он не знал. В Индии дети считают родителей чуть ли не богами. Но все же сын решился и почтительно спросил отца: «Отец, кому вы намерены принести в жертву меня, ибо вы собирались пожертвовать всем своим достоянием?» «Что за вопрос, сын! — воскликнул раздосадованный отец. — Как может отец принести в жертву собственного ребенка!» Однако сын продолжал задавать отцу этот вопрос, пока тот сгоряча не ответил: «Яме, богу смерти, я тебя отдам!»

Дальше рассказывается о том, как Начикета отправился к богу смерти. Яма был первым человеком, который познал смерть. Он попал на небо и сделался старшим над душами предков: все добрые люди после смерти оказываются в царстве Ямы и долго там живут. Яма — святая душа, исполненная чистоты и доброты, как явствует из его имени.

Итак, отправился Начикета к Яме. Но даже богов не всегда застанешь дома, поэтому пришлось Начикете три дня прождать его. На исходе третьего дня Яма возвратился. «О ученый юноша! — воскликнул он. — Ты мой почетный гость, а тебе пришлось три дня прождать меня, не евши. Прими мои извинения, о брахмин, а в возмещение ожидания я дарую тебе три желания — по одному за каждый день!» «Первое желание, — начал юноша, — заключается в том, чтобы не сердился на меня мой отец, чтобы он узнал меня и встретил с радостью, когда ты позволишь мне к нему вернуться!»

Яма согласно кивнул.

Второе желание Начикеты касалось сведений об определенном жертвоприношении, благодаря которому человек мог попасть на небеса. Мы уже видели, что древнейшая идея загробной жизни¹⁷¹ — она изложена в *самхитах* — связана с небесами, где люди получают светящиеся тела и живут вместе со своими предками. Постепенно стали появляться и другие идеи, но примерно такого же порядка. Жизнь небесная не столь уж отличалась от земной, ее

¹⁷⁰ Здесь и далее пересказ Катха уп., I.

¹⁷¹ См. примеч. 141 к «Джняна-йоге».

можно было уподобить жизни здорового, обеспеченного человека, который может себе позволить множество удовольствий и которого не терзают недуги. Все тот же самый материальный мир, может быть в несколько улучшенном варианте. Мы уже видели, как трудно объяснить мироздание при помощи фактов внешнего мира — не менее трудно это сделать и при помощи небес. Раз этот мир не дает объяснения, объяснения не даст никакое его умножение, ибо следует всегда помнить, что материя составляет лишь ничтожную часть природы. Большая часть явлений, наблюдаемых нами, по сути, не есть материя. Например, какую огромную роль в каждую минуту нашей жизни играют мысли и чувства, намного большую, нежели материальные явления вне нас! Как колоссальны этот внутренний мир и его могучая деятельность! Чувственные явления ничтожны по сравнению с ним. Не поможет и перенесение их на небеса, поскольку и там единственными способами восприятия остаются осязание, вкус, зрение и прочее. Но все же второе желание Начикеты касается жертвоприношения, благодаря которому человек может оказаться на небесах. В Ведах заключена мысль о том, что определенные жертвоприношения, угодные богам, помещают человека на небо.

Изучение религий показывает, что все древнее становится священным. Например, в далекие времена наши предки в Индии писали на березовой коре,¹⁷² а позднее научились изготавливать бумагу. Тем не менее рукописи на коре считаются наделенными особой святостью. Когда появилась улучшенная посуда для приготовления пищи, старая посуда сделалась священной. Нигде в мире мысль о святости всего, что относится к древности, не проявляется так сильно, как в Индии. Здесь все еще используются модели десяти тысячелетней давности, как, например, добывание огня трением. Другие методы не считаются приемлемыми при проведении жертвоприношения. Это относится и к другим племенам азиатских ариев. Их потомки по сей день предпочитают добывать огонь от молнии, показывая, что некогда он был добыт именно этим путем. Даже приобретая новые навыки, эти народы не отказываются от старых, которые приобретают ауру святости. В древности евреи использовали пергамент для письма. Теперь они пишут на бумаге, но пергамент считается священным. Собственно говоря, любой обряд, который считается священным сегодня, есть просто старинный обычай, это касается и ведических жертвоприношений. С течением времени менялся образ жизни, развивались представления о мире, но старые формы тоже сохранялись, приобретая священный смысл.

Постепенно образовалась группа людей, которые взяли на себя выполнение жертвоприношений. Священнослужители спекулировали на выполнении обрядов, и обряды стали для них смыслом жизни. Запах жертвоприношений считался угодным богам, они собирались, чтобы вдыхать его, и появилось представление о том, что при помощи жертвоприношений можно добиться всего на свете. Боги исполняют любую просьбу при условии соответствующих приношений, пения соответствующих гимнов, воздвижения алтаря в соответствующей форме. Вот поэтому Начикета и спрашивает: в какой форме должно быть совершено жертвоприношение, чтобы человек оказался на небесах? И второе желание было с охотой исполнено Ямой, который даже пообещал, что отныне это жертвоприношение будет носить имя Начикеты.

Тут приходит время для третьего желания, и здесь, собственно, начинается Упанишада. Начикета говорит: «Когда умирает человек, одни утверждают, что он есть, иные — что человека больше нет. Я желал бы это понять».

Однако Яма пугается вопроса. Он охотно исполнил два предшествующих желания, теперь же он уходит от ответа. «В древние времена, — говорит Яма, — и боги ломали себе голову над этим вопросом. Это материя тонкая, которую нелегко понять. Избери себе другое желание, о Начикета, уволь меня от ответа на этот вопрос».

¹⁷² Березовая кора употреблялась для изготовления бумаги, одежды отшельников, считалась особо священной. Береза (барч, или бхарадж) росла на севере страны, в предгорьях Гималаев.

Но юноша не отступает. «Сказанное тобой справедливо, бог Смерти, — это материя тонкая, и даже богам трудно разобраться в ней. Но нет никого, кроме тебя, кому я могу задать этот вопрос, как нет и желания, равного желанию получить на него ответ».

Смерть отвечает: «Проси у меня сыновей и внуков, которые проживут по сто лет, проси скот, золото, слонов и коней. Проси империю, которой ты будешь править, сколько пожелаешь. Я исполню любое желание, богатство ли это или долголетие. Я сделаю тебя правителем мира, о Начикета, я дам тебе все, о чем может мечтать человек, небожители будут служить тебе, но только, Начикета, не спрашивай о том, что бывает после смерти!»

Начикета возражает: «Все это бrenно, о Смерть, и наслаждения влекут за собой пресыщение. Даже самая долгая жизнь очень коротка. Оставь себе коней и колесницы, музыку и танцы. Человек не в силах удовлетвориться богатством, ибо разве он способен сохранить его, встретившись с тобой? Мы живем лишь столько, сколько пожелаешь ты. Нет у меня иного желания, чем то, которое я просил тебя исполнить».

Яме понравились слова Начикеты, и он сказал: «Совершенство — это одно, а наслаждение — совсем другое, различны их цели, и по-разному влекут они к себе человека. Избравший стремление к совершенству становится чист, избравший наслаждение утрачивает свою подлинную натуру. И стремление к совершенству, и стремление к наслаждению влекут человека, но мудрец, всмотревшись в них, делает между ними различие. Он избирает совершенство, ибо оно выше наслаждения. Глупец же потакает своему телу, предпочитая наслаждения всему другому. Ты же, о Начикета, мудро отверг все то, что обладает внешней привлекательностью».

И Смерть начинает учить Начикету.

Мы видим здесь весьма тщательно разработанную концепцию отказа от желаний, концепцию ведической морали: пока не будет побеждена страсть к наслаждениям, свет Истины не воссияет. Пока бrenные желания органов наших чувств влекут нас ежеминутно наружу, делая нас рабами внешнего мира — цветового пятна, вкусовых ощущений, прикосновений, — сколько бы мы ни притворялись, Истина не может проявить себя в наших сердцах.

Яма сказал: «Высшая истина никогда не явится бездумному дитяти, обманутому мишурой богатства. Он полагает, что этот мир реален, иной же — нет. Говоря так, он снова и снова оказывается в моей власти. Понять эту истину очень трудно. Многие, даже слыша о ней постоянно, все равно ее не понимают, ибо уж очень многое требуется и от говорящего, и от слушающего. Учитель и ученик — оба должны быть замечательны. Ум не должен быть обременен бесплодными аргументами, ибо дело более не в логике, но в фактах».

Мы привыкли к мысли о том, что любая религия предполагает веру в человеке. Нас и приучали к слепой вере. Конечно, концепция слепой веры может вызвать возражения, однако, анализируя ее, мы за ней обнаруживаем и великую истину. Истина как раз в том, что сейчас говорится: ум не должен быть обременен бесплодными аргументами, поскольку они не помогут человеку познать Бога. Дело не в логических построениях, дело в фактах. Все логические построения имеют своей основой некие восприятия, вне их нет и логики. Логика есть метод сопоставления определенных, уже нами воспринятых фактов. Раз это справедливо в отношении явлений внешнего мира, то почему не будет это справедливо в отношении мира внутреннего? Химик оперирует определенными веществами и получает определенные результаты. Это факт зримый, ощутимый, пригодный для того, чтобы стать основой научных доказательств. То же можно сказать о физике, да и о представителе любой другой науки. Все знание строится на основе восприятия определенных фактов, на которых базируются и логические заключения. Любопытно отметить, что люди, как правило, полагают, особенно в наши дни, будто в религии восприятия невозможны, будто религию можно познать только при помощи умозаключений. Но именно поэтому мы не должны обременять ум бесплодными аргументами. Религия основывается не на словесах, а на фактах. От нас требуется заглянуть в собственную душу и посмотреть, что в ней содержится, понять содержание и осознать понятое. Это и есть религия. Слова здесь ни при чем. Невозможно

логически доказать ни существование, ни несуществование Бога, ибо логически можно доказать и это, и обратное. Но если Бог есть, то он должен быть в наших сердцах. Вы Его видели? Еще не закончен спор о том, реален ли мир, в котором мы живем, — дебатам между идеалистами и реалистами не предвидится конца. И все же мы знаем, что мир существует и живет своим чередом. Меняется только смысл слов, не факты. В религии тоже есть определенные факты, которые должны быть восприняты — как в науке о внешнем мире — и стать основой для религиозных построений. Несомненно, экстремальное требование веровать в каждую религиозную догму унижает человеческий ум. Тот, кто требует такой веры, унижает этим себя, уже не говоря о том, кого заставляет так веровать. Учители мира имеют лишь право поведать нам о том, какие факты открылись им при анализе их внутреннего мира, мы же, если проделаем то же, уверуем в эти факты, но не ранее того. Вот это и все, что есть религия. Однако не следует никогда забывать, что девяносто девять процентов тех, кто выступает против религии, ни разу не проанализировали свой внутренний мир, не приложили усилий к постижению фактов. Поэтому их аргументация против религии может быть принята во внимание не более, чем заявление слепца, выкрикивающего, что только дураки верят, будто существует солнце!

Великая идея, которую необходимо усвоить навсегда, — это идея осознания. Противоречия, различия и споры между различными религиями утратят значение, только когда мы осознаем, что религия — не в книгах и не в храмах. Она есть непосредственное восприятие. Религиозен только человек, который непосредственно воспринял Бога и душу. По сути, еkkлeзиастический гигант, способный наговорить целые тома, не отличается ничем от самого невежественного материалиста. Мы все атеисты, давайте сознаемся в этом. И интеллектуальное признание не делает нас религиозными. Возьмите христианина, мусульманина или любого иного верующего. Любой, кто действительно осознал истину Нагорной проповеди, станет совершенен, он сразу станет Богом. Однако считается, что на свете есть много миллионов христиан. Значит это только одно: возможно, настанет час, и человечество постарается осознать Нагорную проповедь. Едва ли одного из двадцати миллионов можно назвать истинным христианином.

Считается, что в Индии триста миллионов последователей *веданты*.

Но если отыщется один на тысячу, кто осознал подлинный смысл религии, то мир скоро значительно переменится. Мы все атеисты, но мы набрасываемся на человека, который открыто признает себя таковым. Мы все во тьме, религия для нас — это интеллектуальное признание, это пустые словеса, это ничто. Мы зачастую называем религиозным того, кто умеет гладко говорить. Но это не религия. «Удивительные способы сочленения слов, способности к риторике, умение многообразно толковать тексты из книг — это не религия, а наслаждение утонченного ума».¹⁷³ Религия начинается с непосредственного восприятия в человеческой душе. Это — заря религии, и только она делает нас моральными существами. Пока что мы не более моральны, чем животные, нас ведь сдерживает только страх перед общественным кнутом. Если общество сегодня заявило бы: воруйте безнаказанно! — мы так и бросились бы на чужое добро. Моральными существами нас делает полиция. Моральными существами нас делает общественное мнение, по сути же, мы ненамного лучше животных. В глубине души мы это прекрасно понимаем, поэтому незачем лицемерить. Давайте признаемся в том, что мы не религиозны и не имеем права осуждать за это других. Все мы братья, а моральными существами становимся, только непосредственно восприняв религию.

Если вы побывали в чужой стране, а кто-то принуждает вас заявить, будто вы ее никогда не видели, вы все равно в глубине души знаете, что это не так. Если для вас религия и Бог реальнее, чем внешний мир, ничто не может поколебать вашу веру. В этом случае вера ваша — подлинная. Именно такая вера подразумевается в Священном писании, когда там

¹⁷³ См.: Шанкара, ВЧ, 58.

говорится: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно».¹⁷⁴ Вы знаете Истину, ибо вы сами стали Истиной.

Вот это и есть ключ к веданте, не разговоры о религии, но ее непосредственное восприятие. Однако дается оно с большим трудом. Он скрыл Себя в атоме, Тот изначальный, кто обитает в потаенности каждого сердца. Мудрецы осознали Его присутствие, сосредоточившись на своем внутреннем мире, и вышли за пределы радости и горя, за пределы того, что мы именуем добродетелью и пороком, за пределы добрых и дурных деяний, за пределы существования и несуществования, ибо узревший Его узрел Реальность. Ну, а как же все-таки с небесами? Это мечта о счастье, освобожденном от несчастья. Желание испытать все радости жизни без жизненных горестей. Без сомнения, прекрасная мечта, она так естественно входит в душу, но это невозможно, ибо не существует ни абсолютное добро, ни абсолютное зло.

Все, конечно, слышали историю про богатого римлянина, который в один прекрасный день обнаружил, что от его имущества осталось то, что можно было бы оценить в миллион фунтов стерлингов. Что же я буду завтра делать? — воскликнул он и покончил жизнь самоубийством. Для него миллион означал нищету. Что есть радость и что есть горе? Нечто исчезающее, постоянно исчезающее. В детстве я мечтал стать кучером и думал, что погонять лошадь и есть самое большое счастье в жизни. Теперь я так не думаю. За какое же счастье нужно цепляться? Вот что следует постараться усвоить, вот предрассудок, от которого труднее всего избавиться. У каждого свое представление о счастье. Я знал человека, который не мог чувствовать себя счастливым без опиума. Для него, должно быть, небеса были сотворены из опиума. Мне же в таких небесах было бы тошно пребывать. В арабской поэзии мы постоянно находим описание небес как райских садов, через которые текут прозрачные реки. А я провел большую часть жизни в стране, где чересчур много воды, где каждый год наводнения затапливают деревни и уносят тысячи жизней. В моих небесах не будет полноводных рек, скорее они будут местом, где почти не бывает дождей. Наше представление об удовольствиях тоже постоянно меняется. Юноша мечтает о небесах, населенных прекрасными женщинами. В старости ему уже не хочется думать о женщинах.

Мы возводим свои небеса из наших потребностей, и небеса меняют свой облик по мере того, как меняются наши потребности. Не было бы никакого прогресса, живи мы в раю, созданном любителями чувственных удовольствий. Этот рай был бы самым ужасным проклятием для человеческой души. Неужели смысл человеческой жизни в том, чтобы немного поплакать, немного поплясать, а потом сдохнуть, как собака! Какие ужасы обещает человечеству неумеренное стремление к радостям жизни — стремление к радостям жизни без понимания того, что они на самом деле есть. Философия требует не отказа от радостей жизни, но понимания того, что есть подлинная радость. Норвежские небеса — это громадное поле битвы, где все обитатели усаживаются перед Одином, где сначала идет охота на кабана, потом сражение, яростное и кровопролитное.¹⁷⁵ Однако сражение заканчивается, раны закрываются и воины отправляются в зал, в котором уже приготовлен зажаренный кабан, и начинается пиршество. А затем съеденный кабан вновь принимает свою форму, готовый к тому, что назавтра опять начнется охота на него. Эта райская жизнь ничем не хуже той, которую себе воображаем мы, может быть, наша только чуть менее груба. Мы тоже стремимся к охоте на кабана, мы хотим получить нескончаемое удовольствие — как норвежцы, которые мечтали о том, чтобы убитый и съеденный кабан воскресал на другое утро.

¹⁷⁴ См.: Мф, 17, 20.

¹⁷⁵ *Один* (древнегерм.: Вотан) в мифологии древних скандинавов — бог ветра и бурь, верховное божество. Почитался викингами как бог войны, покровитель торговли, мореплавания. Он правил силой оружия, от викингов требовалось быть мужественными воинами и всегда быть готовыми к смерти на поле битвы.

Однако философы утверждают, что существует абсолютная радость — неисчерпаемая и неизменная. Она не связана с земными удовольствиями, но все же веданта показывает, что все, доставляющее нам радость, есть частичка той высшей радости, ибо иной просто нет. По сути дела, мы ежесекундно вкушаем абсолютное блаженство, но в замутненном, недопонятом, окарикатуренном виде. Всякое проявление блаженства, радости, пусть даже это будет радость вора по поводу удачной кражи, и есть проявление высшего блаженства, но искаженное условиями внешнего мира и не понимаемое нами. Понять блаженство мы можем путем отрицания, тогда и обнаружится его позитивная сторона. Мы должны отбросить невежество, отбросить все, что фальшиво, и Истина начнет раскрываться перед нами. Когда же Истина будет постигнута, то все, отброшенное нами раньше, обретет новый облик и форму, предстанет в ином свете, как воплощение Бога. Только тут мы сможем понять их суть. Но прежде нам надо хоть на миг прозреть истину, отказаться от всего, чтобы затем получить все обратно, уже в преображенном виде, как воплощение Бога. Нам прежде всего надо отказаться от наших бед и горестей, от наших мелких радостей.

«Весь смысл всех Вед, суть всех самоиспытаний, то, ради чего люди живут в воздержании, я изложу тебе в одном слове — и слово это Ом».¹⁷⁶ Слово «Ом» очень часто встречается в Ведах и считается священным.

Так вот наконец Яма отвечает на вопрос о том, что делается с человеком, когда умирает его тело: «Мудрый никогда не умирает и никогда не рождается; из ничего не возникает Он, и ничто не возникает из Него. Эта сущность Нерожденная, Вечная, Нетленная, эта Древняя сущность не может умереть, когда умирает тело. Если кажется убийце, будто он может убить, если кажется убиваемому, будто он может быть убит, то значит это, что ни одному не известна истина, ибо Душа не убивает и убита быть не может».¹⁷⁷ В высшей степени потрясающее утверждение.

Я хотел бы особо обратить ваше внимание на определение «мудрый». Нам предстоит увидеть, что, согласно философии веданты, вся мудрость и вся чистота изначально находятся в Душе, дело лишь в том, насколько отчетливо они выражены. Люди, как и все сущее, различаются только уровнем, основа же, реальность, едина для всего — Вечная, Вечно благословенная, Чистая и Совершенная. Единая Душа, *Атман*, живет и в святом, и в грешнике, в счастливом и в страдальце, в красоте и в уродстве, в человеке и в животном. Различие же только в степени выраженности этого: в одном это выражено сильнее, в другом — слабее, но различия в степени выраженности на самой Душе никак не сказываются. Если один человек меньше скрывает свое тело под одеждой, нежели другой, то это говорит о различии не в их телах, но только в их одежде. Здесь уместно вспомнить, что во всей философии веданты отсутствует различие доброго и дурного, их нельзя рассматривать как противоположности, они различны только по степени проявления качества. Что мне сегодня кажется приятным, завтра, в лучших условиях, я могу воспринять как боль. Огонь согревает, но он ведь и сжигает, что нельзя считать пороком огня. Душа чиста и совершенна, а потому человек, творящий зло, доказывает, что не понимает собственную природу. Даже убийца обладает чистой Душой, Душа бессмертна. Убийца допустил ошибку, не сумел дать Душе проявиться, напротив, он закрыл ее. Точно так же в человеке, который думает, что он убит, Душа не убита, она вечна. Она не может быть убита или разрушена.

«Меньше наименьшего, что есть, больше наибольшего, что есть, Владыка всего сущего обитает в глубине сердца каждого человека: кто свободен от греха и от страдания, может узреть его милостью господней. Нет тела у Него, хоть Он и обитает в теле; не занимает Он пространства, хотя кажется, что он в пространстве, Бесконечный и Вездесущий. Зная, что

¹⁷⁶ Пересказ Катха уп., I, 2, 15. О священном слоге Ом см. примеч. 87 к «Раджа-йог».

¹⁷⁷ Пересказ Катха уп., I, 2, 19.

такова Душа, мудрые пребывают в постоянном блаженстве». ¹⁷⁸

«Атман не поддается осознанию ни через слово, ни усилиями могучего разума, ни изучением Вед», ¹⁷⁹ заявление весьма смелое. Как я вам уже говорил, мыслители древности отличались большой смелостью, и мысль их не знала препон. Дело в том, что в Индии Веды почитаются более, нежели у христиан Библия. Христиане считают, что озарение исходит от Бога, для Индии же существует лишь то, что упомянуто в Ведах, в них содержится все знание. Каждое их слово священно и вечно, вечно, как сама Душа, ибо не имеет ни начала, ни конца. Собственно говоря, в Ведах заключены все помыслы Творца, и в этом свете положено рассматривать их. Почему то-то и то-то следует считать моральным? Потому что так сказано в Ведах. Какой же отвагой нужно обладать, чтобы заявить, что Веды не помогут в раскрытии Истины!

«Кто угоден Богу, перед тем Он открывает себя». На это можно возразить, что Бог в таком случае достаточно пристрастен. Однако и Яма поясняет: «Кто вершит зло, чей ум лишен покоя, тот никогда не увидит Света. Душа обнаруживает себя перед тем, кто чист сердцем и деяниями, кто управляет своими чувствами».

И тут мы сталкиваемся с прекрасной метафорой. Представьте себе, что Душа — седок в колеснице тела, колесницей управляет интеллект, ум — его поводья, а чувства — кони. Чьи кони хорошо выезжены, а поводья крепко держит возничий в руках, тот достигнет цели. Если же понесут кони-чувства, если порвут они поводья ума, в щепы разобьется колесница. ¹⁸⁰

Центральной мыслью всех Упанишад является мысль о непосредственном восприятии. Она всегда вызывала множество вопросов, особенно много их у современного человека. У него возникает вопрос о полезности такого знания, как и ряд других, обычно связанных с прошлыми ассоциациями. Ассоциации обладают огромной властью над нашим умом. Человек, с детства приученный к мысли о Личностном Боге, к мысли о ценности индивидуальности, найдет веданту чересчур суровой и жесткой, но со временем он может привыкнуть к ее представлениям и перестать бояться их. Но, как правило, все начинается с вопроса о полезности философии. На это можно дать только один ответ: если есть люди, которые видят пользу в поиске удовольствий, то почему не быть и другим, которые получают удовольствие от религиозных размышлений? Большинство предпочитает плотские удовольствия и ищет их, но есть же и другие, кто стремится к удовольствиям более высокого плана. Пес получает удовольствие от еды и питья. Он не в силах понять радость ученого, который от всего отказывается и, скажем, поселяется на горной вершине, чтобы оттуда наблюдать звезды. Пес может усмехнуться и предположить, что ученый не в своем уме. Возможно, что ученый беден, так беден, что не сумел обзавестись семьей и живет весьма скудно. Возможно, псу все это просто смешно. Но ученый может сказать на это: «Мой милый пес, ты получаешь удовольствие только через органы чувств, а об иных радостях и не подозреваешь. Я же счастлив своей жизнью и имею на нее такое же право, как и ты на свою!»

Беда в том, что нам всякий раз хочется связать весь мир собственным образом мышления, сделать наш образ мышления мерилom для всей вселенной. Возможно, вы получаете уйму радости от чувственных удовольствий, но ведь может статься, что для меня это не так! Есть же разница между человеком, пекущимся о мирской пользе, и человеком религиозных склонностей. Первый говорит: посмотрите, как я счастлив. Я зарабатываю деньги, но не забиваю себе голову религией. Религия — дело туманное, а я и без нее всем

¹⁷⁸ Пересказ Катха уп., I, 2, 20.

¹⁷⁹ Пересказ Катха уп., I, 2, 23.

¹⁸⁰ Пересказ Катха уп., I, 3, 3–9.

доволен.

Ну что же, эта точка зрения устроит любого утилитариста. Но мир ужасен. Если человек умудряется найти в нем счастье, никого при этом не ущемляя, — дай ему Бог. Однако, когда такой человек приходит ко мне и требует, чтобы и я жил, как он, потому что глупо жить по-другому, я принужден ответить: «Вы ошибаетесь, ибо то, что нравится вам, меня совершенно не привлекает. Если бы все дело было в том, чтобы набить карманы золотом, жизнь не имела бы смысла. Я в этом случае предпочел бы не жить». Таков будет ответ всякого религиозного человека. Дело в том, что религиозным способен быть лишь тот, кого больше не влекут соображения низшего порядка. Но и этот этап должен быть пройден, только после этого открывается перед человеком иной мир.

Удовольствия, доставляемые органами чувств, иной раз переходят в фазу и опасную, и соблазнительную. Все знакомы с представлением, которое запечатлела в себе почти каждая религия, о том, что наступит время, когда придет конец бедам мира, останутся одни радости и земля станет раем. Я не могу в это поверить. Земля всегда будет такой, какая она есть. Страшные слова, но не думаю, что может быть по-другому. Беды мира похожи на хронический ревматизм — выложите его в одном месте, он скоро проявит себя в другом и так далее. В далеком прошлом люди жили в лесах и поедали друг друга. Сейчас мы друг друга не поедаем, зато готовы на любой обман, на ложь. Обман губит целые государства и города. Вряд ли можно считать, что это шаг вперед. Я вообще не знаю, что назвать прогрессом, это просто увеличение желаний. Если что мне представляется совершенно очевидным, то это прямая связь между желанием и страданием: как нищий, который вечно кланчит, который неспособен чего-то не хотеть, которому необходимо кланчить еще и еще. Если способность к удовлетворению желаний возрастает в арифметической прогрессии, то сила желаний возрастает в прогрессии геометрической. Счастье и страдание в мире по меньшей мере уравнивают одно другое — когда в океане поднимается волна, то, значит, где-то образовалась впадина. Если один становится счастливым, значит, к другому приходит беда, даже не имеет значения к кому, возможно к животному. Растет число людей — уменьшается число каких-нибудь животных, которых человек убивает или занимает их территорию. Как же можно говорить о том, что жизнь становится счастливее? Сильный поедает слабого, но становится ли сильный счастливее от этого? Нет, рано или поздно сильные примутся убивать друг друга. Я не вижу никакой практической возможности для превращения мира в райскую обитель, все факты доказывают противное. Да и теоретических предпосылок для этого тоже нет. Это невозможно.

Совершенству нет предела. Мы уже сейчас беспредельны и стремимся к выражению беспредельности. Однако немецкие философы построили на этом факте странную теорию: это выражение будет все более полным, пока не станет совершенным, пока человек не станет совершенным существом. Что имеется в виду под совершенным выражением? Совершенству нет предела, а выражение предельно, то есть здесь заключено противоречие. Эта теория может нравиться детям, но она отравляет ум ложью, что очень плохо для религии. Нам известно, что мир деградировал, что человек есть деградированный вариант Бога, что произошло грехопадение Адама. Нет на свете религии, которая не утверждала бы этого. Мы деградировали до уровня животных и теперь снова восходим вверх, избавляясь от рабства. Но нам никогда не удастся выразить через себя Бесконечность. Мы должны стремиться к этому, но наступит час, когда мы осознаем, что это совершенство невозможно, пока мы поработены собственными чувствами. С этого и начинается движение обратно, к изначальному состоянию беспредельности.

Это и есть отказ от желаний. Преодолеть трудность можно, повернув обратно по пути, которым человек двигался, и тогда снова появятся моральность и сострадание. Что есть ключ любой этической доктрины? Не я, но ты. «Я» есть выражение Бесконечного, стремящегося проявить себя во внешнем мире. Маленькое «я» есть результат процесса, природа же его — Бесконечность. Всякий раз говоря: «Не я, но ты, мой брат», — человек делает шаг назад; слова же: «Не ты, но я» — опять направляют его по ложному пути, по пути попытки

выразить Бесконечное в мире чувств. В этом причина и борьбы, и бед, но наступает время отказа от этого «я», время подлинного отказа. И больше нет маленького «я», и больше нет привязанности к этой маленькой жизни. Тщетные старания жить и наслаждаться жизнью, в этом ли мире или в ином, ведут к смерти.

Если мы произошли от животных, то, возможно, и животные — это деградировавшие люди. Откуда известно, что это не так? Теория эволюции доказывает свою правоту цепочкой развития от простого к сложному. Но есть ли доказательства тому, что развитие всегда шло от простого к сложному, от низшего к высшему, что никогда оно не шло в обратном направлении? Та же аргументация пригодна и для доказательства обратного направления развития. Я верю в то, что развитие происходит циклично — вверх и вниз. Как может существовать эволюция без инволюции? Наша устремленность к высшей жизни доказывает, что мы ее некогда утратили. Мне дорога мысль, единодушно высказывавшаяся Иисусом Христом, Буддой и философами веданты, мысль о том, что мы все со временем придем к совершенству, но путь наш лежит через отказ от несовершенства. Наш мир — ничто, он в лучшем случае представляет собой чудовищную карикатуру, тень Реальности. Осознание этого приближает нас к ней. Отказ от несовершенства есть основа нашей подлинной жизни, мы живем по-настоящему только в те минуты, когда не думаем о себе. Наше крохотное, обособленное «я» умрет. Тогда мы осознаем, кто мы есть в действительности, поймем, что действительность есть Бог, что природа наша божественна, что Бог постоянно с нами и в нас. Давайте же будем жить в Нем, ибо это единственное счастье. Жизнь духа — единственная жизнь, и всем нам нужно стремиться к осознанию этого.

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

«Самосуций направил действие органов чувств наружу, а потому человек смотрит во внешний мир, а не во внутренний. Мудрый, жаждущий бессмертия, обратил действие органов своих чувств вовнутрь и воспринял внутреннее Я». ¹⁸¹

Как я уже говорил, первый поиск, обнаруживаемый нами в Ведах, касается внешнего мира, но затем возникает мысль о том, что не вне человека нужно искать реальность сущего, но, буквально, обратив взгляд внутрь себя. Символично и слово, которым обозначается Душа, — то, что ушло вовнутрь, глубинная реальность нашего «Я», центр сердца, точка, из которой исходит все, солнце, лучами которого являются ум, тело, органы чувств и все прочее. «Люди с детским разумом, преисполненные невежества, желают того, что находится вне, и оказываются в ловушке широко распростертой смерти; мудрец же, понявший бессмертие, никогда не ищет Бесконечного в мире конечных явлений». ¹⁸² Здесь с предельной ясностью изложена мысль о том, что, поскольку внешний мир конечен, в нем невозможна Бесконечность. Бесконечность может быть найдена в Бесконечном, единственное же, что в нас бесконечно и что находится внутри нас, — это наша Душа. Ни человеческое тело, ни ум, ни даже мысль, ни мир, который мы видим вокруг, бесконечными не являются. Лишь то, что всем управляет, человеческая Душа, вечно бодрствующая внутри человека, лишь она бесконечна и к ней мы должны обратиться в поиске Бесконечной причины существования вселенной.

«Все, что здесь, есть и там, а все, что там, проявляется и здесь. Кто видит мир в многообразии, путешествует от смерти к смерти». ¹⁸³ Мы видели, как все начиналось с желания попасть на небеса. Древние арийцы, разочарованные миром, в котором жили,

¹⁸¹ Пересказ Катха уп., II, 1, 2.

¹⁸² Пересказ Катха уп., II, 1, 1.

¹⁸³ Пересказ Катха уп., II, 1, 10.

естественно обратились в мечтах к иному миру, куда они рассчитывали попасть после смерти, где будет одно счастье — без страдания. Они придумали множество таких мест и назвали их *сваргами*¹⁸⁴ — это слово может быть переведено как «небеса». Там они жили бы в вечном блаженстве, обладая совершенными телами и мыслями, там они соединились бы с праотцами. Однако с развитием философской мысли стала очевидной невозможность и абсурдность таких небес. Противоречие заключено уже в самом предположении о бесконечной жизни в некоем определенном месте, ибо место ограничено временными рамками. Арийцам пришлось отказаться от этой идеи. Они обнаружили, что боги, населяющие небеса, были некогда земными людьми, а затем попали на небеса благодаря своим добрым деяниям, что существуют различные состояния божественности, что ни один из богов, упоминающихся в Ведах, не пребывает постоянно одинаковым.

Например, Индра и Варуна — это не имена богов, а скорее обозначения их положений и рода занятий. Прежний Индра совсем не тот, что живет сегодня, того уже нет, и его место занял другой земной человек. Это относится и ко всем другим богам. Места на небесах занимают души тех людей, которые сумели поднять себя до божественного уровня, однако и они тоже смертны. В древнейшей Ригведе мы обнаруживаем эпитет «бессмертный» в приложении к богам, но впоследствии этот эпитет исчезает, становится ясно, что бессмертие, свободное от законов времени и пространства, неприменимо ни к какой физической структуре, сколь бы тонкой она ни была. Любая структура связана со временем и пространством, попробуйте представить себе форму без пространства, это немыслимо. Можно назвать пространство одним из материалов для возникновения формы, а форма есть нечто непрестанно изменяющееся. Пространство и время — майя, что превосходно выражено словами: «что есть здесь, есть и там». Если существуют боги, то их существование подчинено общим вселенским законам, а они предполагают постоянный распад и обновление. По этим законам материя принимает различные формы, которые затем распадаются. Все, что рождено, должно умереть, следовательно, этому закону подчинена и небесная жизнь.

Мы знаем, что в нашем мире страдание, как тень, сопровождает радость. Есть тень и у жизни — смерть. Они неразрывно соединены, так как не противоречат друг другу, не являются обособленными сущностями, а есть разные проявления единой сути: жизнь и смерть, радость и горе, добро и зло. Самоочевидна абсурдность дуалистической концепции, представляющей добро и зло как обособленные сущности, вечно существующие каждая в своем качестве. Нет, это разные проявления одного и того же, что в одно время может восприниматься как зло, в другое — как добро. Различие тут не в качестве, а в степени проявления, в интенсивности выражения. Одна и та же нервная система передает приятные и болезненные ощущения, а будучи поврежденной, не передает никаких. Если нерв парализован, он перестает давать нам приятные ощущения, но и боль мы больше не чувствуем. Они и не были разными вещами, это одно и то же. Как одно и то же в разное время жизни может давать радость и боль. Любитель мяса ест его с удовольствием, а что испытывает поедаемое животное? На свете нет ничего, что доставляло бы радость всем, без исключения, так было и так будет. Иными словами, в мире невозможен дуализм. И что из этого вытекает? Я уже говорил в прошлой лекции, что никогда не будет этот мир ни абсолютно счастлив, ни абсолютно несчастлив. Возможно, это заявление напугало или разочаровало кое-кого из вас, но тут ничего не поделаешь. Я готов отказаться от моих слов, если мне будут предоставлены убедительные доказательства обратного, но без них я должен стоять на своем.

Обыкновенно против моего заявления выдвигается контраргумент, и весьма убедительный, смысл которого в том, что процесс эволюции постепенно уничтожает зло в мире, следовательно, если процесс продлится достаточно долго, то зло в мире полностью

¹⁸⁴ См. примеч. 141 к «Джняна-йоге».

исчезнет, а что останется — будет добром. Звучит весьма убедительно. Дал бы Бог, чтобы это было и справедливо! Однако в рассуждении есть погрешность, в основу рассуждения положена мысль о неизменности добра и зла. Предполагается, что существует некая масса зла, допустим, что мы примем ее за сто, и аналогичная масса добра, а затем масса зла постепенно разрушается, оставляя только массу добра. Так ли это? История убеждает нас в том, что количество зла в мире растет постоянно, как и количество добра. Возьмем первобытного человека. Он живет в лесу, он получает мало радости от жизни, но соответственно снижена и его возможность страдать. Его страдание носит чисто физический характер. Он может страдать от недоедания, но дайте ему обильную еду, не мешайте ему охотиться и ловить рыбу, и он будет счастлив. И счастлив он на физическом уровне, и несчастлив тоже. Но вот этот человек развивается, он приобретает новое знание, он приобретает способности к иным наслаждениям, пробуждается его интеллект, и интеллектуальные удовольствия начинают теснить удовольствия чувственные. Он наслаждается, читая прекрасные стихи, он с увлечением решает математическую задачу. Зато теперь его усложнившаяся нервная система способна реагировать на ментальное страдание, о существовании которого и не подозревал дикарь. Возьмем простейший пример. В Тибете отсутствует институт брака, поэтому там не известна ревность, тем не менее институт брака есть признак более высокого общественного развития. А тибетцы не знают радостей счастливого супружества, счастья общения с добродетельным супругом или супругой. Этого тибетцы не знают. Но они не знают и мучительной ревности, которая может быть вызвана мыслью о супружеской неверности. Выигрывая в одном, они проигрывают в другом.

Возьмите вашу родину, богатейшую страну мира, где люди живут в большем достатке, чем в других странах, и посмотрите, сколько у вас несчастных, сколько душевнобольных из-за того только, что их желания чересчур интенсивны. Здесь человек просто обязан поддерживать высокий жизненный уровень, а деньги, которые он расходует за год, были бы целым состоянием для другого человека, живущего в Индии. Здесь бесполезно убеждать кого-то в преимуществах простого образа жизни, поскольку общество требует иного, и очень многого. Колесики общества вращаются безостановочно, ни слезы вдовицы, ни стенания сиротки не замедляют их ход. И так везде. Вы, живущие здесь, приучили себя получать удовольствия, вы живете в обществе, устроенном лучше, чем многие другие. Вам много дано. Но те, кому дано меньше, и страдают меньше. Доказательства этому на каждом шагу: чем выше уровень притязаний человека, чем больше удовольствия доставляет ему жизнь, тем острее его страдание. Одно словно тень другого. Может быть, и верно, что на свете становится меньше зла, но в таком случае и добра становится в нем меньше. Но позвольте мне спросить, а не происходит ли обратное: может быть, меньше становится добра, зло же умножается? Если сумма добра возрастает в арифметической прогрессии, то сумма зла возрастает в прогрессии геометрической. И это — *майя*. В этом нет ни оптимизма, ни пессимизма. Философы веданты не рассматривают мир как юдоль страданий. Это было бы неправдой. Но неправдой было бы и утверждение, будто мир полон радостей. Бессмысленно внушать детям, что мир, в котором они будут жить, прекрасен, цветущий сад вдоль молочных рек в кисельных берегах. Мы все когда-то мечтали о таком мире. Однако ошибкой было бы думать, будто мир ужасен, а человек обречен на одни страдания. Наш жизненный опыт дуалистичен, он состоит из взаимодействия добра и зла. Философия веданты утверждает: «Не думай, будто добро и зло разделены, ибо они есть одно и то же, только проявленное в различной степени, в различных формах, а потому вызывающее различные чувства в одном и том же уме».¹⁸⁵

Итак, первое, что раскрывает перед нами веданта, — единство явлений внешнего мира, подчеркивая, что это Единая Суть, сколь ни были бы различны формы ее проявления.

¹⁸⁵ В Катха уп. такой текст не выявлен.

Вспомним древнюю примитивную притчу персов — мир сотворили два бога, добрый бог сотворил все хорошее, а злой бог сотворил все дурное.¹⁸⁶ Абсурдность концепции просто бросается в глаза, поскольку при логическом развитии этой мысли неизбежен вывод о существовании двух законов природы — доброго и злого. Сначала действует добрый закон, управляемый добрым богом, потом — все наоборот. Трудность тут в том, что оба действуют в одном мире, где богам необходимо находить согласие между собой. Конечно, притча очень примитивна, это самый примитивный способ продемонстрировать концепцию дуализма всего сущего. Однако можно обратиться и к более разработанной и более абстрактной теории, провозглашающей, что мир отчасти состоит из добра, отчасти же — из зла. Той же логикой, что и прежде, можно доказать абсурдность этого положения. Закон единства дает нам пропитание, и он же уничтожает массы людей в стихийных бедствиях.

Нельзя говорить о мире ни в тонах оптимизма, ни в тонах пессимизма, в нем смешано все, но если кого и можно за это винить, то не природу, а нас самих. Но философия веданты указывает нам выход не через отрицание зла, а через беспощадный анализ фактов как они есть, во всей их полноте. Здесь нет безнадежности, здесь нет агностицизма. Выход есть, но его необходимо обосновать, нет смысла закрывать ребенку рот и глаза ложью, истинную цену которой он все равно скоро должен будет узнать. Я помню приятеля моей молодости, отец которого скончался, оставив на него большую семью. Скоро мой приятель обнаружил, что друзья семьи не торопятся прийти ему на помощь. Он рассказал об этом священнослужителю, который стал утешать его рассуждениями о том, что Бог все делает во благо человеку. Это очень старый метод — подсластить пилюлю, а на самом деле признать собственную слабость и абсурдность жизни. Мой приятель ушел, а через полгода у священнослужителя родился сын, и мой приятель был приглашен принять участие в обряде благодарения. «Благодарю Бога за его милости», — возгласил священнослужитель, но молодой человек прервал его словами: «Остановись, ибо это не милость, а страдание». «Почему?» — спросил изумленный отец. «Потому что, когда умер мой отец, ты заявил, что это благо, хоть и выглядит бедой, следовательно, рождение твоего ребенка — беда, раз оно выглядит благом».

Разве это способ для излечения бед мира? Надо быть добрым и сострадать тому, кто в беде. Не надо стараться ничего исправить, мир останется таким, каков он есть, надо выйти за его пределы.

Мы живем в мире добра и зла. Где есть добро, там есть и зло, но веданта учит нас, что за внешними проявлениями, за внешними противоречиями существует Единство. Веданта учит: отринь зло, но и добро тоже отринь.

Но что тогда останется? Превыше добра и превыше зла есть Нечто, принадлежащее вам, есть ваше подлинное «Я». Оно за всем, что хорошо, за всем, что плохо, и Оно проявляет себя и в добре, и в зле. Прежде всего нужно усвоить это положение, а Оно и сделает вас настоящим оптимистом, без Него вы не оптимист. Усвоив это, вы становитесь владыкой всего. Научитесь владеть этими проявлениями, и вы свободно проявите свою подлинную природу. Сначала овладейте собой, распрямитесь и обретите свободу, вырвитесь за пределы законов, ибо их власть над вами не абсолютна, вы им подчинены только частично. Прежде всего запомните, что вы не в рабстве у природы, никогда не были и никогда не будете в рабстве у нее. Природа, которая кажется вам беспредельной, на самом деле имеет пределы, природа — капля в океане, а океан — это ваша Душа, вы вмещаете в себя звезды, Солнце и Луну. Они ничтожны в сравнении с вашей беспредельностью. Поймите это, и вы подчините

¹⁸⁶ Имеется в виду древнеиранская религия, многие положения которой восходят к эпохе индоиранского единства. Развитие собственно индийских и иранских представлений в дальнейшем осуществлялось самостоятельно в разных направлениях. В Древнем Иране оформилось учение, связываемое с именем Зороастра (или Заратустры) (VII в. до н. э.), в котором центральное место отводилось идее постоянной борьбы между силами добра и зла, олицетворяемыми богом света и богом тьмы, не имеющее параллелей в индийской традиции.

себе и добро, и зло. И тогда вы увидите все новыми глазами, вы распрямитесь и воскликнете: «Как прекрасно добро и как великолепно зло!»

Этому учит веданта. Эта философия не предлагает незамысловатые способы жить, не запудривает гниющие язвы, пряча их под тем более толстым слоем косметики, чем сильнее они гниют. Жизнь сурова, смело пролагайте свой путь через нее трудом и, сколь бы жестокой ни была действительность, помните — ваша душа тверже всего. Не рассчитывайте на крохотных божков, потому что вы сами владыка своей судьбы. Вы сами причиняете себе страдание, вы творите и добро, и зло, вы сами закрываете глаза руками и кричите, что вы во тьме. Уберите руки, и вы увидите свет, вы сами источник света, вы совершенны, таким вы родились на свет. И теперь вам станет понятно, что имеется в виду в строке: «Тот путешествует от смерти к смерти, кто видит многообразие мира».¹⁸⁷ Увидьте мир единым, и вы будете свободны.

Но как нам увидеть Единство? Наш ум замутнен и слаб, он так легко поддается обману, но вместе с тем он достаточно силен, чтобы уловить отблеск знания, прозреть Единство, которое снова и снова спасает нас от смерти. Как дождь, изливаясь на горную вершину, стекает по склонам множеством ручейков, так различные формы энергии, наблюдаемые нами, имеют один Источник. Многообразие придала им майя. Не тянитесь к многообразию, старайтесь приблизиться к Единству. «Душа во всем, что движется, Она во всем, что чисто, Она наполняет собой вселенную, Она в жертвоприношении, Она в госте, посетившем дом, Она в человеке, в воде, в животных, в истине, Она есть Великое. Как огонь, войдя в этот мир, проявляет себя в различных формах, так единая Душа вселенной принимает разные формы. Как воздух, войдя в этот мир, проявляет себя в различных формах, так единая Душа всех душ, всего сущего принимает разные формы».¹⁸⁸

Вы поймете истинность этого, только восприняв Единство, не ранее. Тогда мир наполняется оптимизмом, ибо вы видите Душу во всем. Но тут возникает вопрос: если Душа, чистая и беспредельная, существует во всем, что есть, как может получиться, что и Она страдает, становится несчастной, утрачивает чистоту? Этого не случается, отвечают Упанишады. «Как солнце дает возможность видеть всему живому, но не становится ущербным, если ущербен видящий глаз, так и Душа остается не затронутой страданиями тела или иным страданием мира».¹⁸⁹ Если из-за болезни я вижу все желтым, то солнце не желтеет от этого.

«Она едина, все Ею сотворено, все Ей подчинено, Душе всего сущего, проявляющей через многообразие свое Единство. И мудрецы, воспринимающие Душу в своих душах, пребывают в вечном блаженстве, только они, и никто более, и никто более. Кто обнаружит в мире мимолетностей Душу, не меняющуюся никогда, кто обнаружит в мире тлена Единую жизнь, кто обнаружит в мире многообразия Единство и кто поймет, что Душа наполняет все души, тот пребывает в вечном блаженстве, только тот, и никто более, и никто более. Но где обнаружить Ее в огромном мире, где обнаружить Ее среди солнц, лун и звезд? Солнечный луч не проникнет туда, лунный и звездный свет там бессилён, молния там тускла, что же говорить о земном огне? Она освещает все своим светом, Ее светом светится все, Она сияет через все, что светоносно».¹⁹⁰

Есть и другое красивое сравнение. Его без труда поймут побывавшие в Индии и

¹⁸⁷ Пересказ Катха уп., II, 1, 11.

¹⁸⁸ Пересказ Катха уп., II, 2, 2.

¹⁸⁹ Пересказ Катха уп., II, 2, 11.

¹⁹⁰ Пересказ Катха уп., II, 13, 12, 15.

видевшие баньян¹⁹¹ — дерево, произрастающее из одного корня, но распространяющее воздушные корни вокруг. Душа сравнивается со стволом баньяна, который простирает свои воздушные корни, пока они не охватили всю вселенную. Какими отдаленными ни выглядели бы они, все равно их питает единый первоначальный ствол.

В той части Вед, которая носит название «брахман», есть описания различных небес, но философская идея Упанишад уже несовместима с небесами. Счастье не в пребывании на небесах, тех или иных, счастье в самой человеческой душе, а внешнее местопребывание не имеет значения.

Вот еще одна цитата: «Небеса наших праотцев так же соотносятся с Истиной, как увиденное во сне с настоящим».¹⁹² Как в сновидениях все предстает расплывчатым и неясным, такова и Реальность, увиденная нами. А на небе, именуемом *гандхарва*, она еще менее отчетлива, там она подобна отражению в воде.

Наивысшим небом в представлении индуса является брахмалока.¹⁹³

Там Реальность выглядит более ясной, как свет и тень, но не более. В человеческой Душе сияет Истина, видимая столь же четко, как отражение лица в зеркале. Следовательно, наивысшие небеса — в нашей собственной Душе; в книгах веданты сказано, что Душа человека есть священнейший из храмов, она превосходит святостью все небеса, ибо нигде нельзя воспринять Истину яснее, чем здесь, в Душе нашей. Нет нужды переезжать с места на место. Находясь в Индии, я думал, что жизнь в пещере поможет мне прозреть. Оказалось, что нет. Потом я подумал, что мне лучше укрыться в лесу или уехать в Варанаси. Ничто не изменилось, мы сами творим себе мир. Если я зол, весь мир полон зла. Этому учат Упанишады. Если после смерти я окажусь на небесах, ничего не изменится и там; пока не обрету я чистоту, мне нет смысла ни жить в пещере, ни в лесу, ни в Варанаси, ни на небесах. Когда же протерто зеркало моей Души, где бы я ни жил, я буду видеть Реальность, как она есть. Итак, метания бесполезны, и незачем впустую расходовать энергию, которая нужна для протирания зеркала. И в следующих строках тоже выражена все та же мысль: «Никто не видит Душу, никто не видит глазами Ее форму. Она в уме, в чистом уме, и познавший Ее достигнет бессмертия».¹⁹⁴

В отличие от раджа-йоги джняна-йога преимущественно учит обузданию чувств. Когда чувства подчинены велениям Души, когда они перестают смущать ум, тогда цель достигнута. «Когда усмирены тщеславные желания сердца, тогда смертный достигает бессмертия и на земле становится един с Богом. Когда разрублены узлы, стягивающие сердце, тогда смертный достигает бессмертия и на земле испытывает блаженство Брахмана».¹⁹⁵ Здесь, на земле, и нигде более.

Тут следует остановиться и сказать несколько слов. Обыкновенно считают, что веданта и другие философские системы Востока обращают человека к потустороннему ценой забвения земных удовольствий и жизненной борьбы. Это совершенно неправильно. Так могут думать только невежды, ничего не понимающие в восточной философии, не обладающие способностью разобраться в ее реальном содержании. Напротив, философы Востока, как явствует из наших священных книг, не думают о том, каким образом попасть в

¹⁹¹ Баньян (разновидность фикуса) является священным деревом; другое его название «ньягроддха», то есть «растущее вниз».

¹⁹² Пересказ Катха уп., II, 3, 5.

¹⁹³ См. примеч. 141 к «Джняна-йоге».

¹⁹⁴ Пересказ Катха уп., II, 3, 9.

¹⁹⁵ Пересказ Катха уп., II, 3, 14–15.

иные миры, рассматривая их как места, где человек некоторое время живет в радости и скорби, а потом умирает. Человеку не вырваться из этого, пока он слаб, но есть в нем нечто истинное — его Душа. Восточные философы настаивают и на том, что самоубийство не выход, неизбежного нельзя избежать. Истинный путь трудно найти. Индия не менее практична, чем Запад, и разнятся они только подходом к жизни. Один подход требует построить хороший дом, хорошо одеваться и хорошо питаться, уделяя этому основное внимание, что, без сомнения, практично. Индус же утверждает, что главное — хорошо понять мир, то есть понять собственную душу, углубиться в метафизику, и он желает хорошо жить таким образом. В Америке живет великий агностик, человек большого благородства и доброты и ко всему прочему прекрасный оратор.¹⁹⁶ Он выступал с лекциями по религии, доказывая, что религия бесполезна — к чему забивать себе голову мыслями о потустороннем? Ему нравилось употреблять такой образ: если есть апельсин, то почему не выжать из него сок? Мы с ним однажды встретились, и я сказал: «Я с вами совершенно согласен, если есть фрукты, почему не выжать сок. Разница только во вкусах, вы предпочитаете апельсин, а я люблю манго. Вам представляется достаточным хорошо есть и пить, а также получать научные знания, однако у вас нет права утверждать, что именно это должно нравиться каждому. Вот мне это кажется недостаточным: я покончил бы жизнь самоубийством, приведишь мне ограничиться знанием того, как падает на землю яблоко или как электрический ток воздействует на нервы. Я хочу понять суть вещей, заглянуть в самую глубину. Вас привлекают проявления жизни, а меня — сама жизнь. Моя философия требует изучения именно этого и требует, чтобы я выбросил из головы все мысли о рае, аде и прочих предрассудках, хоть они и существуют в том же смысле, в каком можно говорить о существовании мира. Мне необходимо познать сердце вещей, их суть, понять, что они собой представляют, а не просто как они устроены и проявлением чего являются. Я хочу знать *почему*, а *как* я оставляю детям. Один из ваших соотечественников сказал: „Если бы мне пришлось писать книгу, пока я курю сигарету, то это было бы исследованием сигареты“. Быть ученым прекрасно, Господи, благослови их всех! Но если человек вдруг заявляет, что это единственное, что есть, то он говорит глупости, не желая понять причину существования жизни, не изучая самое жизнь. Я могу доказать, что все знание такого рода — чепуха, ни на чем не основанная чушь. Вы исследуете проявления жизни, а когда вас спрашиваете, что же такое жизнь, вы говорите „этого я не знаю“. Вот и занимайтесь своими исследованиями, а мне предоставьте заниматься моими».

Я практичен, я очень практичен, но на собственный лад. Нелепо утверждать, будто практичен только Запад. Вы практичны на один манер, мы — на другой. Люди устроены по-разному. Если на Востоке убедить человека, что, простояв на одной ноге всю жизнь, он обретет Истину, он за благо сочтет стоять на одной ноге. Если на Западе пронесется слух, будто где-то в далеких краях найдены золотые россыпи, тысячи устремятся туда, презрев все опасности, хотя преуспеет, может быть, один. Этим людям известно, что они обладают бессмертной душой, но они охотно предоставляют заботу о ней церкви. Итак, первый человек побоится искать золото в далеких краях. Однако, если я ему скажу, что на вершине высокой горы живет мудрец, который может открыть ему тайну бытия, он полезет на гору, рискуя свернуть себе шею. Он так же практичен, как и второй, но ошибка второго в том, что он считает этот мир единственной реальностью, всем, что есть в жизни. Земные радости тленны, в них нет ничего постоянного, они способны причинять все больше и больше страдания; мои радости ведут к вечному покою.

Я не хочу сказать, что ваш путь неверен, — идите по нему. Он уже привел ко множеству благ, но это не дает основания осуждать иной путь, тот, которым иду я. Мой путь тоже практичен по-своему. Пусть каждый избирает собственный путь, и дай Бог, чтобы все

¹⁹⁶ Имеется в виду Р.Г.Ингерсолл (1833–1899), известный американский юрист и общественный деятель. Был широко известен своими антихристианскими взглядами, нападками на Библию, яркими публичными лекциями на антицерковные темы.

мы практически смотрели на свое дело. Мне случалось видеть ученых, которые добились практических успехов и как люди науки, и как люди духа, и я очень надеюсь, что придет время, когда в этом преуспеет все человечество. Если вы наблюдаете процесс закипания воды, вы видите, как поднимается один пузырек, затем еще и еще, пока все они вместе не начинают бурлить. Это очень похоже на то, что происходит в мире, — каждый из нас тоже пузырек, а народы можно сравнить с множеством пузырьков. Народы понемногу сближаются, и я уверен, что наступит день, когда проявит себя Единство, по направлению к которому мы все идем. Должно наступить время, когда каждый человек станет практичным и в области науки, и в области духа, когда гармония Единства перестроит мир. Человечество будет состоять из *дживанмуков* — людей, свободных в земной оболочке.¹⁹⁷ Ведь все мы к этому стремимся — через соперничество и ненависть, через сотрудничество и любовь. Полноводный поток стремится к океану, увлекая всех нас, и хоть иной раз мы напоминаем соломинки в водоворотах, рано или поздно нас всех ждет Океан любви и блаженства.

СВОБОДА ДУХА

До сих пор мы рассматривали Катха упанишаду, написанную значительно позднее, чем та, к которой мы обратимся сейчас, — Чхандогья упанишада. Язык там более современен, а мысль лучше организована. Старые Упанишады пользуются очень архаичным языком, напоминающим гимны Вед. Приходится пролагать путь через массу излишних подробностей, прежде чем доберешься до самой концепции. На этой старой Упанишаде чувствуется сильное влияние ритуалистической литературы, составляющей вторую часть Вед, так что Упанишада и сама наполовину ритуалистична. Но изучение древних Упанишад чрезвычайно ценно, поскольку оно открывает возможность проследить историческое развитие духовных идей. В Упанишадах более позднего времени духовные идеи объединены, собраны воедино. Наилучший пример этого дает Бхагавад-Гита, которую позволительно рассматривать как последнюю Упанишаду, однако совершенно свободную от ритуализма. Гита — это скорее букет цветов духовных истин, собранных со всех Упанишад. Но по Гите невозможно проследить становление этих духовных идей, невозможно проследить их до первоисточника. Как справедливо подчеркивали многие, для этой цели необходимо изучение Вед. Ореол святости, окружающий эти книги, помог им, более, чем каким-либо другим книгам на свете, сохраниться в первозданности. В них сохранились мысли высочайшие и примитивнейшие, все существенное и то, что не имеет значения, благороднейшие учения и простые описания — все соседствует в них, ибо никто никогда не осмеливался прикоснуться к этим писаниям. Последующие комментаторы старались пригладить их, вывести из старого новые, прекрасные мысли, отыскать духовные глубины в самых заурядных утверждениях, но никто не переиначивал первоначальные тексты, поэтому они представляют собой бесценный исторический материал. Нам известно, что священные книги других религий подвергались переработке, чтобы быть приведенными в соответствие с религиозными представлениями более поздних времен: где-то заменялось одно слово, где-то добавлялось другое и так далее. По всей вероятности, с ведической литературой этого не произошло, а если и произошло, то заметить это почти невозможно. Итак, мы имеем великую возможность изучать древнюю духовную мысль в ее первозданности, следить за ее развитием, за преображением материалистических представлений во все более возвышенные духовные идеи, которые наконец достигают вершины в веданте. В этом своде литературы содержится и множество описаний древних нравов и обычаев, однако в Упанишадах их уже почти нет. Язык Упанишад своеобразен, афористичен и мнемоничен.

Эти книги писались с целью напомнить определенные факты, предположительно

¹⁹⁷ Дживанмука (в адвайта-веданте — «прижизненно освободившийся»), то есть познавший единство Атмана, своей истинной сущности, с Брахманом, Абсолютом.

факты хорошо известные. Излагая притчи, например, авторы исходят из того, что сюжеты хорошо знакомы тем, к кому они обращают свое повествование. Отсюда возникают большие трудности, ибо нам неизвестен подлинный смысл большинства притч, традиция, можно сказать, прервалась, а то немногое, что до нас дошло, сильно преувеличено. Притчи подверглись разнообразным истолкованиям, поэтому в *пуранах* они уже носят характер скорее лирических поэм.

При изучении политической истории Запада бросается в глаза западное неприятие абсолютной власти; всячески избегая предоставления абсолютной власти одному человеку, Запад постепенно пришел к развитию демократических идеалов и высокой степени личной свободы. Совершенно аналогичное явление наблюдается в развитии индийской метафизики. Множественность богов уступает место единому Богу вселенной. Упанишады же восстают даже против этого Бога. Становится неприемлема не только мысль о множестве владык, управляющих вселенной, но и мысль о некоем единоначалии в ней. Это первое, что поражает нас. Эта мысль продолжает развиваться, пока не достигает своей вершины — Бог вселенной низвергается со своего трона. Его личность исчезает, он — безличен. Бог уже не антропоморфен, он уже не подобие человека, колоссально увеличенного в размерах, который управляет всем сущим, он имманентен во вселенной и воплощен во всем живущем. Но переход от Личностного Бога к безличному нелогичен, если при этом сохраняется личность человека. Поэтому человек как личность уступает место человеку как принципу. Он не более чем явление, через которое проявляет себя принцип. Таким образом, одновременно с двух сторон происходит замена личности принципом: личностный Бог сближается с внеличным, а человек-личность превращается во внеличное существо. Затем сближаются обе линии: внеличного Бога и внеличного человека, и поскольку Упанишады фиксируют в себе стадии слияния двух линий в одну, каждая Упанишада находит завершение в словах: «Ты есть То».¹⁹⁸ Существует лишь один вечно блаженный Принцип, проявляющий себя через многообразие сущего.

Тут наступает черед философов: на этом заканчивается мысль Упанишад, далее ее продолжают уже философы. Они действуют в рамках системы, изложенной в Упанишадах, но им предстоит разработать детали. Естественно, возникает великое множество вопросов. Исходя из того, что Единый принцип проявляет себя через множество форм, спрашивается: каким образом Одно делается множественностью? По-своему это тот самый вопрос, который в примитивной форме приходит в голову каждому человеку, откуда берется на свете зло? И так далее. Почему есть зло на свете и где его источник? Это все тот же вопрос, поставленный в более разработанной, в более абстрактной форме. Он ставится не на основе чувств — почему так несчастлив человек? — а в философском ключе. Каким образом становится множественным Единый принцип? Как мы уже видели, ответ, наилучший ответ, который предлагает Индия, заключен в теории майи, которая гласит, что в действительности этот принцип не становится множественным, что в действительности он не утрачивает своей подлинной природы. Множественность иллюзорна. Человек может казаться личностью, в действительности же он внеличное существо. Бог может казаться антропоморфным, в действительности же и Он Внеличное существо.

Но и этот ответ был найден не сразу, и у философов есть различные взгляды на него. Не все индийские философы принимают теорию майи, скорее даже, большинство не принимает ее. Существует дуалистическая теория, довольно грубая, которая вообще не допускает постановки этого вопроса. Философы-дуалисты говорят: «Вы не имеете права задаваться такими вопросами, вы не имеете права спрашивать объяснения, на все просто воля Бога, которой человек обязан безропотно покориться. Нет свободы для человеческой души. Все предопределено: что человек будет делать и иметь, что даст ему радость и что — страдание. Если приходит беда, человек не должен роптать, а то еще хуже будет. Откуда это

¹⁹⁸ Так называемая «махавакья» — «великое речение» Упанишад; Чхан. уп., VI, 8, 7 и др.

известно? Так сказано в Ведах». Есть священные книги, есть их толкования, и им надо подчиняться.

Существует школа философов, которые не приемлют теорию майи, но не доходят до дуализма. Эти философы утверждают, что все, что сотворено, есть, по сути, дело Бога. Бог есть Душа всех душ и суть всей природы. Что же касается отдельно взятой души, то она сокращается от дурных поступков. Когда человек поступает плохо, его душа начинает сокращаться, силы человека тают и будут таять до тех пор, пока он не совершит доброе дело — тут душа его вновь расправится. Все философские системы Индии, да и, наверное, всего мира, сходятся на мысли о том, что я назвал бы божественностью человека. Нет на свете подлинной религии, которая не провозглашала бы, что человеческая душа, какой бы она ни была, как бы ни соотносилась она с Богом, чиста и совершенна по своей природе. Мысль эта может быть выражена мифологически, аллегорически или философски, но она единообразна: природа души есть блаженство и сила, а не страдание и слабость. Но все же страдание появилось в мире, и оно есть. В простейшем толковании оно может быть олицетворенным злом, дьяволом или Ариманом.¹⁹⁹ В иных толкованиях Бог и дьявол могут представлять в единстве и произвольно делать одного человека счастливым, другого — несчастным. В более разработанном толковании может появиться теория майи и прочее. Но один факт остается непреложным, и с этим фактом нам придется иметь дело: в конечном счете все философские системы и все толкования есть не более чем гимнастика ума, интеллектуальные упражнения. Великая же идея, которая, как мне кажется, ясно вырисовывается за массой предрассудков любой религии любого народа, заключается в том, что человек есть существо божественное и что божественность — в его природе.

Все прочее — наносное, как говорит веданта. Наносное может исказить суть, но она никогда не исчезает. Единая суть, наличествующая в самом низком, как и в самом святом. Надо лишь воззвать к ней, и она начнет действовать. Надо лишь потребовать, и она проявит себя. Древний человек знал, что огонь живет в кремне и в кусочке сухого дерева, но необходимо трение, чтобы огонь проявил свое присутствие. Огонь свободы и чистоты составляет природу каждой души, ее природу, а не свойство, ибо свойство может быть приобретено, а значит, и утрачено. Душа и есть Свобода, Душа и есть Существование, Душа и есть Знание. *Сат-чит-ананда*, абсолютное существование-знание-блаженство, есть природное состояние Души, все то, что мы видим вокруг себя, — это Ее проявления, выраженные более или менее отчетливо. Смерть тоже есть проявление подлинной Жизни. Рождение и смерть, расцвет и упадок, распад и возрождение — все проявления Единства. Таким же образом знание, в каком бы виде оно ни проявлялось, в виде невежества или образованности, все равно есть проявление *чит*, сути знания, разница не в содержании, а в степени проявленности. Только этим различаются ничтожнейший из червей под нашими ногами и величайший гений, какого может произвести на свет человечество. Философы веданты не боятся заявить, что все без исключения земные радости, даже разнузданнейшее из наслаждений, все равно являются проявлениями высшего Блаженства, сути Души.

Мысль об этом, которая является основополагающей для веданты, как мне кажется, имеет место во всех религиях. Мне не известна религия, которая бы отрицала эту мысль. Взять для примера Библию, она содержит в себе аллереорию о чистоте Адама, которую впоследствии затемнили его дурные поступки. Однако из аллереории явствует, что создатели Библии считали первоначального человека совершенным. И отсутствие чистоты, и слабости, которые мы за собой знаем, являются последующими наслоениями на истинную природу. История христианства показывает, что эта религия не просто верит, она исключает сомнения в способности человека вернуться к своему изначальному состоянию. Доказательством этого может служить и Ветхий, и Новый Завет. Верят в Адама и в чистоту Адама и мусульмане,

¹⁹⁹ Ариман в Авесте понимается как носитель злого начала. Арьяман в РВ — один из Адитьев, солнечных божеств. Оба образа восходят к эпохе индоиранского единства.

которые считают, что Мухаммед открыл путь к обретению человеком былой чистоты. Буддисты тоже верят в возможность достижения нирваны, состояния, отличного от мира относительностей. Нирвана буддистов есть то же, что Брахман ведантистов, и вся система буддизма построена на возвращении в утраченное состояние нирваны. Собственно, эта идея присутствует в любой религии. Не может человек обрести ничего заново, все у него уже было. Человек никому во всей вселенной ничем не обязан. Он стремится к тому, с чем был изначально рожден. Как поэтически выразил эту мысль заглавием своей книги один из великих философов веданты: «Обретение собственного царства».²⁰⁰ Это царство принадлежит нам, но мы его утратили и должны обрести заново. Сторонник майя-вады утверждает, однако, что человек никогда не утрачивал своего царства, это всего лишь иллюзия. В этом расхождение двух философских школ.

Хотя в том, что человеку предстоит лишь обрести утраченное, сходятся почти все философы, у них нет согласия по поводу того, как это сделать. Одни считают, что нужно совершить определенные обряды, пожертвовать определенные суммы богам, есть определенную пищу, вести определенный образ жизни. Другие советуют плакать и просить прощения у некоего сверхъестественного Существа с тем, чтобы оно вернуло человека в утраченное царство. Еще кто-то утверждает, что вернуть себе утраченное царство можно, любя всем сердцем это Существо. Все эти рекомендации содержатся и в Упанишадах, что вы увидите по мере нашего изучения их. Однако последний, и самый великий, совет заключается в другом: ни перед кем не надо валяться в ногах с плачем. И обряды не нужны. И не нужны советы, как вернуть себе утраченное царство, ибо ничто не утрачено. Зачем стараться возратить себе то, что и утрачено не было? Вы и без того чисты, вы и без того свободны. Стоит вам подумать, что вы свободны, и вы освобождаетесь, стоит подумать, что вы в рабстве, вы оказываетесь в рабстве. Это очень сильно сказано, но я предупредил в самом начале, что буду говорить смело. Такого заявления можно и испугаться, но, если вы подумаете над моими словами и соотнесете их с вашей собственной жизнью, вы убедитесь в моей правоте. Ибо если свобода не является частью вашей натуры, как можете вы стать свободны? Но предположим, что вы родились свободными, а потом каким-то образом лишились свободы, значит, все же свободны вы когда-то были! Если вы были свободны, что могло лишить вас свободы? Независимый не может быть в зависимости, если же зависимость — факт, то независимость была иллюзией.

Что же вам выбрать из этого? Если вы скажете, что душа чиста и свободна по природе, то ничто на свете не может заставить ее быть иной. Если же нашлось нечто, поработившее душу, значит, она и не была свободна, и ваше утверждение о ее свободе — не более чем самообман. Следовательно, раз человек способен достичь свободы, то из этого с неизбежностью вытекает, что свобода — природа души. Иначе быть не может. Свобода означает независимость от всех внешних обстоятельств, то есть ничто вне нас не в силах причинно воздействовать на душу. Душа внепричинна, из чего и следуют все великие идеи, которые мы обсуждаем. Невозможно предположить бессмертие души, если она не свободна по природе, то есть не свободна от любых внешних воздействий. Ибо смерть есть следствие внешних причин. Я выпил яд, и вот я умираю, доказывая тем самым, что тело мое подвержено действию внешней причины — яда. Но если душа действительно свободна, то, значит, для нее не существует внешних воздействий и она не может умереть. Свобода, бессмертие, блаженство — все возможно потому, что душа не подчинена закону причинности, что она вне майи. Так что же вы выбираете? Либо ошибочно первое допущение, либо второе. Я, конечно, считаю ошибочным второе. Это больше соответствует моим чувствам и чаяниям. Я прекрасно сознаю, что по природе свободен, а потому не

²⁰⁰ Шанкаре приписывается более трехсот произведений, хотя сейчас признаны безусловно его собственными работами только двадцать четыре. «Обретение собственного царства» можно соотнести с одной из тех книг, что ему приписывают, — «Свараджьясиддхи» (дословно: «Обретение своего собственного правления (власти)»), то есть достижение власти над самим собой).

согласуюсь с мыслью об истинности рабства и об иллюзорности свободы.

В той ли форме или в другой, но спор этот идет в любой философии, включая и самые современные школы. Существуют два подхода. Одни утверждают, что души нет, что это иллюзия, вызванная повторяющимся переносом частиц материи, сочетающимся в комбинации, которые мы называем телом или мозгом, что чувство свободы — результат колебаний и непрерывного движения этих частиц. Была такая буддистская секта, последователи которой доказывали это положение²⁰¹ с помощью такого примера: если вы возьмете факел и будете быстро вращать его, то перед вами окажется огненный круг. На самом деле круга не существует, ибо факел постоянно меняет свое положение в пространстве. Так и мы — сгустки крохотных частиц, быстрое вращение которых производит впечатление постоянства, именуемого нами душой.

Другие, напротив, утверждают, что не существует материи, что ощущение материальности вызывается стремительным движением мысли. Таким образом, для одних иллюзорен дух, для других иллюзорна материя. Чью сторону принять? Конечно, мы выберем дух и признаем иллюзорность материи. Обе стороны используют одни и те же аргументы, но аргументы в пользу духа несколько убедительнее. Никто же никогда материю не видел. Мы можем только ощутить себя. Выпрыгнуть из себя никому не дано, следовательно, аргументация в пользу духа несколько убедительнее. Далее, теория духа объясняет всю вселенную, а материализм нет, поэтому материалистическое объяснение нелогично. Собственно, к ответу на этот вопрос сводятся все философские системы. Здесь мы имеем дело с поиском в более тонкой и философской форме ответа и на вопрос о природной чистоте и свободе: одни утверждают, что первое иллюзорно, другие — что второе. Мы, конечно, считаем, что иллюзорно человеческое рабство, подчиненность.

Решение, предлагаемое философией веданты, заключается в следующем: человек свободен по природе, он не подчиненное существо. Более того, опасно само предположение о нашей порабощенности, ибо оно гипнотизирует человека. Как только вы говорите себе: я не свободен, я слаб, я беспомощен, — вы набрасываете цепь на себя. Не говорите это, не смейте об этом думать. Я слышал рассказ о человеке, который жил в лесу и с утра до ночи твердил: «Шивохам! Я — Благословенный!» Однажды на него напал тигр, но люди, которые видели это с другого берега реки, услышали, как человек буквально из пасти тигра воскликнул: «Шивохам!» Таких людей немало. Есть люди, благословляющие своих врагов, когда те убивают их: я есть Он, я есть Он, и ты тоже. Это и есть позиция силы. Вместе с тем есть много прекрасного и в дуалистических религиях, прекрасна идея Богочеловека, отделенного от природы, которому можно любовно поклоняться. Эта идея подчас дает огромное утешение. Но, утверждают философы веданты, утешение подобно опиуму, и в конечном счете оно ослабляет человека, а миру сейчас более чем когда бы то ни было прежде нужна сила. Слабость есть причина всех мирских страданий, утверждают философы веданты. В слабости источник всех бед. Мы несчастны, когда мы слабы. Мы лжем, крадем, убиваем, совершаем другие преступления из-за того, что мы слабы. Мы умираем оттого, что слабы. Где нет слабости, там нет ни смерти, ни страдания. Мы страдаем от собственного непонимания. Отриньте непонимание, и страдания не станут. Все это очень просто, совсем просто. Запутанные философские дискуссии и интеллектуальная акробатика приводят нас к простейшей религиозной идее.

Монистическая веданта есть простейшая форма Истины. Проповедь дуализма была самой большой ошибкой, допущенной в Индии и повсюду, поскольку последователей дуализма меньше занимали высшие принципы, чем процесс, который весьма запутан. Многих пугали философские и логические выводы монизма, им казалось, что выводы эти не могут иметь универсального применения, что они непригодны в повседневной практике, что

²⁰¹ Имеются в виду буддисты (особенно ранние), приводящие пример с «огненными кругами» как типичный пример иллюзии. Согласно их учению, мир строится из пространственно-временных единиц, мгновенно возникающих и тотчас же разрушающихся.

такого рода философия послужит оправданием для распущенности.

Я не верю, что идеи монизма ведут к распущенности и слабости. Напротив, у меня есть все основания полагать, что они только и могут помочь правильно жить. Если они истинны, то зачем людям пить из лужи, когда рядом течет река жизни? Если человек действительно чист и прекрасен, почему не возвестить это немедленно всему миру? Почему не объявить это громогласно всем на свете, святым и грешникам, мужчинам, женщинам и детям, человеку на троне и тому, кто метет улицу?

Взять на себя такое кажется делом весьма внушительным, для многих даже устрашающим, но это не что иное, как предрассудок. Когда человек долго питается некачественной пищей или морит себя голодом, он может оказаться не подготовленным к хорошему обеду. Мы с детства привыкаем слушать разговоры, которые внушают нам слабость. Люди обыкновенно утверждают, что не верят в призраков, но только очень немногие действительно не испытывают странных ощущений в темноте. Предрассудки и суеверия сильны. И религиозные суеверия тоже. В этой стране найдутся люди, которые подумают, будто религии конец, если им сказать, что никакого дьявола не существует. Я от многих слышал: какая же может быть религия без дьявола? Какая может быть религия, если никто не указывает путь? Как можно жить, если некого слушаться? Нам недостает всего того, к чему мы приучены. Мы не в силах чувствовать себя счастливыми, если нас не одергивают на каждом шагу. Все те же предрассудки, все те же суеверия! Но как ни ужасно это может показаться, наступит время, когда мы все оглянемся назад и посмеемся над предрассудками, которые замутняли наши чистые и вечные души, и повторим с радостью, с уверенностью, с силой — я свободен, я всегда был свободен, я всегда буду свободен. Ведантистская идея единства и есть та идея, которая имеет право на существование. Завтра могут исчезнуть все священные писания. Имеет ли значение, пришла ли впервые эта мысль в голову еврею или жителю арктического региона, она истинна, а Истина вечна и сама учит нас, что не является достоянием ни одного человека, ни одного народа. Истина принадлежит всем — людям, животным, богам, и пусть все соприкоснутся с ней. Для чего наполнять жизнь страданием? Для чего позволять людям погрязать в суевериях? Я десять тысяч раз пожертвовал бы жизнью во имя того, чтобы двадцать человек отказались от своих суеверий. Но людей пугает эта Истина — и не только в Индии, но и там, где Истина проявила себя. Она хороша для отшельников, говорят люди, для тех, кто уходит в леса, им она подходит. Мы же, миряне, мы не можем жить без запугиваний и не можем жить без обрядов.

Дуализм достаточно долго правил миром, и вот — результат. Почему же не поставить новый эксперимент? Возможно, на принятие монизма потребуются века, но почему же не начать сейчас? Если даже двадцать человек удалось бы убедить в течение жизни — и то неплохо.

Жизненный опыт часто восстает против этой идеи. Легко сказать, что я чист и я благословен, но трудно доказать это жизнью. Верно, идеал бывает труднодостижим. Новорожденный ребенок видит небо невероятно высоко над собой, но можно ли это считать причиной, по которой нам не стоит поднимать глаза к небу? И станет ли нам легче, если мы окружим себя предрассудками? Если нам не дотянуться до нектара, значит ли это, что мы должны довольствоваться ядом? Если мы не можем сразу реализовать Истину, будет ли нам легче, если мы уйдем во тьму и поддадимся слабости и суевериям?

У меня нет предубеждения против многих форм дуализма, я возражаю только против такого дуалистического подхода, который внушает человеку неверие в себя. Человека, который готовится к физическому, умственному или духовному образованию, я всегда спрашиваю — силен ли он? Ощущает ли свою силу? Ибо я знаю, что только Истина придает человеку силы. Я знаю, что только в Истине — жизнь, что только сближение с реальностью делает нас сильными, и не достигнет Истины тот, кто недостаточно силен.

А потому все, что ослабляет ум человека, делает человека суеверным, делает его плаксивым, подталкивает его к поиску недостижимых чудес, к мистике и к фокусам, — все это мне неприятно, поскольку я вижу в этом потенциальную опасность. Такие мысли не

приносят добра, такие вещи болезненны для ума, они ослабляют ум, ослабляют до такой степени, что со временем человек утрачивает способность к восприятию Истины и к жизни в соответствии с ней. Человеку необходимо быть сильным. Сила — лекарство от недугов мира. Сила — лекарство, необходимое бедным, когда они угнетены богатыми; лекарство, необходимое невежественным, когда их подавляют образованные; лекарство, необходимое грешникам, когда их терзают другие грешники. Ничто не придает человеку больше силы, чем идея монизма. Ничто не делает человека таким моральным существом, как идея монизма. Человек лучше всего трудится и полностью раскрывает свои возможности, когда вся мера ответственности лежит на нем. Я спрашиваю вас: как вы себя поведете, если я дам вам в руки младенца? Вся ваша жизнь мгновенно изменится, кем бы вы ни были, вы не будете думать о себе, пока у вас младенец на руках. Вы отринете все преступные мысли, пока с вас не снята ответственность, вы будете в это время другим человеком. Итак, если мы знаем, что сами отвечаем за себя, и никто другой, мы проявляем свои наилучшие качества, раскрываемся в наилучшем виде, пока нам не к кому тянуться, пока нет никакого дьявола, на которого можно возложить вину, нет доброго бога, на которого можно сложить нашу ношу. Человек один, он сам отвечает за себя, и он раскрывает весь свой потенциал. Я отвечаю за свою судьбу, за все доброе, что я сделаю, за все дурное тоже. Я чист, и я благословен. Мы должны отказаться от всех мыслей, которые заставляют нас усомниться в этом. «Нет для меня ни смерти, ни страха, нет для меня ни касты, ни веры, нет для меня ни отца, ни матери, ни брата, ни друга, ни врага, ибо я есмь абсолютная Жизнь, Знание, Блаженство, я — Блажен, я — Блажен. Я не связан ни добродетелью, ни пороком, ни радостью, ни скорбью. Паломничества, книги и обряды не связывают меня. Я не знаю ни голода, ни жажды, это тело принадлежит не мне, я не подчинен ни суевериям, ни распаду, от которых оно страдает, я есмь Существование, Знание, Блаженство, я — Блажен, я — Блажен».²⁰²

Веданта говорит: это единственная молитва, в которой мы нуждаемся. Это единственный путь, который ведет к цели — напоминание себе и другим о нашей божественной природе. С повторением этих слов к человеку приходит сила. Кто спотыкался вначале, становится все сильнее и сильнее, его голос исполняется мощи, Истина завладевает сердцем, пульсирует в крови, укрепляет тело. Все ярче делается свет и разгоняет заблуждения, невежество тает слой за слоем, и наступает время, когда все исчезает, кроме сияющего Солнца.

КОСМОС

Макрокосм

Прекрасны цветы, которые мы видим вокруг себя, прекрасен восход солнца, прекрасны краски природы. Вселенная прекрасна, и человек любовался ею с того времени, как появился на земле. Горные вершины внушают благоговение и возвышенные мысли, как и красота рек, сбегających по их склонам к океану, как красота просторной пустыни, безбрежность океанских вод, безмерность звездного неба. Масса жизни, называемая нами природой, с незапамятных времен оказывала свое воздействие на человеческую душу. Она заставляла человека думать, а в результате у него возник вопрос — что все это такое? Откуда все это? Уже в те времена, когда создавались древнейшие книги человечества, Веды, звучал этот вопрос: «Откуда все это? Когда не существовало ни нечего, ни ничто, когда тьма скрывала в

²⁰² Приведенный текст в самом общем виде можно соотнести с ВЧ (220–222) Шанкары. Однако вводятся уточняющие слова, соотносимые с мировоззрением самого Вивекананды. «Касты», «суеверия» — с таким смыслом эти слова не могли употребляться Шанкарой по самому духу его учения.

себе тьму, кто сотворил вселенную и как? Кому ведома эта тайна?»²⁰³ И мы, сегодняшние, по-прежнему задаемся этим вопросом. Миллионы попыток были сделаны, чтобы найти ответ, но они вызвали миллион новых вопросов. Дело не в том, что все ответы были ошибочны, каждый из ответов содержал в себе частицу Истины, и объем Истины все увеличивается по мере того, как течет время. Я попытаюсь изложить вам в общих чертах ответ, который я почерпнул из древней индийской философии в сочетании с находками современной науки.

В какой-то степени на этот древнейший из вопросов уже дан ответ. Было время, «когда не существовало ни нечего, ни ничто», когда не существовала эта земля с ее реками и морями, с горами и долинами, с городами, деревнями, с людьми, животными, растениями, птицами, когда не существовали другие планеты и светящиеся туманности, когда не было бесконечного разнообразия творения. Уверены ли мы в том, что так было? Давайте проследим, что же привело к этому заключению? Что видит человек вокруг себя? Возьмем растение: человек зарыл семя в почву, потом увидел, как на свет проклюнулся крохотный росток, который поднялся над землей и все рос и рос, пока не стал громадным деревом. А потом дерево умирает и от него остается только семя. Закончен цикл — от семени через дерево обратно к семени. Посмотрите на птицу — она появляется из яйца, она живет, она умирает, оставляя после себя яйца, семя грядущих птиц. И так же человек. Все в природе начинается с семени, с рудимента, с тонкой формы, которая потом огрубевает, развивается, сохраняется в этом виде на некоторое время, чтобы потом опять вернуться к тонкой форме. Капелька дождя, в которой играет солнечный луч, паром поднялась из океана, вознеслась высоко в воздух, превратилась в воду и упала каплей, чтобы снова испариться. Так происходит все в наблюдаемой нами природе. Мы знаем, что ледники стирают громадные горы, реки размывают их, медленно, но неизбежно превращая в песок. Песок постепенно уносится в океан, где слой за слоем оседает на дне, затвердевает, чтобы со временем стать горой. А гора — тоже со временем — вновь рассыплется в песок. Из песка возникают горы, и в песок они обращаются.

Если природа в принципе единообразна, если это так, а пока что человеческий опыт не знает ничего противоречащего этому предположению, то гигантские солнца и звезды создаются так же, как песчинки; если действительно огромная вселенная повторяет своим строением атом, если и этот принцип един для всего сущего, то, значит, как сказано в Ведах: «Зная комок глины, знаешь всю глину во вселенной».²⁰⁴ Изучив жизнь маленького растения, познаешь реальность вселенной. Изучив песчинку, открываешь тайну вселенной. Мы приходим к логическому выводу о том, что все во вселенной сходно в начале и в конце. Гора возникает из песка и обращается в песок, река возникает из испарений и обращается в испарения, растение рождается из семени и в семя же уходит, из человеческого семени рождается человек и в человеческое семя уходит. Вселенная — планеты и звезды — вышла из туманности, и в туманность ей предстоит обратиться. Какой урок мы из этого извлекаем? Что проявленное состояние, грубое состояние есть следствие, а тонкое состояние — причина. Тысячи лет назад это положение продемонстрировал Капила, отец философии:²⁰⁵ разрушение есть возвращение к началу, к причине. Если разрушится вот этот стол, стоящий здесь, он возвратится к своей причине, к тонким формам и частицам, сочетание которых составило форму, называемую нами столом. Когда умирает человек, он возвращается к тем элементам, из которых состояло его тело, когда разрушится земля, она снова станет элементами, образовавшими ее. Это — разрушение, то есть возврат к причине. Таким

²⁰³ Пересказ РВ, X, 129, 1–3.

²⁰⁴ Пересказ Чхан. уп., VI, 1, 4–6.

²⁰⁵ О Капиле см. примеч. 101 к «Раджа-йоге».

образом, следствие идентично причине, а не отлично от нее. Разница только в форме. стакан есть следствие, причина которого наличествует в «стаканной» форме. Определенное количество материала под названием «стекло» плюс энергия рук мастера являются причинами — инструментальной и материальной, — сочетание которых дало форму под названием «стакан». Энергия рук мастера присутствует в стакане в виде силы сопряжения, без которой распались бы частицы, материал присутствует в виде стекла. стакан — только проявление тонких причин в новой форме, если он разобьется, то сила, державшая его форму, возвратится в элементарное состояние, а частицы стекла останутся частицами, пока не примут новые формы.

Таким образом, следствие никогда не отличается от причины — следствие есть воспроизведение причины в огрубленной форме. Нам известно, что формы, которые мы зовем растениями, животными или людьми, повторяются *до бесконечности*, разрушаясь и возрождаясь. Семя порождает дерево. Дерево порождает семя, которое снова становится другим деревом, и так далее, и так далее. Капли стекают по горным склонам в моря, поднимаются с поверхности в виде испарений, падают на горные склоны и вновь стекают в моря. Распад и возрождение — циклы, по которым живет вся жизнь, которую мы видим, чувствуем, слышим или воображаем. Так живет все в рамках нашего знания, подобно дыханию — вдох и выдох. Одна волна вздымается, другая опадает, за каждым гребнем — впадина, за каждой впадиной — гребень. Этот закон применим ко всей вселенной, ибо она устроена единообразно. Она тоже должна возвратиться к своим причинам — Солнце, Луна, звезды и Земля, тело и ум, все сущее вернется к своим тонким причинам, то есть исчезнет, разрушится, если угодно. И тонкие причины создадут их вновь — новые земли, солнца, луны и звезды.

Следует усвоить еще один факт. Семя рождается из дерева, но оно не становится новым деревом сразу, а переживает период неактивности, точнее — весьма тонкой непроявленной активности. Семени предстоит некоторое время работать под землей, оно разламывается, распадается, и из распада начинается возрождение. Вселенная тоже вначале действует в такой же форме, тонкой, скрытой и непроявленной, которая называется хаосом. Затем из нее рождается новое. Период, занимаемый полным проявлением нашей вселенной, возвращение в тонкую форму, пребывание в этой форме и переход в форму огрубленную составляет цикл, именуемый на санскрите *кальпа*.²⁰⁶

Следующий факт чрезвычайно важен, особенно для нашего времени. Мы видим, что процесс развития тонких форм проходит медленно и медленно проходит процесс постепенного их огрубления. Мы уже установили, что причина есть то же, что следствие, а следствие есть причина в видоизмененной форме. Значит, вселенная не могла появиться из ничего. Ничто не появляется без причины, а следствие и есть причина, только в другой форме.

Из чего в таком случае появилась вселенная? Из предшествовавшей ей более тонкой вселенной. Из чего появился человек? Из предшествовавшей ему тонкой формы. Из чего появилось дерево? Из семени, оно все, целиком, было в семени. Дерево вышло из семени и проявило себя. Следовательно, вся вселенная возникла из той же вселенной в миниатюрном виде. Вселенная проявила себя. Она опять возвратится в миниатюрную форму и опять раскроется. Но тонкие формы раскрываются медленно, постепенно огрубляются и, достигнув предела развития, начинают снова возвращаться к былому. Это и есть процесс, который современная наука именуется эволюцией. Как идет этот процесс, каждый может подтвердить примерами из жизни, и доводы сторонников эволюции неопровержимы. Однако нам следует обратить внимание еще на один факт, сделать еще один шаг в наших размышлениях. В чем этот шаг? Всякому процессу эволюции предшествует процесс инволюции. Семя можно считать отцом дерева, но другое дерево было отцом семени. Семя

²⁰⁶ См. примеч. 124 к «Джняна-йоге».

— тонкая форма, из которой вырастает большое дерево, а другое большое дерево есть форма, заключенная в семени. Вся нынешняя вселенная существовала в тонкой космической вселенной. Половая клетка, из которой потом вырастает человек, была человеком инволюционировавшим, а затем становится человеком эволюционирующим. Если это ясно, то у нас нет претензий к сторонникам теории эволюции, ибо, принимая это положение, они из погубителей религии превращаются в ее опору.

Ничто не может возникнуть из ничего. Все существует вечно и будет существовать вечно, но движение идет циклично, как волны, перемежающиеся впадинами, через возврат к тонким формам и новое проявление в огрубленном виде. Вся природа проходит через процессы инволюции и эволюции. Цикл эволюции начинается с примитивного проявления жизни, постепенно достигая вершин, проявляясь в образе совершеннейшего человека, и все это должно быть инволюцией чего-то еще. Спрашивается: инволюцией чего? Что именно инволюционировало? Бог. Последователь теории эволюции возразит, что мысль о Боге в данном контексте ошибочна. Почему? Потому что, с вашей точки зрения, Бог есть существо мыслящее, а мышление развивается на более поздних стадиях процесса эволюции. Мы обнаруживаем способность к мышлению в человеке и в высших животных, но должны были пройти миллионы лет до возникновения этого феномена. Возражение это несостоятельно, в чем мы можем убедиться, пользуясь нашей теорией. Дерево возникает из семени, дерево возвращается в семя, начало и конец идентичны. Землю порождает ее причина, и земля возвращается к этой причине. Нам известно, что, обнаружив начало, мы обнаруживаем и конец, как и наоборот, обнаружив конец, мы обнаруживаем и начало. В таком случае весь эволюционный цикл, от протоплазмы на одном конце до совершенного человека на другом, есть одна жизнь. Раз в конечном счете появляется совершенный человек, значит, он должен был быть и в самом начале. Следовательно, протоплазма — это результат инволюции совершенного человека, совершеннейшего разума. Разум может и не проявлять себя, но именно он, инволюционировавший разум, раскрывает себя до тех пор, пока окончательно не проявится в совершенном человеке. Положение это может быть и математически доказано. Если верен закон сохранения энергии, то ни один механизм не способен произвести ничего, что не было в него заложено первоначально. Сколько работы вложено в виде угля, пара или прочего, столько вы можете и получить, не больше. Работа, которую я сейчас произвожу, равняется тому, что я в себя вложил в виде воздуха, пищи и прочего. Все дело в изменениях и проявлениях. Ко вселенной нельзя добавить ни частицы вещества или энергии, как нельзя их и убавить. Что же такое разум, если это так? Раз он не присутствует в протоплазме, то он должен был откуда-то неожиданно появиться, быть нечем, взявшееся из ничего, а это уже абсурд. Следовательно, совершенный человек, свободный человек, Богочеловек, вышедший из подчинения законам природы, превзошедший их, человек, которому дальше некуда развиваться в процессе эволюции, через череду рождений и смертей, тот, кого христиане называют Христочеловеком, буддисты — Буддочеловеком, а йоги — Освобожденным, это совершенное существо, находящееся на одном конце эволюции, присутствовало в клетке протоплазмы на другом ее конце.

Распространяя этот принцип на всю вселенную, мы приходим к пониманию того, что причиной вселенной, которая ею управляет, должен быть разум. Каково самое возвышенное ощущение человека от вселенной? Ее разумность, соответствие всех ее частей, выявление разума. Попыткой выразить все это была древняя теория целесообразности. Итак, вначале был разум, который на первой стадии проходит процесс инволюции, а затем эволюционирует. Отсюда вывод: сумма разума, проявляющаяся во вселенной, — это инволюционированный универсальный разум, раскрывающий себя. Универсальный разум мы и называем Богом. Но каким именем его ни называть, совершенно ясно, что началом всего был Бесконечный космический разум. Космический разум инволюционирует, затем эволюционирует, пока не находит свое выражение в Христочеловеке, в Буддочеловеке, в совершенном человеке. После этого он возвращается к своему истоку. Вот почему священные книги всех религий сходятся на одном: «В Нем мы живем, действуем, в Нем мы

есть».²⁰⁷ Вот почему священные книги всех религий учат, что мы вышли из Бога и к Богу мы возвращаемся. Не пугайтесь теологической терминологии, ибо если вас пугают термины, то какие же вы философы? Теологи называют Богом космический разум.

Мне много раз задавали вопрос: зачем вы пользуетесь этим старым словом «Бог»? Я пользуюсь им потому, что оно наилучшим образом соответствует цели, потому что нет лучшего слова, потому что оно вобрало в себя все надежды, чаяния, всю радость человечества. Его сейчас невозможно заменить. Такие слова рождались некогда на устах великих святых, осознававших их важность и понимавших их смысл. Но потом они делались расхожими словами, всеупотребляемыми невеждами, и в результате утрачивали свой дух и величие. Слово «Бог» имеет хождение с незапамятных времен, и идея космического разума, всего великого и святого, срослась с ним. Неужели нужно отказаться от него из-за того, что оно не нравится какому-то дураку? Придет один и предложит свой вариант, потом придет другой со своим, и конца не будет глупым терминам. Лучше пользоваться этим словом, но помнить, что оно означает, освободить его от предрассудков и вкладывать в него полный смысл. Если вы знаете законы ассоциативного мышления, то вы понимаете, какие величественные и могучие ассоциации оно вызывает.

Итак, теперь мы видим, что различные формы космической энергии, вещество, мысль, взаимодействия, разум и все остальное, являются просто проявлением космического разума, или, как мы отныне будем говорить, Высшего существа. Все, что мы видим, ощущаем или слышим, вся вселенная, есть Его творение, а точнее — Его проявление, а еще точнее — это есть Он. Он сияет в солнце и в звездах, и Он в матери-земле. Он есть земля, и Он есть океан. Он проливается теплым дождем, Он есть нежный воздух, которым мы дышим, и Он есть живая сила нашего тела. Он есть речь, и Он есть тот, кто говорит, и Он есть те, кто слушает говорящего. Он — сцена, на которой я стою, Он — свет, который позволяет мне видеть ваши лица. Все есть Он. Он есть материальная и инструментальная причина нашей вселенной, Он инволюционирует в крохотную клетку, и Он же эволюционирует, становясь Богом. Он таится в каждом атоме и, постепенно раскрывая свою природу, возвращается к Себе. В этом тайна вселенной.

«Ты есть мужчина, Ты есть женщина, Ты полон сил горделивой юности, Ты — ковыляющая старость, Ты во всем, и Ты есть все, о Господи».²⁰⁸

Это — единственное объяснение Космоса, которое удовлетворяет человеческий интеллект. Одним словом, мы рождены от Него, мы живем в Нем, и к Нему мы возвращаемся.

Микрокосм

Человеческий ум так устроен, что он постоянно влечется к внешнему, как бы стараясь выглянуть из тела через органы чувств. Глаз должен видеть, ухо — слышать, все органы чувств должны воспринимать внешний мир, и, естественно, в первую очередь внимание человека обращается на красоту и возвышенность природы. Первые же вопросы, возникшие в человеческой душе, касались внешнего мира. В поисках ответа на них человек обращался к небу, к звездам, к другим небесным телам, к земле, к рекам, к горам, к океану; во всех древних религиях мы обнаруживаем следы этих исканий, направленных наружу. Божество реки, божество неба, божество тучи, божество дождя — все, что вне человека, что мы теперь зовем силами природы, преображалось, превращалось в волю, в божество, в небесного

²⁰⁷ Соотносится с Деян., 17, 28 («ибо мы Им живем и движемся и существуем»). Вивекананда соотносил это мироощущение с теистической линией ведантизма (Чхан уп., III, 13, 7; Мунд., I, 1), ярко выраженного в вишишта-адвайте. В индийской литературе часто передается образно еще и так: личинка в плоде фигового дерева живет и умирает вместе с ним.

²⁰⁸ Пересказ Швет. уп., IV, 3.

посланника. Однако вопросы становились все глубже, и ум человеческий уже не удовлетворялся ответами о явлениях природы, так что наконец человек обратился вовнутрь себя и задал вопросы собственной душе. Вопросы о макрокосме были повернуты в микрокосм, из внешнего мира во внутренний. Через анализ природы вне себя человек пришел к анализу своего внутреннего мира, и этот переход означал переход на более высокую ступень цивилизации, с более глубоким проникновением в суть природы, с более высоким уровнем развития.

Мы собираемся поговорить о внутреннем мире человека. Нет проблемы, более близкой и дорогой человеку, нежели эта. Сколько миллионов раз в скольких странах задавался один и тот же вопрос! Мудрецы и властители, святые и грешники, каждый мужчина и каждая женщина время от времени искали ответ на этот вопрос: есть ли нечто постоянное в быстротечности человеческой жизни? Неужели нет ничего не умирающего после смерти тела? Нет ли чего-то, что продолжает жить и после того, как телесная оболочка рассыпается прахом? Нет ли чего-то, что не сгорало бы в огне, обращая тело в пепел? А если есть, то как это существует? Куда уходит? И откуда берется? Эти вопросы задаются с незапамятных времен и будут задаваться снова и снова, пока не кончится сама Жизнь, пока будет мыслить хоть один мозг. Но дело тут не в том, что не находится ответ, ответ находится, и с течением времени ответы становятся все убедительней. Собственно, ответ был найден тысячи лет назад, но он все время заново формулируется, получает новые подтверждения, проясняется в нашем мозгу. Поэтому и нам предстоит только дать новую форму старому ответу. Мы не пытаемся пролить новый свет на всеохватные вопросы, мы просто хотим изложить современным языком древнюю истину, выразить мысли древних в форме, привычной для современников, выразить мысли философов языком народа, выразить мысли ангелов языком человека, выразить мысли Бога языком несчастного человечества, чтобы понял их человек, ибо божественный источник, откуда почерпнуты эти мысли, постоянно изливается в каждом из нас, а потому человек всегда может понять эти мысли.

Вот я на вас смотрю. Что же именно надо, чтобы вас видеть? Прежде всего глаза, ибо пусть я буду совершенен во всех отношениях, не имея я глаз, я вас увидеть не смогу. Еще мне нужен подлинный орган зрения, поскольку глаза таковым не являются. Глаза — инструменты зрения, а за ними в мозгу есть нервный центр, вот он есть орган зрения. Если этот центр поврежден, то и при полной сохранности глаз человек не видит. Аналогичным образом устроены все наши органы чувств. Внешнее ухо — тоже просто инструмент, предназначенный для передачи звуковых колебаний вовнутрь, в нервный центр. Но и это еще не все. Представьте себе, что вы в библиотеке, вы углубились в чтение и не слышите, как пробили часы, раздался звук, по воздуху побежали волны, ваши уши в порядке, нервный центр в порядке, но вы ничего не услышали. Что же отсутствовало? Отсутствовал ум. Следовательно, для восприятий необходим и ум. Необходим инструмент, выведенный во внешний мир, необходим орган, которому инструмент передаст воспринятое, и, наконец, орган должен соединяться с умом. Если ум не соединен с органом, то и орган, и инструмент могут функционировать, мы же не будем этого осознавать. Но и ум играет роль только передающего устройства, оно должно донести воспринятое до интеллекта. Интеллект обладает способностью определять, и он решает, что именно было воспринято. Но и это тоже не все, интеллект должен представить все воспринятое владыке тела, правителю на троне, человеческой душе. Владыка отдает приказ, что делать и что не делать; приказ, идя сверху вниз, поступает сначала интеллекту, затем уму, органам чувств, которые передают это инструментам, тем самым завершая процесс восприятия.

Инструменты помещаются во внешнем, грубом теле человека, а ум и интеллект — нет. Их местопребыванием является то, что индусы называют тонким телом, а в христианской теологии это известно под термином «духовное тело», оно структурно тоньше, значительно тоньше, чем наше физическое тело, но это еще не душа. Внешнее тело недолговечно, его функционирование легко нарушается, оно легко распадается. Тонкое тело отличается большей прочностью, оно может прийти в упадок, но может и окрепнуть. Мы наблюдаем,

как у старых людей слабеет ум, однако он может и окрепнуть, если крепнет тело. Мы наблюдаем, как воздействуют на ум различные лекарства и препараты, как он воспринимает внешние влияния, как откликается на них. Но ум, как и физическое наше тело, проходит через стадии развития и распада, следовательно, он отличен от души, ибо душа нетленна. А откуда это нам известно? Откуда нам известно, что над умом есть нечто иное? Светоносное знание, которое является основой разума, не может быть свойством тупой и мертвой материи. Никто никогда не видел грубую материю, которая обладала бы собственным разумом. Тупая и мертвая материя не может просветить себя, разум просвещает ее. Этот зал существует только потому, что существует разум, его не было бы на свете, если бы не разум, который воздвиг его. Разум освещает собой всю материю. У нашего тела нет собственного света, будь это по-иному, свет сохранялся бы и в мертвом теле. Не может обладать собственным светом ни ум, ни духовное тело, ибо они не созданы из разумной субстанции. То, что обладает собственным светом, не может умереть. Заимствованный свет может приходить и уходить, чего не может произойти с тем, что само есть свет. Луна прибывает и убывает, ибо светит отраженным светом. Железо в огне, раскалившись, излучает свет, но с остыванием железа свет меркнет, он не есть свойство железа. Может померкнуть лишь заимствованный свет, свет, который не является свойством данного объекта.

Итак, мы видим, что наше тело, наша внешняя оболочка, не обладает собственным светом, оно не может осветить себя, оно не может познать себя. Не может и ум. Почему? Потому что ум прибывает и убывает, наподобие лунного света, потому что он в одно время силен, в другое — слаб, потому что он подвержен воздействию любого внешнего обстоятельства. Значит, ум светит не собственным светом. Что же это за свет в таком случае? Он должен быть светом по сути, и в качестве такового он не меркнет и не гаснет, не становится ни сильнее, ни слабее — он сам свет. Нельзя о душе сказать, что она знает, — она есть знание. Нельзя о душе сказать, что она существует, — она есть существование. Нельзя о душе сказать, что она радуется, она и есть радость. Счастливое существо из-за чего-то сделалось счастливым, знающий человек получил свои познания, существо, чья жизнь относительна, живет отраженной жизнью. Для души же существование, знание, блаженство являются ее сущью.

Но ведь можно опять спросить меня: почему всему этому нужно верить? Почему мы должны согласиться с тем, что существование, знание и блаженство являются сущью души, а не ее качествами, не отраженным светом? Но тогда этому спору не будет конца. Отраженному откуда? Отражением чего являются эти качества? А что является источником? А источником того источника? Рано или поздно мы должны будем прийти к некоему первоисточнику, который сам является светом.

Таким образом, мы приходим к выводу, что человек — это его телесная оболочка, его тело, затем — его тонкое тело, куда входят ум, интеллект и ощущение себя центром, и только за всем этим подлинное «Я» человека. Мы видим, что качества грубого тела связаны с тонким телом, с умом, а ум, тонкое тело, в свою очередь черпает свет и силы из души.

Возникает множество вопросов относительно души. Если мы исходим из того, что душа обладает собственным светом, что знание, существование и блаженство являются ее сущью, то из этого, естественно, следует, что душа не могла быть сотворена. Жизнь, обладающая собственным светом, не зависящая от какой бы то ни было иной жизни, не могла быть и результатом чего-то. Она существовала вечно, не было такого времени, когда бы не существовала душа, ибо если душа не существовала, то где было время? Время в самой душе. Когда душа приводит в действие ум и появляется мысль, тогда появляется и время. Если нет души, то, конечно, нет мысли, а вне мысли нет времени. Следовательно, нельзя сказать, что душа существует во времени, ибо само время существует в душе. Душа не рождается и не умирает, но проходит через различные фазы. Она постепенно проявляет себя, начиная с низших форм и продвигаясь ко все более высоким. Она выражает свое величие, воздействуя через ум на тело, а через тело входит в соприкосновение с внешним миром и познает его. Она берет себе тело и пользуется им, когда же оно изнашивается, выбирает

себе новое и так далее.

И здесь мы подходим к очень интересной проблеме, известной как переселение душ. Эта мысль многих пугает, и даже умные люди с поразительной нелогичностью готовы предположить, что появились они из ничего, но тем не менее после смерти их ждет жизнь вечная. Что появилось из ничего, то, без сомнения, и превратится в ничто. Это не так: мы все существовали вечно и вечно будем существовать, и нет силы, которая обратила бы нас в ничто. В мысли о переселении душ не только нет ничего страшного, но она еще и чрезвычайно важна для морального здоровья человечества. Эта мысль является единственным логическим выводом, к которому только и может прийти думающий человек. Если после смерти вы будете существовать вечно, то это означает только одно, что вы и до рождения существовали вечно, по-другому не может быть. Я сейчас попробую опровергнуть ряд обыкновенно возникающих возражений по поводу теории переселения душ. Хотя многим из вас могут показаться нелепыми эти возражения, лучше все же опровергнуть их, ибо известно, что умные люди часто цепляются за глупые аргументы. Не зря ведь сказано, что нет на свете абсурда, который бы не отстаивал кто-то из философов.

Первый вопрос — почему же мы не помним о наших прошлых жизнях? А мы все помним из этой нашей жизни? Сколько среди вас помнит собственное младенчество? Первое время жизни не помнит никто, и если связывать факт нашего существования с памятью о нем, то получится, что никто из нас не существовал в первые месяцы жизни. Это же просто чушь — предположение о том, что наша жизнь зависит от нашей памяти. Почему мы должны помнить прошлые жизни? Того мозга больше нет, он распался, возник новый мозг. В него вошла общая сумма впечатлений от прошлых жизней, и с этим мозг начал жить в новом теле.

Вот я, стоящий перед вами, являюсь следствием, результатом бесконечного прошлого, которое несу в себе. И почему же я должен его помнить? Услышав слова великого мудреца, провидца или пророка древности, современный человек пожимает плечами, что за глупости, но если объявить, что это сказал Хаксли или Тиндаль,²⁰⁹ то это будет воспринято как истина, воспринято на веру. Древние предрассудки заменены предрассудками современными, святые отцы религии заменены святыми отцами науки. Итак, мы видим, как несерьезно предположение, что мы должны помнить прошлые жизни, раз прожили их, а между тем это самое серьезное возражение против теории переселения душ.

Хотя вопрос памяти несуществен для теории переселения душ, можно утверждать, что есть случаи, когда прошлые жизни вспоминаются. К тому же каждый из нас вспомнит прошлые жизни в той, в которой он достигнет освобождения. Только тогда вы осознаете, что наш мир есть просто сон, только тогда в душе вашей души вы почувствуете, что все мы — актеры на мировой сцене, только тогда, как удар грома, оглушит вас понимание свободы от привязанностей, исчезнет страсть к наслаждениям, привязанность к жизни и к земному миру, тогда ум ясно узреет, сколько раз все это уже существовало для вас, сколько миллионов раз были у вас родители и дети, мужья и жены, родные и друзья, власть и богатство. Все это приходило и уходило. Сколько раз поднимало вас на самую вершину волны, сколько раз вас низвергало в бездну отчаяния. Когда память вернет вам все бывшее, вы сможете улыбаться в ответ на брань мира, и только тогда вы сможете возгласить: о Смерть, что мне за дело до тебя, чем ты меня испугаешь? Так будет с каждым.

Существуют ли рациональные доказательства теории переселения душ? До сих пор мы обсуждали негативную сторону вопроса, доказывая несостоятельность аргументации против теории. Существуют ли позитивные доказательства? Существуют, и весьма весомые. Только теория переселения душ, и ничто другое, объясняет огромный разброс в способности людей к усвоению знания. Прежде всего рассмотрим сам процесс усвоения нового, обретения знания. Ну вот, я вышел на улицу и увидел собаку. Откуда мне известно, что это именно

²⁰⁹ См. примеч. 127 к «Джняна-йоге».

собака? Восприятие передается в сознание, в моем разуме сгруппированы, как разложены по полкам, различные впечатления от былого. Всякое новое впечатление сопоставляется с материалом на полках, пока не отыскивается группа сходных впечатлений. Теперь я знаю, что вижу собаку, ее образ совпал с ранее приобретенными образами. Если я не обнаруживаю ничего сходного с новым впечатлением, во мне возникает чувство неудовлетворенности. Это состояние ума и носит название «невежества», совпадение же означает «знание».

При виде падения одного яблока человек испытал неудовлетворенность. Затем была найдена сходная группа явлений — все яблоки падают, влекомые силой гравитации. Из этого явствует, что без запаса накопленного опыта новый опыт невозможно усвоить, его не с чем было бы связать. Если, как полагают иные европейские философы, ум ребенка при рождении представляет собой чистую таблицу, то такой ребенок никогда бы не смог подняться до интеллектуальных высот, поскольку ему не с чем было бы сопоставлять вновь обретаемый опыт. Мы все знаем, что люди различаются по своей способности усваивать новое, что говорит о различиях в ранее накопленном опыте, с которым мы рождаемся на свет. Знание приобретается лишь одним путем, через опыт, и не испытанное нами в этой жизни должно было быть испытано в другой. Откуда в нас страх смерти? Цыпленок едва вылупился из яйца, но при виде коршуна он ищет защиты у курицы. Существует классическое объяснение, впрочем, объяснением оно не имеет права именоваться: все дело в инстинктах. Что заставляет едва вылупившегося цыпленка страшиться смерти? Что заставляет едва вылупившегося утенка при виде воды устремляться к ней? Утенок еще никогда не плавал, не видел, как плавают другие. Все это именуется инстинктом. Это красивое слово оставляет нас в той точке, с которой мы начали. Давайте подумаем над этим явлением, над инстинктом. Ребенок начинает играть на пианино. Вначале ребенку нужно выбирать каждую клавишу, но проходят месяцы и годы упражнений, и игра приобретает автоматизм, ребенок играет уже инстинктивно. То, что на первых порах делалось с сознательным волевым усилием, теперь уже не требует этого усилия. Однако это еще не достаточное доказательство, а лишь половина его, поскольку почти любое инстинктивное действие может быть поставлено под контроль воли. Каждая мышца нашего тела поддается управлению, это известно. Из этого двойного метода аргументации следует, что инстинкт есть не что иное, как выродившееся волевое действие. Если это положение распространяется на всю вселенную, если природа единообразна, то инстинкт у животных и инстинктивные действия человека надо считать вырождением воли.

Применяя к микрокосму закон макрокосма — всякий процесс инволюции предполагает и эволюцию, а всякий процесс эволюции — инволюцию, — мы приходим к выводу, что инстинкт — это инволюционировавший разум. То, что мы называем инстинктом в животных или человеке, — это результат инволюции, вырождения волевых действий, а волевые действия невозможны без опыта. Опыт дал знание, и это знание продолжает существовать. Страх смерти, утенок, устремляющийся к воде, все инстинктивные действия человека — это результат прошлого опыта. До сих пор все ясно, и до сих пор у нас нет расхождений с современной наукой. Но дальше возникает затруднение. Новейшая наука сближается с древним знанием, и в этом сближении нет противоречия. Наука признает, что и человек, и животное рождаются с неким фондом опыта и что ум действует на основе прошлого опыта. Но, вопрошают ученые, какие основания приписывать прошлый опыт душе? Почему не согласиться, что этот опыт связан с телом, и только с телом? Почему не объяснить это наследственностью?

Действительно, почему не предположить, что весь опыт, с которым я родился на свет, есть суммарное следствие опыта, накопленного моими предками? Я несу в себе сумму опыта от комочка протоплазмы до высокоразвитого человека, но этот опыт передавался от тела к телу путем наследования. В чем тут затруднение? Резонный вопрос, и мы согласны признать за наследственностью определенную роль. Но в чем ее роль? В поставках материала. Мы сами своими прошлыми действиями предопределяем свое рождение в определенной телесной оболочке, материал которой поступил от родителей, заслуживших рождение

данной души в качестве их ребенка.

Простая теория наследственности исходит из само собой разумеющегося поразительного предположения, что ментальный опыт может быть зафиксирован в материи, что ментальный опыт может инволюционировать в материю. Когда я смотрю на вас, в озере моего ума поднимается волна. Она потом уляжется, но оставит после себя тончайшее возмущение — впечатление. Мы понимаем, что такое физический отпечаток на теле. Но есть ли доказательства тому, что тело, смертное тело, способно сохранить отпечаток умственной деятельности? Что именно сохраняет его? Если даже предположить, что тело сохраняет все ментальные отпечатки, начиная от первого человека и вплоть до моего отца, и в теле моего отца все это было, то спрашивается, каким образом это перешло ко мне? Через биоплазменную клетку? Возможно ли это? Ведь телесный состав отца не переходит целиком к ребенку. У пары может быть несколько детей, и, согласно этой теории наследственности, которая отождествляет отпечаток и материал, запечатлевший его, при рождении каждого ребенка родители должны утрачивать часть собственных отпечатков, или если родители передают по наследству весь фонд отпечатков, то с рождением первого же ребенка их ум опустошается.

Если биоплазменная клетка заключает в себе бесконечное множество отпечатков с начала времен, то как это происходит? Это кажется невыносимым, и до тех пор, пока физиологи не покажут, как и где живут в клетке эти отпечатки, как они себе представляют ментальные впечатления, дремлющие в физической клетке, их теории нельзя принимать на веру. Пока что ясно следующее — отпечатки остаются в уме, ум рождается, умирает и рождается снова, используя соответствующий ему телесный материал, то есть ум, подготовивший себя для определенной телесной оболочки, вынужден будет ждать воплощения именно в эту оболочку. Это мы понимаем. Затем теоретически роль наследственности заключается в поставках материала, в который может воплотиться душа. Но душа кочует и создает себе тело за телом, каждая наша мысль и каждое наше деяние сохраняются в форме едва приметного отпечатка, готового снова проявить себя в новой оболочке. Вот я на вас смотрю, и в моем уме возникает волна, потом она спадает, становится все меньше, все незаметней, но не исчезает совсем. Она готова снова возникнуть, но уже в моей памяти. Отпечатки скапливаются в моем уме, и когда я умираю, со мною остается их сумма. Представьте себе, что у нас тут есть мяч, каждый из нас берет в руки ракетку, мы начинаем гонять мяч, он прыгает из стороны в сторону и, наконец, выскакивает в открытую дверь. Что остается с мячом? Сумма наших ударов. Она придала ему направление движения. А что направляет душу после смерти тела? Сумма его поступков и мыслей. Если их результат таков, что душа нуждается в новом теле для дальнейшей жизни, она направится к тем родителям, которые подготовлены для предоставления ей подходящей телесной оболочки. И так она будет кочевать от тела к телу, то поднимаясь на небеса, то спускаясь на землю, то в облике человека, то — низшего животного. Это будет продолжаться до тех пор, пока она не завершит накопление опыта и цикл своего существования. К тому времени душа уже познает свою природу, познает себя, освободится от невежества, ее сила проявится, и она достигнет совершенства, больше ей нет нужды действовать через физические оболочки и даже через более тонкие, духовные тела. Душа сияет собственным светом, она свободна от рождений и смертей.

Мы не станем углубляться в подробности всего этого, но я хотел бы обратить ваше внимание еще на один аспект теории переселения душ. Эта теория отстаивает свободу души. Это единственная теория, которая не возлагает на кого бы то ни было вину за наши слабости, что так свойственно человеку. Собственных недостатков мы не замечаем, себя глаза не видят, они видят глаза всех остальных. Мы, люди, неохотно признаем свои слабости, свои недочеты, стараемся найти виноватого в них. Как правило, люди возлагают вину за все беды жизни на других людей или, если уж на то пошло, на Бога, в крайнем случае на выдуманный ими призрак по имени судьба. Где эта судьба, что есть судьба? Мы пожинаем то, что сеем. Мы творим собственную судьбу. Не на кого возлагать вину и некому возносить хвалу. Дует

ветер, и корабль, чьи паруса натянуты, наполняет их ветром и идет по курсу. Корабль, спустивший паруса, ветер не поймают. Ветер ли в этом повинен? Или в этом повинен милосердный Отец, чей благодатный ветер веет не затихая день и ночь, чье милосердие не убывает, Он ли повинен в том, что иные из нас счастливы, другие же несчастны? Мы сами творим свою судьбу, а Его солнце светит и слабым, и сильным, Его ветер равно овеивает и святого, и грешника. Он владыка всего, Отец всего живого, милосердный и беспристрастный. Не хотели ли вы сказать, будто Он, Царь творения, видит ничтожные вещи, наполняющие наши жизни, в том же свете, что и мы сами? Что за нелепое представление о Боге было бы это! Мы, как щенята, мечемся здесь между жизнью и смертью и по глупости думаем, будто сам Бог отнесется ко всему этому с той же серьезностью, что и мы. Он знает, что такое щенячья возня. Как глупы наши старания возложить на Него вину, заставить Его карать и награждать. Он никого не карает и никого не награждает. Его беспредельное милосердие открыто всем, всюду и всегда. От нас самих зависит, как мы им воспользуемся. Никого не вините, ни человека, ни Бога. Вините себя в собственных бедах и старайтесь жить лучше.

Это — единственный выход. Кто возлагает вину на других — увы, с каждым днем растет их число! — несчастные люди, чей ум беспомощен, они собственными ошибками сделали себя несчастными, и, хоть обвиняют в этом других, их положение не меняется. Это бессмысленно. Попытка переложить вину на другого только делает нас еще слабее. А потому не вините никого в своих бедах, стойте на собственных ногах и отвечайте сами за свои поступки. Скажите себе: я сам виноват в своих бедах и страданиях, а значит, и выйти из создавшегося положения я могу только собственными силами. Я могу разрушить то, что сам воздвиг, но мне не разрушить сделанное другими. А потому — поднимайтесь на ноги, будьте смелыми, будьте сильными. Возьмите на себя ответственность за все и помните, что свою судьбу вы творите сами. В вас и сила, и выносливость, в которых вы нуждаетесь. Сами стройте свое будущее, и пусть «мертвое прошлое хоронит своих мертвецов».²¹⁰ Перед вами — бесконечное будущее, и вы должны постоянно помнить, что всякое ваше слово, помысел и поступок закладывают его основу для вас. И если дурные слова и дела готовы тиграми наброситься на вас, то есть и придающая уверенность надежда на то, что ваши добрые слова и поступки с силой ста тысяч ангелов готовы помочь вам и ныне, и во все последующие времена.

БЕССМЕРТИЕ

Бессмертна ли душа человека? Какой вопрос задавался чаще, чем этот, какая мысль сильнее побуждала человека на поиски ответа, какая тайна ближе и дороже нашему сердцу, какая проблема теснее связана с самим нашим существованием, чем бессмертие души? Тема для раздумий поэтов и мудрецов, священнослужителей и пророков, правителей на тронах и нищих на улицах. Эту загадку стремились разгадать лучшие из людей, на ее разгадку надеялись наихудшие из людей. Интерес к ней не угас и по сей день и не угаснет, пока жив человек. Человечество получало различные ответы. На каждом историческом этапе тысячи людей отказывались от мысли понять эту тайну, а тысячи других вновь брались за нее. Мы будто и забываем о ней в повседневной суете, но вдруг кто-то умер, кто-то из наших близких, и на миг затихает шум и грохот мира, и душа вопрошает — а что же потом? Что дальше?

Все человеческое знание строится на опыте, иного пути для познания у нас нет. Все наши рассуждения строятся на обобщенном опыте, все наше знание есть не что иное, как гармонизированный опыт. Что мы видим, оглядевшись по сторонам? Непрестанные перемены. Семя дает росток, росток превращается в дерево, дерево проходит свой

²¹⁰ Соотносится с Мф, 8, 22 или Лк, 9, 60 («предоставь мертвым погребать своих мертвецов»).

жизненный цикл и вновь возвращается к семени. Животное рождается, живет и умирает, завершив свой жизненный цикл. Так же и человек. Горы неприметно, но неизбежно рассыпаются в песок, реки медленно, но неизбежно пересыхают, дожди поднимаются из водоемов и в них же стекают. Все идет циклично, рождение, рост, развитие и распад следуют друг за другом с математической точностью. Мы наблюдаем это на каждом шагу. Но внутри всего этого, за огромной массой того, что мы зовем жизнью, за миллионами форм и обликов, за бесконечным многообразием форм жизни, от атома до одухотворенного человека, существует единство. Мы чуть не каждый день видим, как разрушается стена, которая предположительно разделяла формы жизни, и современная наука начинает признавать всю материю единой сущностью, проявляющей себя по-разному, в различных формах, соединенных единой жизнью, как цепью, звеньями которой являются эти формы. Это носит название эволюции. Мысль об эволюции зародилась в глубокой древности, почти тогда же, когда появилось человеческое сообщество, но по мере того, как человечество накапливает знания, она кажется все более современной. Однако древние понимали и другую сторону эволюции, еще не вполне осознанную в наши дни, — инволюцию. Семя становится деревом, но песчинка деревом никогда не станет. Отец становится ребенком, но комок глины — нет. Возникает вопрос — с чего началась эволюция? Откуда взялось первое семя? Оно было идентично дереву. В семени заложен весь потенциал будущего дерева, в младенце — потенциал будущего человека, в зародыше таятся потенциальные возможности всей будущей жизни. Что же это такое? Философы Древней Индии отвечали — инволюция. Иными словами: процесс эволюции предполагает также и процесс инволюции. Ничто не может появиться, чего уже не было раньше. И в этом вопросе снова нам на помощь приходит современная наука. Нам известен закон сохранения энергии. Из вселенной нельзя ничего убавить, и прибавить к ней тоже нельзя ничего. Следовательно, эволюция не может начаться с нуля, но в таком случае с чего она началась? Эволюции предшествовала инволюция. Младенец — это инволюция взрослого, взрослый — эволюция младенца. Семя есть инволюция дерева, а дерево есть эволюция семени. В зародыше таится весь потенциал жизни. Добавим к этому первоначальную мысль о преемственности жизни, она едина, от протоплазмы до совершеннейшего из людей. Точно так же, как на протяжении одной жизни мы проходим через несколько фаз — эмбрион развивается в ребенка, ребенок становится юношей, юноша доживает до старости, — единая цепь жизни тянется от протоплазмы до совершеннейшего из людей. Это — эволюция, но эволюция предполагает и инволюцию. Вся жизнь, которая постепенно проявляет себя, эволюционируя от протоплазмы до совершенного человека, до воплощения Бога на земле, все эти превращения есть единая жизнь, и вся она должна была находиться в инволюционированной форме в той самой протоплазме. В ней таилась вся жизнь, включая даже Бога на земле, и медленно, медленно, медленно проявлялась. Наивысшее проявление жизни таилось там в зародыше, следовательно, эта единая цепь является инволюцией космической жизни, находящейся везде. Это единое космическое сознание, которое медленно раскрывается во всем, от протоплазмы до совершенного человека. Но оно не растет, мысль о росте нужно просто выбросить из головы. Идея роста ассоциируется с чем-то поступающим извне, с чем-то внешним, а это искажает истину — Бесконечное, таящееся во всякой форме жизни, не зависит ни от каких внешних обстоятельств. Бесконечное не может возрастать, Оно всегда наличествует, Оно только проявляется.

Следствие есть проявленная причина. Существенного различия между причиной и следствием нет. Причина, измененная и ограниченная во времени, становится следствием. Это нужно запомнить. Значит, жизнь во всех ее проявлениях, от протоплазмы до совершенного человека, должна быть идентична космической жизни. Вначале она инволюционировала и приобрела тонкую форму, затем из этой тонкости, из этой причины, она эволюционировала, проявляя себя в направлении более грубых форм.

Но вопроса о бессмертии это еще не решает. Мы видим: ничто во вселенной не исчезает. Нет ничего нового, никогда не будет ничего нового. Вращается колесо жизни, идут

циклы проявлений. Движение всегда волнообразно, нарастание чередуется со спадом. Система за системой развивается из тонких форм, приобретает формы огрубленные и снова будто тает, возвращаясь к тонким формам. Из тонких форм системы возникают снова, развиваются в течение определенного периода и медленно возвращаются к причине. Это касается любого проявления жизни, которое возникает и возвращается к своим началам. Что именно возвращается? Форма. Форма распадается, но потом снова возникает. В известном смысле можно сказать, что форма вечна. Каким образом? Если достаточно долго бросать кости, то комбинация чисел рано или поздно повторится. Перенесем эту аналогию на частицы материи, комбинации которых составляются вновь и вновь. Стакан, стол, графин с водой — все это комбинации, и со временем они распадутся. Но должно наступить время, когда они повторятся в точности — снова вы будете здесь, и все эти формы будут здесь, и мы будем обсуждать эту же тему, и графин с водой будет стоять на том же месте. Это уже было бесчисленное множество раз, и это повторится бесчисленное множество раз. Иными словами, даже физические формы повторяются до бесконечности.

Интересно, что эта теория дает объяснение фактам такого рода: может быть, кому-то из вас случалось видеть людей, способных рассказывать о прошлом других и предсказывать будущее. Мыслимы ли предсказания будущего, если это будущее не регулируется? Следствия прошлого повторяются в будущем, и мы видим, что это так. Вы видели «чертово колесо» в Чикаго? Колесо вращается, люди садятся в кабинки, прикрепленные к нему, покатавшись, они выходят, и их места занимают другие. Каждая группа пассажиров подобна одному проявлению — от неприметнейших тварей до высочайшего человека. Природу можно сравнить с этим колесом, у которого нет ни начала, ни конца, которое находится в вечном вращении, а кабинки — с телами или формами, заполняемыми все новыми и новыми душами. Души поднимаются все выше и выше, пока не достигают совершенства и не покидают колесо. Но колесо продолжает свое вращение, и можно с математической точностью предсказать, где окажется какая из кабинок, но не душ. Точно рассказать о прошлом и будущем природы возможно, мы это видим. Одни и те же физические явления повторяются через определенные промежутки времени, одни и те же комбинации повторяются до бесконечности. Но к бессмертию души это не имеет отношения.

Энергия не исчезает, материя не разрушается. А что происходит? Происходит трансформация, движение осуществляется назад и вперед, пока не возвратится к источнику. Нет движения по прямой, все движется кругообразно, прямая, продолженная в бесконечность, становится окружностью. В таком случае для души невозможен вечный распад, просто невозможен. Все циклично, все возвращается к своему началу, к источнику. Что мы собой представляем — вы, я, все эти души? Обсуждая вопросы эволюции и инволюции, мы убедились, что мы с вами должны быть частью космического сознания, космической жизни, космического ума, который инволюционировал, так что нам предстоит завершить цикл и возвратиться к космическому сознанию, а оно и есть Бог. Космическое сознание и есть то, что люди зовут Богом, или Христом, или Буддой, или Брахманом, то, что материалисты рассматривают как энергию, что агностики считают невыразимой бесконечностью, — мы с вами часть этого.

Это и есть вторая мысль, но и она не рассеивает все сомнения. Очень просто сказать, что энергия не исчезает. Однако все окружающее нас — комбинации. Форма, находящаяся перед нами, состоит из ряда компонентов, такой же следует считать и энергию. Но все, что составлено из частей, должно рано или поздно распасться на части. Все, что является результатом какой-то причины, должно разрушиться, умереть, все это распадается на начальные компоненты. Душа не есть энергия, и она не есть мысль. Душа — творец мысли, но не мысль. Почему? Мы уже убедились, что тело душой быть не может. Почему? Потому что в нем отсутствует сознание. Сознание отсутствует в трупe, сознание отсутствует в куске мяса. А что мы имеем в виду под сознанием? Реактивную силу. Это следует пояснить. Вот графин с водой, я его вижу. Каким образом это происходит? Луч света от графина касается моих глаз и оставляет отпечаток на сетчатке, который передается в мозг. Но это еще не

видение. Сенсорные нервы, как их называют физиологи, передают отпечаток вовнутрь, однако пока это еще не вызывает ответного действия. Соответствующий нервный центр мозга должен передать отпечаток дальше, донести его до ума, и, как только это произойдет, в разуме вспыхнет картина графина. Возьмем более простой пример. Вот вы внимательно меня слушаете, а на кончик вашего носа уселся комар. Однако вы так поглощены тем, что я говорю, что совершенно не чувствуете комара. Что произошло в этом случае? Ведь комар проколол хоботком вашу кожу в определенной точке, которая, конечно, имеет чувствительные нервные окончания. Нервы донесли ощущение укуса до мозга, мозг получил информацию об укусе, но ум, поглощенный другим, не отреагировал, и вы не замечаете комариный укус. Когда ум не реагирует, мы не осознаем наличия новых восприятий, а при реакции ума мы видим, слышим и так далее. С реакцией ума наступает то, что философы санхьи называют просветлением. Мы видим, что само тело просветлять не может, ибо в отсутствие внимания нет и восприятий. Известны случаи, когда в необычных условиях человек начинал говорить на иностранном языке, о знании которого и сам не подозревал. Впоследствии выяснялось, что ребенком этот человек жил среди людей, говоривших на данном языке, и неосознанно запомнил его. Мозг ребенка запечатлел в себе иностранный язык, отпечатки хранились до того времени, когда под влиянием обстоятельств ум отреагировал, настало просветление и человек заговорил на этом языке. Но эти факты доказывают, что и ум не самодостаточен, что и он есть инструмент, управляет которым нечто еще. Вернемся к случаю с мальчиком, ум которого содержал в себе иностранный язык, хотя сам мальчик не знал этого, пока не наступил час, когда знание проявилось. Значит, есть нечто иное помимо ума. Пока ребенок был маленьким, он не использовал имеющуюся у него возможность, а воспользовался ею, когда стал взрослым. Итак, прежде всего существует тело, затем ум, или инструмент мысли, а за умом стоит Душа человека. На санскрите она называется *Атман*. Современные философы, отождествляющие мысль с молекулярными изменениями в мозгу, не могут предложить объяснение случаям, подобным вышеописанному, поэтому они попросту отрицают их. Ум находится в состоянии сложнейшего взаимодействия с мозгом, который умирает всякий раз, когда меняется телесная оболочка. Свет исходит от Души, инструментом которой является ум, через него Душа связывается с внешними инструментами, и так возникает восприятие. Внешние инструменты улавливают впечатления и передают их соответствующим органам, ибо нельзя забывать, что наши глаза или уши не являются органами, они простые приемники, действуют же органы, то есть нервные центры нашего мозга. На санскрите эти центры носят название *индрии*, они доставляют воспринятое ими уму, ум передает их на тот свой уровень, который на санскрите называется *читта*, там они преобразуются в волю и в таком виде предстают перед Царем царей внутри нас, перед Властителем на троне, перед Душой. И Душа отдает распоряжения. После этого ум сразу воздействует на органы, а органы — на тело. Истинный же Повелитель всего — это Душа.

Итак, мы видим, что Душа человеческая не есть ни тело человека, ни его мысль. Душа не может быть составлена из частей. Почему? Потому, что все составленное из частей можно увидеть или вообразить. Что нельзя увидеть, вообразить или воспринять, что мы не в состоянии сложить вместе, то не является энергией или материей, причиной или следствием и не состоит из частей. Душа не подчинена закону причинности, следовательно, она не состоит из частей. Душа вечно свободна и подчиняет себе все, находящееся в рамках закона причинности. Она бессмертна, ибо смерть означает распад и возвращение к составным частям, а то, что не имеет составных частей, не может и распасться на них.

Мы приближаемся ко всем более сложным и тонким материям, которые могут кое-кого даже испугать. Теперь мы знаем, что Душа, будучи вне ограниченного мирка материи, энергии и мысли, однородна, а как однородная — она бессмертна. Но что не может умереть, не может и жить. Жизнь и смерть есть две стороны медали. Жизнь — это иное наименование смерти, а смерть — иное наименование жизни. Одно проявление бытия именуется жизнью, другое проявление того же — смертью. Поднимающаяся волна — жизнь, она же опадающая

— смерть. Следовательно, находящееся вне смерти находится и вне жизни. Здесь я должен напомнить вам о том, что человеческая душа составляет часть существующей космической энергии, которая и есть Бог. Сейчас мы пришли к заключению, что она находится вне жизни и вне смерти. Вы никогда не рождались на свет, и вы никогда не умрете. Но в таком случае что представляют собою жизнь и смерть, которые мы постоянно наблюдаем вокруг? Рождаются и умирают только плотские оболочки, душа же существует во всем. Вы можете спросить меня: как же так? В этом зале сидит множество людей, а вы толкуете о душе, которая присутствует во всем? На это я могу ответить встречным вопросом: чем можно ограничить то, что неподвластно законам причинности? Вот стакан ограничен, он не может присутствовать во всем, поскольку материя вокруг стакана понуждает его принять заданную форму и не дает ему распространиться. Стакан подчинен своему окружению, а потому ограничен. А что способно ограничить находящееся вне законов природы, вне воздействий? Оно должно присутствовать во всем. Вы присутствуете во вселенной. Но как быть с тем, что я был рожден на свет, что я неизбежно должен покинуть этот свет? Это — иллюзия мозга, это результат невежества. Вы не умрете, потому что вы не рождались. Ваша душа не знала рождения, не будет у нее возрождения, не будет переселения души, жизни, ничего не будет. Мы являемся на этот свет и покидаем его? Какая чепуха! Это лишь галлюцинация, вызванная изменениями в тонком теле, которое мы именуем умом. Изменения и будут происходить. Но похоже это на облачко, плывущее в небе. Оно плывет и плывет и может вызвать иллюзию движения неба. А иногда облако наплывает на луну, и тогда нам иной раз кажется, будто это луна плывет. В поезде нам мерещится, что не поезд движется, а пейзаж убегает назад, в лодке — что движется не лодка, а вода. На самом деле мы не появляемся на свет и не покидаем его, мы не рождаемся и не возрождаемся, мы бесконечны, мы вечны, мы свободны и не подчинены законам причинности. Разве может умереть то, что не родилось?

Нам предстоит сделать следующий шаг, чтобы прийти к логическому выводу. Нельзя останавливаться на полпути, если вы углубляетесь в метафизику. Раз человек не подчинен законам природы, мы все должны обладать всезнанием и испытывать постоянное блаженство. В нас должно быть все знание, вся власть и все блаженство. Именно так и есть. Мы и есть всезнающие, вездесущие, мы составляем суть вселенной. Но возможно ли такое великое множество носителей сути вселенной? Сотни миллионов вездесущих? Ясно, что нет. Каждый из нас единствен, ибо Душа — одна, но Она есть вы. За ограниченной природой, за ограниченным миром есть то, что мы зовем Душой. Она единая, вечно благословенная, вездесущая, всеведущая, не знающая ни рождения, ни смерти.

«Волей Того простирается небо, волей Того дышит воздух, волей Того сияет солнце, и волей Того все живет. Это — подлинное в природе. Душа вашей души, То и есть мы, мы едины с Тем».²¹¹

Где появляется два, там возникает страх, опасность, столкновение, борьба. Если же все — Одно, кого тогда ненавидеть, против кого бороться? С кем сражаться, если все есть То? Вот объяснение подлинной сути жизни, вот объяснение сути бытия. Оно в совершенстве, а совершенство есть Бог. Множество нам только мнится.

«Кто видит Единое в мире множеств, кто видит Неизменное в мире перемен, как Душу его собственной души, тот свободен, тот благословен, тот достиг цели».²¹²

А потому помните: ты есть Он, ты и есть Бог вселенной.

«Тат твам аси» — «То есть ты». Представления же о том, будто я мужчина или женщина, я болен или здоров, я силен или слаб, я люблю или я ненавижу или мне недостает власти, — все это иллюзии. Отбросим их! Что делает вас слабыми? Что внушает вам страхи? Вы же едины с Высшим существом! Чего вы боитесь? Встаньте на ноги и будьте

²¹¹ Пересказ Катха уп., II, 3, 3.

²¹² Пересказ Катха уп., II, 2, 13–14.

свободными. Помните, единственное зло в мире — это мысли и слова, внушающие человеку ощущение его слабости. Что может пугать вас? Если гаснут солнца, если в пыль рассыпаются луны, если исчезают миры, уходя в небытие, — что вам до этого? Ведь вы несокрушимы. Вы и есть То, вы и есть Бог вселенной. Повторяйте себе: я есмь абсолютное существование, я есмь абсолютное блаженство, я есмь абсолютное знание, я есмь То. Как лев, вырывающийся на свободу из клетки, так и вы порвете свои цепи и обретете свободу навсегда. Что вас пугает? Что вас сковывает? Только невежество и заблуждение, больше ничего.

Глупцы вас уверяют, будто все вы грешники, и вы готовы сидеть в углу, оплакивая свои прегрешения. Глупо, зло и подло внушать человеку мысль о его греховности! Каждый из нас — Бог. Разве вы не видите, что Бога мы и называем человеком? Стройте свою жизнь на этом! Если человек перерезает вам горло, не противьтесь, потому что это вы перерезаете свое горло. Не гордитесь, помогая бедняку, гордиться нечем, это ваша молитва. Разве не в вас вся вселенная? Вы и есть Душа вселенной. Вы и Солнце, и Луна, и все звезды, это ваше сияние озаряет мир. Кого вам ненавидеть, с кем сражаться? Не забывайте — вы и есть То, и строите свою жизнь, памятуя об этом, чтобы больше не пришлось вам ползать во мраке.

АТМАН

Многие из присутствующих, вероятно, читали знаменитую книгу Макса Мюллера «Три лекции по философии веданты»,²¹³ а кое-кто, возможно, и знаком с немецкой книгой профессора Дейссена²¹⁴ на ту же тему. На Западе религиозная мысль Индии, как правило, преподается по одной из ее школ, по *адвайтизму*, представляющему монистическое направление, поэтому подчас создается впечатление, будто монизм покрывает собой все учение Вед. Однако индийская религиозная мысль проходила в своем развитии через различные фазы, среди которых недуализм, возможно, оказывается в меньшинстве. В Индии с древнейших времен существовали разные философские школы, разные религиозные секты. Отсутствие организованной церкви или группы людей, которые формулировали бы доктрины, обязательные для всех, открыло большой простор для развития философской мысли в различных направлениях. Именно этим объясняется наличие в Древней Индии такого большого количества философских школ. Не могу сказать, сколько их насчитывается в настоящее время, так как их число увеличивается год от года. Кажется, будто Индия обладает неисчерпаемым запасом религиозной энергии.

Однако все это многообразие может быть разделено на две категории — на ортодоксальную и неортодоксальную философию. К ортодоксам относятся те, кто рассматривает Священное писание индусов, Веды, как вечное откровение истины; других же, кто отвергает Веды в этом качестве, признавая иные авторитеты, следует считать гетеродоксами. Крупнейшими неортодоксальными школами индуизма в новейшее время надо считать джайнизм и буддизм. Ортодоксальные школы делятся на те, что ставят Веды выше разума, и те, кто полагает, что следует использовать лишь рациональную часть Вед, откинув остальное.

Из трех ортодоксальных направлений, представленных сторонниками *санкхьи*, *ньяи* и *мимансы*, два первых хотя и существовали как философские школы, но не дали начала каким-либо сектам. Одна секта, которая действительно охватывает всю Индию, — это секта сторонников поздней мимансы, или ведантистов. Их философия называется *ведантизмом*.

²¹³ См. примеч. 112 к «Джняна-йоге».

²¹⁴ П.Дейссен (1845–1919), профессор Кельнского университета, один из ведущих представителей европейского обществознания XIX в. Ученик А.Шопенгауэра, П.Дейссен высоко ценил ведантистскую мысль, находя много общего в учении веданты и философии И.Канта. Автор шеститомной «Всемирной истории философии», принесшей ему мировую известность, три тома которой были посвящены индийской философии.

Все школы индийской философии основываются на *веданте*, на Упанишадах, но мониисты считают, что название «*ведантизм*» принадлежит только им, поскольку их теология целиком строится на веданте, и больше ни на чем. Однако с течением времени веданта получила такое распространение в Индии, что сегодня все существующие там философские школы могут быть сочтены связанными с ней. Тем не менее между школами сохраняется ряд различий.

В современной веданте есть три основных направления. Сходятся все они на вере в Бога. Все они рассматривают Веды как откровенное слово Бога, хотя и не вполне в том смысле, как рассматривают откровение христиане и мусульмане. Они рассматривают Веды как выражение знания Бога, а поскольку Бог вечен, то знание его вечно с ним, следовательно, Веды — вечны. Существует и еще одно общее основание веры: вера в цикличность бытия, в то, что творение исчезает и затем проявляется вновь, что после сотворения все сущее идет вначале путем огрубления, затем приобретает все большую тонкость, после чего наступает период покоя. Этот процесс бесконечно повторяется. Ведантисты постулируют существование вещества, именуемого *акаша*, сопоставимого с тем, что ученые называют эфиром, и энергии, носящей имя *прана*. С точки зрения веданты вселенная возникает из колебаний праны. К концу каждого цикла проявления природы становятся все тоньше и растворяются в акаше, субстанции невидимой и неосязаемой, являющейся, однако, материалом для всего, что существует. Силы, наблюдаемые нами в природе, такие, как сила тяготения, силы притяжения и отталкивания, равно как и мысль, ощущение и нервная энергия, — все они растворяются в пране, а колебания праны затухают. В состоянии покоя и пребывает она до начала следующего цикла. Затем вновь возникают колебания праны, которые воздействием на акашу начинают новый цикл.

Первое направление, о котором я намереваюсь рассказать вам, считается дуалистическим. Дуалисты утверждают, что Бог — создатель вселенной и ее владыка — вечно отделен от природы и вечно отделен от человеческой души. Бог вечен, природа вечна, как и все души. Но природа и души проявляются и изменяются, а Бог остается неизменен. Дуалисты рассматривают Бога в личностном плане, он наделен качествами, но, разумеется, не телесной оболочкой. Бог обладает человеческими атрибутами: Он милосерд, Он справедлив, Он всемогущ, к Нему можно обратиться, Ему можно возносить молитвы, Его можно любить, и Он может ответить любовью на любовь. Иными словами, речь идет о Боге, представляемом в виде человека, с той лишь разницей, что Он несопоставимо больше человека и свободен от дурных человеческих качеств. По определению, «Он есть вместилище бесчисленного множества благословенных свойств».²¹⁵

Богу нужен материал для творения, этим материалом является природа, из которой Он созидает вселенную. В Индии есть школа дуализма, не связанного с ведантой, так называемая школа атомизма,²¹⁶ приверженцы которой смотрят на природу как на бесконечное скопление атомов. Воля Бога, воздействуя на эти атомы, приводит к акту творения. Сторонники веданты отвергают атомную теорию как совершенно нелогичную: неделимые атомы подобны геометрическим точкам, лишенным объема, но от бесконечного умножения чего-то, не обладающего объемом, ничего не произойдет. Сложением любого количества нулей невозможно получить число. Следовательно, поскольку атомы неделимы и не обладают объемом, из них невозможно сотворить вселенную. Дуалисты ведантистского

²¹⁵ Имеются в виду тексты двайта-веданты.

²¹⁶ Вайшешика (одна из шести систем классической индийской философии) обстоятельно исследовала проблему атомистического строения мира. Текст Вайшешика сутр (II–I вв. до н. э.) приписывается легендарному мудрецу Канаде. Мир в вайшешике понимается как реально существующий и состоящий из бесконечно малых частиц (ану) — атомов. Значение атомистической теории вайшешики в индийской философской культуре сопоставимо с тем значением, которое имела атомистическая теория Демокрита для развития греческой философии.

толка утверждают, что Бог творит вселенную из того, что они называют недискретной, или нерасчлененной, природой. Индийцы в большинстве своем придерживаются дуалистических взглядов. Человеку обыкновенно бывает трудно постичь более высокие структуры. Процентом девяносто верующих на земле, какую бы они ни исповедовали религию, тоже стоят на позициях дуализма. Дуалистичны все религии Европы и Западной Азии, они и не могут быть иными. Простому человеку с трудом дается восприятие неконкретного, он, естественно, тянется к тому, что доступно его интеллекту, то есть он воспринимает высокие духовные идеи, низводя их до собственного уровня, внося конкретность в абстрактные представления. Другой религии на массовом уровне быть не может. Массы верят в такого Бога, который достаточно удален от них, в некое подобие великого царя или могущественного монарха, но они наделяют Его большей чистотой, чем та, которой способен обладать земной властитель, они наделяют Его всеми добрыми качествами и освобождают от дурных. Как будто добро может существовать в отсутствие зла, как будто концепция света возможна без концепции тьмы!

Первейшая трудность любой дуалистической теории заключается в следующем: откуда столько зла в мире, которым правит милосердный и справедливый Бог, вместилище бесчисленных добрых качеств? Этот вопрос возникает во всех дуалистических религиях, но в отличие от всех других индуизм так и не изобрели Сатану в качестве ответа на него. Индусы единодушно возлагают вину на самого человека, что сделать весьма легко. Почему? Да потому, что, как я вам только что сказал, они не верят, будто души сотворены из ничего. Жизнь учит нас тому, что человек может формировать свое будущее, каждый из нас сегодня планирует завтрашний день, завтра мы будем планировать послезавтрашний и так далее. Логично было бы обратить этот процесс и в прошлое. Если мы своими действиями определяем свое будущее, то почему бы и не прошлое? Если в бесконечной цепи попеременно повторяются схожие звенья, то, объяснив себе одну группу звеньев, не получаем ли мы объяснение всей цепи? Рассматривая бесконечно продолженное время, мы можем выделить, объяснить и понять его отрезок, и если природа действительно единообразна, то наше объяснение пригодно для всей цепи времени. Если верно, что мы определяем собственную судьбу на короткое время, если верно, что у всего есть причина, то наше настоящее должно быть следствием всего нашего прошлого, а посему человек сам определяет судьбу человечества, и нет нужды вводить еще одно действующее лицо. Зло в мире сотворили мы сами, никто иной. Мы и есть причина всего зла, мы постоянно наблюдаем, как дурные поступки приводят к страданиям, значит, беды мира в значительной степени являются последствиями дурных поступков человечества в прошлом. Соответственно человек сам во всем повинен. На Боге нет вины. Он, извечно милосердный отец, ни в чем не виноват. Мы пожинаем то, что сами посеяли.

Любопытным аспектом дуалистической доктрины является положение о том, что каждая из душ рано или поздно придет к спасению. Никто не останется обделенным. Через препятствия, через муки и радости — все придет к концу, к освобождению. К освобождению от чего? Все индуизм верят, что любая душа должна освободиться от вселенной, выйти из нее. Ни та вселенная, которую мы воспринимаем органами наших чувств, ни та, которую мы воображаем, не может быть подлинной, ибо является смешением добра и зла. Дуалисты утверждают, что за пределами вселенной есть обитель, где существует лишь добро и счастье. По достижении этого места исчезает необходимость снова и снова рождаться на свет и умирать снова и снова — идея весьма привлекательная. Там нет ни болезни, ни смерти. Там царит вечное блаженство, и попавшие туда будут жить вечно в присутствии Бога. Дуалисты верят, что все живое — от не приметнейшего червяка до ангелов и богов — рано или поздно окажется в этом мире, где нет места страданию. Но ведь наш мир никогда не прекратит существование, он вечен в своей цикличности. Бесчисленно количество душ, которым предстоит усовершенствоваться до освобождения: души растений, души животных, души людей, души богов, — но все они, даже души богов, несовершенны, а потому поработены. В чем их поработенность? В необходимости снова рождаться и снова умирать. Даже боги

умирают. Что такое боги? Это определенные состояния души, наделенные определенными функциями. Например, Индра, царь богов, — это его функция: некоторая душа достаточно высока, чтобы занять такое место в данном цикле, после же завершения цикла она родится снова на земле в человеческом облике, а человек, достигший высокой степени совершенства, в следующем цикле займет ее место на небесах. Кто творит добро в этом мире и помогает другим, но в надежде на вознаграждение либо на небесах, либо на земле, тот после смерти пожинает плоды своих добрых дел, такие люди и становятся богами. Но это еще не освобождение, ибо нельзя освободиться, пока ждешь награду. Бог дает человеку все, чего тот желает. Люди желают власти, люди желают славы, люди желают наслаждаться, как боги, — и исполняют свои желания, но следствия этого невечны. Через некоторый промежуток времени они исчерпают себя, это время может измеряться эрами, но оно все равно кончится, боги опять родятся людьми, получая новую возможность достичь освобождения. Животные, поднимаясь все выше, станут людьми, а возможно, и богами, потом снова станут людьми, а может быть, и животными, и так будет продолжаться до тех пор, пока они не избавятся от всех желаний, от жажды жизни, от привязанности к «я и мое». Вот это «я и мое» — самый настоящий корень мирового зла. Если спросить у дуалиста: «Это ваш ребенок?» — он ответит: «Ребенок Божий! Все, что у меня есть, принадлежит Богу!» Все должно считаться Божьим.

Индийские дуалисты — ярые приверженцы вегетарианства, страстные проповедники неубиения животных. Но их мотивация в корне отлична от буддийской. Если спросить буддиста, почему он против убиения животных, то он скажет, что ни у кого нет права отнимать жизнь. Если этот же вопрос задать дуалисту, то его ответ будет другим: животные принадлежат Богу. Иными словами, для дуалиста «я и мое» возможно только для Бога. Когда у человека не остается ничего своего, когда он все отдает Богу, когда он полон любви ко всему и готов пожертвовать жизнью ради животного, когда он не ждет никакой награды, тогда сердце его исполняется чистоты и в чистое сердце входит любовь к Богу. Всякая душа тянется к Богу, и дуалист говорит: иглу, покрытую глиной, не притягивает магнит, но стоит лишь отмыть ее, и она потянется к магниту. Бог — это магнит, а человеческая душа — иголка, но она покрыта пылью и грязью дурных поступков. Очистившись, иголка проявит естественное тяготение к Богу и пребудет с ним вечно, вечно оставаясь отличной от Него. Душа, достигшая совершенства, может занять любую оболочку по своему выбору, может занять хоть сотню тел или вообще отказаться от тела, если пожелает. Такая душа почти всемогуща, но она не способна творить, это прерогатива одного только Бога. Сколь бы совершенна ни была душа, она не может управлять вселенной, это дело Бога, но совершенная душа пребывает в вечном блаженстве и в вечном общении с Богом. Так считают дуалисты.

У них есть еще одна интересная идея — они считают невозможным просить Бога о милостях разного рода. С их точки зрения, это непозволительно. Если человек желает просить о материальных благах, ему следует обращаться с такими просьбами к существам не столь высокого порядка — к богам, или к ангелам, или к совершенным душам. Бога можно только любить. Молиться Ему — почти святотатство, особенно молиться о чем-то. Если человек устремлен к освобождению, он должен почитать Бога. Такова религия индийских масс.

Подлинная философия веданты начинается с ограниченного недуализма. Последователи этой школы утверждают, что следствие никогда не отличается от причины, следствие и есть причина в другой форме. Если вселенная есть следствие, а Бог — причина, то вселенная не может быть ничем иным, как самим Богом. Они начинают с того, что Бог является как действующей, так и материальной причиной вселенной, Он и ее творец, Он же и материал, из которого возникла вся вселенная. Строго говоря, слова «сотворение» в санскрите просто нет, ибо ни одна из индийских школ духовной философии не признает акта творения в том смысле, который вкладывает в это Запад, — нечто, возникающее из ничего. Возможно, что такая идея и выдвигалась когда-то, однако она быстро ушла в небытие. В

настоящее время я не знаю школы, которая признавала бы акт сотворения мира. Когда индусы говорят о сотворении, они имеют в виду проявление того, что существовало ранее. Итак, вселенная есть Бог. Он является и ее материалом. Мы читаем в Ведах: «Как *урнанабхи*, паук, тклет нить из собственного тела, так вся вселенная вышла из Него».²¹⁷

Если следствие есть модифицированная причина, то возникает вопрос: как можно считать, будто материальная, тупая, бессознательная вселенная появилась из Бога, который сам нематериален, но являет Собой вечное сознание? Если причина столь чиста и совершенна, может ли следствие так разительно отличаться от нее?

В ответ ведантисты выдвигают довольно своеобразную теорию. Они говорят, что все три формы существования: Бог, природа и душа — едины по сути. Бог и есть Душа, а природа и души являются Его телесным воплощением. Точно так же, как я обладаю и телом, и душой, так и вся вселенная, и все души являются телом Бога, Бог же есть Душа всех душ. Таким образом, Бог есть материальная причина вселенной. Тело подвержено изменениям, оно может быть юным или старым, сильным или слабым, однако души это не касается. Ее существование вечно, а через тело она проявляет себя. Тела рождаются и умирают, душа же остается неизменной. Природа есть тело Бога, в этом смысле природа есть Бог, но никакие изменения во вселенной не затрагивают Бога. Он из себя творит вселенную, и в конце цикла Его тело становится все тоньше, оно стягивается, в начале же цикла тело вновь расширяется, проявляясь в виде различных форм жизни.

И дуалисты, и представители ограниченного недуализма сходятся на том, что душа по натуре чиста, однако загрязняется собственными поступками. Недуалисты выражают это красивее, чем дуалисты. Они говорят, что чистота и совершенство души сокращаются, чтобы потом снова проявить себя, поэтому задача человека — способствовать проявлению сознания, чистоты и силы, природно присущих душе. Души обладают множеством свойств, но всемогущество и всеведение не входят в их число. Всякий дурной поступок ущемляет природу души, всякий добрый — развивает ее, и все души являются частицами Бога. «Как мириады искр летят из пылающего огня, храня в себе все его свойства, так и души связаны с Бесконечностью, с Богом».²¹⁸

Бог сторонников ограниченного недуализма тоже является Личностным Богом, вместившем бесчисленное множество благословенных качеств, но Он проникает собой все сущее во вселенной. Он имманентен, Он во всем. И когда в священных книгах говорится, что Бог есть все, то имеется в виду, что Бог проникает собою все, речь ведь не о том, что Бог может стать стеной, но и в стене тоже есть Он. Нет во всей вселенной ни единого атома, в котором не было бы Бога. Души ограничены, ибо не являются вездесущими. Когда души развиваются и достигают совершенства, они выходят за пределы рождений и смертей, они вечно живут с Богом.

Так мы приближаемся к адвайтизму, к тому, что мы считаем прекраснейшим цветком философии и религии всех времен и народов. Здесь человеческая мысль раскрывается в предельной полноте, освещая собой даже тайну, которая кажется непостижимой. Речь идет о недуалистической веданте, а не о религии для масс, ибо то, о чем я говорю, чересчур умозрительно и возвышенно для этого. Даже в Индии, где зародился адвайтизм, где он царит уже в течение трех тысячелетий, он не смог увлечь массы. Скоро мы с вами обнаружим, насколько труден адвайтизм для понимания, как бы вдумчив ни был человек и где бы он ни жил. Мы сами ослабили себя, мы сами принизили себя, и какие бы великолепные позы мы ни принимали, мы, естественно, ищем в чем-то опору. Мы похожи на слабенькие, хрупкие растения, которые нуждаются в поддержке. Сколько раз в жизни я слышал от разных людей, что им хочется найти «утешительную веру»! К истине стремятся очень немногие, еще реже

²¹⁷ Пересказ Мунд. уп., I, 1, 7.

²¹⁸ Пересказ Мунд. уп., II, 1, 1, или Швет. уп., VI, 2, 10.

встречаются те, кто осмеливается познать истину, и уж совсем редко — те, кто решается вынести практические последствия из приближения к истине. Это не порок людей, это их слабость, вялость их мозга. Всякая новая мысль, особенно мысль духовная, вызывает возмущение в мозгу, когда она, так сказать, пролагает себе канал через серое вещество, а это нарушает равновесие системы, сбивает человека с привычного пути. Человек привык к определенным представлениям, а тут требуется преодолеть массу укоренившихся предрассудков, освященных традицией, классовых предубеждений, предубеждений, связанных со страной и культурой, да и просто косность, присущую нам всем. Находятся, однако, отважные сердца, которые осмеливаются взглянуть в лицо истине, приобщиться к ней и до конца следовать путем истины.

В чем же суть *адвайты*? Последователь этого учения говорит, что если Бог есть, то Он должен быть как действующей, так и материальной причиной вселенной. Он и творец, и творение. Бог и есть вселенная. Как это может быть? Как может стать вселенной чистый дух? Видимо, может. То, что видят во вселенной невежды, на самом деле просто не существует. Но что есть в таком случае видимое нами? Самовнушение, ибо бытие Едино, Бесконечно, Вечно благословенно. А нам снятся сны. Все есть Атман, он за всем, он есть Бесконечность, он за познанным, он за познаваемым, в Нем и через Него видим мы вселенную. Нет иной Реальности. Атман все — вот этот стол, люди, собравшиеся здесь, стены. Он — все, за исключением имени и формы. Отнимите у этого стола его имя и форму, то, что останется, и есть Атман. Атман не мужского и не женского рода, у души нет пола, ибо и эти различия иллюзорны и порождены в нашем мозгу. Человек, который живет в этом заблуждении, который уподобился животному, видит перед собой мужчин и женщин, но живые боги не различают людей по полу, какое дело до половых различий тем, кто вышел за предел? Различия — в именах, в формах, в телах, но не в сути. Если снять различия, то вселенная предстанет единым целым, без двойственности. Мы с вами едины. Нет природы, нет Бога, нет вселенной, есть лишь Бесконечное Бытие, из которого все сотворено посредством имен и форм. Как познать Знающего? Он непознаваем. Как увидеть собственное «Я»? В своем отражении. Вселенная и есть отражение Атмана, и это отражение воспринимается хорошими или плохими отражателями, отсюда и хорошие или плохие образы. Убийца — это не плохая Душа, а лишь плохой отражатель. Святой — хороший отражатель. Душа чиста по своей природе. Единое Бытие отражено и в червяке, и в совершеннейшем из людей. Вселенная представляет собой Единство в физическом, умственном, моральном и духовном смысле. Мы же видим это Единство в многообразии форм и создаем на их основе образы. Существо, ограниченному жизнью в человеческом облике, Оно представляется человеческим миром. Существо более высокого уровня Оно может казаться небом. Но Душа во вселенной — одна, Она не приходит и не уходит, Она не рождается, не умирает, не перевоплощается. Как может Она умереть? Куда может Она уйти? Все эти небеса, все эти другие миры — всего лишь плод воображения ума. Они не существуют, никогда не существовали, никогда не будут существовать.

Я вездесущ, я вечен. Куда я могу уйти, если я и так повсюду. Я читаю книгу-природу, переворачиваю страницу за страницей, и передо мной проходят сны жизни. Перевернута еще одна страница, промелькнул и исчез еще один сон. Когда я кончу книгу, я просто отложу ее, и все на этом кончится. В чем же смысл адвайты? Ее последователи утверждают, что адвайта низвергает с тронов всех богов, которые были или будут, и возводит на трон Душу человека, Атман, превосходящий солнце и луну, превосходящий небеса, превосходящий своим величием великую вселенную. Никакие книги, никакое священное писание, никакая наука не могут даже вообразить величие Души, предстающей в облике человека, величайшего Бога, единственного Бога, который был и который будет. Следовательно, мне не нужно поклоняться никому, кроме самого себя. «Я поклоняюсь собственной Душе», — возглашает последователь адвайты. Перед кем мне склоняться? Я воздаю почести моей Душе. У кого мне искать поддержку? Кто может помочь мне, Бесконечности во вселенной? Кто, когда мог кому помочь? Все это заблуждения, глупые мечтания, галлюцинации. Когда вы встречаете

глупого человека, дуалиста, вымаливающего помощь у небес, помните, он просто не знает, что небеса в нем самом. Он просит помощи небес, и помощь приходит. Мы знаем, что она приходит, но только изнутри самого человека, ему же кажется, что она пришла откуда-то извне. Иной раз больному в его постели может послышаться стук в дверь. Он встает, открывает дверь, но никого не видит. Больной снова ложится в постель и снова слышит стук. Он снова открывает дверь — никого. В конце концов он обнаруживает, что собственное сердцебиение принял за стук в дверь. Вот так и тот, кто после тщетных поисков богов вне себя завершает цикл и возвращается к исходной точке — к человеческой душе. Он обнаруживает, что Бог, которого искал он на вершинах и в долинах, в храмах, церквах и на небесах, Бог, которого он воображал властителем мира, царствующим в небесах, — это его собственная Душа. Я — это Он, а Он — это я. Я всегда был Богом, а жалкий человек никогда не существовал.

Но разве может Бог в его совершенстве заблуждаться? Он никогда и не заблуждался. А разве может Бог в его совершенстве видеть сны? Он никогда их и не видел. Истина не видит снов. Нелеп даже сам вопрос о том, откуда взялась эта иллюзия. Иллюзия возникает только из иллюзии, она не опирается на Бога, на Истину, на Атман. Вы никогда не заблуждаетесь — заблуждение в вас, перед вами. Вот облако — набегают другие и покрывают его, а потом и третье покрывает то, что набежало раньше. Как на вечно голубом небе появляются облака разного цвета и вида, заволакивают его на время, чтобы исчезнуть, оставив после себя все ту же сияющую голубизну, так и вы вечно остаетесь чисты и совершенны. Ведь каждый из вас и есть Бог вселенной. Неверно даже говорить «вы и я», надо говорить — «я». Это я ем миллионами ртов, как же я могу быть голоден? Это я работаю миллионами рук, как же я могу бездействовать? Это я живу жизнью всей вселенной, где же моя смерть? Я превыше жизни и превыше смерти. Где я могу найти свободу? Я свободен по натуре. Кто может остановить меня, Бога вселенной? Все священные книги мира — примитивные карты, предназначенные для того, чтобы очертить мое величие, величие единственного бытия во вселенной. Так что значат эти книги для меня?

«Познай истину, и ты мгновенно освободишься».²¹⁹ Рассеется мрак. Когда человек увидит себя Бесконечностью вселенной, когда исчезнет отделенность, когда все — мужчины, женщины, боги, ангелы, животные и растения, вся вселенная — сольется в Одно, рассеется всякий страх. Разве я могу причинить себе вред? Разве я могу убить себя? Разве я могу изувечить себя? Кого мне бояться? Исчезнет и печаль. Что может опечалить меня? Я ведь Единственная жизнь вселенной. Исчезнут ревность и зависть. К кому мне ревновать? К самому себе? Исчезнут все дурные чувства. На кого мне злиться? На самого себя? Ведь во всей вселенной нет никого, кроме меня.

И это, как говорят последователи веданты, единственный путь к Знанию. Уберите все различия, уберите нелепое представление о множестве. «Кто в этом мире множеств видит Единое, кто в этой массе несознания видит единственное Сознание, кто в этом мире теней улавливает единственную Реальность — Ему, и никому иному, открыт вечный покой, Ему, и никому иному».²²⁰

В этом и заключаются основные черты тех трех шагов, которые индийская религиозная мысль сделала по направлению к Богу. Мы видели, что она начинала с личностного, сверхкосмического Бога. Затем от внешнего космоса она перешла к космосу внутреннему, к имманентности Бога во вселенной, и подошла к отождествлению самой души с Богом, рассматривая единую Душу как единую суть многообразия вселенной. Это — последнее слово Вед. Веды начинаются с дуализма и через ограниченный монизм ведут к монизму совершенному. Мы знаем, сколь мало число людей в мире, способных целиком пройти этот

²¹⁹ Пересказ Катха уп., II, 3, 8.

²²⁰ Пересказ Катха уп., II, 1, 1–2.

путь или просто поверить в то, что он есть. Еще меньше число тех, кто смеет жить в соответствии с этим учением. И в то же время именно здесь мы находим объяснения всей этики, всей морали и всей духовности во вселенной. Почему мы постоянно требуем творить добро для ближнего? Почему все великие люди проповедовали всечеловеческое братство, а самые великие — братство всех форм жизни вообще? Потому что сознавали они это или нет, но за всеми их иррациональными или личностными предубеждениями сиял им вечный свет Души, опровергающий многообразие и доказывающий единство всего сущего.

Это последнее слово раскрыло перед нами единую вселенную, которую мы чувственно воспринимаем как материю, интеллектуально как душу и духовно как Бога. Для человека, окутанного покрывалами того, что мир зовет злом, вселенная меняется и принимает облик адского места; для другого, устремленного к радостям жизни, та же вселенная переменится в рай; для совершенного же человека все исчезнет и превратится в его собственную Душу.

При общественном порядке, существующем в настоящее время, необходимы все три стадии развития религиозной мысли, тем более что ни одна из них не перечеркивает другую, а, напротив, как бы является ее продолжением. Последователи адвайты или ограниченной адвайты не опровергают дуализм — это правильный подход, но подход низшего типа. Дуализм тоже ведет к истине, а потому каждому следует выработать собственное представление о вселенной в соответствии с собственными идеями. Никого не надо обижать, ничью позицию не надо отвергать, лучше протянуть руку помощи, помочь подняться на более высокую ступень постижения, но не разрушая того, что человек уже сам постиг. В конечном счете к истине придут все.

«Когда будут покорены все желания сердца, тогда бессмертным станет все, что сейчас смертно»,²²¹ и каждый станет Богом.

АТМАН: ЕГО НЕСВОБОДА И СВОБОДА

Философия адвайты учит, что лишь одно реально во вселенной, и это она называет Брахманом. Все остальное нереально, явлено и сотворено из Брахмана силой майи. Наша цель заключается в том, чтобы возвратиться в состояние Брахмана. Мы, каждый из нас, есть Брахман, Реальность плюс майя, незнание. Освободившись от майи, мы становимся тем, что мы по сути есть. В соответствии с учением адвайты человек состоит из трех компонентов — из тела, из его внутреннего органа, или ума, и из того, что называется Атман, Душа. Тело служит внешней оболочкой, а ум — внутренней оболочкой Атмана, который и есть наша суть, который управляет нами посредством ума.

Атман — единственный нематериальный компонент в человеческом теле. Будучи нематериален, он не имеет частей, а потому не подчинен причинно-следственным связям, а значит, бессмертен. Бессмертное не может иметь начала, ибо все, у чего есть начало, имеет и конец. Из свойств Атмана вытекает и отсутствие у него формы, поскольку формы нет без материи, а все, что обладает формой, не может не иметь начала и конца. Никто не видел форму без начала и без конца. Форма определяется взаимодействием материи и энергии. Вот этот стул имеет определенную форму — некое количество материи подверглось воздействию некоего количества энергии и была создана определенная форма. Стул — результат комбинации материи и энергии. Эта комбинация не может быть вечной, всякая комбинация со временем распадается. Поэтому мы говорим, что у любой формы есть начало и конец. Мы знаем, что наше тело умрет, у него было начало, значит, будет и конец. Но Душа, у которой формы нет, не подчинена закону начала и конца. Она существует бесконечно долго, как бесконечно время, так бесконечна и Душа. К тому же Душа вездесуща, только то, что имеет форму, обусловлено и ограничено пространством, лишенное формы не нуждается в пространстве. Следовательно, Атман, Душа, живущая во мне, в вас, в

²²¹ Пересказ Катха уп., II, 3, 14.

каждом, является вездесущим. Вы находитесь на земле в той же мере, что и на солнце, в той же мере в Англии, что и в Америке. Но поскольку Душа действует через ум и тело, ее действие видно там, где они находятся.

Каждый наш поступок, каждая наша мысль оставляет впечатление в уме — *самскар*у, как это именуется на санскрите; сумма всех впечатлений приобретает огромную силу, которую мы называем характером. Таким образом, человек сам творит свой характер — это суммарный результат его ментальных и физических действий. Человек умирает, его тело распадается на изначальные элементы, но самскары остаются и обуславливают его следующую жизнь; они остаются потому, что материал их необычайно тонок, а чем тоньше материал, тем дольше он не распадается. Но приходит время, когда распадается и он. Мне кажется, что лучше всего для иллюстрации этого процесса подойдет образ завихрения: воздушные течения с разных направлений сталкиваются, и воздух в точке столкновения завихряется. Вихрь захватывает пыль, клочки бумаги, соломинки, переносит их с одного места на другое, а сам мчится дальше, создавая новые столбы пыли. Точно так же силы, которые на санскрите называются *пра*на, сталкиваясь, образуют из материи тело и ум и продолжают свое движение, пока тело не распадается. Тогда они подхватят другие материалы, образуют новое тело и так далее. Эти силы неспособны двигаться без материи. Тело распадается, а самскары временно остаются, и через них прана воздействует на ум; передвигаясь с места на место, она вздымает все новые вихри из новых материалов. Так она движется, пока не израсходует энергию, а затем замирает. Поэтому, когда закончится процесс и ум окончательно распадется вместе со всеми самскарами, мы станем совершенно свободны. До этого вихри ума покрывают Атман, и ему кажется, будто его носит с места на место. Но вот вихри унимаются, и Атман обнаруживает свою вездесущность. Он совершенно свободен, он способен творить несчетное количество умов и тел, но до того времени его кружило вихрем. Свобода — вот цель, к которой мы все движемся.

Вообразим, что в комнате летает мяч, а у каждого из нас в руке ракетка, мы беспорядочно гоняем мяч, пока он не вылетит за дверь. С какой силой и в каком направлении полетит мяч? Это зависит от всех сил, которые воздействовали на него, — каждый удар по мячу дал свой результат. Всякое наше действие, умственное или физическое, можно сравнить с ударом по мячу — по нашему уму. Все наши действия в этой жизни обусловят нашу следующую жизнь, а нынешняя жизнь соответственно является результатом нашего прошлого.

Возьмем такой пример: я даю вам бесконечную цепь, где перемежаются белые и черные звенья, и я вас спрашиваю о природе этой цепи. Вы не сразу определите, что это — цепь, в силу ее бесконечности, но постепенно разберетесь. Вы поймете, что она состоит из перемежающихся белых и черных звеньев, число которых бесконечно. Познав природу одного звена, вы познаете природу всей цепи, ибо звенья повторяются. Наши жизни — прошлые, нынешние и грядущие — образуют как бы бесконечную цепь, где каждое звено — это одна жизнь, от начала до конца. То, что мы есть, и то, что мы делаем, повторяется снова и снова, с незначительными отклонениями. Следовательно, зная два звена, мы знаем все, что с нами будет в этом мире. И мы знаем, что нынешняя жизнь строго обусловлена предыдущими. И еще одно знаем, что наши собственные действия привели нас в этот мир. Как мы покидаем его под воздействием суммы всех наших деяний, так и вступили мы в него под воздействием суммы наших прошлых деяний. Что нас приводит в этот мир? Наши прошлые деяния. Что нас уводит из него? Наши деяния в этой жизни. Мы похожи на шелковичного червя, который вытягивает из себя нить и оборачивает ею себя, пока не оказывается внутри кокона, который сам сотворил. Мы тоже связываем себя собственными деяниями. Мы привели в действие закон причинности и выбраться из него не можем. Мы раскрутили колесо, и оно нас мотает. Мы все поработаны собственными действиями, хорошими или плохими.

Атман не появляется и не исчезает, он не рождается и не умирает. Природа движется перед Атманом, отбрасывая на Атман отражение, а ему, по невежеству, чудится, будто

движется не природа, а он. Пока пребывает Атман в этом заблуждении, он не свободен, он освобождает себя пониманием того, что движется природа, а не он, что он — вездесущ. Несвободный Атман зовется Дживой. Иными словами, говоря, что Атман появляется и исчезает, мы допускаем упрощение, как для упрощения при изучении астрономии мы предполагаем, будто Солнце обращается вокруг Земли, хоть это и не так. Итак, Джива, душа, переходит то на высший, то на низший уровень — это и есть широко известный закон переселения душ, соединяющий все живое.

Нам кажется ужасной мысль о том, что человек происходит от животного. Почему? А что же должно произойти с миллионами животных? Если есть душа у нас, так она есть и у животных, а если у них нет души, значит, ее нет и у человека. Нелепо предполагать, будто человек один обладает душой, а животные нет. Мне случалось видеть людей, которые хуже животных.

Человеческая душа прошла через множество форм жизни, высоких и низких, переселяясь из одной в другую в зависимости от самскар, но свобода становится доступна ей только в высшей, человеческой форме. Человеческая форма выше даже ангельской, человек есть наивысшая из форм жизни, ибо только человек может достигнуть свободы.

Вся наша вселенная вышла из Брахмана и движется в направлении своего источника наподобие электрического тока, который создается динамо-машиной и, пройдя через сеть, возвращается в динамо. Так же движется и душа. Выйдя из Брахмана, она проходит через различные формы растительной и животной жизни, пока не достигнет человека, который находится ближе всего к Брахману. Великое борение жизни имеет целью возвращение к Брахману. Осознают ли это люди или не осознают — роли не играет. Все движение, которое мы наблюдаем во вселенной — в минералах, в животных или в растениях, — есть стремление вернуться к центру и застыть в покое. Некогда существовавшее равновесие нарушено, и каждая частица материи стремится восстановить его. На это направлена борьба в растительном и животном мире, социальные столкновения и войны — это выражения вечной тяги к восстановлению равновесия.

Перемещения по череде рождений и смертей на санскрите называются *самсарой*. Все живое рано или поздно придет к свободе в результате этого круговращения. Однако возникает вопрос: если мы все в любом случае придем к свободе, зачем бороться за приближение к ней? Верно, все живое рано или поздно достигнет освобождения, погибнуть не может ничто — к чему же тогда борьба? Во-первых, борьба есть единственное средство для приближения к центру, во-вторых, мы не знаем, почему боремся. Это в нас заложено.

«Из тысяч людей лишь немногие осознают, что стремятся к свободе».²²² Человечество в целом удовлетворяется материальными благами, но есть единицы, сознание которых пробуждено и влечет их обратно к истокам, прочь от земной жизни. Эти люди борются осознанно, остальные — не сознавая цели.

Альфой и омегой веданты является «отрешение от мира», отказ от нереального и приобщение к реальному. Люди, влюбленные в земные радости, могут спросить: к чему отказываться от них, к чему стремиться к центру? Ну допустим, что мы все вышли из Бога, но мир прекрасен, зачем же отказываться от того, что нам нравится, а не постараться продлить радость жизни? Посмотрите, говорят они, мир день ото дня становится все лучше, в нем появляется все больше приспособлений, облегчающих жизнь, доставляющих удовольствие человеку. Зачем нам стремиться уходить к чему-то другому?

Ответ здесь в том, что этот мир обречен на смерть и на распад, что мы уже много раз наслаждались его радостями. Все формы жизни, окружающие нас, уже по многу раз проявлялись, как много раз уже существовал наш мир. Я уже много раз здесь побывал и много раз беседовал с вами. Вы скоро поймете, что по-другому не могло и быть, что вы уже не раз выслушивали те слова, которые слышите сейчас. И еще не раз вы их услышите снова.

²²² Пересказ Бхг., VII, 3; такая же мысль часто повторяется в эпических текстах.

Наши души никогда не менялись, тела же постоянно распадаются и составляются опять с известной периодичностью. Представим себе, что у нас в руках несколько игральные кости, которые мы бросаем. На одной выходит пять, на другой четыре, еще на одной три и, наконец, два. Если достаточно долго бросать кости, то числа непременно повторяются. Надо только бросать кости, и повторение неизбежно, сколько бы длительным ни был промежуток времени между одинаковыми комбинациями. Невозможно предсказать, как скоро выпадут снова одинаковые комбинации — это уже закон случайностей.

Но все это относится и к душам — сколь бы длителен ни был временной промежуток, повторы неизбежны. Снова и снова то же рождение, та же жизнь и та же смерть. Иные и не устремляются ни к чему, более возвышенному, чем мирские радости, но есть и те, которые понимают их мимолетность и тщету.

Каждая из форм жизни, от червяка до человека, похожа на кабинку на гигантском ярмарочном колесе, которое все время вращается, но пассажиры в кабинках меняются. Человек забирается в кабинку, движется вместе с колесом, потом выходит, а колесо продолжает вращаться. Душа входит в какую-то форму, через некоторое время оставляет ее, переходя в другую, затем в третью и так далее. Круговорот будет продолжаться до тех пор, пока душа не оставит колесо и не освободится.

Во все времена и у разных народов наблюдались совершенно поразительные предсказания прошлого и будущего. Способность видеть прошлое и будущее объясняется вот чем: пока Атман выступает в сфере причинности, он, хотя и не утрачивает присущую ему свободу и готов проявить ее, даже вырвав душу из причинно-следственной цепи, как и происходит с отдельными людьми, достигающими освобождения, находится под сильным воздействием этого закона, что позволяет прозорливому человеку, прослеживая причины и следствия, провидеть прошлое и будущее.

Желание или потребность всегда являются верным признаком несовершенства. Существо свободное и совершенное не может испытывать желания. Бог не может ничего желать, а если Он желает — Он не Бог. А потому все разговоры о том, что Богу угодно то или другое, что Его можно рассердить или умиловать, — просто детский лепет, равно ничего не означающий. Именно поэтому все великие души учат нас: не желай ничего, откажись от желаний и будь совершенно удовлетворен.

Человек слаб и беззуб в младенчестве, как слаб и беззуб он в старости. Крайности схожи, но различие в том, что младенец не знает, что его ждет в жизни, а старик уже прожил жизнь. При низких колебаниях мы не воспринимаем свет — все темно, при чересчур высоких — то же самое. Крайности кажутся схожими, хотя полярно различаются по сути. Стена не испытывает желаний, не испытывает желаний и совершенный человек, но стена неспособна их испытывать, а совершенному человеку нечего желать. Нет желаний и у дебилов — их мозг несовершенен, но нет желаний и у того, кто достиг наивысшего уровня. Различие между этими крайностями в том, что одна близка к животному, другая — к Богу.

ПОДЛИННЫЙ И КАЖУЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

Наши глаза устремлены вперед, подчас на целые мили дальше точки, в которой мы находимся. Человек смотрел вперед всегда, с того времени, как начал мыслить. Он хочет знать, что будет после распада его тела. На этот счет выдвигались различные теории, предлагались целые философские учения в попытке найти объяснения феномену жизни и смерти. Одни были впоследствии отвергнуты, другие — приняты, и этот процесс будет продолжаться, пока мыслит человек. В каждом объяснении есть доля истины, в каждом есть многое, что к истине не имеет отношения. Я постараюсь изложить вам суть, результаты поиска в этом направлении, как он велся в Индии. Я постараюсь гармонизировать взгляды различных индийских философов на эту тему. Я постараюсь гармонизировать теории психологов и метафизиков и сочетать их с достижениями современной науки.

Философия веданты вечно устремлена к поиску единства. Индуса мало волнует

частное, он постоянно ищет обобщений или, скорее даже, универсальности.

«Что есть то, благодаря познанию чего можно познать все?»²²³ Это одна тема веданты.

«Как, познав комок глины, познаешь все, что можно знать о глине вообще, — что есть то, благодаря познанию чего познаешь все, что можно знать о вселенной?»²²⁴ Это постоянное направление поиска.

Индуские философы утверждают, что всю вселенную можно выразить через один материал, который они называют *акаша*. Все, что мы видим и воспринимаем другими органами чувств, есть не что иное, как проявление акаши в разных формах. Акаша — всепроникающий, тонкий материал, но из него состоит все: твердые тела, жидкости, газы, Земля, Солнце, Луна, звезды.

Какая же сила воздействует на акашу, понуждая этот материал преобразовываться во вселенную?

Вместе с акашей существует универсальная энергия: все силы во вселенной, от сил притяжения до мысли, являются ее различными проявлениями. Эту энергию индусы называют *прана*. Прана, воздействуя на акашу, производит на свет вселенную. В начале каждого цикла прана как бы дремлет в бесконечном океане акаши. Постепенно прана приходит в движение и приводит в движение океан акаши. Прана вибрирует, и океан начинает формировать галактики, солнца, различные формы жизни. Поэтому индусы рассматривают все формы энергии как проявление праны, а все материальные проявления — как акашу. В конце каждого цикла все, что мы называем твердыми телами, преобразуется в более тонкую, жидкую форму, затем в еще более тонкую форму газа, газ принимает тонкую и однообразную форму тепловых колебаний — и все возвращается в первоначальную акашу. То, что мы зовем силами притяжения, отталкивания и движением вообще, понемногу возвращается в первоначальную прану. После этого прана пребывает в состоянии покоя, пока снова не придет в движение и не начнет создавать формы, — и все повторится. Таким образом, процесс творения проходит через нарастания и спады, своего рода колебания. На языке современной науки статические периоды перемежаются периодами динамическими.

Но это лишь часть картины, часть, известная даже современной науке, за пределы которой она, однако, выйти не может. Наш поиск тут не ограничивается, поскольку мы еще не обнаружили то, благодаря познанию чего мы познали бы все. Мы свели многообразие вселенной к двум компонентам, сейчас их называют материей и энергией, а философы Древней Индии звали их акаша и прана. Теперь нам предстоит проследить акашу и прану вплоть до их истоков. Прежде всего мы должны отнести их к более высокому уровню — к уму. Ум, Махат, — это универсально существующая мыслительная энергия, которая дает жизнь акаше и пране, будучи сама более тонким проявлением бытия, нежели они.

Универсальная мысль существовала вначале, она проявилась, стала изменяться и эволюционировала в акашу и прану, из взаимодействия которых возникла вселенная.

Теперь мы переходим к психологии. Вот я смотрю на вас — внешние ощущения улавливаются глазами, а сенсорные нервы доносят их до мозга. Но глаза не являются органами зрения, это просто инструменты, расположенные на поверхности, поскольку при разрушении настоящего органа зрения, который передает воспринятое глазами в мозг, будь у меня хоть двадцать пар глаз, я все равно вас не увижу. Итак, орган отличен от соответствующего инструмента, и это относится ко всем органам чувств. Человек обладает рядом инструментов в своем физическом теле, и в том же физическом теле находятся и органы восприятия. Однако этого еще не достаточно. Представьте себе, что ваше внимание полностью поглощено тем, что я сейчас говорю, а в это время звонит звонок. Вы можете и не услышать звонок. Звуковые колебания коснутся ваших ушей, нервы передадут восприятие в

²²³ Пересказ Мун. уп., I, 1, 3.

²²⁴ Пересказ Чхан. уп., VI, 1, 4.

мозг, но почему же вы не слышали звонок, если в этом и заключен весь процесс? Чего-то не хватило: мозг не был соединен с органом, а когда мозг отключается от органа, то орган по-прежнему несет восприятия, но мозг не реагирует на них. Но и это еще не все. Необходим следующий фактор — реакция изнутри, с которой начинается знание. Внешний раздражитель направляет в мой мозг поток сообщений. Ум принимает сообщения и передает их интеллекту, который группирует их в соответствии с ранее собранными впечатлениями и посылает поток реакций. Это и есть восприятие. Затем действует воля. Та часть мозга, которая реагирует, называется *буддхи*, интеллект. Однако и это тоже еще не все. Представим себе, что у меня есть камера и есть экран, на котором я намереваюсь показывать изображение. Что мне для этого требуется? Я должен направить лучи света через камеру на экран, где они сгруппируются. Экран должен быть статичен, ибо лучи света движутся, а они должны быть собраны и скоординированы. Примерно то же происходит с ощущениями, доставляемыми органами чувств в ум, который в свою очередь передает их интеллекту. Процесс восприятия не может быть завершен, если нет за всем этим чего-то статичного, на чем появится картина, соединившая в себе ряд ощущений. Что же это такое, что придает единство постоянно изменяющемуся существу? Что миг за мигом сохраняет тождество в постоянном движении? На чем собираются наши разнородные впечатления, на чем соединяются в единое целое наши множественные восприятия? Что бы это ни было, оно должно быть неподвижно относительно тела и ума. Экран неподвижен относительно световых лучей, иначе нам не получить изображение. То, на что проецирует свои картинки ум, то, на чем собираются воедино наши ощущения, — это душа человека.

Универсальный космический ум расщепляется на акашу и прану, а за человеческим умом мы обнаружили душу. Есть Душа и за универсальным умом, и это — Бог. В космическом плане, где универсальный ум эволюционирует в акашу и прану, сама Универсальная Душа выступает как ум. Так ли это с отдельной человеческой душой? Является ли ум человека творцом его тела, является ли душа человека творцом его ума? Иными словами, являются ли тело, ум и душа различными формами бытия, или они триедины, или они представляют собой три различных состояния одного и того же? Попробуем ответить на эти вопросы. Мы уже усвоили, что есть внешняя оболочка, внутри которой находятся органы, ум, интеллект, а за всем этим — душа. Мы обнаружили, что душа как бы обособлена от тела и обособлена даже от ума. В мире религии нет единого мнения на этот счет: те, кого в общем можно назвать дуалистами, считают, что душа ограничена, что она обладает определенными свойствами, что чувства наслаждения, радости или боли, по сути, испытываются душой. Недуалисты отрицают наличие свойств у души, они утверждают, что душа неограниченна.

Позвольте мне сначала представить точку зрения дуалистов на душу и ее судьбу, затем — противоположную систему взглядов и, наконец, попытаться найти гармонию между ними, которую предлагает недуализм. Человеческая душа, будучи обособленной от тела и ума, будучи не составленной из акаши и праны, должна быть бессмертна. Почему? Что такое смерть? Распад. Но распаду подвержено лишь то, что имеет составные части, все, что состоит из двух или трех компонентов, рано или поздно распадается на них. Не может распасться только то, чему не на что распадаться, оно бессмертно. Оно существует вечно, оно не сотворено. Все сотворенное состоит из компонентов, нельзя творить из ничего. Все, что известно нам как сотворенное, есть пересоставление в новые формы существовавшего ранее. В этом случае человеческая душа, не будучи составной, должна была существовать вечно и будет существовать вечно. Когда умирает тело, душа продолжает жить. Философия веданты утверждает, что, когда тело распадается, жизненные силы уходят в ум, когда ум растворяется в пране, он как бы сливается с праной, прана входит в душу человека, душа человека получает оболочку в виде того, что ведантисты называют тонким телом, или ментальным, или духовным телом, не имеет значения, как его называть. В этом теле запечатлеваются самсары человека. Что такое самсары? Ум подобен озеру, а каждая мысль — волне на его поверхности. Волны поднимаются и опадают, но волны ума не исчезают без

следа. Они становятся все тоньше, но они есть и готовы в нужную минуту снова дать о себе знать. Воспоминание — это возвращение в виде волны какой-то мысли, которая перешла в тонкое состояние. Таким образом, всякая наша мысль и всякий наш поступок запечатлены в уме, и, когда человек умирает, сумма впечатлений сохраняется в уме, продолжающем жить в виде комочка чрезвычайно тонкой субстанции. Душа в оболочке из тонкого тела с этими впечатлениями выходит наружу, и ее дальнейшая судьба зависит от того, что они в себе несут. Мы считаем, что у души есть три цели.

Души людей высокой духовности после их смертей следуют за солнечными лучами в солнечную сферу, откуда они попадают в лунную сферу, через которую их путь лежит в сферу молний. Там их ожидают другие души, уже постигшие блаженство, которые сопровождают вновь прибывших в *брахмалоку*,²²⁵ в сферу Брахмы, в наивысшую из сфер. Здесь души обретают всеведение и всемогущество, становясь почти равными Богу. Дуалисты считают, что тут души и живут вечно, в то время как недуалисты утверждают, что в конце цикла они соединяются с Универсальным.

Души людей, которые жили добродетельной жизнью, но из соображений собственной выгоды, силой добрых дел, совершенных ими при жизни, попадают в лунную сферу, где есть различные небеса. Там души обретают тонкие тела, становясь богами. Они долго живут на небесах, наслаждаясь райским блаженством, но приходит час, когда по закону кармы они возвращаются на землю, путешествуя через сферу воздуха, через сферу облаков и падая на землю с дождевыми каплями. Дождевые капли попадают на злаки, которые в конце концов становятся пищей человека, подходящего для того, чтобы дать такой душе материал для нового тела.

Души дурных людей после их смерти становятся призраками или демонами, обреченными существовать между землей и лунной сферой. Иные из них пытаются вредить людям, другие дружелюбны. Через некоторое время такие души опять оказываются на земле в виде животных. Побывав в животном теле, они снова рождаются людьми, получая, таким образом, новую возможность добиться освобождения.

Итак, мы видим, что те, кто приблизился к совершенству, в ком почти не осталось нечистого, попадают в брахмалоку на солнечных лучах. Кто творил добро, но ради того, чтобы попасть на небеса, попадает на небеса в лунной сфере и обретает там божественное тело; однако им придется снова стать людьми и получить еще одну возможность совершенствовать себя. Плохие люди превращаются в призраков или демонов и могут родиться в животном теле. Им предстоит еще раз проделать путь до человека и совершенствовать себя. Земля имеет название *карма-бхуми*, то есть сфера кармы. Только здесь творит человек свою карму, делает добрые дела, он становится хорошим, свободным от плохой кармы. После смерти он пожинает плоды добрых дел, сделанных им при жизни, но со временем хорошая карма истощается, проявляется действие кармы плохой, которая не могла в нем не накопиться за предыдущие жизни, и он снова рождается на земле. Подобным же образом те, кто после смерти превратился в призрак, просто пожинают плоды прежних дурных поступков, не творя новую карму. Им предстоит провести некоторое время в животном теле — новую карму не творя. Потом они опять рождаются людьми. В периоды воздаяния за добрые или дурные дела новая карма не возникает. Если карма уж очень хороша или, напротив, уж очень плоха, она приносит плоды довольно скоро. Например, если человек, который всю жизнь совершал плохие поступки, однажды сделал доброе дело, плоды этого доброго дела немедленно дадут себя знать, но хорошая карма скоро истощится и начнут проявляться результаты прежних плохих поступков.

Путь в брахмалоку, откуда души уже не возвращаются, носит название *деваяна* — путь к Богу, дорога же на небеса называется *питрияна* — путь к отцам.

Философия веданты учит, что человек — величайшее из живых существ, земной же

²²⁵ См. примеч. 141 к «Джняна-йоге».

мир труда — наилучшее местопребывание для него, ибо только здесь он получает самые большие возможности для самосовершенствования. Ангелы или боги — как их ни называть — должны родиться людьми, чтобы достигнуть совершенства. Человеческая жизнь — это великий шанс.

Перейдем теперь к другой философской теме. Иные буддисты целиком отвергают теорию души, только что изложенную мной. Буддист такого толка скажет вам: к чему предполагать наличие еще какого-то субстрата, дополняющего тело и ум? Зачем допускать присутствие третьего компонента — души — в организме, состоящем из тела и ума? Какая в этом надобность? Разве самого организма недостаточно для объяснения всего, что связано с ним?

Аргумент сильный и очень убедительный. Что касается внешних исследований, то они доказывают, что сам организм все и объясняет, по крайней мере многие считают именно так. Зачем нужно вводить еще и душу как субстрат, как нечто, не являющееся ни телом, ни умом, однако составляющее фон для тела и ума? Достаточно двух компонентов: тела, которое представляет собой поток непрерывно изменяющейся материи, и ума, который представляет собой поток непрерывно изменяющегося сознания или мыслей. Что обеспечивает очевидное единство между ними? Ну, скажем, что такого единства и не существует. Возьмем для примера зажженный факел и станем быстро вращать его перед собой. Мы увидим огненный круг. На самом деле никакого круга не существует, это факел находится в непрерывном движении, однако возникает впечатление круга. Итак, в жизни нет единства, есть только стремительно несущийся поток материи. Можно говорить о единстве материи — и все. Так же и ум: каждая мысль обособлена, и лишь стремительный бег мыслей производит впечатление некоего единства. Никакая третья субстанция не нужна.

Нам известно, что это положение буддизма используется определенными сектами и философскими школами нашего времени, хотя они и утверждают, будто это их собственное изобретение. Однако это положение находилось в центре большинства буддийских философских школ — наш мир самодостаточен и не нуждается ни в каких дополнениях; чувственный мир — это единственное, что существует, поэтому незачем придумывать подпорки для него. Все сущее есть сочетание свойств, зачем же нужна гипотетическая субстанция, в которой они изначально заложены? Впечатление субстанциальности возникает из стремительного взаимодействия свойств, а не из чего-то, существующего в неизменном виде. Аргументы эти чрезвычайно убедительны и превосходно сочетаются с практическим опытом человечества, ведь один человек из миллиона способен мыслить иначе. Большинству людей природа представляется массой стремительных круговоротных перемен. Редко кто прозревает за ними спокойное море, мы обыкновенно видим лишь вспененные волны, и вся вселенная нам кажется массой таких волн.

Итак, перед нами две противоположные теории: за телом и за умом стоит некая субстанция, неизменная и неподвижная; во вселенной не существует ничего, что было бы неподвижно и неизменно, все есть перемены и ничего, кроме перемен. Различие между двумя теориями объединяет недуализм — следующий шаг в философской мысли.

Недуалисты утверждают, что дуалисты правы, признавая наличие чего-то неизменного за всем, — мы не можем представить себе изменчивость вне ее соотношения с неизменностью. Изменчивость мы можем воспринять только в сравнении с чем-то менее изменчивым, а менее изменчивое — в сравнении с еще менее изменчивым и так далее, пока мы не придем к признанию некоей неизменной субстанции. Все, что проявилось, должно было когда-то находиться в непроявленном состоянии, в состоянии покоя и безмолвия — результата равновесия противодействующих сил, когда ни одна из них, можно сказать, не приходила в действие, ибо действие начинается с нарушения равновесия. Вселенная постоянно спешит возвратиться к состоянию равновесия — это единственный факт, не вызывающий сомнения. Дуалисты совершенно правы, утверждая наличие чего-то неизменного, но не правы, полагая, будто оно не является ни телом, ни умом, а чем-то отличным от того и от другого. Буддисты совершенно правы, утверждая, что вселенная есть

не что иное, как вечная изменчивость: если я вне вселенной, если я наблюдаю ее извне, если есть две вещи — наблюдатель и наблюдаемое, то вселенная представляется как вечная изменчивость, и ничего больше. На самом же деле во вселенной есть как изменения, так и неизменность. Душа, ум и тело не являются тремя отдельными сущностями, поскольку составляют единый организм. Одно и то же воспринимается нами как тело, ум и нечто за ними, но не все три компонента одновременно. Кто видит тело — не видит ума, кто видит ум — не видит того, что он зовет душой, а кто видит душу — для того исчезает и тело, и ум. Кто воспринимает только движение, не замечает абсолютного покоя, для того же, кто понял абсолютный покой, исчезает движение. Веревку можно принять за змею, но тот, кто увидел в веревке змею, больше не видит веревку. Когда же, осознав свое заблуждение, он понимает, что перед ним веревка, тогда исчезает змея.

Есть единое, всеохватывающее существование, но оно представляется многообразным. Единственное, что существует во вселенной, — это Душа, это то, что недualiсты именуют Брахманом, который представляется нам в многообразии, потому что мы воспринимаем мир через имена и формы. Взгляните на морские волны, ведь ни одна из них не отличается от моря, почему же мы видим их отдельными? Имя и форма: форма волны и слово «волна», которым мы называем эту форму. Если отрешиться от имени и от формы, перед нами будет простираться единое море. Кто может по-настоящему отличить волну от моря? Так и вселенная — неразделимое Бытие, в которое вносят многообразие имена и формы. Когда солнце освещает мириады капелек воды, каждая капелька несет на себе совершеннейшее отражение солнца, так и Душа, единственное Бытие вселенной, отражаясь в мириадах капелек различного наименования и формы, кажется многообразной. На деле же Она — одна. Нет «я», нет «вы» — есть единство. Идея дуализма, двойственности, ложна в своей основе, а вселенная, как мы обыкновенно воображаем ее себе, есть плод ложного знания. Когда человек начинает понимать, что двойственности нет, что есть только единство, он обнаруживает, что он сам и есть вселенная.

«Я и есмь вселенная, как она сейчас существует, поток неразделенных изменений. И я есмь вне изменений, вне свойств и качеств, я вечно совершенен и вечно благословен».²²⁶

Существует один только Атман, одна Душа в ее вечной чистоте, совершенности, неизменности, неизменимости, а изменения во вселенной — это лишь разные облики единой Души.

Наше воображение питается только именами и формами, что, как не форма, отличает волну от моря? Вот опадет волна, что станет с формой? Она исчезнет. Существование волны полностью зависит от существования моря, но море существует независимо от волны. Форма сохраняется, пока катится волна, но волна разливается, и нет больше формы, у нее нет самостоятельного существования. Имя и форма — порождения того, что зовется майей. В майе причина обособленности человека, которому кажется, что он отличен от других. Но и у майи нет самостоятельного существования, даже нельзя сказать, будто она существует. Нельзя сказать, будто существует форма, поскольку она несамостоятельна. С другой стороны, то, что она не существует, тоже нельзя сказать, поскольку она заставляет нас ощущать различия. Вот почему философия адвайты признает майю, незнание, или имя и форму, или, как скажут европейцы, «время, пространство и причинность», проявлением Бесконечного Бытия, показывающего нам множественность вселенной, единой по сути. Ошибочно думать, будто есть две конечные реальности, есть одна. Мы можем найти доказательства этому на каждом шагу в плане физическом, в плане ментальном и в плане духовном. Мы сегодня увидели, что вы и я, Солнце, Луна и звезды — всего лишь разные названия различных точек в едином океане вещества, постоянно изменяющего свои конфигурации. Частица энергии, которая несколько месяцев назад была в солнце, может сегодня быть в человеке, завтра она может быть в животном, а послезавтра — в растении.

²²⁶ Примерный пересказ Бхг., IX, 4–5.

Круговращение постоянно. Едина и бесконечна масса материи, различающаяся только названиями и формами. Одна из ее точек зовется Солнцем, другие — Луной, звездами, людьми, животными, растениями и так далее. Но за этими названиями нет реальности, ибо все они — постоянно изменяющаяся масса материи. Если посмотреть с другой точки зрения, то эта же вселенная есть океан мысли, где каждая отдельная точка есть ум. Вы — ум, я — ум, ум — все остальные. И та же вселенная, увиденная глазами, свободными от иллюзий, когда ум свободен и чист, предстанет в виде Абсолюта — неизменного и бессмертного.

Что же тогда останется от тройственной эсхатологии дуалиста: один после смерти попадает на небеса, другой оказывается в той или иной сфере, а дурной человек превращается в призрака, рождается животным и все прочее? Ничто не приходит и ничто не уходит, утверждает недуалист. Как вы можете приходиться или уходить? Вы бесконечны — куда вы уйдете? В одной школе обследовали группу детей, и экзаменатор по глупости задавал трудные вопросы маленьким детям. В числе других был и такой вопрос: почему не падает Земля? Смысл заключался в том, чтобы напомнить детям о законе тяготения и прочих замысловатых научных истинах, но большинство детей просто ничего не поняло. Лишь одна девочка ответила вопросом на вопрос: а куда ей падать? Девочка своим вопросом посрамила вопрос экзаменатора: во вселенной нет верха или низа, это же относительные понятия. Точно так же и душа: нелеп сам вопрос о ее рождении или смерти. Кто приходит и кто уходит? Где то пространство, в котором вас нет? Где то небо, в котором вы еще не побывали? Душа человека вездесуща — куда идти, куда не идти? Она и так повсюду. Для человека, достигшего совершенства, мгновенно теряет смысл весь детский лепет по поводу жизни и смерти, более или менее высоких небес, преисподней и прочего. Для человека, приближающегося к совершенству, все это исчезнет по пути в брахмалоку. Для незнающего — будет существовать.

Но почему все же весь мир верит в загробную жизнь на небесах, в рождение и смерть? Я читаю книгу, прочитываю страницу за страницей, переворачиваю их. Перевернута еще одна страница. Что меняется? Кто приходит и уходит? Не я, книга. Природа — книга, читаемая душой. Прочитывается глава за главой, переворачивается страница за страницей. Вот открылась новая страница — но душа остается все той же, вечной. Изменчива природа, но не человеческая душа, которая остается неизменной. Жизнь и смерть относятся к природе, но не к вам. Однако незнающие могут заблуждаться: ведь можем же мы, заблуждаясь, думать, будто Солнце обращается вокруг Земли, а не наоборот. Так же думаем мы, будто умирает человек, а не природа. Это не более чем иллюзия, такая же иллюзия, как та, что создается, когда нам кажется, что движутся поля, а не поезд. Человек в определенном состоянии ума видит бытие как землю, как солнце, как луну, как звезды, и его видение разделяют другие, чей ум в том же состоянии. Между мной и вами есть мириады живых существ, находящихся на различных уровнях бытия. Но они никогда нас не увидят, и мы не увидим их, мы видим только то, что находится на нашем уровне бытия. Резонируют только музыкальные инструменты, настроенные одинаково. Если изменить колебания, в данном случае «человеко-колебания», то мы сразу перестанем видеть окружающее, данная вселенная исчезнет. Мы увидим иную, возможно, вместо вселенной человека — вселенную богов или, скажем, демонов, но в любом случае это будет все та же вселенная, увиденная под различными углами зрения. Вселенная, которая на человеческом уровне выглядит состоящей из Земли, Солнца, Луны, звезд и прочего, может выглядеть адом, если посмотреть на нее под углом зрения зла. Равно как для тех, кто желает увидеть ее раем, она раем и будет выглядеть. Люди, всю жизнь мечтающие предстать после смерти перед Богом на троне и вечно петь ему хвалу, увидят то, что хотели видеть, — райские кущи, порхающих крылатых существ и Бога, восседающего на троне, рай, вымышленный человеком. Вот почему последователь адвайты признает справедливость того, о чем говорит дуалист, в качестве придуманного им. Все эти сферы, демоны, боги, воскрешение душ и переселение душ — все это мифология, как и земная жизнь человека тоже. Великое заблуждение в том, чтобы считать единственно подлинной эту жизнь. Но человек охотно принимает за мифы чужие выдумки, свои же —

нет. Тем не менее кажущееся нам подлинным есть мифология, самая же большая ложь, будто наши тела — это и есть мы. Мы не просто люди, мы — боги вселенной. Поклоняясь Богу, мы всегда поклонялись собственной скрытой Душе. Самая большая ложь, которую вы можете внушить себе, заключается в том, что вы рождены грешным и злым. Грешен лишь тот, кто видит грешника в другом. Вообразим, что здесь ребенок, перед которым мы положили мешок золота. Врывается разбойник и уносит золото. Ребенку это безразлично: если нет разбойника внутри нас, его нет и вне нас. Внешнее зло существует для злых и дурных людей, для добрых его нет. Вот почему дурному человеку мир кажется адом, доброму человеку — раем, а достигший совершенства понимает, что мир — это Бог. Только тогда с глаз спадает завеса, и человек, очистившись, обнаруживает, как изменилось его видение. Дурные сны, терзавшие его миллионы лет, растаяли, и он, считавший себя человеком, демоном или богом, он, считавший себя униженным или возвышенным, он, считавший, что обитает на земле, или на небесах, или где-то еще, осознает, что он вездесущ, что не он живет во времени, а время — в нем, что не он на небесах, а небеса — в нем, что в нем самом все боги, перед которыми он склонялся. Он сам есть творец богов и демонов, людей и растений, животных и минералов. Теперь он понимает свою подлинную натуру: он выше небес, он совершеннее вселенной, он дольше бесконечного времени, он более всепроникающ, чем вездесущий эфир. И только тогда освобождается человек от страха и обретает свободу, для него нет больше заблуждений, нет страдания, нет страха. Нет больше ни рождения, ни смерти, нет больше ни боли, ни наслаждения, исчезает земля, и вместе с ней исчезает небо, исчезает тело, и вместе с ним исчезает ум. Даже вселенная как бы перестает существовать для такого человека, прекращается непрестанное противоборство сил, и то, что проявляло себя как энергия и материя, как борения природы, как сама природа, как небо и земля, как растения, животные, люди и ангелы, все трансформируется в одно бесконечное, неразрывное, неизменное бытие, и человек осознает себя его частицей.

«Как облака, различного вида и цвета, наплывают на небо, а потом тают в его глубинах»,²²⁷ так проплывают перед этой душой видения планет, богов, страданий и удовольствий, но все они тают, оставляя бесконечную и неизменную синеву. Небо неизменно, изменчивы лишь облака.

Но возникают два вопроса. Первый: возможно ли все это реализовать? Все это прекрасно как философская доктрина, но имеет ли она практическое применение? Да, имеет. Есть люди, и сейчас живущие среди нас, для которых заблуждения рассеялись навеки. Умирают ли они сразу после озарения? Они умирают не так скоро, как мы бы думали. Представьте себе два колеса на одной оси. Я разрубаю ось и останавливаю одно из колес, но другое еще будет некоторое время вращаться по инерции и только потом остановится. Одно из колес — это совершенная душа, другое — заблуждение тела и ума, а соединяющая их ось — это карма. Знание — топор, которым разрубается соединение между колесами, отчего останавливается колесо души, перестают думать, будто душа приходит и уходит, живет и умирает, перестают думать, что она есть часть природы, понимая, что по сути она совершенна и свободна от желаний. Однако колесо тела и ума по инерции продолжает вращение, поэтому душа окончательно освободится, когда инерция прошлого исчерпает себя. Теперь ей нет нужды возноситься в небеса и возвращаться на землю, даже отправляться в брахмалоку или в иную высокую сферу, ибо откуда ей возвращаться, куда двигаться? Человек, который при жизни достиг такой степени совершенства, который пусть хоть на миг увидел подлинность всего сущего, — такой человек называется «живущий свободным». Цель последователя веданты в том и заключается, чтобы освободиться при жизни.

Однажды я путешествовал по Западной Индии, по пустыне у Индийского океана. Я день за днем шел по пустыне пешком, но, к своему изумлению, каждый день мне встречались прекрасные озера, окруженные тенистыми деревьями. Какая красивая

²²⁷ Источник не установлен.

местность, думал я, не понимая, почему она считается пустыней. Мое путешествие длилось целый месяц, и все время я восторгался прелестью пейзажа. Однажды мне захотелось пить, я направился к одному из озер, манившему меня прозрачной водой, но стоило мне к нему приблизиться, как оно растаяло. Вот в чем дело, сообразил я, это и есть мираж, о котором я столько раз читал! И другая мысль сразу пришла мне на ум: каждый день в течение месяца я наблюдал миражи, не подозревая о том, что я вижу. Наутро я продолжил путешествие и опять увидел озеро, однако теперь я уже знал, что вижу мираж. Так и наша вселенная. Мы путешествуем через миражи день за днем, месяц за месяцем, год за годом, не подозревая, какова природа того, что видим. Если в какой-то день мы и почувствуем неладное, то ненадолго, тело должно оставаться во власти прошлой кармы, поэтому мираж опять возникнет перед нашими глазами, однако чуть менее правдоподобный. Прозрение немного ослабит действие кармы, она трансформируется, ибо различие между миражом и реальностью уже замечено.

Мир станет не тем, что раньше. Однако это таит в себе опасность. В любой стране найдутся люди, которые приобщаются к этой философии, чтобы сказать себе: я по ту сторону добра и зла, я не подчинен никаким законам морали, для меня все возможно. Множество глупцов на свете утверждают: раз я есть Бог, мне все позволено. Это в корне неверно, хотя душа действительно не подчинена никаким законам, ни физическим, ни ментальным, ни моральным. Свобода не знает законов, к тому же свобода — природное качество души, и эта подлинная свобода сияет сквозь все материальные завесы кажущихся человеческих свобод. Вы на каждом шагу ощущаете свою свободу, но стоит нам вдуматься, и мы начинаем сознавать, что мы скорее машины, нежели свободные существа. В чем же истина? Является ли чувство свободы иллюзией? Одни полагают, что это именно так, другие, напротив, считают иллюзией человеческую подчиненность. Так как же? Человек действительно свободен, подлинный человек не может не быть свободным. Однако, вступая в мир майи, в мир имен и форм, он попадает в рабство. Свободная воля — это терминологическая нелепость. Воля не может быть свободной. У человека появляется воля, только когда он оказывается в рабстве, — не ранее. Воля человека несвободна, но вечно свободно то, на чем эта воля основывается. Итак, даже в рабстве, которое мы зовем человеческой или божеской жизнью, проводя ее на земле или в небесах, даже в этом рабстве мы сохраняем память о свободе, исконно присущей нам. Неосознанно или сознательно, но именно к ней мы и стремимся. Когда же человек достиг освобождения, какие законы могут сковывать его? Нет таких законов во вселенной, ибо сама вселенная — в нем.

Он — вся вселенная. Можно сказать либо то, что он является вселенной, либо то, что для него вселенной нет. Понятно, что для него не имеют смысла такие неприметные различия, как пол или национальная принадлежность. Возможно ли для него рассматривать себя как мужчину, женщину или ребенка? Не ложь ли эти различия? Он знает им цену. Какой смысл рассуждать о правах мужчин или о правах женщин, ни у кого нет прав, ибо ни у кого нет обособленного существования. Нет ни мужчин, ни женщин, душа бесполо и изначально чиста. Какое заблуждение — думать, будто я мужчина или я женщина или будто я принадлежу к определенному роду. Весь мир — моя страна, мне принадлежит вся вселенная, потому что она одета в мое тело. Однако мы знаем, что есть на свете люди, которые готовы и проповедовать такие взгляды, и заниматься делами поистине грязными. Если же их спросить, что они делают, в ответ можно услышать — нам просто чудится, будто они поступают дурно, они не могут дурно поступать. С помощью какого критерия можно судить об этих людях? Вот с помощью какого.

Хотя и добро, и зло есть условные проявления души, однако зло лежит на поверхности, в то время как добро ближе к подлинной сути человека, к Душе. Пока человек не пройдет сквозь слой зла, он не доберется до слоя добра, а не пройдя сквозь оба слоя, он не достигнет Души. Что остается у того, кто Души достиг? Остатки кармы, незначительная инерция прошлого, но инерция добрых дел в прошлом. Пока инерция дурных поступков не истощится полностью, пока не будет выжжена вся скверна, ни один человек не может

прозреть и реализовать истину. Следовательно, у человека, достигшего Души и прозревшего истину, остаются только добрые отпечатки прошедшего, их добрая инерция. Если даже такой человек продолжает жить в своем теле и трудиться не покладая рук, все его деяния несут добро, его уста произносят только благословения, его руки творят добро, все его мысли исполнены добра, и, куда бы он ни отправился, повсюду его присутствие благодатно. Он живая благодать. Такой человек простым фактом своего присутствия способен обращать в святых самых отъявленных негодяев. Ему нет нужды говорить, его присутствие благодатно для окружающих. Способен ли такой человек на зло? Нельзя забывать, что простая болтовня и деяние полярно противоположны. Болтать может всякий дурак. Болтают даже попугаи. Деяния — другое дело. Философские доктрины, аргументы, книги, теории, церкви и секты — все это по-своему полезно, но они утрачивают всякий смысл, когда наступает реализация. Примерно как географические карты, которые, несомненно, полезны, но, если вам случилось побывать в другой стране, а потом вы должны найти ее на карте, какую разницу вы обнаружите! Познавшие истину более не нуждаются в логических построениях и прочей интеллектуальной акробатике, истина для них конкретна, осязаема, это жизнь их жизней. «Как плод в руке»,²²⁸ — говорили древние мудрецы, можно просто показать его. Познавшие истину могут указать пальцем: вот она, Душа. Им не требуются доказательства, и они ничего не собираются доказывать другим — их удовлетворение совершенно, а кто не верит, ну что ж поделаешь.

Представьте себе, что вы совершили путешествие в далекую страну, а по возвращении к вам приходят и говорят, что этой страны нет на свете. Сколько бы вам ни доказывали, что нет такой страны, вы будете лишь улыбаться в ответ или, возможно, подумаете, что ваши оппоненты не в своем уме.

Познавший истину говорит нам: все, что выдуманно на свете о Боге и о крохотных религиях, — все это детский лепет, суть религии в реализации души.

Религия может быть реализована. Вы к этому готовы? Вы этого желаете? Если желаете и готовы, то придете к реализации, и тогда вы будете подлинно религиозными людьми. Без этого вы, по сути, не отличаетесь от атеистов. Но если атеисты всегда откровенны, то верующий, не пытающийся сделать шаг к реализации религии, — лицемер.

Что же наступает после реализации? Допустим, что мы уже осознали единство вселенной, осознали себя Бесконечным Существом, осознали, что Душа есть единственное Бытие и что это Она проявляет себя через формы феноменального мира, — как мы дальше живем? Забываемся в угол и ждем смерти? Старый вопрос: а что это может дать миру? Прежде всего, почему надо делать добро для мира? Есть ли в этом резон? И кто имеет право спрашивать: что это может дать миру? Ребенок любит конфеты, а вы занимаетесь исследованиями в области электричества. Ребенок спрашивает вас: из электричества получают конфеты? Нет, отвечаете вы, на что ребенок вам заявляет: какой в нем прок!

Итак, люди задают вопрос: что это может дать миру? Деньги даст? Нет. Так какой в этом прок? Вот как люди обычно смотрят на пользу. Однако постижение религии благодатно для мира. Ведь многие боятся, что если они постигнут истину, осознают единство всего сущего, то иссякнут источники любви и все, что им дорого, ради чего они стараются в этой и в последующих жизнях, — все исчезнет. Люди не желают задумываться над тем, что больше всего дают миру именно те, кто меньше всего заботится о своем «Я». Подлинная любовь приходит, когда человек обнаруживает, что предмет его любви не есть нечто низкое, мелкое, смертное. Подлинная любовь приходит, когда человек любит не комок праха, а самого Бога. Жена еще сильнее полюбит мужа, если будет думать о нем, как о Боге, мать еще сильнее полюбит детей, если увидит, что в ее детях — Бог. Человек полюбит заклятого врага, если увидит, что это Бог. Человек полюбит святого, зная, что святой и есть Бог, но полюбит он и

²²⁸ Образ, свойственный общиндийскому культурному наследию, нередко встречается в буддийских сочинениях. Очень часто к нему прибегал учитель Вивекананды Рамакришна Парамахамса. См., например, Провозвестие Рамакришны, СПб., 1914, с. 265 и сл.

богохульника, когда поймет, что и за богохульником тоже Бог. Тот, для кого маленький человек умер, а его место занял сам Бог, способен двигать мирами. Вселенная преобразится для него: исчезнет все страдание, вся боль, не будет больше борьбы и преодоления. Из тюремной камеры, где мы каждый день должны бороться друг с другом за кусок хлеба, мир превратится в райские кущи. Какую красоту обретет вселенная! Это и будет наивысшим благодеянием, которое получит мир от постижения религии, в нем не останется борений и стычек. Даже если человечество уловит проблеск великой истины, мир из поля боя преобразится в царство мира. Та неприличная и грубая спешка, которая заставляет нас опережать всякого другого, исчезнет тогда из мира. А с нею навсегда исчезнут и вся борьба, ненависть, зависть и зло. Боги будут жить тогда на этой земле. Эта наша земля станет тогда небом, а какое же зло может быть, когда боги играют с богами, работают с богами, любят богов. В этом великая польза божественной реализации. Все, что вы видите в обществе, будет изменено и преобразовано тогда. Вы больше не будете думать о человеке как грешнике, вот и первое достижение. Вы больше не будете насмешливо взирать со стороны на бедного мужчину или женщину, которые сделали ошибку. Вы, леди, более не будете смотреть свысока и с презрением на бедных женщин, которые по ночам выходят на панель, потому что даже в них увидите самого Бога. У вас не будет больше завистливых и мстительных мыслей. Все они исчезнут, и любовь, великий идеал, приобретет такую мощь, что больше не потребуются кнут, чтобы направить человечество по верному пути.

Если одна миллионная часть от населения Земли просто сядет и в течение нескольких минут будет повторять: «Люди, звери и все живое, все вы есть Бог, вы все есть проявления единого живого Бога», — то мир изменится в полчаса.

Бог во всем, что вы видите и ощущаете. Как вы можете увидеть зло, если оно не в вас? Как вы можете увидеть вора, если он не прячется в тайниках вашего сердца? Как вы можете распознать убийцу, если он не в вас? Станьте добрыми — и зло покинет вас, и вы увидите вселенную новыми глазами. Это и будет самым большим общественным благом, самым большим благом для человеческого сообщества.

Эти мысли были развиты в Индии в далекие времена. В силу ряда причин, из-за замкнутости учителей, из-за иностранных завоеваний, эти мысли не получили распространения. Но величественная истина, заключенная в них, воздействует на людей там, где эти мысли известны. Моя жизнь преобразилась от соприкосновения с человеком, познавшим истину. Придет час, когда истина распространится по всему миру. Эта философия покинет уединение монастырей, выйдет из книг, читавшихся избранными, перестанет быть достоянием сект и горстки ученых, она распространится по всему свету, чтобы мог к ней приобщиться и святой, и грешник, и мужчина, и женщина, и дитя, и ученый, и неграмотный. Истина напитает собою даже воздух, и каждый наш вдох будет говорить: «Ты есть То».

И вся вселенная, с ее мириадами солнц и лун, всем, что имеет глас, единым дыханием подтвердит: «Ты есть То».

БХАКТИ-ЙОГА²²⁹

²²⁹ «Бхакти-йога» составлена по записям лекций Вивекананды в Нью-Йорке в 1895–1896 гг. На русском языке публиковалась в 1914 г. (Бхакти-йога. Лекции, читанные Суоми Вивеканандой, пересмотренные и изданные Суоми Сараданандой. Пер. Я.Попова. СПб., 1914).

Перевод сделан с издания: The Complete Works of Swami Vivekananda, v. 3. Calcutta, 1989.

Бхакти-йогу все теистические учения Индии признают наилучшим путем богопознания. Она считается наиболее доступной, потому что чувство любви, эмоциональной привязанности человека к Богу свойственно человеческой природе, говорят приверженцы бхакти-йоги. Человеку намного легче отдать всего себя воле Бога, чем вникать в обоснования деятельности «без привязанности к ее результатам» (как в карма-йоге), или приобретать сложной йогической практикой «правильное состояние ума» (как в раджа-йоге), или готовить себя к «правильному размышлению» (как в джняна-йоге). Последователь индуизма, следующий по пути бхакти-йоги, должен относиться к самому себе лишь как к инструменту в руках Бога и, исполняя предписанные

ЧТО ТАКОЕ БХАКТИ

Бхакти-йога — это реальный, подлинный поиск Бога, поиск, начинающийся, проходящий и завершающийся в Любви. Единый миг безумной, беспредельной любви к Богу дарует нам вечную свободу. Нарада в своем пояснении к афоризмам бхакти говорит:

«*Бхакти* есть сильная любовь к Богу. Когда человек обретает ее, он любит все, он не знает ненависти, он постоянно удовлетворен... Такая любовь не может быть низведена до устремленности к земным целям»,²³⁰ поскольку она невозможна, пока существуют земные желания.

«Бхакти выше кармы и выше йоги, которые преследуют определенную цель, бхакти же сама есть плод, она и средство, она и цель».²³¹

Бхакти неизменно оставалась предметом размышлений индийских мудрецов. Помимо Шандилы²³² или Нарады, особо посвятивших себя бхакти, великие комментаторы сутр Вьясы,²³³ очевидные приверженцы строгого знания, джняны, высказывали чрезвычайно глубокие суждения о любви. Комментатор, стремясь истолковать если не все, то большую часть текстов на языке строгой науки, наталкивается в сутрах на такие места, особенно в главе, посвященной поклонению Богу, которые не поддаются научному истолкованию.

По сути, различие между знанием — джняной, и любовью — бхакти, не так значительно, как многим подчас представляется. Мы с вами увидим, что в конце пути они сливаются в одной и той же точке. К этой цели приводит и раджа-йога, когда она используется как способ освобождения, а не как трюк для одурачивания простачков, чем, к сожалению, раджа-йога частенько становится в руках шарлатанов и любителей поспекулировать на загадочном.

Великое преимущество бхакти в том, что она открывает самый легкий и естественный путь к божественной цели; ее огромный недостаток в том, что на низком уровне она без труда вырождается в отвратительный фанатизм. Фанатики — индуские, мусульманские или христианские — это почти неизбежно те, кто находится на примитивном уровне бхакти. Всепоглощающая страсть к предмету любви — *ништва*, без которой не может развиваться

действия, считать, что он действует по Его, а не по своей воле. Соответственно плоды действий принадлежат не человеку, а Богу. Охваченный всепоглощающей любовью к Богу, человек после смерти соединяется с Ним.

²³⁰ Пересказ Нарада сутр, 56. Нарада — мифический мудрец; упоминание о нем есть уже в Атхарваведе (АВ, V, 19, 9; XII, 4, 16 и др.). Ему приписывается авторство некоторых гимнов РВ; в поздней мифологии он обычно ассоциируется с Кришной как воплощением бога Вишну. Нараду, как правило, изображают в виде старца с музыкальным инструментом в руках, похожим на лютню.

²³¹ Пересказ Нарада сутр, 25–26.

²³² Имя Шандилы упоминается уже в Шат. брахмане; он считается одним из ее авторов. Шандилью называют также автором Шандилья сутр, авторитетного труда по бхакти.

²³³ Имеется в виду Шанкара и его последователи адвайтисты, толкующие БрС Бадараяны (или Вьясы) сообразно с джняна-йогой, признаваемой ими единственно возможным путем осознания человеком своей истинной сущности. Бхакти-йогу адвайтисты расценивают как вспомогательный путь: она нужна, поскольку способствует «очищению ума», делая его готовым к тому, чтобы ум «повернулся в сторону истинного знания», но сама по себе бхакти-йога не в состоянии вывести человека из мира предметного существования. Согласно воззрениям приверженцев джняна-йоги, у последователя бхакти всегда остается чувство собственного «Я», иначе было бы невозможным разделение на того, кто поклоняется Богу, и самого Бога как объекта поклонения. Для джняна-йогов же принципиально важным является осознание своего «Я», своей «самости» как чего-то внешнего по отношению к Атману, то есть истинному в человеке, а осознание идентичности Атмана и Брахмана и называется путем «спасения».

подлинная любовь, сплошь и рядом превращается в предлог для отбрасывания всего остального. Люди слабые и неразвитые — это относится к любому народу и к любой вере — понимают под любовью к своему идеалу ненависть ко всем другим идеалам. В этом и заключается объяснение того, каким образом человек, который так любит своего Бога, так предан идеалам собственной веры, превращается в яростного фанатика, едва соприкоснувшись с идеалами других. Такая любовь похожа на инстинкт, заставляющий собаку охранять от вторжения владения хозяина, с той только разницей, что собачий инстинкт лучше человеческой логики, ибо собака никогда не увидит врага в своем хозяине, в каком бы обличье он ни предстал перед ней. Фанатик же утрачивает способность к трезвому суждению: личные соображения подавляют в нем все остальное до такой степени, что ему делается безразлично мнение собеседника, безразлично, прав тот или ошибается, фанатика волнует лишь одно — кто это сказал. Один и тот же человек может быть добрым, честным и любящим членом своей общины, и он же, не задумываясь, совершит мерзейший поступок против любого, не разделяющего убеждения этой общины.

Но эта опасность ограничивается только тем уровнем бхакти, который называется *приготовительным* — *гауни*. Когда бхакти вызревает и достигает своего *высшего* уровня — *пара*, проявления дикого фанатизма перестают быть возможными; душа, покоренная высшей любовью, так близка к Богу любви, что ненависть распространять не может.

Не каждому из нас дано гармонично развивать свой характер в этой жизни, но мы знаем, что благороднее всего тот, чей характер есть гармония триединства: знания, любви и йоги. Три вещи необходимы птице для полета: два крыла и хвост, направляющий движение. Знание — джняна — это одно крыло, любовь — бхакти — другое крыло, а йога играет роль хвоста, поддерживающего равновесие между ними. Тот же, кто не способен достичь гармонии и потому избирает бхакти как свой единственный путь, должен обязательно помнить, что, хотя формы и ритуалы совершенно необходимы для развивающейся души, они имеют лишь одно назначение — приводить нас в состояние, в котором мы испытываем наибольшую любовь к Богу.

Существует небольшое расхождение во мнениях между учителями, проповедующими знание, и учителями, проповедующими любовь, хотя силу бхакти признают и те и другие. Последователи джняны рассматривают бхакти как способ освободиться, сами же бхакты считают, что это и средство, и цель. Мне лично это расхождение не кажется очень уж важным. Собственно говоря, когда бхакти используется в качестве инструмента, то делается это на ее низком уровне, что касается высшего уровня, то со временем его уже нельзя выделить из других.

Похоже, что каждая сторона, предпочитая собственный путь, забывает, что совершенная любовь сама по себе дает знание, а совершенное знание невозможно без подлинной любви.

Памятуя об этом, постараемся понять, что говорили о бхакти великие ведические комментаторы.

Истолковывая сутру «Медитация необходима, что было многожды сказано»,²³⁴ Бхагаван Шанкара заявляет:

«Итак, говорят люди — он возлюбил царя, он возлюбил гуру, описывая этими словами того, кто следует заветам гуру, считая это своей единственной целью. Подобным же образом говорят люди — предмет медитации любящей супруги есть ее возлюбленный супруг, описывая этими словами сильную и постоянную память». ²³⁵ Вот что такое преданная любовь в понимании Шанкары.

²³⁴ Пересказ БрС Бадараяны, IV, 1, 1–2.

²³⁵ Пересказ БрСБ Шанкары, IV, 1, 1–12.

«Медитация — это ненарушаемая память (о предмете медитации)»,²³⁶ непрерывающаяся, как струя масла, переливаемая из сосуда в сосуд. При достижении такой связанности с Богом порываются все цепи — вот что имеется в виду, когда в священных книгах говорится о ненарушаемой памяти как о способе освободиться. Такая память схожа с видением, о чем говорится в следующих строках: «Когда видишь Его, далекого и близкого, с сердца спадают оковы, исчезают все сомнения, стираются последствия всех деяний».²³⁷

Увидеть можно того, кто близко, тот же, кто далеко, виден только глазами памяти. Но священные книги учат, что мы должны видеть Его вблизи нас и видеть Его вдалеке, а это означает, что такого рода *память* сродни *зрению*. Возвышенная память приобретает качество зрения. Поклонение Богу есть постоянная память о Нем, как явствует из основных священных текстов. Знание, которое является тем же, что регулярное поклонение, описывается в них как постоянная память. Вот почему память, развитая до уровня непосредственного восприятия, рассматривается в *шрути*, в священных текстах, как способ освобождения.

«Атман нельзя постичь с помощью разных наук, интеллекта или самого прилежного изучения Вед. Кого Атман изберет, тот постигает Его, тому Атман раскрывает себя».²³⁸

Здесь подчеркивается, что Атман непостижим слухом, мыслью, медитацией. Избранным становится любимейший, кого сильнее всех любит Атман, тот становится Его возлюбленным. Сам Бог помогает ему постичь Атман. Ибо сказано было Богом: «Кто постоянно связан со Мной и поклоняется Мне с любовью, тем я указываю путь, который ведет ко Мне».²³⁹

Смысл этого в том, что Атман будет постигнут тем, кого Он изберет, кому очень дорога памятьливость, равноценная непосредственному восприятию, ибо она дорога и Предмету, на котором сосредоточена. Эта непрерывающаяся память обозначается словом «бхакти». Так говорит Бхагаван Рамануджа в своей комментарии к сутре о Брахмане.

В комментарии к сутре «О поклонении Всевышнему» Патанджали Бходжа²⁴⁰ говорит: «Пранидхана есть разновидность бхакти, когда все деяния совершаются не ради их плодов, таких, как земные радости, но только во имя Учителя учителей».

Бхагаван Вьяса в комментарии на ту же тему²⁴¹ определяет Пранидхану как «форму

²³⁶ Пересказ БрСБ Рамануджи, IV, 1, 2; I, 1, 1.

²³⁷ Пересказ Мунд. уп., II, 2, 9; часто повторяется во многих текстах, например в Бхаг. пуране.

²³⁸ Пересказ Катха уп., I, 2, 23, или Мунд. уп., III, 2, 3.

²³⁹ Пересказ БрСБ Рамануджи. Рамануджа — известный ведантист, с его именем связывается разработка второго направления веданты — вишишта-адвайты. Данные о его жизни и деятельности отрывочны и порой противоречивы: считается, что он родился в 1027 г.

Обычно название учения Рамануджи переводят так: «ограниченная адвайта» или «адвайта с ограничениями». Теистическое учение Рамануджи является теоретическим обоснованием бхакти-марги; полная зависимость человека от Бога иллюстрируется отношением кошки к котенку: в минуту опасности мать хватает своего детеныша и переносит его в безопасное место (так называемое «бхакти котенка»), или поведением маленькой обезьянки, цепляющейся за свою мать, когда ей что-нибудь угрожает (так называемое «бхакти обезьяны»). В бхакти важнее всего не само действие, а его эмоциональная окраска, глубина самозабвения, желания всецело принадлежать Богу. Именно в ответ на такое чувство всемогущественный и сострадательный Бог может даровать человеку свободу.

²⁴⁰ Имеются в виду комментарии Бходжи (X–XI вв.), автора Бходжа-вритти, на Йога сутры Патанджали (I, 23 или II, 45).

²⁴¹ Здесь имеется в виду Вьяса, автор комментариев к Йога сутрам Патанджали (Вьяса, Йога бхашья, или Вьяса бхашья).

бхакти, когда милость Бога изливается на йога, даруя ему исполнение всех его желаний».

Шандилья называет бхакти «страстной любовью к Богу». Но наилучшим образом определил, что такое бхакти, величайший из бхактов Прахлада: «Та бессмертная любовь, которой невежды награждают бранные предметы чувственного влечения — сосредоточившись на Тебе одном, я молю: да не оставит эта любовь мое сердце!»²⁴²

Любовь! К кому она обращена? Ко Всевышнему, к Ишваре. Сколь бы ни была велика любовь, обращенная к другим, это не бхакти, ибо, как говорит Рамануджа в «Шри-Бхашье», цитируя древнего мудреца, «все сущее, от Брахмы до пучка травы, подчинено закону рождения и смерти, диктуемому кармой, и потому не может быть предметом медитации, так как существует в незнании и изменчивости».²⁴³

Размышляя над словом *ануракти*, употребленным Шандильей, комментатор Свапнешвара²⁴⁴ толкует его, как составленное из *ану*, что означает «после», и *ракти* — «привязанность»; то есть речь идет о привязанности, возникающей после того, как познаны натура и величие Бога. Иначе можно было бы отнести к бхакти просто слепую любовь, такую, какая бывает между супругами или между родителями и детьми. Мы видим, что бхакти — это цепочка ментальных усилий, направленных на религиозную реализацию, которая начинается с простого поклонения Богу, а заканчивается любовью высочайшей силы, обращенной к Ишваре.

ФИЛОСОФИЯ ИШВАРЫ

Кто есть Ишвара?

Тот, из кого порождение, сохранение и разрушение вселенной, есть Ишвара. «Вечный, Чистый, Вечно свободный, Всемогуший, Всеведущий, Всемиловитый, Учитель учителей».²⁴⁵ И превыше всего — «у Него собственная природа, неизъяснимая Любовь».

Несомненно, все это представляет собой описание Личностного Бога. Так что же, существуют два бога — Бог философа, определяемый через отрицание «Он не есть то, Он не есть это», *сат-чит-ананда*, существование-знание-блаженство; и наряду с ним вот этот Бог-любовь? Нет, Бог один, Он и существование-знание-блаженство, и любовь, Он и личностен, и надличностен. Необходимо всегда отдавать себе отчет в том, что Личностный Бог, почитаемый бхактами, не является чем-то отдельным или отличным от Брахмана. Все есть Абсолют, но Брахман, как единство всего сущего или как Абсолют, понятие чересчур абстрактное, абстракцию невозможно любить, абстракции невозможно поклоняться, поэтому бхакта избирает себе один из аспектов Брахмана — Ишвару, Высшего правителя. Прибегнем к метафоре: Брахман — это глина, это вещество, из которого вылеплено бесконечное многообразие форм жизни. По глине, по своей сути — все они едины, но по форме, по проявлению, отличны. Прежде чем их вылепили, все они потенциально существовали в глине, и, разумеется, они вещественно идентичны, однако, приняв форму, они разделены и различны до тех пор, пока существует их форма: глиняная мышь никогда не станет

²⁴² Пересказ Вишну пураны, I, 20, 17. Прахлада — сын царя асуров Хираньякашипу, получивший еще в чреве матери наставление от мудреца Нарады и ставший потому страстным приверженцем бхакти. Споры между отцом и сыном были столь яростными, что бог Вишну в облике льва Нарасимху вмешался в них и растерзал отца, рассказывает Вишну пурана. Согласно Бхаг. пуране Вишну спасает Прахладу от гнева отца, но оставляет царя асуров живым. Прахлада в традиции понимается как идеал бхакта.

²⁴³ Пересказ БрСБ Рамануджи, I, 1, 1.

²⁴⁴ Поздний комментатор Шандилья сутр.

²⁴⁵ Пересказ БрСБ Рамануджи, I, 1, 1.

глиняным слоном, так как в проявленном облике только форма делает их тем, что они есть, без формы же они едины.

Ишвара есть высочайшее проявление Абсолютной реальности, или, иными словами, максимальное постижение Абсолюта, доступное человеческому уму. Ишвара вечен, ибо вечно бытие.

Вьяса, в четвертой главе своих сутр,²⁴⁶ особо отмечает, что, хотя освобожденная душа, душа, достигшая мокши, почти всемогуща и почти всеведуща, она не обладает силой творить, править вселенной и возвращать ее к изначальным компонентам, поскольку это может один Бог. Когда это положение истолковывает комментатор-дуалист, ему нетрудно доказать, что, таким образом, подчиненная душа, *джива*, не в состоянии получить безграничную власть и независимость от Бога. Мадхвачарья, комментатор, стоящий на целиком дуалистических позициях,²⁴⁷ рассматривает это положение в своей обычной суммарной манере и цитирует «Вараха пурану».

Рамануджа говорит: «Возникает сомнение — входит ли в возможности освобожденной души то, что единственно принадлежит Высшему существу, а именно: сотворение вселенной и т. д., или же величие освобожденной души только в ее непосредственном восприятии Высшего существа. Резонно предположить, что освобожденная душа обретает способность управлять вселенной, поскольку в священных текстах сказано: „Она становится предельно тождественна Высшему существу, и осуществляются все ее желания“».²⁴⁸ Предельная тождественность и осуществление желаний недостижимы без способности, единственно принадлежащей Высшему существу, — управления вселенной, а потому следует признать, что все освобожденные души становятся владыками вселенной. Но на это мы отвечаем, что освобожденные души обретают все способности, за исключением управления вселенной. Управление вселенной означает управление формами, жизнью и желаниями всего сущего. Освобожденные Души, для которых перестали существовать завесы, скрывавшие подлинную природу Бога, получают возможность непосредственного восприятия Брахмана, но не способность управлять вселенной. Это доказывает следующий священный текст: «Спроси о Том, из кого все это рождается, кем все рожденное живо, в кого все возвратится. Это Брахман».²⁴⁹

Если бы способность управлять вселенной была присуща всем освобожденным душам, то Брахмана нельзя было бы определять через эту способность. Определять можно только через исключительные атрибуты, поэтому, скажем, в следующих текстах Высшее существо предстает неизменно как Властитель вселенной:

«Мой возлюбленный мальчик, вначале существовал лишь Один, не имеющий другого. Он увидел и возжелал — пусть родится множество. И возникло тепло».²⁵⁰

²⁴⁶ Имеются в виду Брахма сутры Бадараяны (или, как их еще называют, Брахма сутры Вьясы).

²⁴⁷ Мадхва (XII–XIII вв. н. э.) считается одним из основных представителей «двайта-веданты», то есть дуалистической веданты. Мадхва оставил после себя комментарии к Брахма сутрам Бадараяны, к Бхг., ко многим Упанишадям; часто цитируются его разъяснения к текстам пуран и Мбх. Мадхва является творцом того направления веданты, что в наибольшей степени вобрало в себя элементы учений, противостоящих адвайте Шанкары, хотя и не вышло за рамки основных ведантистских положений. Мадхва не приемлет адвайтистское понимание Брахмана как единственной реальности, а видимого мира множественности как результата действия майи, которой не подвластен только сам Брахман. У Мадхвы Брахман как бы «изготавливает» мир, словно ремесленник, делающий горшок из глины.

²⁴⁸ Пересказ БрСБ Рамануджи, IV, 4, 17.

²⁴⁹ Пересказ Тайт, уп., III, 1, 1.

²⁵⁰ Свободный пересказ Чхан. уп., VI, 2, 1.

«Лишь один Брахман существовал вначале. Он стал развиваться, и проявилась благословенная форма — *кшатра*. Все эти боги есть кшатры: Варуна, Сома, Рудра, Парджанья, Яма, Мритью, Ишана».²⁵¹

«Поистине, один лишь Атман существовал вначале, ничто больше не испускало колебания. Он подумал о проявлении мира. Потом проявил мир».²⁵²

«Существовал один лишь Нараяна — ни Брахма, ни Ишана, ни Дьява-Притхиви, ни звезды, ни вода, ни огонь, ни Сома, ни солнце. Он не радовался в одиночестве и после медитации произвел на свет дочь, десять органов и прочее...».²⁵³ Да и в других священных текстах, таких, как: «Тот, кто, живя в земле, существует отдельно от нее, живя в Атмане, и т. д.», — говорится о Наивысшем как о том, кто управляет вселенной...

Ни в одном из описаний управления вселенной не остается места для действий освобожденных душ, для их участия в управлении вселенной.

Толкуя следующую сутру, Рамануджа подчеркивает:

«Если вы скажете, что это не так, поскольку некоторые ведические тексты свидетельствуют о противоположном, то тексты Вед относятся к величию освобожденных душ в сферах подчиненных богов».²⁵⁴

Еще один легкий выход из трудного положения. Хотя философская теория Рамануджи признает единство сущего, но, согласно ей, внутри единства сущего есть вечные различия. Следовательно, и эта теория является на самом деле дуалистической, что помогает Раманудже проводить четкую линию разграничения между личной душой и Личностным Богом.

Теперь постараемся разобраться в том, что говорят на этот счет великие мыслители школы *адвайты*. Теория адвайты сохраняет в неприкосновенности все надежды и чаяния дуалистов, предлагая в то же время собственное решение проблемы, согласующееся с высоким назначением божественного человечества. Желаящие сохранить индивидуальный ум даже после освобождения получают широкие возможности для осуществления своих чаяний и обретения благословения наделенного качествами Брахмана. Это о них говорится в Бхагават пуране: «О царь, таковы великие свойства Бога, что даже мудрецы, единственная радость которых — Душа, те, с кого спали все оковы, даже они любят Вездесущего бескорыстной любовью».²⁵⁵

Это о них говорят последователи санкхьи: в этом цикле они сольются с природой, чтобы, достигнув совершенства, стать властелинами миров в следующем. Однако никто из них никогда не станет равен Богу (Ишваре). Иные достигнут состояния, где уже нет ни творения, ни сотворенного, ни творца; где уже нет ни познавшего, ни познаваемого, ни знания; где не существует ни «я», ни «ты», ни «он»; где «кто видим кем?» утрачивает смысл — такие люди выйдут за пределы всего, туда, «куда ни слову не проникнуть, ни мысли».²⁵⁶ Другие же, кто не сумел достигнуть этого состояния, неизбежно останутся при триедином видении нерасчлененного Абсолюта, как природы, души и их всепроникающей скрепы, соединяющей одно с другим, — Ишвары. Когда Прахлада забыл себя, он не обнаружил ни

²⁵¹ Пересказ Брх. уп, I, 4, 1.

²⁵² Пересказ Брх. уп., I, 4, 10–11.

²⁵³ Пересказ Брх. уп., III, 7, 3.

²⁵⁴ Пересказ БрСБ Рамануджи, IV, 4, 18.

²⁵⁵ Пересказ Бхаг. пураны, I, 7, 10.

²⁵⁶ Пересказ Брх. уп., II, 4, 10–12.

вселенной, ни ее причины, он был в Бесконечности, не расчлененной ни именем, ни формой. Однако, едва лишь вспомнил он, что его зовут Прахлада, перед ним опять была вселенная, а с нею и ее Владыка, «вместилище бесконечного числа благословенных свойств». То же произошло с благословенными пастушками, пока они не помнили о своей индивидуальности, каждая из них, и они вместе, были Кришной, но стоило им подумать о Нем как о предмете их поклонения, как тут же они снова стали пастушками и тут же «явился им Кришна с улыбкой на лотосоподобном лице, одетый в желтое, украшенный цветочными гирляндами, прекрасный победитель бога любви».²⁵⁷

Вернемся теперь к нашему Шанкаре, который говорит: «Кто почитанием наделенного качествами Брахмана входит в соприкосновение с Высшим существом, сохраняя при этом свой индивидуальный ум, — ограничено его величие или безгранично? Его величие должно быть безграничным, ибо сказано в священных текстах: „такие обретают собственное царство“ и „таких почитают боги“ и „во всех мирах исполняются их желания“».²⁵⁸

На что Вьяса отвечает: «за исключением власти над вселенной».²⁵⁹

Власть над вселенной принадлежит вечно совершенному Ишваре. Почему? Потому что о Нем говорится во всех священных текстах, касающихся управления вселенной, освобожденные же души не упоминаются здесь ни в какой связи. Вселенной управляет только Высшее существо, вечное совершенство которого постоянно подчеркивается. В Священном писании также говорится, что все другие обретают свои способности исканием Бога и почитанием Его. Следовательно, участвовать в управлении вселенной они не могут. К тому же, раз они сохраняют индивидуальный ум, их желания могут и не совпадать — одна душа желает творения, а другая — разрушения вселенной. Единственным способом преодоления конфликта может быть подчинение всех желаний единой воле. Отсюда мы приходим к заключению, что воли всех освобожденных душ зависят от воли Высшего существа.

Таким образом, бхакти может быть обращена к Брахману только в Его личностном аспекте и «путь этот труднее для тех, чей ум привязан к Абсолюту».²⁶⁰ Бхакти должно направляться так, чтобы учитывать естественную склонность нашей натуры. Конечно, у нас не может быть иного представления об Абсолюте, кроме антропоморфного, но разве это не справедливо и в отношении всего остального, что мы знаем? Величайший из психологов, известных миру, Капила,²⁶¹ столетия назад доказал, что человеческое сознание является одним из элементов, необходимых при образовании всех объектов нашего восприятия, находящихся как вне, так и внутри нас. Мы видим, что, начиная с нашего собственного тела и вплоть до Ишвары, все, что мы воспринимаем, есть наше сознание плюс что-то еще, что бы это ни было, именно это смешение, которое неизбежно, мы обыкновенно и считаем реальностью.

Собственно говоря, это и есть реальность — единственная реальность, доступная человеческому познанию. Поэтому нелепо утверждать, что Ишвара нереален, поскольку Он антропоморфен. Это очень напоминает нескончаемый спор Запада по поводу идеализма и реализма, в основе которого всего лишь игра смысловыми оттенками слова «реализм». Идея Ишвары включает в себя все, что входит в понятие и толкование понятия реальности.

²⁵⁷ Здесь и далее пересказ теистических пуран (Бхаг. пураны, Вишну пураны и пр.).

²⁵⁸ Пересказ БрСБ Шанкары, IV, 4, 17.

²⁵⁹ Пересказ БрС Бадараяны, IV, 4, 17.

²⁶⁰ Источник цитирования не выявлен.

²⁶¹ См. о Капиле примеч. 101 к «Раджа-йоге».

Ишвара столь же реален, сколько и все во вселенной. В конце концов, слово «реальный» означает всего лишь то, о чем сейчас было сказано.

Такова наша философская концепция Ишвары.

ДУХОВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ: ЦЕЛЬ БХАКТИ-ЙОГИ

Истинный последователь бхакти нуждается во всех этих сухих подробностях лишь для укрепления своей воли, больше ни для чего. Он идет путем, предназначенным для того, чтобы через короткое время вывести его из туманной и беспокойной области рассудка в царство осуществления. Пройдет немного времени, и бхакта Божьей милостью оставит далеко позади педантичный и бессильный рассудок, интеллектуальные блуждания во тьме уступят место ясному свету непосредственного восприятия. Он больше не рассуждает, он больше не верует, он почти воспринимает То. Он не дискутирует, он чувствует. И разве вот это видение Бога, ощущение Бога, наслаждение от общения с Богом не выше всего остального? Очень многие последователи бхакти утверждают, что это состояние даже выше мокши — освобождения. И разве не в этом высочайшая полезность? Ведь есть люди — и их много на свете, которые убеждены в том, что полезно только способствующее увеличению материальных благ. Религия, Бог, вечность, душа — все это кажется им бесполезным, поскольку не дает ни денег, ни физического комфорта. Для людей такого толка бесполезно все, что не ведет к удовлетворению чувств и appetитов. Тем не менее, понятие полезности для каждого человека обусловлено его собственными потребностями. Человек, не поднимающийся над желанием есть, пить, производить потомство, а потом умереть спокойно, только эти вещи считает полезными. Ему еще предстоит много раз родиться и умирать, прежде чем он ощутит едва заметную потребность в чем-то более возвышенном. Для человека же, который ценит вечные потребности души больше, чем мимолетные интересы земной жизни, для кого чувственные радости — младенческие игры, конечно, для него Бог и любовь к Богу являются наивысшим и единственным смыслом человеческого существования. Слава Богу, что есть на свете, слишком поглощенном мирскими заботами, такие люди.

Как мы уже говорили, бхакти-йога делится на подготовительную ступень, *гауни*, и высшую ступень, *пара*. По мере продолжения нашей беседы мы начнем понимать, что на подготовительной ступени человеку не обойтись без конкретной поддержки в разных формах, которая помогает ему двигаться дальше. По сути дела, мифы и символика любой религии есть выражение естественной потребности души на ранней стадии ее развития. Чрезвычайно важно отметить, что колоссы духа порождаются только теми религиозными системами, которые опираются на богатую мифологию и ритуализм. Сухие фанатические формы религий, стремящиеся искоренить все поэтичное, прекрасное и утонченное, а именно то, что предлагает опору младенческому уму, делающему первые неуверенные шажки по направлению к Богу, подтачивают и опору, на которой держится духовная крыша. Исходя из невежественной и суеверной концепции истины, сухой фанатизм пытается изгонять как раз то, что питает собой религию, что питает собой росток духа, пробивающийся к свету в человеческой душе. От религий такого рода очень скоро остается одна шелуха, лишённые содержания слова и софистика, иногда слегка сдобренная социальными стремлениями или так называемым духом реформизма.

Огромное большинство последователей таких религий являются материалистами — сознательно или неосознанно, — поскольку цель и земной, и загробной жизни для них сводится к наслаждению: оно для них альфа и омега бытия, это их *шитапурта*. С их точки зрения, уборка улиц и наведение порядка и есть смысл жизни человека на земле — обеспечение материального благосостояния. Чем скорее последователи этих религий, представляющих собой странную смесь невежества с фанатизмом, предстанут в подлинном свете и вольются — как им и следует сделать — в ряды атеистов и материалистов, тем лучше будет для человечества. Один грамм практической праведности и духовной самореализации

перевешивает тонны краснобайства и пустых сантиментов. Покажите нам одного, одного-единственного колосса духа, возросшего на этой сухой пыли невежества и фанатизма, а если не можете — закройте рты и распахните сердца навстречу ясному свету истины. Сядьте, как дети, у ног тех, кто знает, что говорит, у ног индийских мудрецов. И давайте внимательно вслушаемся в их слова.

НЕОБХОДИМОСТЬ ГУРУ

Каждой душе назначено быть совершенной, и всякое живое существо в конце концов достигнет совершенства. То, что мы собой представляем сегодня, — плод наших деяний и помыслов в прошлом; кем мы станем завтра, зависит от того, что мы думаем и делаем сегодня. Мы сами творим собственную судьбу, но это не означает, что мы не можем воспользоваться чужой помощью, более того, в абсолютном большинстве случаев помощь нам просто необходима. Она нужна, чтобы ускорить раскрытие сил и потенциала души, чтобы пробудить нас к духовной жизни, развитие которой ведет человека к святости и совершенству.

Книги не могут это дать. Только от другой души воспринимает импульсы душа, ни от чего иного. Можно всю жизнь просидеть над книгами и стать большим интеллектуалом, а в конечном счете обнаружить полное отсутствие духовного развития. Это ведь неправда, будто высокий уровень интеллектуального развития непременно способствует соответствующему духовному развитию человека. Мы подчас склонны думать, будто корпение над книгами и есть духовная поддержка, в которой мы нуждаемся, однако, проанализировав результаты, приходим к выводу, что чтение принесло пользу интеллекту, но не духу. Несостоятельность книжного знания для пробуждения духа и ускорения духовного развития и есть причина, в силу которой мы все умеем блистательно *рассуждать* о духовности, но как только доходит до дела, до того, чтобы вести истинно духовный образ жизни, мы пасуем. Для ускорения развития духа мы нуждаемся в импульсе от другой души.

Человек, душевный импульс которого идет к нам, называется *гуру* — учитель, тот же, кто импульс получает, называется *шишиья* — ученик. Передать свой импульс другой душе может только та, которая, прежде всего, как бы обладает способностью к передаче. Кроме того, принимающая душа должна быть готова к восприятию. Зерно должно быть плодородным, а поле вспаханым, при соблюдении этих условий мы наблюдаем поразительный рост подлинной религиозности. «Истинный учитель веры должен обладать замечательными качествами и умен должен быть слушающий его».²⁶²

Только в этом случае произойдет блистательное пробуждение духа — и никак иначе. Только таким может быть истинный учитель и только таким может быть истинный ученик. Все другое — просто игра в духовность: чуть проснулось любопытство, чуть разгорелся интеллектуальный аппетит, но человек так и остался стоять у границ религии. Без сомнения, есть определенная ценность и в этом, поскольку, с течением времени, возможно пробуждение и настоящей тяги к религии. По загадочному закону природы, как только поле

²⁶² Пересказ Катха уп., I, 2, 7–9. В индийской традиции считается, что только учитель (гуру) может подвести искателя истины к высшему знанию. Надо иметь в виду содержание самого понятия «знание» — это «высшее» знание, оно не соотносится с изучением природного мира и законов его функционирования: речь идет о духовном знании, получить которое можно только от учителя, а не от книги. Однако учитель может лишь подвести ученика к правильному пониманию истинной первоосновы мира, передать ему свои знания, научить его учитель не может. Переживание единения с Высшим понимается как глубоко индивидуальный акт, и передать то чувство, которое испытывает познающий Истину, никто не в состоянии, точно так же, как никому не под силу передать другому человеку то наслаждение, которое он испытывает при виде красивого пейзажа, цветка или влюбленности. Учителем может быть только тот, кто уже познал Высшее. Но и учеником может быть далеко не каждый: считается, что, если ученик уже близок к познанию истинной первопричины мира, он обязательно встретится с тем, кто продвинет его на этом пути. Широко известно высказывание: «Когда чела (ученик) готов, учитель непременно появится».

готово, в него *должно* попасть и *попадает* семя; стоит душе истинно испытать тягу к религии, должен появиться и появляется тот, кто поможет этой душе. Когда сила, притягивающая свет религии, наполнит душу, то сила, отвечающая на притяжение, сама посылает этот свет.

Есть, однако, серьезные опасности, подстерегающие человека на этом пути. Например, существует опасность принять за подлинную тягу к религии мимолетные эмоции. Каждому легко проследить это на себе. Сколько раз в жизни, когда умирает близкий человек, когда обстоятельства наносят нам удар, мы начинаем искать чего-то более надежного и возвышенного и обращаемся к религии. Но проходит время, опадает волна чувства, а мы как были, так и остались. Мы все частенько ошибаемся, принимая эти порывы за подлинную тягу к религии. Пока мы не научимся распознавать их, мы не испытаем постоянное, настоящее влечение к религии, а следовательно, не отыщем и того, кто действительно передаст нам религиозность. А потому всякий раз, когда нам хочется пожаловаться на тщету поисков истины, к которой мы так сильно стремимся, наш долг прежде всего заключается в том, чтобы заглянуть в собственную душу и удостовериться в подлинности стремления. В огромном большинстве случаев обнаруживается, что мы сами еще не готовы принять истину, так как наша тяга к духовности поверхностна.

Однако еще более серьезная опасность связана с личностью того, кто *передает* знание, гуру. Есть многие, погрязшие в невежестве, кто в гордыне своих сердец воображает, будто им все известно. Не останавливаясь даже на этом, они изъявляют готовность взвалить на свои плечи и бремя других, и тогда слепые становятся поводьями слепых. «Глупцы, блуждающие во мраке, мудрые лишь в собственной надменности, надутые от ложного знания, они ходят и ходят по кругу, как слепые, ведомые слепыми»,²⁶³ — говорится в Катха упанишаде.

Мир полон ими. Каждый желает быть учителем, каждый нищий готов подарить миллион! Нищий этот так же смешон, как лжеучитель.

НЕОБХОДИМЫЕ КАЧЕСТВА УЧЕНИКА И УЧИТЕЛЯ

Как же распознать учителя? Солнцу не требуется факел, чтобы быть увиденным, и нам не нужно зажигать свечу, чтобы его увидеть. Когда встает солнце, мы инстинктивно знаем, что произошло, когда учитель людей приходит нам на помощь, душа инстинктивно знает, что к ней приближается луч истины. Истина самоочевидна, ей не требуются доказательства, она светит собственным светом. Она проникает в потаеннейшие уголки нашей природы, и вся вселенная приветствует ее словами — вот истина! Учители, познавшие истину, излучают мудрость, как солнце свет, и большая часть человечества почитает их, как самого Бога. Однако нам могут помочь и не столь великие люди, вся беда в том, что нашей интуиции недостаточно, чтобы вынести суждение о человеке, который собирается учить и наставлять нас, а значит, должны быть некие тесты, условия для определения пригодности учителя, равно как и обучаемого.

Принимающий учение должен соответствовать следующим условиям: чистота, истинная тяга к познанию и прилежание. Душа, не очищенная от скверны, не может быть по-настоящему религиозной. Чистота помыслов, речи и деяний есть обязательное условие для религиозного человека. Что же касается тяги к познанию, то издавна известно: каждый получает то, чего хотел. Никто из нас не может добиться того, что не запало в сердце. По-настоящему тянуться к религии совсем не так легко, как обычно представляют себе. Можно слушать религиозные беседы или читать религиозные книги, но это еще не доказательство истинной потребности сердца. Речь о постоянной борьбе, о нескончаемом преодолении, о беспощадной схватке с низостью собственной натуры — все это до тех пор, пока не

²⁶³ Пересказ Мунд. уп., I, 2, 8.

возобладает высшая потребность сердца и не будет достигнута победа. Речь не об одном-двух днях, не о годах, не о целой жизни — борьба может длиться сотни жизней. Бывает и немедленный успех, но готовым надо быть к ожиданию, которое может казаться бесконечным. Кто начинает поиск с готовностью к прилежанию и настойчивости такого рода, тот в конце концов обязательно придет к успеху и к реализации.

Что касается учителя, то необходимо убедиться в том, что он проникся духом священных книг. Все читают Библию, Веды и Коран, но ведь это просто слова, синтаксис, этимология, филология, сухие кости религии. Учитель, чересчур увлеченный словами, допускающий, чтобы ум его был убаюкан силой слова, упускает дух. Настоящий учитель веры должен понимать дух священных книг, и только это важно. Сплетение слов священных текстов подобно густому лесу, в котором легко заблудиться человеческому уму. «Сплетение слов — густой лес, причина замысловатых блужданий ума».²⁶⁴ «Различны способы сопряжения слов, различны способы выражать мысли красиво, различны методы истолкования священных текстов, но применение их — только в спорах ученых людей, услаждающих свой ум, развитию же духовных восприятий они не помогают».²⁶⁵

Кто использует такие способы для передачи знания о религии, теми руководит одно желание — выказать свою ученость и снискать себе славу великих умников. Нетрудно обнаружить, что ни один из великих учителей мира никогда не прибегал к заумным толкованиям священных книг, они не увлекались «текстотерзанием», игрой в оттенки значений слов и их корней. Однако они поучали благородно, в то время как другие, кому нечего сказать, способны написать трехтомное исследование об одном слове или о человеке, который впервые употребил его, или еще о том, какую пищу предпочитал этот человек, как много он спал и тому подобном.

Бхагаван Рамакришна любил рассказывать историю о людях, которые отправились в манговую рощу²⁶⁶ и занялись подсчетом листьев на деревьях, сучков и веток, изучая их цвет, сравнивая по величине и тщательно записывая все. Потом они затеяли обсуждение всего обнаруженного и с большим увлечением участвовали в нем. Только один оказался разумнее — он ел манго. Не в этом ли мудрость? Кому нравится, пускай подсчитывает себе листья и сучья, есть своя польза и в этом, но не в сфере духа. Вы никогда не найдете среди считающих листики человека мощной духовности. Религия, высочайшее величие человека, не требует столько труда. Если вы желаете следовать путем бхакти, вам совсем не обязательно знать, родился ли Кришна в Матхуре или во Врадже,²⁶⁷ чем он занимался и когда именно провозгласил учение Гиты. От вас требуется другое — действительно *испытывать* влечение к прекрасным урокам любви и долга в Гите. А подробности, касающиеся этой книги или ее автора, — радость от них пусть получают ученые. Пусть занимаются тем, что им нравится. Скажите *шанти*, мир их ученым спорам, а сами ешьте манго.

Второе условие, которому обязательно должен отвечать учитель, — безгрешность. Часто спрашивают: почему надо интересоваться характером и личностью учителя? Его надо судить по тому, хорошо ли он учит! Это не так. Если речь идет о преподавателе динамики,

²⁶⁴ Пересказ ВЧ Шанкары, 60.

²⁶⁵ Пересказ ВЧ Шанкары, 58.

²⁶⁶ См. примеч. 228 к «Джняна-йоге». О Рамакришне см. примеч. 52 к «Карма-йоге».

²⁶⁷ Образ бога Кришны складывался на протяжении многих веков и отразил в себе различные традиции. Хотя самое первое упоминание о нем есть и в РВ, в индуистском пантеоне он занял место бога Вишну (Кришна понимается как воплощение Вишну) далеко не сразу. Существуют тексты, по-разному отражающие образ этого бога: например, Кришна в Бхг. и Кришна в Бхаг. пуране во многом различаются.

или химии, или любой другой естественной науки, то действительно человеческие качества учителя не имеют для нас значения. Но когда мы говорим о человеке, приобщающем нас к духовности, то надо помнить, что не может быть духовного света в душе, недостаточно чистой. Чистота сердца и души есть неперемнное условие как ищущего духовную истину, так и того, кто передает ее. Пока душа не очистится, она не прозреет ни Бога, ни иную реальность, чем та, что вокруг. А потому мы должны сначала увериться в том, что собой представляет учитель духовности, а уже потом в том, что он говорит. Учитель должен быть совершенно чист, ибо только тогда обретут ценность его слова, только тогда он может действительно «передать» нечто. Что он передаст, если в нем самом отсутствует духовная энергия? Должны же быть духовные вибрации в уме самого учителя, чтобы он мог передать их уму ученика — функция учителя именно в передаче от себя, а не просто в стимулировании интеллектуальных или иных качеств обучаемого. Воздействие учителя на ученика — вещь реальная и ощутимая.

Третье условие — чистота мотиваций учителя. Учитель не должен руководствоваться низменными, корыстными побуждениями — учить ради денег или славы. Он трудится только из любви, из чистой любви ко всему человечеству. Это единственный способ передачи духовной энергии — через любовь. Так что корыстное побуждение, жажда материальных ценностей или любви тут же уничтожат возможность передачи духовности. Бог есть любовь, и только тот, кто познал Бога как любовь, может стать учителем божественного.

Если вы убедились в том, что ваш учитель отвечает всем этим требованиям, вы в безопасности; в противном случае очень опасно учиться у недостойного, ибо раз он не в силах передать вам добро, он передаст вам зло. Этой опасности следует остерегаться. Истинный учитель «изучил священные тексты, безгрешен, не осквернен страстью, он велик и он познал Брахмана».²⁶⁸

Из того, что было сказано, естественно вытекает, что не всякий способен научить любить религию, понимать ее и войти в нее. Знаменитая фраза: «Книги — в бегущих ручьях, проповеди — в скалах и добро — во всем»²⁶⁹ — прекрасна, как поэтическая фигура, но ничто не способно вложить в человека и крупицу истины, пока не взрастит он семя истины в себе самом.

Кому читают проповеди скалы и ручьи? Человеческой душе, лотос которой уже полнится жизнью в ее святом храме. Свет же, побуждающий раскрыться прекрасный лотос, всегда исходит от доброго и мудрого учителя. А когда сердце раскрыто, тогда оно готово принять поучение от скал, от ручьев, от солнца, звезд, луны, от всего сущего в нашей божественной вселенной. Нераскрывшееся сердце воспринимает ручьи и скалы просто как ручьи и скалы. Слепой может посетить музей, но он мало что вынесет из этого, сначала должны раскрыться его глаза, только тогда он сможет воспринять урок, преподаваемый музейными экспонатами.

Учитель открывает глаза ищущему религию, поэтому взаимоотношения между учителем и учеником схожи с взаимоотношениями предка и потомка. Не относясь к учителю с верой, скромностью, послушанием и почитанием в сердце, невозможно взрастить религию в себе. Необходимо отметить, что именно такие взаимоотношения существуют там, где на свет появляются колоссы духа; в тех же странах, где взаимоотношения пришли в упадок, учитель религии превратился в обыкновенного преподавателя, ожидающего, что ученик уплатит ему пять долларов, ученик же в свою очередь ожидает, что его мозг наполнится учительскими словами, после чего каждый из них пойдет своей дорогой.

²⁶⁸ Пересказ ВЧ Шанкары, 33.

²⁶⁹ Точный источник цитирования нам неизвестен. По мироощущению он соотносим с христианскими сочинениями, например, с трудами Франциска Ассизского.

В таких условиях духовность исчезает: некому передать ее, некому воспринять ее. Религия становится бизнесом, и человек считает, что к ней можно приобщиться за деньги. Дай бы Бог, чтобы религия так легко доставалась! К сожалению, это невозможно.

Религия есть наивысшее знание и наивысшая мудрость, ее нельзя ни купить, ни вычитать из книг. Можете объездить весь мир, можете облазить и Гималаи, и Альпы, и Кавказский хребет, можете опуститься на дно морское, исходить все уголки Тибета и пустыни Гоби — вы не найдете религию, пока не будет готово к ней ваше сердце и пока не придет учитель. Когда появится Богом назначенный учитель, служите ему с детской доверчивостью и простодушием, настежь распахните сердце его воздействию, смотрите на него, как на воплощение Бога.

Кто ищет истину с такой любовью и почитанием, тому Бог раскрывает и истину, и добро, и красоту.

ВОПЛОЩЕННЫЕ УЧИТЕЛИ И ВОПЛОЩЕНИЕ

Где ни произносится имя Его — то место свято. Как же велика святость человека, который произносит Его имя, как должны мы почитать того, через кого передается нам духовная истина! Великие учителя духовной истины весьма редки в нашем мире, но мир никогда не остается без них.

Эти люди — прекраснейшие цветы человечества. Каждый из них — «океан милосердия, не нуждающегося в побуждении».²⁷⁰

Кришна говорит в Бхагавад-Гите: «Знай, что гуру — это Я».²⁷¹

Лишаясь таких людей, оставаясь без них, мир превращается в ад и спешит разрушить себя.

Выше и благородней просто учителей — *аватары*, воплощения Ишвары на земле.²⁷² Они способны передавать духовность одним своим прикосновением, даже одним желанием. Самые низменные и опустившиеся люди могут мгновенно стать святыми по их приказу. Они — Учители учителей, наивысшие проявления Бога в людском облике. Мы можем узреть Бога только через них. Не поклоняться им невозможно, по сути, они и есть единственные, кому мы должны поклоняться.

Человеку не дано видеть Бога иначе, чем через эти Его человеческие воплощения. Пытаясь узреть Бога иными путями, мы только сотворяем для себя нелепые карикатуры на Него, да еще и верим, будто карикатуры не хуже оригинала. Есть такая история про

²⁷⁰ Пересказ ВЧ Шанкары, 33. Он называется таковым, поскольку лишен собственного интереса в любом своем действии; он дарит знание, не имея никаких корыстных целей.

²⁷¹ Нам неизвестен точно такой текст; как правило, выражения «гуру — это я» встречаются в пуранах. Тем не менее смысл всей фразы соотносится с Бхг., XI, 43.

²⁷² Аватара (санскр.: нисхождение) имеет место, согласно представлениям последователей индуизма, тогда, когда на земле воцаряется хаос, рушатся основы нормальной жизни: «Всякий раз, когда ослабляется дхарма и беззаконие возрастает, Я создаю себя сам...»; Бхг. IV, 7. По верованиям последователей индуизма существует десять аватар Вишну. Они перечисляются в следующем порядке: Вишну в облике рыбы — черепахи — вепря — человека-льва — карлика — брахмана-воителя Парашурамы — царя Рамы — Кришны — Будды. Десятая аватара еще только ожидается. Седьмая аватара (царь Рама) — герой эпической поэмы Рамаяна и многих других произведений. Восьмая аватара — Кришна — герой многочисленных поэм и сказаний; от его имени излагается учение в Бхг. Включение Будды в аватары бога Вишну (девятая аватара) — свидетельство сложных отношений последователей индуизма и буддизма: первоначально индуизм выступал с решительным неприятием буддизма. Позднее (после Х в.), когда буддизм во многом утратил свое влияние в Индии, взаимоотношения смягчились. Включение Будды в индуистский пантеон традиция объясняет так: Вишну специально принял облик еретика Будды с тем, чтобы выявить сомневающихся в истинной вере, а затем погубить их. См. также примеч. 124 к «Джняна-йоге».

человека, которого попросили изваять изображение бога Шивы. Он долго бился над ним, но в конечном счете изготовил статую обезьяны. Вот так всякий раз, когда мы пытаемся представить себе Бога, как Он есть, в Его абсолютном совершенстве, мы неизбежно терпим неудачу, ибо, пока мы люди, мы не в состоянии вообразить Его как нечто превыше человека. Наступит час, когда мы выйдем из пределов человеческой природы и познаем Бога как Он есть, но пока мы люди, мы должны почитать Его в человеке и как человека. Сколько бы мы ни старались, мы не можем думать о Боге иначе, чем в терминах человеческого. Можете читать высокоинтеллектуальные лекции о Боге и о чем угодно, можете стать большими рационалистами и уверить себя в том, что все истории о воплощении Бога в человеческую плоть — пустая болтовня, но давайте взглянем на это под углом зрения здравого смысла, практического здравого смысла. Что стоит за самым блистательным интеллектом? Нуль, ничто, пена. В следующий раз, когда вы услышите высокоинтеллектуальную лекцию о нелепости идеи воплощения Бога, подойдите к лектору и спросите, как *он* себе представляет Бога, что *он* понимает под «всемогуществом», «вездесущностью» и другими терминами этого типа, какой смысл *он* вкладывает в эти слова? Он их просто произносит, он не вкладывает в них никакого смысла, он не может сформулировать их смысл без воздействия собственной природы — человеческой природы, он ничем не отличается от неграмотного на улице. Но тот, на улице, который не прочитал ни единой книги, по крайней мере не нарушает покой мира, а этот говорун и нарушает его, и сеет несчастье среди людей. Религия в конечном счете есть реализация, и нам следует строго различать болтовню и интуитивный опыт. Реализацию мы испытываем в глубинах наших душ. И в этом отношении ничего нет необычнее, чем обычный здравый смысл.

Мы так устроены, что в силу нашей ограниченности можем видеть Бога только в человеческом облике. Если допустить, что Богу желает поклоняться буйвол, то в соответствии с собственной природой он представит себе Бога в образе огромного буйвола; рыба представит себе Бога в виде громадной рыбыны, а человек должен представлять себе Бога в человеческом облике. Эти представления — не игра болезненной фантазии, чересчур активно действующей. Человек, буйвол, рыба — каждый из них, можно сказать, есть определенный сосуд. Все сосуды наполнены Богом, каждый соответственно своей форме и объему — как если бы их заполняла вода. Вода в человеке примет его форму, в буйволе — буйволиную, а в рыбе — рыбью, но во всех все та же Божья вода. Человек видит Бога в человеческом облике, животные, если они вообще обладают идеей Бога, должны увидеть Его как животное — каждый в соответствии с собственным идеалом. Так что иначе, как в человеческом образе, нам Бога не увидеть, а значит, мы и поклоняться ему должны как человеку. Иного нам не дано.

Есть два типа людей, которые не чтят Бога как человека — скоты, которым недоступна вера, и Парамахамса,²⁷³ поднявшийся надо всеми человеческими слабостями и вышедший из ограничений собственной природы. Для него вся природа — его собственная душа, и только он может почитать Бога, как Он есть. Здесь, как и во многом другом, крайности соединяются: крайнее невежество и предельное знание. И то и другое обходится без актов почитания. Скот в человеческом образе — из-за своего невежества, а *дживанмукта*,²⁷⁴ свободная душа, — из-за того, что реализовала Бога в себе. Если же кто-то, находящийся между этими двумя полюсами, говорит вам, что не намерен чтить Бога как человека, отметьте себе этого болтуна, мягко говоря, он безответственный болтун, его вера непрочна, а голова его пуста.

Богу понятны человеческие слабости и он принимает человеческий облик, чтобы творить для человечества добро.

²⁷³ См. примеч. 105 к «Раджа-йоге».

²⁷⁴ См. примеч. 197 к «Джняна-йоге».

«Когда страдает добродетель и торжествует порок, Я являю Себя. Я перехожу из *юги* в *югу*, утверждая добро и уничтожая зло». ²⁷⁵

«Глупцы насмеваются надо Мной, принявшим человеческий облик, не зная, что Я — Владыка вселенной», — говорит Кришна в Гите. ²⁷⁶

«Когда набегают приливная волна, — говорит Рамакришна, — ручейки и канавы переполняются безо всякого усилия со своей стороны; когда Бог воплощается в человека, прилив духовности набегают на мир и люди в самом воздухе ощущают духовность». ²⁷⁷

МАНТРА; «ОМ»; СЛОВО И МУДРОСТЬ

Мы, однако, сейчас ведем речь не о *маха-пурушах*, ²⁷⁸ великих воплощениях, но лишь о *сиддха-гуру*, об учителях, достигших цели; как правило, именно на их долю выпадает возвращение семян духовности в сердцах учеников через слова — *мантры*, ²⁷⁹ даваемые ученикам для медитации. Что же представляют собой мантры? Индийская философия утверждает, что все во вселенной проявляется через имя и форму, через *нама-рупа*. В человеческом микрокосме невозможно существование ни единой ментальной волны, ни одной *читта-вритти*, которая не была бы обусловлена именем и формой. Если действительно вся природа создана по единому плану, обусловленность именем и формой должна относиться ко всему космосу. «Познание комка глины есть знание всего, что есть глина». ²⁸⁰ Познание микрокосма должно, таким образом, вести к знанию макрокосма. Форма является внешней оболочкой, имя же — или идея — составляет внутреннее содержание, ядро. Тело — это форма, ум, или *антахкарана*, — это имя, а звуковые символы у всех существ, наделенных даром речи, ассоциированы с *нама*, с именем. Ментальные волны, вздымающиеся в ограниченном уме, *читте*, человека, должны сначала проявиться в виде *слов*, а уже потом — в виде более конкретных *форм*.

В космическом плане Брахма, или Хираньягарбха, или космический ум — *махат*, сначала проявляет себя в виде имени, а уже потом принимает форму, становится вселенной. ²⁸¹ Вся проявившаяся, чувственно воспринимаемая вселенная есть форма, за которой стоит вечный, невыразимый *спхота*, субъект проявления, в виде Логоса, Слова. Вечный *спхота*, вечный базовый материал всех идей или имен, и есть та энергия, через которую Бог творит вселенную, точнее, Он в начале есть *спхота*, а затем выражает себя через более конкретную, чувственно воспринимаемую вселенную. Спхота может быть

²⁷⁵ Пересказ Бхг., IV, 7.

²⁷⁶ Пересказ Бхг., IX, 11.

²⁷⁷ В трудах Рамакришны эти строки не выявлены.

²⁷⁸ Махапуруши — здесь: аватары Бога. Сиддха-гуру — праведники, уже достигшие высшего знания, обладающие такими возможностями, которые обычный человек воспринимает как сверхъестественные (они могут видеть сквозь стены, понимать язык животных, перемещаться на огромные расстояния силой своего желания и пр.).

²⁷⁹ См. примеч. 94 к «Раджа-йоге».

²⁸⁰ Пересказ Чхан. уп., VI, 1, 4–6.

²⁸¹ Имеется в виду одна из самых ранних моделей «оформления» космоса по РВ. Мир понимается как «золотой зародыш» (Хираньягарбха), плавающий в первозданной водной стихии (РВ, X, 121, 7; X, 82, 5–6).

обозначен одним-единственным словом, и это слово — Ом.²⁸² Поскольку никаким анализом невозможно разделить слово и идею, то Ом и вечный спхота неразделимы, поэтому можно предположить, что вся вселенная сотворена из вечного Ом, самого священного из всех священных слов, праматери всех имен и форм. Однако можно сказать, что при всей неразделимости слова и мысли, одна и та же мысль выражима несколькими словесными символами, а значит, не обязательно, чтобы слово «Ом» выражало именно ту идею, которая дала начало проявлению всей вселенной. На это мы отвечаем: только Ом может быть всеобъемлющим символом и равных себе он не имеет. *Спхота* — материал для всех слов, однако это не есть определенное слово в полностью раскрывшемся виде. Или: если убрать все различия между всеми словами, то оставшееся и будет *спхота*, вот почему спхота носит наименование Нада-Брахма, Звук-Абсолют.

Поскольку любой словесный символ предназначен для выражения невыразимого спхота, по мере своего усложнения он должен все дальше отходить от спхота, а наиболее обобщенный символ, который в то же время наилучшим образом выражает его природу, будет ближе всего к спхоте, и это может быть Ом и только Ом: три звука, составляющие его — *А, У, М*, произносимые как Ом, могут рассматриваться в виде обобщенного символа всех возможных звуков. Звук *А* является наименее расчлененным, поэтому и говорит Кришна в Гите: «Я есть А среди всех звуков».²⁸³ Все звуки артикулируются в пространстве между корнем языка и губами, *А* — это горловой звук, *М* — чисто губной, в то время как *У* точно воспроизводит процесс артикуляции от корня языка до губ. Правильно произнесенный Ом представляет весь процесс артикуляции, чего не может сделать ни одно другое слово, в силу чего Ом есть наилучший символ спхоты, который является подлинным значением Ом. А так как символ никогда не может быть отделен от символизируемого, то Ом и спхота едины. А так как спхота — это тонкая часть проявившейся вселенной и стоит ближе к Богу, являясь по сути первым проявлением божественной мудрости, то Ом есть подлинный символ Бога. Подобно тому, как «Один-единственный», Абсолют, *акханда-саччидананда*, неделимое «существование-знание-блаженство», может быть воспринят несовершенной человеческой душой лишь в определенных аспектах и в ассоциации с определенными качествами, так и тело Его, вселенная, может рассматриваться лишь под углом зрения смотрящего.

Угол зрения формируется доминирующими элементами, *таттвами*, в результате чего единый Бог видится в различных проявлениях, носителем различных доминирующих качеств, а единая вселенная предстает в многообразии форм. Как в случае с наименее дифференцированным и наиболее универсальным символом Ом, идея неотделима от звуковой символики, точно так же, по тому же закону неразделимой связанности, различные аспекты Бога и вселенной должны иметь каждый свой звуковой символ. Эти символы, порожденные глубочайшим духовным восприятием мудрецов древности, являются максимально близкими выражениями различных аспектов Бога и вселенной. Ом выражает *акханду*, нерасчлененный Абсолют, другие символы выражают *кханды* — различные дифференцированные аспекты Абсолюта, и они чрезвычайно полезны для духовной медитации и обретения истинного знания.

ПОКЛОНЕНИЕ ТОМУ, ЧТО ЗАМЕНЯЕТ БОГА, И ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯМ

Следующее, что нам предстоит рассмотреть, — это поклонение *прафикам*, то есть вещам, более или менее заменяющим Бога, а также поклонение *працикам* — Его изображениям. Что же такое поклонение Богу через некую Его замену?

«Преданно соединяя свой ум с тем, что не есть Брахман, но за Брахман это

²⁸² См. примеч. 87 к «Раджа-йоге».

²⁸³ Пересказ Бхг., IX, 33.

принимая», — говорит Рамануджа. «Почитай ум как Брахман, это — внутри себя. Почитай *акашу* как Брахман, это — при обращении к небожителям», — говорит Шанкара.²⁸⁴ Ум есть пратика внутри нас, акаша — вне нас; поклоняться следует обоим, чтя Бога в них. Он продолжает: «таким же образом, солнце тоже Брахман — так дано», «кто поклоняется Имени как Брахману» — во всех этих высказываниях проскальзывает сомнение в поклонении пратикам.

Само слово «пратика» означает «движение к чему-то», а поклонение пратике есть поклонение чему-то, что в одном или нескольких аспектах заменяет Брахман, но не является Им. Помимо того, что упомянуто в *шрути* в качестве пратик, есть и другие, упоминаемые в *пуранах* и в *тантрах*.²⁸⁵ В этом смысле можно говорить о различных формах поклонения предкам или небожителям как о поклонении пратикам.

Бхакти — это почитание Ишвары и никого другого, почитание предков или небожителей к бхакти отношения иметь не может. Поклонение различным небожителям следует отнести к ритуалистической *карме* — оно дает только радость общения с небесами, но ни бхакти породить не может, ни привести к освобождению, *мукти*. Поэтому следует ни на миг не забывать одно обстоятельство: если, как это подчас бывает, высокофилософский идеал, Абсолют, снижается поклонением пратике до уровня пратики, а пратика начинает приниматься за Атман верующего, за его Антарямин, то верующий впадает в глубокое заблуждение, ибо для пратики невозможно в действительности быть Атманом верующего. Но там, где объект поклонения — сам Абсолют, где пратика играет роль только его замены или обозначения, где, иными словами, через пратику поклоняются вездесущему Брахману, — поклонение благодатно. Больше того, оно совершенно необходимо для всего человечества, пока все люди на свете не пройдут подготовительную стадию восприятия Бога. А потому поклонение небожителям или иным существам, если им поклоняться ради их самих есть только ритуалистическая карма, поклонение с целью познания приносит плоды только в данной области познания, однако когда небожителям и иным существам поклоняются как самому Брахману, то в этом случае достигается тот же результат, что и при поклонении Ишваре. Вот почему, как в *шрути*, так и в *смрити*,²⁸⁶ зачастую божество, или мудрец, или другое незаурядное существо возвышаются будто над пределом своей природы, идеализируются в виде Абсолюта и таковыми почитаются.

Последователь адвайты говорит: разве не есть все сущее Абсолют, если абстрагироваться от имен и форм? Разве не есть Бог потаеннейшая Душа всего живого? — спрашивает последователь *вишишта-адвайты*.

«Даже плоды почитания *адитьев* дарует сам Брахман, ибо Он есть Властитель всего», — говорит Шанкара в Брахма-сутра-бхашье.²⁸⁷ «Брахман становится объектом поклонения, поскольку как Брахман он налагается на пратики таким же образом, как Вишну или иные налагаются на свои изображения».

К поклонению пратикам относится все то, что было сказано о пратиках — если изображение заменяет божество или святого, то поклонение не ведет к бхакти и не открывает путь к освобождению, если же изображение рассматривается как символ единого Бога, то поклонение направляет верующего и к бхакти, и к мукти.

Мы видим, что среди мировых религий ведантизм, буддизм и некоторые ветви

²⁸⁴ Пересказ БрСБ Рамануджи, IV, 1, 5 и БрСБ Шанкары, I, 1, 22.

²⁸⁵ Тантрами (санскр.: книга, суть, субстанция), как правило, называются книги различных сект, обычно шиваистских или буддийских.

²⁸⁶ См. примеч. 26 к «Карма-йоге».

²⁸⁷ Пересказ БрСБх Шанкары, IV, 1, 6.

христианства широко используют изображения, и только две религии — ислам и протестантство — отказываются от их помощи. Тем не менее, мусульмане используют могилы своих святых и мучеников за веру почти так же, как другие используют иконы или статуи. Что же касается протестантов, то они, отвергая все вещественные опоры религии, уходят все дальше и дальше от духовности. В настоящее время едва ли осталась разница между ними и последователями Огюста Конта,²⁸⁸ или агностиками, исповедующими чисто этическое учение.²⁸⁹ Когда христиане и мусульмане поклоняются изображениям, в какой бы форме они это ни делали, поклонение напоминает отношение к пратикам и пратимам как к самоценным объектам, это не «помощь прозрению», не дриштисаукарьям Бога, то есть, в лучшем случае, такое поклонение является ритуалистической кармой и не ведет к бхакти или к мукти. Душа отдается не Ишваре, а объектам, поэтому такого рода использование образов, гробниц или храмов есть чистейшее идолопоклонство, которое само по себе не грешно и не порочно, просто ритуально, — это карма, и верующий должен получить и получит ее плоды.

ИЗБРАННЫЙ ИДЕАЛ

Теперь нам предстоит рассмотреть то, что называется *ишта-ништа*. Стремящийся ступить на путь бхакти должен помнить, что «есть много мнений и есть много путей».²⁹⁰ Он должен знать, что сколько бы ни было на свете религий, сколько бы ни было в каждой сект — все они являются различными проявлениями величия Бога.

«Тебя называют множеством имен, Тебя стараются разделить этими именами, но в каждом имени раскрывается Твое всемогущество... Через любое из них Ты достигаешь того, кто верует, и нет ни особого имени, ни особого времени, если душа полна сильной любви к Тебе. Легок доступ к Тебе, и только по несчастью не могу я любить Тебя».²⁹¹

Более того, бхакта должен избегать не то что ненависти, даже осуждения тех лучших сынов Света, которые основали различные религии. Бхакта не должен даже слушать дурного о них. Но немногие способны испытывать и симпатию, и глубокое понимание, и всепоглощающую любовь. Как правило, либеральные секты утрачивают силу религиозного чувства, и их религия легко может вырождаться в своего рода политико-социальный клуб. С другой стороны, яростное узколюбое сектантство, проявляя весьма похвальную любовь к собственному идеалу, явно черпает всю эту любовь из ненависти к тем, кто не разделяет — до мелочей — их точку зрения. Ах, если бы Бог наполнил этот мир людьми, которые умели бы и истинно любить, и распространять свою любовь на все! Но

²⁸⁸ Огюст Конт (1798–1857), французский философ, основатель позитивизма. Он обосновывал создание некоей «новой» религии, в которой место Бога занял бы культ «божественного» человека.

²⁸⁹ Имеется в виду учение И.Канта (1724–1804), немецкого философа. В последней трети XIX в. ориенталисты и философы во многих странах уделяли большое внимание выявлению идей, общих и для кантовского учения, и для буддизма и индуизма. Особенно внимательно изучалась, например, Бхг.: она дает материалы для сопоставления кантовской идеи долга как внутренне присущего человеку и учения о действии «без заинтересованности в плодах действия». В Бхг., однако, в отличие от учения Канта, Высшая нравственность соотносится с Высшей Реальностью, стоящей над человеком.

²⁹⁰ Путь, переправа — традиционные метафоры религиозного спасения. Сопоставимые тексты присутствуют во многих памятниках, начиная с РВ, например в Упанишадах, Бхагавад-Гите: «Все пути ведут ко мне» (Бхг., IV, 11). Постоянно эту же мысль Рамакришна иллюстрировал разными примерами (все дороги ведут в Калькутту, нет смысла начинать поиски новой дороги). Но Вивекананда был первым, кто распространил идею правомочности всех путей приближения к Богу на все известные ему мировые религии, включая ислам, христианство, индуизм и пр.

²⁹¹ Здесь и далее пересказ текстов бхакти (Бхаг. пураны, Вишну пураны, поэтических сочинений Джаядевы и др.).

таких людей очень мало. Все равно, надо стараться научить человечество этому прекрасному сочетанию силы любви с широтой взглядов, что можно сделать через *ишта-ништху* — прочную приверженность избранному идеалу. Всякая религия или секта предлагает человечеству только свой собственный идеал, но вечная ведантическая религия распахивает перед человеком бесконечное множество дверей, ведущих в святая святых храма духовности и предлагает человечеству почти неисчерпаемый набор идеалов, каждый из которых есть проявление Предвечного. С нежной заботливостью указывает веданта различные пути, прорубленные в скале реальности людского существования великими сынами, человеческими воплощениями Бога, жившими в прошлом, живущими сейчас. Веданта с распростертыми руками приглашает всех — даже тех, кому еще предстоит быть — в обитель Истины и океан Блаженства, где человеческая душа, освобожденная от пут *майи*, может наслаждаться совершенной свободой и вечной радостью.

Вот почему *бхакти-йога* налагает на нас непереносимое обязательство избегать ненависти или отрицания любого из путей, ведущих к спасению. Однако юное деревце необходимо оградить и оберегать, пока оно не вырастет. Хрупкий росток духовности умрет, если его слишком рано открыть воздействию постоянно меняющихся идей и идеалов. Есть множество людей, которые во имя того, что им кажется религиозным либерализмом, по сути, удовлетворяют свое праздное любопытство постоянной сменой различных идеалов. Встреча со все новыми идеями превращается в своего рода болезнь, что-то наподобие религиозного алкоголизма. Таким людям непрестанно хочется слышать что-то новое, что заново возбуждает их, щекочет нервы, но как только возбуждение остынет, они кинутся искать другое. Для них религия — это интеллектуальный опиум и больше ничего.

Рамакришна говорит: «Бывают другие люди, похожие на жемчужную раковину из притчи. Когда восходит звезда Свати, ракушка поднимается со дна морского на поверхность ловить дождевые капли. Распахнув створки, плавает она по поверхности вод, пока не упадет в нее дождевая капля. Тогда уходит ракушка глубоко, на самое дно, чтобы взрастить в себе прекрасную жемчужину».²⁹²

Вот самое поэтичное и четкое объяснение того, что есть *ишта-ништха*. Человеку, только ступившему на путь религиозной любви, абсолютно необходима *эка-ништха*, приверженность одному идеалу. Он должен сказать себе, как говорил Хануман в «Рамаяне»: «Хоть мне известно, что и Бог Шри, и Бог Джанаки есть проявления все того же Высшего существа, но все, что есть во мне, принадлежит одному только лотосоглазому Раме».

Или, как говорил премудрый Тулси Дас: «Изведай сладость всего, сиди со всеми, повторяй все имена, говоря да, да! — но твердо держись своего».²⁹³

И тогда, если искренне тянется к любви человек, из крохотного семени вырастет могучее дерево, огромное, как баньян, который будет выбрасывать все новые ветви, все новые корни, пока не покроет все поле религии. Так истинный бхакта осознает, что Тот, кто всю жизнь был его идеалом, почитаем через идеалы всех вер, под всеми именами, в самых разных формах.

МЕТОД И СРЕДСТВА

О методе и средствах бхакти-йоги мы читаем в комментарии Рамануджи к «Веданта-сутрам»: «Достичь Этого можно через различение, обуздание страстей, упражнения,

²⁹² См. примеч. 88 к «Раджа-йоге».

²⁹³ Это высказывание обычно связывают с именем Нанака (XV в.), известного приверженца бхакти. Позднее его мог включить в свою книгу «Рамаяна», написанную на языке хинди и по сей день почитаемую вишнуитами как священную, и Тулси Дас (1532–1624), видный поэт средневековья, приверженец бхакти.

жертвенный труд, чистоту, силу и подавление излишней веселости». ²⁹⁴

Различение, или *вивека*, означает по Раманудже, в числе прочего и разборчивость в еде, различение чистой и нечистой пищи. Пища может быть нечистой по трем причинам: (1) В силу своей природы, как, например, чеснок. (2) Если она прошла через руки людей плохих или повинных в чем-либо. (3) От физических нечистот — грязи, волосков и прочего.

В *шрути* сказано — чистая пища очищает *саттву* и укрепляет память, и Рамануджа повторяет это, цитируя по Чхандогья упанишаде.

Пища играет огромную роль в жизни бхакты. Исключая крайности, которыми увлекаются некоторые секты, чистота пищи очень важна, это правда. Вспомним, что философия санкхьи учит: саттва, раджас и тамас, которые в состоянии однородного равновесия образуют пракрити, а в неравновесном, смешанном состоянии — нашу вселенную, есть и суть, и свойства пракрити. Таким образом, они и есть материал, из которого создан человек, а преобладание в человеке элемента саттва является непреложным условием духовного развития. Пища дает строительный материал для нашего тела и в очень значительной степени обуславливает наше ментальное устройство, поэтому пища, потребляемая нами, чрезвычайно важна. Однако и в этом вопросе, как и в других тоже, фанатичность, которой не избежать новичку, не относится к познавшему.

В конечном счете разборчивость в еде все равно вторична. Шанкара в комментарии к Упанишадам по-своему трактует положение, цитировавшееся выше, давая совершенно иное толкование слову «ахара», обыкновенно переводимому, как «пища». Он считает, что под *ахарой* имеется в виду «все, что вбирается. Знание ощущений — звуковых и прочих — вбирается для использования душой; очищение знания, получаемого через органы чувств, есть и очищение пищи, ахары. Под „очищением пищи“ понимается получение чувственного знания, не замутненного склонностями, отвращением или заблуждением, — такой смысл. Очищением знания или ахары саттва внутренних органов тоже очищается, чем восстанавливается неразрывность памяти о Бесконечном, истинная природа которого описана в священных текстах».

Эти два объяснения кажутся противоречивыми на первый взгляд, но оба и состоятельны, и необходимы. Управление и владение тем, что может быть названо тонким телом, то есть умом, является без сомнения функцией, более высокой, чем управление плотью, грубым телом. Но владение грубым телом совершенно необходимо для того, чтобы перейти к владению телом тонким. Поэтому начинающий должен обращать особое внимание на диетические правила, которые освящены авторитетом поколений достойных учителей, избегая, однако, крайностей, безмозглого фанатизма, загоняющего религию на кухню, как это и произошло с иными из наших сект, безо всякой надежды на то, что благородная истина религии когда-нибудь выберется на свет духовности из этого обыкновенного материализма. Это уже не бхакти, не джняна и не карма, а особый род помешательства, и те, кто отдается ему, имеют больше шансов попасть в больницу для душевнобольных, чем в *брахмалоку*. Разумнее смотреть на это вот как: разборчивость в еде необходима для достижения возвышенного состояния ума, которое иным путем недостижимо.

Следующее, чем надо заниматься, — это управление собственными страстями. Главная ценность религиозной культуры и заключается в способности удержать *индрии* — органы

²⁹⁴ Пересказ БрСБ Рамануджи, I, 1, 1. В *шрути* сказано: чистая пища очищает саттву... Имеется в виду Чхан. уп., VII, 26, 2. Комментаторы по-разному переводят ключевое слово «ахара». Согласно Шанкаре, человек «вспоминает» свою истинную природу, несводимую к чисто физическому существованию, и постепенно добывается «чистоты мыслей», а они в свою очередь приводят его к осознанию тождества его души, Атмана, с Брахманом. Таким образом, в толковании Шанкары нет соотношения «ахары» с пищей, его перевод: «Если чиста мысль, то чиста и саттва». По-видимому, более распространенным было понимание того же текста Рамануджей. С его толкованием перекликаются Законы Ману, запрещающие, допустим, брахманам принимать пищу из рук мясников, маслобоев, трактирщиков, музыкантов, плотников, ростовщиков, лекарей, охотников, танцовщиков и других представителей «нечистых» профессий (ЗМ, IV, 84, 210, 212, 214 и др.). В современном хинди слово «ахара» тоже означает пищу.

чувств — от тяготения наружу, к объектам чувственных восприятий и поставить их под контроль воли. Затем нужно упражнять себя в самоограничении и в самоотречении. Огромные возможности божественной реализации, которыми обладает душа, не могут быть приведены в действие без борьбы и постоянного упражнения.

«Ум должен быть постоянно сосредоточен на Боге». ²⁹⁵

Вначале очень трудно заставить себя постоянно думать о Боге, но каждое новое усилие укрепляет эту способность. Кришна в Бхагавад-Гите говорит: «Это достигается упражнениями и отрешенностью от привязанностей, о сын Кунти». ²⁹⁶

И, конечно, никогда не должен прерываться жертвенный труд — пять великих жертв, *панчамахаяджна*: труд во имя богов, мудрецов, предков, гостей и всех созданий. ²⁹⁷

Чистота — основа, на которой зиждется все здание бхакти. Нетрудно приучить себя к очищению плотской оболочки и к разборчивости в еде, но такого рода чистоплотность не имеет никакой ценности без внутренней чистоты. Рамануджа перечисляет следующие качества, необходимые для внутренней чистоты: *сатья* — правдивость, *арджава* — искренность, *дайя* — бескорыстный труд на благо других, *ахимса* — непричинение никому вреда помыслом, словом или поступком, *анабхидхья* — способность не желать чужого, не предаваться пустым мыслям, не помнить причиненные тебе обиды. Особого внимания в этом перечне заслуживает ахимса — непричинение вреда. Можно сказать, что ахимса есть наше обязательство по отношению ко всему живому. Ахимса не означает, как кажется некоторым, ненасилие по отношению к людям и безжалостность по отношению к животным; ахимса не означает защиту собак с кошками и кормление сахаром муравьев при свободе всячески истязать брата своего, человека! Поразительно, как в этом мире чуть не любая благородная идея может быть доведена до отвратительной крайности. Доброе дело, доведенное до крайности и творимое в соответствии с буквой, но не с духом, превращается в чистейшее зло. Смердные монахи иных религиозных сект, которые не моются, чтобы нечаянно не погубить насекомых на себе, не задумываются над тем, какие неприятности они доставляют, какие болезни разносят. Подобные вещи не имеют связи с религией Вед.

Ахимса проверяется отсутствием зависти. Любой может совершить добрый поступок или принести щедрый дар под влиянием минутного порыва или в силу суеверия, однако по-настоящему любит человечество только тот, кто никому не завидует. Так называемые великие мира сего, как мы хорошо знаем, соперничают за известность, за славу, за крупницы золота. Пока живет в сердце зависть, мы далеки от совершенства ахимсы. Ни коровы, ни овцы не едят мясо, но делает ли это их великими йогами, последователями ахимсы? Любой дурак может отказаться от принятия определенной пищи, но едва ли это ставит его выше травоядного животного. Если даже человек питается исключительно травой, но способен обмануть вдову или ребенка, пойти на гнусности ради денег, то он хуже всякой скотины. Но тот, чей ум не посещает мысль о причинении вреда кому бы то ни было, кто радуется процветанию заклятейшего из своих врагов, он подлинный бхакта, он йог, он гуру всех людей, пусть даже он ест свинину три раза в день. Мы должны всегда помнить, что внешние

²⁹⁵ Примерный пересказ Брх. уп., II, 4, 5.

²⁹⁶ Пересказ Бхг., VI, 35.

²⁹⁷ Считается, что семьянин (грихастха) должен ежедневно приносить жертвы во имя богов, мудрецов, предков, гостей, всех созданий (ЗМ, III, 70, 81 и др.). По Бхг. все действия, кроме жертвоприношений, «связывают», то есть порождают, «кармические остатки», не давая человеку выйти из «круга перерождений» (Бхг., III, 9). Значит, жертвоприношение не только поддерживает нормальное функционирование мира, оно одновременно способствует продвижению человека на пути к Наивысшему (Бхг., II, 51). Но само жертвоприношение понимается в Бхг., по-новому: это «отдавание», «приношение», своего рода соотнесение самого себя с другими; тогда весь мир будет гармоничен и во всем благоприятен для жизни самого же жертвователя.

проявления имеют ценность только как опоры для развития внутренней чистоты. Лучше ограничиться одной внутренней чистотой, если нет возможности досконально соблюдать ее внешние проявления. Но жалок человек и жалок народ, которые забывают подлинную, внутреннюю, духовную суть религии и механически держатся насмерть за внешние формы. Формы имеют ценность лишь до тех пор, пока они есть выражение внутренней жизни. Если они перестали выражать внутреннюю жизнь, ломайте их без жалости.

Следующий шаг к достижению бхакти-йоги — это *анавасада*, сила. В шрути указано: «Слабому не достичь Атмана».²⁹⁸ Здесь речь идет о слабости как плоти, так и духа. Только сильные, только настойчивые могут ступить на этот путь. На что способны хлипкие, маленькие, болезненные существа? Они сломаются от первого же движения таинственных сил тела и ума, пробужденных занятиями любой йогой. Добьются успеха «молодые, здоровые, сильные». Следовательно, физическая сила является непременным условием. Только сильное тело способно вынести шок, возникающий при попытках управлять органами чувств. Кто хочет стать бхактой, должен быть сильным, должен быть здоровым. Когда принимаются за йогу несчастные больные люди, они могут вогнать себя в совершенно неизлечимую болезнь или ослабить свой ум. Добровольное ослабление тела никак не является путем к духовному развитию.

Не могут преуспеть в достижении Атмана и те, чей ум слаб, — бхакта должен быть жизнерадостен. В западном представлении религиозный человек никогда не улыбается, тучи постоянно омрачают его чело, а губы вечно опущены книзу. Люди с изнуренными телами и суровыми лицами не йоги, а пациенты для медиков. Настойчив в достижении цели жизнерадостный человек. Сильный умом способен проложить себе путь через неисчислимые трудности. И самое трудное — сумеет прорвать сеть майи, а это деяние, которое под силу лишь гигантам воли.

Но жизнерадостность не должна переходить в веселость, веселость нужно сдерживать в себе — *ануддхарша* есть умеренность в веселье. Излишняя веселость не дает человеку думать о серьезном и к тому же впустую растрчивает мыслительную энергию. Чем сильнее воля, тем меньше она поддается воздействию эмоций. Чрезмерная веселость так же не нужна, как скорбная серьезность, религиозная реализация возможна лишь тогда, когда ум пребывает в постоянном состоянии гармонического равновесия.

Вот что нужно, чтобы начать учиться любви к Богу.

ПАРА-БХАКТИ, ИЛИ НАИВЫСШАЯ ПРЕДАННОСТЬ

ПРИГОТОВИТЕЛЬНОЕ ОТРЕЧЕНИЕ

Мы закончили рассмотрение того, что может считаться подготовкой к бхакти, и приступаем к изучению *пара-бхакти*, наивысшей преданности. Начнем с приготовлений к пара-бхакти, все они предназначены для очищения души. Повторение имен Бога, ритуалы, формы, символы — все только для очищения души. И самое великое очищающее средство, без которого невозможно даже приблизиться к высшей преданности, — это самоотречение. Многих оно страшит, но без него невозможен духовный рост. Никакая йога невозможна без отречения. Это — и начало, и подлинный центр, и само сердце всей религиозной культуры: отречение. Это и есть религия — отречение.

Когда человеческая душа, отпрянув от мирского, пытается заглянуть в глубины; когда человек как конкретизировавшийся и материализовавшийся дух осознает, что в силу этого его ждет распад и почти полное превращение в материю, просто в материю, и он

²⁹⁸ С такой трактовкой можно соотнести Мунд. уп., III, 2, 4. Точный перевод: «[человеком], лишенным силы».

отворачивается от материи, тогда начинается отречение, тогда начинается настоящее духовное возрастание.

Для того, кто следует путем карма-йоги, отречение принимает форму отказа от плода его трудов, он ничего к ним не испытывает, его не заботит награда ни в этом мире, ни в загробном.

Тот, кто следует путем раджа-йоги, знает, что вся природа предназначена для того, чтобы душа приобретала опыт и на его основе познавала свою извечную отличность от природы. Человеческая душа должна понять и осознать, что она вечно была духом, а не материей, что ее соединение с материей есть — и единственно может быть — ограниченным во времени. Тот, кто следует этим путем, учится отречению через собственное познание природы.

Труднее всего отречение того, кто следует путем джняна-йоги, ибо ему предстоит с самого начала осознать, что столь реально выглядящая природа есть всего лишь иллюзия. Ему предстоит понять, что все в природе, являющееся проявлением энергии, относится не к природе, а к душе. Он должен с самого начала знать, что все знание и весь опыт — в душе, а не в природе и ему надо простой силой умственной убежденности вырваться из подчинения природе. Он отрекается от природы и всего с нею связанного, дает всему исчезнуть и пытается стоять на собственных ногах!

Наиболее, так сказать, естественно отречение для следующего путем бхакти-йоги. Здесь нет насилия, ни от чего не надо отказываться, ни из чего не надо вырывать себя, ни от чего не надо отделяться силой. Бхакта отрекается легко, спокойно и естественно. Подобное отречение мы наблюдаем постоянно вокруг себя, хотя и в более или менее окарикатуренной форме. Мужчина влюбился, но через некоторое время ему понравилась другая, и он отрывается сердцем от первой. Она уходит из его мыслей медленно и тихо, пока он вообще не перестает ощущать нужду в ней. Влюбилась женщина, а через некоторое время разлюбила, и первый, кого она любила, совершенно естественно покидает ее сердце. Человек любит свой город, потом начинает любить всю страну, и страстная привязанность к родному городку неприметно и естественно отходит в сторону. А потом он научается любить весь мир, и любовь к родине, страстный, фанатический патриотизм, безболезненно отступает, без усилий с его стороны. Человек низкой культуры любит чувственные удовольствия, по мере того как культура его повышается, его всего больше привлекают интеллектуальные радости, чувственные же волнуют все меньше. Не дано человеку поедать пищу с таким удовольствием, как собаке или волку, но собаке недоступны удовольствия от интеллектуальных упражнений. Вначале наслаждение доставляют самые низкие из чувственных радостей, но как только животное перемещается на более высокий уровень бытия, тяга к низменным радостям ослабевает. В человеческом обществе, чем ближе человек к животному, тем сильнее в нем тяга к чувственному наслаждению; чем тоньше и культурнее человек, тем больше удовольствия он получает от интеллектуальных занятий. Когда же он поднимается и над уровнем интеллекта, над уровнем мысли, и достигает сферы духовности и божественного вдохновения, он испытывает блаженство, в сравнении с которым и наслаждение плоти, и радости интеллекта — ничто. Звезды тускнеют при ярком свете луны, а с восходом солнца меркнет луна. Отречение, необходимое, чтобы достичь бхакти, не требует ничего убивать в себе, потребность в нем наступает естественно, как при ярком свете меркнет менее яркий свет, пока не становится вовсе не виден, так любовь к Богу заставляет померкнуть все иные привязанности.

Любовь к Богу все возрастает и принимает форму пара-бхакти, наивысшей преданности Ему. Исчезают другие формы, ненужными становятся ритуалы, книги утрачивают значение, изображения богов, храмы, церкви, религии, секты, государства и национальности — все мелкие границы и привязанности сами по себе отступают в сторону для того, кто познал любовь к Богу. Его больше ничто не сковывает, ничто не ограничивает его свободу. Он будто корабль, который неожиданно приблизился к магнитной скале и лишился железных скреп, а освобожденные доски стали носиться по волнам. Божественная

благодать освобождает душу от скреп, и она становится свободна. В отречении, дополняющем собою преданность, нет ни борений, ни подавления, ни жестокости. *Бхакте* незачем подавлять свои эмоции, он стремится лишь усилить их и обратить к Богу.

БХАКТА ОТРЕКАЕТСЯ ИЗ ЛЮБВИ

Повсюду в природе мы видим любовь. Все, что есть в обществе прекрасного, великого и возвышенного, есть проявление любви. Все дурное, даже сатанинское, есть тоже проявление любви, но порочное по своей направленности. То же чувство, которое дарует супругам чистую и святую брачную любовь, заставляет искать и низменного удовольствия и удовлетворения плотских желаний. Чувство одно, но проявления его различны. Одно и то же чувство, любовь, может быть направлено на добро и во зло, понуждая одного творить добрые дела и раздавать неимущим все свое достояние, а другого — перерезать глотки ближним своим, отнимая у них последнее. В первом случае это любовь, обращенная к другим, а во втором — любовь, обращенная на себя. Тот же огонь, на котором мы готовим себе пищу, может сжечь ребенка, сам огонь в этом неповинен — все дело в том, как его использовать. Поэтому любовь, страстная тяга к сближению, сильное желание двоих слиться воедино, а может быть, и желание всех слиться в одно, проявляется во всем, но форма проявления либо возвышенна, либо низменна.

Бхакти-йога — наука возвышенной любви. Она нас учит, как направлять любовь, как управлять любовью, как наполнять ее новым смыслом, достигая высочайших и блистательнейших результатов, как сделать любовь путем к духовному блаженству. Бхакти-йога не требует — откажись! но учит — люби, люби возвышеннейше! И тот, кто любит возвышеннейше, естественным образом отказывается от низменного. «Я ничего не могу сказать о Тебе, кроме одного — Ты моя любовь! Ты прекрасен, о как Ты прекрасен! Ты и есть красота».²⁹⁹

От нас требуется только одно — обратить на Бога наше влечение к прекрасному. В конце концов, что такое красота человеческого лица, небес, звезд или луны? Это лишь частичное восприятие всеобъемлющей божественной красоты. «Все сияет Его сиянием, Его светом сияет все сущее».³⁰⁰

Идите же к высотам бхакти, где вы сразу забудете о мелкости своего «я». Отриньте от себя мелкие, себялюбивые заботы этого мира. Взирайте на феномены природы, как бесстрастные свидетели, как люди, ищущие только познания. Отрешитесь от личных привязанностей, и вы увидите, как действует в мире могучее чувство любви. Подчас этот процесс сопровождается трениями, напряженностью, но это только борьба за продвижение к высшему идеалу. Бывает, что человек устает от борьбы, бывают и срывы, но это преодолимо. Сделайте как бы шаг в сторону и спокойно наблюдайте за трениями и напряженностью, они ощущаются, лишь пока вы находитесь в гуще жизни, но едва только вы займете позицию стороннего наблюдателя, вы увидите миллионы путей, которыми Бог являет себя через любовь.

«В чем бы ни проявилось хоть мгновенное блаженство, пусть даже в самом чувственном, там есть искорка того вечного блаженства, которому имя Бог».³⁰¹

Даже в низменнейшем влечении все равно есть начало божественной любви. На санскрите одно из имен Бога — Хари, что в переводе означает Тот, кто влечет к себе все сущее. Поистине, Бог есть единственный объект, достойный влечения человеческой души.

²⁹⁹ Здесь и далее отрывки из текстов позднего бхакти.

³⁰⁰ Общее место во многих Упанишадах. Например, Швет. уп., VI, 14.

³⁰¹ Соотносится с Брих. уп., IV, 3, 32.

Кто может по-настоящему привлечь к себе человеческую душу? Только Он! Разве можно представить себе, что душа тянется к неживому? Конечно, нет, и неживое никогда не увлечет душу. Когда вы видите мужчину, увлеченного прелестным личиком, неужели вы думаете, что его влекут к себе определенным образом расположенные молекулы вещества? Конечно, нет. За частицами вещества стоят божественные силы и божественная любовь. Человек в своем невежестве не знает этого, но сознательно или неосознанно он тянется к божественному и только к нему. Поэтому даже в самых низменных формах влечения проявляется энергия самого Бога.

«Никто, о возлюбленная, никогда не любил супруга своего ради него самого, любовь обращена к Атману, к Богу в супруге». ³⁰²

Понимают это любящие жены или нет, не имеет значения, ибо все равно это именно так. «Никто, о возлюбленный, не любил супругу ради нее самой, любимо же было в супруге высшее Я». Точно так же, не любят ни ребенка, ни кого иного на свете, в действительности любовь обращена к Богу, заключенному во всем, что живет. Бог подобен громадному магниту, мы же все — железным опилкам, нас постоянно влечет к Нему, и мы постоянно к Нему устремлены. Не себялюбивыми побуждениями продиктованы наши стремления в этом мире. Глупцы не ведают, что творят, ибо на самом деле труд их жизни направлен на приближение к великому магниту. Все великие борения и стремления жизни предназначены лишь для того, чтобы мы могли к Нему приблизиться и в конечном счете слиться с Ним.

Идущий же путем бхакти-йоги знает смысл жизненных борений и понимает, к чему они направлены. Он уже победил во многих битвах, ему известно, что это такое, и он искренне стремится высвободиться из их напряженности, избежать дальнейших столкновений и устремиться прямо к главной точке всех притяжений, к великому Хари. В этом — отречение бхакты. Великое влечение к Богу затмевает для него привлекательность всего прочего. Могучая и беспредельная любовь, затопившая его сердце, не оставила места ни для какой другой любви. Да и как может быть по-иному? Бхакти переполнила его сердце божественными водами того океана любви, который и есть Бог, и нет в сердце больше места для мелких привязанностей. Иными словами, отречение бхакты и есть *вайрагья*, отрешенность от всего, что не есть Бог, рожденная *анурагой* — великой связью с Богом.

Это — идеальная подготовка для достижения наивысшей бхакти. Когда наступает потребность в отречении, распахиваются врата, через которые душа вступает в возвышенную сферу наивысшей преданности, пара-бхакти. Тогда нам открывается суть пара-бхакти; только человек, вступивший во внутренний храм пара-бхакти, имеет право сказать, что не нуждается ни в каких формах почитания, ни в каких ритуалах — его религиозной реализации опоры больше не нужны. Он достиг того высшего состояния любви, которое и называется в обиходе всечеловеческим братством. Все остальное — болтовня. Для бхакты же исчезли все различия — могучий океан любви заполняет его сердце, и он видит вокруг себя не отдельных людей, а Бога во всем. Каждое лицо светит ему светом его Возлюбленного, Хари, он обнаруживает Хари в свете солнца и луны, Хари сияет во всем, что прекрасно и что возвышенно. Такие *бхакты* и сейчас живут на свете, мир никогда не остается без них, без людей, которые, если ужалит их змея, способны увидеть в змее посланца от Возлюбленного. Такие люди есть, и только они имеют право говорить о всечеловеческом братстве. Они никогда не осуждают, они свободны от зависти и от ненависти, все внешнее, все чувственное навсегда перестало существовать для них. Как могут они гневаться, если их любовь помогает им постоянно видеть Подлинное за кажущимся?

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ БХАКТИ-ЙОГИ И ГЛАВНЫЙ ЕЕ СЕКРЕТ

³⁰² Примерный пересказ Брих. уп., IV, 5, 1–7.

Арджуна спрашивает Кришну: «Кто есть величайший йог: тот ли, кто сосредоточивает все свои помыслы на почитании Тебя, или тот, кто почитает всеобъемлющий Абсолют?»³⁰³

И слышит в ответ:

«Кто сосредоточивает все помыслы на Мне, кто поклоняется Мне с неуклонным постоянством, кто наделен высочайшей верой, они — Мои лучшие почитатели, они величайшие йоги. Те же, кто почитает Абсолют неописуемый, лишенный различий, вездесущий, немыслимый, всеохватывающий, неизменный и вечный через управление своими органами чувств, через убежденность в единстве всего сущего, они тоже, творя добро всему живому, приходят только ко Мне. Но тем, кто посвятил свой ум непроявившемуся Абсолюту, приходится преодолевать самые большие трудности в пути, ибо поистине труден путь к непроявившемуся Абсолюту для любого существа в плотской оболочке. Кто Мне посвятил все свои усилия, кто полностью отдался Мне, кто сосредоточен всеми помыслами на Мне и поклоняется только Мне, отрешившись от всего другого, — их Я скоро освобождаю из океана повторяющихся рождений и смертей, так как Я один присутствую в их душах».

Здесь речь идет и о джняна-йоге и о бхакти-йоге, можно сказать, что это и есть их определение. Величественна джняна-йога — высочайшая философия. Занятно, что почти каждый полагает, будто он способен быть последователем философии, хотя, на самом деле, по-настоящему жить этой философией чрезвычайно трудно. Пытаясь руководствоваться философскими принципами в жизни, мы можем легко оказаться в ловушке. Ведь мир условно делится на людей демонической природы, которые считают заботы о плоти единственным смыслом бытия, и на людей божественной природы, которые осознают, что тело есть не более, чем средство для достижения цели, инструмент для совершенствования культуры души. Сатана и впрямь может в собственных целях толковать Священное писание и делает это; путь знания как будто оправдывает и поведение дурного человека, равно как и поощряет поведение человека доброго. Вот в чем большая опасность джняна-йоги. Что же касается бхакти-йоги, то ее путь естественен и плавен, следующий по этому пути не взлетает так высоко, как избравший путь джняны, потому и падение его менее страшно. Конечно, каким из путей ни двигался бы религиозный человек, он все равно не освободится, пока не падут оковы с его души.

Вот пример того, как пали оковы добродетели и порока с души благословенной пастушки — *гопи*.

«Огромная радость от сосредоточения всех помыслов на Боге освободила ее из пут ее былых добрых дел. Мучительная боль души от невозможности слиться с Ним смыла с нее следы дурных деяний — и тогда она освободилась» («Вишну-пурана»).

Значит, главный секрет бхакти-йоги заключается в понимании того, что никакие страсти, чувства или эмоции человеческого сердца не порочны сами по себе, их просто надо тщательно контролировать и направлять на достижение все более высокой цели. Наивысшая цель есть та, что приводит нас к Богу. Мы знаем, что и радость, и страдание — обычные чувства, которые не оставляют нас на протяжении всей жизни. Но когда человек страдает от того, что он недостаточно богат или от других мирских обстоятельств, он обращает свои чувства в неверном направлении. Ибо и страдание по-своему полезно. Пусть человек страдает от того, что не достигает Наивысшего, не достигает Бога, — это страдание приведет его к освобождению. Когда вы радуетесь пригоршне монет, вы не туда обращаете чувство радости, его следует обратить выше, оно должно служить достижению Наивысшего идеала. Последователь бхакти знает, что нет дурных чувств, он владеет всеми и обращает их к Богу.

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛЮБВИ

³⁰³ Пересказ Бхг., XII, 1–7.

Здесь мы перечислим некоторые из форм проявления любви. Прежде всего, это почтительность. Почему человек выражает почтительность по отношению к храмам и святым местам? Потому что это места, связанные с Богом. Почему все народы выражают почтительность по отношению к вероучителям? Это естественное движение человеческого сердца, потому что эти люди связаны в нашем сознании с Богом. По сути, почтение вырастает из любви, мы не можем относиться с почтением к тому, кого не любим.

Затем *прити* — радость общения с Богом. Сколько удовольствия извлекает человек из чувственных восприятий! Человек пойдет на край света, будет жизнью рисковать ради того, что любит, к чему испытывает чувственное влечение. От бхакти же требуется, чтобы эту страстную любовь он обратил к Богу, и тогда он испытает сладчайшую боль, *вираху* — страдание от разлуки с Возлюбленным. Человек, страдающий от того, что не может достичь Бога, от того, что не познал он то единственное, что заслуживает познания, мучающийся острой неудовлетворенностью, почти сводящей его с ума, этот человек терзается вирахой. Все, что не есть его возлюбленный Бог, причиняет ему боль и состояние его ума называется *экаративичикитса*. Каждый, кто влюблялся, знает, как часто наступают периоды вирахи в начале любви. Мужчина, страстно влюбленный в женщину, как и влюбленная женщина знают, что такое естественное раздражение от присутствия тех, кто им безразличен. Именно такое нетерпение по отношению к вещам, безразличным для них, испытывают те, чей ум заполнен высшей любовью, *пара-бхакти*, им даже говорить неприятно ни о чем, кроме Бога. «Думай о Нем, об одном только Нем и откажись от пустых слов».³⁰⁴ Бхакте приятно общество тех, кто говорит только о Боге, всех других он предпочел бы избегать.

Свидетельством еще более высокого состояния любви можно считать ощущение, что жить стоит только во имя Бога, когда жизнь кажется прекрасной и осмысленной только потому, что существует идеал Любви. Без этого не стоило бы жить ни одну минуту. Жизнь сладка, потому что состоит из размышлений о Возлюбленном.

Когда же человек достигает совершенства, достигает Бога, как бы касается Его ног, тогда в соответствии с учением о бхакти, он становится принадлежащим Богу — *тадията*. Сама натура его освобождается от скверны и претерпевает перемену. Достигнута цель жизни. Однако многие бхакты и после этого продолжают жить, исключительно ради того, чтобы поклоняться Ему. Это — единственная радость жизни, от которой они не отказываются.

«О царь, так благословенны свойства Хари, что даже те, кому нечего больше желать, в чьих сердцах разрублены все узлы, даже они продолжают жить, исполненные любви к Богу во имя самой любви»³⁰⁵ — любви к Богу, «перед которым склоняются все боги, все устремленные к освобождению, и все, познавшие Брахмана».

Такова сила любви.

Когда человек полностью забыл себя, когда он чувствует, что ему больше ничто не принадлежит, тогда он становится *тадията*, и все сущее для него священо, ибо принадлежит Возлюбленному. Это относится и к земной любви, влюбленный бхакта считает все, принадлежащее Возлюбленному, священным и дорогим для себя. Он готов любить даже предмет одежды любимого существа. Вселенная — предмет его любви, ибо она принадлежит Ему.

ВСЕЛЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ ВЕДЕТ К САМООТРЕЧЕНИЮ

Как можно любить частное, *вьяити*, не полюбив сначала общее, *самаити*? Бог есть

³⁰⁴ Можно соотнести с песнями Мирбаи или с популярными гимнами, творцами которых были Нанак, Чайтанья и другие религиозные деятели позднего средневековья, идеологи бхакти.

³⁰⁵ Пересказ Бхаг. пураны, 1, 7, 10; тот же текст известен и по многим другим источникам бхакти.

самашти, обобщенное и абстрактное универсальное целое, наблюдаемая же нами вселенная состоит из вяшати, частных. Любить всю вселенную можно только через любовь к самашти, к универсальному, или, иными словами, к тому единству, которое содержит в себе мириады более мелких единств. Индийские философы на частном не останавливаются, но, бросив взгляд на частности, спешат найти обобщенные формы, общее. Вся индийская философия и религия устремлены к одному — к отысканию универсального. Идущий путем джняны ищет целостность в том абсолютном и обобщенном Существо, познав которое, он познает все. Бхакта желает ощутить ту обобщенную, абстрактную Личность, любовь к которой будет любовью ко всей вселенной. Йог стремится овладеть той обобщенной формой энергии, которая дает ему власть над всей вселенной. На протяжении всей своей истории индийская мысль была обращена на поиск универсального во всем — в науке, в психологии, в любви, в философии. Поэтому бхакта делает вывод, что, обращая свою любовь поочередно к различным объектам, он может делать это до бесконечности, так и не научаясь любить мир в целом. И лишь когда сформулирована главная идея — Бог есть сумма всей любви, а сумма устремлений всех душ во вселенной, неважно свободны они, скованы или влекутся к освобождению, опять-таки есть Бог, только тогда открывается возможность универсальной любви. Бог есть *самашти*, а видимая вселенная есть Бог — дифференцированный и проявляющийся в различных формах. Любя сумму, мы любим все ее слагаемые. Так любить мир и творить в нем добро — легко, чтобы научиться этому, надо только сначала возлюбить Бога, потому что без этого делать добрые дела совсем не шутка.

Бхакта говорит: «Все принадлежит Ему, а Он мой Возлюбленный, я люблю Его».³⁰⁶

Поскольку все принадлежит Возлюбленному, то для бхакты *все* свято. Все сущее есть Его дитя, Его тело, Его проявления. Как можно тогда причинить боль кому бы то ни было? И как можно кого-то не любить? Любовь к Богу непременно означает и любовь ко всему, что есть во вселенной. И чем мы ближе к Богу, тем нам яснее, что в Нем все сущее. Душа, испытавшая блаженство наивысшей любви, теперь во всем видит своего Возлюбленного. Если же мы поднимаемся еще выше в любви, мы вообще перестаем замечать мелкие различия — для нас человек уже не человек, а Бог, и животное не животное, а Бог, даже в тигре мы больше не видим тигра, но видим проявление Бога.

Поэтому страстно влюбленный бхакта поклоняется всему, каждому проявлению жизни, каждому живому существу.

«Зная, что Хари — во всем, мудрый должен проявлять истинную любовь ко всякому живому существу».

Страстная всепоглощающая любовь бхакты заставляет его полностью отречься от себя, он убежден, что ничто происходящее не направлено против него — *апратикуля*. Приветствую тебя, страдание, может сказать он, терзаемый болью. Приветствую тебя, ибо и ты послано Возлюбленным. Приветствую тебя, змея, может сказать он змее, смертельно жалящей его. Улыбкой приветствует он и смерть.

«Благословен я, раз все это приходит ко мне, и все я готов приветствовать».

Бхакта в состоянии совершенного самоотречения — плода его любви к Богу и всему Им сотворенному — перестает отличать наслаждение от страдания. Он не жалуется ни на страдание, ни на боль, настолько отдал он себя на волю Бога, который есть одна любовь; и в его самоотречении больше достоинства, чем во всех героических деяниях.

Для огромного большинства людей тело — это все, тело это их вселенная, а телесные радости — единственный смысл бытия. Демон почитания собственного тела и всего, что с ним связано, поселился в каждом из нас. При всех наших возвышенных словах, мы ничем не лучше стервятников, вечно подкарауливающих падаль внизу. Почему мы спасаем свое тело, скажем, от тигра? Почему бы не отдать его тигру? Тот будет доволен, так что с нашей стороны это можно считать жертвоприношением. Способны вы достичь состояния, при

³⁰⁶ Пересказ текстов позднего бхакти.

котором начисто исчезает самоощущение? Это головокружительная высота, верхняя точка религии любви, которой удалось достичь очень немногим. Но пока человек не достиг этого пика, не привел себя в состояние постоянной готовности радостно жертвовать собой, он не становится совершенным бхактой. Каждый может содержать свое тело в более или менее удовлетворительном состоянии в течение большего или меньшего промежутка времени. Все равно в наших телах нет ничего постоянного, они обречены. Благословенны те, чьи тела умирают ради служения другим.

«Мудрый постоянно готов отдать свое достояние и самую жизнь служению другим. В мире, где уверенность существует только в смерти, гораздо лучше умереть во имя доброго дела, чем ради дурного».

Мы можем прожить лет до пятидесяти, ну до ста, а что потом? Все, что составлено из частей, обречено вновь распасться на части и умереть. Умерли и Иисус, и Будда, и Мухаммед, умерли все великие пророки и вероучители мира.

Бхакта говорит: «В этом бренном мире, где все подвержено распаду, следует наилучшим образом использовать время, данное нам». ³⁰⁷

Наивысшее использование жизни — служение всему живому. Отвратительная сосредоточенность на собственном теле есть источник мирового эгоизма. Это заблуждение, будто человек и есть его тело, а потому он должен всячески холить и услаждать его, — в этом причина зла.

Если вам доподлинно известно, что ваше тело — это еще далеко не вы, то вам не с кем и не за что сражаться, вы свободны ото всех эгоистических мыслей. Бхакта утверждает, что надо вести себя так, будто ничто мирское просто не существует, и это есть самоотречение. Пусть будет, что будет, вот в чем смысл слов «да свершится воля Твоя», ³⁰⁸ не суетиться, утешая себя мыслью о том, будто наши слабости и амбиции освящены волей Бога. Может, конечно, быть и так, что наша мирская суeta дает добрые плоды, но связь тут видна только Богу. Истинный бхакта не считает возможным ни желать чего-то, ни стараться ради себя.

«Господи, высокие храмы возведены во имя Твое, богатые дары приносятся во имя Твое, я же беден и ничего у меня нет, поэтому я приношу мое бренное тело к ногам Твоим — не покидай меня, о Господи!» ³⁰⁹

Такая молитва рвется из глубины сердца того, кто следует путем бхакти. Испытавшему высшую любовь вечное самопожертвование Возлюбленному намного дороже, чем богатство и власть, даже чем вершины славы и наслаждения. Спокойное самоотречение бхакты дарует его душе мир, недоступный пониманию других, ценность которого ни с чем не сопоставима. Его *апатикулья* — это состояние ума, при котором нет влечений и, естественно, не может быть и мысли, будто существует противодействие им. В состоянии высшей самоотреченности исчезают все привязанности, остается только всепоглощающая любовь к Богу, к Тому, в ком все живет. Но эта высшая привязанность не сковывает душу, а наилучшим образом освобождает ее из оков.

ВЫСШЕЕ ЗНАНИЕ И ВЫСШАЯ ЛЮБОВЬ ЕДИНЫ ДЛЯ ПОДЛИННО ЛЮБЯЩЕГО

В Упанишадах проводится разграничение между высшим и низшим знанием, однако для бхакти по сути различия между высшим знанием и высшей любовью не существует, речь

³⁰⁷ Автор — бенгальский поэт Шри Рампраasad (XVIII в.), известный приверженец бхакти.

³⁰⁸ См.: Мф, 6, 10.

³⁰⁹ По Библии этот текст нам неизвестен. Мироощущение говорящего соотносимо с мироощущением членов нищенствующих орденов европейского средневековья.

идет о пара-бхакти.

В Мундака упанишаде сказано: «Познавшие Брахмана утверждают, что есть два типа знания, которые заслуживают внимания: высшее знание — *пара* и знание низшее — *апара*. Низшее состоит из знания Ригведы, Яджурведы, Самаведы и Атхарваведы, науки о правильном произношении — *шикиша*, науки о литургии — *кальпа*, грамматики, науки об этимологии слов — *нирукта*, просодии, астрономии. Высшее же знание есть знание Неизменного».³¹⁰

Из этого с очевидностью явствует, что под высшим знанием понимается знание Брахмана, а в «Девы-бхагавате» дается следующее описание высшей любви — *пара-бхакти*: «Как масло, переливаемое из сосуда в сосуд, льется непрерывной струей, так ум, достигший определенного состояния, постоянно сосредоточен на Боге, — вот это состояние и есть пара-бхакти, или наивысшая любовь».³¹¹

Действительно, ничем не нарушаемая, ровная устремленность ума и сердца к Богу есть наивысшее проявление человеческой любви к Нему. Все другие формы бхакти являются только приближением, подготовкой к наивысшему состоянию, к пара-бхакти, которую еще называют *рагануга*, то есть такой любовью, которая приходит уже после привязанности. Человек, чье сердце наполнила такая любовь, будет непрестанно думать только о Боге, не помня ни о чем ином. В его помыслах не останется места ничему, кроме Бога, душа его будет неколебимо чиста, она сама сбросит все оковы мыслей и материи и достигнет покоя и свободы. Только такой человек может чтить Бога в сердце своем, он не нуждается в обрядах, символах, книгах и теориях, они ему больше никогда не пригодятся. Но любить Бога таким образом совсем нелегко. Мы знаем, что обыкновенная человеческая любовь расцветает, когда она взаимна; где нет ответа на любовь, там естественно наступает охлаждение. Бывают, конечно, и случаи, когда не умирает и безответная любовь, ее можно сравнить, для примера, с любовью мотылька к огню — мотылек любит огонь и в нем сгорает. Такая любовь в природе мотылька. Без сомнения, любить потому, что такова уж природа любви, есть самое высокое и наименее себялюбивое проявление любви, какое только бывает в мире. Такого рода любовь, проявляющаяся в духовном плане, обязательно приводит к состоянию пара-бхакти.

ТРЕУГОЛЬНИК ЛЮБВИ

Любовь можно представить себе в виде треугольника, каждый из углов которого соответствует одной из ее непременных черт. Без трех углов нет треугольника, нет истинной любви без наличия всех трех ее непременных черт. Первый угол любовного треугольника: любовь не ждет вознаграждения. Если возникает мысль о чем-то в ответ на любовь — это уже не истинная любовь, а нечто вроде товарной сделки. Любовь к Богу и преданность Ему в ожидании божьих милостей — это не любовь, которая должна естественно прорасти в сердце. Кто поклоняется Богу, желая получить Его милость, конечно же, перестанет почитать Его, если никаких милостей не будет. Бхакта любит Бога, потому что Его хочется любить, подлинный бхакта не знает никакого иного побуждения.

Рассказывают историю о том, как однажды великий царь отправился в лес и повстречался там с мудрецом. Царь побеседовал с ним и пришел в восторг от его чистоты и мудрости. Царь пожелал, чтобы мудрец оказал ему любезность, приняв царский дар. Но мудрец отказался со словами: «Лесные плоды дают мне достаточно пищи, чистые реки, сбегаящие с гор, дают мне достаточно воды, древесная кора — моя одежда, а горные

³¹⁰ Пересказ Мунд. уп., I, 1, 4–5.

³¹¹ Образ «переливаемого густого масла» часто используется в философских сочинениях разных авторов (Патанджали, Шанкара, Рамануджи). Девы бхагавата пурана не входит в число канонических.

пещеры — мой дом. К чему мне дары царя или кого иного?»

Царь настаивал: «Окажи мне милость, премудрый, и прими дар из рук моих. Еще я молю тебя отправиться со мною в город, в мой дворец!»

После долгих уговоров мудрец согласился исполнить волю царя и отправиться с ним во дворец. Там царь склонился перед мудрецом и преподнес ему щедрые дары с молитвой: «Пусть Бог дарует мне еще детей, и еще богатства, и еще земель, и пусть дарует Он мне крепкое здоровье»... Не дослушав молитву, мудрец тихонько встал на ноги и зашагал прочь. Смущенный царь бросился за ним: «Премудрый, но ты уходишь, не взяв моих даров!»

Мудрец оглянулся: «Я не принимаю подаяние от нищих. Ты нищий, как ты можешь предлагать мне дары? Разве можно брать у того, кто сам так нуждается? Я уйду, не следуя за мной».

В этом и заключается разница между побирушкой и тем, кто любит Бога. Язык любви не знает просьб о милостыне. Одинаково низменно любить Бога ради спасения души и ради земных милостей. Любят ради любви. Бхакта любит потому, что не может не любить. Когда вы видите прекрасный пейзаж и просто влюбляетесь в него, вы ничего не кланяетесь у пейзажа, и пейзаж ничего с вас не берет. Но вид красоты дарует блаженство уму, покой душе, преображает вас, будто возвышая на миг над вашей бренной природой, и вы испытываете почти божественный экстаз.

Первый угол нашего треугольника и есть эта природа истинной любви. Ничего не просите в обмен на любовь, будьте всегда дарителем сами, отдайте Богу свою любовь, но не ждите от Него ничего взамен.

Второй угол треугольника: любовь не знает страха. Только самые низкие люди, чьи души совсем неразвиты, любят Бога из страха перед Ним. Они почитают Бога, боясь Его кары. Бог в их глазах огромное Существо, которое в одной руке держит кнут, а в другой — скипетр, они боятся, что, если не подчинятся Богу, Он их отстегает. Это низко — поклоняться Богу из страха перед наказанием. Если это вообще позволительно считать поклонением, то поклонение такое — самого низшего разбора. Как может жить любовь в сердце, в котором живет страх? Любовь, естественно, преодолевает все страхи. Вспомните, как ведет себя на улице молодая мать, когда на нее лает собака, она в страхе бросается в первую же подворотню. Но если на другой день она выходит на улицу с ребенком и на ребенка нападает лев — что она делает? Конечно, бросается на льва, защищая свое дитя. Любовь сильнее любого страха. Страх рождается из себялюбивого представления, будто каждый из нас обособлен от вселенной. Чем крохотней и чем эгоистичней я становлюсь, тем сильнее мои страхи. Если человек думает о себе как о слабом и ничтожном существе, его неизбежно охватывает страх, а чем меньше вы думаете о собственной незначительности, тем меньше вы боитесь. Но не может человек по-настоящему любить, пока в его душе тлеет хоть искорка страха. Любовь и страх несовместимы, кто любит Бога, не должен никогда Его бояться. Кто истинно любит Бога, тому смешно предписание — не упоминай всуе имя Господа твоего! Разве плохо упоминать имя Бога, разве может быть кощунство в религии любви? Чем чаще вы упоминаете имя Бога, тем лучше для вас же, как бы вы это ни делали — вы же повторяете Его имя, потому что любите Его!

Третий угол любовного треугольника: любовь не знает соперничества, ибо возлюбленный всегда воплощает в себе высочайший идеал того, кто любит. Не приходит истинная любовь до тех пор, пока предмет нашей любви не становится для нас нашим высочайшим идеалом. Человек часто обращает свою любовь не по назначению, любит недостойного, но тот, кто любит, всегда видит в предмете своей любви свой высочайший идеал. Один может видеть идеал в порочнейшем из существ, другой — в возвышеннейшем из существ, но в любом случае искренне и страстно любить можно только идеал. Бог есть наивысший из идеалов — для невежды и для мудреца, для святого и для грешника, для мужчины и для женщины, для человека образованного и необразованного, культурного или нет — для всех. Синтез всего, что есть красота, возвышенность, сила, составляет наше представление о Боге, полном любви и вызывающем любовь к себе.

Идеал должен обрести какую-то форму в нашем уме. Все активные проявления человеческой природы и есть борения за воплощение идеалов в практических делах. Различные общественные движения тоже есть идеалы, требующие своего конкретного осуществления — рвется наружу то, что находится внутри. Вечно доминирующее воздействие идеала и является той побудительной силой, которую мы постоянно наблюдаем в действиях человечества. Человеку могут потребоваться тысячи жизней и борения на протяжении многих тысяч лет, прежде чем он поймет, что тщетны попытки добиться полного соответствия между внутренним идеалом и внешними обстоятельствами. Осознав это, человек перестает переносить на внешний мир свой внутренний идеал, он чтит его как идеал, чтит наивысшим возможным образом — любовью. Совершенный идеал включает в себя все идеалы низшего порядка. Всякий согласится, что влюбленный видит лик Елены в эфиопке. Постороннему наблюдателю ясно, что это не так, но влюбленный все равно будет видеть прекрасную Елену. Елена ли это, или эфиопка, но предметы нашей любви всегда отражают в себе наши идеалы. Что обыкновенно почитает мир? Не обязательно совершенный идеал истинного влюбленного. Люди чтят тот идеал, который живет в них, каждый переносит в мир собственный идеал и склоняется перед ним. Вот почему мы видим, что жестокие и кровожадные представляют себе и Бога кровожадным, они могут любить только собственный высочайший идеал. Вот почему Бог добрых так прекрасен и так отличен от богов других людей.

БОГ ЛЮБВИ САМ ДОКАЗЫВАЕТ СВОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Как можно представить себе идеального *бхакта*, который оставил далеко позади себялюбие, жажду вознаграждения и который не знает страха? Это человек, способный сказать самому Богу: «Я целиком предаюсь Тебе и ничего от Тебя не хочу. Поистине, нет ничего, что я назвал бы моим».

Идеал человека, пришедшего к этому убеждению, — это совершенная любовь и совершенное бесстрашие любви. Его идеал свободен от ограничивающих частных и деталей, это универсальная любовь, любовь без уз и границ, любовь в чистом виде, абсолютная любовь. Он поклоняется великому идеалу религии любви, он любит абсолютно, не нуждаясь в символах для выражения своего чувства. Это — высочайшая форма парабхакти: поклонение всеобъемлющему идеалу как самоценный акт. Все иные формы бхакти есть лишь промежуточные фазы на пути к достижению этой.

Все наши срывы и все наши обретения на пути религии любви есть выражения нашего стремления к этому идеалу, к его реализации. Любовь обращается на один объект за другим, на каждый переносится внутренний идеал, но постепенно выясняется несоответствие внешних объектов постоянно растущему внутреннему идеалу, и они отвергаются, один за другим. Наконец, бхакта начинает осознавать тщетность реализации идеала через внешние объекты, ибо все они несопоставимы с внутренним идеалом. С течением времени бхакта обретает силу для реализации высочайшего и самого абстрактного идеала в виде абстракции, однако для него эта абстракция жива и реальна. Достигнув этой точки, бхакта больше не нуждается в доказательствах существования Бога, его не интересует, всемогущ и всеведущ ли Бог, или нет. Для него Он есть только Бог любви, высочайший идеал любви, а все остальное его не тревожит. Бог, как любовь, самоочевиден. Влюбленный не нуждается в доказательствах существования Возлюбленного. Боги-судьи других религий нуждаются в убедительных доказательствах того, что они есть, однако бхакта не задумывается о таких богах и представить себе их не может. Для него Бог существует только как Любовь.

Иные полагают, что своекорыстие является единственным побудительным мотивом всей человеческой деятельности. Имеется в виду все та же любовь, но низведенная до уровня частных. Если я полагаю, что понял смысл Универсального, то своекорыстных помыслов во мне не остается, но если я ошибочно считаю себя хоть маленькой, но персоной, моя любовь обращается от общего к частному, что ограничивает ее. Неверно ограничивать сферу

любви. Все сущее — божественного происхождения и потому заслуживает любви, только надо помнить, что любовь к общему включает в себя любовь к частностям. Для бхакты целое — его Бог, а все иные боги, отцы на небесах, владыки или творцы, равно как и все теории, доктрины и священные писания в его глазах не имеют ни ценности, ни смысла: его любовь и преданность возвысились надо всем. Когда сердце исполнилось чистоты и до краев затоплено божественным нектаром любви, все прочие представления о Боге кажутся попросту инфантильными и отвергаются, как таковые. Вот что значит сила пара-бхакти, наивысшей любви: совершенный бхакта больше не ищет Бога ни в храме, ни в церкви, ибо не знает он места, где нет Бога. Для него Бог и в храме, и вне храма, он видит Бога и в святости святого, и в злобности злодея — Бог в своем величии уже поселился в сердце бхакты и все озаряет негасимым светом беспредельной любви.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЖЕСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ ЛЮБВИ

Человеческий язык не в силах выразить природу возвышенного и абсолютного идеала любви. Как бы высоко ни воспаряло человеческое воображение, человек не способен представить себе этот идеал в его беспредельном совершенстве и красоте. И все же последователи религии любви, как в ее высокой, так и в низших формах, во всех странах и во все времена вынуждены использовать ограниченные средства человеческого языка, чтобы обрисовать свой идеал любви. Невыразимую божественную любовь приходится выражать через понятия различных форм любви человеческой. Человеку дано лишь по-человечески воспринимать божественное, мы можем выразить наше восприятие Абсолюта только в относительных терминах нашего языка, поэтому для нас вселенная есть перевод Бесконечного на язык конечного. Бхакту тоже приходится использовать слова, призванные выражать обыкновенную любовь для описания своей любви к Богу.

Некоторые из великих мудрецов, писавших о пара-бхакти, сами прибегали к различным способам, стремясь понять и испытать божественную любовь. Простейший из этих способов они называют *шанта* — покой. Когда человек поклоняется Богу без пылания любви в сердце, без любовного безумия, когда его любовь обыденна и спокойна, она возвышается над формальными и символическими проявлениями, но не поглощает его целиком, тогда это *шанта*. Бывают люди медлительные, бывают стремительные; *шанта-бхакти* — любовь нежных, тихих, неторопливых.

Но выше другой тип любви, *дасья* — служение, когда человек видит в себе слугу Бога и его идеал — это преданность верного слуги своему повелителю.

Еще один тип любви *сакхья* — дружба, «Ты наш возлюбленный друг». Как открывает человек свое сердце другу, веря, что друг не станет бранить его за недостатки, но постарается ему помочь, как настоящая дружба всегда основывается на равенстве, так же равноправны и любовные отношения между бхактой и его другом, Богом.

Бог становится нашим другом, другом, который всегда рядом, другом, которому все можно рассказать. Мы можем раскрыть ему сокровеннейшие тайны наших сердец в полной уверенности, что Он нас поймет и поддержит. Он — друг, и бхакта с Ним на равных, как с другом детства, другом детских игр. Ведь можно же сказать, что мы все играем в этом мире. Маленькие дети — в свои игры, великие правители и воители — в свои, и даже сам Бог играет со вселенной.³¹² Он совершенен, Он ничего не желает. Зачем же Ему понадобилось

³¹² Имеется в виду игра («лила») Бога. В БрС Бадараяны лила определяется как игра, в которой нет цели: так владыка мощного государства может забавляться с куклами; так принцесса иногда хочет занять себя каким-нибудь делом, хотя никакой необходимости в этом нет; так ребенок строит и разрушает замки, не горюя о том, что сначала он строит, а потом разрушает. «[Творческая активность Брахмана] есть всего лишь игра, как мы видим по [нашей] жизни» (БрС Бадараяны, II, 1, 33). Так же комментировали эту сутру и ведантисты: как человек вдыхает и выдыхает без какой-либо цели, поскольку дыхание в его природе, так и Бог от полноты существования создает и разрушает мир.

творить мир? Человек все делает ради удовлетворения своих потребностей, а наличие потребностей предполагает несовершенство. Бог — совершенство и потребностей не имеет. Почему же Он вечно активен и постоянно занят творением? Какова здесь цель? Истории, которые мы выдумываем о том, что Бог сотворил мир ради того или иного, хороши только как занимательные сказки, не более. На самом деле, это Его игра, Он вечно играет и вечно творит, и вся вселенная должна быть для Него игрушкой. Если ты беден — играй в бедность, богат — играй в богатство, с опасностью тоже можно играть, а со счастьем — так и подавно. Весь мир — площадка для наших игр, мы рождаемся, чтобы забавляться на ней, и Бог участвует в наших играх. Он вечный наш товарищ детских игр. И как прекрасны Его забавы! С завершением каждого цикла завершается и одна из Его игр. На некоторое время наступает передышка, затем все снова появляется и затевается новая игра. Беды и несчастья приходят лишь тогда, когда мы забываем, что все это — игра, в которой участвуем и мы с вами. Забыв об этом, мы ощущаем тяжесть в сердце, и мир давит на нас своим невероятным весом. Но стоит отбросить серьезность, вспомнить о краткости и изменчивости жизни, которая есть просто сцена, на которой мы играем, участвуя в божественной игре, и тяжесть исчезает без следа. Бог играет в каждом деле, Он играет, сотворяя земли, солнца, луны, Он играет с человеческими сердцами, с животными, с растениями. Мы с вами — фигуры на Его шахматной доске, Он нами двигает и сбрасывает нас с доски. Он расставляет нас то так, то этак, а мы — сознаем ли мы это или нет — участвуем в Его игре. Какое же это блаженство — быть Господним партнером!

Но можно любить Бога и по-иному: не как нашего Отца, но как Дитя, — этот тип любви известен как *ватсалья*. Возможно, мысль об этом покажется странной, но дело тут в том, чтобы освободить концепцию Бога от всякого представления об авторитарности. Авторитарность вызывает благоговейный страх, но любовь и страх несовместимы. Почитание и послушание необходимы при формировании характера, но когда характер сформирован и когда бхакта уже испытал и тихую, ровную любовь, и любовное безумие, он больше не нуждается в дисциплинирующей этике. Бхакта скажет, что ему безразличен могущественный, величественный, всеславный Бог, Владыка вселенной, Бог богов. Он поклоняется Богу-дитяти, чтобы отделить Бога от устрашающего представления о Его силе. Отец с матерью не испытывают благоговейного страха перед своим ребенком, они не относятся к дитяти с почтением. Им в голову не придет просить его о милостях. Напротив, ребенок всегда получает что-то от родителей, и из любви к ребенку родители готовы сто раз пожертвовать собой. Если бы у них были тысячи жизней, они их все с радостью отдали бы за дитя, поэтому и Бога любят как собственного ребенка. Идея Бога-дитяти возникает и естественно развивается в тех религиозных сектах, которые исповедуют веру в воплощение, в телесное воплощение Бога. Мусульманин не в силах представить себе Бога-дитя, он с ужасом отвергнет саму мысль об этом. Но христиане и индусы воспринимают ее с легкостью, потому что для одних существует младенец Иисус, для других — дитя Кришна. Индийские женщины часто отождествляют себя с матерью Кришны, христианки тоже могут принять мысль о том, что они и есть богородицы, что дало бы Западу столь необходимую для него концепцию божественности материнства. Суеверные страхи, связанные с Богом, очень глубоко укоренились в наших сердцах, и требуются годы, чтобы утопить в любви эти представления о Боге, которые внушают нам благоговение, почтение и приниженность.

Существует еще одно человеческое представление об идеале божественной любви. Оно называется *мадхура* — нежность и является наивысшим из представлений такого рода, поскольку в его основе — высшее проявление земной любви, сильнейшее из всего, что известно человеку. Какая любовь полностью преображает человека, наполняя собой каждый атом его существа, лишая его ума, заставляя обо всем забыть, превращая его в Бога или в дьявола, какая любовь способна на это, кроме любви мужчины и женщины? В этом нежном представлении о божественной любви Бог является нашим супругом. Все мы — женщины, мужчин на свете нет, кроме одного — и это Он, наш божественный Возлюбленный. Вся любовь, которую мужчина отдает женщине, а женщина мужчине, отдается одному Богу!

Все различные проявления любви, известные нам в этом мире, в которые мы в общем-то только играем, по сути, обращены лишь к Богу; но к сожалению, человеку неведом безбрежный океан любви, к которому постоянно стремится могучий любовный поток, поэтому он в невежестве своем старается сделать объектами любви людей, крохотных куколок. Огромной силы любовь к ребенку, естественно присущая человеку, предназначена не маленькому человечку, и, если бездумно и слепо излить ее только на ребенка, то родители неизбежно пострадают от этого. Правда, это страдание поможет вам осознать, что если любовь, наполняющая вас, отдается только человеку, то она не может не стать в результате причиной боли и мук. Наша любовь должна быть обращена к Тому, кто никогда не умирает и никогда не изменяется, чей океан любви не знает ни приливов, ни отливов. Любовь должна быть обращена к тому, для чего она и предназначена, а предназначена она влиться в океан любви, имя которому есть Бог. Все реки текут в моря. Даже капля, сбегаящая по горному склону, не остановит свое движение после того, как соединится с ручьем или рекой, в конечном счете, каждая капля должна влиться в океан. Бог — единственная цель всех наших страстей и чувств. Если вы сердиты, сердитесь на Него, дуйтесь на своего Возлюбленного, на своего Друга. А на кого еще вы можете безнаказанно дуться? Смертный не станет безропотно терпеть ваши капризы, рано или поздно, но он вам ответит тем же. Если вы злитесь на меня, я разозлюсь на вас, ибо я не умею терпеливо выносить вашу злость. Возлюбленному же можно сказать: почему Ты оставил меня, почему я должен страдать в одиночестве?

Чему можно радоваться, если не Ему? Какую радость могут дать комочки праха? Пусть все наши страсти и все чувства будут обращены к Нему. Они и предназначены Ему, ибо если не достигают они назначенной им высоты и обращаются к тому, что ниже, это делает их порочными. Обращаясь же к Богу, самые низменные чувства преобразуются, становясь возвышенными. В чем бы ни выражала себя энергия человеческого тела и ума, единственная точка их устремлений все равно есть Бог. К Нему должны быть обращены все страсти человеческого сердца, ибо Он — единственный Возлюбленный. Он прекраснее и возвышеннее всего, Он — и есть красота, Он и есть высокое величие. Кто во вселенной прекраснее Его? Кто во вселенной может быть лучшим супругом, чем Он? Кто во вселенной заслуживает любви больше, чем Он? Так пусть будет Он Возлюбленным, пусть будет Он супругом.

Но часто влюбленные в Бога воспевают божественную любовь языком любви человеческой во всех ее аспектах и считают, что этот язык может выразить их чувства. Глупцы не понимают этого и никогда не поймут, ибо видят мир только физическим зрением. Им непонятно безумие духовной любви. Откуда? «За один поцелуй Твоих губ, о Возлюбленный! Кого Ты поцеловал, навеки опаляем страстью к Тебе и нет у него иных печалей и ни о чем он не помнит, кроме Тебя!»³¹³

Но подлинный бхакта не останавливается и на этом: даже супружеская любовь не удовлетворяет его страсть, его влечет идея незаконной любви, не в силу ее незаконности, а потому, что в ней еще больше страсти: это ведь любовь, которую препятствия только распаляют. Бхакта отождествляет себя с девушкой, сгорающей от любви, предмет которой не приемлем для ее родителей, но чем больше препятствий встречается на ее пути, тем жарче пылает любовь. Человеческий язык не в силах передать, как пылко был любим Кришна в рощах Вринды, как летели к Нему вечно-благословенные пастушки, услышав Его голос, рвались к Нему, забывая обо всем, о мире и его условностях, о чувстве долга, об иных радостях и скорбях. Человек, о, человек — ты говоришь о божественной любви, не забывая при этом о суетном, так искренен ли ты?

«Там, где Рама, там нет места желаниям; где есть место желаниям, там нет Рамы, как свет и мрак, они никогда не вместе».

³¹³ Здесь и далее пересказ Бхаг. пураны (гл. XXI, XIX, XXX, XXXIV) и других сочинений позднего бхакти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда достигнут высочайший идеал любви, философия больше не нужна. Зачем она? Освобождение, спасение, *нирвана* — ничего не нужно. Кто же захочет освободиться от счастья божественной любви?

«Господи, я не хочу богатства, не хочу друзей, не хочу красоты, не хочу учености, не хочу даже свободы — дай мне родиться снова и снова и будь вечно моей любовью. Будь моей любовью вовеки веков!»

Бхакта вопрошает: «Кому нужно стать сахаром? Я не хочу быть сахаром, ибо хочу чувствовать сладость».³¹⁴

Кто же захочет освободиться и стать единым с Богом?

«Я могу познать, что Он и я едины, но я отдалюсь от Него, чтобы наслаждаться общением с Возлюбленным!»

Так говорит бхакта. Любовь ради самой любви — вот в чем его высшая радость. Кто не согласится на тысячекратное рабство ради общения с Возлюбленным? Бхакта не волнует ничего, кроме любви, он живет, чтобы любить и быть любимым. Его неземная любовь подобна приливной волне, поднимающейся вверх по реке, бхакта идет против течения. Мир зовет его безумцем. Я знаю одного такого человека, который, когда его называли безумцем, отвечал:

«Друзья мои, но ведь безумен мир. Кто утрачивает ум ради земной любви, кто — в погоне за славой, кто — в погоне за деньгами, кто — ради того, чтобы спасти свою душу и после смерти попасть на небеса. И я безумен в этом сумасшедшем доме. Я сошел с ума из любви к Богу. Вы рветесь к деньгам, а я — к Богу. И вы безумны, и я безумен, но мне кажется, что мое безумство лучше».³¹⁵

Любовь истинного бхакты безумна, все остальное меркнет перед ней, все другое перестает для него существовать. В его глазах вселенная полна любви и только любви. Человек, в такой степени переполненный любовью, вечно блажен и вечно счастлив. Блаженное безумие божественной любви одно только и может исцелять пороки нашего мира. Нет для бхакты желаний, значит нет в нем и себялюбия. Он приблизился к Богу и отбросил все суетное, что раньше наполняло его.

Мы все должны вступать в религию любви, как дуалисты. Бог для нас — Существо особое, и мы чувствуем свою отделенность от Него. Но по мере того, как нас заполняет любовь, мы начинаем приближаться к Богу. Бог становится ближе к нам. Человек переносит на свой идеал любви, на Бога, те формы изъяснения любви, которые ему привычны в жизни: любовь материнскую, отцовскую, сыновнюю, дружескую, преданность повелителю,

³¹⁴ Здесь излагается различие в осмыслении «освобождения» двумя направлениями веданты. «Стать сахаром» сопоставимо с адвайтистским пониманием единения с Наивысшим: согласно адвайте Шанкары, когда Атман осознает свое единство с Брахманом, исчезает множественность мира предметов и явлений, происходит своего рода «исчезновение индивидуума». В учении вишишта-адвайты Рамануджи иное понимание единения человека с Богом: сознание «Я» здесь сохранено, человек находится вблизи Бога, он «отогревается» подобно тому, как отогревается замерзший человек, подошедший к жарко горящему костру. Он вкушает блаженство общения с Богом, он уподобляется Богу, но не сливается с ним: так раскаленный металлический стержень горяч только потому, что его держат в огне. Давно уже высказывалось мнение, что взгляды Шанкары были слишком «резкими» для широких масс, тогда как учение Рамануджи обладало большей притягательностью. Брахман Шанкары, говорил, например, С.Радхакришнан, слишком абстрактен, холоден и далек, тогда как Ишвара Рамакришны более доступен и человечен. Вивекананда приводит здесь высказывание Шри Рампрасада, часто повторяемое Рамакришной, не называя его имени: «Кому нужно стать сахаром? Я не хочу быть сахаром, ибо хочу чувствовать сладость сахара» (*Мюллер М. Шри Рамакришна Парамананда. Его жизнь и учение. М., 1913, с. 69*).

³¹⁵ Это высказывание традиция приписывает добродетельной индусской женщине, обучавшей Рамакришну.

влюбленность. Для бхакты Бог существует в каждом из проявлений любви, но потом он достигает самой высокой точки, откуда видит себя в совершенной слитности с предметом своей любви. Мы все начинаем с любви к самим себе и наше себялюбие делает себялюбивой даже нашу любовь к другим. Но наконец мы видим яркий свет и осознаем, что наше крохотное «я» соединилось с Бесконечным. Человек преобразился перед этим Сиянием любви и осознал прекрасную и вдохновляющую истину: любовь, влюбленный и Возлюбленный — едины.

ГЛОССАРИЙ³¹⁶

- абхава* — отсутствие, отрицание; небытие, пустота.
- авидья* (аджняна) — «незнание», заблуждение, заставляющее человека не осознавать свою изначальную связь с Параматманом, Высшим Началом.
- акаша* — пространство, небо, эфир.
- антарьямин* — внутренний контролер, высшее духовное начало в человеке.
- антахкарана* — внутренний «инструмент» человека; состоит из разума (буддхи), эго (ахамкара), ума (манас). Иногда под антахкараной понимается только буддхи или только манас.
- ану* — атом; предельно малая единица вещества.
- анумана* — вывод, силлогизм.
- апариграха* — нестяжательство.
- артха* — цель, объект; значение; богатство. Входит в так называемую «чатурваргу» — комплекс жизненных установок человека (дхарма, арtha, кама и мокша), соответственно: следование нормам добродетельной жизни; стремление к житейскому благополучию; наслаждение чувственными радостями; познание Наивысшего.
- асат* — небытие, несуществование; неистинное, нереальное.
- астея* — неворовство.
- Атман* — дух, душа, «Я». Если отождествляется (как в адвайте) с Брахманом, тогда понимается как сам Брахман, его коррелят, индивидуальный аспект.
- ахамкара* — эго, внутреннее «Я» человека; его осознание самого себя как индивидуальности.
- ахимса* — непричинение вреда, воздержание от насилия.
- Брахман* — всепроникающий, всеобъемлющий Высший Дух, Абсолют. Согласно вишишта-адвайте и другим теистическим учениям — личный Бог.
- буддхи* — разум; знание, познание. В санкхье, йоге и веданте понимается как онтологическая категория.
- вайдика* — ведический.
- вайрагья* — отрешение, удаление от мира.
- васана* — впечатление, остаток, след.
- вивека* — различение; в йоге и санкхье — осознание пуруши (Духа) как отличного от пракрити (материи).
- виджняна* — сознание; иногда — как синоним буддхи; знание свойств эмпирического, «проявленного» мира.
- видхи* — правило, закон, норма; этическая максима.
- видья* — знание; образование, обучение; осознание Наивысшего.
- вритти* — поток, «вихрь» бытия.
- вьявахара, вьявахарика* — то, что принадлежит эмпирическому миру; эмпирическая реальность; то, что по своей сути не является истинным, но общезначимо; дело, действие,

активность.

вьяпти — основное связующее звено между звеньями в силлогизме.

гуна — в йоге и санкхье — аспекты пракрити; в других системах — качество, свойство.

даршана — «видение», «схватывание оком»; философская система.

джива — душа в ее эмпирическом проявлении: человек или другое существо, в котором соединено вечное, истинное, непреходящее (Атман) с невечным, неистинным, преходящим (телом, природным естеством).

джняна — знание; познание.

дуккха — страдание, несчастье.

дхарана — «удерживание», приостановление потока впечатлений в йоге и санкхье.

дхарма — то, что поддерживает; добродетель; комплекс правовых, моральных и других норм, определяющих добродетельность человека, соответствие его образа жизни высшему нравственному закону. Входит в так называемую «чатурваргу».

дхьяна — сосредоточение, медитация.

индрии — в йоге и санкхье — способности восприятия и действия (органы слышания, видения, вкушения, осязания, обоняния, «работы», речи, ходьбы, испражнения, размножения и ум (манас) как синтезатор чувств и действий).

Ишвара — личный Бог.

кайвалья — «отъединенность»; в санкхье — осознание независимого существования пуруши (Духа) и пракрити (материи), то есть достижение Высшего познания.

кама — установка на чувственное удовольствие, наслаждение; входит в так называемую «чатурваргу».

лакшана — знак, характеристика; определение.

майя — «иллюзия», скрывающая истинную реальность (в адвайте). Иногда синоним авидьи.

манас — ум как материальная субстанция.

марга — путь, способ; часто как синоним йоги в смысле пути познания Наивысшего.

махабхуты — первоэлементы; число их варьируется от трех до пяти.

махат — интеллект; в санкхье и йоге — синоним буддхи.

мокиша, или мукти, — «освобождение», «спасение», высшая жизненная цель; входит в так называемую «чатурваргу» как последняя и наивысшая ступень.

нама-рупа — имя и форма; в буддизме — физическое и психическое.

нивритти — поток жизнесуществования, направленный на его свертывание, прекращение.

нирвана — в буддизме «спасение», «освобождение».

нияма — обеты; предписания, исполнение которых добровольно накладывает на себя верующий.

Параматман — Высший Дух, Абсолют.

параматрха — высшее, конечное, абсолютное; в адвайте — Высшая Реальность, Брахман.

правритти — поток жизнесуществования, направленный на «проявление», разворачивание человека в мире.

прадхана — первичное; то, что является основанием; употребляется как синоним пракрити.

пракрити — в санкхье понимается как независимая сущность, наделенная способностью к модификациям. В адвайте — синоним майи.

прана — жизнь, жизненный принцип.

пратибхасика — кажущееся, обманчиво видимое или воспринимаемое. Отличается от вьявахарики тем, что не является общезначимым.

пратьякша — восприятие, в первую очередь чувственное.

пратьяхара — в йоге и санкхье — удержание органов чувств от воздействия на них

объектов внешнего мира.

пуруша — в санкхье и йоге — Дух, Чистое сознание, не обладающее характеристиками деятеля, лишённое движения и способности к модификациям.

самадхи — завершающая ступень йогической практики, достижение видения истинной сути мира.

самсара — переселение душ, перерождение.

самскара — след, отпечаток, предрасположенность; инстинкт, прирожденные свойства.

сат — бытие, существование, реальность; истина.

свабхава — прирожденные свойства и качества, определяющие ту или иную материальную сущность или явление в природном мире.

свадхарма — «своя», прирожденная дхарма человека, определяемая его местом в иерархически организованном индийском обществе.

сиддханта — вывод, заключение.

спхота — «вечный» звук.

стхула шарира — «грубое», видимое тело живого существа.

сукшма шарира — «тонкое» тело, составленное чаще всего из тонких элементов (танматр), а также органов познания и действия.

сушумна — в йоге центральный канал, с помощью которого достигается приостановление потока внешних впечатлений.

танматры — пять объектов восприятия (формы, звуки, соприкосновения, восприятия и запахи).

танха — в буддизме жажда, влечение.

тапас — жар, зной, накал, космический жар; аскетическое усилие.

чит — сознание.

читта — у Вивекананды ум, субстрат мысли. В йоге обычно отождествляется с антахкараной; иногда отождествляется с буддхи, махатом.

шабда — звук, слово.

шуньята — в буддизме — «вселенская пустота», отсутствие существования ее реального субстрата, изменчивость мира.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александр Македонский 500

Арнольд Э. 85, 330, 490

Бадараяна 489, 508, 512, *см. также Вьяса*

Бентам И. 495

Бербанк Л. 17

Блаватская Е.П. 494

Бхартрихари 490

Бходжа 433, 507

Вивекананда Свами (Нарендра-натх Датта) 5-34, 485, 487, 488, 490–492, 494, 496–502, 505, 506

Вьяса 88, 89, 430, 433, 437, 489–491, 508

Ганди М.К. 8, 35, 490

Гаудапада 24

Гаханананда 7

Гегель Г.В.Ф. 502

Готама 491

Гудвин Дж. 17
Гупта М. 490
Гхош Ауробиндо 22, 33, 35

Дарвин Ч. 264, 500
Датта А.К. 492
Датта В. 9
Даянанда 32, 502
Дейссен П. 9, 394, 505
Демокрит 506
Джанака Видеха 89, 491
Джаядева 491, 511
Дэви Х. 137, 138, 494
Дэвис Б. 17

Ингерсолл Р.Г. 504
Ишервуд Х. 17

Калидаса 488
Кант И. 9, 176, 505, 510
Капила 369, 438, 496
Карлейль Т. 10
Конт О. 453, 497, 510
Конфуций 256, 499
Кэрролл Л. 28

Мадхва (Мадхвачарья) 23, 435, 508
Махавира Вардхамана 490
Мегасфен 500
Менухин И. 17
Милль Дж. Ст. 9, 179, 496, 497
Мирбаи 511
Мухаммед 163, 164, 361, 471, 495
Мюллер М. 394, 490, 497, 505, 512

Нагараджуна 499
Нанак 511
Неарх 500
Неру Дж. 35, 490
Николай Кузанский 33
Ньютон И. 30, 40

Олкотт Г.С. 494
Онесикрит 500

Панини 489
Патанджали 20, 114, 173, 186, 195, 197, 198, 202, 213, 216, 241–243, 249, 433, 487, 492, 493, 512
Платон 317
Плотин 33

Радхакришнан С. 33, 35, 512

Рай Р.М. 32, 502
Райт Г. 14
Рамакришна Парамахамса 10–13, 17–19, 444, 490, 494, 496, 506, 509, 510
Рамануджа 23, 433, 452, 456, 507, 508, 510–512
Рампрасад 512
Роллан Р. 5, 13, 17, 19, 23, 36, 490

Санборн К.Э. 14
Сарадананда 490
Свапнешвара 433
Севье 19
Сен К.Ч. 502
Сил Б. 10
Спенсер Г. 9, 497
Страбон 500

Тагор Р. 5
Теннисон А. 10
Тилак Б.Г. 35
Тиндаль Дж. 264, 379, 500
Толстой Л. 490, 492
Торо Г.Д. 16
Тулси Дас 455, 511

Уордсворт У. 10

Франциск Ассизский 509

Хаксли Т.Г. 264, 379, 500

Чайтанья 511
Чандрагупта 500
Чаттерджи С. 28

Шандилья 430, 433, 507
Шанкара (Шанкарачарья) 23–25, 28, 30, 31, 33, 127, 275, 316, 317, 320, 432, 437, 452, 453, 456, 493, 501, 505, 507–509, 511, 512
Шелли П.Б. 10
Шопенгауэр А. 9, 309, 310, 503, 505

Эзоп 326
Эмерсон Р.У. 16

Юм Д. 9

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абсолют (Бог, Бесконечное) 173–177, 283, 284, 309–320
Аватара 509
Авьакта 186, 215
Адвайта 24, 25, 32, 315, 316, 318, 401, 402, 493
Акаша 134, 135, 236, 513

Антахкарана 180, 449, 513
Анумана 181, 513
Апариграха 168, 513
Апта 182
Аптавакья 181
Аришта 233
Артха 166, 513
Асампраджнята самадхи 185, 187
Асана 126, 169, 226
Аскетизм 225, 226, 241
Асмита 244
Астея 168, 513
Атман 266, 267, 340, 390, 394–411, 513
Ахамкара 271, 514
Ахара 456
Ахимса 168, 458, 514

Бескорыстие 162
Бессмертие 385–393
Бог 173–177, 189, 254, 270, 290, 311, 312, 403
— бог во всем 321–329 *см. также Абсолют*
Брахмалока 353, 416, 457
Брахман 354, 388, 409, 436, 453, 514
Брахмачарья 168
Буддизм 316, 417, 418
Буддхи 178, 206, 215, 514
Бхакти 430–434, 452
Бхакти-йога 430, 455, 461, 466, 506

Вада 204
Вайрагья 96, 184, 185, 514
Веданта 282–284, 286, 295, 307, 322, 325, 328, 340, 341, 361, 395, 399–401, 417
Веды 30, 357, 394, 395, 490, 496
Вера 336
Викальпа 183
Вишишта-адвайта 33, 453
Время, пространство, причинность 313
Вритти 171, 178, 179
Вселенная 371, 373, 412, 419
Вьяпти 91, 514

Гуны 236, 246, 514
Гуру 9, 440–446

Двайта 33
Деваяна 417
Джайнизм (джайны) 86, 490
Дживанмукты 356
Джняна 166, 514
Джняна-йога 354, 460, 466, 487, 497
Добро и зло 79–81, 86, 347, 350, 351
Долг 47, 67–73

Дуализм 318, 319, 359, 364, 366, 395–499, 506
Душа 362, 363, 390, 391, 392, 413, 415, 416
Дхарана 126, 157, 158, 170, 197, 229, 514
Дхарма-мегха 248
Дхьяна 126, 165, 166, 170, 229, 515
Дэвы 289, 291, 494

Единство 351–356

Зло 348, 349

Знание 39, 40, 58, 181, 182, 187, 199
— и опыт 116–119

Ида — *см.* Пингала и ида

Идеал 50

Индивидуальность 268, 269

Индрии 60, 170, 390

Индуизм 498

Интеллект 216–218

Истина 5, 6, 272–274, 365

Ишвара 189, 515

Ишвара-пранидхана 169

Ишта-ништха 454

Кайвалья 238, 239, 249, 515

Кайя-вьюха 243, 244

Карма 29, 39–42, 91, 95, 96, 233, 485

— и характер человека 39–45, 46

Карма-йога 48, 66, 96, 461, 485, 488

— и ее идеал 102–110

Крия-йога 204

Кумбхака 227

Кундалини 145, 146, 148, 149

Ли́ла 501

Любовь 473–476

— божественный идеал любви 477–483

Ма́йя 11, 26–28, 214, 247, 278–288, 294, 515

— и свобода 300–308

Макрокосм 368–374

Мамата 271

Манас 206, 215, 515

Мантры 449, 495

Материализм 318

Махат 215, 450, 515

Микрокосм 374–384

Мокша 29, 90, 515

Мукти 452

Нама-рупа 449, 515

Невежество 205, 206

Недуализм 419, 421
Непротивление злу 47-49
Нети, нети 94
Нивритти 85, 291, 515
Нирвикальпа 230
Нирвитарка 186, 200
Нирвичара 186
Нияма 126, 169, 223, 515
Ньяя 499

Оджас 153
Ом 169, 170, 191–193, 449–451, 494
Опыт 385
Отвращение 207
Отрешенность 96, 97, 185, 238

Память 183
Пара-бхакти 462–465, 467, 472
Переселение душ 378-384
Пингала и ида 145, 196
Питрияна 417
Пища 456
Правритти 85, 291
Прадхана 200, 516
Пракрити 200, 235, 485, 516
Практическая веданта 34, 35
Прана 126, 134–141, 169, 195, 226, 516
Пранаяма 126, 135–139, 150, 169, 226
Пратибха 234
Практики 451, 452
Пратимы 451, 452
Пратьякша 181, 516
Пратьяхара 126, 154–157, 170, 227, 516
Предрассудок 365
Привязанность 207
Природа 62, 219, 220, 315, 369
Пурака 170
Пуруша 124, 178, 214, 485, 516

Равенство 106, 107
Раджа-йога 118, 119, 121, 122, 142, 144, 149, 461
Раджас 46, 179, 185, 215
Расаяна 240, 241, 497
Реальность 293, 315
Реинкарнация 208
Религия 74, 117, 172, 251–260, 305, 315, 321, 322, 337, 446
— универсальная 32, 318
Речака 170
Риши 117, 200, 201, 253

Савитарка 185, 186, 199
Савичара 186

Сакхья 478
Самадхи 126, 143, 161, 167, 185, 197, 229, 230, 516 *см. также* Сосредоточение,
Медитация
Самана 236
Самообладание 89
Самоотречение 460, 470
Самопожертвование 84
Сампраджнята самадхи 185
Самсара 409, 516
Самскара 59, 60, 183, 192, 209, 516
Самьяма 165, 229, 232
Сананда 186
Санкхья 46, 123, 124, 188, 215, 217, 485, 493
Сантоша 169
Саньяси 19, 50, 55, 491
Сасмита 187
Саттва 46, 180, 185, 215, 225
Саттва-гуна 169
Саттвики 100
Сат-чит-ананда (существование-знание-блаженство) 63, 360, 361, 377, 516
Сатья 458
Свадхья 169
Сварги 346
Свобода 91-104, 305-308
Семьянин 50-54
Сиддханта 204
Сиддхи 234, 240-241
Смрити — *см.* Память
Сознание 388, 389
Сон 183
Сосредоточение 120, 185, 188, 194, 229–239, 241
Спхота 450, 516
Страдание 105, 120
Супружеская верность 70, 71
Сушумна 145, 196, 517
Счастье 105

Тамас 46, 159, 179, 185, 215
Танматры 186, 211, 517
Тапас 169, 517
Теософия 15, 494
Труд бескорыстный 42, 43, 62, 64, 108
— идеал труда 44, 45
— без привязанности к труду 59
Туги-разбойники 67, 488
«Ты есть то» 359, 392, 429

Удана 236
Удгхата 227
Ум 246–248, 414, 415
Ум-читта 168
Упанишады 30, 316, 342, 353, 357–359, 486

Утилитаризм 495

Фанатизм, фанатики 79–80, 297, 298, 431, 457

Философия 339

Хатха-йога 127, 493

«Хранилище поступков» 210

Целители духовные (faith-healers) 140

Цепляние за жизнь 207

Чарваки 296, 499, 502

Читта 178, 179, 186, 199, 206, 227, 231, 390, 517

Читта-вритти 208, 209, 449

Шабда 166, 517

Шауча 169

Шишья 441

Эволюция 386

Эгоизм 206, 207, 243

Этика 255, 270

Эфир 187, 188, 276, 277, 501

Яма 126, 168, 222, 223

Комментарии

1

Список сокращений

Айт. уп. — Айтарея упанишада.

Брих. уп. — Брихадараньяка упанишада.

Иша уп. — Иша упанишада.

Каушит. уп. — Каушитаки упанишада.

Катха уп. — Катха упанишада.

Майтри уп. — Майтри упанишада.

Манд. уп. — Мандукья упанишада.

Мунд. уп. — Мундака упанишада.

Праш. уп. — Прашна упанишада.

Тайт. уп. — Тайттирия упанишада.

Чхан. уп. — Чхандогья упанишада.

Швет. уп. — Шветашватара упанишада.

РВ — Ригведа.

Шат. брахмана — Шатапатха брахмана.

Бхаг. пурана — Бхагавата пурана.

Мбх. — Махабхарата.

БрС — Брахма сутры Бадараяны.

Бхг. — Бхагавад-Гита.

БрСБ Шанкары — Брахма сутра бхашья Шанкары.

БрСБ Рамануджи — Брахма сутра бхашья Рамануджи.

ВЧ — Вивекачудамани Шанкары.
ЗМ — Законы Ману.
Исх — Исход.
Ин — Евангелие от Иоанна.
Лк — Евангелие от Луки.
Мф — Евангелие от Матфея.
Деян — Деяния святых апостолов.
Рим — Послание к Римлянам.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

